НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт социологии

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 6

Минск
«Беларуская навука»
2015

УДК 316.42(476)(082)

В сборнике представлены статьи ведущих белорусских, российских и украинских социологов, посвященные актуальным проблемам развития белорусского, российского и украинского обществ, социальной теории, методологии и методикам социологических исследований.

«Социологический альманах» рассчитан на студентов, аспирантов, профессиональных социологов, а также читательскую аудиторию, интересующуюся современным социальным развитием Беларуси.

Редакционная коллегия:

И. В. Котляров (главный редактор),
В. Л. Абушенко (зам. главного редактора),
М. И. Артюхин, Е. М. Бабосов (зам. главного редактора),
Н. А. Барановский, В. А. Ильин, В. В. Кириенко,
В. А. Клименко, А. А. Коваленя, Н. Е. Лихачев,
Ю. М. Резник, Н. М. Римашевская, В. И. Русецкая,
Р. А. Смирнова, Г. Н. Соколова (зам. главного редактора),
С. А. Шавель, Е. В. Мартищенкова (отв. секретарь)

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Д. Г. Ротман
доктор философских наук, профессор Я. С. Яскевич

© Институт социологии НАН Беларуси, 2015
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская навука», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора

Котляров И. В. Социология: по ту сторону зеркала 6

Политическая социология

Котляров И. В. Лидерство в историческом нарративе (социологический дискурс) 16
Шавель С. А. Социальная атрибуция целей дальнейшей консолидации Союзного государства Беларуси и России 44
Барановский Н. А. Социодинамика и перспективы развития политической системы современного белорусского общества 54
Храмцова Ф. И. Социальный иммунитет молодежи как фактор национальной безопасности Республики Беларусь 65
Бабосова Е. С. Повышение значимости государственной молодежной политики в политической социализации юношества 77
Жуленева О. В. Статистическая инвариантность как критерий достижения эквивалентности данных кросс-национальных исследований (на примере шкалы социального и политического доверия в европейском социальном исследовании) 84
Смирнов В. Э. Еще раз о классах: марксистский подход сегодня 97

Социальная экология. Социология миграции

Титаренко Л. Г. Типы экологического поведения: Homo ecologus vs. Homo consumer 105
Смирнова Р. А. Белорусская провинция как объект социологического анализа 116
Артюхин М. И., Пушкевич С. А. Основные проблемы миграции населения Республики Беларусь: социологический анализ 126
Титова Т. П. Высококвалифицированные специалисты как категория трудовых мигрантов: проблемы определения в селективной иммиграционной политике зарубежных стран 142
Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Проблемы трансформации демографических институтов: семья и брак 151
Денисов А. Ю. Специфика и значение репродуктивного поведения городского населения Беларуси 165
Борисевич Н. Я., Горанская Е. И. Информационно-психологическая безопасность населения в условиях радиоактивного загрязнения территорий 172
Мартищенкова Е. В. Перспективы возрождения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий (по оценкам жителей загрязненных районов) 182

Социология культуры

Бабосов Е. М. Альтруизм – специфический способ реализации человекомерности социального бытия 192
Проказина Н. В. Историческая память о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России 202
Лашук И. В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия 210

Моисеенко В. Г. Традиции и ритуалы в контексте формирования патриотических ценностей у военнослужащих 221
Балич Н. Л. Религиозная идентичность в культуре современного общества 234
Сосновская Н. А. Толерантность и ее проявление в общественном сознании населения Беларуси 244
Ширко О. А. PR-аспект в вопросах актуализации роли православных традиций в современном обществе 253
Смыкова Е. Ю. Особенности функционирования музеев в Республике Беларусь (по оценкам экспертов) 261
Харитонов И. Н. Белорусская нация и национальная идентичность в контексте аксиологического подхода 269
Комаровский А. В. Исследовательские программы в социологическом изучении культуры 275
Абушенко В. Л. Понятие человеко(раз)мерности в культурсоциологии М. К. Петрова 283
Эйдлин Ф. Метод проблем против метода предметов 296

Социология науки и образования

Егерев С. В., Захарова С. А. Краудсординг в науке 311
Александрова О. А., Ненахова Ю. С. Дошкольное образование в типичном российском городе 323
Юревич М. А. Государственное стимулирование трансфера технологий в России 336
Леонидова Г. В. Теоретико-методологические основы исследования интеллектуального потенциала населения 349
Костюкевич С. В. Современная инновационная стратегия: пример Ирландии 362
Шарый И. Н. Основные этапы формирования государственной молодежной политики в сфере науки Республики Беларусь 369
Щурок Э. М. Современное состояние профессионального самочувствия молодых ученых НАН Беларуси: социологический анализ 380
Антонова Т. А. Гендерные особенности кадрового состава науки Республики Беларусь 388
Ворошень О. Г. Профессиональная идентичность аспирантов: эмоционально-оценочный аспект 396
Байдачная А. В. Социальные проблемы становления и развития венчурной инфраструктуры 405

Экономическая социология

Соколова Г. Н. Состояние и использование человеческого капитала в Республике Беларусь 412
Ивашиненко Н. Н., Теодорович М. Л. Разработка мониторинга конкуренции на муниципальном уровне 428
Таранова Е. В. Факторы трудовой мотивации белорусов 436
Мартинкевич А. В. Методологические основания изучения инфорсмента в трудовой сфере 445
Андрос И. А. Особенности становления предпринимательской активности в дореволюционной России: историко-социологический анализ 450

Социология социальной сферы и образа жизни

Кузьменко Т. В. Представления о «норме жизни» и достатке жителей города и села: сравнительный анализ 457
Галич Л. П. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью белорусов и россиян 465
Шабунова А. А., Морев М. В. Разработка методологического подхода к изучению социального здоровья как индикатора общественного развития 473

Пацеева А. Г. Особенности институционального уровня профессиональной культуры врача, формирующиеся под воздействием факторов внешней среды 490
Рысюкевич Н. С. Сражение по законам Аватара, или командное лидерство в современном спорте 499
Лукашова О. Г. Правовые знания как компонент правовой культуры в оценках студенческой молодежи Беларуси 510
Яковлева Н. И. Особенности социологического изучения системы социального страхования 518
Пилипенко Е. В. Модели потребления спиртных напитков среди учащейся молодежи 526
Бойко Н. Л. Интернет-активность в современных украинских реалиях 534
Фаблинова О. Н. Поведение в Интернете как объект изучения социальных наук 543
Подвальская В. С. Социологические подходы к изучению рекламы: сущность и особенности 550

К 75-летию со дня рождения основателя белорусской научной школы науковедения доктора социологических наук Геннадия Александровича Несветайлова

Артюхин М. И. История формирования и этапы развития белорусской науковедческой школы 557

Научная жизнь

Обзор международной научно-практической конференции «Наука и общество: история и современность», прошедшей в г. Минске 16–17 октября 2014 г. *(М. И. Артюхин)* 561
Обзор международной научно-практической конференции «Социальное пространство Интернета: перспективы экономсоциологических исследований», прошедшей в г. Минске 21 ноября 2014 г. *(Н. Н. Сечко)* 565

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

УДК 316.654:316.1(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,

доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОЛОГИЯ: ПО ТУ СТОРОНУ ЗЕРКАЛА

Показана роль социологии в жизни современного белорусского общества, проанализированы основные задачи, которые должна решать социология в современных условиях, ее возможности в решении конкретных проблем белорусского общества.

Ключевые слова: Беларусь, социология, общественное мнение, Институт социологии, социологические исследования, решение социальных проблем, развитие и перспективы.

Социология на Западе считается одной из самых важных и нужных профессий. Сегодня не осталось ни одной сферы человеческой деятельности, которая не пользовалась бы услугами социологов. Это не удивительно, так как эффективное развитие практически всех отраслей производств и знания практически не реально без социологии. В последние годы роль и значение этой дисциплины постоянно возрастают. Причины столь быстрого развития и роста популярности социологии вполне понятны и объяснимы. В условиях кризисов и неопределенности, рисков и вызовов, бифуркации и турбулентности люди желают знать как можно больше и о самих себе, и об окружающем их мире. Рыночные отношения и терроризм, «оранжевые» революции и выборы, возрождение фашизма и взаимодействие различных общественных сил – все это требует глубокого изучения, анализа и переосмысления. Важные шаги в политике или бизнесе не могут быть предприняты без проведения масштабных социологических исследований. И это правильно, так как ни одна крупная политическая или производственная задача – победа на парламентских или президентских выборах, строительство атомной электростанции или перекрытие реки – не может быть решена без поддержки широких народных масс. Может ли политик создать эффективную структуру, провести успешные ребрендинг и хедхантинг, если не будет знать общественного мнения и механизмов целенаправленного воздействия на него? Конечно, нет.

Все это относится и к Беларуси. В последние годы в нашей стране происходит становление новой социологии, социально активной, подталкивающей к реальным действиям, опирающейся на конкретные жизненные факты, осваивающей принципиально новые, современные подходы и методы, изучающей наиболее сложные процессы меняющейся социальной реальности

и формирующей на этой основе новые научные концепции и парадигмы, а также механизмы конкретных социальных действий.

Жизнь постоянно ставит перед социологией новые задачи. Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко, выступая на встрече с научной общественностью в марте прошлого года, достаточно отчетливо поставил перед академической социологией принципиально новые задачи. Социология, оправдывая доверие и сохраняя имидж, способность к постоянному развитию и движению вперед, возможности привлекать новые силы и ресурсы, должна в сложнейших условиях подставить государству плечо. Это одна из самых главных задач национальной социологии на современном этане развития белорусского общества.

В классической науке существует мнение, что социология является своеобразным зеркалом, отражающим процессы и явления, происходящие в обществе. Но она должна только объяснять их и не вмешиваться в реальную жизнь. Но с этим очень трудно согласиться.

Социологи живут в своей стране и ответственны вместе со всем народом за ее настоящее и будущее. В силу своей деятельности они постоянно находятся в гуще событий, каждый день изучают сложнейшие проблемы и ради лучшего будущего государства обязаны находить и предлагать механизмы и инструменты их решения. Следует особо подчеркнуть, что настоящий социолог должен предлагать свои знания и умения не только в распоряжение государства, но и общества – это именно то, что один из самых известных социологов современности Майкл Буравой называет публичной социологией.

Не стоит говорить за «весь мир», но, по крайней мере, в Беларуси социология постепенно становится фундаментально ориентированной. Президент Беларуси неоднократно подчеркивал, что наука должна работать прежде всего на результат. Это касается фундаментальной науки в целом и социологии в частности. Фундаментальная наука – самое эффективное вложение сил, способностей и денег. Сэр Майкл Фарадей, открыв два закона электролиза и закон магнитной индукции, а это лишь небольшая часть его вклада в науку, полностью оправдал все материальные вложения в фундаментальную науку на несколько тысячелетий вперед. И сегодня фундаментальная наука должна производить новые знания, а народное хозяйство будет их использовать. И вложения окупятся, конечно, не сегодня, но завтра или послезавтра обязательно. Это касается и социологии.

Или другой пример. Сегодня немногие в стране понимают, что такое гражданское общество, его смысл, функции, назначение. Этим пользуются деструктивные силы, используя, как на Майдане, модель «гражданское общество против государства». Строго научное исследование и конкретные рекомендации помогут сохранить большое количество материальных и духовных ресурсов, стабильность и порядок в белорусском обществе.

Социологию часто критикуют за то, что она, в принципе, не является наукой вообще, тем более теоретической, фундаментальной. Это совершенно не

соответствует действительности. Социология как теоретическая наука имеет свою систему основных законов, свой категориальный аппарат, при помощи которых изучает общество, раскрывая внутренние механизмы его строения и развития его структур; закономерности социальных действий и массового поведения людей, отношения между личностью и обществом. Но как любая другая гуманитарная наука, она может и должна иметь дело с эмпирическими исследованиями, различными описательными процессами и действиями. Социология способна изучать и анализировать принципы и нормы, которые регулируют общественные отношения в рамках существующей социальной реальности, придавая им упорядоченность. Она исследует восприятие социальной реальности, систему базовых знаний и принципов, чувств и переживаний, оценок и стереотипов поведения, установок и ценностных ориентаций, традиций и мифов, символов и обычаев, политического, социального и исторического опыта. Социология может предлагать или отвергать (что она и делает) проекты практического воплощения желаний и потребностей людей в жизнь и сравнивать существующие условия с идеальными. Поиск и определение реальных взаимоотношений и взаимосвязей между параметрами и характеристиками различных социальных явлений – это начало сложного пути к созданию теоретических моделей и проектов «неизбежно упрощенных» образов реальности, но в то же время делающих ее более понятной и предсказуемой. Таким образом, главное, что должна делать социология – это формулировать обобщенные объяснительные принципы (объяснять, а не просто описывать) организованных в модели глубинных процессов, обусловливающих развитие объективной реальности, выдвигать гипотезы, подтверждать или опровергать их, создавать теории, показывать, каким образом конкретные условия детерминируют конкретные результаты, как на эти процессы влияют субъективные действия людей. Эти обобщенные результаты и составляют суть социологической науки.

Как показывает жизнь, в современной социологии достаточно часто наблюдается разрыв теории и практики, отрыв науки от реальности. Анализ социологических исследований, осмысление полученных результатов заменяется добросовестным описанием с применением схем, таблиц, графиков, диаграмм. Причем многие социологи не претендуют ни на широкие научные обобщения и выводы, без которых не реально дальнейшее развитие социологической науки, ни на конкретные рекомендации, которые будут внедряться в жизнь. Иногда исследования ведутся так долго, что забывается, для решения каких задач они предназначались. В стране экономический кризис, падает качество жизни и растут цены, а ученые рапортуют о стабильном и устойчивом общественном развитии. Возникает вопрос: почему? Один из белорусских социологов достаточно просто и ясно объяснил: мы три года собираем информацию, четвертый год ее обрабатываем, пятый – делаем выводы. К тому времени и информация устаревает, и выводы становятся никому не нужными. Потом удивляются: почему социология часто оказывается невостребованной.

Отсюда вытекают еще два свойства современной социологии, детерминированные временем и обществом: мобильность и оперативность. Мобильность обусловлена постоянным перемещением людей и предметов, общественными бифуркациями и рисками, множественностью и беспорядочностью границ явлений и смыслов. Оперативность детерминирует требование жизни не отстать от горизонтальных и вертикальных перемещений, найти ответы на поставленные вопросы как можно раньше, а не через три-четыре года, пытаться спрогнозировать ситуацию, а не бить по хвостам.

Однако, несмотря на все проблемы, усилиями профессионалов социология постепенно становится эффективной информационно-аналитической наукой. Наличие качественной информации, ее эффективное использование всегда было важным показателем научно-технического и социально-экономического развития любого государства. Получение, распределение и использование информации для удовлетворения социальных потребностей членов общества, для выработки единственно правильных управленческих решений является одной из важнейших задач и современной социологии. Только прекрасное знание и строго научный анализ мнений людей способны дать необходимые конечные результаты преобразований окружающего мира – сложного, противоречивого и непредсказуемого.

Информационно-аналитическое обеспечение является одним из важных направлений деятельности социологических структур различного уровня. Социологическая информация – это ценнейший интеллектуальный ресурс белорусского общества, важнейшая часть его интеллектуальной собственности, удельный вес которой постоянно возрастает. Социологическая информация постепенно становится важным и необходимым проводником между властью и населением.

Однако социологам важно не только получить информацию, разложить ее на мельчайшие частички, рассмотреть, изучить, но и обобщить, классифицировать, внимательно и на научном уровне проанализировать, преобразовать в конкретные предложения, рекомендации и прогнозы. Причем социологи должны великолепно знать проблему, общественное сознание и поведение людей в конкретно-исторических условиях и только тогда делать далеко идущие выводы.

Как показывает социальная реальность, принимаемые управленческие решения, как правило, должны опираться на серьезный социологический анализ. Инструментальный характер социологической аналитики способен обеспечить принятие управленческих решений на высоком научном уровне, создание сценариев эффективных действий в сложных социально-политических и экономических условиях, детерминировать превращение социологических знаний в социально-преобразовательную технологию, которая позволит целенаправленно управлять различными сферами общественной жизни, формировать общественное мнение, программировать определенные социальные действия.

Но, с другой стороны, информационно-аналитическая деятельность является ахиллесовой пятой белорусской социологии. Сегодня в стране существует достаточно много исследователей, по крохам собирающих эмпирическую информацию об общественных явлениях и процессах, значительно меньше тех, о которых можно сказать, что они серьезно изучают общественное мнение, еще меньше тех, кто пытается осмыслить этот сложнейший феномен. Почти все социологические структуры, например, изучают морально-нравственные качества белорусской молодежи, делают смелые и далеко идущие выводы, однако, как оказывается, не все и не всегда умеют достаточно глубоко понимать и анализировать происходящие процессы. Для многих стало совершенной неожиданностью то, что на «Борисов-Арене» во время матча национальных команд Беларуси и Украины некоторые футбольные фанаты скандировали фашистские лозунги. И таких примеров полного бессилия аналитиков достаточно много. Поэтому сегодня перед Институтом социологии стоит сложнейшая задача – стать академическим аналитическим центром по общественно-гуманитарным дисциплинам.

Республика Беларусь остро нуждается в социологическом предвидении и прогнозировании развития социальных процессов и явлений. Совершенных технологий социологических прогностических методов явно не хватает. Поэтому коллективу Института пришлось достаточно много поработать над разработкой программы исследования «Беларусь–2030», но его результаты дали достаточно много информации как для ученых, так и для управленческих структур белорусского государства.

В последние годы в нашей стране, как, впрочем, и во всем мире, возникла огромная потребность в прикладной социологии. Необходимость прикладного социологического знания сегодня такова, что социологические исследования фактически поставлены на конвейер. Без социологии как поставщика информации для принятия решений уже не обходится ни одна управленческая структура, ни одна частная фирма. Социология стала изучать такие процессы и явления, которые во многих случаях выходят за рамки собственно социологических проблем, что не всегда дает хорошие результаты.

В то же время острая необходимость в социологической информации далеко не всегда сопровождается высокой квалификацией социологов и, как результат, соответствующим качеством социологических измерений. У некоторых людей, даже считающих себя серьезными учеными, бытует мнение: если умеешь складывать числа столбиком, то можешь проводить социологические исследования. Как результат, методики многих проводимых эмпирических исследований либо давно устарели и основаны на разработках тридцатилетней давности, либо вообще не имеют под собой никаких теоретических или методологических оснований. Точность измерений зачастую не соответствует современным требованиям. Это тоже проблема нынешнего дня. Однако она, к сожалению, практически не решается. Дипломированных социологов можно встретить, где угодно, только не там, где нужны их специальные знания.

Есть еще одна проблема. Высокая нравственная чистота, честность и порядочность – это основа науки, и прежде всего социологии. К сожалению, мораль, порядочность и честность находятся у многих современных ученых в явном дефиците, следствием чего стало определенное разрушение института репутаций, падение доверия к социологической науке. Именно морали и порядочности явно не хватает сегодня многим современным ученым, не только начинающим, но и считающим себя весьма маститыми. Это касается, прежде всего, войны рейтингов, но не только их.

Во время предвыборной кампании всех уровней всем без исключения политическим субъектам и структурам крайне важны точные и надежные данные о текущем состоянии общественного сознания, политических предпочтениях избирателей, мотивации этих предпочтений и т. д. Политики получают их от различных социологических центров и лабораторий. При этом социологические данные иногда расходятся настолько существенно, что свидетельствует о том, что или исследования проведены некачественно, непрофессионально, или какой-то из этих центров намеренно искажает информацию. Грамотные и опытные политики просто-напросто отказываются от этих данных. Однако есть и такие, которые усиленно и целенаправленно используют их в политической борьбе, влияя на общественное мнение. Значит, им нужны для решения собственных проблем именно эти результаты. Как показала социальная реальность, война рейтингов – излюбленный прием оппозиции, который эффективно работает даже среди людей, неплохо ориентирующихся в политике. Чем дальше, тем изощреннее ее приемы, что становится не только смешно, но и грустно и страшно. Страшно, что в грязь втаптывают науку, и что есть ученые, которые для достижения своих целей пользуются нечистоплотными приемами.

Следует обратить особое внимание еще на одну проблему в национальной социологической науке, которую следует немедленно решать – полнейшее отсутствие необходимой координации действий. Институт социологии НАН Беларуси еще не стал, как требует Глава государства, главным координирующим социологическим центром страны. Для устранения этой проблемы предлагается создание специального совета или какой-то другой структуры, важнейшими задачами которых будут выработка приоритетных направлений исследований в социологии, их координация и повышение практической значимости результатов. Планы, методики, результаты социологических исследований всех социологических структур страны должны обсуждаться на заседаниях данной структуры. Это позволит избежать дублирования исследований, применения непроверенных методик, выдачи не совсем точных социологических результатов. Учитывая низкое качество многих социологических диссертаций, все кандидатские и докторские исследования по социологии, а также монографии и важнейшие статьи должны обсуждаться на этом совете. Его решения будут носить рекомендательный характер, однако без обсужде-

ния на заседании никто не вправе выносить работу на защиту. Кроме того, социологическое сообщество должно знать, кто и какую работу подготовил, какой ее уровень. Но, самое главное, благодаря данному кластеру социологи будут учиться друг у друга, помогать друг другу, по крупице перенимать передовой опыт и расти в профессиональном плане. Необходимы только воля, управленческое решение и определенная нормативная база. Вице-премьер-министр страны, Министерство образования Республики Беларусь поддержали это предложение, однако некоторые социологические структуры убеждены, что лучше вариться в собственном соку, не замечая ничего и никого вокруг. А ведь, как показывает социальная реальность, ни одна наука, а тем более социология, не имеет права позволить себе что-то подобное. Она должна тесно взаимодействовать с политикой, культурой, реальной экономикой, учитывать все изменения, происходящие вокруг.

Для социологических структур страны очень важна и обратная связь, детерминирующая дальнейший ход социологических исследований. Только глубокое знание мнений и настроений людей, учет их потребностей и интересов, повышение действенности и оперативности социологических исследований способствует обновлению общества. Социальная реальность подтверждает, что без широкого привлечения социологии к управлению обществом власть может допускать досадные ошибки. Правда, и оперативность социологов желает лучшего.

Институт социологии НАН Беларуси активно работает с Министерством образования Республики Беларусь. В ближайшее время будет подписан договор о сотрудничестве. Несколько специфических социологических исследований, направленных на изучение белорусского образования, дали весьма интересные результаты. Качеством образования в целом удовлетворены и студенты, и выпускники, и работодатели. Так, согласно данным опроса 2014 г., каждый пятый респондент полностью удовлетворен тем образованием, которое получил, а около половины – скорее удовлетворены им, чем не удовлетворены.

В ходе опроса респондентов также спрашивали о том, хватает ли им знаний, полученных в учебном заведении, для выполнения своих профессиональных обязанностей. Практически каждый третий опрошенный дал на этот вопрос положительный ответ, примерно четверть опрошенных ответила, что им скорее хватает их профессиональной подготовки для успешной работы.

Можно приводить и другие эмпирические данные, подтверждающие высокий уровень национального образования. Но перед социологами стояла задача найти реальные возможности сделать его еще лучше. Как считает 56,0 % респондентов, для этого следует, прежде всего, повысить заработную плату преподавателям вузов и средних учебных заведений.

Наиболее слабое звено в белорусском образовании – это частные вузы. Они проигрывают государственным высшим учебным заведениям, при-

чем значительно, по всем параметрам: качеству образовательного процесса и учебных пособий, заработной плате и мотивации. Необходимо резко сократить число частных вузов, а оставшиеся взять под строгий контроль.

Следует уменьшить число студентов, обучающихся на платных отделениях. Во многих случаях – это не получение образования, а его настоящая покупка; университеты постепенно становятся камерой хранения для дипломов о высшем образовании: когда-нибудь их обязательно выдадут.

Крайне низкое качество знаний у студентов, получающих образование заочно. Невежественность нынешних студентов-заочников убийственна, об этом говорят практически все вузовские преподаватели и эксперты. Знания лучшего заочника находятся на уровне знаний худшего студента стационарного отделения. Необходимо, по мнению респондентов, существенно уменьшить число студентов, обучающихся на заочных отделениях.

Нужно разработать четкие и конкретные требования к выпускникам средних и высших учебных заведений, качественные критерии их оценки знаний и компетенций. По окончанию учебы в вузах они должны сдавать два-три государственных экзамена (один из них по гуманитарным дисциплинам) специальной комиссии, созданной по подобию вступительных испытаний из представителей структур, независимых от Министерства образования Республики Беларусь, например Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Таким образом, как показали социологические исследования, имеются реальные возможности для существенного повышения уже достаточно высокого качества национального образования. Однако возникают вопросы. Например, как повлияет на жизнедеятельность страны ликвидация заочного образования. Ни одна социологическая структура, к сожалению, не смогла дать четкий и конкретный ответ на этот вопрос, в том числе и наш Институт. Тем временем Министерство образования ставит перед академической социологией новые сложные задачи и ждет на них ответы.

Важно постоянно расширять поле социологических поисков и исследований. Фокусировка социологического внимания на постоянно изучаемых проблемах, использование уже известных приемов и методов приводит к бесконечно повторяемому ритуальному раскачиванию в заданных координатах и разочарованию в социологии. Так быть не должно. Социологическая наука должна решать новые задачи, вторгаясь в новые области знания.

Типичный пример. Государство ставит перед белорусским спортом высокие задачи, особенно на международной арене. Однако что получается на деле? Совсем недавно в белорусском футболе произошла, по мнению члена сборной национальной команды Беларуси Сергея Кисляка, катастрофа. Сначала лучшие белорусские клубы БАТЭ и минское «Динамо» потерпели разгромные поражения с теннисным счетом – 0:6 и 1:6 – от португальской «Порту» и греческого клуба ПАОК. Затем БАТЭ потерпел полное фиаско, проиграв 0:7 и 0:5 своему соседу – донецкому «Шахтеру».

Национальная команда Беларуси потерпела два поражения подряд от сборных Словакии и Украины и опустилась на 106-е место в мировом рейтинге. Последний раз белорусы опускались за пределы первой сотни рейтинга ФИФА 14 лет назад, в октябре 2000 г.

Специалисты и комментаторы, говоря об игре национальной сборной, утверждают, что белорусские футболисты не хуже украинцев и словаков, но в нашей команде, в отличие от соперников, не оказалось лидеров, способных переломить ход событий. А ведь их, как показывают исследования Института социологии НАН Беларуси, можно целенаправленно формировать, но никто в стране этим не занимается. А социология спорта в стране находится, к сожалению, в эмбриональном состоянии.

Социология – самая близкая к людям общественная наука. Она еще не стала «царицей всех наук», разрабатывающей основные законы общества. Но для социологии важно, чтобы каждый человек стал потребителем социологического знания, чтобы обыватели ждали результатов социологических исследований основных структур страны и могли их использовать в повседневной жизни, чтобы социологическое знание стало настоящим богатством для всех. Это ставит особые требования и перед социологами. Сегодня, к сожалению, даже «продвинутая» часть общества никогда не слышала о некоторых социологах, хорошо известных только в чересчур узких кругах. А ведь они должны быть на передовых позициях борьбы за лучшее будущее.

Мачеха-королева из сказки братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов» много времени проводила перед волшебным зеркальцем и каждый день спрашивала: «Ты мне, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее, всех прекрасней и белее?» И зеркальце неизменно отвечало: «Ты, моя королева, прекрасней всех на свете».

Социология – это вовсе не волшебное зеркало из сказки. Зеркало социологии достаточно точно, подробно и динамично отражает сложные, противоречивые и переменчивые общественные процессы, интересы и намерения людей, постоянно фиксирует детали и перемены в настроениях социальных субъектов. Оно может и должно увидеть то, что королева не хотела видеть: свои недостатки. Но социология как наука способна заглянуть и по ту сторону зеркала, показать, что определяет развитие современного общества, какие социальные законы управляют им, предложить и наметить конкретные меры по решению имеющихся проблем, уничтожению социальных недостатков белорусского общества.

После встречи Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко с научной общественностью страны, на которой прозвучали критика и конкретные конструктивные замечания в адрес белорусской науки, Национальная академия наук Беларуси разработала комплекс мер по кардинальной перестройке научной сферы в целях обеспечения ее соответствия потребностям реального сектора экономики и общественного развития национального государства, формирования морально-нравственных качеств бело-

русских граждан. Особая роль в решении этой сложнейшей задачи отводится социологии в целом и Институту социологии НАН Беларуси в частности. И эта задача, безусловно, будет выполнена.

I. V. KOTLIAROV

SOCIOLOGY ON THE OTHER SIDE OF THE MIRROR

Summary

The role of sociology in the life of modern Belarusian society has been pointed out, the main goals which sociology must solve in modern conditions and its capabilities in solving specific problems of Belarusian society were analyzed.

Keywords: Belarus, Sociology, public opinion, the Institute of Sociology, sociological surveys, solution of social problems, development and perspectives.

Поступила 27.10.2014 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.46:303.443.2(476)

И. В. КОТЛЯРОВ,
доктор социологических наук, профессор,
директор Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЛИДЕРСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

В статье рассмотрен генезис лидерства с социологической точки зрения. Кратко показаны исторические этапы развития лидерства, изменения его смысла и составляющих компонентов. Проанализировано мнение зарубежных и отечественных исследователей о происхождении и развитии лидерства.

Ключевые слова: лидерство, нарратив, генезис лидерства, формирование, личностные качества, ценностные ориентации.

В конце XX и начале XXI столетия существенно изменились содержание и сущность отношений между людьми. Все пришло в движение. Привычный мир потерял свои очертания. Многое из того, что казалось вечным на протяжении многих поколений – политические и экономические отношения, культура и идеология, моральные нормы и ценности – стало совершенно другим. На смену старым пришли принципиально новые теории и концепции, модели и матрицы социального и политического поведения. С одной стороны, общество продолжает упорно идти вперед, целеустремленно накапливая знания. Стремительно совершенствуются технологии. Человечество вступило в стадию формирования шестого технологического уклада, ключевыми направлениями развития которого являются нанотехнологии, генная инженерия, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и высокоскоростные транспортные системы, клеточные и энергосберегающие технологии. Бурный общественный интерес вызвали такие научные открытия, как бозон Хиггса, квантовая телепортация и эксперименты на Большом адронном коллайдере. Но, с другой стороны, мир становится все хуже и хуже. Цивилизация глобального потребления стремительно движется к финалу, вползая в эпоху глубочайшего кризиса. Драматические события, начавшиеся в Тунисе и Египте, Йемене и Сирии, имеют свое продолжение в других странах. Печальное тому подтверждение – Украина. Здесь с оружием в руках беснующаяся толпа свергла избранного народом Президента. Происходит отказ от базовых ценностей цивилизации, разрушается институт семьи как естественного союза между мужчиной и женщиной. Морально-нравственный кризис касается и самого священного – памяти о своих предках, их жизни и подвигах. В городе-герое Одессе современные гоблины, настоящие пите-

кантропы сжигают георгиевские ленточки – символы воинской славы и мужества на священном огне – символе победы, которую ценой своей крови и жизней товарищей добыли наши отцы и деды.

В условиях неопределенности и потенциальных рисков, вызовов и опасностей, бифуркации и турбулентности, кризисов и резкого повышения социальной и политической активности народных масс интерес к лидерству как способу решения многих проблем резко возрос. Как показывает социальная реальность, современное общество испытывает острую потребность в сильных, волевых, креативных личностях, обладающих нестандартным, творческим мышлением, решительностью, энергичностью, умением слушать и слышать, способных брать на себя ответственность в сложные периоды времени, подготовленных к новому типу отношений, детерминирующих эффективное продвижение вперед. Стали формироваться новые модели и матрицы лидерства, резко увеличилось количество эмпирических исследований. Появились подходы, понимающие лидерство как переплетение различных сфер современного знания, создаются глобальные международные проекты, рассматривающие лидерство в многообразии социокультурных взаимодействий мирового сообщества. Как результат, многие концепты, используемые для понимания и анализа лидерства, противоречивы, модели несовершенны, а содержание лидерства достаточно часто в серьезных работах серьезные авторы путают с его природой. Особую сложность пониманию лидерства добавляет тот факт, что термин «лидерство» является производным от английского слова «leadership», используемого большинством зарубежных исследователей для обозначения как лидерства, так и руководства. Поэтому важно дальше проводить исследования по изучению феномена лидерства, искать ответы на поставленные вопросы. Причем многие ответы можно найти в прошлом, внимательно изучив социологическое наследие.

В восьмидесятых годах прошлого столетия в социальных науках стало модным утверждение, что функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их нарративной природы. В традиционном понимании нарратив определяется как текст, описывающий некую последовательность событий, как форма дискурса, через которую реконструируется и репрезентируется прошлый опыт. Под социологическим нарративом можно понимать совокупность дискурсных образований различных жанров, сконцентрированных вокруг определенных общественных явлений, событий или процессов. Некоторые ученые утверждают, что нарративы играют роль линз, сквозь которые независимые элементы существования рассматриваются как связанные части целого. Они задают параметры повседневного и определяют правила и способы идентификации объектов, подлежащих включению в дискурсивное пространство [27].

Одной из сложных проблем, возникающих при социологическом исследовании лидерства, является то, что дефиниции «лидер» и «лидерство» понимаются весьма неоднозначно. Для многих ученых лидер – это уважаемая

всеми и вперед смотрящая, руководящая людьми и направляющая их к поставленной цели Личность. По мнению французского психолога Гюстава Лебона, как только несколько живых существ собираются вместе, все равно – будь то стадо животных или толпа человеческих особей, они автоматически начинают подчиняться авторитету одного из них. «Человек из толпы не может обойтись без господина», – утверждал он [17]. Действительно, любая группа индивидов, независимо от экономических, политических, интеллектуальных, культурных и других особенностей, оказавшись в экстремальной ситуации, выделяет из своей среды человека, решения или указания которого становятся законом для всех членов социума. Однако до сих пор четкого определения этому общественному феномену нет. Поэтому в литературе можно встретить огромное множество дефиниций лидера и лидерства. Предлагаю собственные определения:

лидерство – это специфическая форма социальной активности и организации перманентных отношений между социальными субъектами, обеспечивающих главенствующее положение индивида в социуме, осуществляемого благодаря наличию специфических личностных качеств, определенных ценностей и ценностных ориентаций, сильному мотивационному механизму, постоянному воздействию на членов группы, ответственности перед ними и стремлению к поставленной цели;

лидер – это социальный субъект, который благодаря своим ярко выраженным личностным качествами и волевым компонентам, профессионализму и моральному авторитету, чувствительностью к ситуации и гибкостью в поведении, ценностным ориентациям и стремлению быть полезным с точки зрения группового интереса оказывает постоянное и эффективное влияние на деятельность группы, пользуется активной поддержкой ее членов, признается ими в качестве ведущего, ответственен перед ними и при помощи различных мотивационных факторов способен повести за собой в наиболее сложных ситуациях.

Следует особо подчеркнуть, что лидерство – это не только форма или разновидность социальной активности, но и способ бытия, природа которого еще полностью не изучена, что ставит новые, еще более сложные задачи перед социологией.

Изучая лидерство в социологическом контексте, необходимо отметить, что социология – это наука об обществе, социальных общностях и общественных отношениях. Именно отношения выступают системообразующим фактором в формировании лидерства. Таким образом, лидерство является важнейшей социологической категорией, причем в его трактовке с точки зрения социологии есть ряд особенностей. Так, дефиниция «лидерство» означает как лидирующее положение личности в социуме, так и главенствующее положение социальной группы или политической партии, трудового коллектива или спортивной команды, компании или государства [10; 14; 15]. Социологический подход предполагает изучение лидерства в высшем иерархическом воплощении и трансформации в обществе.

Лидерство является одним из традиционных объектов социологии. Ведь много столетий назад был поднят и всесторонне исследован вопрос феномена лидерства в контексте общественных явлений. Объектами таких исследований были великие исторические личности, на поведение которых существенно влияла социальная реальность, во многих случаях детерминировала его.

Еще пять тысяч лет назад египетскими иероглифами были начертаны слова «лидерство, лидер, последователь». Однако первые дошедшие до современных исследователей серьезные источники, свидетельствующие о важной роли правителей в жизни государств и обществ, содержании и задачах их деятельности, относятся к первому тысячелетию до нашей эры. В древнейшей мифологии отдельные вожди наделялись сверхчеловеческими качествами. Например, в Древнем Египте фараонов изображали в несколько раз больше, чем простых воинов. Древняя история – это эра выдающихся людей и событий, в которой существовал культ сильных и мужественных людей, культ сильной власти. Описывая войны, античные мыслители Геродот, Плутарх и Светоний говорили, прежде всего, о действиях великих вождей и полководцев, отмечая их ум, дух, сильную волю, выдающиеся черты организаторов, способных многое предусматривать, позвать людей на подвиг, сформировать у них веру в победу [22; 25].

Дефиниция «герой» пришла в современное миропонимание из Древней Греции. В самом начале героями эллины называли легендарных вождей, обитавших на вершине горы Олимп. Позднее героями стали называть прославленных в битвах, походах и войнах военачальников и рядовых воинов, отличавшихся смелостью, доблестью, самоотверженностью. Герой объединял вокруг себя тех, кто уважал и признавал его, стремился быть похожим на него и готов был пойти за ним в трудную минуту. Он своим примером предлагал выход из тяжелой, экстремальной ситуации и являлся катализатором дальнейших действий. Таким образом, героическая система ценностей становилась комплексом норм не для одного человека, а совокупности людей. Это приводило к тому, что наряду с личным возникало такое явление, как коллективный героизм, где коллектив становился единым целым и совершал великие подвиги во имя великих целей. Типичный пример – 300 героев-спартанцев. В сентябре 480 года до н. э., во время греко-персидской войны, в узком ущелье Фермопилы, преграждая путь войску персидского царя Ксеркса, героически сражался и погиб отряд из 300 спартанских воинов-гоплитов под руководством царя Леонида. «Вместе победить или вместе умереть!» – таков был закон спартанских воинов. Они победили и умерли. Сражение у Фермопил стало символом настоящего мужества и героизма [25].

Философы Платон, Аристотель, Сократ, Лукреций, Цицерон и другие в своих трудах закрепили традиции своих предшественников по изучению патриотических качеств и личностных характеристик героев [3; 4; 7; 21; 25; 26]. Эта дефиниция ими была дополнена и расширена. В нее вошли вожди племен, полководцы, короли, военачальники и, что очень важно, философы, которых

считали настоящими творцами истории. Авторитет мыслителей существенно возрос. Они стали принимать активное участие в формировании новых героев, мыслителей, лидеров.

Особый интерес представляют исследования в области героизма древнегреческого философа Гераклита. Он «возненавидел людей, удалился и стал жить в горах, питаясь быльем и травами». Гераклит постоянно подчеркивал свое презрение к демократии как власти толпы. Он утверждал, что звери, живя вместе с людьми, становятся ручными, а люди, общаясь друг с другом, становятся дикими. Для Гераклита «один, если он наилучший» выше многотысячной толпы. Причем мыслитель определял «наилучшего» не по происхождению или богатству, а по уму и духовным ценностям, порядочности и честности. Культ героев имеет продолжение в его работах, формируя общественное мнение, в соответствии с которым лидер – это монарх, который и Бог, и Герой [25].

Греческий философ Сократ – один из трех выдающихся мыслителей Древней Греции. Он в юном возрасте был признан дельфийским оракулом самым мудрым человеком на земле. Сократ стремился обратить особое внимание своих современников на внутренний мир человека, попытался сформировать новый образ правителя. Он был убежден, что править должны мудрые, высокоморальные, порядочные люди, что власть не должна передаваться по наследству. Успех общественного блага философ видел в умелом, образованном, честном и мудром правителе. Качества правителя Сократ рассматривал с точки зрения «сознательного выбора», считал, что правитель – это мудрец, который умеет обуздывать страсти своего тела, низменные инстинкты и желания низкого порядка, обладает высокими морально-нравственными характеристиками. Сократ утверждал, что «цари и правители не те, которые носят скипетр или избраны кем попало, или получили власть по жребию или насилием или обманом, но те, которые умеют управлять». Сократ предъявлял конкретные требования к правителю – духовное совершенство и опыт ведения общественных дел, забота об общем благе и конкретные добродетели [25].

Концепции формирования лидеров Античного мира нашли завершенность в трудах Платона. С его именем связано возникновение политической философии и создание теории идеального государства. Политико-социальным и нравственным проблемам его формирования посвящены основные работы Платона – «Государство», «Законы», «Политик». Платон утверждал, что люди рождаются от природы разными, и высшая справедливость заключается в том, чтобы каждый занимался тем делом, к которому у него есть природная склонность. Это легло в основу его социально-политической парадигмы, где лидеры – герои и мудрецы: «начальствовать» должны старшие из стражей, самые лучшие, самые воспитанные, ревностно служащие государству; благородные правят неблагородными, сильные – слабыми, умные – неразумными. Но главнейшим требованием является, по-видимому, шестое, чтобы «несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью» [21, с. 450].

Кто же он – разумный, идеальный правитель, царь – «божественный пастырь» [21, с. 740]. Мыслитель создал четыре модели правителя – пастуха, пасущего стадо, правителя-врача, правителя-кормчего, правителя-ткача, однако он не считает их идеальными. «Образ божественного пастыря слишком велик в сравнении с царем, нынешние же политики больше напоминают по своей природе, также образованию и воспитанию подвластных, чем властителей» [21, с. 740], – подчеркивал мыслитель.

Платон начинает типологию правителей с модели «пастуха человеческого стада». «Ему одному только и пристало, по образцу пастухов и водопасов, иметь попечение о выращивании человеческого стада и носить соответствующее этому имя», – отмечал Платон [21, с. 740]. Правитель-врач ценен Платону за знания способов врачевания больного. Мыслитель допускал насилие во благо исцеления пациентов. «Ведь врачей мы почитаем врачами независимо от того, лечат ли они нас по нашему согласию или против нашей воли, когда они делают нам разрезы, прижигания или, пользуя нас, причиняют другую какую-то боль, действуют согласно установлениям или помимо них и богаты ли они или бедны, – пока они руководствуются искусством, очищая или как-то по-иному ослабляя либо, наоборот, укрепляя наше тело, – лишь бы врачеватели действовали на благо наших тел, превращали их из слабых в более крепкие и тем самым всегда спасали врачуемых» [21, с. 759].

Правитель-кормчий также ценен в исследованиях Платона. Мыслитель убежден, что искусное мореплавание допускает только одного кормчего, одну пару умелых рук на штурвале и не может быть отдано на откуп бушующей толпы. Но особенно интересен в изображении Платона образ правителя-ткача. Эффективное управление государством – это «целиком и полностью дело царского ткачества» [21, с. 779]. Это сложное, тонкое и кропотливое дело. «Царское искусство, – отмечал Платон, – прямым плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей. Ткань эта обвивает всех остальных людей в государствах – свободных и рабов, держит их в своих узах и правит и распоряжается государством, никогда не упуская из виду ничего, что может сделать его, насколько это подобает, счастливым» [21, с. 780].

Государство, по мнению мыслителя, достигнет благополучия лишь тогда, когда философы придут к власти или же государи захотят стать философами. Философы – это прекрасно образованные, располагающие необходимыми для управления государством личностными качествами и опытом люди, которые понимают, что есть разумное и нравственное общее благо. Причем они должны обладать настоящими знаниями и чувством заботы о благополучии и справедливости, руководствоваться разумно понятыми интересами общества. Но для решения проблем государства правители должны быть не мнимыми, а истинными философами. Под ними Платон понимал тех, которые «любят созерцать истину» [21, с. 238]. Именно к ним относятся знаменитые слова

Платона: «Пока в городах не будут либо царствовать философы, либо искренно и удовлетворительно философствовать нынешние цари и властители, пока государственная сила и философия не совпадут в одно... до тех пор ни для государств, ни даже, полагаю, для человеческого рода нет конца злу» [21, с. 243].

Выдающийся греческий мыслитель Аристотель в своем главном труде «Политика» подчеркивал, что участие в политике для настоящего государственного мужа (politikos) (лидера) – это высшая форма проявления человеческого достоинства. Он был уверен, что во главе государства должны находиться мудрые философы – законодатели, благородные люди, отцы-основатели государства, политическое искусство которых заключается в поиске равновесия между крайностями, где особую роль играют нравственные законы, добродетель и мудрость.

Эффективность лидерства или искусства политического управления, – писал Аристотель в работе «Никомахова этика», – обусловлена особыми личностными параметрами и характеристиками. Такими лидерскими чертами античный мыслитель считал ум и добродетельность, мужество и гуманность, неподкупность и справедливость, наличие опыта и рассудительность [3]. Важно, чтобы настоящие государственные мужи (politikos) обладали известными чертами, но, – подчеркивал мыслитель, – «поступки, совершаемые сообразно добродетели, не тогда правосудны или благоразумны, когда они обладают этими качествами, но когда [само] совершение этих поступков имеет известное качество – во-первых, оно сознательно (eidos), во-вторых, избрано преднамеренно (proairoymenos) и ради самого [поступка] и, в-третьих, оно уверенно и устойчиво» [3, с. 83].

Началом средневековой эпохи по традиции принято считать 4 сентября 476 г., когда вождь германцев Одоакр заставил последнего западного римского императора, 16-летнего Ромула Августула, отречься от престола. Крушение Западной Римской империи – это конец истории Древнего мира и начало новой эпохи – Средневековья. Средневековье обычно ассоциируется с диктатом католической церкви, развитием схоластики, подавлением любых проявлений свободной и творческой мысли. В государствах Западной Европы постепенно начал складываться сословно-феодальный строй. Существенное влияние на жизнь оказывали христианская религия и римско-католическая церковь, организованная по феодальному образцу по принципам строгой иерархии и возглавляемая папой римским.

Одним из наиболее ярких мыслителей Средневековья был Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан. Он первым занялся апологетикой христианства и обоснованием преимуществ христианской веры в сравнении с языческими практиками Римской империи, постоянно доказывал божественное происхождение власти.

Значительный вклад в развитие общественной мысли в Средние века внес один из отцов католической церкви Аврелий Августин Блаженный, причисленный ею к лику святых. Он стоял на позиции полного превосходства веры

над разумом. Главным источником человеческих знаний Августин провозглашал веру в божественный авторитет, зафиксированный в Священном Писании. Он считал, что «лучше сжечь еретиков живьем, чем дать им коснеть в заблуждениях». Мыслитель был убежден, что человеческая воля – это слепое орудие воли Бога [1; 2].

Известным мыслителем Средневековья был и доминиканский монах Фома Аквинский. Его учение выразило главный постулат средневекового политического мышления: все виды власти, в конечном счете, от Бога. Фома Аквинский приспособил взгляды Аристотеля к догмам католической церкви, благословил строй общественного неравенства и эксплуатации. Он утверждал, что государственный корабль будет надежнее, если во главе его стоит единственный правитель – монарх.

В средневековой Европе лидерство теряет всякий нравственно-этический смысл. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, Аврелий Августин Блаженный, Фома Аквинский, Аниций Манлий Торкват Северин Боэций и их последователи доказывали божественное происхождение власти, утверждали, что могущество государей происходит от церкви, а она получила авторитет непосредственно от Христа. Отсюда проистекает обязанность государей подчиняться главе христианской церкви. Государь – слуга церкви. В своих учениях мыслители создали принципиально новое представление образа лидера – духовного человека, наделенного божественными свойствами, высшего в ряду телесных созданий. Они привнесли в теорию о лидерах идею их богоизбранности в отличие от простых смертных. Однако в их взглядах был и рациональный подход, который заключался в том, что Богу проще управлять ходом истории посредством избрания в государи [1; 2; 25].

В Средние века лидерская модель реализуется, прежде всего, как феномен, включенный в новую социальную систему, – героя-рыцаря. Французский политик XIII в., один из руководителей Четвертого крестового похода Жоффруа де Виллардуэн в хронике «Завоевание Константинополя», которую часто называли «героической поэмой в прозе», описывал подвиги крестоносцев, сражавшихся за Святую землю. Де Виллардуэн с восхищением рассказывал историю двухсотлетней борьбы за Иерусалим – главную святыню христианского мира. Он показывал мужественных рыцарей, которые оставляли свои дома, семьи и страны, отправлялись на священную войну с врагами христианской веры и совершали подвиги [25].

Для более глубокого понимания модели рыцаря-героя интерес представляют работы Жюста Жана Руа «История рыцарства» и Франко Кардини «Истоки средневекового рыцарства».

Следует особо подчеркнуть, что роль правителей и героев осмысливалась в Средние века и с теоретических позиций. Готский историк Иордан в работе «О происхождении и деяниях гетов» выдвинул интересную гипотезу о том, что действия правителей выступают главной причиной исторических событий.

Следует особо подчеркнуть, что отношение к лидерству было сформулировано во многих религиях. Это было то время, когда лидер и государь (правитель) понимались как одно лицо, то есть когда харизма и официальные властные полномочия считались неотъемлемыми частями одного целого. Представление о сакральной природе лидерства и власти накладывало на правителя определенные обязательства и полномочия, он одновременно являлся и светским, и священным лицом – «вся власть от Бога». Правитель или лидер в нынешнем понимании этой дефиниции, согласно религиозным предписаниям и традициям, может выполнять следующие функции:

быть наместником высших сил и их представителем. Фараон был сыном Бога в египетской религии, бодхисаттвами – цари в тибетском буддизме;

быть идеальным образом. В православии (византийский вариант) император призывался быть отражением Христа, в буддизме государь должен воплощать бодхисаттву Авалокитешвару (символ милосердия);

быть спасителем народа. В буддизме чакравартин (праведный государь) создает империю прежде всего для того, чтобы направлять людей к духовному благу; в китайском буддизме само государственное устройство, которое возглавляет император, считается средой и условием для самосовершенствования;

быть толкователем божественной воли. В православии государь наделяется знанием абсолютной Истины; в шиизме (ислам) наверху государственной лестницы стоят имамы именно потому, что только им открыта полностью божественная воля;

быть временным заместителем высших сил. В Чехии высший правитель – католический Святой Вацлав, который лишь на время передает власть реальному правителю;

быть слугой людей. В католичестве правитель и государство – слуги общества и отдельной личности, которые занимаются поддержанием общественного порядка.

Наделенные божественными способностями, возможностями и полномочиями, государи или лидеры являются священными фигурами, сверхъестественными существами, соединяющими «Небо» и «Землю». В то же время, так как правитель лишь отражение Бога на Земле, легитимность его не безусловна, а власть не безгранична [16, с. 36].

Так как власть считалась даром высших сил, то к правителям предъявлялись жесткие нравственные требования. В православии от них требуется вера, смирение и послушание Богу, любовь к Богу и ближним. Особая обязанность – защищать свой народ от «неверных». В буддизме монарх должен любить свой народ, заботиться о нем, быть справедливым и соблюдать принцип ахимсы (непричинения зла). В индуизме он обязан обуздывать свои аффекты, строго соблюдать ритуалы, быть справедливым, быть хорошо образованным и быть в духовном послушании у брахмана. В конфуцианстве император должен быть отцом в «государстве-семье» (го-цзя), служить народу и проводить

политику человеколюбия (жэнь чжэн). Чиновники же обязаны доносить до царя информацию о положении народа и побуждать правителя к действиям [16, с. 37].

В различных религиозных системах разработаны механизмы регулирования власти – за свои действия правитель отвечает не только перед собой, его власть ограничена либо формальными институтами, либо божественными предписаниями. Правитель в своей деятельности отвечает:

только перед Богом. Так, имам у мусульманских мыслителей Ибн Джама'а и Ал-Мулка несет ответственность только перед Аллахом во избежание анархии и беззакония из-за давления «снизу»;

перед Божьим законом. Мусульманские мыслители Ал-Маварди и Ибн Таймийа подчеркивали, что абсолютен только шариат, а светский правитель действует в строгом с ним согласии и обладает только исполнительной властью;

перед духовной властью. В русском православии досинодального периода такими органами были митрополит (Патриарх) и Поместный собор. В индуизме правитель подотчетен брахманам, в тибетском буддизме – советникам-монахам;

перед другим органом власти. В концепции государства Жана Кальвина органы власти должны оказывать сопротивление правителю, если он действует против Божьего закона;

перед законом. В концепции государства Мартина Лютера правитель обязан строго соблюдать законы, которые являются основой порядка;

перед общиной верующих. У мусульманского мыслителя Ал-Газали имам – это представитель общины, которая контролирует исполнительную власть – султана, в сикхизме правитель отвечает перед общиной и гуру;

перед обществом – в католической концепции;

перед народом. В буддизме впервые в истории было сказано, что правитель получает власть от народа и несет перед ним ответственность [16, с. 37].

У правителей существовала ответственность как санкция за недолжное выполнение своих обязанностей. Даже в православии, культивирующем царскую власть, императоров свергали часто, поскольку сакральна только их должность, а не они сами как люди. Таким образом, сакральность лидерства в религиозных системах уравновешивалась особой ответственностью и жесткими санкциями за нарушение обязанностей. Власть правителя ограничивалась рамками религиозной системы, принятыми в обществе нормами, нарушить которые не мог даже легитимный правитель, помазанник Божий. В отличие от божества, правитель не ценен сам по себе, он существовал постольку, поскольку существовали его подданные или последователи, от которых он так или иначе зависел. Легитимность предводителя определялась религиозной системой, для функционирования которой необходимо, чтобы ее святость и святость авторитета не подвергались сомнению. Так как именно система утверждала авторитет и его полномочия, то она же устанавливала и ограничения, которые препятствовали разрушению самой системы [16, с. 37–38].

Возрождение – новый этап в развитии социально-политической мысли в Западной Европе, начавшийся в XV в. Для передовых стран Европы – это время разложения феодализма и возникновения в его недрах капиталистических отношений, формирования национальных государств и абсолютных монархий, время борьбы буржуазии с феодальной реакцией, эпоха глубоких социальных конфликтов – крестьянской войны в Германии, религиозных войн во Франции, Нидерландской буржуазной революции. Этот процесс сопровождался ускоренным ростом городов, развитием ремесла, торговли, различными техническими изобретениями. Инновации в производстве вызывали прогресс науки. Экономические, технические и научные изменения обострили политические отношения и детерминировали изменение взглядов на мир и человека. Мыслители Возрождения считали, что судьба человека определяется не знатным происхождением, конфессиональным статусом, а исключительно активностью, порядочностью и благородством. Как результат, это время потребовало и принципиально новых лидеров – умных и грамотных, справедливых и целеустремленных. Роджер Бэкон, резко критикуя идеи Фомы Аквинского, утверждал, что нет ничего опаснее, чем невежество. Модель лидера нового типа была предложена в политико-философских концепциях итальянского писателя и политика Никколо Макиавелли, немецкого гуманиста Эразма Роттердамского, французского философа Мишеля де Монтеня, итальянского философа Джордано Бруно и некоторых других мыслителей.

Никколо Макиавелли – известный итальянский мыслитель, писатель, историк. В его времена Италия была раздроблена на несколько враждующих между собой небольших государств, подвергалась постоянным разрушительным нашествиям соседей, а религиозное сознание находилось в перманентном кризисе. Являясь патриотом своей Родины, Н. Макиавелли отвергал средневековую теологическую концепцию и противопоставлял ей модель сильного светского государства, отделив правовые установки от догм религии. В работе «Государь» мыслитель предлагал принципиально новое политическое устройство государства. Его должен возглавлять политик новой формации, мыслитель, существенно отличающийся от королей того времени, которого Н. Макиавелли назвал «princeps». На русский язык понятие «princeps» можно переводить как государь или князь, но это не совсем точный перевод. «Princeps» (от латинского primus – первый и capio – захватить) – первый, кто получил политическую власть. Данная дефиниция полностью отвечала республиканским представлениям Н. Макиавелли и обозначала «первого гражданина Римского государства». Это понятие, имевшее широкое хождение в I–III вв., наполнилось новым содержанием при императоре Августе, который наделил монархического по своему духу и смыслу правителя определенным республиканским смыслом. Тем более, что лучшей формой государства Н. Макиавелли считал республику.

Стратегическая цель политика и философа Н. Макиавелли – объединение Италии. В главном труде «Государь» он доказывал, что только при сильном

правителе можно создать независимое итальянское государство, способное освободиться от чужеземных захватчиков. Италия ждала своего героя. Таким правителем для Н. Макиавелли был Чезаре Борджиа, человек, наводивший своей жестокостью и коварством ужас на жителей завоеванных регионов, хладнокровный и целеустремленный, расчетливый и жестокий, с несгибаемой волей и силой, талантом и умом, хитростью и коварством. Н. Макиавелли одобрял насилие, связывая с ним свои надежды на объединение итальянских земель, но при этом считал закон и право основой свободного государства. В работах Н. Макиавелли можно даже найти перечень качеств лидера. Он считал, что политик должен сочетать в себе черты льва и лисицы: лев боится капканов, а лиса волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков [18].

Выступая как частное лицо, государь должен руководствоваться общепринятыми нормами поведения, но он может не считаться с требованиями морали, если его действия и поступки детерминированы заботой о государстве. Во имя его блага можно оправдать любые действия. «Цель оправдывает средства», – постоянно утверждал Н. Макиавелли. Для достижения высоких политических целей можно использовать различные, в том числе самые аморальные средства – подкуп и насилие, предательство, шантаж и убийство, ложь и коварство, вероломство, обман и предательство [18].

В последующие времена, вплоть до XIX столетия, исследование лидерства в широком масштабе не проводилось, так как мыслители того времени главной задачей видели создание общественных структур, ограничивающих личную власть правителей. В XVII–XVIII вв. предпринимались отдельные попытки развития традиций индивидуалистической трактовки исторического процесса. Наиболее яркими представителями теории лидерства, рассматривающей историю как результат целенаправленной деятельности выдающихся личностей, были Томас Карлейль и Ральф Уолдо Эмерсон.

Через всю работу известного шотландского историка Томаса Карлейля «Герои, почитание героев и героическое в истории» проходит мысль, что история мира – это биографии великих людей. Мыслитель рассматривал деятельность политических лидеров и противопоставлял ее действиям маленьких, «безымянных» людей. Т. Карлейль создал лидерскую концепцию на примере великих личностей – тех, кто становятся покровителями, вождями, пастырями, учителями и способны повести за собой широкие народные массы. Он провозгласил «культ героев», на чьих биографиях основывается история человечества и которые обладают уникальными личностными качествами: мудростью, отвагой, самобытностью речей и поступков, искренностью и покорностью к стоящим выше них, что позволяет им быть посредниками между человечеством и божественным миром. Т. Карлейль был убежден, что лидеры – это «великие люди, вожди человечества, воспитатели, образцы и, в широком смысле, творцы всего того, что вся масса людей вообще стремилась осуществить, чего она хотела достигнуть; все, содеянное в этом мире, представляет, в сущ-

ности, внешний материальный результат, практическую реализацию и воплощение мыслей, принадлежавших великим людям, посланным в наш мир. История этих последних составляет поистине душу всей мировой истории» [8, с. 7]. Ученый предложил принципиально новую типологию лидеров: а) божество; б) пророк; в) поэт; г) пастырь; д) писатель; е) вождь (государственный человек, им может быть и великий злодей-организатор типа Тамерлана или Батыя) [8]. Для Т. Карлейля лидером может быть только исключительная личность, обладающая двумя существенными качествами – искренностью и интуицией.

Подобные взгляды на лидерство имел и один из виднейших мыслителей США Ральф Уолдо Эмерсон. Через его работы красной нитью проходит мысль, что все глубокие озарения – удел выдающихся людей, а каждая великая организация – тень одного-единственного человека, чьи личностные качества детерминируют характер развития любой общественной структуры [28]. Лидеров Р. Эмерсон называл великими людьми. В работе «Нравственная философия» он особо подчеркивал, что вера «в великих людей лежит в нашей природе. Все мифологии начинаются полубогами: обстоятельство величавое, поэтическое. Их дух носится над всеми» [28, с. 213]. Историю творят избранные лидеры, «целый народ живет славой этих людей». Массы питаются гениальным лидером, они лишь фон для героя, историческая активность всегда исходит от героев.

«Что такое героизм?» – спрашивал мыслитель и отвечал: «Вот что: человек решается в своем сердце приосаниться против внешних напастей и удостоверяет себя, что, несмотря на свое одиночество, он в состоянии переведаться с бесчисленным сонмом своих врагов. Эту-то бодрую осанку души называем мы героизмом. Герой отнюдь не думает, будто природа заключила с ним договор, в силу которого он никогда не окажется ни смешным, ни странным, ни в невыгодном положении. В доблестной душе равновесие так установлено, что внешние бурные смятения не могут колебать ее воли, и под звуки своей внутренней гармонии герой весело пробирается сквозь страх и сквозь трепет, точно так же, как и сквозь безумный разгул всемирной порчи» [28, с. 96–97].

XIX столетие потребовало новых государей и воинов, героев и лидеров. В 1801 г. на российский престол вступил Александр I. В 1802 г. Наполеон объявил себя пожизненным консулом, в 1804 г. – императором. В то же время он непрерывно продолжал захваты новых территорий в Италии и Германии, стремясь к гегемонии в Европе. Создание крупных национальных государств требовало всеми признаваемых и уважаемых национальных лидеров. XIX век – век формирования рабочего класса, стремящегося уничтожить капитализм и создать новый общественный строй. Век Гражданской войны в США и завоевания новых территорий колониальными державами. Время потребовало новых людей: мечтателей и авантюристов, героев и таких, о которых Редьярд Киплинг писал:

О, если ты покоен, не растерян,
Когда теряют головы вокруг,
И если ты себе остался верен,
Когда в тебя не верит лучший друг,
И если ждать умеешь без волненья,
Не станешь ложью отвечать на ложь,
Не будешь злобен, став для всех мишенью,
Но и святым себя не назовешь [25].

Появился настоящий интерес к лидерству, который детерминировал огромное количество философских, психологических, социологических концепций. В них исследуется не только природа лидерства, но и его антропологический смысл. В XIX в. стала модной философия познания сверхличности, которая смогла стать своеобразной мерой людей и вещей. Особый и весьма специфический вклад в разработку теории лидерства внес великий немецкий исследователь, представитель философии иррационализма и волюнтаризма Фридрих Ницше. В своих произведениях он сформулировал несколько идей, которые затем получили широкое развитие в социологической науке. Во-первых, он объявил волю к власти движущей силой истории и видел в ней творческий инстинкт, который проявляется, прежде всего, у выдающихся личностей (лидеров), которые не только стремятся к власти, но, обладая сверхчеловеческими качествами, преодолевают инстинкт толпы.

Второй тезис касается природы лидерства как иррациональной, инстинктивной силы, связывающей лидера и его последователей. В-третьих, Ф. Ницше попытался доказать необходимость формирования высшего биологического существа с выдающимися личностными качествами, создать принципиально новую модель суперлидера – Сверхчеловека: «Сверхчеловек – смысл земли. Пусть же воля ваша и скажет: *Да будет* Сверхчеловек смыслом земли!» [19, с. 10].

Ф. Ницше был убежден, что «Бог умер» [19, с. 9], и ему на смену обязательно придет Сверхчеловек. Это будет сильная, волевая, развитая и красивая личность, возвышающаяся над человеком так же, как тот превосходит обезьяну: «Что такое обезьяна по сравнению с человеком? Посмешище либо мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для Сверхчеловека: посмешищем либо мучительным позором» [19, с. 10]. Это море, в котором может потонуть человеческое презрение [19, с. 9]. Ницше утверждал, что цель человечества лежит в его высших представителях. Человечество должно неустанно работать, чтобы рождать великих людей, в этом и ни в чем ином состоит его задача. Важнейшая задача Сверхчеловека – создание новых ценностей, которые понимают и принимают сильные мира сего. Массы должны исполнять то, что предначертано элитой. По мнению Ф. Ницше, «*“умерли все боги: ныне хотим мы, чтобы жил Сверхчеловек”* – да будет это в Великий Полдень нашей последней волей!» [19, с. 68].

Что такое Сверхчеловек? В книге «Так говорил Заратустра» изложено учение о существе, призванном служить образцом для подражания и быть целью

развития всего человечества. Сверхчеловек – это результат длительного развития общества, личность, намного превышающая современного ей человека по своим физическим и интеллектуальным качествам, это существо, разум которого настолько совершенен, что позволяет управлять телом и волей. Это существо, презирающее мир простых людей и уходящее от него в горы, чтобы достичь совершенства мыслей и поступков, однако в котором практически отсутствуют морально-нравственные ценности и идеалы, общественные обязательства и предписания. Он стоит по ту сторону добра и зла. Он может быть жестоким к обычным людям и снисходительным, сдержанным, нежным, дружелюбным в отношениях с равными себе. Его отличают высокие жизненные силы и стремления. Он утверждает новые ценности и идеалы. Главное в его жизни – воля к власти, подтвержденная силой и могуществом [19].

Социологический подход к исследованию лидерства был особо востребован во второй половине XIX в. В эпистемологическом смысле эволюция теорий лидерства представляла собой исторически обусловленную смену идей, понятий, концептов, познавательных парадигм. Это вызвано сложными процессами, происходящими в социуме, практике, социологии и философии. Усложнился не только феномен лидерства, но и знания о нем. Исторический нарратив теорий лидерства демонстрирует отказ от устаревших концепций и моделей, формирование принципиально новых теорий лидерства.

Одной из наиболее известных теорий лидерства была теория великого человека, или выдающейся личности. В основе данной модели лежала идея о том, что лидер рождается с врожденными, необъяснимыми, а для простых смертных – и непостижимыми качествами и умениями. Как результат, эти люди возвышаются до уровня героев. Так, древние египтяне приписывали своему императору «божественные черты»: «властное высказывание» в устах, «понимание в сердце», но «язык его – усыпальница справедливости». Гомеровская Илиада раскрыла четыре необходимых, по мнению древних греков, качества вождей: справедливость (Агамемнон), мудрость (Нестор), хитрость (Одиссей) и доблесть (Ахилл) [7].

В начале прошлого столетия возникла одна из важнейших теорий лидерства – «теория черт». Данная теория основана на убеждении, что некоторые личности являются прирожденными лидерами благодаря своим личностным качествам и ценностям, которых нет у других людей. Способность к лидерству понимается как свойства одаренного человека, которые обеспечивают индивиду центральное положение в любой группе, в любой ситуации, обществе. Долгие годы многочисленные исследования были направлены на поиск комплекса личностных качеств или характеристик, делающего человека лидером. При этом изучались разные социальные группы (от детей-дошкольников до социальных элит), разные типы лидеров – от юных правонарушителей до военных командиров и религиозных деятелей.

Достаточно интересной группой концепций лидерства, тесно связанной с «теорией черт», являются теории харизматического лидерства [6]. Ха-

ризма – это исключительная одаренность человека, которая производит особое впечатление на окружающих людей, приверженцев, последователей. Это своеобразные, реальные или виртуальные неординарные качества личности, включающие необычность и величие, таинственность и загадочность, уникальность и динамичность, особый дар предвидения, ясновидения и влияния на людей.

Концепции харизматического лидерства рассматривают лидера как человека, обладающего набором специфических сверхъестественных лидерских качеств (харизмой). Харизматический лидер именно благодаря харизме способен оказывать целенаправленное воздействие на людей. Известный американский ученый и писатель Ральф Уолдо Эмерсон утверждал, что «существуют люди, способные вести за собой целые народы исключительно благодаря своему обаянию» [28].

Первые серьезные исследования харизмы были проведены классиком немецкой социологии Максом Вебером. Он утверждал, что харизма предполагает наличие:

чрезвычайно «одаренных» людей,

социального кризиса или ситуации отчаяния,

системы идей радикального решения кризиса,

большого количества последователей, которые способны поверить в то, что харизматический лидер связан с трансцендентной силой,

возможности проверить, что харизматический лидер способен постоянно добиваться существенных успехов [46].

С точки зрения многих современных ученых, харизма – это не некое мистическое, врожденное качество личности, а определенный набор личностных качеств. Известные представители харизматического лидерства Брюс Авелио, Бернард Басс, Джей Конджер и Рабиндра Канунго убеждены, что харизма является реально измеряемым качеством личности. В результате проведенных исследований по проблематике харизматического лидерства был выделен определенный набор свойств, измеряя которые можно определить степень харизматичности личности. Разработанный инструментарий, как полагают исследователи данного подхода, в равной степени применим к представителям всех организаций (политических партий, военных и религиозных структур, общественных объединений) [29; 30; 31; 32].

Представления о лидерстве как о продукте ситуации начали развиваться еще в Средние века. Фома Аквинский утверждал, что любые исторические события, как и появление царей и героев, находятся в полной зависимости от Божьей воли [25]. Во времена Французской Реставрации были популярными представления о том, что появление героя зависит, прежде всего, от развития исторических событий, а лишь потом от личностных качеств самого героя. Позже Гегель доказывал, что героев делает история, диалектика, «народный дух». В дальнейшем эту идею развивала и европейская научная мысль. Так, например, влияние ситуации и потребностей людей на появление героев рас-

крыто в работах Отто Ранка «Миф о рождении героя. Психологическая интерпретация мифологии» и Сержа Московичи «Век толп: исторический трактат по психологии масс» [25].

Ситуационный подход стал влиятельной теоретической концепцией в конце 50-х гг. прошлого столетия в основном благодаря исследованиям Джоан Вудворд. Созданная ею концепция объясняла свойства организационной структуры спецификой ее адаптации к внутренней и внешней среде. Многие современные исследователи выделяют две основные концепции ситуативной модели лидерства:

каждая ситуация определяет те особые качества, которые необходимы лидеру для эффективных действий в новых условиях;

качества индивида, которые в особой ситуации могут быть определены как лидерские, сами по себе являются продуктом опыта лидера в предшествующих ситуациях. В различных ситуациях выделяются те или иные члены группы, которые превосходят остальных по каким-то качествам. Но поскольку именно эти качества оказываются необходимыми в данной ситуации, постольку индивид или индивиды, обладающие этими качествами, становятся лидерами [23, с. 98].

Ситуативная теория исходит из относительности и множественности лидерства. Лидер – функция определенной ситуации. Как писал Ральф Стогдилл, лидерство есть связь, которая существует между людьми в какой-то социальной ситуации, и люди, являющиеся лидерами в одной ситуации, не обязательно будут ими в других ситуациях [24]. Кекиль Джибб утверждал, что «лидерство есть функция личности и социальной ситуации и их обеих во взаимодействии» [37, с. 273]. Согласно этой точке зрения, для того, чтобы стать эффективным лидером, не нужно быть «великим человеком».

Уточняет, развивает и качественно дополняет ситуационную концепцию одна из самых социологических теорий – конституентов, или последователей. Она объясняет природу лидерства исходя из принципа «лидера создают последователи». Авторы концепции доказывают, что именно лидер выражает и представляет интересы и ожидания последователей. Они раскрывали феномен лидера по аналогии с известной пословицей «свита делает короля». Данная теория видела специфику лидерства не в личности, а в запросах, ожиданиях ведомых, принимающих или отвергающих лидера.

Впервые тему последователей довольно широко исследовал профессор кафедры бизнеса Университета Карнеги–Меллона Роберт Келли в нашумевшей в то время статье «Хвала последователям», а затем в книге «Власть последователей». В данных работах Р. Келли выдвинул и обосновал идею, что последовательство – важнейшая составляющая лидерства, и говорить о лидерах в отрыве от последователей не имеет никакого смысла. Понять суть лидерства можно лишь в том случае, если детально разобраться в исключительно сложной системе «лидер – последователь». Конкретные действия последователей в определенной степени детерминируются взглядами и ценностными

ориентациями лидеров, которые сознательно или не сознательно поддерживают желательное поведение и порицают нежелательные действия. Но, с другой стороны, последователи тоже влияют на формирование мировоззрения лидеров. Однако такое воздействие менее заметно и, как правило, недооценивается [39; 40].

Сегодня все чаще и чаще можно читать, что суть лидерства – это последователи. Профессор школы Кеннеди Гарвардского университета Барбара Келлерман в широко известной книге «Идущие за лидером. Как подчиненные создают изменения и меняют своих лидеров» особо подчеркивает, что возрастающая роль последователей создает более сложные условия деятельности лидеров, повышает требования к личным качествам, идеалам и ценностям. Эра безраздельного «имперского» лидерства подходит к концу. «Холст, на котором мы рисуем, слишком мал. На нем должно быть изображено нечто большее, чем очертания фигуры лидера. На нем должно найтись место и последователям… От истории великих людей мир переходит к системе, когда лидер играет все меньшую, иногда даже второстепенную роль» [9]. Исследователь, ссылаясь на французскую и американскую революции, рост избирательного права и движения за гражданские права, подчеркивает, что последователи не первый раз вырывают власть у лидеров. Однако есть факторы, против которых трудно бороться лидерам: антиавторитарная культура большинства населения, информационная революция и влияние Интернета [9].

Положение о системообразующей роли последователей в формировании лидерства постоянно критикуют многие ученые. Народ, массы неоднородны, истеричны, безумны, сами не знают, чего хотят, – утверждают они. Цицерон и Тацит считали массу отбросами общества, чернью, невежественными и глупыми. В эпоху Возрождения масса по-прежнему понималась как невежественная, однако были несколько смещены акценты, так как под массой начинали понимать не только плебс (чернь), но и людей богатого сословия, но грубых и невежественных. «Толпа груба, тупа и невежественна, – писал в своей знаменитой работе «Психология народов и масс» Г. Лебон. – Становясь частицей организованной толпы, человек спускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации. В изолированном положении он, быть может, был бы культурным человеком; в толпе – это варвар, т. е. существо инстинктивное. Толпа не только импульсивна и изменчива; как и дикарь, она не допускает, чтобы что-нибудь становилось между ее желанием и реализацией этого желания. Массы уважают только силу, и доброта их мало трогает, так как они смотрят на нее как на одну из форм слабости. Симпатии толпы всегда были на стороне тиранов, подчиняющих ее себе, а не на стороне добрых властителей, и самые высокие статуи толпа всегда воздвигает первым, а не последним. Толпа никогда не стремилась к правде; она отворачивается от очевидности, не нравящейся ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение это прельщает ее. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее повелителем; кто же стремится образумить ее, тот всегда

бывает ее жертвой. Самые сомнительные события – это именно те, которые наблюдались наибольшим числом людей» [17]. Чего стоит только эта фраза: «Обращайтесь дурно с людьми сколько вам угодно, убивайте их миллионами, вызывайте нашествия за нашествиями, и все вам будет прощено, если вы обладаете достаточной степенью обаяния и талантом для поддержания этого обаяния» [17, с. 216].

Ненавидел народ (массу, толпу) и испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет. В работе «Восстание масс» он утверждал, что «массы решили двинуться на авансцену социальной жизни, занять там места, использовать достижения техники и наслаждаться всем тем, что раньше было предоставлено лишь немногим... Сегодня мы присутствуем при триумфе гипердемократии, когда массы действуют непосредственно, помимо закона, навязывая всему обществу свою волю и вкусы. В современной общественной жизни Европы есть – к добру ли, к худу ли – один исключительно важный факт: вся власть в обществе перешла к массам», а «массы по определению не должны и не могут управлять даже собственной судьбой, не говоря уже о целом обществе» [20].

Вторая половина прошлого столетия характеризуется глубокими и необратимыми преобразованиями в мире, постоянно ускоряющимися темпами развития общественных отношений, существенными духовно-нравственными и художественными обретениями, открытиями и преобразованиями. Отличительные их черты – всеохватность и взаимозависимость. В то же время практически во всех государствах стали отчетливо проявляться результаты глобальных процессов и явлений. Но одновременно это было время «единичного», уникального, торжества личности с ее индивидуальностью и самобытностью. Существенно вырос качественный потенциал как управленческих, так и рабочих кадров. Ими стали высокопрофессиональные люди, которые отдавали предпочтение равноправным отношениям с компаниями. Они были ориентированы на саморазвитие, самоуважение, обладали независимостью и технической грамотностью. Стало ясно, что новый век будет совершенно непохожим на уходящий. Как отмечал в исследовании «Триада лидерства: знание, доверие и власть» профессор менеджмента Школы бизнеса Нью-Йоркского университета Дейл Занд: «На смену обычным сотрудникам, нацеленным на выполнение приказов, спускаемых “сверху”, приходят высокообразованные люди. Не является необычным, когда многие подчиненные знают больше о деятельности компании, владеют более совершенными аналитическими технологиями и концепциями в сравнении с их лидерами. В такой ситуации умные лидеры должны осознать наличие этого парадокса статуса, а эффективные лидеры освобождать и мобилизовывать дистрибутивные знания своих подчиненных» [47, с. 16].

Научная мысль явно не успевала за развитием общества, что привело к кризису теории и практики лидерства. Посыпались, как из рога изобилия, различные концепции лидерства, которые не отражали его смысла и сущности. Они выделялись поливариантностью, многоаспектностью и многофокус-

ностью допустимых исследовательских и интерпретационных позиций, однако, широко используя классические методы, так и не смогли ответить на многочисленные вопросы современности. Многие исследователи изучали лидерство в статическом положении, отрывая одну стадию от другой, что также отрицательно сказалось на конечных результатах.

Одна из причин подобного положения – недостаточная теоретическая и методологическая разработанность проблемы лидерства. В новых условиях требовались принципиально новые подходы, содержащие в себе не только модели, обеспечивающие эффективность деятельности отдельных лидеров, но и стратегии, позволяющие развивать творческие, парадоксальные и рискованные подходы к развитию всей теории лидерских отношений. Перед исследователями жизнь поставила ряд сложнейших задач – расширение и углубление теоретической платформы изучения лидерства за счет переноса в эту область знаний понятий и концептуальных схем из более глобальных теоретических моделей, интеграция представлений и обобщение многочисленных эмпирических фактов и отдельных характеристик лидерства, активное применение их на практике. Американский ученый Даниэль Катц в известном исследовании «Модели лидерства» предложил новый подход к анализу формирования лидеров с использованием четырех основных переменных:

степень структурированности и ролевого детерминизма поведения (можно говорить об организационном лидерстве и более свободном, неорганизационном – например, лидерство в массовом движении и т. д.);

в случае организационного лидерства решающей является характеристика институтов (демократические или авторитарные);

важную роль играет характер первичных и вторичных отношений в группе или организации;

существенны связи группы или организации с другими системами и подсистемами, а также позиция лидера во всей этой иерархии [38, с. 203–233].

«Эра героического лидерства заканчивается, – утверждали в работе «Власть. Преобразование организации через партнерское лидерство» известные исследователи Дэвид Брэдфорд и Алан Коэн. – Настало время постгероического, партнерского лидерства. В чем разница? Лидер-герой уверен: “Я лучше других разбираюсь в том, что происходит. Именно я определяю направления развития, именно я ищу правильные решения, именно я выполняю традиционные менеджерские функции, именно я беру на себя ответственность за все ошибки и неудачи компании. Задача моих подчиненных – контролировать свой участок работы. И не более того”. Лидер-партнер придерживается иных взглядов: “Каждый из нас – лидер. Моя задача – создать сильную команду, которая обладает общим видением. Каждый член команды способен влиять на другого и делит со мной ответственность за наши общие решения. Задача сотрудников – стать моими партнерами”» [33].

Поиски эффективных социологических моделей лидерства продолжаются до сих пор. В конце прошлого столетия широкое распространение получили лидерские теории «кредита доверия», «эмоционального интеллекта», «двига-

теля лидерства», атрибутивного лидерства, трансакционного и трансформационного (преобразующего) лидерства, «первичного или эмоционального» лидерства, опосредованного и латентного лидерства, распределенного лидерства и ролевой дифференциации, «лидерства для себя» и суперлидерства и другие. Особый интерес представляет sensemaking как концепция социальных отношений, благодаря которым лидеры и последователи могут переосмыслить процесс лидерства и собственную роль в нем.

В последние годы особый интерес вызывают теории лидерства, обобщающие воздействие нескольких факторов целенаправленного влияния на общественные процессы. Такими являются теории «распределенного лидерства» и ролевой дифференциации. Как показывает социальная реальность, не всегда необходимо иметь одного и того же лидера на всех этапах коллективной деятельности. Процесс лидерства может реализовываться не единолично, а распределяться между членами социальной группы или спортивной команды, объединенных общей целью.

В 70-х гг. прошлого столетия возникла новая теория лидерства. Несколько позже известный исследователь Джеймс Макгрегор Бернс назвал такое лидерство трансформационным (трансформирующим, преобразующим). По мнению многих исследователей, именно трансформационное лидерство является наиболее эффективным лидерством, так как такие лидеры воодушевляют своих последователей, заставляют их выходить за рамки собственных интересов, помогают осознать важность и необходимость поставленных целей и достичь более высоких рубежей. В настоящее время данная теория лидерства является одной из самых популярных в США и Западной Европе.

Д. М. Бернс предложил следующие виды трансформационного лидерства:

интеллектуальное лидерство – выступает как аналитико-нормативный ответ на существующие социальные запросы (М. Робеспьер, Дж. Мэдисон, В. Вильсон, Ф. Д. Рузвельт);

реформаторское лидерство – отличает нацеленность лидера на эволюционное развитие, реформирование основных сфер жизни общества (У. Черчилль, Ш. де Голль);

революционное лидерство – характеризуется наличием абсолютной преданности делу, обращением к ценностям и потребностям населения (В. И. Ленин, Мао Цзэдун);

героическое (харизматическое, по М. Веберу).

Героическое лидерство, как считает Д. М. Бернс, наиболее характерно для кризисных этапов в жизнедеятельности социума, когда на фоне серьезного ценностно-нормативного вакуума, состояния аномии плохо функционируют основные политические институты, власть теряет легитимность. Сильный лидер в данной ситуации может выступить в качестве символа, с которым будут идентифицировать себя последователи. Именно героические лидеры становятся символами тех или иных идей и персонифицируют социально-политические движения [34].

Вызывает интерес и концепция виртуального лидерства. По мнению ряда исследователей, такое лидерство представляет собой сочетание мышления и поведения, высоких профессионализма и личностных качеств. При выполнении этих условий присутствие лидера становится латентным: лидер с таким мастерством управляет процессами так, что последователи не осознают и не замечают его намерений.

Известные ученые Ори Брафман и Род А. Бекстрем в книге «Морская звезда и паук. Неудержимая сила организаций без лидеров», используя этих животных как метафору, анализируют деятельность современных организационных структур. «Морские звезды» – сообщества, которые живут без лидеров по принципу самоорганизации и успешно развивают внутри организации горизонтальные связи. «Пауки» – их противоположность с четкой вертикальной иерархией и лидерством «сверху вниз». Если оторвать голову пауку, он умрет. Но если отрезать щупальце у морской звезды, она обязательно отрастит новое, а отрезанное щупальце может вырасти в новую великолепную морскую звезду, – утверждают исследователи. Традиционные организации – это типичные пауки, в то же время современный мир меняется благодаря «морским звездам» и латентному лидерству. О. Брафман и Р. Бекстрем показывают, что происходит в ситуациях, когда «морские звезды» вступают в противоборство с «пауками», и наглядно демонстрируют, как уже утвердившиеся компании и учреждения учатся применять в своей деятельности принципы «морских звезд», или латентное лидерство [5].

Темпы развития современного общества, появление новых структур и производств, возросшая конкуренция, с которой сталкиваются многие современные организации, требуют перехода от традиционного управления к распределенному лидерству, поиску огромного количества лидеров самых различных уровней. Однако их можно не только искать, но и растить, воспитывать, формировать.

Поэтому самой популярной на Западе в настоящее время является теория лидерства для себя. До последнего времени интерес ученых и практиков в основном был сосредоточен на индивиде, который возглавлял трудовой коллектив или политическую партию, спортивную команду или любую другую структуру. Этот подход подчеркивал вертикальное влияние взаимосвязанных процессов, в котором последователи или подчиненные находятся под постоянным контролем и влиянием одного человека – лидера или руководителя.

Согласно концепции Чарльза Манца и Генри Симса-младшего, настоящее лидерство начинается с лидерства для себя. Лидеры должны научиться сначала сами вести, только потом они смогут вести за собой других: «Если вы хотите кого-то вести за собой, надо сделать первый важный шаг – вести себя» [42, с. 25]. Сотрудники, которые обладают такими качествами, как стремление к самостоятельности и самоэффективности, в целом скорее возьмут на себя ответственность и будут работать эффективно при условии обладания определенными полномочиями. Эти работники также прилагают больше усилий

для совершенствования результатов их индивидуальной работы, к примеру, используя стратегии лидерства для себя. Современное лидерство требует постоянного развития собственных самостоятельных лидерских навыков. В связи с этим требуются руководители, которые будут помогать подчиненным осуществлять лидерство для себя и стать приверженцами разделения ответственности в управлении [35; 36].

Как отмечают известные исследователи Чарльз Манц, Кристофер Нек, Джон Максвелл, Кент Бланшар, Шарон Норрис,Эндрю Брайант, Self-лидерство, или лидерство для себя, – это понятие, используемое для описания всеобъемлющей теории лидерства, которое демонстрирует существенную популярность и внушительный потенциал для применения в современных организациях [41; 42; 43; 44; 45]. Шарон Норрис в статье «Экспертиза Self-лидерства» предлагает следующее определение лидерства для себя – «это процесс воздействия на самого себя для формирования самостоятельности и самомотивации, необходимой для выполнения поставленных задач» [45, с. 44]. По мнению Ч. Манца и К. Нека, Self-лидерство – это своеобразный подход к лидерству, который основан на теории социального научения, социальной когнитивной теории и теории внутренней мотивации и определяется как «процесс влияния на самого себя» [41, с. 5]. Теория социального научения объясняет, как люди могут влиять на их собственные познание, мотивацию и поведение. Социальная когнитивная теория показывает, что люди постоянно взаимодействуют со своим окружением, поведенческие реакции служат источником информации и мотивации. Самоуправление объясняет, как лидеры думают и как они ведут себя в соответствии с когнитивными, мотивационными и поведенческими стратегиями.

Те, кто использует стратегии лидерства для себя, повышают свою собственную эффективность через стратегии ориентированного поведения, естественного вознаграждения и конструктивного мышления. Стратегии ориентированного поведения способствуют управлению поведением. Стратегии естественного вознаграждения помогают сотрудникам сформировать понимание смысла их деятельности и внести в нее положительные моменты, а стратегии конструктивного мышления создают позитивный образ мыслей. Лидерство для себя формирует основу мотивации достижения личностных целей каждого человека в отдельности и признает, что люди имеют большой выбор для того, что они лично могут испытать и должны сделать [42; 43].

Группой известных ученых разработаны «правила или принципы» для формирования Self-лидерства:

1. Установите цели вашей жизни, а не только вашей работы. Мысли о «смысле жизни», ее цели влияют на вашу жизнь вне работы, и вы получите жизнь в контексте, а не только работу и личную жизнь.

2. Ваше собственное хорошее поведение должно дать отличные результаты. В противном случае, почему кто-то должен следовать за вами, когда вы идете впереди?

3. Возьмите инициативу в свои руки. Волонтер должен быть первым. Будьте смелыми. Храбрый и бесстрашный, готовый упасть, потерпеть неудачу и снова встать на ноги и начать новый раунд борьбы. Этот удивительный способ делает нас сильнее.

4. Будьте скромными и отдавайте кредиты. Являясь лишь частью ведущих, вы должны пойти с ними.

5. Научитесь любить идеи и эксперименты. Включайте их в пилотные проекты, которые являются предисловием импульсивных решений. Все было невозможно до первого человека, но он сделал это.

6. Жить и верить в чудо. Ваш любимый вопрос должен быть – «Почему нет?» Будьте ненасытно любопытны, и вопросы будут решаться.

7. Поверьте, что красота существует во всем, всегда и в каждом, и лишь нужно постоянно искать ее. Вы будете удивлены, как мало нужно придумать и как многое ждет, когда вы будете красивы.

8. Активно отвергайте пессимизм и всегда будьте оптимистами.

9. Будьте чемпионом по изменениям [41; 42; 43; 44; 45].

Представляет интерес популярная на Западе концепция суперлидерства, или лидерства, наделяющего суперполномочиями. По мнению классиков этой теории Чарльза Манца и Генри Симса, самый эффективный лидер (SuperLeadership) – это тот, кто стремится сформировать лидеров из идущих за ним индивидов. Они предложили следующее определение: суперлидер – лидер, имеющий в своей первой линии одного и более лидеров [44, с. 5]. В работе «SuperLeadership: по ту сторону мифа о героическом лидерстве» они отмечали, что когда выделяются лидеры, чтобы стать сильнее и получить больше роста и внимания, последователи часто становятся слабее и чувствуют себя менее значительными. А лидеры со слабыми последователями, которые получают небольшую помощь и поддержку, действительно слабые лидеры, и их организации в целом являются уязвимыми в условиях жесточайшей конкуренции» [43, с. 16].

«SuperLeadership», по мнению Ч. Манца и Г. Симса, является комплексом поведенческих и когнитивных стратегий, призванных обеспечить личную направленность и мотивацию у последователей [43]. Основная задача таких стратегий лидерства – воспитание у последователей лидерских характеристик и компетенций, реальных возможностей в ближайшем будущем стать лидерами. Как считает Ральф Нейдер, задача лидера в том, чтобы было больше лидеров, а не в том, чтобы было больше тех, кто следует за лидером.

Суперлидерство основное внимание уделяет росту и развитию лидерских качеств у последователей. Это делается путем похвалы, награды вместе с конструктивной критикой и наличием обратной связи. В суперлидерстве выделяют несколько важных целей. Среди них:

разработка условий, способствующих позитивному отношению к последователям;

помощь сотрудникам в разработке личных целей;

разработка командных целей;

поощрение успехов и распространение информации об этом среди последователей;

поддержка и мотивация друг друга.

Лидеры с высокими самооценкой и личностной мотивацией являются идеальной моделью для последователей. Ч. Манц и Г. Симс предложили модель семи шагов суперлидерства, в которой обратили особое внимание на развитие самостоятельных лидерских навыков последователей, что способствует существенному увеличению эффективности деятельности организации. Согласно этой модели, индивид должен сначала стать лидером для себя; затем он (или она) должны продемонстрировать умения и навыки окружающим. Системообразующий момент – стремление помочь последователям выработать ценности и качества, компетенции и навыки, детерминирующие высокий профессионализм и независимость, доброту и поддержку, импровизацию и ответственность. Суперлидер поощряет командную работу, саморазвитие, разделенное лидерство, когда каждый член команды готов в любой момент поддержать товарищей по команде (группе) и выступить в роли лидера [42; 43; 44; 45].

Лидеры, внесшие заметный вклад в историю, всегда вызывали интерес у современников и потомков. В истории XX века – множество ярких примеров, раскрывающих суть и смысл эффективного лидерства. Джордж Вашингтон, Авраам Линкольн, Франклин Рузвельт, Владимир Ленин, Шарль де Голль, Джон Кеннеди, Ли Куан Ю, Дэн Сяопин, Владимир Путин, Александр Лукашенко навсегда вписали свое имя в историю. Всех их объединяют служение народу в сложных, даже экстремальных условиях, решение казалось бы непреодолимых проблем. В США при Франклине Рузвельте – это великая депрессия, в Китае при Дэн Сяопине – завершение периода «большого скачка» и «культурной революции», в Сингапуре при Ли Куан Ю – ликвидация постколониального синдрома. Владимир Ленин открыл дорогу миллионам людей к свободе и справедливости, Владимир Путин сплотил нацию в условиях попытки осквернения «русского духа», Александр Лукашенко спас страну от падения в пропасть, сделал Республику Беларусь стабильным и безопасным государством. Различным периодам их лидерства присущи обретение независимости, развитие государственности, абсолютная поддержка со стороны граждан, формирование общенациональных идей, детерминирующих уверенное продвижение государств к прогрессу и процветанию.

В Советском Союзе исследование лидерства практически не проводилось. В силу политических и идеологических причин оно сместилось в сторону разработки проблем управления и научной организации труда. Иногда, да и то очень редко, изучалось лидерство на уровне малых групп. Практически никогда не проводилось исследование политического лидерства. Да в принципе по-другому и быть не могло. Разве мог обладать существенным политическим авторитетом (важнейшим атрибутом политического лидерства)

и всенародной любовью престарелый политик, не способный правильно выговаривать слова, или не совсем грамотный руководитель, стучавший ботинком по трибуне ООН. Тем более, что этих руководителей не избирали народом, а назначали кучкой таких же старцев из Политбюро.

Проблемы лидерства в Беларуси исследовались явно недостаточно. Первые исследования политического лидерства в республике были проведены автором данной статьи в начале восьмидесятых годов прошлого столетия. Были изучены личностные качества и умения, ценностные ориентации руководителей и секретарей партийных комитетов промышленных предприятий Витебской области, представителей творческой интеллигенции, их мотивационный механизм. Социологические опросы показали высокий уровень профессионализма и авторитета, признания и доверия заводским и партийным вожакам, учителей школ и преподавателей вузов [11; 12; 13]. Самый близкий пример – моя мать, сельская учительница русского языка и литературы из небольшого поселка Яновичи на северо-востоке Беларуси. Она была настоящим лидером не только в школе, но и в районе и области, знала наизусть большинство произведений Александра Пушкина, Сергея Есенина, Вильяма Шекспира. Выучили их и многие школьники, декламировали на концертах в сельских клубах, пытались быть интеллектуалами. Когда выросли, они стали настоящими профессионалами, а матери было присвоено звание «Заслуженный учитель Белорусской ССР». Таких примеров было достаточно много. Дефиниция «лидер» тогда была не модной, ее не часто использовали, но настоящих вожаков и профессионалов готовили на высочайшем уровне.

Теория и практика лидерства требует дальнейшего осмысления и развития. Как показывает социальная реальность, данная проблема представляет значительный интерес как для трудовых коллективов, политических партий и спортивных команд, так и для всего общества. Лидерство постепенно становится важной социальной и личностной ценностью, детерминирует успех в любой сфере деятельности. Оно будет развиваться, усложняться и дифференцироваться. Развитие лидерского потенциала различных социальных субъектов и весь комплекс принимаемых мер по формированию эффективного лидерства в Республике Беларусь будет способствовать качественному обновлению страны и достижению новых побед. Лидерство детерминирует успех.

Литература

1. *Августин Аврелий.* О граде Божием : в 4 т. / Аврелий Августин. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского ставропигиал. монастыря, 1994. – Т. 1. – 394 с.

2. *Августин Блаженный.* Исповедь / Августин Блаженный. – Минск : Харвест, 2006. – 336 с.

3. *Аристотель.* Никомахова этика / Аристотель // Соч. : в 4 т.– М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 53–293.

4. *Аристотель.* Политика / Аристотель // Соч. : в 4 т. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 375–644.

5. *Брафман, О.* Морская звезда и паук. Неудержимая сила организаций без лидеров / О. Брафман, Р. Бекстрем. – М. : BestBusinessBooks, 2012. – 217 с.

6. *Вебер, М.* Харизматическое господство / М. Вебер // Социол. исслед. – 1988. – № 5. – С. 139–143.

7. *Гомер.* Илиада / Гомер. – Л. : Наука, 1990. – 576 с.

8. *Карлейль, Т.* Герои, почитание героев и героическое в истории / Т. Карлейль. – М. : Эксмо, 2011. – 412 с.

9. *Келлерман, Б.* Идущие за лидером. Как подчиненные создают изменения и меняют своих лидеров / Б. Келлерман. – М. : Аквамариновая книга, 2009. – 384 с.

10. *Котляров, И. В.* Лидерство как теоретический конструкт и социальная реальность: экспликация дефиниций, технология формирования, социологические тренды / И. В. Котляров // Докл. Нац. акад. наук Беларуси. – 2014. – Т. 58, № 3. – С.111–125.

11. *Котляров, И. В.* Ответственность наставника / И. В. Котляров // Промышленность Белоруссии. – 1984. – № 5. – С. 68–69.

12. *Котляров, И. В.* Ответственные задачи социологов / И. В. Котляров. // Коммунист Белоруссии. – 1986. – № 12. – С. 75–80.

13. *Котляров, И. В.* Партийный вожак в зеркале социологии / И. В. Котляров // Коммунист Белоруссии. – 1986. – № 6. – С. 40–45.

14. *Котляров, И. В.* Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И. В. Котляров. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 481 с.

15. *Котляров, И. В.* Формирование спортивных лидеров: теоретические, социологические, аксиологические аспекты / И. В. Котляров, Н. С. Рысюкевич. – Минск : Изд-во МИУ, 2012. – 284 с.

16. *Куропаткина, О. В.* Сакрализация и ограничение власти в религиозных системах / О. В. Куропаткина, Г. Г. Хачатрян // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – № 3. – С. 35–41.

17. *Лебон, Г.* Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб. : Макет, 1995. – 316 с.

18. *Макиавелли, Н.* Государь / Н. Макиавелли – М. : АСТ, 2002. – 704 с.

19. *Ницше, Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. – М. : Интербук, 1990. – 301 с.

20. *Ортега-и-Гассет, Х.* Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Эстетика. Философия культуры. – М. : Искусство, 1991. – С. 309–349.

21. *Платон.* Государство. Законы. Политик / Платон. – М. : Мысль, 1998. – 798 с.

22. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 2 т. / Плутарх. – М. : Наука, 1994. – Т. 1. – 704 с. – Т. 2. – 672 с.

23. *Почебут, Л. Г.* Организационная социальная психология / Л. Г. Почебут, В. А. Чикер. – СПб. : Речь, 2000. – 298 с.

24. *Стогдилл, Р.* Лидерство и структура управления персоналом / Р. Стогдилл. – М. : Норд-Вест, 2000. – 224 с.

25. *Таранов, Т. С.* Анатомия мудрости : в 2 т. / Т. С. Таранов. – Симферополь : Реноме, 1997. – Т. 1. – 624 с.

26. *Цицерон.* Философские трактаты / Цицерон. – М. : Наука, 1985. – 382 с.

27. *Шейгал, Е. И.* Многоликий нарратив / Е. И. Шейгал // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2007. – Вып. (2) 22. – С. 86–93.

28. *Эмерсон, Р.* Нравственная философия / Р. Эмерсон. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. – 384 с.

29. *Avolio, B.* Full Leadership Development: Building the Vital Forces in Organizations / B. Avolio. – New York : Thousand Oaks, 1999. – 244 p.

30. *Avolio, B.* Full Range Leadership Development / B. Avolio. – Washington : University of Washington, 2011. – 280 p.

31. *Bass, B. M.* Leadership performance beyond expectations / B. M. Bass. – New York : Free Press, 1985. – 256 p.

32. *Bass, B. M.* The transformational and transactional leadership of men and women / B. M. Bass, B. J. Avolio, L. E. Atwater // Applied Psychology : An International Review. – 1996. – N 45. – P. 5–34.

33. *Bradford, D.* Power Up: Transforming Organizations Through Shared Leadership [Hardcover] / D. Bradford, A. Cohen. –.New York : Wiley, 1998. – 364 p.

34. *Burns, J. M.* Leadership / J. M. Burns. – New York : Harper & Row, 1978. – 530 p.

35. *Furtner, M. R.* Relations between self-leadership and scores on the Big Five / M. R. Furtner, J. F. Rauthmann // Psychological Reports. – 2010. – N 107. – P. 339–353.

36. *Furtner, M.* Self-Leadership, Motivation to Lead, Trans-Formational Leadership and Superleadership: A Key to Organizational Success in the 21st Century / M. Furtner [et al.] // International J. of Business and Management Tomorrow. – 2012. – Vol. 2, N 7. – P. 1–8.

37. *Gibb, C.* Leadership / C. Gibb // Lindzey, G. The handbook of social psychology / G. Lindzey, E. Aronson. – Reading (Mass.), 1969. – Vol. 4. – P. 205–283.

38. *Katz, D.* Pattern of Leadership, in J. Knutson (ed.). / D. Katz // Handbook of Political Psychology. – San Francisco : Jossey – Bass, 1973. – P. 203–233.

39. *Kelley, R.* In Praise of Followers / R. Kelley // Harvard Business Review. – 1988. – Vol. 66, N 6. – P. 142–148.

40. *Kelley, R.* The Power of Followership. How to create leaders people want to follow and followers who lead themselves / R. Kelley. – New York : Doubleday, 1992. – 347 p.

41. *Manz, C. C.* Mastering self-leadership: Empowering yourself for personal excellence / C. C. Manz, C. P. Neck. – New York : Prentice Hall, 2004. – 154 p.

42. *Manz, C. C.* Self-Management as a Substitute for Leadership: A Social Learning Theory Perspective / C. C. Manz, H. P. Sims // Academy of Management Review. – 1980. – Vol. 5, N 3. – P. 361–367.

43. *Manz, C.* SuperLeadership: Beyond the myth of heroic leadership / C. Manz, H. Sims // Organizational Dynamics. – 1991. – Vol. 19 (5). – P. 18–35.

44. *Manz, C.* The New SuperLeadership: Leading Others to Lead Themselves / C. Manz, H. Sims. – New York : Berrett-Koehler Pub, 2001. – 250 p.

45. *Norris, S.* An Examination of Self-Leadership / S. Norris // Emerging Leadership Journeys. – 2008. – Vol. 1, iss. 2. – P. 43–61.

46. *Weber, M.* Theory of social and economic organization / M. Weber. – New York : Free Press, 1947. – 436 p.

47. *Zand, D. E.* The leadership triad: Knowledge, Trust, and Power / D. E. Zand. – New York : Oxford University Press, 1996. – 232 p.

I. V. KOTLIAROV

LEADERSHIP IN HISTORICAL NARRATIVE (SOCIOLOGICAL DISCOURSE)

Summary

Genesis of leadership is analyzed from sociological point of view. Historical stages of leadership development is shown briefly as well as changes of their meaning and components. Opinion of foreign and domestic researches about origin and development of leadership is analyzed.

Keywords: leadership, narrative, genesis of leadership, organization, personal qualities, value orientation.

Поступила 27.10.2014 г.

УДК 316.012

С. А. ШАВЕЛЬ,
доктор социологических наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНАЯ АТРИБУЦИЯ ЦЕЛЕЙ ДАЛЬНЕЙШЕЙ КОНСОЛИДАЦИИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

По результатам совместного белорусско-российского социологического исследования перспектив развития Союзного государства Беларуси и России и его влияния на социально-политическую ситуацию и повседневную жизнь людей в обеих странах представлены социальные атрибуции целей дальнейшей консолидации, по оценкам населения. Рассмотрены также данные о государственной форме интеграции, особенностей предпочитаемой власти, наиболее подходящей социально-политической системы для Союзного государства.

Ключевые слова: социальная атрибуция, интеграция, консолидация, меритократия, патернализм.

Анализу некоторых достижений и перспектив развития Союзного государства, его влияния на социально-политическую ситуацию и повседневную жизнь людей в Беларуси и России и посвящено совместное белорусско-российское социологическое исследование двух академических институтов – Института социологии НАН Беларуси и Института социологии РАН. В качестве примеров для сравнительного анализа и некоторых допустимых обобщений нами выбраны по одному региону в каждой из стран, с выборкой объемом по 900 человек в каждой, репрезентативной для каждого региона. Поскольку задача репрезентативных обобщений перед нами не стояла, то результаты опросов не суммировались и, соответственно, не рассчитывались обобщенные показатели связи признаков, индексы и коэффициенты. Упор сделан на то, что генерализованные выводы могут вытекать из представлений о типичных ситуациях и типичных оценках, характерных как в целом для выборки, так и отдельно для каждой из подвыборок.

Атрибуция в широком смысле слова – это интерпретация причин поведения, поиск ответа на вопрос «почему?» [1]. В известном примере М. Вебера о человеке, рубящем деревья в лесу, можно предположить, что он делает это для: а) заготовки топлива на зиму; б) очистки участка; в) обеспечения стройматериалами; г) продажи на рынке заготовленного сырья и др. Как видно, здесь причины и цели действия (поведения) совпадают, т. е. позиции «почему?» и «для чего?» эквивалентны, и в случае добровольного выбора они приобретают характер мотивов деятельности. Но в веберовском примере ничего не говорится о статусных характеристиках и условиях жизни лесоруба: воз-

можно, он действует в силу необходимости или по принуждению других лиц и т. п. В социальной атрибуции именно эти моменты приобретают приоритетное значение. Так, исследователи М. Хьюстон и Дж. Яспарс в работе «Социальные дименсии атрибуции» (под редакцией Г. Тэджфела) показали отличительные особенности социальной атрибуции. По их мнению, ей должны быть характерны четыре типа сущностных дименсий (измерений).

1. Оцениваемое явление должно иметь большую общественную значимость. Примерами называются безработица, проблемы войны и мира, стачечное движение и др.

2. Относиться к общей природе социальных представлений и быть мостом между индивидуальной и социальной реальностью.

3. Учитывать социальный контекст, определенную согласованность оценок.

4. Исходить из социальной категоризации индивидов, их общественного положения и условий жизнедеятельности [2].

Обращаясь к табл. 1, отметим, прежде всего, те позиции, которые практически совпадают по рангам и по удельному весу ответов. Итак, на первое место поставлено «Объединение ресурсов наших стран»: Беларусь – 45,2, Россия – 46,2 %. Смысловое содержание этой цели признается наиболее значимым для дальнейшего развития Союзного государства. Согласуются также оценки таких позиций, как «Создание сильного процветающего государства, которым можно гордиться», соответственно 34,5 % (третье место) и 35,6 % (второе место), а также «Противостояние внешним угрозам» – 26,7 и 31,7 % (четвертые места) и «Возрождение единого государства в рамках бывшего СССР» – 15,0 (пятое место) и 19,9 (шестое место).

Таблица 1. **Атрибутивная оценка населением целей дальнейшего развития Союзного государства Беларуси и России, в %**

Ради каких целей имеет смысл дальнейшее развитие Союзного государства?	Беларусь		Россия	
	Уд. вес	Ранг	Уд. вес	Ранг
Использование опыта друг друга для решения проблем коррупции, миграции, повышения уровня и качества жизни	38,7	2	31,6	5
Как первый этап возрождения единого государства в рамках бывшего СССР	15,0	5	19,9	6
Объединение ресурсов наших стран для создания высокоразвитой экономики	45,2	1	46,2	1
Противостояние внешним угрозам	26,7	4	31,7	4
Создание сильного процветающего государства, которым можно гордиться	34,5	3	35,6	2
Сохранение и развитие восточнославянской цивилизации	7,8	6	35,2	3
Другое	1,2	7	0,3	7

По двум позициям оценки разошлись. Так, «Использование опыта друг друга» у белорусов на втором месте – 38,7, у россиян – на пятом, 31,6 %. По-

скольку разница в 7,1 п. п. статистически значима, эти оценки можно понимать так, что обмен опытом для россиян несколько меньше значим, чем для белорусов. Это и понятно: совокупный позитивный опыт России, безусловно, больше, чем в Беларуси. Но в Союзном государстве такие количественные оценки могут только помешать взаимовыгодному сотрудничеству.

Заметны и расхождения в оценках такой позиции, как «Сохранение и развитие восточнославянской цивилизации»: Беларусь – 7,8 (шестое место), Россия – 35,2 (третье место). При этом важно учитывать, с одной стороны, разницу геополитического положения стран, с другой – то, что Союзное государство серьезно укрепляет восточнославянскую цивилизацию, хотя без Украины она не может быть полной. Понятно, что Беларусь не претендует на системообразующую роль в этой цивилизации, но ее участие в интеграции имеет большое значение.

Важнейшей проблемой дальнейшего развития Союзного государства является его институциональное строительство, т. е. создание институтов и других структур, которые могут взять на себя интегративные функции и успешно их выполнять. Опыт Евросоюза показывает, что, несмотря на многолетние огромные усилия по оптимизации таких структур, существуют и ситуативно обостряются многие противоречия между входящими в Евросоюз странами.

Обращаясь к табл. 2, можно констатировать, что значительная часть опрошенных (в Республике Беларусь – 49,0, в Российской Федерации – более 40 %) считают, что такие структуры Союзного государства могут частично различаться. В то же время, среди россиян вдвое больше, чем среди белорусов, полагающих, что они должны быть общими, соответственно, политическое устройство – 43,8 и 21,8; экономическая система – 49,5 и 24,7; идеология – 57,6 и 24,2 %. На наш взгляд, разница в оценках может быть связана с тем, что россияне в большей степени психологически настроены на институциональное оформление Союзного государства, вплоть до использования методов административной интеграции. Об этом же свидетельствует и то, что более четверти белорусов хотели бы сохранения сегодняшнего уровня структур Союзного государства, в то время как среди россиян согласны с такой позицией только около 8 % в среднем.

Таблица 2. **Общность институциональных структур, по оценке населения, в %**

Насколько общим должно быть институциональное строительство в Союзном государстве?	Политическое устройство		Экономическая система		Идеология	
	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Россия
Должны быть общими	21,8	43,8	24,7	49,5	24,2	57,6
Могут различаться	48,4	49,0	49,4	42,1	46,5	32,9
Должны быть такими, как сегодня	26,9	7,2	23,4	8,4	26,2	9,4
Нет ответа	2,9	–	2,5	–	3,1	–

Союзное государство возникло как наднациональное образование, призванное создавать условия, разрабатывать механизмы, внедрять систему сти-

мулирования углубленной интеграции двух стран и народов. Опыт первых шагов показал, что простое снятие пограничных и таможенных барьеров, декларация режима свободного перемещения товаров и услуг, передвижения людей и культурных ценностей сами по себе еще не устраняют возможные недоразумения и другие коллизии на путях расширения взаимовыгодного сотрудничества. Так возникла ситуация «торговых войн», совершенно немыслимая в рамках единого государства. Для ее разрешения белорусским производителям пришлось многое сделать для повышения качества продукции, поставляемой в Россию, что можно считать общим позитивным результатом. Но, с другой стороны, возникшее напряжение подрывало исходные принципы философии интеграции, ее экзистенциальный фундамент – доверие друг другу. Некоторые российские бизнесмены вольно или невольно попытались внедрить скорее утилитарные, чем прагматические критерии взаимной торговли, самого понятия равенства сторон, забывая о стратегических целях Союзного государства. К счастью, этот уклон усилиями высшего руководства и ведущих бизнес-структур России быстро был преодолен.

Но вопросы о том, к какому будущему государственному устройству должна вести интеграция России и Беларуси, сохраняют свое значение.

В табл. 3 первый вариант ответов можно понимать как прообраз унитарного государства, второй – подобие конфедерации, некоторые аспекты которой аналогичны устройству Евросоюза, третий – в большей степени как модель сегодняшнего устройства Союзного государства России и Беларуси. Как видно из таблицы, большинство поддерживает вариант союза равноправных государств типа конфедерации: Беларусь – 58,5, Россия – 51 %.

Таблица 3. **Государственная форма дальнейшей интеграции России и Беларуси, по оценкам населения, в %**

В какой форме целесообразна интеграция России и Беларуси?	Беларусь	Россия
Одно государство с единым правительством, парламентом, политическими партиями, общественными организациями, законами, экономикой и т. п.	15,7	28,3
Союз равноправных государств, в котором каждая из наших стран будет определять развитие тех секторов, в которых она достигла высших результатов	58,5	51,0
Союз двух государств на основе временных договоров по реализации конкретных совместных проектов	19,3	16,7
Другое	0,7	0,3
Нет ответа	5,8	3,7

За унитарное государство высказались, соответственно, 15,7 и 28,3 %, за современное устройство Союзного государства – 19,3 и 16,7 %. Эти данные показывают, что белорусы заметно меньше поддерживают дальнейшую интеграцию по пути унитаризма, но в большей степени ориентированы на устройство Союзного государства как конфедерации или строго определенной федерации. Конечно, такая, можно сказать, страновая привязка данно-

го варианта сложна для законодательного оформления, поскольку критерий «высших результатов» изменчив, а значит, относителен. Но он оправдан и может дать успешный результат за счет концентрации усилий на наиболее перспективных направлениях. Позиция белорусов объясняется большей чувствительностью к сохранению недавно приобретенного суверенитета, поэтому они несколько больше голосов отдали за сохранение нынешнего статус-кво Союзного государства.

На вопрос о предпочитаемой форме власти у руля Союзного государства большинство голосов, как и ожидалось, отдано за власть, выражающую и защищающую интересы большинства: Беларусь – 58,0, Россия – 62,4 %. Нет сомнения, что такой вариант власти соответствует интуитивным представлениям массового сознания, а следовательно, патерналистским ожиданиям масс.

Следует, однако, учитывать, что термин «большинство» часто употребляется метафорически, без какой-либо операционализации, и с определенной аксиологической модальностью, в том смысле, что большинство лучше, чем меньшинство. Для придания ему научного статуса необходимо указать те дименсиональные процедуры, которые обусловливают реальность большинства. Например, утверждение, что женщины составляют большинство населения страны, является фактом при соответствии данным переписи, но не верно для молодежной когорты и ряда профессиональных групп. Выражение «большинство трудящихся» также оставляет сомнения относительно точного перечня тех категорий, которые должны входить в состав «трудящихся». Например, следует ли к трудящимся относить пенсионеров, временно не работающих, а также олигархов, владельцев (хозяев) частных предприятий и фирм, вообще тех, кто в силу аскрипции (унаследованного статуса) или определенного привилегированного положения, свободен от эксплуатации, дискриминации и т. п. Одним словом, точное количественное определение данного термина требует не только точных статистических данных, но и психосоциологического анализа.

Вместе с тем смысл этой позиции, ее мировоззренческая и экзистенциальная сущность становится понятной при сопоставлении с позицией выбора той власти, которая поддерживает прежде всего инноваторов, т. е. именно тех, кто способен обеспечить модернизацию, вообще развитие новых технологий не только в промышленности, но и во всех сферах общественной жизни. Такую власть хотели бы иметь 16,1 % белорусов и 22,3 % россиян. Что значат эти данные в социологическом смысле, можно ли их интерпретировать так, что только около 20 % в среднем за то, чтобы власть поддерживала ученых, изобретателей, новаторов? По-видимому, такой вывод был бы поспешным. В исследовании каждый респондент, отвечая на данный вопрос, оказывается перед дилеммой: что предпочесть – патернализм с элементами эгалитаризма или протекционизм с элементами меритонизма (учета способностей, от англ. merit – заслуга).

Каждое из этих направлений имеет глубокие исторические корни. Патернализм (отцовская забота) восходит к архаичному периоду равнообеспечи-

вающего распределения, когда все члены сообщества (рода, племени) получали средства к жизни в силу самого факта принадлежности к сообществу, в том числе престарелые, больные, раненые и т. д. [3, с. 166]. Эта идея вошла в мифы о «золотом веке», получила этическое обоснование в мировых религиях и свое развитие в ряде учений. М. Рьюз пишет: «Я полагаю, что поскольку действовать сообща и быть “альтруистом” – в наших эволюционных интересах, поскольку биологические факторы заставляют нас верить в существование бескорыстной морали. То есть биологические факторы сделали нас альтруистами» [4, с. 39].

Приведем также слова публициста Л. Рубинштейна, который сказал: «Наше общество патерналистское, оно зависит от “начальства”, государства, власти. Огромная часть населения смотрит наверх – как там себя ведут, что позволяют. Главный грех нынешней власти в том, что она своим примером отравляет и развращает общественную атмосферу» [5, с. 114].

Вторая линия дилеммы представлена во многих вариантах теории творческого меньшинства: от известного принципа Платона – «каждому свое» до меритократии М. Янга, пассионарности Л. Гумилева, элитизма В. Парето и др. Делая ставку на творческое меньшинство, А. Тойнби отмечал: «Творческие личности в авангарде цивилизации, влияющие на нетворческое большинство через механизм мимесиса, могут потерпеть поражение по двум причинам. Одну из них можно назвать отрицательной, а другую – положительной» [6, с. 11]. Отрицательная причина – это попадание под гипноз, которым харизматики воздействовали на своих последователей; положительная – отказ от мимесиса, а значит, от заботы об устойчивости социума как целостности. Судя по всему позитив такого выбора видится в том, что он открывает (расширяет) пути инновационного развития. Но в высказывании А. Тойнби центральным является заимствованное у А. Бергсона противопоставление творческих личностей как авангарда цивилизации нетворческому большинству, которое следует за творческим меньшинством, благодаря механизму мимесиса. Не обсуждая в деталях позицию автора, отметим следующее.

Решение дилеммы, т. е. дизъюнктивного высказывания по типу «или-или», может быть как чисто логическим, так и аксиологическим. В первом случае выбор одного из вариантов автоматически исключает второй. Если человек решает, что делать: ждать на остановке общественный транспорт или взять такси, и все-таки берет такси, то ожидание транспорта исключается, и наоборот. При аксиологическом решении вводятся и основываются дополнительные данные об условиях ситуации, соответственно меняется вектор поиска: он направляется от того, что есть реально, к тому, что должно быть, т. е. вводится ценностное измерение. Так, человек на остановке учитывает имеющиеся ресурсы времени, расстояния и пр., а главное – свою ответственность за опоздание, возможные трансакционные издержки, способы их компенсации, реабилитации доверия и др. При этом, прямо или опосредованно, принципиальным становится ценностный критерий эффективности того или иного решения.

В рассматриваемой нами ситуации дилемма касается типа власти Союзного государства. Как видим, предпочтения отданы патерналистскому государству, по сравнению с меритократией, т. е. властью, поддерживающей креативных инициаторов как заведомо творческое меньшинство. Но это чисто логическое решение дилеммы на основе доминирующих интуитивных представлений. По-видимому, далеко не все из этой категории принципиально против поддержки способных, инициаторов и т. д. Опасения вызывают многочисленные примеры перекосов в поощрении представителей шоу-бизнеса, спортсменов-профессионалов, топ-менеджеров и других категорий, высокая оплата которых якобы определяется рыночными условиями спроса и предложения.

Однако, если использовать ценностное измерение власти по критерию ее эффективности, то оценки должны быть более взвешенными. Более эффективной следует признать ту власть, которая, с одной стороны, обеспечивает социальную защиту тех, кто по объективным обстоятельствам оказывается в ущемленном положении, которая поддерживает субсидиарность, как стремление к обеспечению достойного уровня благосостояния своего и своей семьи, не допускает как необоснованных льгот и привилегий, так и посягательств на безопасность и другие права человека и т. д., а с другой, стимулирует инновационную активность, использует способности и энергетику креативного меньшинства для развития общества как единой целостности, для повышения уровня и качества жизни всех слоев населения, т. е. ради общего блага.

К сожалению, в общественном восприятии власти сохраняются многие прежние стереотипы. Во власти видят главным образом инстанцию, которая распределяет, защищает, может что-то дать (или отказать) и т. п. В большинстве случаев проблема эффективности власти даже не упоминается, т. е. понимание власти как слаженной команды (одного человека или института), умеющей добиваться успеха вопреки даже тем или иным обстоятельствам, если и есть, то очень периферийно.

Из табл. 4 видно, что на первом месте и с большим отрывом названы социальные гарантии: Беларусь – 67,4, Россия – 73,4 %. Далее отмечены позиции: охрана порядка, личные планы, избрана мною лично, мне не мешает, и, на последнем месте, проводит референдумы. Здесь предпочтения отданы патерналистскому типу власти, но не достижительству. Неопределенность относительно этой проблемы создает большие затруднения при выборе социально-политической системы для Союзного государства.

Первое, что бросается в глаза при анализе данных табл. 5, – это большое число затруднившихся ответить: таких в Беларуси – 62,0 %, а в России – 36,2 %. Это связано с существенными трудностями в оценке наиболее известных современных социально-политических систем. С одной стороны, не хватает личного знакомства, с другой – ангажированная литература, СМИ, Интернет стремятся представить западный строй, образ жизни как наиболее привлекательный, без изъянов и недостатков. Поэтому для выявления тенден-

Таблица 4. **Оценки власти как своей, в %**

Какую власть Вы могли бы назвать своей?	Беларусь	Россия
Избрана мною лично	13,7	18,6
Мне не мешает	11,3	14,9
Обеспечивает мои социальные гарантии	67,4	73,4
Способствует моим планам	12,3	33,7
Проводит референдумы	10,9	13,3
Обеспечивает охрану порядка, безопасность	20,5	44,2

ций пришлось оценивать результаты голосования по методу плебисцитарного подсчета, в котором часто не учитываются те, кто по каким-то причинам не принял участия в голосовании. В нашем случае определялся удельный вес по каждому из вариантов анкеты от числа ответивших.

Таблица 5. **Социально-политическая система, наиболее подходящая для Союзного государства, в %**

Какая социально-политическая система наиболее подходит для Союзного государства?	Беларусь	Россия
Советская, что была до перестройки	21,1	25,3
Советская, но в более демократическом варианте	28,9	28,0
Современного Китая	0,8	8,9
Социализм шведского типа	4,4	10,3
Та, что сегодня в России	1,5	8,0
Та, что сегодня в Беларуси	23,3	3,3
Демократия западного типа	5,7	8,4
Ни один из перечня не подходит для Союзного государства	14,3	7,8
Всего ответов	100,0	100,0
Затрудняюсь ответить	62,0	36,2

При большом разбросе голосов заметен эффект так называемого «когнитивного заблуждения», когда указывается прежде всего то, что более известно, что на слуху, независимо от его содержания и модальности. В силу этого за социально-политическую систему советского типа, в том числе с более демократическими элементами, как наиболее подходящими для Союзного государства, высказались 50,0 % опрошенных в Беларуси и 53,3 % в России. Россияне заметно больше поддержали систему современного Китая, социализм шведского типа, западную демократию и нынешнюю систему России, хотя ни одна из них не набрала более 10 % голосов. В то же время 23,3 % белорусов считают, что для Союзного государства могла бы подойти сегодняшняя система Беларуси; в России ей отдали предпочтение только 3,3 % респондентов. Признали, что ни одна из перечисленных систем не подходит для Союзного государства, каждый 7-й в Беларуси и каждый 12-й в России.

Таким образом, общественное мнение не дает однозначного ответа о выборе наиболее подходящей социально-политической системы для Союзного

государства Беларуси и России. Это и не удивительно, поскольку общественное мнение и не может быть адекватным, если речь идет о проблемах теоретического, поискового уровня. Проведенный анализ показывает, что научное обоснование социально-политической системы Союзного государства не может ограничиваться эмпирико-социологическими исследованиями; оно по самой природе предмета требует системного подхода.

Как видно из табл. 6, первым в числе приоритетных направлений дальнейшей интеграции России и Беларуси названа экономика, соответственно 50,1 и 42,4 %. Эти цифры существенно возрастут, если к ним добавить экономическую составляющую ряда других направлений, таких как сотрудничество регионов, инфраструктура (транспорт, логистика и др.), космическую область. В целом по большинству направлений интеграции поддержка белорусов выше, чем у россиян. Так, военная сфера – 25,5 и 15,0 %; культура и искусство – 22,0 и 18,0 %; наука – 23,6 и 13,0 %; здравоохранение – 29,1 и 18,0 %; образование – 21,6 и 7,6 %, космическая область – 22,4 и 3,9 %; политика – 27,4 и 24,2 %. И только по двум направлениям россияне выразили большую заинтересованность в углублении интеграции, чем белорусы: а) сотрудничество регионов – 33,4 и 28,3 % и б) развитие инфраструктуры (транспорт, дорожное строительство, коммуникации, логистика) – 15,4 и 12,3 %. В целом все названные направления признаны достаточно важными в интеграции наших стран. Правда, из-за большого числа вариантов и необходимости их ранжирования произошло некоторое рассеивание ответов, преодолеть которое можно укрупнением направлений, например, объединением науки и культуры, здравоохранения и образования и др.

Таблица 6. **Приоритетные направления дальнейшей интеграции России и Беларуси, в %**

Какие направления дальнейшей интеграции России и Беларуси являются приоритетными, на Ваш взгляд?	Беларусь	Россия
В экономике	42,4	50,1
В политике	27,4	24,2
В военной сфере	25,5	15,0
В области культуры и искусства	22,0	18,0
В сфере науки	23,6	13,0
В здравоохранении	29,1	18,0
В образовании	21,6	7,6
В сфере транспорта, дорожного строительства, коммуникаций, логистики	12,3	15,4
В космической области	22,4	3,9
Сотрудничество регионов России и Беларуси	28,3	33,4
Затрудняюсь ответить	32,8	21,6

Существует и некоторая разница в оценках. Так, для белорусов более приоритетными являются здравоохранение, военная сфера, космос и образование; для россиян – региональное сотрудничество и инфраструктура, особенно

дорожное строительство. Все эти направления интеграции достаточно активно поддерживаются населением каждой из стран.

Литература

1. Личность и социальная среда: идеологические и психологические аспекты общения : сб. обзоров. – М., 1987. – С. 60.

2. *Hewstone, M.* Social dimensions of attribution / M. Hewstone, J. Jaspars // The social dimensions: Europ developments in social psychology / ed. N. Tajfel. – 1984. – Vol. 2. – P. 380–385.

3. Свод этнографических понятий и терминов: социально-экономические отношения и ционормативная культура / под общ. ред. Ю. В. Бромлея, Г. Штробаха. – М. : Наука, 1986. – Вып. 1. – 240 с.

4. *Рьюз, М.* Эволюционная этика: здоровые перспективы или окончательное одряхление? // Вопр. философии. – 1989. – № 8.

5. *Рубинштейн, Л.* Дело жизни / Л. Рубинштейн // Harvard Business Review. – 2014. – № 5.

6. *Тойнби, А.* Постижение истории / А. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.

S. A. SHAVEL

SOCIAL PURPOSES ATTRIBUTION OF FURTHER UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA CONSOLIDATION

Summary

According to the results of the joint Belarusian-Russian sociological research on the topic of the Union State of Belarus and Russia development prospects, and its impact on the socio-political situation and daily lives of people in both countries social attribution purposes of further consolidation are represented on the population assessments. Also there was considered the data on the state form of integration, peculiarities of the appropriate power, the most suitable socio-political system of the Union State.

Keywords: social attribution, integration, consolidation, meritocracy, paternalism.

Поступила 10.10.2014 г.

УДК 316:061.62

Н. А. БАРАНОВСКИЙ,
доктор социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

На основе результатов мониторинговых социологических исследований дана характеристика состояния, динамики и перспектив развития политической системы современного белорусского общества. Научно обоснован вывод о необходимости совершенствования деятельности органов государственной власти и управления, избирательной системы, местного самоуправления и других институтов гражданского общества.

Ключевые слова: политическая система, идеология, национальная идея, местное самоуправление.

Новейший период в развитии белорусского общества – время системной трансформации экономических, политических и культурных институтов и общественных отношений, построения постиндустриального информационного общества. Этот период можно разделить на следующие этапы: 1) системный кризис (90-е гг. XX в.); 2) период стабилизации (первое десятилетие XXI в.); 3) переход к устойчивому и инновационному развитию и к стадии постиндустриального информационного общества (второе и третье десятилетия XXI в.). Анализ данных статистики, результатов мониторинговых социологических исследований, проводимых Институтом социологии НАН Беларуси и другими социологическими центрами, показывает, что несмотря на мировые и региональные экономические кризисы и политические потрясения, благодаря добрососедским и дружеским взаимоотношениям с Российской Федерацией, социально-экономическая, политическая и культурная ситуация в стране достаточно благоприятная и относительно стабильная. Развивается процесс экономической интеграции Беларуси, России и Казахстана и активизируется участие Беларуси в построении новой модели полиполярного мироустройства. Успешно решается проблема преодоления бедности и растет удельный вес населения со средним уровнем материального достатка. Углубляется тенденция снижения элементов социальной напряженности, упрочения социально-политической стабильности и роста социального оптимизма в белорусском обществе.

Направленность и социодинамика трансформационных процессов в современном белорусском обществе в значительной степени зависит от состоя-

ния, возможностей и путей развития политической системы – структуры и функционирования органов законодательной, исполнительной и судебной власти, политических партий и других институтов гражданского общества и самоуправления, политической культуры и общественно-политической активности населения. По данным социологических исследований, проводимых Институтом социологии, за последнее десятилетие изменились социально-политические ориентации населения. Так, если в 1990-х гг. под словом «демократия» в общественном мнении преимущественно понималось установление порядка и обеспечение благополучия, то в настоящее время – это, прежде всего, соблюдение прав человека (48 %), обеспечение свободы слова, прессы, вероисповедания (44 %), равенство и социальная справедливость (36 %), стабильность и порядок (35 %), возможность участвовать в политической жизни страны (22 %) (данные социологического опроса в ноябре 2013 г.). Сравнение оценки населением политической обстановки в стране за период 2002–2014 гг. показывает, что уже к 2006 г. в Беларуси наметилась тенденция роста позитивного восприятия гражданами социально-политической ситуации. Так, в 2002 г. количество респондентов, оценивающих политическую обстановку в стране как спокойную и стабильную, составляло 48,5 %, а в 2006 г. – 67,2 %. Число граждан, оценивающих политическую обстановку в стране как напряженную, в 2006 г. снизилось до 5,8 %, то есть почти в четыре раза, по сравнению с 2002 г. (20,8 %). В период с 2007 по 2014 г. число граждан, полагающих, что политическая обстановка в стране в целом спокойная, продолжало оставаться стабильно высоким – от 61,3 % в 2007 г. до 58,7 % в 2014 г. По данным опроса, проведенного в июле 2014 г., четвертая часть населения страны проявляет оптимизм и с уверенностью смотрит в будущее Беларуси (25,1 %, а среди городских жителей – 28,2 %, жителей села – 16,0 %), еще 45,0 % – с надеждой на улучшение жизни (беспокойство и тревогу в связи с возможным ухудшением жизни проявляет 16,1 % респондентов).

Таким образом, в последнее десятилетие отчетливо проявляется тенденция снижения элементов напряженности и возрастания социально-политического оптимизма в обществе, что создает предпосылки для дальнейшего развития Республики Беларусь по пути демократии и гражданского общества. По данным опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в июле 2014 г., абсолютное большинство населения (74,9 %, примерно в равной степени как среди городских жителей, так и сельских, а также респондентов разного возраста) полагает, что с момента обретения государственной независимости Республика Беларусь *состоялась как независимое и самостоятельное государство* (из них 36,3 % ответило полностью утвердительно, а 38,6 % – скорее «да»; отрицательный ответ высказало только 11,6 % респондентов, 8,6 % затруднилось ответить). *Чувство гордости за Беларусь* у населения страны в наибольшей степени вызывают, прежде всего, такие политические события, как обеспечение мирного развития страны (41,1 %), стабильность в стране (30,7 %), достижение государственного суверенитета (25,7 %), укреп-

ление авторитета страны на международной арене (12,6 %), создание ЕАЭС (10,0 %), сплочение людей вокруг идеи государственного суверенитета (7,8 %), построение социально ориентированного государства (6,9 %) и др.

Прогнозируя реальные социально-политические контуры Беларуси третьего десятилетия XXI в., население страны выделяет следующие основные особенности:

сохранение государственной независимости и территориальной целостности – 63,0 %, максимальный показатель среди жителей Гомельской области (76,2 %), минимальный – среди жителей Гродненской области (51,5 %);

страна с развитой национальной культурой и традициями – 58,1 %, максимальный показатель среди жителей Брестской области (59,7 %), минимальный – среди жителей Гродненской области (20,6 %);

страна, обладающая эффективными современными технологиями и развитой наукой – 44,5 %, максимальный показатель среди жителей Гомельской области (54,1 %), минимальный – среди жителей Гродненской области (34,9 %);

построение демократического и правового государства – 41,2 %, максимальный показатель среди жителей Гомельской области (57,9 %), минимальный – среди жителей Витебской области (29,9 %);

государство законности и порядка, справедливости и солидарности, партнерства и ответственности – 39,3 %, максимальный показатель среди жителей Гомельской области (49,3 %), минимальный – среди жителей Витебской области (31,5 %);

социально справедливое общество – 38,4 %, максимальный показатель среди жителей Гомельской области (53,6 %), минимальный – среди жителей Витебской области (28,2 %);

страна с высоким уровнем жизни – 37,1 %, максимальный показатель среди жителей Брестской области (57,7 %), минимальный – среди жителей Гродненской области (22,7 %). Социологически значимых различий в оценках будущего социально-политического облика Беларуси среди респондентов разного возраста, городских и сельских поселений не наблюдается.

Результаты мониторинговых социологических исследований свидетельствуют, что в современном белорусском обществе потребности интенсивного развития экономики, социальной сферы и культуры настоятельно требуют активизации работы по совершенствованию системы государственного управления экономическими и социальными процессами. Это связано с тем, что, по мнению населения, в деятельности органов государственной власти и управления в настоящее время имеется много недостатков, в частности, волокита (44,1 %), невнимание к гражданам (39,2 %), использование должности в личных целях (37,8 %), непрофессионализм (28,7 %), взяточничество, коррупция (27,4 %), принятие решений в обход закона (20,4 %), которые снижают эффективность социального управления и препятствуют модернизации общества. При этом граждане, не желая оставаться сторонними наблюдателями социальных процессов, проявляют готовность принимать активное участие

в общественно-политической жизни страны: в обсуждении законопроектов и принятии государственных решений, в деятельности политических партий и общественных движений, в работе органов местного самоуправления, в контроле деятельности органов государственной власти и управления и в других формах общественно-политической деятельности. Для выполнения данной работы у населения появляется все больше экономических, культурно-образовательных и досуговых возможностей, которые целесообразно творчески использовать на благо развития личности, государства и общества, создавая благоприятные нормативно-правовые, организационно-управленческие и другие условия.

По мнению населения, в ближайшие десятилетия для Беларуси *наиболее актуальными и реально возможными могут быть следующие политические и социальные проблемы, трудности и угрозы*: уменьшение численности населения из-за низкой рождаемости (37,4 %); утрата белорусского языка (35,8 %); рост пьянства и наркомании (34,9 %, особенно среди жителей села – 39,4 %); резкий наплыв мигрантов из других стран (30,5 %); снижение уровня жизни (24,8 %), рост преступности (20,3 %, особенно среди жителей села – 23,9 %); труднодоступность медицинской помощи (19,2 %); втягивание Беларуси в военные конфликты за пределами страны (17,1 %); кризис национальной культуры и ее растворение в других культурах (16,7 %, особенно среди жителей городов (18,5 %) и молодежи 20–29 лет (18,1 %)); ограничение прав и свобод (16,5 %, особенно среди жителей городов (17,3 %) и молодежи 20–29 лет (17,9 %)); передел собственности (14,6 %); кризис системы образования (14,0 %), кризис национальной науки (13,5 %), рост террористической угрозы (11,7 %), возникновение внутренних социальных, этнических, конфессиональных и других конфликтов (11,4 %), потеря государственного суверенитета (7,9 %), приход к власти экстремистских сил (5,6 %) (данные опроса в июле 2014 г.).

Актуальной социальной потребностью является *совершенствование политической системы* – оптимально сочетающий социальные инновации и преемственность эволюционный процесс системных преобразований в базовых принципах, структуре и формах деятельности органов государственной власти и управления, политических партий и политических, общественных движений, который ориентирован на демократизацию государственного управления и формирование гражданского общества, повышение эффективности социально-политического управления, обеспечение социального порядка и устойчивого прогрессивного развития социума. По данным социологического опроса, проведенного в ноябре 2013 г., 44 % респондентов полагают, что существующая в стране политическая система нуждается в совершенствовании (из них 19 % полностью убеждены в этом, а 25 % – «скорее да, чем нет»). Значительная часть населения (41 %) затруднилась ответить на данный вопрос. В наибольшей степени курс на совершенствование политической системы поддерживают жители г. Минска и Брестской области (соответственно 57,3 и 53,3 %), горожане (46,5 %) и молодежь до 30 лет (51,5 %). По мнению

населения, совершенствование политической системы необходимо для того, чтобы обеспечить повышение уровня благополучия и качества жизни населения (31 %), снизить уровень коррупции среди чиновников (15 %), уменьшить бюрократизм в органах власти и управления (14 %), обеспечить большую социальную справедливость (11 %), обеспечить развитие демократии и формирование гражданского общества (10 %).

Наиболее важными переменами, востребованными обществом, в контексте совершенствования политической системы страны, по мнению населения, являются:

усиление ответственности руководителей всех уровней за принятые решения (40 % – по данным опроса в ноябре 2013 г. и 45,5 % – по данным опроса в июле 2014 г., максимальный показатель 2014 г. среди жителей Гродненской области (55,2 %), минимальный – среди жителей Могилевской области (39,0 %));

повышение эффективности и открытости работы государственного аппарата (38 % – ноябрь 2013 г. и 43,5 % – июль 2014 г., максимальный показатель 2014 г. среди жителей Гродненской области (50,7 %), минимальный – среди жителей Брестской области (30,2 %));

установление контроля доходов и расходов чиновников (34 % – ноябрь 2013 г. и 40,1 % – июль 2014 г., максимальный показатель 2014 г. среди жителей Гродненской области (53,9 %), минимальный – среди жителей Брестской области (29,7 %));

учет общественного мнения при управлении государством (29 % – ноябрь 2013 г. и 34,4 % – июль 2014 г., максимальный показатель 2014 г. среди жителей Гродненской области (41,8 %), минимальный – среди жителей Гомельской области и г. Минска (по 30,5 %));

децентрализация власти и управления, развитие местного самоуправления (15 % – ноябрь 2013 г. и 10,5 % – июль 2014 г., максимальный показатель 2014 г. среди жителей Брестской области (16,0 %), минимальный – среди жителей Гродненской области (6,1 %));

введение прямых выборов руководителей местных органов власти и управления (13 % – ноябрь 2013 г. и 17,6 % – июль 2014 г., максимальный показатель 2014 г. среди жителей Брестской области (28,2 %), минимальный – среди жителей Гродненской области (11,8 %));

переход на выборах в парламент к голосованию как по отдельным кандидатам, так и по партийным спискам (к смешанной системе выборов) (9,9 % – июль 2014 г., максимальный показатель среди жителей Брестской области (18,3 %), минимальный – среди жителей Гродненской области (2,2 %));

учет мнения оппозиции при принятии политических решений и управлении государством (9 % – ноябрь 2013 г. и 7,9 % – июль 2014 г., максимальный показатель 2014 г. среди жителей Брестской области (13,4 %), минимальный – среди жителей Минской области (3,1 %));

привлечение общественных организаций к принятию политических решений и управлению государством (9 % – ноябрь 2013 г. и 11,6 % – июль 2014 г.,

максимальный показатель 2014 г. среди жителей Брестской области (21,8 %), минимальный – среди жителей Могилевской области (4,0 %)). Социологически значимых различий в структуре наиболее важных перемен, востребованных обществом, среди респондентов разного возраста, жителей городских и сельских поселений не наблюдается.

Опираясь на результаты опроса общественного мнения, следует полагать, что совершенствование политической системы целесообразно начинать с дальнейшего развития демократии, децентрализации государственного управления и оптимизации местного самоуправления. Местное самоуправление как форма народовластия является основой демократического общества. Социально-правовой статус местного самоуправления закреплен в Конституции Республики Беларусь 1994 г. и Законе Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» от 4 января 2010 г. Сущность местного самоуправления проявляется в том, что оно – неотъемлемая органическая часть политической системы и одновременно важнейший институт гражданского общества, форма непосредственной демократии и народовластия. Органы местного самоуправления укрепляют публичную власть, делают ее более гибкой и эффективной, так как являются близкими и доступными для людей политическими структурами.

Местное самоуправление как форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, для самостоятельного решения социальных, экономических и политических вопросов местного значения, на практике осуществляется через Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах. Наравне со структурами местного самоуправления функционируют органы местного государственного управления в лице исполкомов и администраций местных органов исполнительной и распорядительной государственной власти. Таким образом, в стране на местном уровне функционирует смешанная государственно-общественная модель местного самоуправления, с преобладающим правом государственных структур по практическому решению вопросов местного значения. Система местного самоуправления Республики Беларусь не является исключением из общепризнанного стандарта и международной практики. Такая же модель местного самоуправления с различными вариациями существует в ряде других стран – в Германии, Австрии, Японии, в отдельных постсоциалистических и развивающихся странах. Вместе с тем, по данным опроса, проведенного Институтом социологии в ноябре 2012 г., только 26 % респондентов удовлетворены уровнем развития местного самоуправления, а 44 % респондентов высказываются за необходимость совершенствования политической системы. При этом каждый десятый респондент полагает, что развитие местного общественного самоуправления является важным направлением демократизации белорусского государства, а 28 % – согласны в свое свободное время принимать активное участие в работе

органов местного самоуправления. По мнению граждан, в плане развития местного самоуправления целесообразно активно привлекать граждан к работе органов местного самоуправления (22 %), шире освещать в СМИ их работу (22 %), ограничить власть местной бюрократии (18 %), морально и материально поощрять местных активистов (18 %), создавать механизмы реального влияния местного самоуправления на выборы и работу органов государственного управления (11 %), оказывать образовательную, материальную и другую помощь органам местного самоуправления (11 %), принять новый Закон о местном самоуправлении (7 %), расширить права органов местного самоуправления (7 %).

В этом контексте можно использовать базовые принципы и положения Европейской хартии местного самоуправления, принятой Конгрессом местных и региональных властей Совета Европы 15 октября 1985 г., которая рассматривает местное самоуправление как важный институт демократии и исходит из общественной теории местного самоуправления. В соответствии с ней органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, они являются автономными и самостоятельными структурами, а коммунальная собственность наряду с государственной и частной является одной из форм собственности, закрепленной в Конституции. Система местного самоуправления ориентируется на максимальное вовлечение местного сообщества в управление местными делами. Одновременно с этим заслуживают поддержки предложения некоторых белорусских ученых-юристов о необходимости более четкого законодательного разграничения понятий «местное самоуправление» и «местное государственное управление», а также нормативно-правовое распределение их компетенции, форм подотчетности и взаимодействия. По их мнению, органы местного самоуправления должны быть максимально самостоятельными в решении вопросов местного значения, иметь достаточные самостоятельные финансовые возможности для решения вопросов местного значения, то есть быть полноценными институтами правового государства и гражданского общества, функционировать на началах паритетного взаимодействия с органами государственной власти и управления.

Социологический опрос, проведенный в ноябре 2013 г., показал, что большинство населения (72 %) проявляют интерес к политическим событиям в Беларуси, 61 % – к событиям в ближнем зарубежье, а 52 % – в странах дальнего зарубежья. Практическая политическая активность населения страны является достаточно высокой: в той или иной форме в общественно-политической жизни принимает участие около 70 % респондентов (наиболее активно это проявляется в выборах Президента Республики Беларусь, в выборах в местные Советы депутатов, в выборах в Парламент). Однако в деятельности политических партий принимает участие только 1 % опрошенных, в обсуждении законопроектов – 2 %. В деятельности общественных организаций принимает участие треть граждан, и то большинство из них в работе профсоюзных организаций (16 %), в политических движениях – около 1 %,

в благотворительных организациях – 5,2 %. К сторонникам какой-либо партии относят себя только 3,6 % опрошенных (больше всего к Коммунистической партии, Аграрной партии, Белорусской социал-демократической партии «Громада», Республиканской партии труда и справедливости и Либерально-демократической партии).

По мнению населения, в стране должны действовать сильные политические партии (47,1 %). Они необходимы, прежде всего, для того, чтобы выражать и защищать интересы граждан (33 %), бороться с бюрократизмом, коррупцией и произволом чиновников (22,3 %), содействовать повышению государственного управления (22 %), обеспечивать наличие политической конкуренции и возможности выбора политических лидеров (18,4 %), контролировать работу органов государственной власти и управления (15,9 %), обеспечивать развитие демократии (14,3 %). Большинство опрошенных полагает, что в стране должны функционировать не одна, а несколько больших политических партий, которые работали бы, опираясь на собственные материальные ресурсы, без помощи со стороны государства (20,7 и 45,4 % соответственно). При этом ни Президент, ни премьер-министр, по мнению многих, не должны быть лидерами каких-либо партий. Население страны склоняется к тому мнению, что в настоящее время нецелесообразно переходить к формированию Парламента по партийным спискам, предпочтение отдается мажоритарной пропорциональной системе выборов, что является достаточно рациональной моделью избирательной системы в условиях неразвитости партийного строительства и утраты доверия населения к политическим партиям. Вместе с тем население полагает, что в парламенте страны могут и даже должны быть представлены оппозиционные политические партии (за – 36,1 %, против – 23,7 %). Конечно, это зависит от активности данных партий, но также и от политической воли властных структур.

В *области политической идеологии* в настоящее время имеет место плюрализм политических взглядов и убеждений. По данным опроса, проведенного в ноябре 2013 г., приверженцами социал-демократической идеологии называют себя 29 % опрошенных (особенно жители Гродненской, Брестской областей и г. Минска, соответственно 46,6, 34,2 и 32,2 %), 30–49-летние (32,6 %) и горожане (32,1 %); социалистической – 24 % (особенно жители Витебской и Гродненской областей, 32,6 и 32,5 %), 50 лет и более (30,4 %); либерально-демократической – 24 % (особенно жители г. Минска и Гродненской области, соответственно 37,3 и 28,4 %), молодежь до 30 лет (31,3 %) и горожане (26,1 %). Пятая часть опрошенных (20 %) не разделяет идеи и принципы никаких политических течений, что свидетельствует об индифферентности и неопределенности их политических взглядов, а 18 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос. В этих условиях можно сделать вывод, что формирование государственной политической идеологии как идейно-стратегической основы функционирования системы государственной власти и управления при сохранении принципа идеологического плюрализма, разделения властей, де-

мократической избирательной системы и многопартийности является важной и актуальной социально-политической задачей современного белорусского государства.

По данным социологического опроса 2013 г., *в перечень наиболее значимых политических прав и свобод современного белорусского общества входят:* свобода слова, мнений и убеждений (61,1 %), право обжаловать незаконные действия властей (50,4 %), право избирать государственные органы (44,8 %), право на обращения в органы власти и управления (38,8 %), право на информацию о работе органов власти и управления (31,2 %) и другие. По результатам опроса, население страны больше всего ценит следующие социальные и культурные принципы и блага: права человека (46,5 %), свободу и независимость личности (32,3 %), социальную защиту граждан (29,2 %), социальную справедливость (28,3 %), социальное равенство (27,2 %), социально ориентированную экономику (19,0 %), веру в Бога и религиозные ценности (18,6 %), частную собственность и свободу предпринимательства (17,8 %), выборность органов власти и управления (14,6 %).

Гражданское общество в общественном сознании современных белорусов ассоциируется, по данным опроса в ноябре 2013 г., прежде всего, со свободой личности и обеспечением прав человека (51,5 %), активным участием граждан в работе органов власти и управления (42,4 %), гласностью и доступностью информации о положении дел в стране (42,1 %), свободой политических взглядов и убеждений (25,8 %), наличием независимых средств массовой информации (18,9 %), независимыми профсоюзами (15,7 %), конструктивным сотрудничеством политических партий, общественных организаций и государства (13,3 %).

Актуальной проблемой является разработка теоретических основ национальной идеи белорусского общества. *Национальная идея* – главный компонент идеологии современного белорусского общества как системы интегральных иерархически структурированных базовых принципов и ценностей организации и функционирования экономических, политических, социальных и культурных структур, институтов и процессов, обеспечивающих устойчивое и прогрессивное развитие Республики Беларусь. Главное социальное предназначение национальной идеи состоит в том, что она обеспечивает системное идейно-политическое и культурно-нравственное единство личности, социальных групп, государства и общества. Она призвана объединять белорусский народ в единую социальную общность, выражать его фундаментальные жизненные ценности, интересы и социальные ожидания, выступать притягательным идеалом и высшим целевым ориентиром на будущее. Национальная идея возникает не спонтанно, а формируется путем длительной исторической эволюции на основе синтеза социально-экономического, политического и культурного прошлого, настоящего и будущего белорусского народа, государства и общества. Она исторически изменяется и зависит от социодинамики экономической, политической и культурной систем социума. По

результатам социологического опроса 2013 г., в качестве национальной идеи могут выступать построение экономически развитой и процветающей Беларуси (51,8 %), развитие демократии, законность и порядок (22,7 %), социальное равенство и справедливость (18,3 %), независимая и суверенная Беларусь (16,7 %) и культурное развитие страны (12,8 %). Молодежь на первое место ставит экономическое развитие страны (44,8 %), далее государственную независимость (17,5 %), социальное равенство и справедливость (16,2 %) и Беларусь – европейская страна (14,4 %). Возрастная группа 50 лет и старше акцент делает на экономическое развитие (55,2 %), демократию (25,9 %) и социальное равенство и справедливость (20,1 %). Таким образом, национальной идеей современного белорусского государства и общества может быть следующий социальный идеал: *«Экономически развитая, демократическая, независимая, культурная и социально справедливая Беларусь».* На основе именно этих фундаментальных социальных принципов, ценностей и целей должны базироваться идеология государства, законодательство, деятельность органов государственной власти и управления и практика экономического, политического, социального и культурного развития современного белорусского общества.

На развитие политической системы большое влияние оказывают социокультурные факторы, в частности *социально-культурная консолидация и единство современного белорусского общества,* которые представляют собой социокультурный процесс, направленный на сплочение населения на основе как традиционных, так и современных духовно-нравственных, религиозных, культурных ценностей и норм, призванных объединить всех граждан страны в единый белорусский народ. Белорусская национальная идентичность и гармонизация межнациональных взаимоотношений – сложные общественно значимые социокультурные феномены, которым в современном белорусском обществе присущи следующие особенности: недостаточно высокий уровень развития, неоднородность и дифференцированность, неустойчивость и противоречивость, традиционность, толерантность, социокультурный консерватизм и другие. В частности, по данным опроса общественного мнения, проведенного в июле 2014 г., 58,1 % респондентов оценивают уровень единства и сплоченности белорусского народа как высокий (из них 15,7 % – как высокий, а еще 42,4 % – как скорее высокий, при этом только 5,9 % – как низкий, а еще 19,5 % – как скорее низкий). По мнению опрошенного населения, сплочению белорусского народа в наибольшей степени способствуют следующие факторы: желание жить в стабильности и достатке (42,4 %), проживание в отдельной и независимой стране (33,2 %), историческое прошлое (32,9 %), происхождение и родственные связи (29,9 %), гражданство Республики Беларусь (29,1 %), ментальность, черты характера (24,6 %), общенациональные ценности и традиции (19,3 %). Считают себя патриотом Беларуси 68,7 % респондентов (из них 28,5 % в полной мере и еще 40,2 % – скорее «да»). Среди молодежи 20–29 лет считают себя патриотом 63,9 %, из них 24,0 % – в полной мере, а еще 39,9 % – скорее «да». Патриотизм население страны свя-

зывает, прежде всего, с наличием чувства преданности Беларуси (33,5 %), желанием жить и работать только в Беларуси (30,4 %), готовностью в трудные времена защищать Беларусь, даже рискуя собой (26,5 %), уважением культуры народов, живущих в Беларуси (24,5 %), любовью к белорусской культуре и языку (19,3 %), любовью ко всему белорусскому (18,8 %), уважением государственных символом Беларуси (15,5 %) и др. Не идентифицируют себя в качестве патриота Беларуси только 12,8 % респондентов, из них в полной мере – 4,7 %, а скорее «нет» – еще 8,1 % (среди молодежи 20–29 лет указало на отсутствие чувства патриотизма 20,1 % опрошенных, из них 9,5 % – в полной мере, и еще 9,6 % – скорее «нет»).

Таким образом, приоритетными направлениями совершенствования политической системы современного белорусского общества являются: совершенствование избирательной системы, развитие местного самоуправления, совершенствование национального законодательства, повышение открытости, ответственности и эффективности работы органов государственного управления, развитие политической культуры, активизация деятельности политических партий и общественных движений, учет общественного мнения при принятии важных государственных решений и другие.

N. A. BARANOUSKI

SOCIODYNAMICS AND PROSPECTS OF POLITICAL SYSTEM OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY

Summary

On the basis of the results of sociological monitoring the dynamics and prospects for the development of the political system of the modern Belarusian society are highlighted. The conclusion about the need to improve the activities of public authorities, the electoral system, local government and other institutions of civil society is justified scientifically.

Keywords: political system, ideology, national idea, local government.

Поступила 21.09.2014 г.

УДК 316.66+351

Ф. И. ХРАМЦОВА,
доктор политических наук, доцент,
Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске Республики Беларусь, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Раскрыта актуальная и не разработанная в научном отношении тема социального иммунитета молодежи. Определены концептуальные основы формирования социального иммунитета молодежи с учетом угроз глобализации. Выявлены детерминации эффективности политики в отношении молодежи, качества управления социализацией в сфере высшего образования и социального иммунитета молодежи как фактора национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, глобализация, социализация, молодежь, риски и угрозы безопасности, социальный иммунитет, политическое правосознание, национальная идентичность.

В условиях нарастания вызовов глобализации ключевую роль для обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь приобретает социальный иммунитет молодежи и общества. Социальный иммунитет разработан как специфический механизм противодействия внутренним рискам и внешним угрозам, призванный обеспечить несколько уровней безопасности индивидов, групп, общностей, государства.

Разработка актуальной для общества проблемы отвечает политической стратегии более активного и широкого включения белорусской молодежи в государственное строительство. На необходимость решения важной задачи в условиях рисков и вызовов глобализации указывает Глава государства А. Г. Лукашенко в ежегодных Посланиях белорусскому народу и Национальному собранию (19.04.2013 г.; 22.04.2014 г.). Именно молодежь призвана стать субъектом обновления национальных интересов и социальных ценностей, обеспечить ресурс экономического роста, инновационного развития и лидерства страны. В обществе на молодежь возлагается роль мобильно-связующего звена духовной трансмиссии, политической преемственности и обогащения культуры нации как источника патриотизма и прогресса.

Однако нарастание вызовов и угроз, как полагает У. Бек, делает шаткой несущую конструкцию традиционных расчетов безопасности. Суть основной угрозы глобализации состоит в разворачивающемся тоталитаризме, подавлении национальных государств, разрушении индивидуальной и общественной нравственности, интеллектуального потенциала во всем мире. В этой связи

российский философ А. А. Зиновьев отмечает, что «сверхвласть» через наднациональные структуры в условиях глобализации навязывает государствам законы, «отдает приказы, дает санкции, организует эмбарго, сбрасывает бомбы, морит голодом» [1]. По мнению белорусского философа И. Я. Левяша, в таких условиях нарастают опасности и угрозы рассогласований между нацией и государством как «асимметрии составных былого монолитного двуединства», что актуализирует императив обновления национальных интересов государства и ценностей общества: «Только примат выстоявших перед вызовами глобализации обновленных национальных интересов и ценностей способен определять взаимную адаптацию наций-государств и глобального мира…» [2, с. 445].

Наряду с этим геополитическая нестабильность, конкуренция государств за территории, ресурсы, рынки сбыта значительно влияют на возрастание информационного, политического и духовного противоборства за молодежь. Тем самым многократно усиливается роль молодежи в обеспечении национальных интересов во всех сферах жизни общества: экономической, социокультурной, информационной, политической, научно-технологической, демографической, военной, экологической. Актуальна в этой связи позиция экс-премьер-министра белорусского государства М. В. Мясниковича, который подчеркивал значение политики государства в отношении молодежи: «Взаимоотношения государства и народа, особенно молодежи, являются ключевым моментом, потому что молодежь – это наиболее активная и мощная сила преобразования общества. Не удивительно, что именно через молодежь в мире идет хорошо организованная идеологическая и политическая борьба за территории, ресурсы, т. е. передел мира» [3, с. 16].

В условиях трансформации всех институтов молодежь испытывает неоднозначное влияние вызовов глобализации. С одной стороны, ускоряются прогресс, коммуникации, обмен информацией, знаниями; с другой стороны, нарастают информационные угрозы в виде «экспорта демократии» в страны СНГ путем вербовки блоггеров, дискредитации должностных лиц, государственной власти, имиджа страны. Известно, что социальной базой дестабилизационных процессов в ряде государств в основном является молодежь, более подверженная деструктивным влияниям извне. Так, в ходе информационно-сетевых войн сокрушены правящие режимы в геополитическом пространстве «арабской дуги» Египта, Туниса, Ливии, Сирии, Йемена, братской для Беларуси Украины.

Деструктивное влияние на молодежь пытаются оказать псевдорелигиозные группы, западные «ультрагендерные» идеологии, которые направлены на девальвацию духовно-нравственных, семейных ценностей общества, разрушение «идентичности пола» молодых людей. В более чем 30 странах легитимизированы однополые браки, права усыновления (удочерения). Между тем во все эпохи семья всегда составляла духовное основание государства. Глобально-информационная война деструктивных сил по дестабилизации тра-

диционной семьи понимается как реальная угроза национальным интересам. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (2010 г.) определяет, что одной из задач государственных институтов является нейтрализация, предотвращение внешних и внутренних угроз, особенно в отношении молодежи. Данная концепция выделяет источники внутренних и внешних угроз национальной безопасности, среди которых: снижение образовательного потенциала нации; утрата этнокультурной идентичности; изменение шкалы жизненных ценностей молодежи; ослабление патриотизма; семейных и нравственных ценностей [4, с. 7, 20].

Опыт первого десятилетия XXI в. показывает: в стремительно меняющемся мире стратегические преимущества имеют те государства, которые способны развивать, аккумулировать и интегрировать социальный потенциал молодежи в структуры модернизации для обеспечения конкурентоспособности, защиты национальных интересов государства. В этой связи работа раскрывает главные задачи органов власти, структур государственного управления по поддержке молодежных инициатив, развитию молодежного лидерства как важнейшего источника кадрового резерва в модернизации страны, процессов обновления политической элиты.

В этой связи идейно-воспитательная работа в вузе должна пониматься как инструмент образовательной, молодежной и социальной политики в отношении молодежи, объекта-субъекта национальных интересов. Институт идейно-воспитательной работы в вузе призван в полной мере задействовать механизмы нейтрализации внутренних и внешних угроз в отношении молодежи. Исходя из этого, актуальны направления модернизации работы с молодежью, которые включают методы формирования *социальной рефлексивности,* расширения социальных связей, социального потенциала студенческой молодежи с целью развития *органичной социальной солидарности* (по Э. Дюркгейму), понимаемой в качестве средства формирования социального иммунитета молодежи.

Предлагаемая трактовка понятия «социальный иммунитет молодежи», структура, механизмы его формирования в сфере высшего образования разработана в контексте положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (2010 г.), Государственной программы развития высшего образования (2011–2015 гг.), Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг.; Закона Республики Беларусь «Об основах государственной молодежной политики» (07.12.2009 г., № 65–З); Концепции и Программы непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь (2011–2015 гг.), Кодекса Республики Беларусь об образовании (2010 г.). Социальный иммунитет молодежи трактуется как многокомпонентная категория социологической науки, обозначающая целеполагание, принципы, механизмы, средства, прогнозируемый результат обеспечения безопасности личности, общества, государства. Социальный иммунитет молодежи обозначает способность молодого индивида, социальных групп,

общностей молодежи осознанно противостоять деструктивным влияниям внутренней и внешней среды на мировоззренческую сферу личности, духовные идеалы, нравственно-семейные ценности, культуру здорового образа жизни и досуга, устойчивость национально-государственной позиции в целях сохранения безопасности страны.

Полифункциональность феномена «социальный иммунитет молодежи» состоит во взаимосвязи с уровнями и направлениями обеспечения национальной безопасности: 1) конституционные права, свободы молодого гражданина; 2) материальные, духовные ценности общества, личности, государства; 3) государственный суверенитет, территориальная целостность, конституционный строй. Так, в ходе авторских социологических исследований (2007–2014 гг.) на эмпирической базе РГСУ (г. Москва) и Филиала РГСУ (г. Минск) выявлены детерминации политики государства в отношении молодежи, качества управления социализацией студентов в сфере учреждений высшего образования и устойчивости социального иммунитета молодых граждан. В современных условиях формирования общества знаний стратегией деятельности учреждений высшего образования призван стать социальный потенциал молодежи как ценнейший ресурс модернизации, отстаивания национальных интересов государства. Качество образовательного, экономического, политического, духовно-нравственного потенциала и социального здоровья молодых людей влияет на состояние социального иммунитета всего общества, наращивание инновационного капитала страны.

Необходимость концептуализации проблемы социального иммунитета молодежи обусловливает анализ генезиса органицизма в социологии. Предпосылки становления и развития общей теории социального иммунитета связаны с органистическим подходом в исследовании проблем общества как целостного социального организма. Органицизм следует понимать как социологический подход, научную концепцию и парадигму социологического знания. Понятие «иммунитет» (от лат. immunitas – освобождение от повинностей, избавление) означает дефиниции:

способность живых существ противостоять действию повреждающих агентов, сохранять целостность, биологическую индивидуальность; защитная реакция организма [5, с. 570];

совокупность прав и привилегий, предоставляемых определенному кругу лиц [6, с. 301–302];

изъятие от податей и повинностей, даруемое отдельным лицам и сословиям, целым общинам. В Древней Греции и Древнем Риме иммунитет даровался во время больших несчастий общинам в виде привилегий, иногда навсегда [7, с. 10].

Отмеченные дефиниции позволяют выделить социально-правовой аспект термина, который состоит в закреплении прав, как привилегий, на уровне некоторых категорий граждан, социальных групп, что обеспечивает их защищенность в кризисных ситуациях. Последнее актуально в отношении объекта

исследования: молодежи как цели политики государства, объекта и субъекта национальных интересов для формирования социального иммунитета в условиях нарастания рисков и угроз глобализации. Это означает, что необходимо формировать у молодежи способности к осознанному противодействию негативному влиянию внешней и внутренней среды в условиях глобально-локального социума. Особая роль в этом процессе должна отводиться адресной поддержке и защите молодежи на жизненном старте, в кризисной ситуации жизнедеятельности как уязвимой категории в социальном аспекте.

В качестве предпосылок становления и развития теории социального иммунитета явились положения, разработанные в русле органицизма, в трудах Т. Гоббса, Г. В. Ф. Гегеля, Г. Спенсера, П. Лилиенфельд-Тоаля, Л. фон Штейна, Э. Дюркгейма, П. Штомпки, В. Б. Живетина и др. Раскроем основные положения теории социального иммунитета.

Первое положение. Трансформирующееся общество в условиях нарастания угроз глобализации есть динамико-синергетический социоорганизм, представляющий единую совокупность подсистем, ресурсов, структур управления, контроля и прогноза. В целях стабильного социофункционирования требуется объединение индивидов, социальных групп, общностей через сцепки, связи, отношения на основе общих целей, ценностей, морали, идеологии (Б. Живетин). Нарушение этико-правовой триады (этика, право, закон) в функционировании общества ведет к патологиям в виде внутренних социальных рисков, опасностей и ряда угроз извне. Объектом деструктивного воздействия является, в первую очередь, молодежь, как незрелая в социальном отношении часть общества. Социальные патологии в молодежной среде имеют различные формы, специфика состоит в том, что они способны оказать дестабилизирующее влияние на развитие всего общества, что представляют угрозу интересам государства, его безопасности.

Второе. Детерминантами устойчивого развития общества являются универсальные законы глобальной коэволюции человека, общества, природы, духовности на принципах взаимосвязи, целостности, единства. Механизмами преодоления внутренних рисков и внешних угроз для устойчивого развития общества выступают принципы рефлексивности общественно-группового сознания, расширения социальных связей в условиях закона разделения труда как перехода от механической социальной солидарности к солидарности нового органического типа в условиях усиления дифференциации труда (Э. Дюркгейм).

Третье. Основным субъектом преодоления социальных патологий, рисков и угроз в отношении молодежи является государство, с функциями социального; национальное государство есть проводник права и законности, субъект обновления общества; гарант конституционных прав, экономических и политических свобод; носитель политических ценностей честности, ума, доброты, справедливости (Г. Спенсер). Цель государства состоит в понижении системы социальных неравенств молодежи, расширении равенства возможно-

стей на жизненном старте, адресной поддержке уязвимых категорий молодежи, формировании у нее основ риск-самоменеджмента.

В данной работе предпринята научная концептуализация проблемы формирования социального иммунитета у молодежи на основе развития подхода З. А. Жапуева. Российский социолог З. А. Жапуев в работе «Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: теоретические предпосылки концептуализации и социологические рамки исследования» опирается на позицию А. А. Зиновьева для разработки общей теории социального иммунитета [8]. Согласно мнению З. А. Жапуева, первый аспект феномена «социальный иммунитет» означает способность общества противостоять угрозам внешнего характера, связанных с проникновением в социальный организм чужеродных элементов (идей, ценностей, образцов), разрушающих его целостность, интегрированность, адаптационный потенциал в период социальных трансформаций (в рамках классической социологии). Второй аспект социального иммунитета определен автором в рамках современной социологии, как некий механизм, который позволяет обществу регулировать степень влияния рисков и угроз за счет невосприимчивости чужеродных по отношению к нему элементов разрушительного характера и сохранять за счет этого стабильность и адаптивность к внешней среде [9]. В обосновании данного положения З. А. Жапуев интерпретирует закономерность «социально-биологической двойственности реальности» О. Конта [9, с. 6]. Исходя из этого, З. А. Жапуев разрабатывает новые для социологии понятия, такие как:

«врожденный иммунитет», институционально обусловленная устойчивость социума к воздействиям внешней и внутренней среды и порождаемых рисков и угроз;

«приобретенный иммунитет», результат взаимодействия «иммунной системы общества с внешней средой, ее влияниями», в ходе которых формируется механизм противодействия;

«иммунная система общества», защитный механизм, основу которого составляет институциональная система, нормы, ценности, культурные образцы, ментальные структуры.

Вместе с тем в целом принимая позицию З. А. Жапуева, подчеркнем определенную уязвимость предпринятой трактовки феномена «врожденный иммунитет». По нашему мнению, З. А. Жапуев односторонне выделяет институциональный механизм развития устойчивости социума к воздействиям внешней и внутренней среды. Это ограничивает роль, источники аксиологического аспекта понятия «врожденный иммунитет», который, по нашему мнению, формируется не столько и не только институциональными способами, сколько за счет воспроизводства архетипов коллективного бессознательного на уровне «идеологической матрицы» менталитета нации через институты семьи и формирующегося гражданского общества (М. Хайерцфельд). Такая посылка позволяет выделить в разрабатываемой проблематике важные аспекты социального иммунитета молодежи:

1) *укрепление «врожденного социального иммунитета молодежи»* путем приобщения к духовным, нравственным и семейным ценностям, культуре народа, традициям на основе моделирования «идеологической матрицы» содержательного наполнения учебно-воспитательного процесса в вузе;

2) *формирование условий для нового качества социального иммунитета молодежи как приобретенных, сформированных* через здоровьесберегающую, культурно-досуговую, творческую, общественно-политическую деятельность.

Избранная методология позволяет сформулировать основное положение проблемы, которое состоит в нравственной детерминации социального иммунитета молодежи, что предопределяет приоритет традиций, ценностей общества как актуально-универсального содержания воспитания по направлениям: гражданско-патриотическое, идеологическое, нравственное, правовое, информационно-политическое, эстетическое, полоролевое и гендерное, трудовое, экологическое воспитание, воспитание культуры здорового образа жизни и культуры досуга, безопасности жизнедеятельности, психологической культуры. Отсюда в качестве концептов развития социального иммунитета молодежи выделим принципы:

развитие национальной и политической идентичности студенческой молодежи как фактора национальной безопасности;

формирование и интеграция инновационного потенциала молодежи в структуры модернизации общества;

расширение возможностей доступа молодежи к ресурсам власти, процессам принятия политических решений, социальным благам;

развитие вариабельности систем разделения, перемены, конкуренции рынка труда и занятости молодежи, регулирование экономического поведения молодежи;

мотивация самовоспитания культуры здорового образа жизни и досуга молодежи.

Следовательно, положениями теории социального иммунитета молодежи как фактора национальной безопасности постулируются:

совершенствование политико-правовых, организационно-управленческих, социально-экономических, мотивационных механизмов стимулирования социальной активности молодежи;

обновление механизмов государственной поддержки молодежи как социально уязвимых категорий на основе адресной социальной помощи, с учетом характера социальной проблемы молодой личности, ее социального статуса;

эргономичность политических решений в отношении молодежи в соответствии с ценностями этнокультуры, религии, менталитета как идеологических матриц развития человеческого потенциала молодежи.

Структура и содержание феномена социального иммунитета молодежи включает взаимосвязанные компоненты направленного социального развития:

1) *мировоззренческий* (мировоззрение критического типа; инновационный тип мышления, национальная идентичность; политическое правосознание, патриотизм, гражданственность, уважение истории народа, институтов государственной власти и атрибутов национальной государственности; индивидуально-групповое сознание рефлексивного и экоэволюционного типа; усвоение и экстериоризация духовно-нравственных, семейных ценностей; политическая, правовая, информационно-технологическая культура, гендерная культура, культура здорового образа жизни, культура досуга, навыки вербальной и невербальной коммуникации, др.);

2) *эмоционально-волевой* (уважение прав и свобод человека, самоуважение, открытость, солидарность, патриотизм, гордость за достижения народа, сотрудничество, ответственность, долг, толерантность, трудолюбие, воля, целеустремленность, моральные качества, харизма, лидерские навыки, честность, милосердие, открытость, рефлексивные качества, эстетическое отношение к действительности, умение преодолевать трудности, разделять успехи других, др.);

3) *поведенческий* (навыки безопасности, основы здоровьесбережения; способы инновационного поведения, правоответственность, социальная и политическая активность, национально-государственная позиция, созидательно-практическая, благотворительная, творческая, научно-познавательная деятельность, участие в общественных организациях, объединениях, творческих союзах, профсоюзах, формальных и неформальных движениях социально-позитивной направленности, участие в структурах гражданского общества и др.).

Таким образом, феномен «социальный иммунитет» разработан как социологическая категория, обозначающая один из важнейших механизмов социализации молодежи средствами гражданско-патриотического воспитания, формирования культуры здорового образа жизни и досуга молодежи. Социальный иммунитет молодежи – это политический инструмент обеспечения личной, социальной и национальной безопасности. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (2010 г.), задачей институтов государства является нейтрализация внешних, внутренних угроз, среди них источниками выступают: снижение образовательного потенциала нации; утрата этнокультурной идентичности; изменение шкалы жизненных ценностей молодежи; ослабление патриотизма; снижение нравственных ценностей. Социообразовательный аспект феномена «социальный иммунитет молодежи» включает формирование совокупности способностей противостоять негативным влияниям внутренней среды (вредных привычек, противоправных действий, утраты моральных ценностей) и противодействовать угрозам внешней среды геополитического влияния (информационных угроз, деструктивного воздействия враждебных идеологий, информационного манипулирования сознанием) на систему взглядов, убеждений, ценностей, духовных идеалов, здорового образа жизни, устойчивость гражданско-патриотической позиции молодой личности с целью сохранения личной и социальной безопасности.

Таким образом, сущностная характеристика социального иммунитета молодежи обозначает взаимосвязанные процессы:

1) механизмы социальной адаптации, активной интеграции молодежи в систему общественно-политических отношений путем мотивации социальной, экономической и политической активности;

2) способы нейтрализации рисков и угроз социализации молодежи, аддиктивности (формы психофизической зависимости индивида), девиантности (поведение индивида, отклоняющееся от социальных норм), делинквентности (уголовно наказуемое поведение индивида) посредством социальных технологий культурно-досуговой, творческой, волонтерской, здоровьеохранительной, общественно-политической деятельности;

3) прогнозируемые результаты гражданско-патриотического воспитания молодежи на основе поддержки и развития молодежных инициатив, молодежного движения, органов студенческого самоуправления, молодежного парламентаризма, социального партнерства с целью формирования национальной идентичности, политической культуры личности.

Социальный иммунитет молодежи как основополагающая характеристика личности означает наличие социопсихологических новообразований у индивида, которые обеспечивают несколько уровней защиты: 1) личностно-индивидуальный, 2) социальный, 3) политический, 4) глобально-локальный. Каждый уровень проявления интегративного качества индивида – социального иммунитета определяет адекватные способы социализации индивидов, соответствующие и взаимосвязанные виды деятельности. При этом процесс формирования социального иммунитета молодежи следует понимать как направленный, поэтапный переход и движение индивида от одного уровня сложности личностных социообразований к более высокому уровню индивидуальной траектории развития.

Так, *на первом уровне* формирования социального иммунитета индивида (личностно-индивидуальном) ведущими способами социализации являются интернализация и экстериоризация духовно-нравственной культуры, гендерной культуры, культуры здорового образа жизни и культуры досуга. Процессы социализации призваны обеспечить развитие национальной и гендерной идентичности молодой личности как осознание своей принадлежности к нации, ее культуре, традициям, как представителя социально-демографической группы.

На *втором уровне* формирования социального иммунитета индивида ведущими способами являются приобщение и воспроизводство в системе общественных отношений ценностей культуры: правовой, информационно-технологической, инновационной, деловой, экологической, семейно-бытовой, психологической, коммуникативной. Прогнозируемым результатом этого процесса становится социальная идентичность индивида, укорененная в культуре данного общества.

Третий уровень развития социального иммунитета у молодой личности включает формирование политического правосознания на основе правовой, политической и гражданской культуры, накопление опыта общественно-политической деятельности, развитие гражданственности, самоуправления и самоорганизации, овладение лидерскими навыками. Социализация третьего уровня формирует наиболее сложный вид социального иммунитета – политический иммунитет, способный обеспечить выполнение гражданских ролей, отстаивание национальных интересов через активное участие в процессах принятия политических решений, в государственном управлении, в деятельности политических партий, общественных объединений, социальных движений. Результатом этого уровня является политическая идентичность молодежи, осознание политической роли в отношении политической системы общества.

На *четвертом уровне*, глобально-локального масштаба, более сложном и динамичном, подверженном многообразным вызовам процессов нарастающей глобализации, предполагается объединение усилий институтов государства и структур гражданского общества, обеспечивающее целенаправленное формирование социального иммунитета индивида на основе взаимообогащения ценностей национальной культуры, мировой культуры и культур других народов цивилизации. В результате такого влияния у индивида формируется социальный иммунитет глобальной направленности, признаком которой является культура мира, в основе которой субъективированная гуманистическая идентичность поликультурного свойства. Благодаря этому молодая личность становится гражданином мира благодаря способности к диалогу культур, к преобразованию универсума в интересах личности, общества, государства, всего мира.

При этом индивид, обладая четырьмя уровнями социокультурной защиты перед лицом вызовов глобализации, способен автономно, осознанно и свободно осуществлять референтацию актуальных ценностей как регуляторов социально значимых моделей, способов поведения и отношений в различных сферах жизни. Тем самым социальный иммунитет молодого человека способен обеспечить личную, социальную, национальную и глобально-локальную безопасность. Указанные социообразовательные процессы формирования социального иммунитета требуют прогноза и мониторинга наиважнейших социальных аспектов жизнедеятельности молодежи на основе критериев:

степень социальной и межпоколенческой консолидации;

уровень социального здоровья;

динамика патриотических воззрений;

степень интегрированности в процессы преобразования общества;

уровень культуры досуга и здорового образа жизни;

состояние демографического фактора (показатели рождаемости, смертности, брачности, разводимости, миграции), института поддержки молодой семьи;

степень доверия к институтам власти, органам государственного управления;

уровень социально-политической активности молодых людей, развития молодежных инициатив, структур молодежного движения.

Как было отмечено, устойчивость социального иммунитета молодежи определяется эффективностью политики в отношении молодежи, уровнем развития социального партнерства государства (органы власти и государственного управления, учреждения образования, науки, культуры, спорта, институты идеологии государства, экономики, рынка труда, занятости, субъектов хозяйствования и т. д.) и структур гражданского общества (политических партий, общественных объединений, средств массовой информации, профсоюзных организаций, религиозных конфессий, неформальных организаций). Детерминанты социального иммунитета молодежи как базис в обеспечении национальной безопасности определяют наиболее актуальные направления деятельности институтов государства и общества в отношении молодежи:

укрепление идеологических основ социализации студентов в вузе;

развитие социальной рефлексивности и органичной солидарности молодежи и общества;

переопределение социального равенства как расширение прав и равных возможностей молодежи в доступе к ресурсам, благам, власти и управлению;

расширение гарантий адресного характера в отношении социально уязвимых групп молодежи, обновление форм поддержки института молодой семьи;

стимулирование процесса развития инновационного потенциала молодежи, творческих способностей, культуры досуга средствами системы дополнительного образования;

расширение средств ранней профилактики негативных явлений в молодежной среде;

мотивация политической образованности, развития политического правосознания, формирования политической культуры молодежи как субъекта национальных интересов.

Литература

1. *Зиновьев, А. А.* Запад против России: взгляд философа : интервью А. А. Зиновьева «Le Figaro» / А. А. Зиновьев // Le Figaro. – 24.07.1999.

2. *Левяш, И. Я.* В поисках идентичности: культурный универсализм contra партикуляризм / И. Я. Левяш ; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2013. – 481 с.

3. *Мясникович, М. В.* О роли гуманитарных наук в социально-экономическом и политическом развитии страны / М. В. Мясникович // Новейшая история (1991–2006): государство, общество, личность : материалы Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 29 сент. 2006 г. / НАН Беларуси. – Минск, 2006. – С. 9–17.

4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. – Минск : Белорус. дом печати, 2011. – 48 с.

5. Новейший энциклопедический словарь : 20 000 статей. – М. : АСТ : Астрель : Транзиткнига, 2006. – 1424 с.

6. *Ушаков, Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков; под ред. д-ра филол. наук Н. Ф. Татьянченко. – М. : Альта-Пресс, 2005. – 1216 с.

7. Энциклопедический словарь издателей Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – СПб., 1894. – Т. XIII. – 480 с.

8. *Жапуев, З. А.* Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: теоретические предпосылки концептуализации и социологические рамки исследования // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – Вып. 6.

9. *Жапуев, З. А.* Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: факторы риска и стратегии повышения : автореф. дис. … д-ра социол. наук : 22.00.04 / З. А. Жапуев. – Ростов н/Д, 2013. – 60 с.

F. I. KHRAMTSOVA

SOCIAL YOUTH IMMUNITY AS A FACTOR OF NATIONAL SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

The actual and not developed research topic of social youth immunity is revealed. The conceptual bases of social youth immunity formation considering globalization threats are defined. Determinations of the state policy regarding youth and pedagogical management of socialization in the sphere of the higher education and social youth immunity as a factor of national security are revealed.

Keywords: Republic of Belarus, national security, globalization, risks and threats, youth, social immunity, sense of justice, national identity, global and local society.

Поступила 11.10.2014 г.

УДК 316.614:32-053.6(476)

Е. С. БАБОСОВА,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПОВЫШЕНИЕ ЗНАЧИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЮНОШЕСТВА

Охарактеризованы основы Государственной молодежной политики Республики Беларусь. Определены ее основные цели, приоритеты и направления. Выявлены сущность и функции политической социализации подростков и молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, социализация, молодежные объединения, политическая деятельность, политические ориентации, политическая система, оптимизм.

Молодежь в возрасте 16–29 лет составляет почти четверть населения страны, поэтому важным направлением обеспечения устойчивого развития общества и его модернизации является деятельность по формированию и реализации эффективной молодежной политики, а также вовлечению молодых людей в сферу государственно-общественного управления, производственно-трудовой, социокультурной, научно-технической и общественно-политической деятельности.

Государственная молодежная политика является целостной системой государственных приоритетов и мер экономического, правового, социального, воспитательного и организационного характера, осуществляемой органами государственной власти, управления, организациями и объединениями граждан, направленных на создание условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи в интересах Беларуси и ее народа. Она разрабатывается и реализуется органами государственной власти и местного самоуправления при активном участии молодежных общественных объединений, исследовательских и образовательных учреждений, неправительственных и спонсорских организаций. Ее правовые основы составляют конституционные установления и законодательство страны, содержащее в себе ряд законов, учитывающих интересы и потребности различных групп молодежи и определяющих важнейшие направления общественно-политической социализации молодежи.

Трансформация современного общества невозможна без решения проблем молодежи, ее образования, профессиональной подготовки, повышения роли молодежных общественных объединений. Роль и значение молодежи и ее участия в формировании и осуществлении молодежной политики определяется

спецификой положения этой группы в обществе, так как она является одним из важнейших объектов государственных интересов и одним из главных факторов обеспечения устойчивого социально-экономического и политического развития страны и ее комплексной модернизации. В связи с этим существенно актуализируется изучение включенности молодежи в политические процессы, исследование ее политических взглядов и убеждений, отношения к государственной системе молодежной политики, а также возможных методов влияния на участие юношей и девушек в политической, экономической, культурной, научной и других сферах общества.

Молодежь «является наиболее подвижной частью общества, восприимчивой к новым явлениям действительности, к новым знаниям, новым представлениям о мире, сущностной социальной характеристикой которой является способность наследовать и воспроизводить социокультурные образцы, трансформировать их с учетом изменившегося социального опыта на основе собственного инновационного потенциала и транслировать будущим поколениям, внося тем самым свой вклад в развитие общества» [1, с. 26]. Вместе с этим молодежь легче поддается манипулированию, у нее не сформированы устойчивые представления и убеждения, политические взгляды и предпочтения. Государственная молодежная политика ориентирована на рост социальной и политической активности молодежи, на увеличение количества ее представителей в экономической и социально-политической жизни общества.

Возможности вовлечения молодежи в общественно-политическую деятельность в последнее время расширяются. В частности, в Минске юноши и девушки принимают участие в столичных проектах «Молодежная палата», «Минская смена», «Наши люди», призванных привлекать молодежь к государственному управлению.

Один из эффективно действующих таких проектов – столичная «Молодежная палата». В ней проявляют активность 55 депутатов, старшеклассников минских школ и гимназий, которые прошли серьезную процедуру выборов. В качестве социального механизма комплектования данного общественного органа взята схема проведения выборов в местные Советы. Конкуренция здесь была достаточно острой: на 1 место претендовали 3–4 кандидата. Вначале их выдвигали одноклассники и учителя или молодежные общественные организации. После этого зарегистрированные кандидаты проводили предвыборную агитацию в школах. Были здесь и кабинки для голосования, и списки избирателей, и бюллетени, и избирательная комиссия, занимающаяся подсчетом голосов.

После избрания в состав этой «Молодежной палаты» ребята разрабатывают и осуществляют разнообразные мероприятия: помощь ветеранам Великой Отечественной войны, проведение совместно с ГАИ акций по обеспечению безопасности движения, участие в компьютерном программировании, проведение школьных олимпиад и, наконец, встречи с депутатами Минского городского Совета и Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь.

Главная цель этого общественного объединения – предоставить депутатам-подросткам, избранным туда своими сверстниками, возможность обсуждать и принимать участие в решении реальных проблем, существующих в различных сферах, разрабатывать и реализовывать свои инновационные проекты и приобретать тем самым опыт участия в общественно-политической жизни. Все это важно в выработке у подростков заинтересованности в участии в процессах модернизации.

Включение подростка в деятельность различных общественно-политических объединений существенно расширяет социальное пространство политической социализации молодежи. «Создан республиканский реестр молодежных и детских организаций, пользующихся государственной поддержкой, в который включено 15 организаций. Самой массовой и известной является Белорусский республиканский союз молодежи, правопреемник комсомола» [3, с. 70]. Участие юношества в работе таких организаций содействует решению ряда важных воспитательных и практических задач. Среди них наиболее существенными являются:

а) формирование политического сознания молодого человека;

б) социально-политическая ориентация юношей и девушек;

в) выбор конкретной социальной группы в качестве «своей» и соответствующей политической позиции;

г) усвоение определенных политических функций, стремление осуществлять их в повседневной жизнедеятельности (формирование политической идентичности);

д) формирование эмоционально-насыщенной и рационально-осознанной установки по отношению к политической жизни и ее модернизации.

О важности именно такого направления идейно-воспитательного воздействия на молодое поколение страны свидетельствует тот факт, что, по данным репрезентативного социологического опроса, проведенного в сентябре–октябре 2013 г., две трети (64,5 %) опрошенных молодых людей в возрастной когорте 16–29 лет утверждали, что они интересуются политическими событиями, происходящими в обществе. Правда, очень многие из них (43,1 %) не принимают участия в политической жизни, а 51,4 % в деятельности общественных организаций и движений (рис. 1).

Учитывая все это, следует принимать во внимание, что более половины опрошенных молодых людей (51,5 %) считают необходимым осуществить модернизацию политической системы в Беларуси, тогда как в возрастной группе от 50 лет и старше такую позицию занимают чуть более трети всех респондентов (35,8 %). Характерно, что 41,7 % опрошенных молодых людей считают необходимым в процессе модернизации сделать работу государственного аппарата более эффективной и открытой для граждан, 37,2 % – усилить ответственность руководителей всех уровней за принятие и осуществление решений, 26,9 % – в большей степени учитывать общественное мнение по управлению государством. Нельзя не отметить и такой примечательный факт: 17,8 % из об-

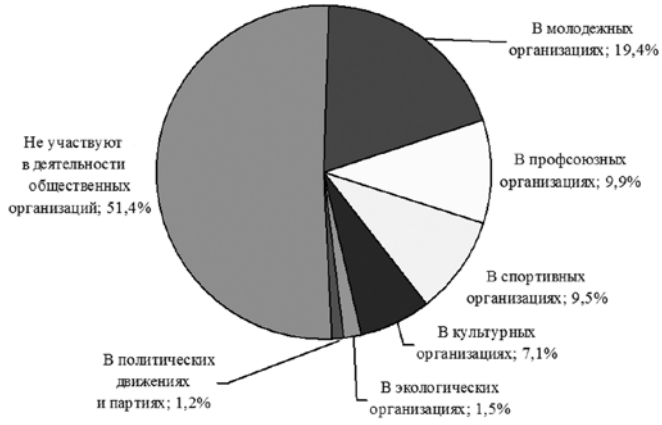


Рис. 1. Доля молодежи Беларуси, принимающей участие в деятельности общественных организаций (в %)

щего массива опрошенных молодых людей считают, что в участии в политической жизни реализуются стремления к саморазвитию и социальной активности, а каждый третий – 33,8 % – что политическая активность определяется стремлением улучшить жизнь людей в обществе.

Со свойственными молодежи максимализмом и критичностью в оценке существующих реалий, в том числе и в политической сфере общества, 46,6 % опрошенных молодых людей считают недостаточными применяемые государством, учебными заведениями и общественными организациями меры по привлечению молодежи к участию в политике (считают их достаточными только 22,1 %, не смогли точно сформулировать свою позицию или уклонились от ответа на данный вопрос 31,3 % респондентов). К тому же 28,8 % опрошенных молодых людей характеризуют осуществляемые в стране меры по поддержке молодежных общественных организаций недостаточными.

Отметим еще три важных показателя: 43,8 % молодых респондентов гордятся тем, что являются гражданами своей страны: 76,0 % утверждают, что их объединяет с жителями Беларуси любовь к Родине, патриотизм, а 83,5 % – культура и традиции белорусского народа.

Анализ и осмысление приведенных материалов социологических исследований позволяют сформулировать важное умозаключение. Суть его такова: современная белорусская молодежь достаточно отчетливо представляет себе, какие актуальные проблемы следует решать в ближайшей перспективе в нашем обществе. И в качестве важнейших проблем ее большинство (повторим: 51,5 %) видят необходимость осуществления модернизации политической системы, а также улучшения экономического развития Беларуси (так считают 46,3 % из общего количества опрошенных молодых людей в возрасте 16–29 лет, при 30,8 % граждан в возрасте от 50 лет и старше, разделяющих такие же убеждения). Это означает, что современная молодежь отчетливо осознает не-

обходимость политической и экономической модернизации нашей страны и составляет важнейший ресурс их эффективного осуществления.

В процессе осуществления Государственной молодежной политики важно определить направленность политических ориентаций молодых людей. Но еще важнее установить, в каких формах, предпочтениях такие ориентации получают воплощение в жизни, позициях юношей и девушек. Как свидетельствуют материалы социологических исследований, большинство опрошенных молодых людей – 66,3 % в той или иной мере интересуются политическими событиями, которые происходят в Беларуси. Не интересуются политическими процессами, происходящими в нашей стране, 16,9 % представителей молодежной возрастной когорты, такими же процессами в России и других странах ближнего зарубежья – 19,6 %, в странах дальнего зарубежья (в Европе и др.) – 20,6 %.

В процессе опроса молодым людям задавался следующий вопрос: «В какой форме Вы участвуете в общественно-политической жизни?» Следует отметить существование достаточно большой группы молодежи, которая, несмотря на периоды политического затишья, постоянно интересуется политикой. Более двух третей опрошенных молодых людей (66,5 %) внимательно следят за информацией о политических событиях по СМИ. Кроме того, 21,8 % молодых людей участвуют в выборах в Парламент, 27,6 % – в выборах в местные Советы депутатов, 45,3 % – в выборах Президента.

Другие формы участия в общественно-политической жизни страны не являются такими популярными: участвуют в общественных движениях – 4,5 %, участвуют в политических дискуссиях и диспутах – 3 %, проводят агитацию среди товарищей по работе и учебе – 2 %, состоят в политических партиях – 1,5 %, принимают участие в обсуждении законопроектов и других важных государственных решений – 2,4 % из общего количества опрошенных молодых людей.

Для выяснения политических ориентаций молодых людей большое значение имеет выяснение их отношения к политическим партиям страны. Состоят в политических партиях лишь 1,5 % опрошенных молодых людей. Их авторитет в молодежной среде является невысоким в силу их многочисленности, нечеткости программ, слабости их социальной базы, отсутствия организованной общественной поддержки. В связи с этим политические партии не пользуются поддержкой со стороны молодежи и не вызывают у молодых людей желания присоединиться к их деятельности. Так, на вопрос «Если бы в белорусский Парламент выборы проводились по партийным спискам, то за какую политическую партию Вы бы проголосовали?» более двух третей опрошенных молодых людей (64 %) затруднились ответить, а еще 24 % респондентов проголосовали бы против всех. Увеличению популярности политических партий может способствовать создание взаимодействующих с ними молодежных организаций, которые способны более активно контактировать с молодыми людьми. Опыт демократических стран показывает, что при определенных

условиях такие организации способны создавать резерв для будущей политической деятельности.

Формирование политических ориентаций и предпочтений молодых людей происходит в общем русле социализации, которая остается актуальной всегда, поскольку именно через ее социальные механизмы осуществляется эстафета поколений, когда опыт, знания, чувства, мечты, стремления передаются от старшего поколения к следующим, более молодым, и, как правило, более активным. Но в первой четверти XXI в. эта актуальность сместилась в сторону политического вектора. Такое смещение обусловлено тем, что происходящие в Беларуси процессы модернизации политической системы оказывают существенное влияние на изменение социальных механизмов политической социализации, прежде всего молодежи.

Политическая социализация молодежи «представляет собой двусторонний процесс усвоения молодыми людьми норм политической культуры, социальных ролей и способов включения их в политические процессы с одновременным вынесением вовне свойственных им особенностей политического поведения посредством активных социально-политических действий» [2, с. 232].

Проведенное в июле 2014 г. Институтом социологии НАН Беларуси социологическое исследование показывает, что у значительной части белорусской молодежи сформирован достаточный потенциал, необходимый для активной и ответственной в гражданском отношении жизненной позиции, более двух третей из 384 опрошенных молодых людей (всего было опрошено 1495 человек) убеждены в том, что Республика Беларусь состоялась как независимое суверенное государство (а в целом по выборе такую позицию занимают 74,9 %). В связи со вступлением в Евразийский экономический союз одним из преимуществ данного интеграционного объединения считают возможность обучать наших граждан на равных условиях с гражданами ЕАЭС 46,2 % молодых людей в возрасте до 20 лет (81,25 % из них – учащиеся и студенты) по сравнению с 33,8 % таких суждений среди всех участников опроса. В этой же возрастной когорте 31,8 % опрошенных одно из преимуществ такой интеграции видят в расширении доступа к инновационным технологиям и возможности обмена опытом специалистами, тогда как в целом по выборке такие суждения высказывают значительно меньшее количество опрошенных – 23,8 %.

Вместе с тем наша молодежь более серьезно задумывается и о возможных негативных последствиях вхождения Беларуси в ЕАЭС. Так, в возрастной когорте до 20 лет учитывают возможность оттока наиболее квалифицированных специалистов в другие страны данного интеграционного объединения 43,1 %, тогда как в целом по выборке опрашиваемых такие суждения разделяют 41,8 % респондентов.

Обращает на себя внимание тот факт, что 42,4 % молодых людей считают необходимым в процессе совершенствования системы государственного управления в большой степени учитывать общественное мнение при принятии управленческих решений, а 16,3 % высказываются за более широкое

привлечение общественных организаций к принятию политических решений и управлению государством. В целом же по выборке опрашиваемых такие суждения высказывают 34,4 % и 11,6 % респондентов.

Молодежь с гораздо большим оптимизмом смотрит на перспективы развития белорусского государства: считают, что через 10–15 лет Беларусь будет демократическим и правовым государством 30,0 % молодых людей в возрасте до 29 лет, тогда как в более старших возрастных когортах доля таких оценок составляет от 28,4 % до 29,6 %.

Анализ результатов социологических исследований убеждает в том, что встречающиеся в публикациях рассуждения об аполитичности современной молодежи не отражают социально-политической действительности. Вывод приведенных исследований таков: белорусская молодежь в своем большинстве (особенно учащиеся и студенты) прошла хорошую школу политической социализации. Значительная ее часть идентифицирована в системообразующую модель белорусской государственности, занимает инициативные позиции в отношении совершенствования государственной системы. А ее гражданские установки в основном соответствуют происходящим в нашей стране модернизационным изменениям политической системы.

Литература

1. *Бабосова, Е. С.* Ценностные ориентации белорусской молодежи в политической и социокультурной сфере / Е. С. Бабосова // Zeszyty naukowe. – 2012. – N 6.

2. *Бабосова, Е. С.* Влияние молодежной политики на устойчивое развитие современного белорусского общества / Е. С. Бабосова // Социол. альманах. – 2011. – Вып. 2.

3. *Гигин, В. Ф.* Куда идешь, молодежь? / В. Ф. Гигин // Беларус. думка. – 2009. – № 4.

E. S. BABOSOVA

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS OF STATE YOUTH POLICY, INCREASING ITS ROLE IN POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUTH

Summary

The constitutional and legal framework of the State Youth Policy of the Republic of Belarus is characterized. Its main objectives, priorities and directions, the essence and function of political socialization of adolescents and youth are defined.

Keywords: youth, youth policy, socialization, youth associations, political activities, political orientations, political system.

Поступила 02.10.2014 г.

УДК 303.214

О. В. ЖУЛЕНЕВА,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ИНВАРИАНТНОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ДОСТИЖЕНИЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ДАННЫХ КРОСС-НАЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ШКАЛЫ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЦИАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ)

В данной статье на примере шкалы политического и социального доверия представлен анализ инвариантности измерения как критерия достижения эквивалентности данных сравнительных исследований.

Ключевые слова: политическое доверие, социальное доверие, кросс-национальное сравнение, мультигрупповой конфирматорный факторный анализ, инвариантность измерения, конфигуральная инвариантность, метрическая инвариантность,скалярная инвариантность, эквивалентность.

Понятие «инвариантность» широко используется в современной практике сравнительных исследований. В данной статье инвариантность рассматривается как критерий эквивалентности данных кросс-национальных исследований. Инвариантность в этом случае измеряется как показатель оценки устойчивости и неизменности структурных связей объекта исследования в различных национально-культурных условиях. Понятие «культурный инвариант» тесно связано с «культурным эквивалентом». Статистическая оценка наличия социокультурных инвариантов дает возможность определить уровень эквивалентности данных с учетом их социокультурных особенностей. Тестирование инвариантности данных кросс-национальных исследований необходимо, прежде всего, из-за сложности, непостоянства, изменчивости и вариативности объектов сравнительного исследования.

Многочисленные кросс-национальные исследования дают основания утверждать, что население Европы можно отнести к единому «культурному региону», которому присущ ряд основополагающих социокультурных характеристик [3, p. 33]. Однако отдельные специфические социокультурные феномены в западной и постсоветской действительности могут существенно отличаться, вплоть до противоположностей, поэтому при изучении определенного социокультурного феномена нужен анализ структурных связей, структурных сходств (инвариантов) и различий (контекстуальных составляющих). Установление статистической инвариантности является критерием проверки эквивалентности на содержательно-концептуальном уровне (достиже-

ние концептуальной и функциональной эквивалентности) и на процедурном уровне (эквивалентности единиц измерения и полной скалярной эквивалентности) [5, p. 35].

Инвариантность как критерий достижения эквивалентности позволяет отделить различия и сходства объектов исследования от артефактов измерения. Особое значение тестирование инвариантности имеет при измерении теоретических конструктов, для которых необходимо определить, измеряет ли выбранный набор индикаторов теоретический конструкт, насколько он устойчив в разных контекстных условиях. В случае отсутствия инвариантности может оказаться, что под видом латентной переменной сравнивается значение одного индикатора в одной группе и другого индикатора – в другой. В связи с этим важно использовать индикаторы, которые сохраняют устойчивость хотя бы в нескольких группах, подлежащих сравнению [3, p. 33–46].

В качестве примера тестирования инвариантности измерения был выбран конструкт социального и политического доверия. Рассмотрим теоретические основания объединения социального и политического доверия в один аналитический конструкт.

Исследованию конструкта доверия посвящены работы многих выдающихся социологов (Б. Барбер, Э. Гидденс, Н. Луман, А. Селигмен, С. Айзенштадт, Ф. Фукуяма, П. Штомпка). В практике анализа, проведенного рядом вышеуказанных исследователей, интерпретация доверия сосредоточена прежде всего на проблеме происхождения и детерминантах доверия (Origins of Political Trust), что предполагает исследование основных факторов формирования данного конструкта.

Доверие изначально формируется на основе межличностного взаимодействия и сотрудничества в рамках формальных и неформальных институтов общества (сообществ), становясь при этом основой для создания не только общественной сети институтов гражданского общества, но и способствуя усилению доверия к политическим институтам (политическое доверие), которое, в свою очередь, способствует формированию гражданской культуры. Отношение граждан к политике в демократичном обществе опосредовано базисными социальными ценностями, к числу которых относится и социальное доверие [6, p. 475–507]. Доверие к согражданам проникает в политические отношения, превращаясь в политическое доверие и готовность к взаимодействию в этой сфере [4, p. 221]. Взаимосвязь между этими двумя типами доверия означает, что люди внутри общества готовы положительно оценивать как своих сограждан, так и политические институты. Это, в свою очередь, предполагает измерение следующих параметров:

1) доверие к политическим институтам и силовым структурам (партии, парламент, профсоюзы, полиция, суды, премьер-министр, президент, армия);

2) доверие к институтам гражданского общества (общественные организации, пресса, телевидение и радио и т. д.);

3) доверие к другим людям.

Политическое и социальное доверие является основой функционирования и развития современного общества с развитой демократией. Как отмечает Э. Гидденс, доверие к абстрактным системам (политическое доверие) не может заменить для человека персонифицированное доверие (социальное, межличностное), сформированное на чувстве солидарности, симпатии, дружбы, взаимопомощи, уверенности в людях. Одновременно дополняя друг друга, доверие к абстрактным системам (политическое доверие) и межличностное (социальное) доверие образуют новую составляющую – «базовое доверие» [1].

Таким образом, одним из направлений современных исследований является изучение «доверия», особенностей формирования и факторов, влияющих на формирование того или иного типа доверия в обществе. Большинство статей, посвященных политическому и социальному доверию, ориентированы на изучение отношений доверия с поведенческими аспектами, такими как гражданское, политическое участие. Однако значительно меньше внимания уделяется тому, насколько индикаторы измерения данного конструкта являются валидными и эквивалентными для изучения в различных группах.

В связи с этим основное внимание уделяется измерительным характеристикам конструкта социального и политического доверия для определения потенциальной возможности изучения данных типов доверия как одного конструкта.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие исследовательские задачи:

1. На уровне проверки концептуальной инвариантности определить, есть ли связь между политическим и социальным доверием;

2. На уровне проверки процедурной инвариантности определить, насколько измерение социального и политического доверия как одного аналитического конструкта является возможным;

3. Определить, одинаково ли понимается концепт в исследуемых группах;

4. Насколько данный аналитический конструкт можно измерить с помощью выбранных для анализа индикаторов;

5. Можно ли сравнивать проявление данного аналитического конструкта между странами.

В социологических исследованиях для измерения социального доверия, как правило, используют оценки следующих суждений: «В целом, большинству людей можно доверять», «Вы не можете быть слишком осторожным в общении с другими людьми». Это классические индикаторы, которые широко используются в социологических исследованиях для измерения социального доверия. Однако достаточно трудно измерить социальное доверие как простой конструкт с использованием одного вопроса, так как это комплексный конструкт, и одного индикатора не может быть достаточно для того, чтобы охватить всю его сложность. В связи с этим есть потребность в нескольких поведенческих показателях общественного доверия. Кроме того, качество измерения выше при использовании нескольких показателей, чем при исполь-

зовании одного индикатора. Именно поэтому в Европейском социальном исследовании социальное доверие измеряется тремя вопросами анкеты, которые можно найти в табл. 1.

Таблица 1. **Индикаторы политического и социального доверия, использованные в Европейском социальном исследовании**

Социальное доверие (Social trust)	People trust *(доверие к людям)*	**А3. Как Вы считаете, в целом, большинству людей можно доверять или следует быть осторожным, имея дело с людьми?** Пользуясь этой карточкой, оцените свою позицию по шкале от 0 до 10 баллов, если 0 баллов означает, что «*следует быть осторожным*», а 10 – что «*большинству людей можно доверять*»
	People fair *(честность людей)*	**А4. Как Вы думаете, большинство людей постараются использовать или обмануть Вас, если представится случай, или же они будут стараться вести себя честно и порядочно?** Оцените свою позицию по шкале от 0 до 10 баллов, если 0 баллов означает, что «*большинство людей постараются использовать или обмануть меня*», а 10 – «*большинство людей будут стараться вести себя честно и порядочно*»
	People help *(взаимопомощь людей)*	**А5. Как Вы думаете, люди в основном стараются помогать другим или преследуют собственный интерес?** Оцените свою позицию по шкале от 0 до 10 баллов, если 0 баллов означает, что «*люди в основном преследуют собственный интерес*», а 10 – «*люди в основном стараются помогать другим*»
Политическое доверие (Political trust)	Parliament trust *(доверие к Верховной раде/ Парламенту)*	**В2. Используя карточку, скажите мне, пожалуйста, насколько Вы лично доверяете организациям, которые я сейчас буду называть.** Оцените степень своего доверия по шкале, где 0 баллов означает *«совершенно не доверяю»*, а 10 – *«полностью доверяю»*. Итак, насколько Вы доверяете Верховной раде
	Politicians trust *(доверие к политикам)*	**В5. Используя карточку, скажите мне, пожалуйста, насколько Вы <u>лично</u> доверяете организациям, которые я сейчас буду называть.** Оцените степень своего доверия по шкале, где 0 баллов означает *«совершенно не доверяю»*, а 10 баллов – *«полностью доверяю»*. Итак, насколько Вы доверяете политикам

В свою очередь, для измерения политического доверия в Европейском социальном исследовании используется 6 вопросов, измеряющих доверие к различным общественным институтам. Среди них есть два вопроса, которые в литературе часто используются в качестве индикаторов политического доверия. Именно они использованы в данном исследовании в качестве индикаторов политического доверия, элементы которого также представлены в табл. 1.

В соответствии с выбранными индикаторами теоретическую модель конструкта социального и политического доверия можно изобразить следующим образом (рис. 1).

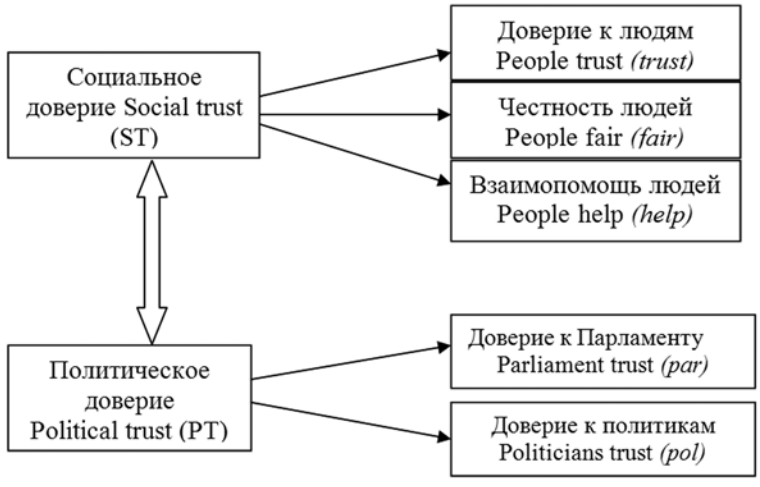


Рис. 1. Теоретическая модель конструкта социального и политического доверия

Для анализа были использованы данные трех волн Европейского социального исследования (2007, 2009 и 2013), для сравнения с Украиной были взяты Россия и Польша. Украина, как рубежное государство, находится на грани двух миров – западного (который, отчасти, олицетворяет Польша) и восточного (Россия), что непосредственно влияет как на политико-правовое сознание украинских граждан, так и на систему ценностных ориентаций населения в целом. Исходя из этого, достаточно интересным является сравнение Украины относительно уровня социального и политического доверия с этими странами.

Прежде всего, следует проверить, можно ли использовать выбранные индикаторы для анализа конструкта социального и политического доверия и существует ли связь между этими переменными [2, p. 456–466]. Для этого был осуществлен анализ парной корреляции переменных. Были использованы данные 6-й волны Европейского социального исследования о всех выбранных для анализа группах. В результате анализа были получены значимые коэффициенты парной корреляции между переменными на уровне значимости 0,01.

Поскольку корреляция между переменными, которые измеряют социальное и политическое доверие, существует во всех трех странах, можно утверждать с определенной вероятностью, что выбранные индикаторы могут быть объединены в один исследуемый конструкт.

Далее для того, чтобы выявить однородность проявления конструкта в различных группах, надо проверить уровень сходства и устойчивости данных групп. Такое тестирование выступает методом подтверждения концептуальной инвариантности.

Одним из способов проверки концептуальной инвариантности является анализ дисперсии, используя *t*-тест. Равенство дисперсии в двух группах проверяется с помощью критерия *F*; если значимость меньше принятого уровня

(в данном случае 0,05), нулевая гипотеза не подтверждается, и группы нельзя считать однородными. Соответственно, контекстуальные особенности группы могут определенным образом повлиять на идентичность измерения конструкта в этих группах. Проверим, насколько однородными при измерении показателей политического и социального доверия являются избранные для сравнительного анализа страны (табл. 2, 3). Сначала сравним Украину и Польшу по данному показателю.

Таблица 2. **Критерий однородности для независимых выборок Украина & Россия**

Индикаторы	Страна	Критерий равенства дисперсий	
		F	Значение
Доверие к людям	Украина	0,56	0,46
	Россия		
Честность людей	Украина	1,01	0,32
	Россия		
Взаимопомощь людей	Украина	**4,07**	**0,04**
	Россия		
Доверие к Парламенту	**Украина**	**124,09**	**0,00**
	Россия		
Доверие к политикам	**Украина**	**75,62**	**0,00**
	Россия		

Таблица 3. **Критерий однородности для независимых выборок Украина & Польша**

Индикаторы	Страна	Критерий равенства дисперсий	
		F	Значение
Доверие к людям	**Украина**	**23,48**	**0,00**
	Польша		
Честность людей	Украина	1,50	0,22
	Польша		
Взаимопомощь людей	**Украина**	**11,23**	**0,00**
	Польша		
Доверие к Парламенту	**Украина**	**23,62**	**0,00**
	Польша		
Доверие к политикам	**Украина**	1,562	0,21
	Польша		

Согласно значимости критерия *F* с 95 % вероятностью можно сказать, что при сравнении Украины и Польши на уровень доверия к людям, уровень взаимопомощи людей и уровень доверия к Парламенту могут влиять характерные для данных групп контекстуальные переменные; при сравнении Украины и России подобная неоднородность наблюдается по таким индикаторам, как взаимопомощь людей, доверие к Парламенту, доверие к политикам. Сравнивая по этому критерию Польшу и Россию, получим неоднородность группы по всем переменным, которые определяют социальное и политическое

доверие. На основании полученных данных группы нельзя считать полностью однородными в проявлении индикаторов, которые в данном исследовании определяют социальное и политическое доверие. Таким образом, концептуальная инвариантность, которая в данном случае представляет собой уровень тождества проявления концептов, не может быть достигнута в полной мере. Подробнее это можно проверить при тестировании инвариантности измерения (процедурной инвариантности).

Процедурная инвариантность в данном случае указывает на то, что в разных группах измеряется один и тот же конструкт, а также более точно позволяет ответить на вопросы:

Можно ли измерять социальное и политическое доверие вместе как один аналитический конструкт?

Насколько данный аналитический конструкт можно измерить с помощью выбранных для анализа индикаторов?

Можно ли сравнивать проявление данного аналитического конструкта между странами?

Инвариантность измерения подтверждается, если отношения между индикаторами и латентным конструктом идентичны во всех группах. Этот тип инвариантности определяется равенством факторной структуры и соответствующих статистических параметров (например, нагрузок, интерсептов (констант) и т. д.) между группами. Типичная модель тестирования инвариантности представляет собой общую факторную модель, в которой наблюдаемый показатель отражает основную латентную переменную. В свою очередь, латентная переменная является причиной ответа на конкретный вопрос, а следовательно, объясняет изменение показателя и ковариации между несколькими индикаторами.

Для проверки теоретической модели социального и политического доверия был применен многогрупповой конфирматорный факторный анализ (БКФА) с использованием программного обеспечения AMOS (версия 16.0). Эта процедура позволяет выделить тождественные, неизменные параметры для нескольких групп и нескольких временных промежутков. Критерий максимальной достоверности был выбран в качестве функции соответствия. Оценки были осуществлены на основе корреляционной матрицы пяти выбранных индикаторов для проверки конструкта.

Для того чтобы проверить соответствие эмпирической модели теоретической, в эмпирическую модель вводится три уровня ограничений:

Анализ 1. Тестирование конфигуральной инвариантности

Конфигуральная (функциональная) инвариантность показывает степень сходства структуры исследуемого конструкта в различных группах с помощью одинакового набора индикаторов (достаточная при изучении общей базовой структуры конструкта в различных группах). Другими словами, насколько факторная структура конструкта одинакова в разных группах или насколько использованная модель подходит для стран/культур, в которых проводится сравнение. Для этого на уровне конфигуральной инвариантности проверяет-

ся, насколько определенный набор индикаторов подходит для измерения наблюдаемой латентной переменной.

Анализ 2. Тестирование метрической инвариантности

На этом уровне в модель вводятся ограничения на равенство факторных нагрузок во всех группах (странах). Целью проверки этого уровня инвариантности является анализ того, можно ли сравнивать факторные нагрузки латентных переменных на индикаторы в разных группах.

Анализ 3. Тестирование скалярной инвариантности

На этом уровне в модель вводятся ограничения на равенство интерсептов во всех группах (странах). При достижении скалярной инвариантности становится возможным сравнивать латентные переменные в избранных для анализа странах.

Приемлемым соответствием модели данным можно считать такие критерии: RMSEA <0,05; CFI/TLI> 0,9; SRMR <0,05,

где CFI – comparative fit index (сравнительный индекс согласия),

RMSEA – root mean square error of approximation (корень квадрата ошибки аппроксимации),

SRMR – standardized root meansquare residual (стандартизованный корень квадратов остатков),

разница значений CFI между уровнями инвариантности: в случае, если разница превышает 0,01, имеются значительные различия между теоретической и эмпирической моделью.

В соответствии с указанными выше уровнями инвариантности проверим соответствие теоретической модели эмпирической для каждой страны (рис. 2.1, 2.2, 2.3).

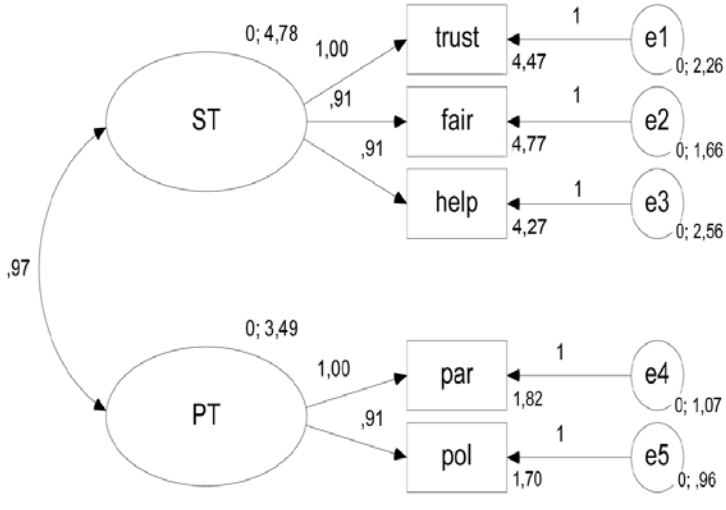


Рис. 2.1. Стандартизированные факторные нагрузки и корреляции между факторами для Украины (*N* = 1980, модель тестирования метрической инвариантности)

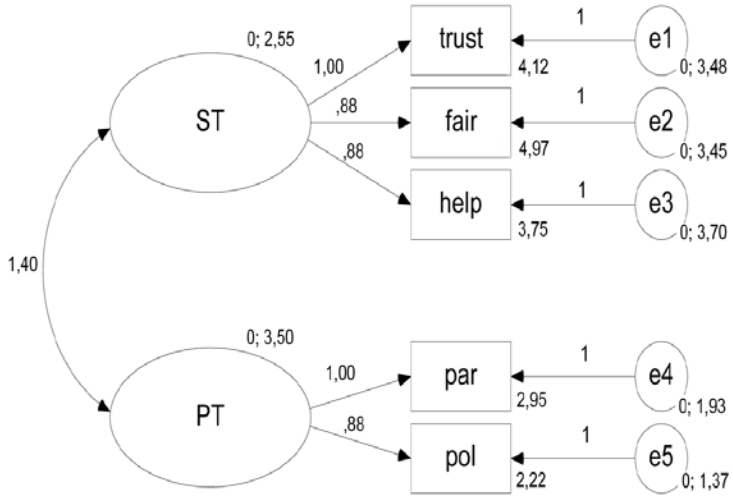


Рис. 2.2. Стандартизированные факторные нагрузки и корреляции между факторами для Польши (*N* = 1859, модель тестирования метрической инвариантности)

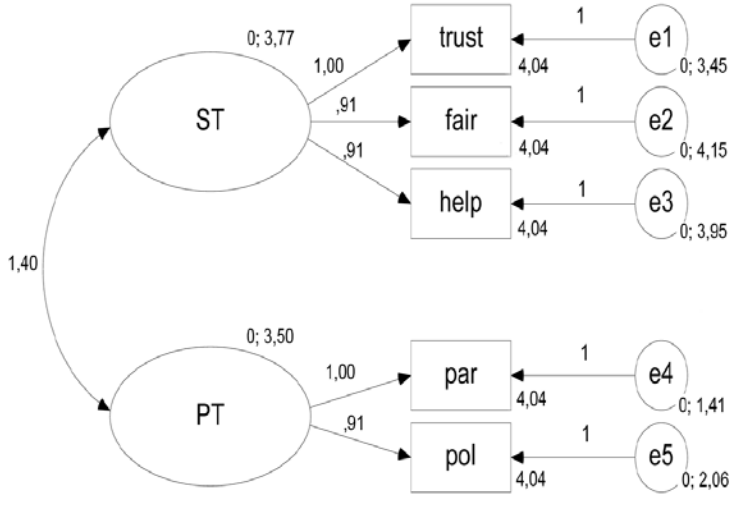


Рис. 2.3. Стандартизированные факторные нагрузки и корреляции между факторами для России (*N* = 2274, модель тестирования метрической инвариантности)

Индексы соответствия для каждой из стран представлены в табл. 4.

На основании полученных индексов соответствия можно сказать, что конфигуральная и метрическая инвариантность подтверждается (RMSEA менее 0,05), в то время как скалярная инвариантность согласно значениям критерия RMSEA (более 0,005) и разницы критерия CFI (более 0,0010) отвергается. Результаты анализа свидетельствуют о том, что структура конструкта является приемлемой для измерения. Эмпирическая модель соответствует теоретическим основаниям в каждой из исследуемых стран. Двухфакторная модель конструкта социального и политического доверия подтверждается.

Таблица 4. **Индексы соответствия двухфакторной модели для каждой из стран отдельно (6-я волна 2013 г.)**

Модель	Модель	Хи-квадрат	Количество степеней свободы	NNFI	CFI	Разница CFI	SRMR	RMSEA
Конфигуральная	**Украина**	**3,95**	**4**	**01**	**1**		**0,01**	**0,00**
	Польша	17,63	4	00,99	0,99		0,01	0,04
	Россия	16,04	4	00,99	0,99		0,01	0,04
Метрическая	**Украина**	**6,36**	**6**	**00,99**	**1**	**0**	**0,01**	**0,00**
	Польша	30,90	6	00,98	0,99	0,01	0,02	0,01
	Россия	25,63	6	00,99	0,99	0,00	0,02	0,038
Скалярная (инвариантность шкалы)	**Украина**	**1656,81**	**10**	**00,63**	**0,63**	**0,37**	**0,20**	**0,29**
	Польша	1513,57	10	00,226	0,23	0,76	0,07	0,29
	Россия	1039,29	10	00,67	0,67	0,32	0,06	0,21

Однако специфика данного метода в том, что на больших выборках результаты часто являются значимыми, поэтому, чтобы убедиться в том, что структура и факторные нагрузки сохраняются и в меньших по количеству группах, случайным образом были отобраны подвыборки в каждой из стран. Это позволяет убедиться в устойчивости данной структуры.

Индексы соответствия подвыборок каждой из стран представлены в табл. 5.

Таблица 5. **Индексы соответствия подвыборок двухфакторной модели для трех стран отдельно (6-я волна 2013 г.)**

Украина (N = 514), Польша (N = 583), Россия (N = 596)

Модель	Модель	Хи-квадрат	Количество степеней свободы	NFI	CFI	Разница CFI	SRMR	RMSEA
Конфигуральная	**Украина**	1,92	4	0,99	1		0,01	0,00
	Польша	11,10	4	0,99	0,99		0,02	0,05
	Россия	6,29	4	0,99	0,99		0,02	0,03
Метрическая	**Украина**	4,06	6	0,99	1	0,00	0,01	0,00
	Польша	11,48	6	0,99	0,99	0,00	0,02	0,04
	Россия	13,68	6	0,98	0,99	0,01	0,03	0,05
Скалярная (инвариантность шкалы)	**Украина**	460,43	10	0,63	0,63	0,36	0,21	0,30
	Польша	281,60	10	0,67	0,68	0,31	0,07	0,22
	Россия	225,35	10	0,72	0,73	0,26	0,05	0,19

Индексы соответствия при анализе подвыборок подтверждают достижение конфигуральной и метрической инвариантности и отклонения скалярной инвариантности (RMSEA более 0,005, разница CFI более 0,001) во всех группах, что в свою очередь свидетельствует об определенном уровне устойчивости и надежности данного конструкта.

Результаты анализа подтверждают возможность измерения социального и политического доверия как одного конструкта для всех исследуемых групп.

Но чтобы ответить на вопрос, можно ли сравнивать исследуемый конструкт между странами, необходимо построить модель для трех стран одновременно (рис. 3, табл. 6).

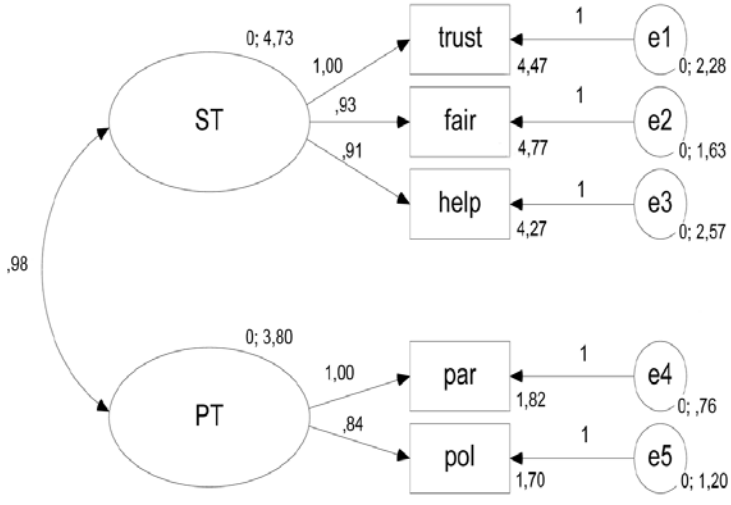


Рис. 3. Стандартизированные факторные нагрузки и корреляции между факторами для трех стран (Украина, *N* = 1859; Россия, *N* = 2256, Польша, *N*= 1859, модель тестирования метрической инвариантности)

Таблица 6. **Индексы соответствия двухфакторной модели для трех стран (6-я волна 2013 г.)**

(Украина, N = 1859; Россия, N = 2256; Польша, N = 1859)

Модель	Модель	Хи-квадрат	Количество степеней свободы	NFI	CFI	Разница CFI	SRMR
Конфигуральная	37,61	12	0,99	0,99	0,01		0,02
Метрическая	58,13	18	0,99	0,99	0,01	0,00	0,02
Скалярная (инвариантность шкалы)	776,33	28	0,92	0,92	0,01	0,07	0,07

Индексы соответствия конфирматорного факторного анализа показали приемлемое соответствие данных конфигуральной и метрической инвариантности для трех стран. Среднее корня квадратного из ошибки аппроксимации (RMSEA) – менее 0,05, что свидетельствует о хорошем соответствии данных модели при тестировании на конфигуральную и метрическую инвариантность. Все стандартизированные факторные нагрузки (0,38–0,93) индикаторов на латентные переменные являются значимыми (на уровне значимости 0,01). Скалярная инвариантность (инвариантность шкалы), как и при анализе каждой страны отдельно, не была достигнута (значение RMSEA – более 0,05). На основании этого можно говорить о том, что одни и те же латентные конструкты наблюдаются в разных странах. Показатели соответствия находятся в тех же диапазонах и при сравнении данных Европейского социального

исследования 2007 и 2009 гг., что в свою очередь указывает на постоянство структуры данного конструкта.

Следовательно, на основании проведенного анализа можно говорить о наличии взаимосвязи между политическим и социальным доверием, а также о соответствии структуры индикаторов исследуемому конструкту. Об этом свидетельствует достижение инвариантности структуры конструкта (конфигуральная инвариантность) в трех группах, в разные промежутки времени (в 2007, 2009, 2013 гг.). Выбранный набор индикаторов в целом отражает конструкт социального и политического доверия в сравнении между странами. Благодаря достижению метрической инвариантности сравнение факторных нагрузок латентных переменных на индикаторы является возможным. В связи с этим можно говорить о достижении функциональной эквивалентности и эквивалентности единиц измерения. Однако неподтвержденность скалярной инвариантности и однородности групп по данным характеристикам свидетельствует об определенных сложностях в достижении концептуальной и в связи с этим полной (скалярной) эквивалентности конструкта, что в свою очередь затрудняет возможность сравнения средних. В результате, делая выводы сугубо на основании значимости различий, можно получить искаженные данные, которые не будут затрагивать контекстуальные составляющие полученных сходств и различий, так как интерпретация количественных различий может иметь смысл при условии, когда на основании достижения скалярной инвариантности подтверждается полная (скалярная) эквивалентность измерения конструкта.

В случаях неподтвержденности скалярной инвариантности необходим анализ контекстуальных данных, которые могут влиять на равноценность измерения конструкта в определенной группе. В противном случае, исследователь может продолжить тестирование модели, включая отдельные оценки некоторых параметров в подгруппах (подвыборках) (например, некоторых факторных нагрузок некоторых интерсептов). Такой анализ соответствия модели представляет собой тестирование частичной инвариантности.

Подводя итоги проверки инвариантности как критерия эквивалентности данных в современной практике кросс-национальных исследований, следует признать, что тестирование статистической (факторной) инвариантности дает возможность без особых затрат времени и ресурсов сделать достаточно комплексный и надежный анализ достижения перечисленных выше уровней эквивалентности.

Литература

1. *Лукин, В. Н.* Политическое доверие в современном гражданском обществе: культурологические и институциональные модели [Электронный ресурс] / В. Н. Лукин // CREDO NEW. – 2009. – № 3. – Режим доступа: http://credonew.ru/content/view/500/30/. – Дата доступа: 10.10.2014.

2. *Byrne, B. M.* Testing for the equivalence of factor covariance and mean structures: The issue of partial measurement invariance / B. M. Byrne, R. J. Shavelson, B. Muthén // Psychological Bulletin. – 1989. – N 105 (3). – P. 456–466.

3. *Davidov, E.* A cross-country and cross-time comparison of human values measurements in the second round of European Social Survey / E. Davidov // Survey Research Methods. – 2008. – Vol. 2, N 1. – P. 33–46.

4. *Inglehart, R.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence / R. Inglehart, C. Welzel. – Cambridge, UK ; New York : Cambridge University Press, 2005. – 333 p.

5. *Johnson, T.* Approaches to Equivalence in Cross-Cultural and Cross-National Surveys / T. Johnson // ZUMA Nachrichten Spezial: Cross-Cultural Survey Equivalence. – 1998. – N 3. – P. 1–40.

6. *Levi, M.* Political trust and trustworthiness. Annual? / M. Levi, L. Stoker // Review of Political Science. – 2000. – N 3. – P. 475–507.

O. V. ZHULENEVA

STATISTICAL INVARIANCE AS CRITERIA OF CROSS-NATIONAL DATA EQUIVALENT ACHIEVMENT (ON BASIS OF THE EXAMPLE OF SOCIAL-POLITICAL TRUST SCALE IN THE EUROPEAN SOCIAL STUDY)

Summary

On the basis of social-political trust scale the analysis of measurement invariance as a criteria of comparative research data equivalence is described in the given article.

Keywords: political trust; social trust; cross-national comparison; multiple-group confirmatory factor analysis; measurement invariance; configural invariance, metric invariance, scalar invariance, equivalence.

Поступила 17.10.2014 г.

УДК 316.343-058.14

В. Э. СМИРНОВ,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ЕЩЕ РАЗ О КЛАССАХ: МАРКСИСТСКИЙ ПОДХОД СЕГОДНЯ

В статье осуществляется критический анализ неомарксистских теорий классов и классовой структуры общества. Показаны достоинства и проблемные места современных интерпретаций марксистской теории. Предлагается подход, в рамках которого акцент в определении классов ставится на «положение индивидов и социальных коллективов в системе общественного разделения труда», причем собственность рассматривается не как основной, а как дополнительный признак, как один из возможных инструментов, с помощью которого организуется система общественного разделения труда.

Ключевые слова: классы, марксистская теория классов, социальная структура общества, неомарксистские теории классов, классовая самоидентификация, социальная группа, рабочий класс, наемные работники, критерии классообразования.

Понятие классов, возникшее задолго до появления марксизма, именно в марксизме сделалось важнейшим инструментом анализа общества. Однако очень скоро обнаружились сложность и неоднозначность содержания этого понятия, и не удивительно, что К. Маркс, постоянно пользуясь им, в своих трудах так и не дал формального определения классов. В результате каноническим марксистским определением стало определение В. И. Ленина [1, с. 15]. Впрочем, и определение Ленина было в большой степени «стерилизовано» в рамках официальной доктрины, что привело к тому, что определение классов было сведено к отношениям собственности на средства производства. Сегодня же, когда постсоветские социологи «договорились» о том, что ссылаться на Ленина неприлично, за марксистское определение классов, как правило, выдают определение Э. Гидденса, которое гласит: «Классы образуются на основе отношения групп индивидов к обладанию частной собственности на средства производства» (цит. по: [2, с. 219]).

Однако нужно заметить, что сам Маркс был куда более гибок в использовании понятия класса. В его теории обозначились те тенденции, которые в дальнейшем разовьются в самостоятельные теоретические представления [3, т. 4, с. 424]. Наличие этих тенденций вызвано гносеологическими и онтологическими проблемами, стоявшими перед автором классовой теории. Во-первых, это проблема объективности классов, во многом связанная с давней дискуссией номинализма и реализма [3, т. 8, с. 208]. Маркс ее решал в пользу объективности классов, хотя, рассуждая о классах для себя, утверждал важ-

ность субъективного момента, поскольку именно классовое самосознание, по его мнению, придавало классам полноценный характер [3, т. 8, с. 208]. В контексте этой проблематики в западной социологии развилось так называемое «немарксистское» направление, связанное с отрицанием объективного характера классов. Например, Л. Уорнер, представитель этого направления, определил классы как социальные группы, в существование которых верят члены общества [4].

Во-вторых, это проблема неоднозначности в сфере классовой идентификации и самоидентификации, требующая обращения внимания и на различия в образе жизни, образовании и т. п. В дальнейшем эта проблематика, которую можно назвать социологической, была глубоко осмыслена М. Вебером и получила развитие в так называемых веберианских концепциях классов.

В-третьих, это проблема разнообразия социальных групп, имеющих разное положение в общественной иерархии, несводимое к строгой дихотомности. Маркс разрешал ее, полагая, что состояние, когда существуют остатки классовых пар предыдущих способов производства и общество развивается в направлении строгой дихотомности, когда останутся лишь два класса – буржуазия и пролетариат, временное.

Однако эта проблема приобрела новое звучание и актуальность во второй половине XX в., когда возникли и начали расти новые классы, которые было невозможно определить как обломки тех или иных старых классов. Вследствие этого современные неомарксистские теории предложили четыре стратегии решения данной проблемы, продемонстрированные Э. Райтом. Согласно первой стратегии, практически все работники, получающие заработную плату, помещаются в разряд «пролетариата», за исключением сравнительно немногочисленной мелкой буржуазии – собственников, производителей и высших менеджеров, получающих основной доход уже не в виде заработной платы, а за счет владения существенными пакетами акций управляемых предприятий. Таким образом, рабочий класс составляет большинство населения.

Другое направление помещает всех тех наемных работников, которые не входят достаточно явно и непосредственно в рабочий класс, в группу мелкой буржуазии. Другое дело, что выделяется «старая» мелкая буржуазия – т. е. мелкие производители, торговцы и т. п. и «новая», пока однозначного определения не имеющая, но в последнее время зачастую определяемая как «креативный класс». Своеобразным капиталом, мелкой собственностью, которая и делает эти группы буржуазными, в данном направлении признается образование, особенно подтвержденное дипломами. Капиталистов в таком разделении совсем немного.

Третий вариант классификации предлагает выделять тех наемных работников, которые выпадают из рабочего класса не частью мелкой буржуазии, а новым классом специалистов и управленцев (PMC – от Professional and Managerial Class).

И последняя, четвертая стратегия, на которую наложил отпечаток микросоциологический подход, говорит о коллективах и индивидах, имеющих так

называемые противоречивые классовые позиции. Имеются в виду группы и индивиды, которые в разных социальных ситуациях выступают то как эксплуатируемый класс наемных работников, то как представители управляющего класса с соответствующим образованием и образом жизни [4].

Необходимо заметить, что названные подходы к определению классовой структуры общества подвергаются справедливой и часто взаимной критике. Так, определяя рабочий класс только через отношения найма и относя к нему 80–90 % населения, представители данного направления игнорируют такие вещи, как отчуждение в процессе трудовой деятельности, где рабочий в полном смысле не может контролировать условий своего труда, что решительно отличает его даже от самого мелкого менеджера. Важнейшей их особенностью являются отличия в социальных интересах менеджера и рабочего, что никак не позволяет свести эти группы в один класс, основываясь на критерии наемного труда.

Подход, сводящий к мелкобуржуазному статусу те группы, которые невозможно прямо отнести к пролетариату и капиталистам, также не удовлетворителен. В том числе и в принципиальной части, определяющей образование и дипломы как ту собственность, которая и позволяет отнести эти группы к буржуазии. Во-первых, образование имеет специфический характер – оно не может быть отчуждено, как могут быть отчуждаемы средства производства, принадлежащие капиталисту. Полученное образование делается неотчуждаемым ресурсом, оно никак не может быть утрачено, продано или обменяно. В общем, к представителям этого подхода в полной мере приложима вся та критика, которой подверглась теория форм капитала П. Бурдьё [5]. Кроме того, нужно заметить, что определенный уровень специального образования, курсы и соответствующие дипломы еще с конца XIX в. были присущи не только буржуазии, но и квалифицированным индустриальным рабочим, и их-то никому не приходит в голову на основании владения дипломом об образовании относить к мелкой буржуазии. Похоже, что в данном случае на оценку оказывает влияние, скорее, способ жизни – эстетические различия заставляют одних относить к буржуазии, а других однозначно определять как рабочих, и одновременно признавать принадлежность к мелкой буржуазии таких разных групп, как, например, мелкие производители-индивидуалы или юристы или рекламные специалисты.

Таким образом, основная проблема, стоящая перед марксистским классовым анализом, заключается в вопросе, как, к каким классам, и по каким критериям можно идентифицировать новые социальные группы, удельный рост которых в обществе вырос настолько, что решительно поставил под сомнение дихотомную марксистскую модель классов.

В ленинскую эпоху и вплоть до сегодняшнего дня основным полагался такой признак, как отношение к средствам производства. Однако, если для начала XX в. выбор такого критерия в качестве основного был, безусловно, верен, то для конца XX и начала XXI столетия критерий собственности на средства

производства сделался уже сомнительным, и то, что марксисты продолжают ставить на нем акцент, есть, скорее, следствие его кажущейся простоты и относительной очевидности, нежели догматизма.

Дело в том, что уже во второй половине XX в. перед классовым анализом в соответствии с этим критерием встали проблемы, связанные с тем, что право собственности стало терять явную привязку к конкретным лицам – капиталистам, скорее превращаясь в сложную и запутанную систему контроля и взаимных обязательств собственников и управленцев [6].

Сегодня, когда совокупный класс капиталистов-предпринимателей прошлого превратился в «обезличенный капитал как поле или совокупность полей экономико-символических отношений», определять классовую принадлежность через отношения собственности сделалось затруднительно [7, с. 44]. Ведь высшие менеджеры чисто феноменологически принадлежат к господствующему классу, и отрицать это значит отрицать очевидное, при том что менеджеры низшего звена по размерам дохода и стилю жизни близки к массе рабочих и служащих. Где же обнаружить грань, отделяющую менеджеров как представителей господствующего класса от менеджеров наемного труда?

Зачастую социологи пытаются найти ее в том же критерии размера и способа получения доли общественного богатства, указывая на то, что высшие менеджеры основную долю дохода получают от собственности, которая передается в их владение фактическими собственниками предприятий, в то время как мелкие менеджеры основной свой доход имеют от заработной платы [4]. Этот подход тут же встречается с определенными сложностями, а именно с тем, что на самом деле наблюдается единство классового интереса мелких и высших менеджеров и, одновременно, решительное отличие такого интереса менеджеров любого звена от классового интереса рабочих. Ведь жизненные шансы, образование, карьерные ожидания (Ф. Ферраротти) скорее связывают управленцев в единую социальную группу, и разделять их по доходам, относить к разным классам есть, примерно, то же самое, что относить лейтенантов к иной группе, чем полковников, хотя на самом деле и те и другие – офицеры.

Кроме того, нужно заметить, что и само понимание частной собственности в марксистской интерпретации как принадлежности некоего имущества (средств производства) одному человеку или группе лиц страдает явной неполнотой. К. Маркс говорил о частной собственности в двух смыслах: юридическом, как о принадлежности имущества частному лицу, и экономическом, где речь шла о способе присвоения, связанном с разделением труда. По мнению Маркса, частная собственность появляется с разделением труда как обратная сторона этого разделения, как специализация умений и навыков человека, связанных с разделением труда, обусловливающая отношения обмена, и уже как следствие, возможность присвоения чужого труда и распоряжения им [3, т. 3, с. 67].

Поэтому, когда мы говорим о собственности во втором, экономическом, смысле, мы говорим об общественном разделении труда, или, словами Маркса:

«разделение труда и частная собственность, это тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности» [3, т. 3, с. 31]. Соответственно, и по вопросу классовой структуры общества необходимо ставить акцент не на юридическом аспекте собственности, а на двух других признаках ленинского определения. Речь идет о различии классов «по их месту в исторически определенной системе общественного производства», и «по их роли в общественной организации труда». В ранние годы Маркс писал о том, что целью социализма является ликвидация труда (arbeit) как такового, и только позже поставил вопрос несколько иначе, рассуждая о свободном и неотчужденном труде, и соответственно, освобождении труда (Befreiungder Arbeit) [8]. В данном случае мы обратим внимание на «arbeit» – работу, или на отчужденный, несвободный труд. Как ни удивительно, эта форма труда, которая, по мнению Маркса, является источником отчуждения, порабощения человека и частной собственности (как институционального оформления такого порабощения и закабаления), выросла из способности человека производить не только для себя, но и для других. Речь идет не только о принципиальной способности как имманентном свойстве человеческого труда, но и о технической способности, сделавшейся следствием развития производительных сил. Применительно к процессу труда это означает, что в общественном производстве все большее место занимает труд, лишенный смысла и цели, и трудовые операции, получающие смысл только вместе с трудовыми операциями, совершаемыми другими людьми во все более сложном их объединении. Для трудящегося же весь смысл таких трудовых действий заключается в вознаграждении – за почасовые или сдельные затраты труда.

Впрочем, Маркс немного поторопился, рассуждая о рабочем как придатке к машине в середине и конце XIX в. На самом деле такой этап в развитии общественного производства начался лишь в конце XX в. и связан с автоматизацией производства, позволяющей обойтись без особых индивидуальных навыков рабочего.

Нас в этом труде интересует один момент, а именно тот факт, что этот труд сам по себе невозможен. Он нуждается в инстанции, в которой преодолевается бессмысленность для самого трудящегося его труда, инстанции, в которой, пускай в превратной форме рыночного обмена, но преодолевается отчужденность трудящегося от продуктов такого отчужденного труда. Если сказать проще, миллионы рабочих, занимающиеся отчужденным трудом, не могут существовать без тех, кто этот труд организует, создает проект производства какого-либо товара, решает вопросы поставки ресурсов на производство, а также сбыта изготовленной продукции [3, т. 20, с. 293]. Таким образом, сам уровень развития общественного производства создает и воспроизводит два общественных класса: тех, кто занимается отчужденным трудом за вознаграждение, и тех, кто организует эти массы общественного труда. А частная собственность в конкретной юридической форме в данном контексте есть не

более чем инструмент, с помощью которого происходит организация общественного производства.

Впрочем, вернемся к разделению труда и разделению общества на два класса. По нашему мнению, анализируя классовую структуру общества в ситуации, когда юридический критерий отнесения к частной собственности сделался недостаточно четким и однозначным, необходимо обращать внимание на место индивидов в институте частной собственности в ее экономическом аспекте. То есть на то, какую роль в рамках этого института выполняет индивидуум в принципе – предоставляет ли он свой труд в отчужденной форме (в качестве придатка к машине) или участвует в организации такого труда, и неважно на каком уровне иерархии. Если первое, то человек относится к рабочему, независимо от уровня оплаты, а если второе, то к буржуазному классу, как бы его юридическое положение и стиль жизни не отличались от классического представителя буржуазии.

До сих пор речь шла об основном производственном отношении и соответствующем ему классовом делении современной эпохи, а проблемы возникают с анализом групп, участвующих в основной форме общественного производства, а именно в индустриальном производстве лишь опосредованно, лишь плодами своей деятельности. Например, это ученые, предоставляющие плоды своей деятельности производству. Или это индивидуальные производители товаров или услуг, обслуживающие участников основного производственного отношения. К каким же классам отнести эти группы? Конечно, в экономике, которая всегда отличается многоукладностью, кроме основного производственного отношения, заключающегося сегодня в индустриальном производстве, присутствуют и остатки прошлых укладов. Однако есть и другие группы, доля которых растет.

Еще с 70-х гг. прошлого столетия стало заметно, что и в капиталистическом обществе на Западе, и в советском обществе появились новые социальные слои, которые на Западе связывались с появлением нового, информационного, постиндустриального, «знаниевого» общества, а в СССР обозначались таким универсальным термином, как «интеллигенция», понимаемая как особая прослойка, за которой, в контексте дискуссий физиков и лириков, будущее. Этот социальный слой был напрямую связан с новым качеством общественного производства, проявившимся во второй половине XX в., а именно, словами советского лозунга, с превращением науки в непосредственную производительную силу. Важнейшим же его качеством является то, что в сфере общественного производства этот социальный слой опирается на тип труда, решительным образом отличающийся от отчужденного труда (совместного – по Марксу), господствующего как в капиталистическую, так и в ранние эпохи экономической формации. Речь идет о всеобщем труде [3, т. 25, с. 116]. Эта форма труда имеет интереснейшую особенность. Если отчужденный труд рабочих масс, определяемый как совместный труд, не может обойтись без организатора этого труда, что предопределяет существование классовой пары,

классового общества, эксплуатации и классовой борьбы, то всеобщий труд в принципе, по самому своему существу, не требует такого разделения на классы. Следствием этого сделалось то, что новый социальный слой, существование которого базируется на том, что всеобщий труд впервые в истории делается основным, главным фактором общественного производства, не имеет классовой пары по своему существу, а общество, которое этот слой построит для себя и в своих интересах, будет бесклассовым обществом.

Именно в контексте описанной классовой модели имеет смысл оценивать классовую структуру современного общества. Но при этом нельзя не учитывать влияния ряда факторов, существенным образом затеняющих картину, и в первую очередь это противоречие между глобальным характером экономики и локальными экономиками, являющимися, как правило, объектом социологического анализа, ограничивающемся национальными рамками. Попытки провести анализ в масштабах всего человеческого сообщества, мировой социальной структуры, подобные, например, экспериментам М. Кастельса, по объективным причинам чрезвычайно сложны и крайне редки [9]. Тут дело осложняет и масштаб изучаемых явлений, и отсутствие методологий, подходящих для учета положения социальных групп, близких по генезису и локусу, разделенных, однако, национальными границами и национальными условиями. Поэтому, например, раздувшаяся сфера услуг, типичная для богатых метрополий, получающих доходы от эксплуатации периферии (в Англии в 1850 г. такой вид занятости, как «прислуга» был вторым по численности, уступая только сельским работникам и опережая промышленных рабочих), часто объявляется не следствием привилегированного положения западных стран в глобальной системе разделения труда, а имманентным свойством социальной структуры будущего. Сам новый класс, вне строгих представлений о сути разделения труда, в представлениях западных социологов имеет крайне нечеткие границы, куда относят и социальные группы – представителей укладов, уходящих в прошлое, и вышеназванный сектор услуг (который также не имеет строгих критериев, ибо к нему относят и парикмахера, и финансиста, предоставляющего «финансовые услуги», и специфические социальные коллективы, вызванные к жизни кризисным состоянием капиталистического мироустройства, как, например, так называемый креативный класс.

Впрочем, все это не удивительно, ибо нарождающийся класс (или, скорее, «не-класс», поскольку, не имея классовой пары, в строгом марксовом смысле классом он называться не может) объективно еще не имеет ни четких границ, ни устоявшейся структуры, ни единых и, тем более, осознанных интересов. Но именно поэтому изучение этой социальной группы сегодня является сложной, но благодарной и перспективной задачей.

Литература

1. *Ленин, В. И.* Великий почин / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1967. – Т. 39.

2. *Штомпка, П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

3. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* // Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1955–1981. – Т. 1–50.

4. *Райт, Э. О.* Марксистские концепции классовой структуры [Электронный ресурс] / Э. О. Райт // Скепсис. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_608.html. – Дата доступа: 26.09.2014.

5. *Бурдьё, П.* Социология социального пространства / П. Бурдьё. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.

6. *Perlo, V.* Super Profits and Crises: Modern U.S. Capitalism / Victor Perlo. – New York : International Publishers, 1988. – 548 p.

7. *Жвитиашвили, А. Ш.* Рабочий класс в постиндустриальном обществе / А. Ш. Жвитиашвили // Социол. исслед. – 2013. – № 2. – С. 33–41.

8. *Фромм, Э.* Марксова концепция человека [Электронный ресурс] // Скепсис. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_642.html. – Дата доступа: 26.09.2014.

9. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

V. E. SMIRNOV

ONCE AGAIN ABOUT CLASSES: MARXIST APPROACH TODAY

Summary

The critical analysis of neo-Marxist theory of classes and class structure of society is made in the article. The advantages and weak points of modern interpretations of Marxist theory are shown. An approach in which the classes definition emphasis is placed on «the situation of individuals and social groups in the social division of labor», the ownership is not seen as a major, but as an additional feature, as one of the possible tools, that organize the system of social division labor, is offered.

Keywords: classes, Marxist theory of classes, social structure, neo-Marxist theory of classes, class identity, social group, working class, employees, the criteria of class formation, social interests, the institution of private property, the division of labor, alienated labor, general labor.

Поступила 06.10.2014 г.

УДК 316(1-87)

Л. Г. ТИТАРЕНКО,
доктор социологических наук, профессор,
Белорусский государственный университет, г. Минск

ТИПЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: HOMO ECOLOGUS vs. HOMO CONSUMER

На основе проведенных эмпирических исследований выделены основные типы экологического поведения городского населения Беларуси. Автор анализирует уровень экологических знаний, информированности разных групп горожан по проблемам экологии, приоритетные экологические ценности и сопоставляет их с выделенными типами поведения. Использованная эмпирическая типологизация учитывает не только уровень поведения, но и его соответствие экологическим ценностям и знаниям респондентов. Делается вывод о необходимости совершенствования экологического воспитания городского населения для совершения перехода от типа поведения Homo consumer к типу Homo ecologus.

Ключевые слова: экологические ценности, типы экологического поведения, экологически ориентированный образ жизни, городское население, Беларусь.

Типы поведения населения и экологические ценности

В Беларуси, ориентирующейся на концепцию устойчивого развития, экологические ценности выдвигаются в число приоритетных наряду с ценностями социально-экономической стабильности и роста благосостояния населения. Поэтому распространение в массовом сознании граждан экологических ценностей, перестройка образа жизни населения на экологический лад, активная защита окружающей среды, формирование экологической культуры – необходимые условия дальнейшего устойчивого существования белорусского общества [1]. В то же время это и обязательное условие роста качества жизни населения нашей страны и мира в целом [2; 3].

По мере того как повседневный образ жизни населения приобретает более экологический характер, меняются коллективные и индивидуальные взаимоотношения человека с природой: граждане сознательно включаются в работу экологических групп и коллективные действия по защите окружающей среды, по изменению законодательства в области экологической политики государств, по улучшению окружающей среды, стараются перестраивать свою повседневную жизнь на «дружественный» лад к природе по нормам экологической культуры: экономить ресурсы, поддерживать баланс отношений с окружающей средой, заботиться о природе по месту жительства. Индивидуальные и коллективные экологические ценности и практики являются

важными индикаторами перестройки образа жизни населения (хотя они представляют лишь часть индикаторов устойчивого развития общества). Экологически ориентированный образ жизни, основанный на приоритете экологических ценностей, должен стать нормой в обществе: люди обязаны заботиться о чистоте окружающей среды, защите природы, отказываться от излишнего потребления природных ресурсов.

В проведенном автором исследовании конструирование типов экологического поведения осуществлялось исходя из того, что оптимальные типы будут характеризоваться высоким уровнем развития экологических ценностей и других составляющих экологически ориентированного образа жизни, тогда как их альтернативой будут типы поведения, отличающиеся низким уровнем экологических знаний, слабым пониманием важности проблем экологии, неучастием в их практическом решении, при доминировании потребительских ценностей и ориентаций. Иначе говоря, на одной стороне континуума находится тип поведения, соответствующий экоцентристскому подходу и демонстрирующий приоритет экологических ценностей над потребительскими, а на другой – антропоцентристскому подходу и потребительским ценностям: Homo ecologus vs. Homo consumer [2, с. 92].

Методология исследования

Для белорусского общества изучение экологических ценностей и экологически ориентированного поведения (т. е. экологического образа жизни населения) социологическими методами является достаточно новой проблемой, хотя проблема формирования экологического сознания, экологических ценностей и культуры давно включена в сферу интересов научного сообщества [4; 5; 6; 7]. Поскольку три четверти населения страны живут в городах, особую актуальность приобретает исследование указанной проблемы для городского населения. В рамках социологического изучения экологического сознания и поведения населения Минска была разработана методология замера экологических ценностей, доминирующих в сознании горожан, уровня их информированности, их самооценки степени экологичности собственного образа жизни, а также замера форм индивидуального и коллективного поведения, которые определяют, насколько экологически ориентированным является весь образ жизни граждан. Поскольку население Минска имеет самый высокий в республике уровень образования (в городе практически все взрослые имеют как минимум среднее образование), для получения эмпирических данных были взяты две группы горожан, типичных по уровню образования для Минска: студенчество (молодое поколение минчан, имеющих неполное высшее образование разного профиля) и среднее поколение (лица 40–59 лет с высшим и средним/средним специальным образованием). Условно эти две группы, репрезентирующие молодое поколение минчан (родившиеся после 1991 г., обучающиеся на 3–4 курсах минских вузов) и среднее поколение (граждане,

социализированные в условиях СССР и живущие в настоящее время в городе Минске), были названы поколениями «детей» и «родителей». Гипотеза состояла в том, что эти группы минчан могут иметь наиболее высокий уровень экологических знаний, экологической культуры, экологического поведения, и, следовательно, могут служить образцом для других (менее образованных) групп минчан. Сравнение этих двух групп позволяет проследить, является ли молодое поколение более ориентированным на приоритеты экологии, чем среднее поколение, представители которого находятся у власти и принимают судьбоносные для страны решения. Иначе говоря, можно ли ожидать, что молодое поколение будет способно совершить радикальный «эко-поворот», необходимость которого осознается учеными и гражданским обществом России [8, с. 10], и без которого невозможна реализация проекта модернизации и устойчивого развития общества.

Первичная социологическая информация была получена в ходе массового анкетного опроса указанных двух групп населения Минска в пять этапов, осуществленных в 2010–2014 гг. по единому инструментарию. Выборки имели целевой характер, каждая возрастная группа состояла из примерно равного числа женщин и мужчин. Студенты 3–4 курсов репрезентировали пять вузов Минска с технической, естественнонаучной и гуманитарной направленностью обучения. Молодежь опрашивалась в студенческих группах методом группового раздаточного опроса, с учетом паритета по полу, профилю и курсу обучения. В квотном опросе среднего поколения были сбалансированы три признака: пол, возраст, образование. В результате каждая возрастная выборка составила 1000 чел., что позволило нам сравнивать поколенческие группы между собой, а также сконструировать типы экологически ориентированного поведения, характерные для каждой возрастной группы.

Исследовательская гипотеза состояла в том, что если группа населения включает экологические ценности в число приоритетов, ориентируется на экологический образ жизни, то эти элементы сознания стимулируют внедрение экологического образа жизни в повседневную жизнь, т. е. способствуют экологизации повседневных жизненных практик граждан. Мы полагали, что две группы могут различаться уровнями знаний: молодежь будет более информированной в силу получения научных знаний в настоящее время, а не в прошлом, как это имеет место со средним поколением минчан. В то же время предполагалось, что разрыв в знаниях и ценностях между поколениями не будет велик, т. к. условия жизни в большом городе сглаживают возможные различия, а высокий уровень образования обеих групп позволяет сознательно формировать свой образ жизни, руководствуясь экологическими ценностями. Ожидалось, что достаточно большое число молодежи будет включено в экологические групповые практики, а среднего поколения – в индивидуальные действия экологического характера. В целом студенчество рассматривалось нами как потенциальный агент нового типа социальной активности в социально-экологической сфере, поскольку молодое поколение на пост-

советском пространстве получает в вузе научные знания, соответствующие экоцентрическому мировоззрению и ориентированные на концепцию устойчивого развития общества [9, с. 134].

Экологические приоритеты и ценности двух поколений

Важным показателем сформированности экологического сознания граждан является наличный уровень знаний относительно экологической проекции жизни. Информированность населения – гносеологическая основа формирования экологической культуры и ценностных ориентаций горожан.

По результатам наших исследований не было выявлено существенных (статистически значимых) различий в уровне знаний экологических проблем двух поколений: они продемонстрировали средний уровень знаний. Поскольку он замерялся в форме самооценки, можно предположить, что «родители» более скромно оценили свои знания экологических проблем, чем молодежь. Возможно и обратное: знания студенчества были выше, чем знания представителей поколения «родителей», т. к. они были получены недавно (на первых курсах обучения в вузе). Оба поколения практически одинаково критически оценили важность различных экологических проблем Минска (выделив, прежде всего, загрязнение воздуха выхлопными газами), республики (радиоактивное загрязнение, загрязнение сточных вод и т. п.).

Уровень информированности обоих поколений минчан можно считать одинаковым (средним), но приоритетность источников информации выявлена разная: у студентов первенствует Интернет, затем идут вуз и школа, у среднего поколения – телевидение, затем школа и вуз, и чуть меньше остальные СМИ. Очевидно, что оба поколения потребляют не только объективную информацию при обучении в школе и вузе, но и расхожие стереотипы массового сознания об экологии, транслируемые в СМИ и Интернете. Этот вывод прежде всего относится к представителям среднего поколения, которые закончили учебу много лет тому назад, хотя и ссылаются на институты образования как на важный источник своих знаний. Разделить реальные знания, базирующиеся на научных данных, и массовые стереотипы (например, порожденные чернобыльским синдромом) в исследовании не представлялось возможным. Однако остается фактом, что для населения столицы характерен средний уровень знаний о проблемах экологии, что совершенно недостаточно для продвижения принятой модели устойчивого развития общества и мотивации активного экологического поведения. Сходный вывод о нехватке у населения экологических знаний был сделан и авторами другого белорусского исследования, проведенного ранее [1, с. 258].

Недостаточно высокий уровень знаний свидетельствует о низкой эффективности мер экологического просвещения и низких качественных или количественных характеристиках распространяемой массовой информации, либо о немотивированности населения на усвоение экологических знаний

(т. е. о приоритете иных ценностей населения). Можно сожалеть и о том, что у студенчества на первое место выходит Интернет, а не знания, полученные в стенах высшей школы, т. к. именно в рамках вузов должны формироваться научные основы проэкологически ориентированного профессионального мировоззрения, происходить становление ценностно-смысловой сферы личности, осваиваться на практике экологические нормы и требования [10, с. 5]. Поэтому улучшение информированности населения по проблемам экологии (увеличение числа статей в СМИ по экологической тематике, регулярная публикация материалов на веб-сайтах, акцентирование экологических проблем в воспитательной работе с молодежью) – задача первой необходимости в оптимизации общественного мнения горожан по проблемам экологии и их последующего включения в экологические действия (сначала хотя бы на уровне своего двора, квартиры, учебного заведения, а затем и района, города) и формирование гражданской ответственности у молодежи.

Выявленные в исследовании показатели уровня экологических знаний не способствуют формированию зрелого экологического сознания, они недостаточны также для воспитания сознательного экологического отношения населения к окружающей среде, для практического воплощения экологических императивов в повседневных практиках. Значительная часть респондентов не задумывается, в каком обществе они бы хотели жить, и какими средствами можно достичь роста качества жизни горожан. Действительно, в опросе лишь половина представителей обоих поколений указала, что «дружественное» отношение к природе, признание ее условием гармонического развития личности и средой обитания человека является «очень важным» или «важным» для них. Остальные 50 % опрошенных (с преобладанием среди них представителей молодого поколения) в первую очередь характеризовали природу как часть национального богатства, источник благ и экономических ресурсов общества, т. е. рассматривали природу по-мичурински – прежде всего, как объект человеческого воздействия ради достижения собственных целей. Такое отношение типично для антропоцентричного подхода, который в целом соответствует приоритету социально-экономических императивов в развитии общества, ориентации на материальные показатели научно-технического прогресса и рациональность, характерных для индустриализма. Однако сегодня, в эпоху глобальных экологических угроз и осознания нехватки ресурсов природы для удовлетворения постоянно возрастающих человеческих потребностей, этот подход стимулирует потребительство, порождает иллюзии о возможном росте благосостояния без учета ограниченности природных ресурсов и поэтому не помогает в решении экологических проблем и утверждении экологического образа жизни. Если сравнить эту ситуацию с Россией, то там положение еще более острое: по мнению О. Н. Яницкого, там уже «достигнут лимит несущей способности среды» [11, с. 51].

Из представленного в анкете набора ценностей респонденты обоих поколений отдали предпочтение семье, на второе место поставив здоровье. Вслед

за семьей и здоровьем, с большим отрывом, респонденты выбрали материальные ценности (высокая зарплата, материальное благополучие), а также душевный покой (более половины молодежи и среднего поколения). Из экологических ценностей самое высокое место заняли «благоприятные экологические условия жизни» (45 %) и «забота об окружающей среде» (40 %). Однако аналогичная ценность – «сохранение природы» – была отмечена лишь третью опрошенных, а участие в конкретных экологических действиях – 30 % студентов и менее 10 % лиц среднего поколения. Такая нелогичность в ответах может свидетельствовать об их непродуманности. В целом экологические ценности значительно уступили материальным и антропоцентристским приоритетам респондентов. Выявленные ценностные приоритеты горожан не соответствуют принципам экоцентризма; они лишь подтверждают, что, во-первых, уровень наличных экологических знаний населения и принятия ответственности за окружающую среду недостаточно высок, во-вторых, знания не всегда мотивируют горожан на действия, соответствующие этим знаниям, и поэтому не всегда оказывают влияние на их повседневные практики.

Отметим, что на вопрос, считают ли респонденты свой уровень знаний достаточным, чтобы сделать образ жизни более экологически ориентированным, половина респондентов ответила утвердительно. Лишь пятая часть признала свой уровень знаний по экологическим вопросам недостаточным. Значит, дефицит таких знаний не только существует, но и осознается как минимум двадцатью процентами опрошенных. И все же не в недостатке знаний кроется проблема. На вопрос о том, что мешает людям перестроить жизнь на более экологический лад, на первом месте оказались не низкие знания, а отсутствие собственной инициативы. Для среднего поколения этот показатель ответов был выше 50 %, для студентов – чуть ниже. Иначе говоря, пассивность населения, его практическое безразличие к проблемам экологии (не только на уровне района, города, но и зачастую на уровне собственной жизни) – это главный тормоз на пути практической экологизации образа жизни города. Вторым по важности и по ранжиру препятствием экологизации собственного образа жизни респондентами было названо отсутствие поддержки и конкретных мер экологического характера со стороны государства (четверть опрошенных). Вряд ли это означает, что белорусское государство ничего не предпринимает для защиты окружающей среды (по крайней мере, ни масштабных экологических катастроф, как в России, ни гневных статей в СМИ, ни протестных действий по этому поводу в Беларуси нет), однако, по мнению населения, социализированного в условиях государственного патернализма, именно этот институт должен взять на себя инициативу даже в том, чтобы заставить (или мотивировать) граждан перестроить их собственную жизнь на экологический лад. Патернализм глубоко укоренен в сознании населения: за пять лет, прошедших с начала исследования в 2010 г., как свидетельствуют данные первого опроса, картина не изменилась [12, с. 36]. Инертность массового сознания, практическая неготовность населения к самостоятель-

ным реальным действиям по-прежнему мешает горожанам изменить жизнь на экологический лад.

Эти два препятствия соответственно отражают внутренний и внешний локусы контроля поведения горожан: с одной стороны, респонденты видят причину невозможности перехода к более экологическому образу жизни в себе, собственных действиях (или их отсутствии), с другой – перекладывают ответственность на государство. Отсутствие личной инициативы граждан, подкрепленное патерналистской политикой государства, является главной причиной недостаточно высокого уровня экологических знаний респондентов, их низкой мотивированности на получение новых знаний и практической переориентации на более экологический образ жизни.

В обществе, ориентированном на модель устойчивого развития, не только социально-экологические движения и организации, но и государственные СМИ должны постоянно доводить до населения объективную информацию экологического мониторинга экологического состояния среды обитания, не сиюминутных последствиях перехода к экологическому образу жизни.

Типы экологического поведения

Для оценки экологически ориентированного поведения респондентам были предложены шесть пар высказываний: одно из высказываний в каждой паре соответствовало экологически ориентированному образу жизни, другое – нет. Ответы респондентов показали, что более половины всех опрошенных: (1) по возможности выбрасывают мусор в раздельные контейнеры, (2) выбрасывают мусор только в урны и специальные контейнеры, а не куда попало, (3) используют энергосберегающие лампочки вместо обычных, (4) отключают из розетки электрические приборы, которые долго не используются. На два оставшихся вопроса (покупка генно-модифицированных продуктов питания, а также приобретение товаров в упаковке из переработанных материалов) ответы студентов были положительными в 3–4 случаях из 10, тогда как ответы поколения «родителей» – на том же уровне, что и другие их ответы (т. е. более 50 % отвечала положительно). Исходя из полученных ответов был рассчитан интегральный показатель экологического поведения: он составил для обоих поколений менее 4 баллов из 6 возможных, что соответствует среднему уровню. У молодежи он оказался ниже, чем у «родителей», прежде всего, за счет низкого процента ответов на вопрос о приобретении товаров в упаковке из переработанных материалов. Видимо, студенты не обращают на это внимания либо не считают, что упаковка товаров может повлиять на сохранение природных ресурсов. Так или иначе, по интегральному показателю экологического поведения поколение «родителей» несколько обогнало поколение «детей» (т. е. наша гипотеза не подтвердилась), хотя обе группы остались на среднем уровне индивидуальных экологически ориентированных повседневных поступков. Этот результат может быть обусловлен невысокими показателями

уровня информированности населения, неукорененностью их экологических ценностей в качестве базовых, и, как следствие, ограниченностью гносеологической базы для реализации знаний на практике, а также отсутствием инициативы со стороны граждан, которое отмечалось самими респондентами.

Что касается участия респондентов в коллективных экологически ориентированных акциях на уровне города (голосование за кандидата в депутаты с программой действий по защите окружающей среды, обращение в органы власти с заявлением, жалобой по поводу нарушения природоохранного законодательства, финансовая поддержка акций по охране окружающей среды) либо в коллективных акциях экологического характера (уборке территории, посадке деревьев), общий уровень активности обеих групп горожан оказался ниже 10 %, а по отдельным видам действий – почти на нуле. Однако на прямой вопрос, предпринимали ли граждане какие-либо конкретные действия для решения экологических проблем, 18–19 % ответили положительно. Такой ответ соответствует реальности лишь в том случае, если все респонденты принимали участие в разных видах акций, т. к. сумма ответов на все предложенные варианты как раз и дает эту цифру. Если же это были одни и те же активисты, тогда их число не должно было превысить 7–8 %. Только эта часть респондентов может быть оценена как экологические активисты; скорректированная по другим индикаторам, она составляет примерно 11–12 % от числа опрошенных. Это не так мало, учитывая тот факт, что в Беларуси вообще отмечается низкий уровень социально-экологической активности населения. Например, по данным международного исследования ценностей (2011, национальная выборка), активное членство в экологических организациях отметило 0,3 % респондентов. Такая ситуация типична и для других постсоветских стран: по данным того же исследования, показатели для России и Украины были столь же низкие: на участие в экологических демонстрациях указали около 1 % в Беларуси, 2 % в России и 3 % в Украине, а на пожертвования денег экологическим организациям – соответственно 7,9 %, 3,7 % и 5,2 % [13].

Оставшиеся респонденты, не вошедшие в число экологических активистов, не образуют единой пассивной группы: корреляция ответов респондентов об уровне их знаний, установках на экологические действия, экологических ценностях и участии в конкретных действиях позволяет выделить, кроме уже упомянутого активного типа, собственно пассивный и два промежуточных типа поведения: (а) «экологически информированные пассивные граждане», т. е. лица, имеющие достаточный уровень знаний и понимающие важность экологических проблем (судя по их ценностям), но не предпринимающие личных действий экологического характера (48–50 %). Возможно, они скептически относятся к экологизации образа жизни, либо не нашли приемлемых для них способов реализации экологических знаний, либо их экологические ценности неустойчивы; (б) «неинформированные активные» – лица, плохо информированные по проблемам экологии, но желающие приобрести больше знаний и перестроить свой образ жизни на более экологический (10–11 %). Респон-

денты, попавшие в собственно пассивный тип поведения, отличаются низким уровнем экологических знаний и понимания экологических проблем, отсутствием экологических ценностей, у них нет мотивации к конкретным действиям по перестройке своего образа жизни или же они вообще безразличны к этим проблемам (25–28 %). Конкретные цифры, соответствующие тому или иному типу поведения каждого поколения, год от года несколько различались, но тенденция преобладания промежуточного типа при минимальной представленности в обществе экологических активистов сохранялась и в поколении студентов, и в поколении «родителей». Четкой динамики в изменении экологических ценностей, равно как и в типах поведения, выявлено не было.

Так или иначе, говоря об экологической активности респондентов и тех мерах и шагах, которые принимаются ими в ответ на возникающие проблемы окружающей среды, необходимо констатировать их низкую экологическую вовлеченность в конкретные практики. И если на групповом уровне это можно объяснить общей социальной пассивностью белорусского населения (во всем, что не касается непосредственно его кошелька), то на уровне индивидуальных действий главная причина кроется в сознании и культуре людей. Очевидно, что большинство населения Минска (включая студентов) соответствует созерцательно-пассивному уровню экологического поведения: люди знают о наличии экологических проблем, хотели бы сделать свой образ жизни более экологичным, но не мотивированы принимать деятельное участие в решении реальных экологических проблем, а их экологическое поведение не выходит за рамки повседневных практик, в лучшем случае. Полагаем, что их экологические ценности так и не стали доминантными, даже если респонденты это декларируют в опросе. Не выявлено прямой зависимости между этим типом поведения и полом, возрастом, уровнем образования респондентов.

Таким образом, изначальная гипотеза о том, что студенчество, как наиболее образованная часть молодежи в этой возрастной группе, выражает заинтересованность в изменении образа жизни на экологически ориентированный и служит моделью для других групп молодежи, опережая по активности и ценностям старшее поколение, не подтвердилась. Поведение студенчества, судя по его практической вовлеченности в экологические акции, свидетельствует о высоком уровне экологического безразличия и, скорее, затрудняет переход общества к модели устойчивого развития. Студенты ничем качественно не отличаются от среднего поколения ни в знаниях, ни в ценностях, ни в уровне экологической активности, их поведение соответствует общему недостаточно высокому социально-экономическому уровню жизни и общей потребительской ориентации населения. Чтобы осуществить поворот к homo ecologus, необходимы, кроме прочего, более эффективные меры воздействия на молодежь. Продуманный комплекс мотивационных мероприятий (включая экологическое просвещение и образование) на основе экологической идеологии, зафиксированной в государственной экологической политике, поможет

перевести данный процесс с уровня намерений на уровень конкретных действий, что может существенно повлиять на экологическое сознание и поведение населения.

Выводы

Результаты исследования показали, что существуют объективные условия, затрудняющие переход населения к проэкологическому образу жизни и, следовательно, переходу общества к устойчивому развитию. Прежде всего, это ситуативное внимание к экологической проблематике. Когда интерес к вопросам окружающей среды имеет дискретный характер, внимание людей легко переключается с экологической проблематики на более злободневную в контексте Беларуси экономическую сферу. Игнорирование экологической проблематики негативно отражается на функционировании всего общества в целом.

Выявлено, что недостаток знаний не является главным препятствием для формирования экологического сознания и поведения населения Минска, роста уровня экологической культуры. Главное – неготовность граждан перейти к экологически ориентированному образу жизни, массовая ориентация на тип Homo consumer, а не Homo ecologus в повседневной жизни. Перелом сложившейся ситуации требует целенаправленных действий системы образования, ее переориентации на формирование активной экологической позиции граждан, а не информированности как таковой.

Литература

1. Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни / А. И. Зеленков [и др.] ; под науч. ред. А. И. Зеленкова. – Минск, 2011. – 292 с.

2. *Гирусов, Э. В.* Экологическая культура как высшая форма гуманизма / Э. В. Гирусов // Философия и общество. – 2009. – № 4. – С. 74–92.

3. *Яницкий, О. Н.* К вопросу о концепции экосоциального знания / О. Н. Яницкий // Социс. – 2013. – № 4. – С. 3–13.

4. Экологическая безопасность в динамике социокультурного развития / Н. Е. Захарова [и др.] ; под ред. Д. И. Широканова. – Минск : Белорус. наука, 2007. – 177 с.

5. *Карако, П. С.* Социальная экология: экологическое сознание / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2011. – 215 с.

6. *Водопьянов, П. А.* Экологические последствия научно-технического прогресса / П. А. Водопьянов. – Минск, 1980. – 72 с.

7. *Зеленков, А. И.* Особенности влияния трансформационных процессов на образ жизни, условия жизни и здоровье населения современной Беларуси / А. И. Зеленков, Д. Г. Ротман // Образ жизни и здоровье населения новых независимых государств : сб. науч. ст. – Минск, 2003. – С. 110–122.

8. *Яницкий, О. Н.* Пожары 2010 г. в России: экосоциологический анализ / О. Н. Яницкий // Социс. – 2011. – № 3. – С. 3–12.

9. *Двойнев, В. В.* Экологическое сознание студентов: актуальность изучения / В. В. Двойнев // Высшее образование в России. – 2007. – № 5. – С. 134–136.

10. *Аргунова, М. В.* Экология и устойчивое развитие в системе образования / М. В. Аргунова // Наука и школа. – 2009. – № 2. – С. 4–7.

11. *Яницкий, О. Н.* Социальные движения в современном обществе: вопросы теории / О. Н. Яницкий // Социс. – 2013. – № 3. – С. 50–59.

12. *Титаренко, Л. Г.* Экологический образ жизни минчан / Л. Г. Титаренко // Социс. – 2011. – № 3. – С. 32–37.

13. World Values Survey. Data and documentation [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.worldvaluessurvey.org. – Date of access: 03.06.2014.

L. G. TITARENKO

TYPES OF ECOLOGICAL BEHAVIOUR: HOMO ECOLOGUS vs. HOMO CONSUMER

Summary

The main empirical types of the ecological behavior of the urban population of Belarus have been constructed on the basis of the sociological research. The author analyses the level of ecological knowledge and the level of information gained by the two groups of the urban population. The prioritized ecological values of the respondents are compared with the selected types of behavior. The used empirical typology takes into account not only the level of behavior, but its compliance with the ecological values and ecological knowledge of the respondents. The author concludes that it is necessary to improve the ecological upbringing of the urban population in Belarus in order to make a shift from the type of behavior HOMO CONSUMER to the type named HOMO ECOLOGUS.

Keywords: ecological values, types of ecological behavior, ecologically oriented way of life, urban population, Belarus.

Поступила 06.10.2014 г.

УДК 316.334.55(476)

Р. А. СМИРНОВА,
доктор философских наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

БЕЛОРУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье изложен авторский подход к изучению белорусской провинции. Обосновывается необходимость изучения истории, механизмов развития, функций, потенциала и возможностей провинции не только для жизни конкретных людей, но и для нации как целого. Подчеркивается необходимость использования эвристического потенциала социокультурного и регионального подходов, позволяющих отвести социокультурным ресурсам провинциальных поселений роль средств консолидации сообществ на основе ценностной интеграции и территориальной идентификации индивидов.

Ключевые слова: провинция, регион, малый город, провинциальная культура, провинциал, глобализация и локализация, провинциальная ментальность, социокультурная интеграция, урбанизация, социальное пространство, региональный подход, социокультурный подход, территориальная идентификация.

Одним из малоисследованных аспектов современных представлений о белорусском социуме остаются представления о месте и роли в нем провинции, провинциальной культуры, менталитета и присущих им способах человеческой жизнедеятельности. И хотя региональные исследования все более привлекают внимание общественной науки, история, механизмы развития, потенциал и возможности белорусской провинции для социальной интеграции, самоидентификации и социализации личности и общества еще не получили должного внимания. Место и функция провинции в жизни нации, степень зависимости от «центра» и границы интерпретации его влияния – этот круг вопросов становится чрезвычайно актуальным в исследовании региональной культуры и социальных процессов.

Появление дискуссий на тему провинциальности и провинции в культуре и социуме вызвано ценностной асимметрией в отношении «центр – провинция», в соответствии с которой культура «центра» (в частности, столицы) признается в качестве образца для подражания провинциальными культурами как «недостаточно развитыми и отсталыми». Ученые связывают это с тем, что в условиях глобализации стало считаться нормой единообразие образа жизни, менталитета, ценностно-нормативной системы, культуры «центра» и «провинции». Более того, по их мнению, в данном контексте провинциальная культура признается «устаревшей», менее значимой для современности,

чем культура глобальная и общедоступная для всех. Однако ученые отмечают: «Технологизация общения и физическое перемешивание культур, если говорить о наиболее радикальных императивах глобализации, угрожает существующему этнокультурному разнообразию на планете, угрожает разнообразию внутренних социальных пространств. Глобализация, если эта концепция принимается без необходимых ограничений, прорывает внутренние социальные пространства “снаружи”, вваливается в них своими несоразмерными массами (информации, техники, развлечений и пр.) и приводит их к такой же гибели, какой гибнет живой организм, проткнутый и вспоротый копьем охотника» [1, с. 65]. В этом смысле изучение взаимоотношений «центра и провинции», возможностей и перспектив провинции в социуме требует научного анализа.

Избегая упрощенных ответов и простого копирования интерпретаций историко-культурного опыта других стран и народов, в частности, чрезвычайно богатого опыта научно-теоретического и искусствоведческого (литературного) обобщения данных о провинциальном социуме и культуре российской провинции, есть смысл обратиться к уникальной судьбе белорусской провинции. И здесь простым наложением образа российской провинции на белорусскую действительность трудно обойтись. Дело в том, что в Беларуси исторически сложились специфические взаимоотношения центра (столицы) и периферии (провинции), отличные от России, связанные, прежде всего, с местом страны в геополитическом пространстве. В отличие от Москвы и Санкт-Петербурга, которые были (хотя и в разное время) единственными и непререкаемыми образцами не только для мелких провинциальных городов, но и для крупных городов Российской империи, включая Минск, последний не играл такой довлеющей роли на другие белорусские города. В этом отношении даже трудно было называть такие города, как Могилев, Витебск, Гродно и Брест более провинциальными, нежели сам Минск. Но и города меньшего масштаба не ощущали себя провинцией. И не только, например, Борисов или Мозырь, но и Несвиж, Волковыск, Лида, Мир и другие, – в силу богатого исторического прошлого и довольно активных социально-экономических и политических отношений. Тем не менее, начиная с середины XX в., ознаменованного развитием индустриальной эпохи, новых форм политической регуляции территориально-поселенческого устройства в стране и введением унифицированных норм и правил архитектурно-градостроительной застройки на территории Советского Союза, роль и значимость городов Беларуси, особенно малых, радикально изменилась. В первую очередь произошли изменения в экономике малых городов: она все более сводилась к моноэкономике, направленной на обслуживание и управление отраслями аграрной сферы. Это привело к социоструктурным переменам – малые города стали концентрировать трудовые ресурсы преимущественно из специалистов и работников по обслуживанию аграрной экономики и жителей этих городов и окружающих их сельских поселений. Соответственно сузились возможности провинциаль-

ных городов в обеспечении населения социальными ресурсами самореализации и повышения своего социального статуса. Многие широко известные производства и промыслы сами собой стали пропадать или перепрофилироваться в соответствии с принимаемыми правительством республиканскими планами социально-экономического развития. Таким образом, город (местное сообщество) стал терять качество субъектности, все более превращаясь в объект социальной, экономической и культурной политики государства. Потеря местным сообществом социальной субъектности постепенно привела жителей провинциальных городов к несамостоятельности в решении внутригородских вопросов, социальной пассивности и патернализму в отношениях с вышестоящими властными структурами. Все эти изменения вызывали не только снижение роли провинциальных городов в составе страны, но и стирание культурных особенностей в менталитете, способах деятельности и духовной жизни провинциалов. Мало того, слово «провинциал» стало нарицательным, что стимулировало население, особенно молодежь, к стремлению не быть им, а стать городскими жителями, более того – жителями столицы. Отсюда происходит снижение человеческого потенциала белорусской провинции, затухание активной социальной и политической жизни (или сужение активности до уровня удовлетворения сугубо материальных, экономических, а по существу, первичных потребностей) в провинциальном городе, потеря им социокультурного своеобразия. Круг замкнулся.

Тем не менее автор статьи не теряет оптимизма и верит в возможности культурного возрождения провинции. Для этого существуют как теоретические предпосылки, так и практические. С точки зрения теории при анализе провинциальности необходимо учитывать одно очень интересное качество данного феномена, на которое обратила внимание И. Ширлина [2], а именно на многослойный характер провинциальности, в частности, на тот факт, что то, что некогда было «центральным», «столичным», становится в последующие эпохи «провинциальным». Это обстоятельство, согласно данной точки зрения, придает термину «провинциальность» многослойность в смысловом и символическом отношении. «Провинциальная культура, – пишет автор, – это область, в которую традиционно вытеснялись и в которой, затаившись, продолжали свою ценностную работу мировоззренческие и частные элементы, которые при определенных условиях способны возродить культурную значимость провинции не только для самой себя, но и для страны в целом» [2]. В немалой степени уверенность в будущем провинции основывается на осуществляемой в стране политике государства по возрождению регионов, в частности Полесья, белорусского села, малых городов и т. п. Все эти меры создают объективные предпосылки и материальные ресурсы для новой жизни малых городов и сел, для укрепления культурно-территориальной идентификации населения, интеграции их в социально ответственное местное сообщество, способное жить самодостаточной духовной и культурной жизнью.

Как уже отмечалось, опыт теоретико-методологического осмысления проблем «центра и провинции», провинциального города, культуры и т. п.

в большей степени освещен в российской гуманитарной литературе, выполненной, за редкими исключениями, на литературоведческой и культурологической основе, акцентирующей отражение социокультурных реалий в сознании субъектов культурно-исторического процесса. Тем не менее изучение научной литературы по данной проблематике позволило сделать вывод, что исследования, так или иначе касающиеся проблем провинции, более-менее полно выполнены в русле четырех дисциплинарных подходов: социологическом, региональном, искусствоведческом и культурологическом [3]. Наша цель – использование эвристического потенциала социокультурного и регионального подходов, позволяющих отвести социокультурным ресурсам провинциальных поселений роль средств консолидации сообществ на основе ценностной интеграции и территориальной идентификации индивидов.

Применив социокультурный и региональный (регионологический) подходы, можно выдвинуть ряд предположений. Прежде всего то, что особенности провинциальных сообществ зависят в значительной степени от уровня развития системы жизнеобеспечения и социальных ресурсов, степени урбанизированности населенного пункта и его пространственно-территориальных характеристик. Хотя население многих малых городов и сел, имеющих давнюю культурную традицию, и сейчас располагает значительным человеческим потенциалом, оно, в зависимости от вышеуказанных факторов, может лишь в небольшой части преобразоваться в активный социальный и культурный потенциал регионального развития. В связи с этим можно сделать вывод, что в разных провинциальных сообществах данные факторы в определенной степени как блокируют деятельностный потенциал широких масс населения и утверждают пассивно-рутинный тип личности, так и мотивируют его.

Кроме того, классическое противоречие в общественном мнении между привлекательностью жизни в крупном городе или столице и непрестижностью жизни в провинции ставит под угрозу основные планы сбалансированного развития региональных территорий. При всей важности государственного стимулирования сельскохозяйственного производства (финансовые дотации, льготные кредиты и др.) в современной аграрной политике, предусматривающей развитие сельских поселений и малых городов Беларуси, более высокой эффективностью обладают комплексные факторы их возрождения, нежели сугубо экономические и материально-технические меры поддержки экономических субъектов. Уровень развития провинциальных регионов и привлекательность жизни в них находятся в большей зависимости от их приближения к современным социальным стандартам качества жизни и социальных ресурсов, раскрывающим возможности для самореализации и повышения социального статуса личности, нежели от различий в размерах заработной платы в столице (крупных городах) и периферии.

При рассмотрении социально-культурного и территориального аспекта существования и развития провинции особое значение имеет определение понятий «провинция» и «регион». В массовом сознании существуют разные

критерии отнесения той или иной территории, населенного пункта, явления к провинции. Наиболее распространенным явился подход, построенный на основе территориальной оппозиции «провинция – центр». В этом плане Минск – это центр, столица, провинция – все остальное. Существует также урбанистический подход: провинция – это не город. В основном к ней относят сельские населенные пункты, пригороды, окраины, малые города полусельского типа. Не менее распространен ресурсный подход, подчеркивающий обделенность провинции культурными, материальными, социальными благами, «низкое качество» провинциальной жизни: оторванность от культуры, цивилизации, образовательных центров, современного стиля жизни, низкий уровень жизни, безработица, безденежье, неразвитость социальной сферы, плохие бытовые условия, зависимость от центра, дотационность. Встречаются и формальные критерии, подчеркивающие масштаб и административный статус поселения (при этом для одних провинция – это областной город (по отношению к Минску), для других – это поселок городского типа). Совершенно очевидно, что при использовании понятия «провинция» доминируют два основных значения: пространственное и социальное. В первом случае провинция рассматривается как некоторое пространство, центром которого выступает город (в конечном итоге, столица государства – метрополия); провинция в этом смысле является продолжением городской агломерации, ее периферией, зависящей от центра.

Во втором случае провинция трактуется как некий набор социальных институтов, существующих на ее территории в качестве социальной системы и пространства. Провинция в таком контексте – самостоятельная структура, хотя и связанная с другими, соседними, но обладающая своей собственной спецификой, в том числе культурной.

Оба эти значения объединяет то, что провинция – это связь местного сообщества (социальной системы) и социального пространства. Суть провинции состоит в том, что она воспринимается как своеобразный «культурный мир», обладающий помимо географических, природно-климатических и исторических особенностей набором собственных ментальных характеристик. Ментальность провинциального социума, его образ жизни являются важнейшей характеристикой провинции. Провинциальное сообщество определяет нормативно-ролевые образцы поведения и эталоны социализации, задавая индивидам типические социальные черты (язык, ценности, информацию, картину мира, способы поведения и т. д.), ориентируя на обретение одобряемых качеств личности и моделей поведения.

В настоящее время провинция ассоциируется преимущественно с регионом (регионами) в том качестве, в каком она отличается от столицы. Поэтому иногда понятия «провинция» и «регион» используются как однопорядковые категории. В этом смысле провинция выступает как открытая развивающаяся социальная система, имеющая географические и административно-территориальные параметры, социально-культурное пространство, особенности

образа жизни, идентичности, условий социализации, менталитета и ценностных ориентаций. Провинциальность же, как характеристика проявления субъектности, определяется как статусная позиция, достигаемая в процессе адаптации и интеграции в конкретном социально-территориальном сообществе, обусловленная средой обитания, зависящей от социально-экономических, демографических, этнических особенностей, менталитета и степени урбанизированности провинциального социума.

В соответствии с этим можно сформулировать определение провинциала. Это представитель провинциального сообщества, характеризующийся специфическим образом жизни, стилем поведения, культурными нормами и ценностями, являющийся объектом и субъектом социализации, социальной адаптации, самоопределения и самоидентификации, ресурсом и потенциалом социальной структуры регионального социума, выполняющим воспроизводственную, инновационную и трансляционную функции. В основе провинциальной социализации лежит территориально-поселенческая идентификация, предполагающая выработку и закрепление определенных социальных представлений, образов принадлежности к локализованному социальному пространству.

Включение (освоение, социализация, адаптация и т. п.) индивидов в провинциальное сообщество происходит в условиях особенностей существования и развития малых городов и сельских поселений, составляющих в современных условиях белорусскую провинцию. Их географическое расположение, природно-климатические, культурные, социально-экономические условия, степень урбанизированности влияют на особенности интеграции, социализации и адаптации, которые проявляются в условиях социально-культурного развития и самореализации населяющих его людей. В этом контексте отличительной чертой белорусской провинции является то, что регионы, относящиеся к ней, многие века были ареной взаимодействия Востока и Запада, язычества, православия, католицизма и иудаизма. Это порождало уникальные поведенческие практики, стереотипы сознания и поведения, сформировало менталитет населения, живущего в этих регионах. Сложившиеся на протяжении веков ментальные особенности, как показывают исследования, и сейчас оказывают существенное влияние на социальное воспроизводство и развитие белорусской провинции.

Говоря о малом провинциальном городе с точки зрения регионального подхода, мы подразумеваем, что:

1) он включен, наряду с другими провинциальными, крупными и столичными городами, в культурное целое;

2) он территориально отделен от столичного города и, хотя выделен из аграрной среды (наличием более сложной системы разделения труда и социальной структуры), несет социальную функцию в качестве социально-экономического, организационно-управленческого и культурного центра развития сельских регионов.

Определение малого провинциального города в региональном аспекте заключается в том, что это малый город, относящийся к сельским регионам, отдаленный от столицы и крупного города. Данное определение связывает столицу и крупные города с малым провинциальным городом, не касаясь собственно содержания связи. Содержание же детерминируется типом идентичности, лежащим в основе социокультурной интеграции и воспроизводства. Так как распределение характеристик столицы, крупного города и провинции зависит от доминирующих ценностей общества и стереотипов, сложившихся в обществе, то в социологическом анализе региональный подход не только не может использоваться без социокультурного, а используется исключительно на его основе.

Население каждого региона представляет собой специфическую социально-территориальную общность, находящуюся в определенных взаимосвязях с другими общностями по горизонтали и по вертикали. Кроме того, оно выступает для человека как материальная и социокультурная среда, предоставляющая различные условия для его становления и развития, возможности и меру социальной мобильности и свободы выбора в различных сферах жизнедеятельности, способы самоопределения и самореализации.

В связи с этим жизнь в провинции – это процесс усвоения людьми образцов поведения, ролей, ценностей и норм, связанных с их адаптацией и интеграцией в конкретном социально-территориальном сообществе, зависящих от социокультурных, географических, экономических, демографических, этнических особенностей, менталитета, степени урбанизированности и характера идентичности провинциального социума. Однако, как показали исследования, для населения провинциальных малых городов и сел, особенно молодежи, характерна пониженная идентификация с территорией проживания и, соответственно, высокая степень миграционных настроений. При этом было выявлено, что идентификация человека с тем или иным поселением зависят от того, к какому виду оно относится (сельскому или городскому).

В условиях Беларуси целесообразно рассматривать в качестве провинциальных четыре вида поселений: малые города, агрогородки, поселки городского типа и сельские поселения. Как уже отмечалось, основной отличительной особенностью данных видов провинциальных поселений является ориентированность на моноэкономику, как правило, связанную с аграрной сферой. В данном контексте провинциальные малые города рассматриваются в сугубо определенном аспекте, а именно как места концентрации социокультурной, хозяйственной и организационной деятельности и общения всех окружающих их сельских территорий, центры социального воспроизводства, нормативно-ролевой регуляции и притяжения сельского населения. При этом в круг провинциальных городов входят города, являющиеся центрами сельских регионов и ориентирующиеся на переработку и производство сельскохозяйственной продукции, обслуживание АПК, подготовку кадров для эффективного функционирования аграрной сферы. В этом смысле малые города –

«пригороды», полностью ориентированные на районные и областные центры, не в полной мере могут входить в круг провинциальных городов. И хотя население таких городов продолжает поддерживать связь с деревней, получая городские профессии, адаптируется к крупногородской жизни, социальные проблемы таких городов обусловлены зачастую маргинальной (полудеревенской/полугородской) культурой населения.

В настоящее время в малых городах проживает значительная часть населения. При определении понятия провинциальный «малый город» следует учитывать такие критерии, как величина (численность населения), количество и масштабы функций города (основная деятельность большинства жителей), архитектурно-планировочная среда, развитие социальной и рыночной инфраструктуры, мощность сетей коммунально-бытового, торгового, культурного, образовательного, информационного обслуживания, потребность в транспорте.

Как правило, современный малый город в Беларуси насчитывает до 50 тысяч жителей, он выполняет организационно-управленческие функции, имеет определенную степень развития производственной базы, для него характерны отдельные элементы инфраструктуры и благоустройства. Различают собственно малые города и малые города, переходные с сельским типом. Собственно малые города (20–50 тысяч жителей) имеют более развитую экономику, общественный транспорт, частично – многоэтажную застройку, высокую степень развития ЖКХ, отдельные элементы рыночной инфраструктуры. Провинциальные малые города, переходные с сельским типом насчитывают до 15–20 тысяч жителей и специализируются, как правило, на одной отрасли экономики, характеризуются малоэтажной застройкой, отсутствием городского транспорта, сельским образом жизни населения, домохозяйства которого близко расположены с обрабатываемыми ими земельными участками.

Но кроме географической классификации, можно выделить провинциальные города, отличающиеся по планировке. К первому типу относятся новые города, построенные по госплану и в государственно-административных целях, а также города, имеющие историю, но периодически перестраиваемые и достраиваемые в связи с важными социально-историческими и экономическими событиями. В провинциальных городах данного типа, как правило, развитие городской среды регулируется извне. Культовые сооружения не оригинальны и уступают роль организующего центра административным зданиям. Ко второму типу относятся города, возникшие в далекой истории и сохранившие в застройке, архитектурном стиле оригинальные черты. Государственная планировка в их облике сказалась мало, не отразившись на местных особенностях. Самобытная по стилю церковь (костел, собор) является наиболее примечательным сооружением, связанным с исторической памятью и во многом определяющим территориально-поселенческую идентификацию горожан.

Как уже отмечалось, в Беларуси современные малые города являются, как правило, центрами обширной сельской периферии и концентрации производ-

ства (сырья, сельхозпродукции и его переработки, локальные рынки, экономический, рекреационный, демографический потенциалы), но могут развиваться также и как культурно-деловые центры, центры туризма, услуг. Жизнь в каждом из них имеет свои особенности, но, в общем, все они характеризуются невысоким уровнем доходов населения, невысокой активностью в социально-политической и культурной сферах. В других малых городах, не очень отличающихся от деревень, социальные проблемы выражены не так остро. Жизнь горожан в них не отличается от жизни деревенских жителей.

Сельские населенные пункты, по сравнению с городскими поселениями, характеризуются узкими взаимосвязями отраслей, низкой плотностью населения и такими особенностями, как: преимущественное занятие людей – сельскохозяйственный труд, меньшая степень социально-экономического развития, небольшой набор видов трудовой деятельности, большая профессиональная и социальная однородность населения; преобладание социально и национально однородных семей, большая открытость в общении, более высокая роль общественного мнения, социальный контроль, традиции, размеренный ритм жизни, простые формы общения, отсутствие психологических нагрузок. Особенность сельской территории в том, что она является источником продовольствия и сельскохозяйственного сырья, хранилищем природных ресурсов, местом проживания, рекреационным объектом, местом ассимиляции отходов.

Уровень развития провинциальных населенных пунктов тесно связан с обеспечением должного уровня материального обеспечения граждан: ростом доходов, наличием рабочих мест, социальной поддержкой. Положительные тенденции развития провинции характеризуются размещением новых отраслей экономики, растущим предложением рабочих мест, привлекательным уровнем жизни и, как следствие, притоком инвестиций, жителей и приезжих. Так как регион есть в первую очередь территориальное сообщество, образующееся в результате деятельности социальных акторов – жителей, социальных групп, организаций региона, то необходимо обратить внимание на два аспекта: личностный и социальный. Личностно ориентированный анализ предполагает выявление типологических характеристик личности, позволяющих ей успешно или неуспешно действовать в регионе. Социально ориентированный аспект позволяет сравнивать регионы с другими регионами страны, показать функции/дисфункции региона в составе целого (страны), а также отдельно к индивиду, живущему в нем. В русле этих аспектов по-новому встают проблемы развития человеческого потенциала, идентичности и структуры ценностей личности, социальной стратификации, мобильности и др. В этой связи основной задачей является не столько описание социально-культурных характеристик провинциального региона, сколько выявление социальных ресурсов, факторов и механизмов, которые тормозят или мотивируют инновационно-деятельностный тип личности. Среди них определяющее место занимает само местное провинциальное сообщество, являющееся носителем социальных

ресурсов, обеспечивающих социализацию, адаптацию и интеграцию населения провинциального населенного пункта.

Актуальность исследования малых провинциальных городов обусловлена их уникальной ролью как субрегиональных экономических, культурных и духовных центров Беларуси. Устойчивость провинциальных городов объясняется объективными факторами и содействует их превращению в одну из форм наиболее эффективного комплексного использования ресурсов территории и решения важных социально-экономических и культурных задач государства. Образование и развитие малых провинциальных городов являют собой реализацию потребностей общества в организационном центре той или иной территории, с одной стороны, а с другой – потребности в специфической городской среде, которая обладает качественно иными свойствами, нежели села и крупные города. Переход Беларуси к новому общественному строю в период информационно-технологических преобразований и глобализации экономики определяет новую миссию для малых провинциальных городов, развивающихся в качестве составных частей региональных и локальных систем расселения, включая городские и сельские поселения, которые можно рассматривать как одну из форм социальной и территориальной организации хозяйства и жизнедеятельности населения.

Литература

1. *Дахин, А. В.* К вопросу об относительности пространства / А. В. Дахин // Феномен науки в 20 веке : материалы межвуз. науч. конф. – Н. Новгород : ННГУ, 1999. – С. 64–69.

2. *Ширлина, И.* Что такое провинция? / И. Ширлина // Соц. реальность. – 2007. – № 3. – С. 31–36.

3. *Ишкин, Б. С.* Представления о провинциальном городе в российской культуре XIX – начала XX в. : дис. … канд. культурологии : 24.00.01 / Б. С. Ишкин. – Челябинск, 2006. – 163 л.

R. A. SMIRNOVA

BELARUSSIAN PROVINCE AS AN OBJECT OF SOCIAL ANALYSIS

Summary

The article describes the author's approach to the study of the Belarusian province. The necessity of studying the history, development mechanisms, functions, capacity and capability of the province, not only in the lives of real people, but also for the nation as a whole, is proved in the article. The author emphasizes the need to use the heuristic potential of socio-cultural and regional approaches that enable to give the social and cultural resources of the provincial settlements the role of the consolidation of communities based on the integration and territorial identification of individuals.

Keywords: province, region, town, provincial culture, provincial, globalization and localization, provincial mentality, social and cultural integration, urbanization, social space, regional approach, socio-cultural approach, territorial identification.

Поступила 29.09.2014 г.

УДК 314.7(476)

М. И. АРТЮХИН,
кандидат философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

С. А. ПУШКЕВИЧ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Внешняя миграция рассматривается как один из основных источников формирования человеческого капитала страны и, в связи с этим, как важнейший фактор демографической и национальной безопасности Республики Беларусь. Сформированы предложения по совершенствованию миграционной политики в Республике Беларусь.

Ключевые слова: внешняя миграция; миграционная политика; демографическая безопасность; национальная безопасность.

Миграция является одной из важнейших проблем народонаселения и рассматривается не только как простое механическое передвижение людей, а как сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны политической и социально-экономической жизни.

Становление Беларуси как независимого, демократического государства сопровождалось либерализацией процедур въезда и выезда граждан Республики Беларусь. Это способствовало активному включению страны в мировые миграционные процессы, в том числе и в мировой рынок труда. Соответственно выросла угроза миграционной убыли трудоспособного населения и усиления процессов депопуляции. Последнее определило принятие со стороны государства превентивных мер по предотвращению данных угроз.

В результате реализации ряда государственных миграционных и демографических программ миграционная и демографическая ситуация стабилизировалась. Так, за последние двадцать лет эмиграционный поток из Республики Беларусь сократился в 7,2 раза. Если в 1994 г. из республики выехало 56,5 тыс. человек, то в 2013 г. – всего 7,8 тыс. человек. И наоборот, численность прибывших мигрантов постоянно увеличивается. В 2002 г. численность прибывших мигрантов составила 18,9 тыс. человек, а в 2013 г. – 19,4 тыс. человек.

За 2002–2013 гг. суммарное положительное сальдо миграции населения Республики Беларусь составило 86,7 тыс. человек (рис. 1).

Следует отметить, что процесс стабилизации численности населения Беларуси осуществляется в решающей мере путем компенсации естественной

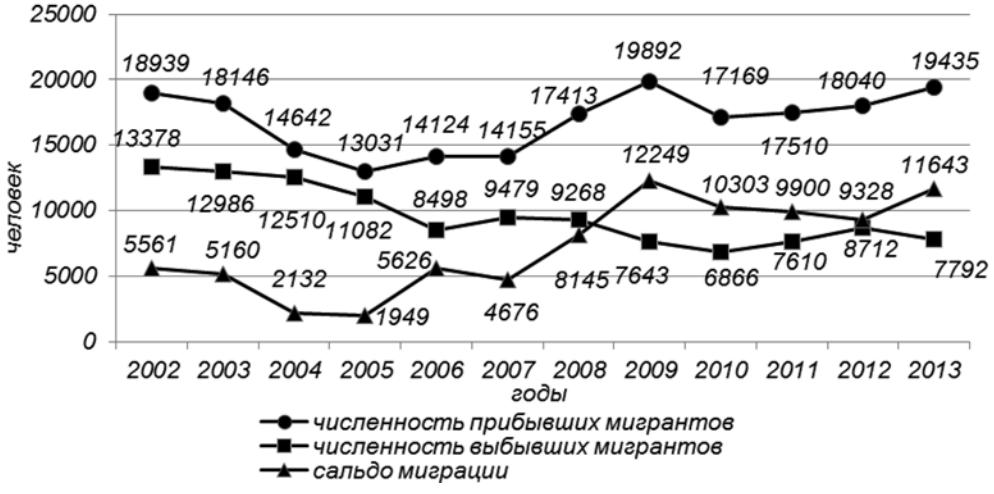


Рис. 1. Общие итоги внешней миграции населения Республики Беларусь за период 2002–2013 гг. (сост. по: [3–8, 10–15])

убыли населения за счет положительного сальдо внешней миграции. Так, в 2002 г. степень компенсации естественной убыли населения за счет положительного сальдо внешней миграции составила 9,5 %, в 2005 г. – 3,7 %, в 2008 г. – 31,2 %, в 2011 г. – 38,5 %, в 2012 г. – 83,7 %, а в 2013 г. – 157,2 %. В результате (и это важное достижение демографической и миграционной политики белорусского государства) в 2013 г. впервые с 1994 г. миграционный прирост полностью компенсировал естественную убыль населения и способствовал увеличению численности населения Республики Беларусь на 4,2 тыс. человек [9; 12]. Последнее в полной мере соответствует стратегической цели демографического и миграционного развития Беларуси, определенной Национальной программой демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг., а также Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь.

Географическое положение страны в центре Европы, стабильная политическая и экономическая ситуация в Республике Беларусь привлекает мигрантов, в особенности из стран Содружества Независимых Государств. И в последнее время из стран вне СНГ.

Динамика структуры внешней миграции населения по странам въезда и выезда в 2002 и 2013 гг. представлена на рис. 2–3.

Как видим из данных рис. 2, за период 2002–2013 гг. произошли значительные изменения в структуре стран-доноров мигрантов для Беларуси. Так, если в 2002 г. основной объем въезжающих в нашу страну составляли мигранты из России (55,6 % в общей численности иммигрантов), Казахстана (13,8 %), Украины (13,7 %) и стран вне СНГ (10,2 %), то в 2013 г. основными странами-донорами были Россия (47,1 %), страны вне СНГ (24,4 %) и Украина (11,3 %).

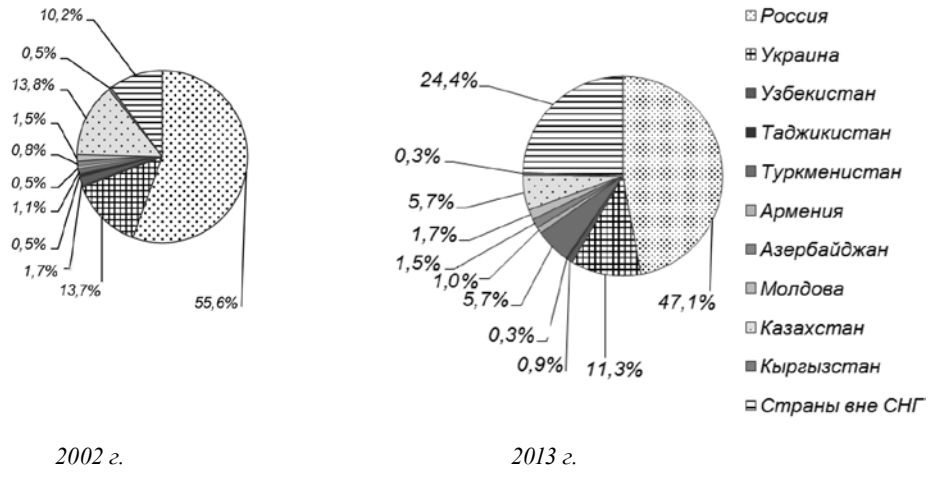


Рис. 2. Динамика структуры стран прибытия мигрантов в Республику Беларусь, 2002 и 2013 гг. (сост. по: [2, 12])

В 2013 г. в Беларусь прибыло на постоянное место жительства из стран СНГ 14 689 человек (75,6 % от общей численности иммигрантов), из стран вне СНГ – 4746 человек (24,4 %). В этом году Республика Беларусь имела положительное сальдо миграции со странами СНГ – 9315 человек, странами вне СНГ – 2328 человек.

Не менее значительные изменения за период 2002–2013 гг. произошли в структуре стран-реципиентов для белорусских эмигрантов. Если в 2002 г. наибольшее количество граждан Беларуси выехало на постоянное место жительства в страны вне СНГ – 47,6 %, в Россию – 42,4 %, в Украину – 8,2 %, то в 2013 г. на первое место выходит Россия (56,2 %), на второе – страны вне СНГ (31,0 %) и на третье место – Украина (6,8 %) (рис. 3).

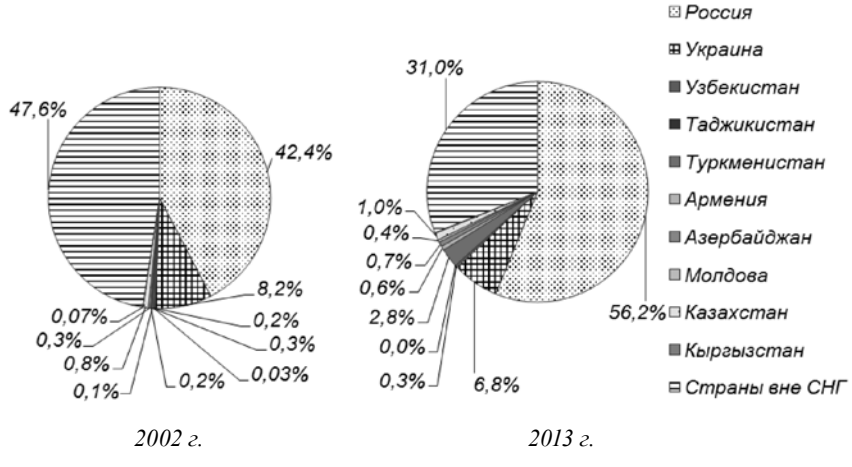


Рис. 3. Структура стран убытия мигрантов из Республики Беларусь, 2013 г. (сост. по: [2, 12])

Всего в 2013 г. в страны СНГ выехало на постоянное место жительства 5374 человека (69,0 % от общей численности эмигрантов), в страны вне СНГ эмигрировали 2418 человек (31,0 %).

За период 2002–2013 гг. произошли также значительные изменения в национальном составе эмигрантов и иммигрантов. Так, если в 2005 г. сальдо внешней миграции белорусов было отрицательным (–351 человек), то в 2013 г. оно стало положительным и составило 1010 человек. В 2005 г. из Беларуси эмигрировало 4344 белоруса, а в 2013 г. – 2701 человек, или на 37,8 % меньше. Одновременно за этот же период значительно выросла численность русских, эмигрировавших из Беларуси, – с 1741 человека в 2005 г. до 3320 человек в 2013 г., или в 1,9 раза.

Вместе с тем миграционная ситуация Беларуси, несмотря на положительные тенденции последнего десятилетия, остается сложной и неоднозначной. Это прежде всего относится к процессам внешней трудовой миграции населения, в результате которой Беларусь теряет на длительное время квалифицированные кадры. Так, по данным Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, основанным на обследованиях домашних хозяйств, число граждан Беларуси, находящихся за пределами страны и осуществляющих там трудовую деятельность, составляет примерно 300 тыс. человек ежегодно, что подтверждается данными российских миграционных служб: в 2013 г. численность белорусских трудовых мигрантов в России достигла порядка 100–300 тыс. человек [16].

Развитие в Беларуси процессов внешней трудовой миграции стало следствием интеграции страны в систему глобальной экономики и единого рынка труда на пространстве СНГ и Союзного государства Беларуси и России.

Российская Федерация является основной страной, принимающей белорусских трудовых мигрантов. К основным факторам, привлекающим трудящихся-мигрантов из Беларуси в Россию, можно отнести: устойчивый спрос на работников, ввиду демографического кризиса, происходящего в России; более высокий уровень заработной платы; отсутствие визового режима; низкие транспортные издержки; общность культуры и языка. Кроме того, высокую интенсивность миграционных потоков между Республикой Беларусь и Российской Федерацией определяет договор о равных правах граждан обеих стран от 25 декабря 1998 г. В соответствии с договором гражданам Беларуси и России предоставлены равные права на трудоустройство, оплату труда и другие социально-правовые гарантии на территории обоих государств. Имеется также соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников Союзного государства. Кроме того, в мае 2014 г. между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан подписан договор о создании Евразийского экономического союза. Согласно этому договору три государства принимают

обязательства гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики: энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте.

Отличительной чертой миграционного и демографического развития Беларуси также является территориальная дифференциация, которая проявляется на уровне регионов и особенно сельских районов. Следует в этой связи отметить, что если для городской местности наблюдается ежегодный рост численности и естественный прирост населения, то для села характерна устойчивая тенденция уменьшения численности в результате миграционной и естественной убыли населения. Так, если численность горожан за период 2002–2013 гг. увеличилась на 238,0 тыс. человек (с 6982,9 тыс. до 7220,9 тыс. человек) и составила 7274,8 тыс. человек, то численность сельского населения сократилась на 674,6 тыс. человек, (на 23,1 %) и составила на 1 января 2014 г. 2193,4 тыс. человек.

Сокращение численности сельского населения в определяющей мере вызвано миграционными процессами. На протяжении последних десятилетий, за исключением кратковременных периодов положительного сальдо, в сельских районах Беларуси наблюдалась миграционная убыль. Так, за период 1999–2013 гг. отрицательные значения коэффициента нетто-миграции сельского населения в целом по стране выросли в 1,5 раза (с –6,4‰ в 1999 г. до –9,6‰ в 2013 г.), причем наибольший рост наблюдался в Гомельской (в 3,3 раза) и Могилевской (в 2,9 раза) областях (табл. 1).

Таблица 1. **Региональная динамика нетто-миграции сельского населения Республики Беларусь (сост. по: [1, 12])**

Коэффициент нетто-миграции и его динамика		Области						Республика Беларусь
		Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минская	Могилевская	
Коэффициент нетто-миграции, ‰	1999 г.	–5,1	–8,2	–5,3	–6,0	–6,5	–7,0	–6,4
	2013 г.	–10,4	–11,9	–17,7	–13,0	2,3	–20,0	–9,6
Индекс динамики коэффициента нетто-миграции, 1999–2013 гг.		2,0	1,5	3,3	2,2	–0,4	2,9	1,5

В 2013 г. положительное сальдо миграции населения имели только г. Минск (15 332 чел.) и Минская область (3138 чел.). Именно в этих регионах и наблюдался в 2013 г. прирост населения. Что же касается других регионов, то они в 2013 г., как и в предыдущие годы, имели убыль населения и отрицательное миграционное сальдо.

Миграция населения из сельской местности в крупные областные центры и в столицу страны за последние два десятилетия привела к тому, что село постепенно теряет свой демовоспроизводственный потенциал. Особенно очевидно это просматривается в негативных изменениях в половозрастной структуре сельского населения.

Дисбаланс в распределении полов в сельской местности возникает из-за масштабной миграции женщин, особенно в возрасте 14–30 лет. Эта миграция характерна для всех регионов Беларуси. Особенно она значительна для Гомельской области, где численность мигрантов-женщин в возрасте 14–30 лет в 3 раза превышает численность мигрантов-мужчин этой возрастной категории (сальдо миграции молодых женщин составило 1449 чел., молодых мужчин –всего 427 чел.) (табл. 2).

Таблица 2. **Миграционный прирост населения регионов Беларуси в 2013 г. по возрастной группе 14–30 лет, чел. (сост. по: [17])**

Регион	Молодежь 14–30 лет		
	Мужчины и женщины, чел.	Мужчины, чел.	Женщины, чел.
Брестская обл.	–2524	1033	–1491
Витебская обл.	–1014	–556	–458
Гомельская обл.	–1876	–427	–1449
Гродненская обл.	–1886	–988	–898
г. Минск	13143	5732	7411
Минская обл.	–1436	–543	–893
Могилевская обл.	–1561	–467	–1094

Масштабная миграция молодых женщин из сельской местности вызвана целым комплексом неблагоприятных экономико-демографических тенденций, наблюдающихся в сельской местности. Возможности для трудоустройства для молодых женщин в селе ограничены и многие из них переезжают в города. В результате на селе среди молодежи нарушается оптимальное соотношение полов и брачная структура. Все это препятствует нормальному формированию молодых семей и отрицательно сказывается на воспроизводстве сельского населения.

Социологический мониторинг внешней и внутренней миграции населения Республики Беларусь

Институт социологии НАН Беларуси и его структурное подразделение Центр мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров осуществляют мониторинг общей миграционной ситуации в Республике Беларусь.

Анализ данных мониторинга показывает, что миграционные настроения населения весьма чутко реагируют на изменение социально-экономического положения в стране. Так, осенью 2011 г. 9,1 % респондентов хотели бы уехать на постоянное место жительства за рубеж, а 13,0 % планировали выехать из страны для временной работы, тогда как летом 2014 г. эти показатели составили 5,6 % и 16,5 % соответственно.

Если проследить динамику данных мониторинга за 2010–2014 гг., то обнаружится рост доли респондентов, желающих поработать за границей. Так, осенью 2010 г. 9,3 % респондентов изъявили желание выехать за рубеж с этой целью, а летом 2014 г. их было уже 16,5 %. В то время как доля респондентов, желающих выехать за границу на постоянное место жительства, практически осталась неизменной: в 2010 г. – 5,9 %, в 2014 г. – 5,6 % (рис. 4).

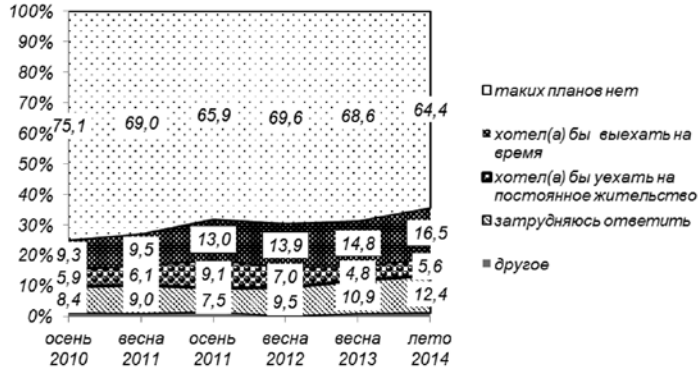


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?»

Возрастная структура респондентов, желающих выехать из страны, представлена на рис. 5–7.

Данные мониторинга свидетельствуют о том, что за период 2010–2014 гг. наблюдается рост миграционных настроений у молодежи. Особенно это касается внешней трудовой миграции. Так, если осенью 2010 г. 16,1 % респондентов в возрасте до 29 лет имели желание выехать за границу для временной работы, то летом 2014 г. таких было уже 30,5 %. Вместе с тем следует отметить, что желание выехать за границу на постоянное место жительства выразили в 2010 г. значительно меньше респондентов в возрасте до 29 лет – 14,4 %, а в 2014 г. – всего 11,7 % (рис. 5).

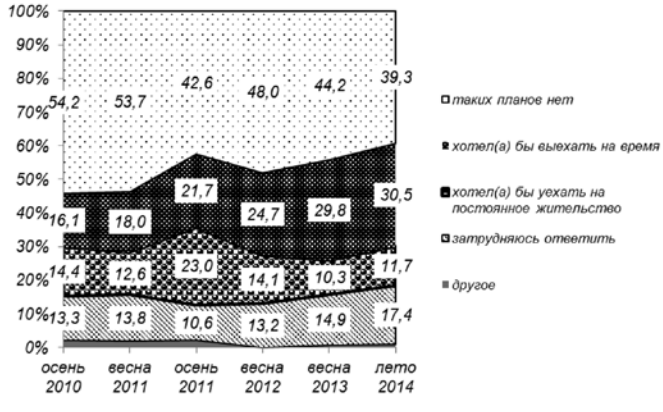


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?» (возраст до 29 лет)

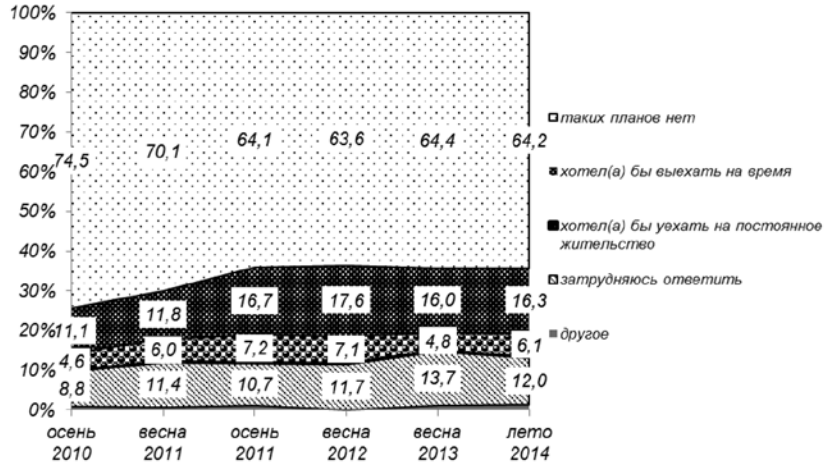


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?» (возраст 30–49 лет)

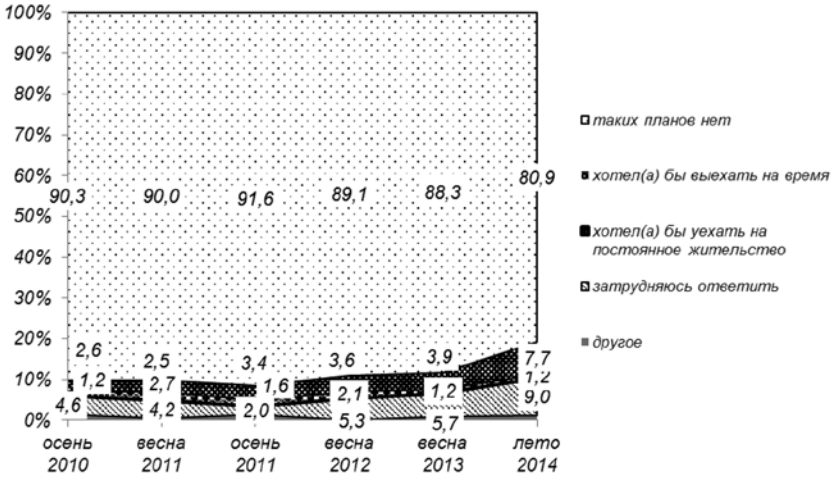


Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?» (возраст 50 лет и старше)

Структура респондентов, желающих выехать из страны, по уровню их образования представлена на рис. 8–10.

По данным мониторинга, среди лиц, имеющих общее среднее образование, доля желающих выехать для временной работы в 2014 г. составила 21,3 % (в 2010 г. – 12,4 %); среди лиц, имеющих среднее специальное образование – 15,2 % (в 2010 г. – 10,5 %). Особо следует отметить рост миграционных настроений среди респондентов, имеющих высшее и незаконченное высшее образование. Так, в 2010 г. среди респондентов этого уровня образования доля желающих выехать за границу для временной работы составила 7,1 %, в 2014 г. – 18,3 % (рост более чем в два с половиной раза).

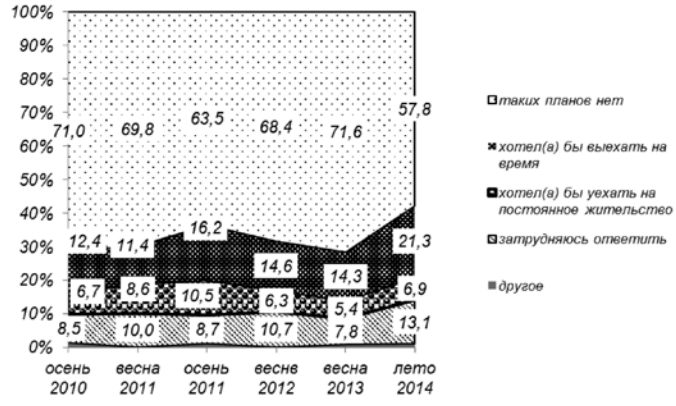


Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?» (общее среднее образование)

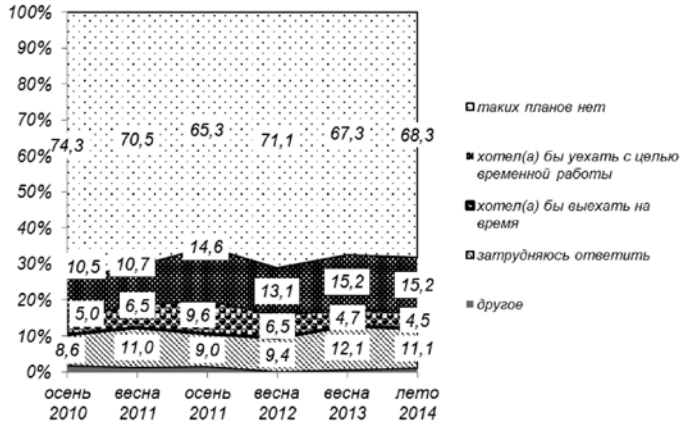


Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?» (среднее специальное образование)

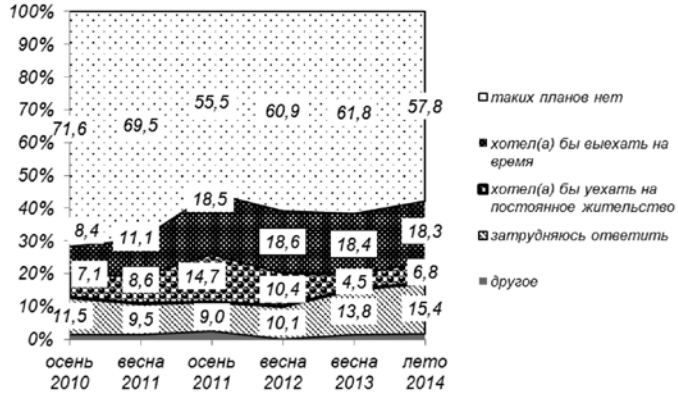


Рис. 10. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы уехать из Беларуси?» (высшее и незаконченное высшее образование)

Структура мигрантов по сфере деятельности представлена следующим образом. В 2014 г. из всего числа опрошенных основную долю респондентов, желающих выехать из страны для временной работы, составили:

студенты и учащиеся – 21,8 %;

рабочие промышленности, транспорта и строительства – 17,6 %;

служащие производственной сферы – 13,8 %;

ИТР, служащие непроизводственной сферы – 6,9 %.

Анализ данных мониторинга показывает, что по сравнению с 2012 г. структура трудовых мигрантов по сфере деятельности практически не изменилась (рис. 11).

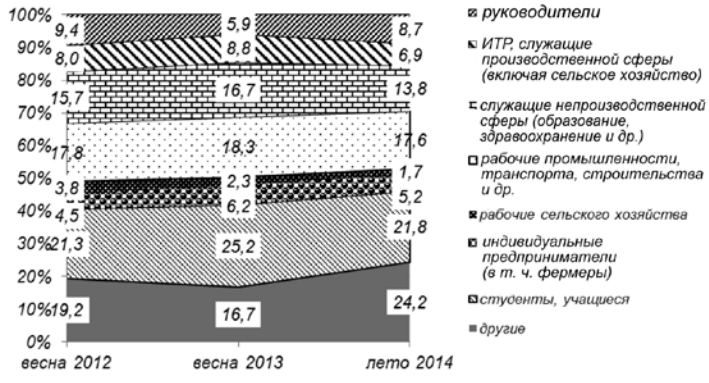


Рис. 11. Распределение респондентов, желающих выехать за границу с целью временной работы, по сфере деятельности

Динамика распределения респондентов, желающих выехать за границу на постоянное жительство, по сфере деятельности за период 2012–2014 гг. представлена на рис. 12. Как и в случае с временной трудовой миграцией, в 2014 г. наибольшая доля желающих эмигрировать из страны выявлена среди студен-

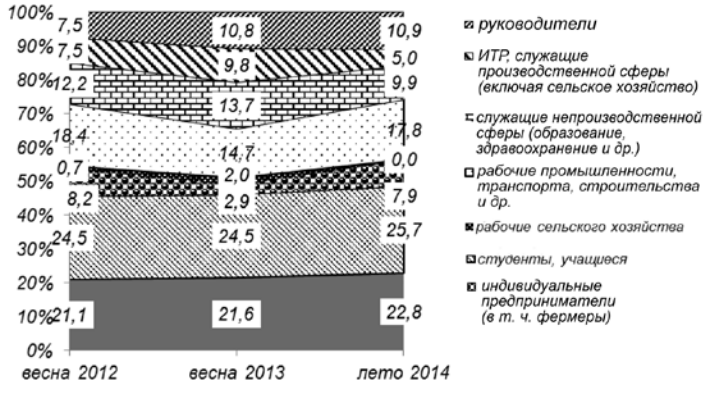


Рис. 12. Распределение респондентов, желающих выехать за границу на постоянное место жительства, по сфере деятельности

тов и учащихся – 25,7 %. Далее следуют – рабочие промышленности, транспорта и строительства (17,8 %) и руководители (10,9 %). Меньше всего среди потенциальных эмигрантов рабочих сельского хозяйства.

Следует отметить, что по сравнению с 2012 г. структура эмигрантов по сфере деятельности практически не изменилась.

Летом 2014 г. основными причинами намерения выехать за границу на время респонденты назвали желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране (63,3 %), желание улучшить свое материальное положение (54,2 %), желание заработать капитал для своего дела (32,5 %). Отметим, что весной 2011 г., на которую пришелся пик финансово-экономического кризиса, среди основных мотивов трудовой миграции респонденты назвали: желание улучшить свое материальное положение (70,9 %), желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (54,2 %) и желание заработать капитал для своего дела (29,4 %) (табл. 3).

Таблица 3. **Основные причины выезда из страны за границу с целью временной работы**

Причины выезда	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Лето 2014
Желание улучшить свое материальное положение	70,9	44,1	25,2	54,2
Желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране	44,1	32,3	57,8	63,3
Желание повысить свой профессиональный уровень, квалификацию	25,2	14,3	12,6	17,0
Желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование	54,2	44,1	21,4	27,3
Желание заработать капитал для своего дела	29,4	29,8	23,9	32,5
Отсутствие социальных гарантий, неопределенность профессиональных и жизненных перспектив	8,9	10,8	2,5	2,8
Стремление жить вместе со своими близкими, родственниками	7,4	2,8	3,7	5,2
Отсутствие возможности для самореализации	–	–	9,8	13,8

Основными причинами выезда на постоянное место жительства летом 2014 г. респонденты назвали желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (46,5 %), желание улучшить свое материальное положение (38,6 %), желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране (34,7 %). Отметим здесь, что осенью 2011 г. основным мотивом эмиграции было желание улучшить свое материальное положение (64,2 %). Далее – желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (53,5 %), посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране (41,4 %) и отсутствие социальных гарантий, неопределенность профессиональных и жизненных перспектив (34,3 %) (табл. 4).

Таблица 4. **Основные причины выезда из страны на постоянное место жительства**

Причины выезда	Весна 2011	Осень 2011	Весна 2012	Лето 2014
Желание улучшить свое материальное положение	64,2	53,2	48,9	38,6
Желание посмотреть мир, пожить и поработать в другой стране	41,4	47,5	25,5	34,7
Желание повысить свой профессиональный уровень, квалификацию	15,8	22,3	13,3	10,9
Желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование	53,5	58,7	52,5	46,5
Желание заработать капитал для своего дела	19,3	17,8	12,1	25,7
Отсутствие социальных гарантий, неопределенность профессиональных и жизненных перспектив	34,3	21,8	14,6	8,9
Стремление жить вместе со своими близкими, родственниками	7,3	6,2	9,0	16,8
Отсутствие возможностей для самореализации	–	–	54,1	39,6

Наиболее привлекательными для эмиграции странами для потенциальных мигрантов являлись:

осенью 2010 г. – Россия (16,4 %), Германия (15,0 %), США (12,7 %), Италия (7,3 %), Польша (6,5 %);

осенью 2011 г. – Россия (37,1 %), США (14,9 %), Германия (13,1 %), Великобритания (6,8 %), Италия (6,1 %) и Польша (5,7 %);

весной 2012 г. – Россия (16,4 %), Германия (15,0 %), США (12,7 %), Италия (7,3 %), Польша (6,5 %);

весной 2013 г. – Россия (20,6 %), Германия (17,1 %), США (11,1 %), Италия (7,6 %), Польша (6,7 %);

летом 2014 г. – Россия (18,5 %), Германия (12,6 %), США (10,2 %), Италия (6,7 %), Великобритания (3,9 %).

Основные выводы

1. В начале 90-х гг. прошлого века в Беларуси была сформирована система органов государственной власти и управления, на которые возлагалась ответственность за разработку и реализацию государственной миграционной политики. Для решения вопросов миграционной политики в июне 1992 г. была создана Государственная миграционная служба при Государственном комитете по труду и социальной защите населения Республики Беларусь. В дальнейшем она была преобразована в Комитет по миграции при Министерстве труда Республики Беларусь.

В 2003–2004 гг. в Республике Беларусь произошло реформирование органов государственного управления, осуществляющих регулирование внешней

трудовой миграции. Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2003 г. № 603 «О некоторых мерах по совершенствованию системы органов и подразделений органов внутренних дел Республики Беларусь» на базе Департамента по миграции Министерства труда и социальной защиты и структурных подразделений Министерства внутренних дел, занимающихся вопросами паспортно-визовой службы и борьбы с незаконной миграцией, был создан Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, основными задачами которого стали:

разработка и осуществление мер, направленных на реализацию законодательства о внешней трудовой миграции;

организация работы по предотвращению незаконного трудоустройства граждан Республики Беларусь за границей;

принятие мер по защите их социальных прав и предоставленных им социальных гарантий.

В результате организационная функция государственного управления в области внешней трудовой миграции в стране стала осуществляться Департаментом по гражданству и миграции Министерства внутренних дел и его региональными управлениями.

Все это привело к тому, что Министерство труда и социальной защиты формально перестало обеспечивать регулирование процессов внешней трудовой миграции населения Беларуси. Об этом говорит тот факт, что Закон Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» от 30 декабря 2010 г. № 225–З разрабатывался Министерством внутренних дел. Кроме того, и статистические наблюдения в области внешней трудовой миграции в стране стали осуществляться Департаментом по гражданству и миграции Министерства внутренних дел и его региональными управлениями.

Такое положение дел, по нашему мнению, является неприемлемым. В этой связи считаем целесообразным и необходимым поставить вопрос о пересмотре полномочий и обязанностей органов государственного управления, осуществляющих регулирование миграционных процессов в Республике Беларусь, и прежде всего внутренней и внешней трудовой миграции и иммиграции. Необходимо усилить роль Министерства труда и социальной защиты в системе государственного регулирования процессов внутренней и внешней трудовой миграции населения Беларуси.

2. Сложившаяся в настоящее время демографическая ситуация в сельской местности требует принятия мер для оптимизации возрастной и половой структуры миграционного потока «село–город» и сокращения масштабов перемещений населения из сельской местности в города республики путем создания необходимых социально-экономических условий для привлечения в село жителей городов и прежде всего молодежи. Как показывает опыт, улучшение демографической структуры населения в сельской местности посредством привлечения и закрепления молодежи возможно лишь при условии дальнейшего повышения уровня и качества жизни сельского населения, при-

нятия государственных мер по содействию занятости сельского населения, устранению диспропорций в оплате труда и укреплению социальной инфраструктуры села.

Разнонаправленный характер демографических и миграционных процессов на региональном уровне предполагает также необходимость разработки наряду с общереспубликанскими мерами миграционной и демографической политики – комплекса мер, учитывающих специфику каждой области. Также требуется обосновать новые подходы к регулированию иммиграционных потоков, создать действенные механизмы миграционного замещения естественной убыли населения с учетом региональных особенностей. Следует разработать действенные мероприятия по проведению селективной миграционной политики, интеграции мигрантов (жилищное обустройство, решение проблем трудоустройства) с учетом перспектив развития социально-экономического потенциала региона.

Следует отметить, что эти задачи сегодня решаются в рамках реализации мер, предусмотренных рядом государственных программ, нацеленных на решение демографической проблемы в сельской местности, например, Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития на период до 2020 г., Государственной программой устойчивого развития села на 2011–2015 гг.

3. В настоящее время в Беларуси ведется совершенствование законодательства в сфере внешней трудовой миграции. Так, в 2014 г. планировалось внесение изменений в Закон Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» от 30 декабря 2010 г. № 225–З [18]. Изменения и дополнения закона, как считают в Министерстве внутренних дел Республики Беларусь, позволят совершенствовать правовое регулирование трудовых отношений белорусских граждан за рубежом и иностранцев в Беларуси. Следует пересмотреть и другие законы и программы, обеспечивающие регулирование всех правовых и социально-экономических аспектов основных видов миграции населения и иммиграции иностранных граждан. Это позволит создать благоприятный климат для привлечения в Беларусь профессионалов из числа иностранцев, а также будет содействовать сокращению оттока отечественных специалистов за рубеж.

4. Как видим, в Беларуси назрела задача формирования активной миграционной политики, разработки новых подходов и механизмов регулирования миграционных процессов. До 2011 г. в стране разрабатывались и осуществлялись полноценные государственные миграционные программы. Сегодня же государственная миграционная программа «спрятана» в Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. в виде подпрограммы «Внешняя миграция в интересах развития Республики Беларусь». По своей структуре эта подпрограмма охватывает только некоторые аспекты регулирования миграционных процессов и не может служить основой национальной стратегии государственной миграционной политики, отвечающей долгосрочным целям социально-экономического и демографиче-

ского развития Беларуси. В этой связи представляется целесообразным поставить вопрос о возвращении к практике формирования и реализации масштабной государственной миграционной программы.

Не менее актуальной для Беларуси является задача разработки концептуальной основы совершенствования государственной миграционной политики. В 2012 г. в России принята Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, которая представляет собой систему взглядов на содержание, принципы и основные направления деятельности Российской Федерации в сфере миграции. В Беларуси подобный документ отсутствует, и это во многом затрудняет формирование эффективной, рассчитанной на перспективу миграционной политики, которая должна стать важным инструментом общей государственной демографической и социальной политики. Поэтому представляется целесообразным и в Беларуси разработать аналогичный документ. Разработка данной Концепции должна быть осуществлена с учетом отечественного и международного опыта в сфере управления миграционными процессами и обусловлена необходимостью обозначения стратегических ориентиров миграционной политики во взаимосвязи с ожидаемыми перспективами экономического, социального и демографического развития Беларуси, ее внешней политики и интеграционными процессами на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств, Таможенного союза и Евразийского экономического союза, а также с общемировыми тенденциями глобализации.

Литература

1. *Антипова, Е. А.* Регионализация демографического развития сельской местности Республики Беларусь / Е. А. Антипова // Экон. бюллетень НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2013. – № 10. – С. 23–34.

2. Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. – Минск, 2013.

3. Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2002 года : стат. сб. – Минск, 2003.

4. Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2003 года : стат. сб. – Минск, 2004.

5. Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2004 года : стат. сб. – Минск, 2005.

6. Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2005 года : стат. сб. – Минск, 2006.

7. Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2006 года : стат. сб. – Минск, 2007.

8. Итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2008 года : стат. сб. – Минск, 2009.

9. О естественном движении населения по Республике Беларусь за 2013 год : стат. сб. – Минск, 2014.

10. Основные итоги миграции населения в Республике Беларусь за 2009 год : стат. сб. – Минск, 2010.

11. Основные итоги миграции населения в Республике Беларусь за 2012 год : стат. сб. – Минск, 2013.

12. Основные итоги миграции населения в Республике Беларусь за 2013 год : стат. сб. – Минск, 2014.

13. Основные итоги миграции населения и внешней трудовой миграции в Республике Беларусь за январь–декабрь 2010 года : стат. сб. – Минск, 2011.

14.Основные итоги миграции населения Республики Беларусь : стат. сб. – Минск, 2008.

15. Основные итоги миграции населения Республики Беларусь за январь–декабрь 2011 года : стат. сб. – Минск, 2012.

16. *Пушкевич, С. А.* Основные тенденции развития внешней трудовой миграции населения Республики Беларусь / С. А. Пушкевич // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2014. – № 2. – С. 101–105.

17. *Артюхин, М. И.* Роль миграции в демографическом развитии Беларуси и ее регионов / М. И. Артюхин, С. А. Пушкевич // Народонаселение. – 2014. – № 2. – С. 43–49.

18. В Беларуси будут поставлены законодательные преграды для дешевой иностранной рабочей силы [Электронный ресурс] / БелТА. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/V–Belarusi–budut–postavleny–zakonodatelnye–pregrady–dlja–deshevoj–inostrannoj–rabochej–sily_i_660794.html. – Дата доступа: 28.08.2014.

M. I. ARTYUKHIN, S. A. PUSHKEVICH

THE MAIN MIGRATION PROBLEMS OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

External migration is regarded as one of the main sources of the country's human capital and, therefore, as an important factor of demographic and national security of the Republic of Belarus. Proposals for improvement of migration policy in the Republic of Belarus are elaborated.

Keywords: external migration; migration policy; demographic security; national security.

Поступила 11.09.2014 г.

УДК 001.007:314.7

Т. П. ТИТОВА,
кандидат политических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ КАК КАТЕГОРИЯ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В СЕЛЕКТИВНОЙ ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Представлен анализ систем отбора высококвалифицированных мигрантов в зарубежной иммиграционной политике. Исследуются проблемы определения высококвалифицированных специалистов как категории трудовых мигрантов в теории и политических практиках.

Ключевые слова: высококвалифицированные специалисты, трудовые мигранты, селективная иммиграционная политика.

Международная миграция населения – сложное социально-демографическое явление, закономерности которого проявляются в значительном и постоянном увеличении масштабов, вовлечении в мировой миграционный оборот населения практически всех стран мира, в быстром росте трудовой миграции. В свою очередь, международная трудовая миграция приобретает новые структурные характеристики, становясь все более дифференцированной по квалификационным, профессиональным, образовательным признакам.

Рост человеческой мобильности в условиях глобализации обусловил необходимость нового подхода к управлению миграционными потоками в XXI в. В международной практике государственного регулирования трудовой миграции происходит расширение стратегических мер и инструментов, направленных на привлечение специалистов высокой квалификации из-за рубежа. В экономике, основанной на знаниях, высококвалифицированные кадры приобретают ключевое значение. Сегодня практически все развитые и многие развивающиеся страны включились в конкурентную борьбу за привлечение высококвалифицированных мигрантов, которое рассматривается как эффективный путь наращивания человеческого капитала. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к реформированию миграционной политики и переходу от политики жесткого контроля миграции к политике гибкого управления миграционными процессами.

Если традиционно большая часть административных и финансовых ресурсов принимающих стран шла на предотвращение пересечения границы и пребывания нежелательных (незаконных) иммигрантов, то сегодня все

больше усилий направляется на активное привлечение желаемых категорий мигрантов. Соответственно, эффективность миграционного регулирования начинает определяться не столько в понятиях безопасности, сколько в понятиях экономической выгоды, опираясь на два ключевых фактора: во-первых, наличие последовательной миграционной стратегии, которая обозначила бы конкретные цели и задачи миграционной политики с учетом специфических социально-экономических требований государства; и, во-вторых, наличие инструментов отбора именно тех категорий иммигрантов, которые способствовали бы достижению поставленных задач [1].

Тенденция, свойственная сегодня всем развитым странам, принимающим ежегодно большое количество мигрантов, – переход от ограничительной к избирательной миграционной политике. При этом селективная политика ориентируется не столько на нужды конкретных секторов промышленности или сельского хозяйства, сколько на общие требования постиндустриальной экономики с ее опорой на инновационность, гибкость и информационные технологии. В основу легальных рамок иммиграции уже сегодня закладывается представление о ценности/стоимости труда квалифицированного мигранта и его потенциальной способности к адаптации на рынке труда [2, с. 47].

Современная иммиграционная политика предполагает диверсифицированный подход к мигрантам в зависимости от их квалификации и способности адаптироваться к принимающему обществу. Развитые страны при помощи специальных мер расширяют возможности иммиграции квалифицированных специалистов, одновременно сокращая возможности для въезда и оседания низкоквалифицированных мигрантов. Помимо Австралии и Канады, традиционно отбиравших мигрантов по экономическим критериям, в начале 2000-х гг. селективная политика была официально введена во многих европейских странах. В 2005 г. политику поощрения иммиграции высококвалифицированных кадров проводили 30 из 134 стран, по которым имелась соответствующая информация [3], и их число постоянно увеличивается.

Реализуемые странами миграционные стратегии и практики отбора трудовых мигрантов отличаются значительным разнообразием. Цели, механизмы и инструменты селективной иммиграционной политики зависят от многих факторов. Влияние на них оказывают степень интегрированности страны в общемировые экономические и политические процессы; макроструктурные особенности рынков труда; конкретные ресурсно-демографические характеристики населения и рабочей силы; особенности политической ситуации. Каждая страна проводит свою, хотя во многих случаях и согласованную с другими странами, миграционную политику. Растущая конкуренция за привлечение квалифицированных трудовых ресурсов стимулирует правительства постоянно разрабатывать новые подходы к регулированию трудовой миграции.

В качестве ключевых стратегий привлечения высококвалифицированных специалистов выделяются следующие:

1. Прием мигрантов, основанный на трудоустройстве, когда работодатели подают заявление о найме работника при условии защиты внутреннего рынка труда.

2. Исследование рынка труда, когда правительственные агентства определяют сектора, в которых имеется дефицит работников.

3. Наращивание человеческого капитала, где баллы начисляются за такие характеристики, как образование и знание языка.

4. «Фильтрационная система», когда статус постоянного резидента предоставляется студентам или временным работникам, продемонстрировавшим свою ценность [4, p. 5].

При всем разнообразии инструментов селективных иммиграционных политик, в их основе лежат две базовые системы отбора мигрантов: балльная и система отбора на основании заявок работодателя. На практике страны зачастую используют сочетание элементов обеих систем.

При балльной системе отбора государство разрабатывает перечень качеств и характеристик, которыми должны обладать потенциальные иностранные работники. «Классическая» балльная система дает иммигрантам право напрямую подавать заявление в соответствующее государственное учреждение, и те, кто набирает необходимое количество баллов в соответствии с требуемыми критериями, могут получить рабочую визу. Система заявок от работодателей основана на выборе работников работодателями и исходит из конкретных потребностей в привлечении иностранной рабочей силы. Она позволяет работодателям самим определять, работники каких специальностей им необходимы. Несмотря на то что отбор мигрантов осуществляют работодатели, государство устанавливает ряд общих параметров для отбора, например, к минимальному уровню образования и выплачиваемых зарплат для потенциальных работников.

Единых критериев отнесения мигрантов к категории высококвалифицированных специалистов не существует, каждая страна определяет собственные критерии отбора. Зачастую базовыми характеристиками выступают уровень образования и квалификация, требования к которым значительно варьируются.

В Канаде и Австралии, являющихся странами традиционной иммиграции, действуют сходные модели отбора высококвалифицированных специалистов, основанные на балльных тестах и списке востребованных профессий. Однако сами списки и требования к образованию заявителей имеют существенные отличия.

Канадская программа профессиональной иммиграции считается одной из наиболее эффективных в мире. Ее успех обусловлен уровнем экономического развития государства, а также относительно мягкими требованиями признания иностранного гражданина высококвалифицированным специалистом. К образованию и квалификации заявителей, проходящих по классу профессиональной иммиграции, в Канаде предъявляются следующие требования:

1. Профессия, по которой подается заявление, должна находиться в официальном списке востребованных профессий (NOC) и соответствовать одному из трех, определяемых законом, уровней квалификации. Заявитель должен подтвердить как минимум 1 год стажа по данной профессии в течение последних 10 лет на основе полной занятости и наличие дохода в этот период.

2. При определении уровня образования по балльной системе учитываются степень, полученная в результате очного обучения, и совокупная продолжительность обучения. Канадская балльная система выделяет четыре основных уровня образования, которые имеют внутреннюю градацию: степень Master's, или Ph.D.; степень бакалавра; очная программа в колледже, техникуме, училище; средняя школа.

В 2014 г. список профессий был расширен правительством Канады с 24 до 50 профессий, из которых практически все требуют наличия высшего образования. Также увеличены ежегодные квоты приема иммигрантов с 5000 до 25 000 заявлений. Программа предусматривает квоты для докторов наук, которым выделено 500 мест.

В Австралии иммиграция квалифицированных специалистов регулируется Программой общей профессиональной миграции. В соответствии с Программой не требуется иметь предложение работы со стороны работодателя, но необходимо обладать профессией, включенной в список востребованных профессий (SOL). Диапазон достаточно широк и содержит целый ряд профессий, не требующих высшего образования. Заявитель должен иметь образование, соответствующее одному из следующих критериев: подтвержденное австралийской экспертной организацией наличие теоретических знаний, относящихся к профессии из списка SOL; диплом или профессиональное свидетельство, соответствующее III или IV разделам австралийской квалификационной структуры; степень, эквивалентную австралийской степени бакалавра и выше.

Профессиональная миграция в США строится на основе запросов работодателей. Для иностранных высококвалифицированных специалистов предусмотрена специальная рабочая виза H1-B. Образование и квалификация заявителя должны соответствовать одному из следующих требований:

наличие образования не ниже бакалавра в одном из аккредитованных колледжей или университетов США по профессии, относящейся в США к категории «specialty occupation»[1];

либо образования, полученного за рубежом, эквивалентного степени бакалавра в США и выше по данной профессии;

либо неограниченной лицензии штата, регистрации или сертификации, которая дает право практиковать по отдельным специальностям в штате, который предлагает занятость;

[1] Профессии, для работы по которым необходимо наличие степени бакалавра или ее эквивалента, относящегося к данной профессии.

либо образования, профессиональной подготовки или опыта работы по специальности, эквивалентных требуемому уровню образования, а также признания опыта работы по специальности путем последовательного занятия ответственных позиций, непосредственно связанных со специальностью.

Европейские государства относительно недавно включились в «борьбу за мозги», однако список стран, проводящих селективную иммиграционную политику, постоянно расширяется. Системы отбора высококвалифицированных специалистов, как правило, строятся на уже апробированных в странах традиционной иммиграции инструментах – балльных тестах и запросах работодателя либо их сочетании. Кроме того, в качестве критерия отбора также широко применяется уровень дохода заявителя по предлагаемой работе.

Специфика селективной иммиграционной политики стран Европейского союза состоит в том, что миграция высококвалифицированных специалистов регулируется здесь на двух уровнях – общеевропейском и национальном. На уровне ЕС с 2011 г. действует Голубая карта ЕС, регулирующая иммиграцию высококвалифицированных специалистов из третьих стран. В то же время каждое государство вправе реализовывать собственную политику по привлечению данной категории мигрантов. Еще одним фактором, оказывающим существенное влияние на миграционные стратегии стран Европы, является инициатива по созданию ERA – единого научного и инновационного пространства государств – участников ЕС. Развитие мобильности работников сектора НИОКР, в том числе за счет привлечения специалистов из третьих стран, является одним из основных инструментов ее реализации.

В мае 2009 г. Советом ЕС была принята Директива № 2009/50/ЕС, которая ввела в Европе так называемую Голубую карту ЕС (Blue Card Scheme). Эта схема была разработана специально для упрощения условий въезда и проживания, а также беспрепятственного передвижения по территории Европейского союза высококвалифицированных специалистов из третьих стран. Претендентами на получение Голубой карты ЕС являются лица, обладающие высокой профессиональной квалификацией – дипломированные специалисты с высшим образованием (при условии, что длительность обучения составляла не менее 3 лет), а также иные лица, которые имеют пятилетний профессиональный опыт работы по специальности, требующей высшего образования. Претенденты должны предоставить подписанный трудовой договор или имеющее юридическую силу предложение работы от европейского работодателя, в котором четко оговорена годовая брутто-зарплата. Ее размер устанавливается каждым государством отдельно и обычно как минимум в 1,5 раза превышает среднюю заработную плату по стране, однако для дефицитных профессий он может быть снижен до соотношения 1,2.

Директивы ЕС выступают своеобразными «основами законодательства» на европейском уровне, оставляя государствам-членам право разрабатывать собственные механизмы их исполнения. Так, в апреле 2012 г. парламентом Германии были внесены изменения в законодательство об иммиграции, со-

гласно которым иностранному гражданину может быть выдана Голубая карта ЕС с целью осуществления трудовой деятельности на территории Германии. К соискателям предъявляются следующие требования:

наличие законченного университетского образования (немецкого или признаваемого зарубежного эквивалента);

наличие подписанного трудового договора или предложения работы от работодателя в Германии, подтверждающего, что годовая брутто-зарплата составит не менее 47 600 евро. Для профессий группы MINT (математика, информатика, естественные науки, технологии) минимальная годовая брутто-зарплата составляет 37 128 евро.

Австрия в дополнение к Голубой карте ЕС ввела в 2011 г. Красно-бело-красную карту (RWR Karte) – новую гибкую схему иммиграции квалифицированных работников и их семей из третьих стран. Красно-бело-красная карта выдается на 1 год и дает право ее обладателю на пребывание и трудоустройство у определенного работодателя на определенный срок. Претендовать на ее получение могут следующие группы лиц: высококвалифицированные работники; квалифицированные работники в дефицитных профессиях; другие ключевые работники; выпускники австрийских университетов и высших специальных учебных заведений; самозанятые ключевые работники. Отбор претендентов осуществляется на основе балльной системы. Для каждой категории претендентов действуют особые правила относительно минимальной зарплаты, уровня образования, знания языков, возраста и пр.

Ирландия – одна из трех стран, не принимающих участие в схеме «Голубая карта ЕС». Государство проводит собственную политику по привлечению высококвалифицированных мигрантов определенных профессий. Особое внимание уделяется ученым и исследователям. Критерием отбора является, в первую очередь, уровень годового дохода. Для большинства должностей с годовым доходом 60 000 евро и выше выдается специальный вид разрешения на работу – Green Card, не требующий получения рабочей визы. Получить ее могут также работники с годовым доходом от 30 000 до 59 999 евро, если они входят в список профессий, по которым имеется дефицит специалистов. К ним, в частности, относятся химики, биологи, физики, научные сотрудники в области естественных наук и материаловедения. Гражданам стран, не входящих в Европейскую экономическую зону, которые выполняют научные исследования для аккредитованных исследовательских организаций Ирландии, а также аспирантам высших учебных заведений оформлять разрешение на работу не требуется вообще.

Сложность определения высококвалифицированных специалистов как категории трудовых мигрантов во многом объясняется отсутствием на международном уровне единых критериев оценки уровня образования и квалификации специалистов. Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются государства в процессе отбора высококвалифицированных специалистов, является определение их квалификации и подтверждение уровня образования.

По данным Международной организации труда, по причинам недоступности информации о системах общего образования и профессиональной подготовки в странах происхождения для работодателей стран назначения от 25 до 50 % квалифицированных трудящихся-мигрантов бездействуют, не проявляя активности, остаются безработными либо занимают рабочие места, требующие более низкой квалификации, чем их предыдущие рабочие места [5].

Признание квалификации кадров за пределами национальных границ – сложный процесс, так как системы классификации видов занятий и квалификационных требований в странах назначения и происхождения иногда значительно отличаются друг от друга, а работодатели одной страны обычно не имеют доступа к информации, касающейся репутации и авторитета аттестационных заведений других стран и дипломов учебных заведений. На сегодняшний день существует три основных типа систем признания квалификации: односторонние системы, применяемые одной страной для признания квалификации прибывающих работников из другой страны; обоюдные системы признания квалификации кадров между двумя или несколькими государствами; региональные интеграционные основы внутри сетей направляющих и принимающих стран.

Примером односторонней системы является законодательство Германии. В 2012 г. правительством Германии был принят новый закон, цель которого – облегчить процесс признания дипломов иностранных специалистов путем введения универсального подхода, единых критериев оценки квалификации и создания информационной и консультационной инфраструктуры для иностранцев. В случае непризнания диплома его владелец вправе узнать, насколько его квалификация отвечает немецким стандартам. Для этого выдается свидетельство, которое будет содержать перечень приобретенных заявителем профессиональных знаний и навыков, а также рекомендации по повышению квалификации, необходимой для признания диплома в стране.

На региональном уровне наиболее активно процесс унификации стандартов образования и квалификации специалистов развивается в Европейском союзе. Европейские основы квалификационных требований в отношении непрерывного обучения предусматривают порядок обоюдного признания квалификационных характеристик. Документ представляет собой координатную сетку для квалификационных систем государств – членов ЕС, устанавливающую эквиваленты между квалификационными нормами и аттестатами/дипломами, полученными в разных странах. Цель документа – содействие мобильности и непрерывному обучению кадров в ЕС. В сфере высшего образования в рамках Болонского процесса проводится унификация национальных образовательных стандартов государств-участников.

Усилия в направлении обеспечения признания квалификации и дипломов предпринимаются и другими регионами. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии осуществляет разработку Общей системы признания квалификации кадров как необходимого шага в направлении создания единого рынка

труда. АСЕАН ставит своей целью к 2015 г. стать зоной свободного движения товаров, услуг, инвестиций, квалифицированной рабочей силы и капитала. В рамках СНГ 31 мая 2013 г. было подписано Соглашение государств – участников Содружества Независимых Государств о взаимном признании документов о высшем профессиональном образовании.

Разнообразие миграционных стратегий и практик привлечения высококвалифицированных мигрантов, и, соответственно, критериев их отбора в странах приема, отсутствие на международном уровне единых критериев оценки уровня образования и квалификации специалистов порождают ряд проблем в определении высококвалифицированных специалистов как категории международных трудовых мигрантов на концептуальном уровне.

Большинство работ, посвященных международной миграции специалистов высокой квалификации, начинается с исследования вопроса, кто же относится к категории высококвалифицированных мигрантов (highly skilled). Исследователи сходятся во мнениях, что ключевыми характеристиками являются уровень образования и квалификация [4, p. 2]. В зависимости от цели, которую ставит перед собой национальное правительство, тот или иной показатель является предпочтительным. Большинство правительств, как правило, используют сочетание обоих критериев при отборе высококвалифицированных специалистов. Важными критериями отбора выступают также профессиональная деятельность и опыт работы, позволяющие отфильтровывать работников с низким уровнем необходимых навыков. Таким образом, отнесение мигранта к высококвалифицированным специалистам зависит и от образовательной составляющей, и от установленного порога минимальной компетентности в обществе, основанном на знаниях. Однако, как отмечают сами исследователи, и как показывает проведенный выше анализ зарубежных практик, эти критерии применяются далеко не всегда. Правительства могут изменять требования в зависимости от потребностей рынка труда.

Категория «высококвалифицированные специалисты» является гетерогенной, и ее внутренняя структура постоянно усложняется. Если изначально речь шла о «мигрантах-профессионалах», то сегодня эта исходная, хотя и несколько модифицированная категория стала столь важной в международной миграции, что категория «высококвалифицированные мигранты» распалась на пять подкатегорий: старший управленческий персонал; инженеры и техники; ученые; предприниматели; студенты [6, с. 109].

* * *

Рост числа стран, реализующих селективный подход в иммиграционной политике, разнообразие миграционных стратегий и политических практик по привлечению высококвалифицированных мигрантов, усилия, предпринимаемые на национальном и региональном уровне в отношении унификации стандартов образования и квалификации трудовых мигрантов, – все это свидетельства растущей роли международной миграции высококвалифицированных специалистов в современной инновационной экономике.

Селективная иммиграционная политика сегодня ориентируется на экономические нужды государства и рассматривает человека как ресурс экономического развития. Понятие «высококвалифицированный специалист» не обязательно связано с высоким уровнем образования и квалификации, часто критерием оценки служит экономическая выгода, которую иммигрант может принести принимающему государству. «Миграция, управляемая производством», стала наиболее значительной мотивацией [7, p. 23].

Литература

1. *Papademetriou, D.* Efficient Practices for the Selection of Economic Migrants / D. Papademetriou, K. O'Neil // Brussels, Belgium: European Commission, DG Employment and Social Affairs [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: http://europa.eu.int/comm/employment_social/employment_analysis/docs/select_econ_migr1.pdf. – Date of access: 11.09.2014.

2. *Фомичева, О. В.* Селективная миграционная политика: цель, механизмы, результаты / О. В. Фомичева // Миграционное право. – 2008. – № 3. – С. 44–48.

3. *Щербакова, Е.* Все больше стран переходят от ограничительной политики к избирательной [Электронный ресурс] / Е. Щербакова // Население и общество. – 2006. – № 251–252. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/barom03.php. – Дата доступа: 15.09.2014.

4. *Lowell, B.* Policies and regulations for managing skilled international migration for work / B. Lowell // United Nations expert group meeting on international migration and development. – UN/POP/MIG/2005/03. – 23 June 2005. – 21 p.

5. Профессиональные навыки, способствующие росту производительности, занятости и развитию. Доклад V. Международная конференция труда, 97-я сессия [Электронный ресурс]. – Женева, 2008. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@relconf/documents/meetingdocument/wcms_092199.pdf. – Дата доступа: 17.09.2014.

6. *Эпплеярд, Р.* Миграция квалифицированных кадров в глобализированном мире / Р. Эпплеярд // Мир в зеркале международной миграции / гл. ред. В. А. Ионцев. – М. : МАКС-Пресс, 2002. – Вып. 10. – С. 98–116. – (Науч. серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир»).

7. *Iredale, R.* The Migration of Professionals: Theories and Typologies / R. Iredale // International Migration. – 2001. – N 39 (5). – P. 7–26.

T. P. TITOVA

HIGHLY SKILLED ROFESSIONALS AS A CATEGORY OF LABOUR MIGRANTS: THE PROBLEM OF DEFINITION IN SELECTIVE IMMIGRATION POLICIES OF FOREIGN COUNTRIES

Summary

Selection of highly skilled professional migrants in foreign immigration policies and problems of their definition as a category of labour migrants in theoretical and practical policies are analyzed.

Keywords: highly skilled professionals, selective immigration policy, labour migrants.

Поступила 03.10.2014 г.

УДК 314.8(470.12)

А. А. ШАБУНОВА,
доктор экономических наук, доцент,
Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

О. Н. КАЛАЧИКОВА,
кандидат экономических наук,
Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ: СЕМЬЯ И БРАК[1]

В работе представлены результаты исследования тенденций демографических процессов в России. Аргументировано вероятное прекращение роста рождаемости и увеличение смертности населения России в среднесрочной перспективе, показаны особенности расселения, характеризующиеся высокой концентрацией населения и увеличением доли пустующих земель, проанализированы трансформации института брака. Основными негативными последствиями выявленных проблем является угроза национальной безопасности и территориальной целостности страны.

Ключевые слова: демографические процессы, общественное развитие, депопуляция, обезлюдение, трансформация демографических институтов, экономическое развитие.

Мировое сообщество в третьем тысячелетии пришло к переосмыслению путей общественного развития. Экономическая деятельность представляется только частью общечеловеческой деятельности, и экономическое развитие целесообразнее рассматривать в рамках более широкой концепции общественного развития. Гуманизация экономики, лежащая в основе новых моделей экономического роста, подчеркивает приоритет человеческого фактора в системе целей экономического развития [3; 7].

На увеличение роли человеческого капитала в территориальном развитии указывают и теоретики новой экономической географии. В частности, Пол Кругман подчеркивает, что такие факторы, как агломерационный эффект, человеческий капитал, институциональная среда, в наибольшей степени связанные с деятельностью государства и общества, играют значительную роль в продвижении модернизационных преобразований [10].

Таким образом, человеческий фактор выделяется в качестве основы ускорения социального и экономического развития государств, регионов. Непосредственное влияние на формирование человеческого потенциала оказывает

[1] *Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13–22–01002).*

семейно-демографическое развитие. Численность населения, его половозрастная структура, продолжительность и качество жизни – все это в значительной мере определяет тенденции развития любой территории.

На демографическое развитие России в ближайшей и среднесрочной перспективе будет оказывать влияние демографическая волна, сформировавшаяся в 80–90-е гг. прошлого столетия: всплеск рождаемости в 1983–1987 гг. и ее спад в 1996–2001 гг. [6; 14]. Последний уже в ближайшее время будет воздействовать на воспроизводство населения России, а значит, и на ее геополитическое, экономическое и социальное развитие. Негативные последствия демографической волны наиболее существенно будут проявляться по следующим направлениям.

Сокращение численности населения. На протяжении 11 лет продолжалась естественная убыль населения страны, за период 1992–2012 гг. она составила 13 млн 400 человек. Позитивные тенденции наметились с начала нового тысячелетия, что во многом было обусловлено государственным регулированием. Пересечение кривых коэффициентов рождаемости и смертности в России, зафиксированное в 1991 г., повторилось вновь: в 2012 г. значения обоих показателей – 13,3 ‰ (рис. 1). В 2013 г. в России впервые после длительного перерыва отмечен естественный прирост населения (за счет снижения смертности).

Источник: данные Росстата.

Рис. 1. Динамика естественного движения населения Российской Федерации

В большинстве регионов страны демографическое развитие имеет сходные тенденции. Как отмечает А. Вишневский [1], мнение Минздравсоцразвития, отвечающего за демографическое развитие страны, о решении проблемы сокращения численности населения России, ошибочно: «Естественная убыль населения, хотя и сохраняется, но нарастать не будет. Прогресс в этом показателе очень значительный. Если в 1999 г. убыль составила почти 930 тыс. чел.,

то в 2007 г. – 470 тыс., в 2008 г. – 362 тыс., в 2009 г. – менее 250 тыс. человек. Сокращение численности населения остановлено. Естественная убыль будет сокращаться и дальше. Главная причина этого – проведение в рамках приоритетного национального проекта “Здоровье” активных программ по снижению смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, основной причины смертности населения». Это успокоительное утверждение не имеет ничего общего с действительностью. Мы стоим на пороге нового увеличения естественной убыли населения.

Все прогнозы показывают, что в ближайшие годы естественная убыль населения снова начнет нарастать. Естественная убыль ожидается даже по наиболее оптимистическому варианту официального прогноза Росстата, согласно же более вероятному среднему варианту, естественная убыль населения России уже в начале следующего десятилетия превысит 500 тыс. человек в год и будет продолжать увеличиваться [13].

Сокращение численности населения при любом варианте прогноза ожидается и в Вологодской области (рис. 2). Прогнозный счет осуществлялся методом передвижки возрастов с учетом вероятности дожития каждой возрастной группы до следующей старшей. Миграционные процессы в прогнозных оценках не учитывались. Такое развитие событий во многом предопределено сложившейся возрастной структурой населения [9].

В Вологодской области и России в целом в ближайшей перспективе будут происходить неблагоприятные изменения возрастной структуры населения. Это станет причиной обострения демографического кризиса.

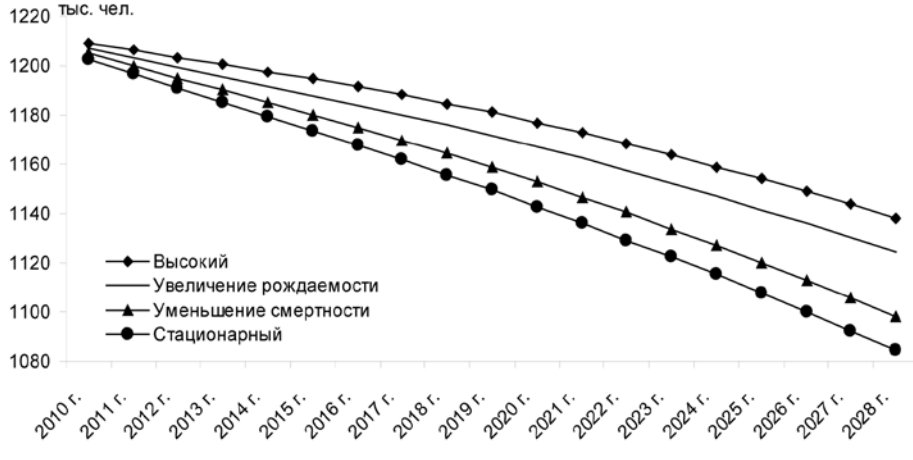


Рис. 2. Вариативный прогноз численности населения Вологодской области [9]

Росту рождаемости после 1999 г. во многом способствовало увеличение числа женщин в возрасте от 18 до 34 лет: в России на 2 млн, в Вологодской области – почти на 6 тыс. человек. К 2030 г., напротив, ожидается снижение данных контингентов в стране в целом более чем на 7 млн, в регионе – на

50 тыс. Кроме того, в ближайшей перспективе будет снижаться и численность женщин в активном репродуктивном возрасте 25–34 лет. Прогноз изменения численности и доли женщин репродуктивного возраста для Вологодской обл. представлен в табл. 1. Совокупное снижение женских когорт приведет к падению рождаемости.

Таблица 1. **Прогноз численности женщин репродуктивного возраста в Вологодской области (на начало года)**

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2025	2030	2030 к 2013
Число женщин в репродуктивном возрасте, чел.	291,2	286,4	281,7	277,9	274,8	272,9	271,3	270,1	261,5	251,9	–13,5 %
Доля женщин в репродуктивном возрасте, % от общей численности населения	24,4	24,0	23,7	23,4	23,2	23,1	23,0	23,0	22,7	22,5	–1,9 п. п.

Рассчитано Н. А. Кондаковой на основе данных Вологдастата.

Перемещение рождаемости на более поздние возраста смягчило неблагоприятные структурные подвижки, о которых сказано выше [8]. В ближайшие несколько лет демографические показатели еще имеют шанс несколько улучшиться, но в средне- и долгосрочной перспективе (10–20 лет) их ухудшение практически неизбежно, т. к. произойдет значительное сокращение числа потенциальных матерей [13]. Директор региональной программы Независимого института социальной политики Наталья Зубаревич отмечает, что благодаря поддержке властей рождаемость была подстегнута. «Рожать начали в низкодоходных группах, – говорит она. – Но как только в детородный возраст войдет малочисленное поколение 90-х годов рождения, рождаемость пойдет вниз». Что делать, сказать трудно. «Если избегать резких выражений, то можно констатировать: социальная политика по поддержке семьи сегодня в России такова, что не дает возможности женщинам совмещать работу с нормальным деторождением», – считает Н. Зубаревич (цит. по: [11]).

Снижению смертности отчасти способствовало сокращение численности лиц в старших возрастных категориях, формировавшихся за счет малочисленных поколений военных лет рождения. В ближайшей же перспективе в России в целом и в регионах ожидается стремительный рост численности пожилых когорт. Неизбежным следствием будет и увеличение смертности даже при увеличении продолжительности жизни.

При снижении рождаемости и росте числа смертей сблизившиеся кривые рождаемости и смертности вновь разойдутся, а естественная убыль населения будет нарастать.

Обезлюдение Центральной России и Северо-Запада страны, особенно заметное в сельской местности. На огромной территории России значительны региональные различия в динамике естественного движения населения. В то время как в наиболее благополучных регионах число родившихся в три и даже в пять (Чечня) и семь (Ингушетия) раз превышает число умерших, в Центральной России и на Северо-Западе смертность в большинстве регионов на 50–80 % выше рождаемости. Причины неблагоприятных трендов – низкая рождаемость в прошлом и сложившаяся вследствие этого неблагоприятная структура населения, а также отток молодежи в крупнейшие города – Москву и Санкт-Петербург. Грубо говоря, рожать на селе в Нечерноземье попросту некому.

Быстрая индустриализация и урбанизация XX в. наряду с демографическими потерями привели к очень сильной убыли сельского населения и его концентрации в крупных населенных пунктах и пригородах [2]. В 2012 г. удельный вес сельского населения в целом по РФ сократился до 26 % (на 0,8 п. п. по сравнению с 2000 г.).

В Вологодской области удельный вес сельского населения несколько выше среднероссийского – 29 %, однако темпы его снижения существенно опережают российский уровень. С 2000 по 2012 г. доля сельского населения сократилась на 2,5 п. п. Сельское население области за указанный период сократилось на 15 % – с 403,2 до 343,3 тыс. чел.

Крупные города (Вологда и Череповец) стягивают в себя и в свои пригороды сельское население области. За 2000–2012 гг. население Вологды увеличилось на 3,1 %, Череповца – на 0,4 %, а Вологодского и Череповецкого районов сократилось лишь на 0,1 и 2,7 %. При этом население Белозерского, Вашкинского, Междуреченского и Харовского районов сократилось более чем на 25 %.

В результате сельское пространство Вологодской области, и так сравнительно слабо освоенное и заселенное, давно уже сжалось в отдельные ареалы (очаги), а вокруг них возникла социально-демографическая пустыня. Схожая ситуация наблюдается и в других регионах страны. Глобализация и информационная проницаемость пространства лишь усугубляют ситуацию, высвечивая экономические и социальные контрасты городских и внегородских территорий и обнажая несоответствие имеющейся социальной среды запросам молодежи.

Отток населения, особенно молодежи [12] из сел в крупные города, приводит к количественному и качественному сокращению трудового потенциала сельских территорий. Упадок инфраструктурной базы, особенно сильно проявляющийся в периферийных деревнях и селах, наряду с отъездом молодежи, ведет к дальнейшему измельчанию и вымиранию села. Быстрыми темпами увеличивается количество опустевших деревень (табл. 2), сокращается число малонаселенных сельских поселений.

В сельском расселении преобладает мелкодисперсность: почти 70 % населенных пунктов имеют численность жителей менее 200 человек, поселения с людностью свыше 1 тыс. составляют 0,6 %.

Таблица 2. **Число населенных пунктов по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.**

Территория	Города		Сельские населенные пункты		В том числе без населения	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
РФ	1098	1100	155 289	153 124	13 086	19 416
Вологодская область	15	15	8041	8006	1625	2131

Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2002, URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13; Итоги Всероссийской переписи населения 2010, URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

Трансформации демографических институтов. Во второй половине XX в. произошли существенные трансформации в сфере организации партнерских отношений, сексуальности и деторождения как в ряде европейских стран, так и в России [5]. Результатом этих изменений является девальвация института брака, утрата его традиционных ценностей: высокая разводимость, распространение сожительств, гостевых браков, откладывание родительства, увеличение числа людей, сознательно выбирающих бездетность, одиночество, а также приемлемость данных практик обществом.

Российский демограф С. Захаров обозначил данный процесс как «тихую революцию» середины 1990-х гг., подразумевая целый ряд явлений в области репродукции: повышение возраста вступления в брак и сокращения числа ранних браков, сокращение числа незапланированных беременностей, распространение совместного проживания без регистрации отношений, увеличение доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака [6]. Высказано предположение о том, что в середине 1990-х гг. закончился «золотой век» традиционного брака в России [16].

Научное сообщество двояко оценивает происходящие перемены. Одна часть исследователей явно или косвенно относится к этим изменениям негативно, поскольку разложение института семьи влечет за собой ряд демографических, социальных, экономических проблем как на макро-, так и на микроуровне (от депопуляции и вырождения нации до социальной и гендерной дезориентации, асоциализации детей).

Другая часть исследователей придерживается мнения, что сдвиги в репродуктивном и брачном поведении являются свидетельством существенных социальных изменений в направлении индивидуализации и демократизации данной сферы. С их точки зрения, институт семьи трансформируется, приобретая те формы, которые соответствуют меняющимся условиям жизни, потребностям современного человека.

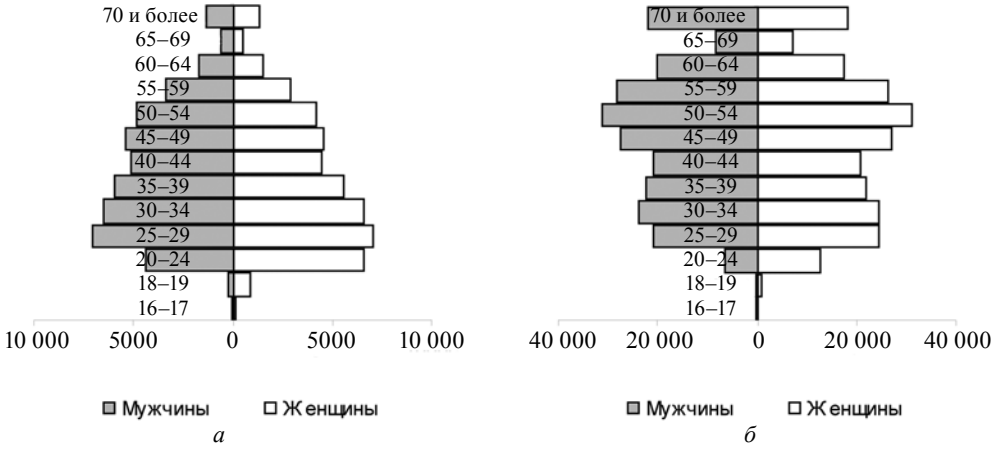
Исследователи выделяют несколько этапов эволюции семейных союзов по типу сожительства: инновации, популяризации (распространения отношений, предшествующих браку), признания или легитимации и опривычивания, рутинизации (становление социальной нормой) или хабитуализации [15; 16].

Показателем общественного признания сожительств в России можно считать включение вопроса о легальном статусе брачного союза граждан

(*Является ли ваш брак зарегистрированным?*) в анкету переписи населения в 2002 г. Перепись показала, что на момент ее проведения 11 % всех заявленных партнерских союзов были незарегистрированными (всего в браке состояли 57 % россиян).

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в браке состоит 63 % мужчин и 54 % женщин бракоспособного возраста. Из них 87 % официально зарегистрировали свои отношения, 13 % сожительствуют. За межпереписной период доля неофициальных союзов увеличилась незначительно. Существенных гендерных отличий не обнаружено. Заметна разница в территориальном разрезе. Среди жителей сельской местности больше отдающих предпочтение совместному проживанию без регистрации в органах ЗАГС, чем среди горожан: в 2002 г. 12 % против 9, в 2010 г. 15 против 13 %.

По данным опроса фонда «Общественное мнение» (2004), опыт сожительства когда-либо имели 22 % россиян. При этом незарегистрированные союзы оказались в большей степени распространены в молодежной среде (18–20 лет); среди респондентов в возрасте 21–24 лет доля незарегистрированных браков в общем числе союзов составила четверть, среди респондентов в возрасте 25–29 лет – пятую долю. О том, что сожительства предпочитают преимущественно молодые люди, свидетельствуют и данные переписи населения 2010 г. (рис. 3). Сложность анализа представляет невозможность выделения очередности брака или сожительства.



Источник: рассчитано по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.

Рис. 3. Половозрастная пирамида: *а* – населения, проживающего совместно без заключения брака; *б* – состоящего в зарегистрированном браке

Результаты Всероссийского исследования репродуктивных планов населения, в 2012 г. проведенного Росстатом в 30 субъектах Российской Федерации, свидетельствуют о «молодой» возрастной структуре сожительствующих в первый раз. В старшей возрастной группе выше доля состоящих в повторном браке, регистрация которых встречается существенно реже, чем по пер-

вым бракам. Это завышает долю состоящих в сожительстве в старших возрастах, если ее рассматривать без разделения на первые и повторные браки.

Таблица 3. **Доля состоящих в незарегистрированном браке в зависимости от возраста и очередности брака (%)**

Возраст (лет)	Женщины		Мужчины	
	Первый брак	Не первый брак	Первый брак	Не первый брак
до 25	28,4	52,6	42,2	…[1]
25–29	13,3	47,7	19,1	55,2
30–34	8,3	45,7	11,7	47,2
35–39	4,4	37,3	7,6	44,0
40 и старше	6,0	39,5	3,7	39,0

Источник: выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 г. // Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html.

Увеличивается доля браков, регистрация которых откладывается на какое-то время после фактического начала супружеских отношений. Заметно снизилась доля браков, начавшихся с регистрации. Так, до 1990 г. более 70 % союзов регистрировались в органах ЗАГС (табл. 4). К 2005 г. их доля снизилась до 49 %. Удлиняется и интервал между началом фактических брачных отношений и регистрацией брака (по результатам обследования об этом можно судить только в отношении первых браков). Если у тех, кто вступил в первый брак до 1990 г., он в среднем составлял меньше года, то у тех, чей первый брак начался позже, уже превышал двухлетний период. Это свидетельствует о переходе от популяризации к легитимации сожительств.

Таблица 4. **Доля браков, начавшихся с регистрации, и средний интервал времени между вступлением в брак и его регистрацией**

Год вступления в данный брак	Доля браков, начавшихся с регистрации (%)				Средний интервал времени между вступлением в брак и его регистрацией по тем бракам, где регистрация откладывалась (месяцев)			
	Первый брак		Повторный брак		Первый брак		Повторный брак	
	Жены	Мужья	Жены	Мужья	Жены	Мужья	Жены	Мужья
до 1990	71,6	77,6	...	...	11,3	8,6	...4)	...
1990–1994	68,0	69,3	...	...	26,0	25,6	...4)	...
1995–1999	66,7	64,1	20,0	33,3	27,0	26,0	...4)	...
2000–2004	57,1	56,9	6,7	11,1	30,0	27,9	31,2	40,6
2005–2009	49,5	49,0	25,0	52,9	11,4	11,3	10,1	...

... – Показатель не приводится из-за того, что он рассчитан для совокупности менее 10 респондентов.

Источник: выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 г. // Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html.

[1] Величина показателя не приводится, так как рассчитана для очень малого (менее 10) числа респондентов.

Важным свидетельством перехода к стадии легитимации сожительств является высокая доля детей, рожденных вне брака (примерно треть всех рождений на протяжении 10–15 лет), из них почти половина регистрируется по совместному заявлению родителей. Вместе с тем среди женщин, состоящих в незарегистрированном браке, 20 % собираются обязательно его зарегистрировать даже при отсутствии беременности, 23,7 % считают это желательным, не собираются регистрировать свой брак 34,0 % (табл. 5).

В случае беременности на регистрацию отношений ориентируются уже существенно большая доля женщин – 36,4 %, при рождении ребенка обязательной регистрацию брака считают меньше половины, а 21,4 % – и в этом случае не собираются регистрировать брак. Среди состоящих в незарегистрированном браке мужчин несколько меньше, по сравнению с женщинами, тех, кто обязательно намеревается зарегистрировать свой брак, и, соответственно, больше тех, кто не собирается этого делать.

Таблица 5. **Распределение ответа на вопрос: «Если Ваш брак не зарегистрирован, то собираетесь ли Вы зарегистрировать его в следующих возможных случаях?» (%; по каждой строке)**

Условие	Вариант ответа							
	Да, обязательно		Да, желательно		Нет		Трудно сказать	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
При отсутствии беременности	18,8	20,0	18,6	23,7	39,8	34,0	22,8	22,4
В случае беременности	34,7	36,4	19,0	23,7	28,7	26,2	17,6	13,7
При рождении ребенка	44,6	45,1	13,7	19,6	26,1	21,4	15,6	13,9

Источник: выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 г. // Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html.

Свыше половины опрошенных полагают, что первый брак нужно регистрировать прежде, чем начинать жить вместе, или сразу после начала совместной жизни. В то же время около 40 % придерживаются мнения, что сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать брак. В отношении повторного брака так считают 60 % респондентов. Мужчины чаще, чем женщины, полагают, что перед регистрацией первого брака надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства. Особенно заметны эти различия в молодых возрастах: до 25 лет – 59,8 % против 47,9 %; 25–29 лет – 55,6 % против 46,3 %.

Социально-экономические мотивы деторождения значительно слабее представлены в группе сожительствующих граждан, особенно тревожно, что лишь для 37 % представителей данной группы считают детей обязательной частью семьи (табл. 6).

Таблица 6. **Распределение ответа на вопрос: «Для Вас дети – это...» (в % от числа опрошенных соответствующей группы)**

Вариант ответа	В браке	Сожительствующие
Помощь в ведении хозяйства	17,5	15,1
Помощь в старости	36,3	30,2
Дети – это «радость» жизни	72,6	70,6
Снижение материального положения семьи	0,7	0,8
Дополнительная трата денег	3,4	4,0
Помеха карьере	0,3	2,4
Помеха отдыху, личной жизни	0,7	3,2
Источник доходов	0,7	0,0
Наследники-продолжатели Вашего дела	43,5	38,1
Обязательная часть семьи	50,7	37,3
Другое	1,0	2,4

Источник: данные социологических исследований ИСЭРТ РАН.

Трансформация института брака и семьи напрямую связана с размером детности **и обеспечением воспроизводства населения**. Статистика свидетельствует, что число детей в союзах, не зарегистрированных в органах ЗАГС, ниже, чем в браках. Соответственно, их распространение приведет к депопуляции. Откладывание регистрации брака зачастую сопровождается откладыванием рождения детей. Если среди состоящих не менее 3 лет в зарегистрированном первом браке не имеют детей 5–6 % респондентов, то среди тех, у кого первый брак не зарегистрирован, этот показатель выше в 4 раза у женщин и в 7,3 раза у мужчин (табл. 7). Однако надо отметить, что и в большинстве незарегистрированных первых браков по истечении трех лет совместной жизни уже есть ребенок. Но важно не только наличие, но и фактическое число детей, а еще важнее установки детности, которые будут переданы от родительского поколения поколению детей.

Таблица 7. **Доля респондентов, не имеющих детей, среди состоящих в первом зарегистрированном и незарегистрированном браке три и более года (в %)**

Тип отношений	Доля не имеющих детей	
	Женщины	Мужчины
Брак зарегистрирован	5,7	5,5
Сожительствуют	23,3	40,0

Источник: выборочное исследование репродуктивных планов населения в 2012 г. // Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html.

Как свидетельствует мониторинг репродуктивного потенциала населения Вологодской области, предпочитаемая форма партнерских отношений влияет на представления о желаемой и планируемой детности. Желаемое число, отражающее потребность в детях, планируемое число детей, как ожидаемый

результат репродуктивного поведения, выше у населения, отдающего предпочтение легитимному союзу. Аналогична взаимосвязь показателей детности с представлением о необходимости заключения брака для воспитания детей (табл. 8).

Таблица 8. **Репродуктивные установки жителей области в зависимости от предпочтения формы брака и оценки его роли в воспитании детей**

Вопрос и варианты ответа	%**			Желаемое число детей			Планируемое число детей		
	2005	2008	2011	2005	2008	2011	2005	2008	2011
Какому браку* Вы отдаете предпочтение?									
Зарегистрированному браку	66,6	67,2	71,4	2,22	2,10	2,17	1,81	1,95	1,93
Совместному проживанию без регистрации в ЗАГСе	20,5	18,4	10,9	2,03	1,75	1,77	1,58	1,63	1,61
Считаете ли Вы вступление в брак обязательным условием для воспитания детей?									
Да	53,1	55,4	56,3	2,23	2,10	2,19	1,77	1,96	1,94
Нет	27,0	27,8	26,8	2,04	1,87	1,98	1,70	1,67	1,80
Не думал/не думала об этом	12,0	11,0	13,6	2,06	1,75	1,86	1,74	1,70	1,68

* Формулировка вопроса учитывает тот факт, что в обществе бытует понятие «гражданский» брак, трактуемое как совместное проживание без регистрации в органах ЗАГС, что в действительности является сожительством.

** Без затруднившихся ответить.

Источник: данные опроса изучения репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 2005, 2008, 2011 гг.

Существует ряд исследований здоровья и самосохранительного поведения, свидетельствующих о том, что у женатых людей выше продолжительность и качество жизни, лучше здоровье, чем у холостых или сожительствующих.

О наличии дискомфорта в «свободных» отношениях и, следовательно, не готовности части общества к легитимации и, тем более, рутинизации сожительств, свидетельствует то, что 40 % совместно проживающих без регистрации брака вологжан в будущем намерены его заключить, 5 % считают подобные отношения неприемлемыми (38 % – приемлемой формой постоянных отношений), а 22 % сожительствующих не удовлетворены своим союзом.

В данной ситуации выхода два – либо возрождать ценность легитимного брака, либо рутинизировать сожительства, чтобы снять их негативный социальный багаж. О том, что в демографической политике России курс четко не определен, свидетельствует следующее. С одной стороны, активизирован пронатальный политический ракурс. Знаковые концептуальные документы в рамках демографической политики, появившиеся на законодательном поле

в период депопуляции, ориентированы на укрепление института семьи. С другой стороны, характерно избегание понятия «брак», что свидетельствует о значительной легитимации сожительств. Вместе с тем наличие зарегистрированного брака не способствует, а скорее, наоборот, препятствует, например, получению статуса малоимущей семьи для оформления пособий «на детей». Все виды поддержки семей в связи с беременностью, родами и дошкольным воспитанием детей ориентированы на одного родителя, как правило, мать. Сохраняются виды поддержки, где регистрация брака необходима, например для программы для молодых семей, но они не носят массовый характер и связаны с объемами финансового обеспечения. Пока еще сохраняется ряд госуслуг, для получения которых необходимо свидетельство о браке, говорить о рутинизации сожительств нельзя. Как только нормативно-правовая сфера будет позволять обходиться без него, общество вступит в стадию хабитуализации сожительств, что непременно отразится на тенденциях рождаемости.

Трансформация институтов семьи и брака сопряжена с процессами нарастания разобщенности в обществе, настроения россиян все больше связываются с собственными интересами, в первую очередь, с удовлетворением материальных потребностей, и общество все больше отчуждается от власти. Это отмечают многие отечественные исследователи. Например, М. К. Горшков в статье «Русская мечта: опыт социологических измерений» подчеркивает: «В условиях возрастающей тревожности, а зачастую и враждебности внешней среды и отсутствия возможности существенно влиять на возникающие ситуации в нем, россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания» [4].

Социологические опросы ИСЭРТ РАН фиксируют аналогичные тенденции на региональном уровне. Более половины жителей области в 2010–2013 гг. отмечали, что доверять могут «только самым близким друзьям и родственникам» (57–58 %), каждый четвертый говорит, что доверять в наше время «нельзя никому» (27 %), доверяют большинству знакомых и всем людям без исключения только 16 % населения области. Сплоченность общества на уровне страны отмечают 14 % населения, на уровне области – 16 %, по месту проживания – 28 %, среди ближайшего окружения (для сравнения) – 52 %.

В условиях социального атомизма и слабо выраженной национальной идеи, скрепляющей все слои общества, самореализация личности в значительной степени осуществляется в кругу семьи и ближайшего окружения, через построение карьеры и достижение личностного успеха. Разрушение института семьи приведет к еще более глубокой разобщенности в обществе и ослаблению его социокультурного потенциала.

Подводя итог, еще раз перечислим демографические вызовы современной России: негативные изменения структуры населения; предстоящее снижение рождаемости и сокращение численности; обезлюдение территорий. В целях обеспечения устойчивого развития и повышения национальной безопасности

крайне необходимы меры государственной политики, сдерживающие и предваряющие происходящие и предстоящие демографические изменения. Нужна координация планируемых и осуществляемых мероприятий, т. к. демографические проблемы носят межведомственный характер. Важно, чтобы планы перспективного развития (территорий, отраслей и даже предприятий) принимались с учетом независимой демографической экспертизы.

Литература

1. Вишневский, А. Россия: демографические итоги двух десятилетий и ближайшие перспективы [Электронный ресурс] : докл. на конф. «Ответственная деловая практика и социальные инвестиции: партнерство бизнеса и власти» 7 февраля 2012 г. / А. Вишневский. – Режим доступа: http://www.gosbook.ru/node/46426. – Дата доступа: 14.08.2014.

2. Глейзер, О. Б. Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России / О. Б. Глейзер, Э. И. Вайнберг // Регион: экономика и социология. – 2013. – № 3. – С. 21–38.

3. Горшков, М. К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост / М. К. Горшков // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 3 (33). – С. 45–56.

4. Горшков, М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения / М. К. Горшков // Социол. исслед. – 2012. – № 12. – С. 3.

5. Захаров, С. В. Расширяющиеся границы брака [Электронный ресурс] / С. В. Захаров // Демоскоп Weekly. – № 237/238, март. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0237/tema02.php. – Дата доступа: 18.07.2014.

6. Захаров, С. В. Рождаемость в России: первый и второй демографический переход [Электронный ресурс] / С. В. Захаров // Демоскоп Weekly. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html. – Дата доступа: 18.07.2014.

7. Ивантер, В. В. Новая экономическая политика – политика экономического роста / В. В. Ивантер [и др.] // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 6. – С. 3–12.

8. Калачикова, О. Н. О причинах роста рождаемости населения в период активизации демографической политики России (на примере Вологодской области) / О. Н. Калачикова, А. А. Шабунова // Проблемы прогнозирования. – 2013. – № 5. – С. 129–136.

9. Калачикова, О. Н. Тенденции и перспективы демографического развития России и Вологодской области / О. Н. Калачикова, А. А. Шабунова, М. А. Ласточкина // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 5. – С. 143–153.

10. Кругман, П. Оглядываясь на успехи и провалы стимулирования [Электронный ресурс] / П. Кругман // Независимая газета. – Режим доступа: http://www.ng.ru/krugman/2014–03–04/5_stimulation.html. – Дата доступа: 18.07.2014.

11. Куликов, С. Минздрав поторопился с рождаемостью [Электронный ресурс] / С. Куликов // Независимая газета. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2010–01–28/1_demography.html. – Дата доступа: 18.07.2014.

12. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / под общ. ред. А. А. Шабуновой. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 148 с.

13. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812. – Дата доступа: 08.08.2014.

14. Рубанов, И. Крест на «русский крест» [Электронный ресурс] / И. Рубанов // Эксперт. – 2014. – №3 (882). – Режим доступа: http://expert.ru/expert/2014/03. – Дата доступа: 08.08.2014.

15. Шпаковская, Л. Л. Незарегистрированные союзы: брачные стратегии молодых представителей городского среднего класса [Электронный ресурс] / Л. Л. Шпаковская // Женщина в российском обществе. – 2012. – № 1. – С. 3–16. – Режим доступа: http://womaninrussiansociety.

ru/article/shpakovskaya-l-l-nezaregistrirovannye-soyuzy-brachnye-strategii-molodyx-predstavitelej-gorodskogo-srednego-klassa-str-3-16. – Дата доступа: 04.08.2014.

16. Шпаковская, Л. Л. Гражданский брак в России: свобода и отношения [Электронный ресурс] / Л. Л. Шпаковская // Демоскоп Weekly. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0565/analit02.php. – Дата доступа: 04.08.2014.

A. A. SHABUNOVA, O. N. KALACHIKOVA

PROBLEMS OF DEMOGRAPHIC INSTITUTES TRANSFORMATION: FAMILY AND MARRIAGE

Summary

The paper presents the results of a study of trends in demographic processes in Russia. Possible halting fertility and increasing mortality of the Russian population in the medium term is argued. The features of the settlement characterized by a high concentration of population and increase in the proportion of vacant land is shown. The transformation of the institution of marriage is analyzed. The main negative effects of the identified problems is a threat to national security and territorial integrity of the country.

Keywords: demographic trends, social development, depopulation, depopulation, demographic transformation of institutions, economic development.

Поступила 22.10.2014 г.

УДК 316.628:314.335.2+316.334.55/65(476)

А. Ю. ДЕНИСОВ,
аспирант Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

СПЕЦИФИКА И ЗНАЧЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Рассмотрена специфика репродуктивного поведения городского населения и ее значение для демографической политики Беларуси. Специфика заключается в том, что снижение городской рождаемости явилось основной причиной снижения общереспубликанской рождаемости ниже простого замещения поколений. Значение репродуктивного поведения состоит в том, что городская рождаемость является единственным потенциальным источником роста общереспубликанской рождаемости.

Ключевые слова: Беларусь, демографическая политика, репродуктивное поведение, репродуктивный потенциал, городское население.

В статье изложены и обоснованы пять тезисов, которые, с поправкой на объем публикации, позволят приемлемо осветить заявленную тему.

Тезис 1. Изменение городской рождаемости – основная причина снижения общереспубликанской рождаемости ниже простого воспроизводства поколений за всю историю статистических наблюдений.

Тезис 2. Опыт проведения демографической политики за период 2007–2012 гг. показывает, что повышение слабо затронуло городское население и локализовалось преимущественно в сельской местности.

Тезис 3. Предел повышения рождаемости сельского населения почти достигнут. Более того, можно ожидать падения интенсивности деторождений сельского населения. А потому можно сказать, что достигнут предел повышения общереспубликанской рождаемости.

Тезис 4. Учитывая тот факт, что города оказывают стерилизующую функцию, а рождаемость горожан показывает крайне низкую эластичность ко влиянию демографической политики, суммарный коэффициент общереспубликанской рождаемости (т. е. законодательно утвержденный показатель интенсивности процессов воспроизводства) в следующую пятилетку, скорее всего, существенно не вырастет и, возможно, даже сократится.

Тезис 5. Однако, в отличие от сельской рождаемости, есть основания утверждать, что при концентрации государственной политики на нуждах горожан общереспубликанская рождаемость может показать еще некоторый, возможно даже существенный, рост.

Для обоснования первого тезиса проанализируем итоговую рождаемость когорт городского и сельского населения 1910–1969 гг. рождения (рис. 1), рассчитанную автором на основании данных Национальной переписи 2009 г.

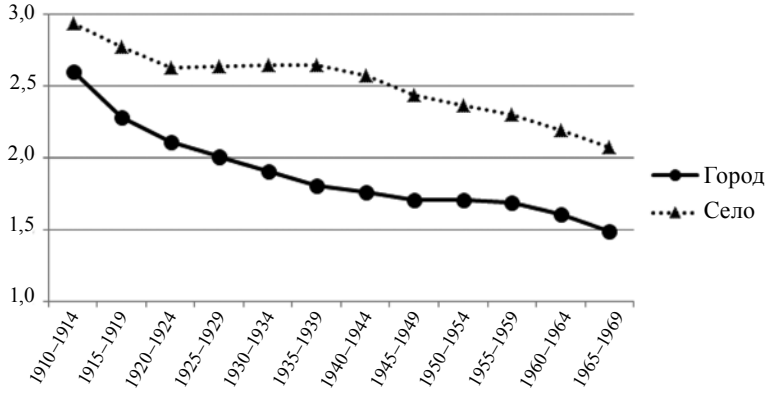


Рис. 1. Динамика итоговой рождаемости реальных когорт 1910–1969 гг. рождения городского и сельского населения Беларуси, детей на одну женщину

По рис. 1 можно сделать несколько выводов.

Во-первых, на протяжении не менее двенадцати пятилетних поколений в Беларуси сосуществуют два различных режима воспроизводства (суженный и расширенный, ныне перешедший в простое воспроизводство).

Во-вторых, рождаемость городского населения опустилась ниже простого замещения поколений, начиная еще с довоенных когорт женщин 1920-х гг. рождения. Это означает, что среди горожан депопуляция должна была начаться даже в том случае, если бы распада СССР не состоялось. Однако миграционный прирост и изменение продолжительности жизни перекрывали депопуляционный тренд.

В-третьих, несмотря на падение значений итоговой рождаемости, для села было характерно расширенное воспроизводство вплоть до предпоследнего поколения. Для последней пятилетней когорты характерно простое воспроизводство. Это значит, что итоговая рождаемость когорт второй половины 1960-х гг. рождения на селе соответствует итоговой рождаемости когорт 1920-х гг. рождения в городе. Отсюда, с учетом динамики рядов, можно сделать вывод, что сельский образ жизни, с точки зрения режима воспроизводства, все более урбанизируется. При этом поворотной точкой в сближении рождаемости на селе и городе становится послевоенное время. Таким образом, выражаясь образно, можно утверждать, что городская рождаемость сегодня – это сельская рождаемость завтра.

Также можно показать, что падение городской рождаемости, по-видимому, не достигло своего предела, а потому, как и ранее, именно ее изменения продолжат играть ведущую роль в формировании демографического облика Беларуси в последующие годы. Об этом говорит наклон кривой на рис. 1, что особенно важно в связи с тем, что за всю историю наблюдений ни одна последующая когорта не имела более высокой рождаемости, чем предыдущая.

Об этом же свидетельствуют данные на рис. 2, также рассчитанные на основе результатов Национальной переписи населения 2009 г.

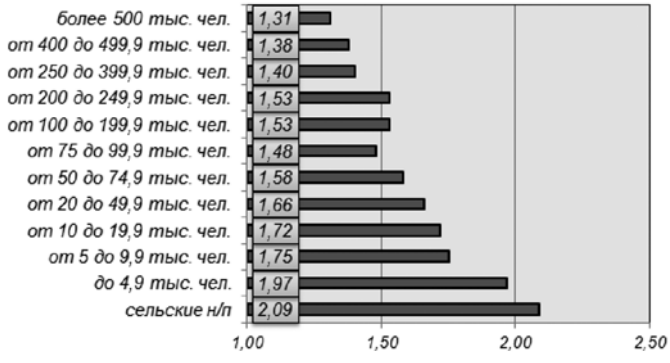


Рис. 2. Итоговая рождаемость когорты 1965–1969 гг. рождения, в зависимости от размера населенного пункта (122 города и сельские населенные пункты), детей на одну женщину

По рис. 2 можно сделать следующие выводы.

Во-первых, население городов существенно гетерогенно, что объясняется сильной статистической связью между размером населенного пункта и величиной итоговой рождаемости (коэффициент линейной корреляции Пирсона равен (–0,47) для 112 городов). Статистическая связь могла быть еще сильнее, но среди малых и средних городов наблюдается относительно высокая дисперсия значений. Это объясняется тем, что многие из них имеют низкую рождаемость, которая характеризует скорее большие города.

Во-вторых, очевидно, что чем больше город, тем сильнее он выполняет, в некотором роде, функцию стерилизации пришлого населения. Таким образом, дальнейшее падение общереспубликанской рождаемости напрямую связано с миграционными потоками из более мелких населенных пунктов в более крупные.

Сосуществование двух режимов воспроизводства означает наличие двух различных моделей репродуктивного поведения. А потому можно предположить, что помимо интенсивности воспроизводства, модели отличаются различной эластичностью на предъявляемые государством стимулы. Однако это не было учтено при разработке мер повышения рождаемости. Итогом стало то, что повышение рождаемости (если предположить, что рост рождаемости с 2007 г. обусловлен, прежде всего, именно демографической политикой, что неочевидно) локализовалось в сельской местности (что является вторым тезисом) и крайне слабо отразилось на рождаемости городского населения.

Для обоснования можно проанализировать изменения рождаемости за период реализации Национальных программ демографической безопасности с 2007 по 2012 г. За указанный период суммарный коэффициент рождаемости городского населения увеличился с 1,33 до 1,47 ребенка на одну женщину (т. е. +0,15). За то же время у сельского населения данный показатель вырос

с 1,87 до 2,67 ребенка на одну женщину (т. е. +0,80), это значит в поперечных показателях рождаемость вернулась к расширенному воспроизводству.

Различная эластичность реакции анализируемых групп населения проявляется не только в характеристиках воспроизводства условных поколений, но и при моделировании влияния социально-экономической ситуации на итоговое увеличение числа деторождений за указанный период. Так, использование метода косвенной стандартизации при перерасчете числа деторождений к уровню 2007 г. за период 2007–2012 гг., позволяет утверждать, что сверх ожидаемой нормы родилось около 60 тысяч детей. Из них примерно 35 тысяч в городах (т. е. +6 % за счет социально-экономического вклада к ожидаемому числу рожденных) и около 25 тысяч в сельской местности (т. е. +15 % к ожидаемому числу рожденных). Следует отметить, что расчеты проводились по пятилетним когортам, потому при пересчете и сравнении по годичным данным могут быть некоторые различия. Как видно из приведенных цифр, число деторождений, обусловленных не структурными, а именно социально-экономическими факторами, выше в 2,5 раза. Наравне с сопоставлением динамики суммарных коэффициентов рождаемости, этот факт также свидетельствует о том, что городское население оказалось слабо чувствительным к предъявляемым стимулам.

Вместе с тем из-за того что этот рост локализовался в одной относительно узкой социальной группе, итоговый вклад в общереспубликанскую рождаемость оказался крайне небольшим. Так, повышение поперечных показателей на селе до 2,66 ребенка на одну сельчанку к 2012 г. дало прирост общереспубликанского показателя всего лишь с 1,43 до 1,62 ребенка на одну женщину (т. е. всего +0,19). Очевидно, этот рост существенно не меняет реального режима воспроизводства населения.

Более того, можно показать, что рост рождаемости сельского населения либо исчерпан, либо близок к исчерпанию, и что после скорого достижения пиковых величин он остановится и даже начнет снижаться, а потому дальнейшая стимуляция общереспубликанской рождаемости за счет сельчан невозможна (что и является третьим тезисом). В доказательство можно привести три аргумента.

Во-первых, за весь период наблюдений рождаемость сельчанок последующих когорт всегда была либо примерно такой же, либо ниже, чем у предыдущих. Однако рождаемость на уровне 2,6 ребенка на одну женщину характерна для когорт 1920–1940-х гг. рождения. Крайне сомнительно, что данные значения удастся удержать для современных когорт сколь-либо долгий промежуток времени, чтобы поперечные показатели перешли в продольные и действительно «развернули историю вспять» (т. е. действительно вернулись от простого воспроизводства к расширенному). А именно продольные показатели могут считаться настоящим индикатором того, что мы имеем дело с качественным ростом рождений, а не со смещением календарей.

Во-вторых, этому тезису соответствуют имеющиеся статистические наблюдения по развитым странам, в соответствии с которыми после второго де-

мографического перехода возврат к расширенному воспроизводству недостижим. Более того, в соответствии с этими же наблюдениями, краткий и столь бурный рост поперечной рождаемости всегда был предвестником последующего спада и впоследствии интерпретировался именно как смещение календаря рождений.

Третий аргумент заключается в том, что динамика таких показателей, как суммарный коэффициент рождаемости, возраст рождения первого ребенка и общий средний возраст рождения ребенка, позволяют однозначно утверждать, что проявляется tempo-эффект смещения календаря рождений, а не качественный рост рождаемости. Из-за недостатка данных корректно оценить величину этого смещения отдельно для сельского населения и горожан невозможно. Однако, основываясь на данных, рассчитанных автором по усовершенствованной методике Бонгаартса–Финни [1; 2] для всего населения, можно говорить о том, что его вклад очень значителен (рис. 3). Более того, такая динамика нескорректированного суммарного коэффициента является закономерной для всех исследованных стран со схожим проявлением tempo-эффекта [3].

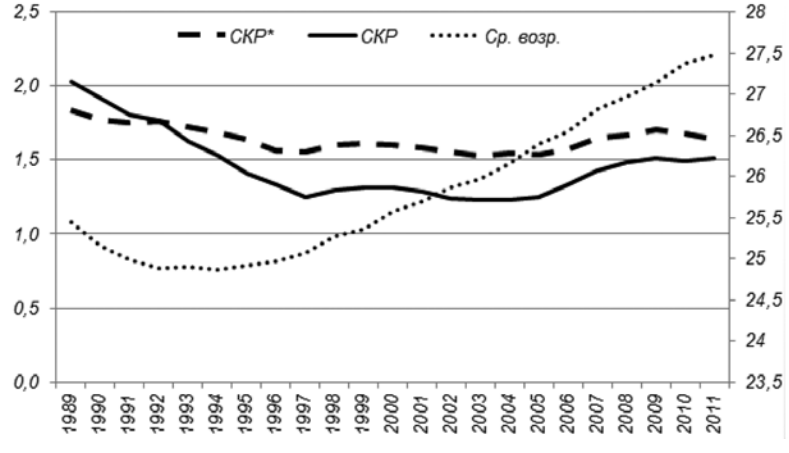


Рис. 3. Динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР), скорректированного суммарного коэффициента (СКР*) и среднего возраста рождения ребенка (Ср. возр.) 1989–2011 гг., детей на одну женщину

По рис. 3 можно сделать несколько выводов.

Во-первых, падение рождаемости никогда не было таким существенным, как это показывает СКР. В целом, реальная интенсивность воспроизводства снизилась по сравнению с 1989 г., но незначительно (в пределе до 15 %). Это значит, что итоговое число рожденных изменилось не очень существенно, но деторождения распределились таким образом, что создали видимость «ямы».

Во-вторых, действие Национальных программ началось через несколько лет после того, как отложенные рождения начали сказываться на нескоррек-

тированном СКР. Однако в реальности это лишь в малой степени эффект государственной политики. При самом благоприятном случае, если весь рост СКР* за период 2007–2011 гг. свести только к влиянию демографической политики, то величина эффекта находится на уровне +0,1 ребенка на женщину.

В-третьих, очевидно, что приближение значений СКР к СКР* при относительной устойчивости и неизменности последнего означает, что в ближайшие годы видимый рост рождаемости, который сейчас фиксируется нескорректированным СКР, закончится. Это, в свою очередь, значит, что эффективность государственной политики преувеличена и ее стимулов на данный момент недостаточно, чтобы создать устойчивый отклик населения на применяемые меры (что проявляется пусть в небольшом, но постоянном росте) и приблизиться к простому замещению поколений в 2,1 ребенка на одну женщину.

Таким образом, тезис о том, что наблюдаемый сверхбыстрый и сверхсильный рост рождаемости сельского населения приблизился к пику и после него будет падение и при этом, вероятно, достаточно быстрое, абсолютно укладывается в наличный опыт и статистически оценимо при наличии данных. В то же время обратное утверждение, что мы имеем качественный рост рождаемости в масштабах, пропорциональных росту нескоррективанного суммарного коэффициента (как для всего населения, так и для сельского), противоречит наличному опыту и следующим из него научным обобщениям.

Вышеприведенные факты позволяют обоснованно утверждать, что в ближайшие пять лет рост рождаемости сельского населения должен прекратиться, а в дальнейшем она должна сократиться. Но тогда единственным источником роста общереспубликанской рождаемости останется рождаемость городская. По аналогии с сельской рождаемостью, можно показать, что при прочих равных городская рождаемость не повысится выше своего естественного предела 1,65 ребенка на одну женщину на сколь-либо долгий промежуток времени (что является четвертым тезисом). В качестве аргументов данного тезиса можно привести два утверждения.

Во-первых, рождаемость горожан упала ниже простого замещения поколений, начиная с когорт 1920-х гг. При этом итоговая рождаемость белорусского городского населения последних пятидесяти одногодичных когорт показывает, что рождаемость последующих когорт всегда либо примерно одинаковая, либо существенно ниже предыдущих. Отсюда можно утверждать, что раз итоговая рождаемость последних десяти одногодичных когорт 1960–1969 гг. рождения колебалась в интервале 1,5–1,65 ребенка на одну женщину, именно верхнюю границу интервала можно считать естественной границей роста рождаемости. С учетом вышеизложенного, сохраняется вероятность скорее не роста, а падения рождаемости в средне- и долгосрочной перспективе.

Во-вторых, на основании расчетов, представленных на рис. 3, следует, что реальная интенсивность воспроизводства поколений горожан за последние более чем двадцать лет была стабильна и почти неизменна, как и общая рождаемость в Беларуси. В противном случае кривая характеризовалась бы более очевидным восходящим или нисходящим трендом.

Как найти выход из сложившейся ситуации? Между исчерпанием потенциала роста рождаемости сельского населения и естественным пределом роста городского населения есть существенная разница. В первом случае, с точки зрения исторического опыта и современных теоретических представлений, сомнительна сама постановка вопроса возврата к расширенному воспроизводству населения (особенно для постоянно сокращающейся группы). Во втором случае все не так однозначно. Социологические опросы горожан показывают, что желаемая рождаемость находится примерно на уровне 2,0 ребенка на одну женщину, т. е. на уровне простого воспроизводства. Но нет каких-то теоретических или эмпирических ограничений, которые однозначно свидетельствуют, что приближение к этому значению недостижимо.

Таким образом, пятым тезисом выступает утверждение, что именно городское население является не только основной причиной падения общереспубликанской рождаемости ниже замещения поколений. В этом и заключается специфика городской рождаемости. Однако ее принципиальное значение состоит в том, что она и есть основной ресурс повышения общереспубликанской рождаемости. Таким образом, для реализации потенциала повышения рождаемости необходимо адаптировать предлагаемые государством стимулы под нужды этой группы. Без этого дальнейший демографический рост следует признать маловероятным.

Литература

1. *Bongaarts, J.* On the Quantum and Tempo of Fertility [Electronic resource] / J. Bongaarts, G. Feeney // Population Council. – 1998. – Mode of access: http://www.popcouncil.org/uploads/pdfs/wp/109.pdf. – Date of access: 19.06.2014.

2. *Bongaarts, J.* The quantum and tempo of life-cycle events [Electronic resource] / J. Bongaarts, G. Feeney // Max Planck Institute for demographic research. – 2006. – Mode of access: http://www.demogr.mpg.de/books/drm/005/3.pdf. – Date of access: 19.06.2014.

3. *Goldstein, J. R.* The end of «Lowest–Low» Fertility? [Electronic resource] / J. R. Goldstein, T. Sobotka, A. Jasilioniene // XXVI IUSSP International Population Conference. – 2009. – Mode of access: http://iussp2009.princeton.edu/papers/92341. – Date of access: 19.06.2014.

A. DENISOV

SPECIFICITY AND SIGNIFICANCE OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF BELARUSIAN URBAN POPULATION

Summary

Specificity and significance of reproductive behavior of urban population for Belarusian demographic policy is considered. Its specificity is that decline of urban birthrate is the main reason of national fertility decline below generation replacement. Its significance is that urban childbirth is the only potential source of national fertility increase.

Keywords: Belarus, population policy, reproductive behavior, reproductive potential, urban population.

Поступила 22.09.2014 г.

УДК 316.334.2(476)

Н. Я. БОРИСЕВИЧ,

кандидат биологических наук,
ф-л «Белорусское отделение Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС»
РНИУП «Институт радиологии» МЧС Республики Беларусь, г. Минск

Е. И. ГОРАНСКАЯ,

магистр психологических наук, исследователь в области психологических наук,
ф-л «Белорусское отделение Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС»
РНИУП «Институт радиологии» МЧС Республики Беларусь, г. Минск

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАДИОАКТИВНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Представлен анализ результатов исследований, направленных на определение уровня информированности граждан по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС, а также специфики восприятия опасности радиационного воздействия различными группами населения и категориями специалистов. Показано, что рассматриваемая проблема имеет неоднородную структуру и зависит от социально-территориальных характеристик выборки. Выявлены информационные потребности и степень доверия населения к различным источникам информации, а также их субъективные особенности восприятия радиационной опасности.

Ключевые слова: катастрофа на Чернобыльской АЭС, территории радиоактивного загрязнения, уровень информированности, информационные потребности, восприятие радиационной опасности педагогами, медработниками и студентами.

Катастрофа на Чернобыльской АЭС является крупнейшей техногенной радиационной аварией XX в., повлекшей за собой не только крупномасштабные экономические, но и социально-психологические последствия. Она повлияла на судьбы миллионов людей, потребовала максимальной мобилизации сил и средств для преодоления ее последствий. Относительная тяжесть последствий катастрофы для Беларуси оказалась выше, чем для других пострадавших стран. Но сегодня Беларусь, объявившая в 1991 г. всю свою территорию зоной экологического бедствия и обратившаяся за помощью к международному сообществу в преодолении последствий чернобыльской катастрофы, наметила и реализует курс на возрождение и развитие пострадавших территорий, который является логическим продолжением всех предшествующих этапов.

Курс на возрождение и развитие пострадавших территорий определяет участие в его реализации не только традиционно сложившихся профессио-

нальных групп, но и более широкого круга действующих лиц (прежде всего – населения возрождаемых территорий), которое может быть успешным при условии принятия населением предлагаемых подходов к управлению постчернобыльской ситуацией на современном этапе. Однако состояние населения в отдаленном периоде после аварии на ЧАЭС характеризуется наличием специфических проблем жизнедеятельности, связанных с субъективными особенностями восприятия радиационной опасности, различным статусом зон проживания, социально-экономическими условиями. Это отражается на информационных потребностях и обусловливает формирование у значительной части населения неадекватного восприятия мер по преодолению последствий чернобыльской катастрофы. Так, по данным [1–3], одно из лидирующих мест в структуре стресс-факторов радиационной аварии занимает психологический фактор, связанный с неадекватной информацией и возникновением радиотревожности. Его воздействие детерминирует высокие уровни психосоматических нарушений, снижение качества жизни и состояния здоровья, возникновение слухов у населения и тесно связано с актуальной в настоящее время проблемой информационно-психологической безопасности личности [4].

В 2014 г. нами было проведено исследование, в котором приняли участие 614 респондентов: 207 представителей системы образования (39 учреждений образования, расположенных в наиболее пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС районах Республики Беларусь), 173 представителя системы здравоохранения (21 центральная районная больница 21 наиболее пострадавшего в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС района Республики Беларусь) и 234 студента профильных вузов. Из них: 191 юноша/мужчина и 423 девушки/женщины в возрасте от 18 до 70 лет. При этом педагоги и врачи являлись жителями трех наиболее пострадавших в результате катастрофы на ЧАЭС областей Республики Беларусь (Гомельской, Могилевской, Брестской), а студенты – представителями всех шести областей Республики Беларусь.

Результаты исследования показали, что респонденты всех категорий оценивают информационное обеспечение реабилитационных мероприятий после катастрофы на Чернобыльской АЭС как хорошее и удовлетворительное. При этом педагоги считают его скорее хорошим, а врачи и студенты – скорее удовлетворительным. При этом именно врачам принадлежит больший процент отрицательных оценок качества информационной работы по чернобыльской тематике (табл. 1). Возможно, данное обстоятельство связано с тем, что акцент в информационной работе по повышению радиоэкологической грамотности сделан именно на специалистах системы образования, которые являются проводниками полученных знаний подрастающему поколению – учащимся и студентам.

Из трех категорий респондентов часто о катастрофе на ЧАЭС вспоминают только медработники. Что касается педагогов и студентов, то они иногда (время от времени, по мере столкновения с соответствующими проблемными ситуациями) обращаются к указанным воспоминаниям (табл. 2).

Таблица 1. **Оценка респондентами информационного обеспечения реабилитационных мероприятий на пострадавших территориях, %**

Информационное обеспечение	Педагоги	Медработники	Студенты
Отличное	5,8	4,6	6,0
Хорошее	**41,1**	21,4	35,9
Удовлетворительное	27,5	**35,8**	**48,3**
Плохое	6,3	22,0	5,1
Очень плохое	2,4	11,0	2,1

Таблица 2. **Частота воспоминаний респондентов о катастрофе на Чернобыльской АЭС и ее последствиях, %**

Частота воспоминаний	Педагоги	Медработники	Студенты
Часто	38,2	**35,8**	18,8
Иногда	**46,9**	32,4	**54,4**
Редко	14,5	29,5	25,2
Никогда	–	4,0	2,1

Описываемый факт может быть обусловлен тем, что врачи чаще других сталкиваются с заболеваниями, которые реально или предположительно могут быть связаны с воздействием радиации на организм людей, которые, как показывают результаты нашего исследования (табл. 3), считают вред здоровью основным последействием чернобыльской трагедии (наряду с экологическими последствиями). При этом минимально представленными в структуре последствий катастрофы на ЧАЭС у представителей всех трех категорий респондентов оказались последствия, которые можно отнести к информационно-психологическим.

Таблица 3. **Представления респондентов о том, что входит в понятие «последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС», %**

Последствия катастрофы	Педагоги	Медработники	Студенты
Медицинские последствия	**41,1**	**53,1**	33,2
Экологические последствия	40,4	36,1	**46,5**
Социально-экономические и демографические последствия	15,7	8,3	17,2
Информационно-психологические последствия	2,8	2,5	3,0

Также среди информации, связанной с последствиями катастрофы на Чернобыльской АЭС, население считает наиболее важными для себя данные о влиянии радиации на здоровье и связанные с ними данные о способности продуктов накапливать радионуклиды, о способах снижения содержания радионуклидов в продуктах питания, об экологической ситуации в районе (табл. 4). Наименее важными считаются сведения о возможности личного участия в возрождении пострадавших территорий.

Таблица 4. **Оценка респондентами важности информации, связанной с последствиями катастрофы на ЧАЭС, %**

Важность информации	Педагоги	Медработники	Студенты
О влиянии радиации на здоровье	**28,8**	**27,9**	**31,7**
О способности продуктов накапливать радионуклиды и о способах снижения содержания в них радионуклидов	19,7	19,2	18,5
Об экологической ситуации в стране, области, районе	16,6	19,2	17,9
О рекомендациях по ведению хозяйственной деятельности на загрязненных территориях	10,7	6,4	6,7
О деятельности органов власти по преодолению последствий аварии на ЧАЭС	8,4	13,3	8,0
О возможностях жизни и трудоустройства в пострадавших районах	7,4	5,8	9,6
О возможных последствиях пренебрежения правилами безопасного проживания на пострадавших территориях	6,6	6,9	5,7
О возможности личного участия в возрождении пострадавших территорий	1,9	1,3	1,6
Другая информация	–	–	0,3

При этом важно отметить, что фактором, который способен причинить наибольший вред как здоровью взрослых представителей систем образования и здравоохранения, так и студенческой молодежи, являются стрессы, а не радиоактивное загрязнение окружающей среды (табл. 5).

Таблица 5. **Оценка респондентами факторов, способных причинить вред их здоровью, %**

Факторы	Педагоги	Медработники	Студенты
Стрессы	**31,5**	**40,4**	**29,9**
Низкий уровень медицинской помощи	24,6	3,4	12,0
Радиоактивное загрязнение окружающей среды	24,0	20,0	16,8
Заболевания, не связанные с радиацией	12,2	16,6	20,3
Курение, употребление алкоголя и другие вредные привычки	7,7	14,7	20,0
Другое	0,4	2,8	0,9

С целью снижения вероятности наступления негативных последствий для здоровья респонденты всех трех групп в большей степени готовы на соблюдение санитарно-гигиенических правил (табл. 6). При этом педагоги, врачи и студенты считают необходимым следовать таким правилам, как отказ от вредных привычек, педагоги и врачи признают важность регулярного медицинского контроля, а студенты также приветствуют активный образ жизни.

На самоподдержание психологического комфорта указали немногие участники исследования (порядка 10–13 %).

Таблица 6. **Правила безопасности жизнедеятельности, которым следуют респонденты, %**

Правила безопасности	Педагоги	Медработники	Студенты
Соблюдение санитарно-гигиенических правил	**32,1**	**28,5**	**32,0**
Регулярный медицинский контроль здоровья	15,9	16,1	11,2
Отказ от вредных привычек	15,0	16,5	19,2
Употребление экологически чистых продуктов питания	13,0	13,0	12,3
Активный образ жизни	12,3	12,6	15,0
Поддержание психологического комфорта	11,5	13	10,1
Другие правила	0,2	0,2	0,3

Наиболее компетентными в вопросах, связанных с последствиями катастрофы на ЧАЭС, все три категории респондентов считают ученых, а также врачей, специалистов Департамента по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС МЧС Республики Беларусь (табл. 7). Наименьшим доверием у педагогов пользуются родственники/друзья/знакомые, у студентов – родственники/друзья/знакомые и журналисты отечественных СМИ, а у медработников – учителя. Последнее может служить основанием для смещения акцентов в информационной работе со специалистов-педагогов, работающих с детьми и молодежью, на специалистов-медиков.

Таблица 7. **Оценка респондентами авторитетности различных специалистов в вопросах, связанных с последствиями катастрофы на ЧАЭС, %**

Специалисты	Педагоги	Медработники	Студенты
Ученые	**27,9**	**30,0**	**28,3**
Врачи	20,5	21,8	18,8
Специалисты Департамента	20,5	15,9	24,9
Представители ЦГиЭ	14,0	14,5	12,1
Представители международных организаций и зарубежных СМИ	8,2	12,4	6,0
Учителя	3,8	0,3	4,4
Журналисты отечественных СМИ	1,9	1,5	1,2
Представители органов госуправления	1,5	1,8	2,2
Родственники, друзья, знакомые	1,1	0,8	1,2
Другие категории специалистов	0,6	1,5	0,9

Подтверждением результативности информационной работы в рассматриваемом направлении может служить также тот факт, что большинство спе-

циалистов учреждений образования и здравоохранения, расположенных на пострадавших территориях, знают, к какой зоне радиоактивного загрязнения относится их населенный пункт (табл. 8). Уверенность студенческой аудитории в радиоэкологической чистоте мест их проживания также обоснована, поскольку и многие из тех районов, в которых они проживали до поступления в вуз, и те города, в которых они сейчас учатся, действительно являются незагрязненной радионуклидами территорией. При этом имеются также такие респонденты, которые считают, что до сих пор живут в зонах отчуждения (1,7 % студентов) и первоочередного отселения (0,5 % педагогов, 1,2 % врачей и 0,4 % студентов), либо не знают, как охарактеризовать свой населенный пункт с радиоэкологической точки зрения (12,6 % педагогов, 9,3 % врачей и 7,7 % студентов).

Таблица 8. **Информированность респондентов о зоне радиоактивного загрязнения, к которой относится территория проживания, %**

Территория проживания	Педагоги	Медработники	Студенты
Чистая территория	9,7	21,4	**62,4**
Зона с ПРК	**49,8**	**50,9**	26,9
Зона с правом на отселение	22,2	12,2	1,3
Зона последующего отселения	5,8	5,8	0,4
Зона первоочередного отселения	0,5	1,2	0,4
Зона отчуждения	–	–	1,7
«Не знаю»	12,6	9,3	7,7

Согласуется с ответом на предыдущий вопрос и оценка респондентами той опасности, которая может быть связана с проживанием на территориях, загрязненных вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС. Для медработников и учителей, проживающих, в большинстве своем, в зоне с периодическим радиационным контролем, эта обстановка требует отдельных мер предосторожности. Для студентов, находящихся на чистой территории, радиационная обстановка представляется близкой к норме (табл. 9). В данном случае также представлены те респонденты, которые не осведомлены о реальной радиационной обстановке в их районе (7,7 % педагогов, 6,9 % врачей и 6,4 % студентов).

Таблица 9. **Оценка респондентами реальной радиационной обстановки, %**

Радиационная обстановка	Педагоги	Медработники	Студенты
Требующая отдельных мер предосторожности	**57,5**	**41,9**	10,3
Крайне опасная	0,5	–	0,5
Близкая к норме	26,6	32,4	**39,7**
Довольно опасная	5,3	8,7	0,4
Безопасная	2,9	2,9	44
«Не знаю»	7,7	6,9	6,4

Несмотря на существование определенного беспокойства, связанного с безопасностью проживания на пострадавших территориях, признается результативность деятельности по преодолению последствий катастрофы на ЧАЭС в Республике Беларусь (табл. 10). Основным результатом данной деятельности и педагоги, и врачи, и студенты считают разработку методов, снижающих поступление радионуклидов в организм человека (данный ответ косвенно подтверждает признание влияния радиации на здоровье основным последствием катастрофы на Чернобыльской АЭС, а также высокий уровень доверия к ученым – разработчикам данных методов). При этом среди тех результатов, в которых отсутствуют существенные достижения, были названы организация равноправного международного сотрудничества и повышение предпринимательской/социальной активности населения.

Таблица 10. **Оценка респондентами основных результатов деятельности по преодолению последствий катастрофы на ЧАЭС в Республике Беларусь, %**

Деятельность	Педагоги	Медработники	Студенты
Разработка методов, снижающих поступление радионуклидов в организм человека	**22,8**	**17,0**	**24,4**
Повышение радиоэкологической культуры населения	18,5	14,1	11,4
Социально-экономическое возрождение пострадавших районов	13,5	13,8	10,4
Улучшение качества медицинского обслуживания населения	12	14,5	11,9
Улучшение радиоэкологической ситуации	9,4	12,7	16,8
Улучшение качества дорог и воды	4,5	4,5	2,2
Улучшение ситуации с обеспеченностью жильем	4,1	4,1	2,8
Разработка и применение необходимой нормативно-правовой базы	3,9	5,9	8,7
Создание новых научных школ и проведение уникальных исследований	3,9	5,7	5,9
Сохранение историко-культурных и природных ценностей на отселенных территориях	3,9	3,2	3,0
Организация равноправного международного сотрудничества	1,9	1,8	1,7
Повышение предпринимательской и социальной активности населения	1,1	1,6	0,6
Другие результаты	0,4	1,1	0,2

Однако респонденты считают, что положительные результаты, достигнутые на предыдущих этапах постчернобыльской реабилитации, могут быть дополнены другими действиями государства, которые также будут способствовать улучшению условий проживания на территориях, подвергшихся загрязнению радионуклидами вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС (табл. 11). Основные надежды педагоги и студенты возлагают на обязатель-

ную медицинскую диспансеризацию и оздоровление населения, а медработники – на улучшение состояния дорог, воды, коммунальной инфраструктуры. В наименьшей степени в отношении улучшения условий проживания респонденты надеются на развитие предпринимательства на пострадавших территориях (0,3 % педагогов, 1,9 % врачей и 1,1 % студентов). Существуют также те, кто считает, что нет необходимости в каких-либо специальных действиях, поскольку эти территории уже достаточно развитые и самостоятельные (0,5 % педагогов, 1,0 % врачей и 1,6 % студентов).

Таблица 11. **Оценка респондентами действий, которые будут способствовать улучшению условий проживания на пострадавших территориях, %**

Действия	Педагоги	Медработники	Студенты
Обязательная медицинская диспансеризация и оздоровление населения	**21,5**	15,1	**23,1**
Улучшение состояния дорог, воды, коммунальной инфраструктуры	18,3	**21,3**	10,3
Материальные доплаты	12,8	15,1	7,4
Улучшение жилищных условий	12,1	12,6	11,8
Создание новых рабочих мест	11,3	6,2	7,7
Информирование о мерах безопасного проживания	10,4	14,4	16,6
Увеличение сети объектов досуга	9,7	9,7	12,1
TV, Интернет, мобильная связь	1,3	1,2	3,5
Улучшение качества образования	1,3	2,1	4,2
Нет необходимости в специальных действиях	0,5	1,0	1,6
Развитие предпринимательства	0,3	1,2	1,1
Другие действия	0,3	0,8	0,5

Что касается личного участия в возрождении пострадавших территорий, то педагоги в большинстве своем указали на проведение информационно-разъяснительной работы с населением (49,5 %), врачи – на обеспечение медобслуживания населения (28,1 %) и проведение санпросветработы среди пациентов (19,1 %), а студенты – на те профессиональные обязанности, которые они будут выполнять по окончании вуза (диагностика, лечение и профилактика различных заболеваний – 16,3 % и предоставление информации о последствиях аварии на ЧАЭС – 13,1 %). При этом как представители систем образования и здравоохранения, так и сами студенты считают, что основным вкладом молодежи в возрождение пострадавших территорий может стать подготовка и реализация проектов социально-экономического развития пострадавших районов. Также практикующие специалисты видят вклад молодежи в ее активном участии в экономической жизни пострадавших территорий, а будущие специалисты – в своем участии в тематических мероприятиях, посвященных возрождению после Чернобыля. Важно также отметить, что гарантированное

распределение в пострадавшие районы не является приоритетом для студенческой молодежи (табл. 12).

Таблица 12. **Оценка респондентами возможного вклада молодежи в возрождение пострадавших территорий, %**

Вклад	Педагоги	Медработники	Студенты
Подготовка и реализация проектов социально-экономического развития пострадавших районов	**35,7**	**41,6**	**41,6**
Активное участие в экономической жизни пострадавших территорий	29,1	26,7	15,4
Участие в тематических мероприятиях, посвященных возрождению после Чернобыля	18,5	14,5	29,7
Гарантированное распределение в пострадавшие районы	15,9	15,3	11,9
Другой вклад	0,8	1,9	1,4

Наконец, необходимо указать, что респонденты всех трех групп в основном удовлетворены условиями проживания в своем населенном пункте. При этом существующие условия проживания особенно привлекательны для студентов, а вот педагогам и врачам свойственно наличие сомнений в данном вопросе (табл. 13). Указанное обстоятельство можно объяснить наличием затруднений социально-бытового и финансового плана у работающих семейных специалистов (в отличие от не обремененной обязательствами молодежи, проживающей на момент обучения в крупных городах с развитой инфраструктурой и широкими социальными сетями).

Таблица 13. **Оценка респондентами привлекательности условий проживания в их населенном пункте, %**

Условия проживания	Педагоги	Медработники	Студенты
Да (мне нравится здесь жить)	13,5	16,8	**41,5**
Скорее да	**32,9**	**33,5**	38,0
День на день не приходится	31,4	28,3	13,3
Скорее нет	17,4	11,0	3,4
Нет (мне не нравится здесь жить, хочу уехать отсюда)	4,8	9,8	3,9

Таким образом, в отдаленном периоде после аварии на Чернобыльской АЭС информационно-психологическая безопасность населения должна рассматриваться как важный элемент государственной политики и обеспечения жизнедеятельности населения в условиях радиоактивного загрязнения территорий. Неадекватное восприятие опасности радиационного воздействия населением приводит к формированию рентной установки, способствует сохранению социально-психологической напряженности, препятствует устойчивому развитию территорий. В этой ситуации при проведении информационной работы целесообразно использование подхода, при котором учитываются не

только реальные последствия чернобыльской катастрофы, но и особенности их общественного восприятия. В том числе распространенность убеждений о небезопасности территорий радиоактивного загрязнения для проживания и жизнедеятельности; акцентированная ориентация массового сознания на трагически негативный образ Чернобыля; устойчивое недоверие к любой официальной информации о проблемах и достижениях в процессе преодоления последствий чернобыльской катастрофы; социальные и гуманитарные инициативы населения, проживающего на пострадавших территориях; формирование чувства персональной ответственности за будущее этих территорий и др. Исходя из этого, актуальной задачей при формировании радиоэкологической грамотности является проведение адресной информационной работы с учетом уровня информированности и особенностей личностного восприятия радиационной опасности.

Литература

1. Совершенствование информационных технологий по работе с населением радиоактивно загрязненных территорий / под общ. ред. В. Н. Абрамовой. – Обнинск : Прогноз, 2005. – 88 с.

2. *Зыкова, И. А.* Радиотревожность населения загрязненных территорий и меры по ее снижению / И. А. Зыкова, Г. В. Архангельская. – СПб. : ФГУН «СПб НИИРГ им. проф. П. В. Рамзаева», 2007. – 28 с.

3. *Румянцева, Г. М.* Проблемы восприятия и субъективной оценки риска от ионизирующей радиации / Г. М. Румянцева, О. В. Чинкина // Радиационная гигиена. – 2009. – Т. 2, № 3. – С. 50–58.

4. *Мельницкая, Т. Б.* Информационно-психологическая безопасность личности и роль радиационного фактора в ее нарушении / Т. Б. Мельницкая [и др.] // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. – 2008. – № 2. – С. 56–61.

N. Y. BORISEVICH, E. I. GORANSKAYA

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SAFETY OF THE POPULATION LIVING IN THE RADIOACTIVE CONTAMINATED TERRITORIES

Summary

The analysis of the studies results aimed at determining the level of citizens' awareness on the problems of living in the areas affected by the Chernobyl accident, as well as the perception peculiarities of the radiation exposure hazard by different groups of population and categories of professionals is described. It is shown that this problem has a heterogeneous structure and depends on the social and territorial characteristics of the sample. Information needs and the level of public trust to various information sources, as well as their subjective perception peculiarities of the radiation hazard, were identified.

Keywords: Chernobyl disaster, radioactive contaminated areas, awareness, information needs, perception of radiation risk by teachers, medical staff and students.

Поступила 20.10.2014 г.

УДК 316.776.23+316.334.52](476.2)

Е. В. МАРТИЩЕНКОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧАЭС ТЕРРИТОРИЙ (ПО ОЦЕНКАМ ЖИТЕЛЕЙ ЗАГРЯЗНЕННЫХ РАЙОНОВ)

В статье рассматриваются группы факторов (состояние массового сознания, общая атмосфера и настроения людей в текущий период), оказывающих влияние на мнение населения о перспективах возрождения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий. Анализируются тенденции изменений материального положения и сравнительного социального статуса, по самооценкам опрашиваемых, на основе репрезентативной выборки; влияние новых или пролонгированных событий (процессов, явлений), которые являются чувствительными для населения с точки зрения изучаемой в данном социологическом исследовании проблематики.

Ключевые слова: чернобыльская катастрофа, последствия аварии на ЧАЭС, радиоактивное загрязнение, экология, общественное мнение, социальное самочувствие, уровень информированности, социально-экономическая и социально-психологическая обстановка.

В настоящее время на территории Республики Беларусь функционируют Чернобыльские программы – как национальные, так и Союзного государства Беларуси и России. В них основной акцент сделан на защитных мероприятиях, оказании материальной и других видов помощи, преодолении психологических депривaций, стрессов, фрустраций, радиофобий. Отмечалось, что «прогноз дозовых нагрузок позволил не проводить в дальнейшем обязательного массового переселения». Однако сохранялась неопределенность относительно будущего пострадавших территорий, в частности, зоны последующего отселения. За последние годы в процессе реализации вышеозначенных программ государству удалось добиться того, что постчернобыльская ситуация находится под контролем и практически полностью управляема. Как результат, сегодня радиоэкологическая, социально-экономическая и социально-психологическая обстановка на пострадавших территориях стабильна. В настоящее время ставится более высокая цель – возрождение пострадавших районов, т. е. обеспечение условий проживания и хозяйственной деятельности равносильных, а в чем-то и превосходящих чистые районы, при соблюдении соответствующих правил поведения и безопасности. 31 декабря 2010 г. Правительством принята пятая Государственная программа по преодолению последствий аварии на Чернобыльской АЭС на 2011–2015 годы и на период до 2020 года. Суть данной Госпрограммы – не в возврате земель в сельскохозяйственный оборот. Основная цель программы – обеспечить комплексный

подход к решению чернобыльской проблемы в отдаленный период после катастрофы на ЧАЭС, спустя четверть века. И нацелена новая программа как на восстановление и развитие «чернобыльских» регионов, так и на сохранение проводимых ранее необходимых защитных и реабилитационных мероприятий, включающих медицину (спецдиспансеризацию населения, профилактические оздоровительные мероприятия для ликвидаторов), соцзащиту (в том числе оздоровление детей и их бесплатное питание в школах; предоставление льгот), большой блок контрмер в сельском и лесном хозяйствах, радиационный мониторинг, научные разработки и многое другое.

В рамках реализации Программы совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на период до 2016 года ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» осуществляет научно-исследовательский проект, направленный на определение уровня информированности граждан (проживающих на наиболее загрязненных радионуклидами территориях Гомельской области) из числа нуждающихся в дополнительной информации по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС.

Актуальность данного научно-исследовательского проекта обусловлена необходимостью разработки комплекса мер по повышению уровня радиологической культуры и грамотности, снижению социально-психологической напряженности населения радиоактивно загрязненных территорий. В этой связи актуализируется необходимость социологического изучения информированности граждан Беларуси по проблемам проживания на территориях, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС. Объектом данного социологического исследования является население, проживающее на загрязненных радионуклидами территориях.

Генеральной совокупностью данного социологического исследования являются жители территорий, проживающие на радиоактивно загрязненных территориях. Выборочная совокупность составляет 600 человек и состоит из жителей Брагинского, Ветковского, Наровлянского, Хойникского, Чечерского районов Гомельской области. В каждом районе было опрошено 120 ± 5 человек с учетом распределения жителей по типу населенного пункта (город–село), полу, возрасту, образованию. В результате проведения исследования была получена репрезентативная выборка по типу населенного пункта, полу, возрасту и образованию. При этом мы имеем возможность описать «грязную» зону с погрешностью ± 4,0 % при уровне доверия 0,95. Кроме того, распределение ответов позволяет выявить возможные отклонения от средних по всей выборочной совокупности, а также различия между группами и категориями по каждому из пунктов шкалы – вариантов ответа.

Оценка перспектив возрождения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий, а также информационные потребности изучаются в данном социологическом исследовании по разработанной авторами данного научно-исследовательского проекта операциональной схеме, которая включает следующие основные показатели и индикаторы:

1. Удовлетворенность условиями проживания в населенном пункте.

2. Иерархия наиболее серьезных последствий аварии на ЧАЭС по оценкам жителей загрязненных территорий.

3. Информированность населения проводимыми государственными органами Республики Беларусь мероприятиями по возрождению и развитию пострадавших территорий, а также пожелания относительно государственных мер.

4. Оценка перспектив дальнейшего возрождения и развития пострадавших в результате аварии на ЧАЭС белорусских территорий.

5. Оценка условий личного участия респондентов в реабилитации и возрождении загрязненных радионуклидами территорий, находясь непосредственно в пострадавших районах.

В данном исследовании одной из задач является изучение общественного мнения населения, проживающего на загрязненных территориях, об условиях проживания в населенном пункте в статике и динамике для использования в процессе реализации государственных программ, направленных на возрождение территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС. С этой целью в инструментарий исследования были включены вопросы, позволяющие выявить отношение населения к своему населенному пункту.

Отношение респондентов к своему населенному пункту представлено в табл. 1.

Данные таблицы показывают, что большинство опрошенных респондентов выразили положительное отношение («Мне очень нравится здесь жить» + «В целом я доволен(а), но кое-что хотелось бы изменить») к своему населенному пункту – в каждом районе (кроме Чечерского – 69,6 %) этот показатель составляет 80 % и выше. Респонденты Ветковского района при ответе на данный вопрос гораздо чаще, чем в других районах, отмечали позицию «Мне очень нравится здесь жить» – 52,5 % при среднем показателе по всему массиву 32 %. В Хойникском районе, наоборот, только 15 % респондентов выделяли данную позицию.

Таблица 1. **Распределение ответов респондентов об их отношении к своему населенному пункту, в % от опрошенных**

Как вы относитесь к своему населенному пункту?	Всего	В том числе по районам				
		Брагинский р-н	Ветковский р-н	Наровлянский р-н	Хойникский р-н	Чечерский р-н
Нет ответа	2,0	–	5,7	–	0,8	3,2
Мне очень нравится здесь жить	32,0	27,8	52,5	32,2	15,0	32,0
В целом я доволен(а), но кое-что хотелось бы изменить	47,8	54,8	37,7	45,8	64,2	37,6
Мне не нравится здесь жить, хотел(а) бы уехать отсюда	12,3	10,4	2,5	13,6	13,3	21,6
Другое	1,8	1,7	0,8	4,2	1,7	0,8
Затрудняюсь ответить	4,0	5,2	0,8	4,2	5,0	4,8

В то же время, как видно из табл. 1, количество респондентов, довольных проживанием в своем населенном пункте, но желающих что-либо изменить в нем, также значительное – от 37,6 в Чечерском районе до 64,2 % – в Хойникском.

Что касается количества респондентов, желающих покинуть свой населенный пункт и переехать куда-нибудь, то больше всего их в Чечерском районе – 21,6 %, что почти в два раза больше, чем в среднем по всему массиву. Наименьшее количество респондентов, желающих сменить место жительства, оказалось в Ветковском районе (2,5 % опрошенных). Если рассматривать средний показатель по всем исследуемым районам – 12,3 %, то можно отметить, что он немного выше среднего показателя по республике относительно естественного территориального перемещения людей по таким причинам, как отъезд на учебу, замужество, поиск работы, ведение собственного бизнеса и т. п., который варьируется от 5 до 10 % в различные периоды.

На наш взгляд, информативно будет проследить, какая же «прослойка» населения исследуемых районов нацелена на переезд из своего населенного пункта (табл. 2).

Таблица 2. **Распределение респондентов, желающих уехать из своего населенного пункта в разрезе возраста и образования, в % от ответивших**[1]

Возраст:	**%**
15–29 лет	36,5
30–39 лет	21,6
40–49 лет	18,9
50 лет и старше	23,0
Образование:	**%**
начальное	1,4
неполное среднее	13,5
среднее общее	31,1
среднее специальное, профессионально-техническое	39,2
незаконченное высшее	–
высшее	14,9

Данные таблицы показывают, что желание уехать из своего населенного пункта в большей степени выказывают молодые люди в возрасте до 30 лет, а также респонденты, имеющие общее среднее и среднее специальное или профессионально-техническое образование. С учетом того, что государство нацелено на возрождение пострадавших территорий, местным органам власти стоит уделить особое внимание именно этим категориям респондентов и, в особенности, молодежи.

[1] В данном случае респонденты, выбравшие вариант ответа «Мне не нравится здесь жить, хотел(а) бы уехать отсюда» при ответе на вопрос об их отношении к своему населенному пункту, принимаются за 100 %.

Прежде чем приступить к анализу отношения населения исследуемых районов к проводимой государственной программе возрождения пострадавших территорий, рассмотрим распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие последствия аварии на ЧАЭС, на Ваш взгляд, оказались самыми серьезными?» В ходе исследования нами были получены следующие ответы (табл. 3). На первом месте – радиоактивное загрязнение окружающей среды и продуктов питания: так ответили большинство респондентов – от 66,4 % в Ветковском районе до 77,6 % в Чечерском (в целом по массиву – 73,7 %). На втором месте – медицинские и демографические последствия – от 41,7 % в Хойникском до 59,0 % в Ветковском районе. На третьем и четвертом – экономические и психологические последствия. Статистически значимые различия между распределением ответов респондентов по данным пунктам наблюдаются только в Брагинском, Ветковском и Чечерском районах. Причем только для жителей Ветковского района из всей выборочной совокупности психологические последствия оказались более значимыми, чем экономические.

Таблица 3. **Оценка последствий аварии на ЧАЭС, в % от числа опрошенных**

Последствия	Всего	В том числе по районам				
		Брагинский р-н	Ветковский р-н	Наровлянский р-н	Хойникский р-н	Чечерский р-н
Нет ответа	2,0	0,9	3,3	0,8	0,8	4,0
Радиоактивное загрязнение окружающей среды и продуктов питания	73,7	73,0	66,4	76,3	75,0	77,6
Медицинские и демографические последствия	48,5	50,4	59,0	48,3	41,7	43,2
Экономические последствия	14,8	16,5	8,2	14,4	16,7	18,4
Психологические последствия	12,2	11,3	14,8	12,7	15,8	6,4
Другое	0,8	0,9	–	1,7	0,8	0,8

Наша республика серьезно пострадала от катастрофы на ЧАЭС. Последствия этой катастрофы до сих пор ощущают на себе все жители страны и особенно население, проживающее на загрязненных территориях. Реабилитация пострадавших от радиоактивного загрязнения территорий – это, в первую очередь, реабилитация человека, проживающего на этих территориях, т. е. социально-психологическая и экономическая реабилитация, без целеустремленного и эффективного осуществления которых любые реабилитационные мероприятия теряют всякий смысл. Именно на это направлена Программа совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на период до 2016 года. В этой связи в ходе проведения социологического опроса респондентам задавался вопрос об их осведомленности по поводу проведения комплекса мероприятий по возрождению и развитию пострадавших территорий (табл. 4).

Таблица 4. **Уровень осведомленности респондентов о проводимых реабилитационных мероприятиях, в % от числа опрошенных**

Вариант ответа	Всего	В том числе по районам				
		Брагинский р-н	Ветковский р-н	Наровлянский р-н	Хойникский р-н	Чечерский р-н
Нет ответа	1,2	–	3,3	0,8	0,8	0,8
Да, знаю	28,3	39,1	22,1	33,1	34,2	14,4
Что-то слышал об этом	39,0	35,7	47,5	39,0	30,8	41,6
Нет, ничего об этом не знаю	16,0	13,9	14,8	9,3	16,7	24,8
Затрудняюсь ответить	15,5	11,3	12,3	17,8	17,5	18,4

Как видно из таблицы, неосведомленных респондентов в целом по выборке немного – 16,0 % от опрошенных. Но в то же время, рассматривая каждый район в отдельности, можно отметить, что присутствуют статистически значимые различия в этом плане. По количеству тех, кто считает себя осведомленным о проводимых мероприятиях, существенное отличие от среднего показателя по всей выборочной совокупности мы видим в Чечерском районе, где ответ «да, знаю» выбрало наименьшее количество респондентов – 14,4 % (это в два и более раза меньше, чем в других исследуемых районах). В Брагинском районе, наоборот, самый высокий процент респондентов, считающих себя осведомленными в данном вопросе, – 39,1 %. Что касается респондентов, которые отвечали, что ничего не знают о проводимых государственными органами мероприятиях по возрождению пострадавших территорий, то здесь также выделяется Чечерский район – 24,8 % респондентов выбрали вариант ответа «нет, ничего об этом не знаю», что на 8 п. п. и более превышает данный показатель по другим районам и в целом по всей выборочной совокупности. В Наровлянском районе неосведомленных респондентов оказалось наименьшее количество – 9,3 %.

Проведенный анализ также показал, что наблюдаются существенные статистически значимые различия в осведомленности респондентов по данному вопросу в зависимости от их социально-демографических характеристик. Так, наиболее осведомленными являются респонденты с более высоким уровнем образования (среднее специальное и выше) и респонденты, состоящие в браке. Бóльшая осведомленность была выявлена у женщин, чем у мужчин, а также у респондентов в возрасте от 30 до 49 лет.

Особое внимание в данном исследовании направлено на изучение мнений людей о том, на что должны быть направлены усилия государства в рамках такой программы. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На что, по Вашему мнению, должны быть направлены усилия государства для преодоления последствий чернобыльской катастрофы?», представлено в табл. 5.

Как видно из таблицы, наблюдаются принципиальные расхождения в ранжировании направлений по их актуальности среди респондентов исследуе-

мых районов, также есть различия и по числу ответов. Так, на первое место во всех районах, кроме Хойникского (где респонденты отнесли данную позицию на третье место), поставлено «проведение регулярного медицинского контроля за здоровьем населения» – по всем районам показатель превышает ⅓ опрошенных.

На втором месте, опять же во всех районах, но уже кроме Ветковского (пятое место), – «введение регулярного санаторно-курортного оздоровления жителей загрязненных территорий» – от 31,2 до 40,8 %.

По остальным позициям более существенные расхождения в разрезе исследуемых районов:

«усиление материальной помощи населению посредством льгот и доплат» респонденты Брагинского, Ветковского и Чечерского районов поставили на третье место, а в Наровлянском районе данная позиция оказалась на четвертом. Для респондентов Хойникского района материальная помощь является самой важной – в ранжировании на первом месте;

«проведение реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление и сохранение здоровья населения загрязненных территорий» в рейтинге респондентов Брагинского, Ветковского и Чечерского районов занимает четвертое место, в Наровлянском – третье, в Хойникском – пятое;

«проведение экологической реабилитации загрязненных территорий» выглядит следующим образом: Брагинский, Наровлянский и Чечерский р-ны – пятое место, Ветковский – второе, Хойникский – четвертое.

На шестом месте по всем районам, кроме Брагинского (седьмое) – «улучшение бытовых и жилищных условий жителей загрязненных территорий». Невысокое место данного направления и небольшое число голосов за него показывают, что в области жилищно-бытового обустройства, социальной инфраструктуры во всем объеме, включая дороги, магазины, досуговые объекты, школы и т. д., проделана огромная работа.

На седьмом месте по всем районам, кроме Брагинского (шестое), позиция «экономическое развитие загрязненных территорий, включая обеспечение специалистами, изменения профиля производства и др.»: от 4,9 в Ветковском до 17,4 % в Брагинском районе.

Некоторый перекос в сторону материальности и даже иждивенческих настроений заметен и в ожиданиях опрашиваемых относительно государственной поддержки (табл. 6).

Как видим, большинство респондентов (более 50 %) во всех исследуемых районах при ответе на вопрос: «Как Вы считаете, что может способствовать улучшению условий проживания на загрязненной радионуклидами территории?» выбирали вариант ответа «улучшение материального благосостояния граждан» – от 50,4 % в Брагинском районе до 73,6 % в Чечерском. Следующей по важности мерой улучшения условий, по мнению всех опрошенных респондентов (кроме Ветковского района – здесь показатель достаточно низкий – 13,9 %), является «ежегодное оздоровление детей» – от 26,7 % в Хойникском

Таблица 5. **Мнения респондентов о направленности усилий по преодолению последствий аварии на ЧАЭС, в % от числа опрошенных**

На что, по Вашему мнению, должны быть направлены усилия государства для преодоления последствий чернобыльской катастрофы?	Всего	В том числе по районам				
		Брагинский р-н	Ветковский р-н	Наровлянский р-н	Хойникский р-н	Чечерский р-н
Нет ответа	0,5	–	–	1,7	0,8	–
Проведение экологической реабилитации загрязненных территорий	25,2	19,1	29,5	31,4	22,5	23,2
Проведение регулярного медицинского контроля за здоровьем населения	42,2	39,1	38,5	47,5	35,8	49,6
Проведение реабилитационных мероприятий, направленных на восстановление и сохранение здоровья населения загрязненных территорий	27,0	26,1	20,5	38,1	21,7	28,8
Введение регулярного санаторно-курортного оздоровления жителей загрязненных территорий	32,0	33,0	16,4	39,0	40,8	31,2
Усиление материальной помощи населению посредством льгот и доплат	33,7	32,2	27,0	37,3	42,5	29,6
Улучшение бытовых и жилищных условий жителей загрязненных территорий	18,3	14,8	14,8	28,8	21,7	12,0
Экономическое развитие загрязненных территорий, включая обеспечение специалистами, изменения профиля производства и т. п.	12,2	17,4	4,9	16,9	12,5	9,6
Другое	1,5	1,7	1,6	0,8	2,5	0,8

Таблица 6. **Ожидаемые меры по улучшению условий жизни на загрязненных территориях, в % от числа опрошенных**

Меры по улучшению условий жизни	Всего	В том числе по районам				
		Брагинский р-н	Ветковский р-н	Наровлянский р-н	Хойникский р-н	Чечерский р-н
Нет ответа	1,3	0,9	0,8	4,2	–	0,8
Улучшение материального благосостояния граждан	61,7	50,4	58,2	55,9	69,2	73,6
Улучшение жилищных условий населения (получение государственного жилья или беспроцентной ссуды на строительство)	23,0	23,5	17,2	29,7	24,2	20,8
Ежегодная обязательная диспансеризация	12,7	10,4	8,2	18,6	10,8	15,2
Ежегодное оздоровление детей	32,0	30,4	13,9	46,6	26,7	42,4
Преимущественное право на зачисление в ссузы и вузы страны	8,2	5,2	8,2	11,0	10,0	6,4
Бесплатное питание в детских садах, школах	19,0	18,3	9,8	28,8	15,0	23,2
Обеспечение жителей экологически чистыми продуктами питания	23,5	27,0	20,5	32,2	24,2	14,4
Проведение консультаций, помощь психологов	2,8	3,5	1,6	4,2	4,2	0,8
Улучшение условий для отдыха, занятий спортом и т. д.	12,3	13,9	8,2	18,6	11,7	9,6
Предоставление информации о мерах безопасного проживания	10,0	12,2	6,6	14,4	9,2	8,0
Другое	0,5	0,9	–	1,7	–	–

районе до 46,6 % в Наровлянском. Для респондентов Ветковского района более важными являются такие меры, как «обеспечение жителей экологически чистыми продуктами питания» – 20,5 % и «улучшение жилищных условий населения (получение государственного жилья или беспроцентной ссуды на строительство)» – 17,2 %. Далее в порядке убывания важности респонденты выбирали следующие меры: «обеспечение жителей экологически чистыми продуктами питания» (кроме Чечерского района (14,4 %), для которого более важными являются бесплатное питание детей в садах и школах (23,2 %) и улучшение жилищных условий (20,8 %)); «улучшение жилищных условий населения»; «бесплатное питание в детских садах, школах»; «улучшение условий для отдыха, занятий спортом и т. д.»; «ежегодная обязательная диспансеризация»; «предоставление информации о мерах безопасного проживания»; «преимущественное право на зачисление в ссузы и вузы страны». О необходимости проведения консультации и оказания психологической помощи заявляло совсем небольшое количество респондентов – от 0,8 до 4,2 % опрошенных.

Проведенное исследование показало, что наибольшие ожидания населения в данных районах не связаны с последствиями чернобыльской катастрофы – они такие же, как и всего населения республики, независимо от региона проживания. Стремление к повышению материального благосостояния, улучшению жилищных условий и оздоровлению детей характерны для любого человека в принципе.

В оценке перспектив возрождения респонденты исследуемых районов практически сходятся во мнениях (табл. 7). Большинство опрошенных (50 % и более) считают, что территории, пострадавшие от аварии на ЧАЭС, все еще требуют особого внимания, и приблизительно ⅓ респондентов уверены, что пострадавшие районы заслуживают внимания наравне с другими районами

Таблица 7. **Оценка перспектив дальнейшего возрождения пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий, в % от числа опрошенных**

Видите ли Вы перспективы в дальнейшем возрождении и развитии пострадавших в результате аварии на ЧАЭС белорусских территорий?	Всего	В том числе по районам				
		Брагинский р-н	Ветковский р-н	Наровлянский р-н	Хойникский р-н	Чечерский р-н
Нет ответа	1,8	–	1,6	5,9	0,8	0,8
Да, они требуют особого внимания	58,5	52,2	71,3	54,2	65,0	49,6
Да, они заслуживают внимания наравне с другими районами республики	31,5	36,5	20,5	31,4	26,7	42,4
Нет, эти районы уже достаточно развитые и самостоятельные	1,5	1,7	3,3	0,8	0,8	0,8
Нет, целесообразнее вкладывать в развитие не пострадавших регионов	5,3	7,0	3,3	6,8	3,3	6,4
Другое	1,3	2,6	–	0,8	3,3	–

республики. Только в Чечерском районе показатели практически на одном уровне. А в Ветковском районе между ними наиболее существенная разница – 71,3 и 20,5 % соответственно. Считают эти районы уже достаточно развитыми совсем небольшое количество респондентов – от 0,8 до 3,3 %. Допускают, что вкладывать деньги в развитие пострадавших территорий нецелесообразно, от 3,3 до 7,0 %.

Программы возрождения, на наш взгляд, должны быть детализированы применительно к условиям каждого района, а может быть, и отдельных населенных пунктов. Необходимо выделить в особые разделы следующие направления: 1) ожидания людей по улучшению условий жизни (тех аспектов, которые названы в опросе); 2) меры по закреплению местной молодежи и привлечению мигрантов – специалистов из других районов, возможно, даже из-за пределов страны. Эти разделы должны быть разработаны на основе полученных в ходе социологических исследований данных.

E. V. MARTISCHENKOVA

RECONSTRUCTION PROSPECTS OF THE TERRITORIES AFFECTED BY THE CHERNOBYL ACCIDENT (ON THE ASSESSMENTS OF THE CONTAMINATED AREAS RESIDENTS)

Summary

The article deals with a group of factors (such as state of the mass consciousness, general atmosphere and mood of people in the current period) influencing public opinion on the reviving prospects of the Chernobyl disaster areas. The trends of financial position changes and comparative social status according to the self-assessments of the respondents, based on a representative sample are considered as well as the impact of new or extended events (processes and phenomenon) that are sensitive for the population in terms of the current study issues.

Keywords: Chernobyl disaster, consequences of the Chernobyl accident, radioactive pollution, ecology, public opinion, social feeling, awareness, socio-economic and socio-psychological environment.

Поступила 10.10.2014 г.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.61+17.035.1

Е. М. БАБОСОВ,
академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

АЛЬТРУИЗМ – СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Теоретически эксплицирована сущность, выявлены особенности альтруизма как нравственного принципа бескорыстного отношения человека к нуждам, интересам и горестям других людей. Охарактеризована его взаимосвязь с высшими нравственными принципами – духовностью, эмпатией, справедливостью, добродетелью, любовью и благотворительностью.

Ключевые слова: альтруизм, нравственный принцип, человекомерность, духовность, справедливость, добродетель, любовь, благотворительность.

Социальное бытие представляет собой многокомпонентную целостную систему взаимодействий и отношений людей к природе и друг другу, охватывающую собой все общественные явления и процессы, их структуру, динамику и функции, их сменяемость и трансформации в практической деятельности индивидов и их сообществ. Базисной характеристикой социального бытия является его человекомерность, центрированность на миропреобразующей деятельности людей.

Среди различных проявлений человекомерности социального бытия специфическую роль выполняет нравственный принцип альтруизма, основанный на естественной связанности людей друг с другом посредством симпатии и взаимопомощи. *Альтруизм* (от лат. alter – другой) – принцип бескорыстного отношения к нуждам, интересам и горестям других людей. Он воплощается в желании и готовности оказывать помощь другим людям и выступает антиподом эгоизма [1; 3]. Этот термин был введен в философско-социологический и этический оборот родоначальником социологии *Огюстом Контом.* Основной принцип альтруизма, в его трактовке, звучит так: «Поступай так, чтобы твой личный интерес служил чужому интересу» (цит. по: [4, с. 397]). В своей «Системе позитивной политики» он отстаивал теоретическое положение, согласно которому прогресс общества будет в решающей степени определяться тем, насколько среди его членов распространено альтруистическое поведение.

Отправляясь от основополагающего понимания роли альтруизма в развитии различных социальных общностей, *Эмиль Дюркгейм* подчеркивал: «Альтруизм не обречен стать, как это думает Спенсер, своего рода прият-

ным украшением нашей общественной жизни; он будет всегда ее основанием» [6, с. 236]. Отсюда вытекает моральное предписание – «соблюдать нравственную дисциплину, приносить пользу другим людям, жертвовать собой» [5, с. 255]. Альтруистические стремления и чувства, по его убеждению, формируют у человека «весьма сильное чувство состояния зависимости, в котором находится индивид; он приучается… рассматривать себя только как часть целого… такие чувства в состоянии внушить не только те ежедневные жертвы, которые обеспечивают упорядоченное развитие повседневной социальной жизни, но при случае и акты полного и безраздельного самоотречения» [6, с. 236].

Специфической формой такого поведения Э. Дюркгейм считал разделение общественного труда. Основная функция разделения общественного труда – интегрирование индивида в социальные общности, обеспечение единства общественного организма. Оно делает каждого индивида участником обмена, потому что создает между людьми целую систему прав, обязанностей и нравственных норм, прочно связывающих их друг с другом. «Разделение труда, – пишет Э. Дюркгейм, – прогрессирует… тем более, чем большее число индивидов, которые находятся в достаточном представлении, чтобы иметь возможность воздействовать и реагировать друг на друга… Прогресс разделения труда прямо пропорционален моральной или динамической плотности общества» [6, с. 263].

Дюркгейм считал, что альтруистические формы стремлений и действий присущи всем способам поведения, включая даже такое девиантное их проявление, как самоубийство [7]. Он интерпретировал альтруистическое самоубийство в качестве акта, совершаемого человеком вследствие бескорыстной готовности жертвовать собой ради других или ради возвышенной идеи служению долгу. По его определению, характерным для альтруистического типа самоубийства является то обстоятельство, что оно совершается во имя долга. Например, капитан гибнущего корабля покидает его последним, когда не успевает или не хочет – оканчивает жизнь самоубийством из веления альтруизма. Он жертвует собой во имя интериоризированного социального императива, сознательно подавляя в себе инстинкт самосохранения. В подобных случаях проявляется активно отстаиваемое Э. Дюркгеймом превосходство альтруизма над эгоизмом. В прекрасной художественной форме данная идея отчетливо прослеживается в выдающемся произведении Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий берегом моря», в котором дед, а затем отец добровольно уходят из жизни, чтобы дать реальные шансы спасения в утлой лодочке в бушующем море их внуку и сыну, который должен стать продолжателем их рода.

Своеобразную трактовку альтруистического поведения представил в своей волюнтаристической философской доктрине *Артур Шопенгауэр.* В качестве «первофеномена нравственной жизни» он рассматривал два взаимосвязанных принципа: аскетическую позицию человека по отношению к собственной личности и альтруистическую установку по отношению к другим людям.

В его истолковании фундаментальное основание во взаимодействии людей должна составлять бескорыстная справедливость и подлинное человеколюбие. Он утверждал, что заложенное в самой человеческой природе сострадание составляет «истинный источник человеколюбия, caritas, agape», т. е. той добродетели, принцип которой: «Помогай всем насколько можешь» составляет основу всех человеческих поступков, если «они должны иметь моральную ценность, т. е. быть чистыми от всяких эгоистических мотивов и именно поэтому пробуждать в нас самих то внутреннее удовлетворение, которое называют доброй, удовлетворенной, одобряющей совестью» [15, с. 296]. «Это высокородное нравственное чувство, – писал он, – проявляется ежедневно, всюду, где по непосредственному побуждению, не долго думая человек помогает и спешит на выручку другому, даже иной раз очевиднейшей опасности, подвергает свою жизнь за того, кого он впервые видит, не принимая при этом в расчет ничего иного, что он видит большую нужду и опасность другого» [15, с. 299]. Характернейшая особенность человеколюбия, по его утверждению, заключается в том, что добрый человек своими помыслами и поступками убеждает: «Другие для него не “не-я”, а “тоже я”» [15, с. 346].

В истолковании А. Шопенгауэра альтруистические действия органично сопряжены с *состраданием.* Последнее он понимал в качестве такого поведения, в котором полностью отсутствует ущемление интересов другого человека. Именно сострадание, писал он, проявляется как надежное ручательство нравственно-добропорядочного поведения: «Кто им полон, тот наверняка никого не обидит, не нанесет никому ущерба, никому не причинит горя, напротив, со всяким будет считаться, всякому прощать, всякому насколько в его силах помогать, и все его действия будут носить печать справедливости и человеколюбия» [15, с. 306].

Данное утверждение убеждает, что в философской доктрине, разработанной А. Шопенгауэром, человеколюбие, сострадание и *справедливость* составляют своеобразный нравственный сплав, в котором все эти три ингредиента неразрывно взаимосвязаны и усиливают друг друга. Всем этим добродетелям противостоит *эгоизм,* основной девиз которого: «Все для меня, и ничего для других» [15, с. 261]. Специфическими проявлениями эгоизма он считал злорадство, зложелательство, жестокость, несправедливость, выступающие антиподами по отношению к человеколюбию, состраданию и справедливости. К тому же эгоизм не совместим с *дружбой.* «Истинная, подлинная дружба, – утверждал А. Шопенгауэр, – предполагает сильное чисто объективное и вполне бескорыстное участие в радости и горе другого человека, а это участие, в свой черед, предполагает действительно отождествление себя с другим. Это… идет вразрез с эгоизмом» [15, с. 537]. Итак, в понимании А. Шопенгауэра, человек, пораженный эгоизмом, не может быть подлинным другом, ровно так же, как не способен он быть справедливым, сострадательным и человеколюбивым.

С резкой критикой альтруизма выступил выдающийся немецкий философ *Фридрих Ницше,* который проповедовал наступление всемирной эпохи пере-

оценки всех ценностей, в том числе и главным образом ценностей альтруистических. Он отмечал, что в альтруизме людям внушаются «жалкие чувства лакейской души». С нескрываемым презрением к альтруистическим поступкам он утверждал: «Альтруистическая мораль, мораль, при которой *пропадает* эгоизм, – остается при всяких обстоятельствах дурным признаком» [9, с. 610]. Проповедь бескорыстных поступков ради блага другого человека, по его убеждению, приводит к деградации жизненно важных инстинктов, поддерживает людей слабых, несчастных, попавших в беду, поэтому неизбежен «конец человеку, если он становится альтруистом» [9, с. 611].

С таких антиальтруистических позиций Ф. Ницше подвергал острой критике, призывал «крушить молотом» все то, что произрастает на гнилой почве общества, прежде всего религию (христианство) и предшествующую философию, особенно альтруистические высказывания А. Шопенгауэра, превозносившего мораль сострадания, которые он во второй период своего творчества презрительно называл «шопенгауэрщиной». Ф. Ницше безоговорочно относил себя к плеяде творцов аристократической культуры и философии, которые, по его словам, «видят в сострадании, в любви к ближнему, самости и чувства собственного достоинства нечто презренное» [9, с. 613]. Руководствуясь такой именно трактовкой критикуемого им социального феномена, он без колебаний отвергает и точку зрения Герберта Спенсера, который видит «в победе альтруизма нечто достойное желания» [9, с. 614]. Всякие призывы к альтруизму в отношениях между людьми, полагал Ф. Ницше, делают людей «маленькими, трусливыми и похотливыми», – они являются каждый раз торжеством стадного животного [9, с. 614]. Такой вид, с его точки зрения, псевдозаботы о другом человеке он называет презренным видом благоденствия, который необходимо не только сокрушать философствующим молотом, но и топтать его ногами.

В широкой социально-философской панораме раскрывает и теоретически интерпретирует сущность, формы и особенности альтруизма выдающийся русский философ конца XIX в., создатель всеобъемлющей доктрины всеединства *Владимир Сергеевич Соловьев*. В его истолковании альтруизм не только коренная противоположность эгоизму, но и мощнейший нравственный инструмент, дающий возможность человеку и человечеству перестроить жизнь для творчества, истины, добра и красоты. Такая созидательная роль принадлежит альтруизму вследствие сущностно присущему ему «безусловному нравственному началу» [10, с. 63]. По утверждению В. С. Соловьева, во взаимодействиях между людьми должен восторжествовать принцип альтруизма, основу которого составляют «два правила альтруизма – отрицательное и положительное: 1) *не делай* другому ничего такого, чего себе не хочешь от других; 2) делай другому *все то, чего сам бы хотел от других*. Короче и проще: эти два правила, соединенные обыкновенно вместе, выражаются так: *никого не обижай и всем, насколько можешь, помогай»* [10, с. 168].

Все проявления альтруизма способны воплотиться в действительность, был убежден В. С. Соловьев, только в том случае, когда существует социаль-

ное равенство, ведь чтобы проявить подлинное альтруистическое участие в делах и страданиях другого человека, нужно приравнять его к себе или себя к нему. Справедливость соответствует основному принципу альтруизма, требующему признавать равно за всеми другими право на жизнь и благополучие, какое признается каждым за самим собою. Такое соответствие предопределяется тем, что «правило жить для других предписывается альтруизму как *должно*е отношение человека к подобным ему, или как нравственный долг» [10, с. 216].

В понимании В. С. Соловьева альтруизм не должен замыкаться в рамках человеческой индивидуальности, но призван распространяться на такие обширные социальные общности, каковыми являются община, отечество, государство, приобретая тем самым не только количественное приращение, но и новое качественное состояние. «Альтруизм, или нравственная солидарность с другими человеческими существами, – писал он, – не только возрастает количественно, или в своем объеме, но возвышается и качественно… обращаясь на предметы невидимые, идеальные: общество, государство… Духовная природа и идеальное значение таких предметов, как отечество, государство, сохраняется во всяком случае, и нравственные отношения к ним со стороны личности, выражающиеся в истинном патриотизме или гражданской доблести, представляют в этом смысле более высокую степень нравственности, нежели простые чувства родства или кровные связи» [10, с. 301].

Завершая изложение взглядов В. С. Соловьева на сущность и роль альтруизма в социальном бытии, подчеркнем, что его истолкование данного социально-нравственного феномена вытекает из утверждаемой этим философом теории всеединства. В этой его концепции не только утверждается высокая духовная значимость подлинно нравственного отношения человека к человеку, но и предлагается убежденность в неодолимом движении каждого индивида и всего человечества к добру, истине и красоте.

Большое значение в исследовании особенностей альтруистических стремлений и действий и их роли в функционировании социальных общностей придавал в своей социологической концепции выдающийся русско-американский социолог *Питирим Александрович Сорокин.* Он призывал «к внимательному изучению механизма социальной жизни и тех побуждений, которые заставляют индивидов более или менее гармонично жить друг с другом и исполнять добросовестно лежащую на каждом из них обязанность» [12, с. 390]. Важнейшее проявление таких именно побуждений он усматривал «в многочисленных индивидуальных актах самопожертвования и альтруизма», которые совершаются людьми добровольно и становятся «внутренним, органичным потребным долгом» [12, с. 449].

Он последовательно отстаивал созидательную роль в развитии человека и разнообразных его взаимодействий с другими людьми «социально полезного (альтруистического) поведения», противопоставляя его «социально вредному (эгоистическому)» [12, с. 486]. Особенно существенно возрастает роль

альтруизма, считал он, в тех случаях, когда это стремление «превращается во внутренний “долг”, необходимый импульсивный акт». Поэтому для совершенствования различных видов человеческого поведения, по его убеждению, необходимо добиваться, чтобы «уровень требуемого социально полезного альтруизма поднялся на громадную высоту» [12, с. 487], выполняя творческую роль «в создании, расширении и укреплении социальной солидарности» [12, с. 489, 492]. Сама же такая солидарность, в свою очередь, приводит к такой ситуации, когда между взаимодействующими людьми «неизбежно возникнут психические связи и процессы общения, которые под той или другой формой будут прикреплять их друг к другу, заставлять общаться и взаимодействовать», а это превратится в сильнодействующий фактор, предопределяющий «существование коллективного единства» [13, с. 301]. Конечно, признает П. А. Сорокин, отнюдь не во всех случаях психическое взаимодействие индивидов и социальных групп приводит к их сплочению и социальному единству. Бывают и такие взаимодействия, в которых «в качестве цемента, объединяющего индивидов в одно взаимодействующее целое, выступает не альтруизм, не сострадание, не симпатия, а самые враждебные и злостные переживания» [13, с. 305].

Отсюда следует, что важная задача социологии, философии и других гуманитарных наук заключается в том, согласно П. А. Сорокину, чтобы, принимая во внимание антагонистическое противостояние альтруистических и эгоистических стремлений и действий, всесторонне исследовать сущность и многообразие проявлений альтруизма и содействовать расширению в социальных взаимодействиях ареала распространения альтруизма в едином потоке с расширением и упрочением социальной солидарности.

Дилемму «альтруизм–эгоизм» считал необходимым исследовать в контексте ее сочлененности с проявлениями контингентности выдающийся немецкий социолог современности Никлас Луман. «Контингентность, – в его истолковании, – есть нечто не являющееся ни необходимым, ни невозможным, таким образом, оно может быть таким, каково оно есть (было, будет), но может быть и иным» [8, с. 155]. В процессе осуществления такого дифференцирования каждая личность («Ego») относится к взаимодействующей с ней другой личностью («Alter»), как «alter Ego». Двумя же противоположными друг другу социальными помыслами в такой ситуации являются альтруизм и эгоизм, поэтому содержание и направленность такого взаимодействия следует выявлять при помощи «схемы эгоизм/альтруизм» [8, с. 301]. Это позволяет индивиду, считал Н. Луман, «обеспечить готовность трансцендировать самого себя в направлении другого таким образом, чтобы в повседневном поведении следовать не только своим интересам и привычкам» [8, с. 301]. Тем самым становится возможным взаимопонимание, «локализирующее собственное Я в мире другого и другое Я в своем мире» [8, с. 301–302]. В этом контексте он в различных формах проявления двойной контингентности отдавал безусловные предпочтения доброжелательному и бескорыстному сотрудниче-

ству, солидарности и альтруизму, противопоставляя их злобным и враждебным многим людям проявлениям эгоизма.

Изложенные различные философские и социологические подходы к истолкованию сущности и особенности альтруистического поведения, взятые в их обобщенном виде, создают прочную теоретическую базу для понимания роли альтруизма как нравственного принципа и способа действия в социальном бытии. Альтруизм может и должен быть концептуализирован, прежде всего, в качестве важной части ценностно-нормативных представлений, составляющих отличительную особенность человека. Кроме того, альтруизм в своей сущности базируется на принципе доброжелательной и бескорыстной помощи окружающим людям, иногда даже в ущерб собственным индивидуальным интересам. В этом смысле он является противоположностью эгоизма, ориентированного на получение личной выгоды в процессе взаимодействия с другими людьми и на оценку других людей по критерию выгодности и полезности для достижения собственных целей – определенного социального статуса, привлекательной должности, высокой прибыли, богатства, общественного признания и престижа.

Еще одна существенная особенность альтруизма заключается в его прямой ценностной соотнесенности *с духовностью,* которая органично взаимосвязана с восприятием высших духовных ценностей, каковыми являются идеал, добро, смысл жизни, любовь. Исходя из этого выдающийся представитель философии жизни, протестантский теолог и врач Альберт Швейцер писал: «Единственная возможность придать своему бытию какой-либо смысл состоит в том, чтобы поднять свое естественное отношение к миру до уровня духовного» [14, с. 4].

Важным фактором, побуждающим людей совершать альтруистические поступки, является *эмпатия.* Она представляет собой чувствование, постижение эмоционального состояния другого человека доброжелательным сопереживанием. Различают несколько ее видов: эмоциональное, интеллектуальное (когнитивное) и предикативное – предсказывающее переживание другого человека, его аффективное действие в определенных ситуациях. Сущностное ядро эмпатии образует чувственно-эмоциональная отзывчивость личности на негативные и положительные переживания и эмоции другого человека, выражающиеся в формах сочувствия, сопереживания, сорадости, альтруистически ориентированного отношения к другим людям, связанного с мотивами оказания им поддержки и помощи.

Альтруизм тесно связан с чувствительностью справедливости, имеющей фундаментальное значение для этической теории, политической философии и социологии. *Справедливост*ь концептуализируется как общая социально-нравственная санкция социального взаимодействия людей, рассматриваемая преимущественно под углом зрения сходящихся и сталкивающихся между собой интересов, стремлений, обязанностей. Нормальным основанием справедливости выступает знаменитое «золотое правило нравственности», гласящее

«(Не) поступай по отношению к другим людям так, как ты (не) хотел, чтобы они поступали по отношению к тебе». В реальном своем воплощении справедливость предстает как равенство и достоинство всех людей быть благополучными и счастливыми, обладая для этого необходимыми материальными и духовными благами. Она направлена на запрещение какого бы то ни было ущемления интересов других людей и претворение в жизнь обязанности воздавать всем по их заслугам.

В своем реальном осуществлении альтруизм неотделим от стремления человека осуществлять во взаимодействии с другими людьми принцип добра как высшей ценности, побуждающей личность в отношении к другим индивидам и их сообществам делать для них все положительное, хорошее, полезное, проявлять к ним доброту, терпимость, справедливость, а в некоторых случаях и сострадание. Причем – и это очень важно – делание добра осуществляется бескорыстно, без каких-либо расчетов на вознаграждение, как практическая реализация альтруистических побуждений.

Принцип добра в социальном взаимодействии людей реализуется в такой фундаментальной ценности, как *добродетель*. Она выражается в качестве деятельностного добра, в стремлении, способности и готовности личности совершать поступки, благотворные для другого человека или социальной группы.

Добродетель множеством взаимодействий связана с осуществлением *милосердия*. Оно предстает в качестве нравственной нормы и ценности, которая воплощается в сострадательной деятельности, в готовности помогать любому нуждающемуся человеку. Одной из существенных форм милосердия является *благотворительность*, реализующаяся в оказании отдельными лицами и организациями (предприятиями, фирмами, фондами, религиозными сообществами) материальной помощи бедным и нуждающимся, уровень жизни которых находится ниже прожиточного минимума.

Милосердие органично связано с различными проявлениями любви. В своей глубочайшей сущности *любовь* – это одна из высших ценностей, проявляющаяся в эмоционально насыщенном отношении к кому- или чему-либо, в гармоничном общении и взаимодействии с ним. Она захватывает индивида целиком, делает его Я значимым для другого индивида, который для первого из них также становится ценностно-значимым.

В. С. Соловьев с глубочайшим убеждением утверждал: «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем существом признать за другим безусловное центральное значение, которое, в силу эгоизма, мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другое, как перестановка самого центра нашей жизни» [11, с. 160–161].

В своей подлинной и глубочайшей сущности любовь – это не только сильное чувство, но и действенная и деятельная *субстанция*. По словам выдающегося русского философа *Николая Александровича Бердяева*, «любовь – акт творческий, созидающий иную жизнь… преодолевающий… природную необ-

ходимость. В любви утверждается личность, единственная, неповторимая… Творчество любви не знает послушания ничьей воле, оно абсолютно дерзновенно» [2, с. 426]. Конкретизируя данное утверждение, он продолжает: «Любовь есть путь к раскрытию тайны лица. Любящий знает о лице любимого то, чего весь мир не знает, и любящий всегда более прав, чем весь мир» [2, с. 428].

Таким образом, любовь выступает как созидательная и творческая сила, как возвышающее человека воплощение альтруизма, как доброжелательная забота о любимом человеке, ответственное отношение к его чувствам и поступкам, стремление последовательно преодолевать эгоистическое себялюбие. Искренне и верно любящий человек стремится уделить своему любимому больше внимания, доставить больше удовольствия и радости, чем самому себе.

Наряду с индивидуализированным видом любви к человеку другого пола существуют и более обобщенные формы любви – к своей профессии, к определенному писателю, театру, футбольной команде и т. п. Одной из самых важных в общественном развитии является любовь к своей Отчизне, родной стране, воплощающаяся в глубоком и возвышающем человека чувстве *патриотизма*. Он представляет собой ценностное отношение человека к своему народу, государству и отечеству, воплощающееся в сложном комплексе идей, чувств и практических действий, направленных на благо своей Родины.

Литература

1. *Бабосов, Е. М.* Нравственная культура личности / Е. М. Бабосов. – Минск : Наука и техника, 1985. – 184 с.

2. *Бердяев, Н. А.* Смысл творчества / Н. А. Бердяев // Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 607 с.

3. *Быков, А. В.* Теоретико-методологические подходы к изучению альтруизма : аналитический обзор / А. В. Быков // Социология: методология, методы, матем. моделирование. – 2013. – № 37. – С. 179–207.

4. *Гусейнов, А. А.* Этика / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян. – М. : Гардарика, 1998. – 461 с.

5. *Дюркгейм, Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. – М. : Канон, 1995. – 352 с.

6. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – М. : Канон, 1996. – 431 с.

7. *Дюркгейм, Э.* Самоубийство. Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М. : Мысль, 1994. – 399[1] с.

8. *Луман, Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина. – СПб. : Наука, 2007. – 643 с.

9. *Ницше, Ф.* Сумерки идолов, или как философствуют молотом / Ф. Ницше // Соч. : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 556–630.

10. *Соловьев, В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Соч. : в 2 т. / В. С. Соловьев. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1.

11. *Соловьев, В. С.* Смысл любви / В. С. Соловьев // Избранное / В. С. Соловьев. – М., 1990.

12. *Сорокин, П. А.* Преступление и кара. Подвиг и награда : социол. этюд об основных формах обществ. поведения и морали / П. А. Сорокин. – М. : Астрель, 2006. – 624 с.

13. *Сорокин, П. А.* Система социологии / П. А. Сорокин. – М. : Астрель, 2008. –1003 с.

14. *Швейцер, А.* Благоговение перед жизнью / А. Швейцер // Реальность и субъект. – М., 2001. – Т. 5.

15. *Шопенгауэр, А.* Две основные проблемы нравственности. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – Минск : Попурри, 1999.

E. M. BABOSOV

ALTRUISM AS A SPECIFIC WAY OF THE REALIZATION OF HUMANISTIC MEASUREMENT OF THE SOCIAL BEING

Summary

The nature and peculiarities of altruism as a moral principle of man's relation to the needs, interests and sorrows of others are theoretically explicated. Its connection with the higher moral principles – spirituality, justice, virtue, and others – is characterized.

Keywords: altruism, moral principle, humanistic measurement, spirituality, justice, virtue, love, charity.

Поступила 02.10.2014 г.

УДК 304.44

Н. В. ПРОКАЗИНА,

доктор социологических наук, доцент,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Орловский филиал, г. Орел

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ И РОССИИ[1]

В работе представлен социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне. Выделены три компонента исторической памяти: культурная, социальная и коммуникативная память. На основе анализа вторичных данных и результатов проведенных исследований представлены основные проявления и характеристики компонентов исторической памяти в общественном сознании жителей Беларуси и России.

Ключевые слова: историческая память, культурная память, социальная память, коммуникативная память, Великая Отечественная война.

Историческая память обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании оценки событий прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей. Приближающийся 70-летний юбилей Победы в 2015 г. является мощным стимулом для изучения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, выявлении особенностей ее формирования и конструирования.

Объективный научный интерес к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне обусловлен развитием конструктивистской социологической концепции [1, с. 9], изменяющей подход к осмыслению социальной реальности, которое включает не только ее настоящее, и будущее, но и ее прошлое.

Описывая характеристики современности, А. Турен, П. Хаттон, Г. Любе подчеркивают беспрецедентную историчность современной цивилизации. Междисциплинарный подход позволяет отразить важную методологическую характеристику – главным предметом истории становится не событие прошлого, а память о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, реконструировался в последующих поколениях с помощью методов исторической критики. В результате актуализируется и интерес социологов к понятию историческая социальная память.

[1] Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 14–23–23500 «Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ».

Опираясь на представления Ж. Т. Тощенко [6, с. 296] о содержании исторической памяти как определенным образом сфокусированном общественном сознании, отражающем особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим, выделим общие представления об исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Историческая память о Великой Отечественной войне – это выражение процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства, связанного с событиями Великой Отечественной войны и для возвращения его влияния в сферу общественного сознания с целью формирования патриотизма, гражданского самосознания и единения нации.

Историческая память о Великой Отечественной войне выступает фактором мобилизации нации на выдвижение позитивного, конструктивного сценария будущего развития страны [4, с. 202].

Историческая память о Великой Отечественной войне может быть представлена как «синтез культурной, социальной и коммуникативной памяти». Такой ракурс позволяет выделить три основных компонента исторической памяти:

культурную память – уровень памяти, который формируется институциональными каналами и представляет собой кодифицированный набор описаний, идей и образов прошлого;

социальную память – социальные представления о прошлом, формирующиеся в результате инкорпорации и усвоения культурной памяти в массовом сознании;

коммуникативную память – социальные установки, сформированные на основе личного опыта под влиянием социокультурных факторов и детерминирующие культурную и социальную память. Использование понятия «социальная установка» одновременно указывает на факт психологического переживания отношения к значимому объекту и на факт социальной детерминации, направленности отношения [5, с. 588]. Таким образом, в понятии «социальная установка» объединяются смыслы аффектов, эмоций, предметного содержания, каналов и источников информации [4, с. 203].

Проанализируем особенности проявления выделенных компонентов исторической памяти о Великой Отечественной войне на примере вторичного анализа данных; социологических исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 г.: «Память о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Республики Беларусь», n = 2099 респондентов (национальная репрезентативная выборка); и социологических исследований, реализованных в рамках проекта: «Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ»:

1. «Историческая память о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей г. Орла», n = 404 респондента, проживающих в г. Орел. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, сфере занятости. Опрос проведен в феврале 2014 г.

2. Контент-анализ рисунков был проведен на основе специально организованного конкурса детских рисунков. Всего отобрано 334 рисунка, выполненных учениками школ г. Орла, Орловской области и г. Москва в мае–июне 2014 г.

Для анализа культурной памяти как кодифицированного набора идей и образов прошлого используем результаты масштабного исследования Российского института стратегических исследований в 2010 г. под руководством Т. С. Гузенковой. Проведенный авторским коллективом анализ учебников истории о событиях Второй мировой войны и Великой Отечественной войны позволил выделить три типа исторических версий: традиционную (позднесоветскую версию), трансформированную, радикально пересмотренную.

Авторы исследования отмечают, что наименьшим изменениям подверглись учебники таких стран, как Беларусь, Казахстан, Армения, отчасти Узбекистан, а также непризнанной республики ПМР.

В наибольшей – страны Балтии, Украины, Польши и Грузии. Анализ событий, разворачивающихся в этих странах в последние годы, отчетливо демонстрирует влияние радикально пересмотренных подходов на состояние общества, на его социально-политическую стабильность и отношение к общей истории. Это подчеркивает важность постмодернистского тезиса конструирования «позитивных традиций» в официальной памяти общества.

Показательным является тот факт, что на вопрос о том, стоит ли сохранять связь государственных праздников Республики Беларусь с событиями Великой Отечественной войны, 89,5 % жителей республики в 2013 г. ответили утвердительно. Следовательно, традиционная версия событий Великой Отечественной войны является фактором интеграции и единства общества.

В целом Великая Отечественная война является наиболее общей темой, вызывающей интерес у представителей различных социальных групп. Так, по результатам опроса ВЦИОМ в июне 2014 г. у 69 % россиян война является предметом обсуждения в семье. Однако следует констатировать, что за последние десять лет значительно сократилась доля тех, кто говорит в семье довольно часто: с 25 % в 2005 г. до 15 % в 2014 г.

О том, что их родственники были участниками Великой Отечественной войны, знают 88 % россиян. При этом 42 % россиян хорошо осведомлены о жизни своих родственников в военные годы, а 31 % – треть опрошенных – не знают подробностей их биографии [3].

Памятные семейные вещи времен Великой Отечественной войны представляют все меньшую ценность. Так, опрос жителей Орловской области показывает, что 23,5 % хранят фотографии, военную форму и медали; 13,5 % респондентов хранят письма с фронта и газеты военных лет; 43,8 % ничего не хранят; 19,2 % – затруднились с ответом.

В целом культурная память как компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне обладает большой потенциальной силой. Это проявляется в способности сохранять в массовом сознании оценки событий прош-

лого, превращающиеся в ценностные ориентации, определяющие поступки и действия людей в современном мире. Поэтому актуализируется вопрос о сознательно проводимой политике по конструированию в общественном сознании образов и описаний о Великой Отечественной войне.

Социальную память характеризуют в первую очередь социальные представления о прошлом, формирующиеся в результате инкорпорации и усвоения культурной памяти в массовом сознании.

Результаты социологического исследования, проведенного в 2013 г. в Беларуси, выявили, что для белорусов Великая Отечественная война – это, прежде всего, «Великая победа наших отцов и дедов» (36,9 %), а также «героический подвиг советского народа» (25,0 %). Третье ранговое место занимает высказывание «трагическое событие, унесшее жизни многих людей» (22,4 %). Незначительные расхождения прослеживаются в социальных установках россиян. Опрос жителей Орловской области в феврале 2014 г. показал, что Великая Отечественная война – это «трагическое событие, унесшее жизни многих людей» – 33,8 %; это «Великая победа наших отцов и дедов» – 33,6 %; «героический подвиг советского народа» – 26,1 % (табл. 1).

Таблица 1. **Распределение ответов на вопрос: «В Вашем понимании Великая Отечественная война – это…»**

Варианты ответов	Беларусь 2013	Россия 2014
Великая победа наших отцов и дедов	36,9	33,6
Героический подвиг советского народа	25,0	26,1
Трагическое событие, унесшее жизни многих людей	22,4	33,8

Таким образом, на уровне социальных представлений как социального компонента исторической памяти патриотизм и героическая тематика концентрированно выражены у жителей Беларуси.

Основаниями для формирования представлений о Великой Отечественной войне, по мнению опрошенных россиян, являются знания, полученные в школе (31,3 %); полученные в семье (30,1 %); полученные из разных источников (15,9 %); полученные в процессе общения с ветеранами/посещения музеев (9,8 %). Половина опрошенного населения считает, что их уровень знаний по событиям Великой Отечественной войны находится на уровне школьного/вузовского курса; треть опрошенных отмечает, что их объем знаний чуть выше среднестатистического. Следовательно, по мнению россиян, их социальные представления о Великой Отечественной войне находятся на школьном уровне. Показательными на этом фоне являются результаты опроса, в соответствии с которым россияне предпочитают, чтобы все темы в школьных учебниках истории рассматривались в равной степени (58 %), и только 10 % останавливают свой выбор на событиях Великой Отечественной войны [2].

Сравнительный анализ показывает, что у белорусов и россиян сформированы идентичные представления о празднике Победы (табл. 2).

Таблица 2. **Распределение ответов на вопрос: «Праздник 9 мая для Вас – это…»**

Варианты ответов	Беларусь 2013	Россия 2014
День памяти и скорби	46,5	42,8
Праздник ветеранов войны	28,5	25,0
Государственный официальный праздник	20,9	15,8
Всенародный праздник для стран бывшего СССР	16,4	16,5

День Победы – 9 мая ассоциируется как «день памяти и скорби», «как праздник ветеранов войны». Однако представления о 9 мая как всенародном празднике для стран бывшего СССР постепенно вытесняется из массового сознания, что снижает интеграционный потенциал исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Таким образом, на уровне социальной памяти как социальных представлений о прошлом не наблюдается существенных расхождений, что позволяет признать идентичность сформированных представлений в массовом сознании жителей Беларуси и России.

Коммуникативная память как компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне представляет собой социальные установки, объединенные аффектами, эмоциями, предметным содержанием, каналами и источниками информации.

В 2004 г. 90 % населения России отмечали, что интересуются темой Великой Отечественной войны. В 2014 г. региональное исследование показало, что 59,6 % опрошенных интересует тема Великой Отечественной войны, 30,2 % отметили, что они не интересуются, но и не игнорируют возможность получения информации о Великой Отечественной войне.

У населения Беларуси и России идентичны основные источники формирования знаний и представлений о Великой Отечественной войне (табл. 3).

Таблица 3. **Распределение ответов на вопрос: «Источники знаний о Великой Отечественной войне»**

Варианты ответов	Беларусь 2013	Россия 2014
СМИ	35,3– белорусские 8,4 – российские	29,0
Учебные заведения	36,0	25,0
Встречи с ветеранами	20,6	21,0
Музеи, воинские мемориалы, документальные фильмы	53,4	33,3
Художественная литература	31,4	34,0
Кинофильмы, театральные спектакли	52,6	43,5

Можно выделить некоторые различия, проявляющиеся в оценке населением значимости того или иного источника, однако основополагающими выступают кинематограф; СМИ; посещение музеев, воинских мемориалов и просмотр документальных фильмов; художественная литература.

С историей войны россияне, прежде всего, соприкасаются благодаря просмотру фильмов: так, в течение последнего года 86 % респондентов смотрели кино, посвященное событиям 1941–1945 гг. К военной литературе россияне обращаются значительно реже: о том, что читали в этот период книги о войне, сообщили только 30 % опрошенных. Чаще всего читают военную литературу пожилые люди (36 % старше 60 лет), нежели представители среднего возраста (21 %) [6].

Коммуникативная память включает в себя и эмоциональный компонент, который характеризует факт психологического переживания отношения к событиям Великой Отечественной войны.

Эмоциональная окраска событий Великой Отечественной войны у населения России и Беларуси совпадает. Великая Отечественная война вызывает чувство гордости за страну, победившую фашизм; чувство благодарности участникам войны, спасшим страну от порабощения; чувство горечи за огромные жертвы, понесенные нашим народом (табл. 4).

Таблица 4. **Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете в связи с юбилеем Победы (Беларусь 2013 – … с 70-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков)**

Варианты ответов	Беларусь 2013	Россия 2014
Чувство гордости за страну, победившую фашизм	21,0	47,8
Чувство горечи за огромные жертвы, понесенные нашим народом	15,9	17,5
Чувство благодарности участникам войны, спасшим страну от порабощения	37,8	33,8
Чувство радости, что живу в мирное время	15,5	–
Другое	9,8	0,9

Показательным для анализа коммуникативного компонента социальной памяти является контент-анализ рисунков, который показал, что у современных школьников сформирован экзистенциальный страх войны.

Диана, 10 кл.: война – это боль, слезы, потери, страх;

Анастасия, 10 кл.: война губит невинных людей;

10 кл. – война уносит жизни, война разрушает все вокруг. Люди, живите мирно!

Один из десятиклассников процитировал стихотворение А. Т. Твардовского, характеризующее весь трагизм Великой Отечественной войны:

Я убит под Ржевом
В безымянном болоте
В пятой роте на левом
При жестоком налете.
Я не видел разрыва,
Я не видел той вспышки.
Точно в пропасть с обрыва,
И ни дна, ни покрышки.
И во всем этом мире
До конца его дней
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

(А. Т. Твардовский)

Таким образом, Великая Отечественная война в представлениях современных школьников ассоциируется не только с героическим подвигом народа, но и с жертвами и потерями.

Незначительная часть рисунков на тематику Великой Отечественной войны связана с современными локальными войнами и конфликтами. Появление рисунков современной тематики демонстрируют ощущение неустойчивости мира и его сложность.

На подавляющем большинство рисунков (63 %) изображена военная техника – танки, самолеты. Это свидетельствует о том, что популярные игры о Великой Отечественной войне технократического содержания – «World of Tanks» и др. – способствуют формированию представлений о войне, а сами игры выступают источником воспроизводства исторической памяти. Следует отметить, что гендерные отличия в воспроизводстве боевой техники сглажены, подробно прорисовывают детали как юноши, так и девушки.

На военную тему говорят в семьях 69 % граждан России. 35 % опрошенных встречались с ветеранами в 2014 г. и 38 % – в 2007 г. Места боевой славы, музеи и мемориалы посещали 30 % опрошенных, а могилы погибших воинов навещали 28 % участников опроса. Опрос, проведенный на региональном уровне, показал, что 49,5 % респондентов оказывали помощь ветеранам, участникам и свидетелям тех событий.

Активно используются новые каналы и технологии для воспроизводства исторической памяти и формирования представлений о Великой Отечественной войне.

В СМИ складывается ситуация, когда трансформируются и радикально пересматриваются события и итоги Великой Отечественной войны. Такая ситуация обусловливает необходимость просветительской и информационной деятельности, направленной на различные социальные группы для формирования представлений, образов и установок о событиях и значении Великой Отечественной войны.

Проведенный пилотажный анализ культурных, социальных и коммуникативных компонентов исторической памяти о Великой Отечественной войне показывает, что основным эмоциональным фоном и белорусов, и россиян выступают чувства гордости за страну, победившую фашизм, благодарности участникам и горечи от огромных жертв. Доминирующими установками являются героическая тематика и патриотизм.

Следует признать, что сегодня идет принципиально новый этап сохранения и воспроизводства памяти о Великой Отечественной войне. Ситуация

осложняется и тем, что непосредственные носители памяти о войне уходят, и от воплощения памяти в тех, кто выступает ее носителями и находит для нее новые употребления, во многом зависит содержание исторической памяти о Великой Отечественной войне у жителей Беларуси и России.

Современные общества активно используют возможность сознательного управления конструированием социальной реальности, поэтому задача запоминания, сохранения и воспроизведения исторической социальной памяти о Великой Отечественной войне остается актуальной.

Литература

1. *Артог, Ф.* Время и история / Ф. Артог // Анналы на рубеже веков : антология. – М., 2002. – С. 147–168.

2. Пресс-выпуск № 2368 «О чем писать в учебниках истории Отечества» [Электронный ресурс]. – 09.08.2013. – Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114343. – Дата доступа: 23.07.2014.

3. Пресс-выпуск № 2697 «Великая Отечественная война в рассказах и фильмах» [Электронный ресурс]. – 18.06.2014. – Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114864. – Дата доступа: 23.07. 2014.

4. *Проказина, Н. В.* Социологический подход к изучению исторической памяти о Великой Отечественной войне / Н. В. Проказина // Казанская наука. – 2014. – № 7. – С. 202–205.

5. Российская социологическая энциклопедия. – М., 1999. – 672 с.

6. *Тощенко, Ж. Т.* Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. – М., 2001. – 398 с.

N. V. PROKAZINA

HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF BELARUS AND RUSSIA RESIDENTS

Summary

This paper presents a sociological approach to the study of the historical memory of the Great Patriotic War. There were identified three components of historical memory: cultural, social and communicative memory. Based on the analysis of secondary data and the results of the research are the main manifestations and characteristics of the components of historical memory in the public consciousness of the inhabitants of Belarus and Russia.

Keywords: historical memory, cultural memory, social memory, communicative memory, the Great Patriotic War.

Поступила 22.09.2014 г.

УДК 355.01

И. В. ЛАШУК,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

В статье представлен анализ социального компонента исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси. Фокус внимания сосредоточен на социальных стереотипах восприятия этой войны; ассоциациях об участии Беларуси и белорусского народа; эмоциональном отношении к 70-летию освобождения от немецко-фашистских захватчиков и уровне информированности о военных событиях.

Ключевые слова: историческая память, социальный компонент, общественное сознание.

Проблемы исторической памяти являлись изначально полем исторической дисциплинарности. Следует в этой связи обозначить работу М. Хальбвакса «Коллективная память», изданную в 1925 г. М. Хальбвакс определял коллективную память в качестве особого сегмента исторического знания, который существует отдельно от академического или научного исторического знания. Он показал, что коллективные представления сообщества о прошлой истории являются одним из ключевых ресурсов формирования внутренней коллективной самоидентичности сообществ, благодаря которой утверждается и поддерживается социокультурная дифференциация, социокультурное разнообразие в их среде. В это время его внимание было направлено не на вопросы связи памяти и истории, а «на проблему движущих сил самой памяти». Проблема памяти с точки зрения связи с историческим знанием стала предметом его внимания, по-видимому, лишь незадолго до смерти в 1945 г. [1, с. 193]. В работах М. Хальбвакса оформлено еще одно важное понятие – понятие «коммеморации». Им определяются все многочисленные способы, с помощью которых в обществе закрепляется, сохраняется и передается память о прошлом [2, p. 81].

Специфика коллективной памяти в том, что она непосредственно связана с групповыми или массовыми действиями людей, которые подчиняются определенным правилам, проходят по определенным маршрутам, создают определенный хореографический, звуковой, пластический рисунок и декорации для него. Коммеморативное действие настолько прочно связано с коллективным историческим знанием, что даже малейшее изменение рисунка, маршрута

движения или его декоративного убранства изменяет смысловую наполненность исторического знания.

Важность изучения материального компонента коллективной памяти обоснована в работах французского ученого Пьера Нора. Развивая идеи М. Хальбвакса, П. Нора фокусировал внимание на концепте «мест памяти» («les lieux de memoire»), который указывает на предметно-материальное ядро, центр коммеморативного действия. Место памяти П. Нора определяет как последний след памяти сообщества, остающийся после того, как распались практики сообщества и само это сообщество распалось или исчезло. Акцентируя внимания на «месте», П. Нора подчеркивает то обстоятельство, что коммеморативные практики маркируют конкретные географические точки, которые в силу этого обретают исключительную духовно-символическую значимость. Их значимость для сообщества базируется ни на геолого-географических, ни на климатических или природных, ни на экономических или эстетических особенностях территории, но, прежде всего, на том, что они являются территориальной частью коллективного коммеморативного комплекса данного сообщества [3].

В русле социологических исследований идеи М. Хальбвакса развила Яель Зерубавель [4, с. 10], которая, в частности, акцентировала внимание на том, что особенности коммеоративных действий связаны со стремлением независимых сообществ публично заявлять, манифестировать собственные ключевые отличия.

Следует отметить также подход Я. Ассмана, который вводит понятие «культурная память» и рассматривает взаимосвязь трех предметов: 1) памяти как культурной практики обращения к прошлому, 2) политического воображения, созидающего политические идентичности, и 3) культурной преемственности, разворачивающейся в виде культурных традиций [5, с. 44].

Теоретический анализ подходов позволил сделать вывод: все исследования в области исторической и социальной памяти сосредоточены на нескольких задачах. Наиболее общая – определение памяти, причем исследователи сходятся во мнении, что единое определение в качестве «рабочего» возможно, но в целом малопродуктивно. Далее следует назвать изучение специфики памяти для различных событий или исторических периодов. И, наконец, влияние памяти на социальную, политическую и культурную практику.

Спектр определений памяти весьма широк: она рассматривается как «чувство прошлого» (Р. Джонсон), «диалог, процесс создания значений», «сохранение прошлого в настоящем» (П. Нора), «символическое представление о традиции и о прошлом, возникающее в контексте социальных действий» (Д. Нерон). В российской гуманитарной мысли акцент делается на понимании культуры как внегенетической памяти человечества (Д. Лихачев, Ю. Лотман).

В целом память – это передаваемая различными способами и закрепленная информация о прошлом, знания и опыт, причем эмоционально окрашенный опыт, особая культурная конструкция.

Наиболее ярким историческим событием XX в. является Великая Отечественная война, историческая память о котором претерпела многие трансформации. Рубеж 1980–1990-х гг. явился крупным, международного значения поворотным пунктом динамики исторической памяти о войне. Вследствие распада «социалистической системы» и Советского Союза подверглись переоценкам все военные события столетия и особенно – Вторая мировая война. Этот процесс затронул все страны: и ведущие державы Запада, и бывшие страны «соцлагеря» в Восточной Европе, и новые государства, прежде входившие в состав СССР.

Следует отметить, что исторический поворот конца 1980-х гг. имел ряд составляющих, которые по-разному повлияли на разные страны и, соответственно, историческую память их народов. Во-первых, речь идет о капиталистической реставрации в странах бывшего «социалистического содружества» со всеми вытекающими последствиями, в том числе в области идеологии, пропаганды, воздействия на массовое сознание. В этом контексте интерпретация многих событий, особенно имевших отношение к социалистическому периоду в этих странах, закономерно подверглись инверсии.

Процесс исторического осмысления Великой Отечественной войны нашел отражение в российских историографических работах. Преимущественное освещение в них получили вопросы состояния источниковой базы и научной разработки истории Великой Отечественной войны. В 1990-е гг. появились статьи Ю. Афанасьева, А. Голубева, А. Шевырева, Е. Зубковой, А. Куприянова и других авторов, в которых рассматривались вопросы о том, какую картину прошлого, исторические образы формируют в сознании учащихся школьные и вузовские учебники.

Следует отметить также работы российских авторов. Н. Павленко, А. Самсонов, В. Кулиш, М. Мельтюхов, А. Мерцалов, В. Золотарев, анализируя состояние исторических исследований в области Великой Отечественной войны, отметили ряд имевших место искажений исторической картины войны, наличие серьезных пробелов в ней. При этом некоторые историки пришли к выводу, что практически все сделанное в советский период представляет собой в большей или меньшей степени искажение подлинной истории войны, устарело и должно быть отброшено. Эта позиция была активно поддержана в исторической публицистике первой половины 1990-х гг. такими писателями, как В. Астафьев, В. Быков, В. Кондратьев. Широкое распространение получило образное выражение В. Астафьева «другая война», которое он употребил для того, чтобы подчеркнуть, что к картине войны, созданной советскими историками, он, как солдат, не имеет никакого отношения, что он воевал на совершенно другой войне.

Реконструкция картины «другой войны» в качестве главной задачи была сформулирована группой историков во главе с Ю. Афанасьевым. Этими учеными предлагалось коренное изменение ряда важнейших оценок Великой Отечественной войны, что было неоднозначно оценено исторической общественностью. Многие историки сочли столь решительный пересмотр преж-

них оценок недостаточно обоснованным, а некоторые расценили как попытку нового конъюнктурного переписывания истории войны. По их мнению, исторический образ Великой Отечественной войны, существовавший в сознании советского общества, должен быть сохранен как одна из опор национального самосознания [6].

Широкое освещение получили в специальных искусствоведческих и литературоведческих исследованиях особенности освещения Великой Отечественной войны в художественной литературе, в кинематографе, в изобразительном искусстве. В 1990-е гг. на основе новых подходов исследователями был рассмотрен ряд важных проблем культуры советского общества. В работах Е. Добренко, И. Голомштока, Д. Бабиченко, А. Морозова анализировались факторы и процесс формирования советской культуры, типологические особенности советской литературы и искусства, раскрывалась их связь с социально-политическими процессами 1920–1950-х гг., место и роль в общественно-политической жизни. Подробное освещение получили формы контроля партийно-государственного аппарата за этими формами общественного сознания.

Активно в данном проблемном поле работают и белорусские ученые. В советский период исследователи главное внимание уделяли вопросам монументального строительства. Памятники Великой Отечественной войны в рассматриваемый период являлись, в большинстве своем, предметом исследований искусствоведов, усилия которых были сконцентрированы на изучении проблем проектной деятельности, истории строительства того или иного выдающегося мемориального сооружения, описании его эстетико-художественных характеристик.

Что касается истории поискового движения как составной части мемориализации событий Великой Отечественной войны на территории БССР, то отдельные его аспекты рассматривались исключительно в контексте военно-патриотического воспитания. Важным шагом в деле охраны воинских памятников явилось издание «Свода памятников истории и культуры Белоруссии». Большую его часть занимали сведения об учтенных на то время захоронениях погибших советских воинов, партизан и мирных жителей, могилах ветеранов войны, местах сожженных деревень, о памятниках и мемориальных комплексах, посвященных Великой Отечественной войне.

Помимо этого, в советский период было положено начало самому масштабному книжному проекту, увековечивающему память о погибших в годы войны. Это издание серии историко-документальных хроник «Память».

После обретения Республикой Беларусь статуса независимого и суверенного государства начался новый период изучения истории Беларуси периода Великой Отечественной войны, а также вопросов ее мемориализации.

Постановка проблемы увековечения событий войны как нового направления исторических исследований связана с выходом в 2005 г. коллективного труда «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», в заключительной главе которого определены основные направления мемориали-

зации. Особое место среди работ белорусских историков занимают публикации А. А. Ковалени [7]. Заслугой ученого является изучение памяти о войне как комплексной проблемы. Различные аспекты организации и проведения поисковой работы стали предметом исследования В. В. Шумского, разработкой аспектов военно-патриотического воспитания занимается М. А. Журавков, социальный аспект увековечения рассматривает К. И. Козак. Отдельные составляющие проблемы затрагиваются Л. М. Нестерчуком в рамках исследований по охране историко-культурного наследия Беларуси. Современные тенденции художественно-композиционного решения воинских мемориалов отражены в публикациях П. В. Войницкого, Л. Е. Дягилева, А. С. Шамрук. Новой, по сравнению с предыдущим периодом, является тема мемориализации жертв Холокоста, которая представлена исследованиями М. Б. Ботвинника, Л. Левина, И. Смиловицкого. Определенный вклад в разработку вопросов формирования национального законодательства об охране историко-культурного наследия и надзору за его выполнением внес И. Э. Мартыненко.

В научной литературе концептуально выделяются три уровня исторической памяти о Великой Отечественной войне. Данные уровни выделены исключительно в аналитических целях и имеют разную методологию исследования.

1. *Культурная память* – уровень памяти, который формируется властным дискурсом и представляет собой кодифицированный набор описаний, идей и образов прошлого. В современном обществе важнейшими институтами трансляции культурной памяти выступают институт образования (чаще всего непосредственно контролируемый государством) и средства массовой информации. Здесь целесообразно использовать метод анализа документов (публикаций в СМИ о войне и учебников истории ВОВ).

2. *Социальная память* – уровень исторической памяти, который формируется в результате инкорпорации и усвоения культурной памяти в массовом сознании, это обыденные представления о прошлом, зачастую фрагментарные и противоречивые. Этот уровень как раз и представлен социальными стереотипами о прошлом. Для выявления особенностей этого уровня памяти целесообразно использовать социологические опросы общественного мнения.

3. *Коммуникативная память*, связанная с индивидуальными биографиями либо семейными преданиями о Великой Отечественной войне. Данный уровень находится в поле исторической дисциплинарности, где активно используется методология устной истории [8].

В данной работе фокус внимания сосредоточен на основных характеристиках *социального компонента* исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси. По результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2013 г. по национальной выборке[1], в понимании жителей страны

[1] Эмпирической базой данной статьи явились данные социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси осенью 2013 г. по общереспубликанской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, уровню образования, региону проживания и типу населенного пункта (объем – 2099 респондентов).

Великая Отечественная война – это в первую очередь (в порядке убывания): «Великая победа наших отцов и дедов»; «героический подвиг советского народа» и «трагическое событие, унесшее жизни многих людей». Статистический анализ полученных в ходе исследования данных зафиксировал достоверные различия в зависимости от возраста респондента[1]. Так, молодежь до 30 лет в большей степени воспринимает Великую Отечественную войну как «Великую победу отцов и дедов»; старшая возрастная группа (60 и старше) акцентирует внимание на войне как на «трагическом событии, унесшем жизни многих людей» (табл. 1).

Таблица 1. **Социальные стереотипы восприятия Великой Отечественной войны, %**

«В Вашем понимании Великая Отечественная война – это...»	До 30 лет	31–45 лет	46–59 лет	60 лет и старше	В среднем по выборке
Великая победа наших отцов и дедов	**41,3**	37,1	34,9	32,7	36,9
Героический подвиг советского народа	20,6	24,2	30,7	25,0	24,9
Наиболее значимое событие в истории XX в.	4,7	4,8	4,4	3,0	4,3
Одна из множества войн в истории Беларуси	3,7	1,7	1,5	1,9	2,2
Трагическое событие, унесшее жизни многих людей	21,4	24,4	18,8	**25,7**	22,4
Тяжелое испытание для белорусского народа	6,7	6,1	8,1	9,8	7,5
Другое	0,7	1,1	1,3	0,9	1,0
Затрудняюсь ответить	1,0	0,7	0,2	0,9	0,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Праздник 9 мая жители республики воспринимают как «день памяти и скорби по всем погибшим», а также «праздник ветеранов войны» (рис. 1).

Рис. 1. Социальные представления о празднике 9 мая

[1] Здесь и далее для определения статистической значимости различий использовался критерий Хи-квадрат (при уровне значимости *p* меньше 0,05).

Наибольшие различия в представлениях о празднике 9 мая зафиксированы в зависимости от поколенческой принадлежности. Так, представители среднего возраста (31–45 и 46–59 лет) в большей степени, по сравнению с остальными возрастными группами, воспринимают 9 мая как «государственный, официальный праздник»; самая старшая возрастная группа, наряду с восприятием 9 мая как «дня памяти и скорби по всем погибшим», акцентирует внимание на том, что это все-таки «народный праздник для граждан Беларуси и других стран бывшего СССР» (табл. 2).

Таблица 2. **Представления разных возрастных групп белорусского общества о празднике 9 мая, %**

«Как вы считаете, 9 мая – это прежде всего...»	До 30 лет	31–45 лет	46–59 лет	60 лет и старше
Государственный, официальный праздник	17,5	**24,0**	**23,2**	19,1
День памяти и скорби по всем погибшим	**47,8**	46,4	44,2	**47,9**
Народный праздник для граждан Беларуси и других стран бывшего СССР	14,7	13,6	18,8	**19,5**
Праздник ветеранов войны	**33,8**	27,8	25,5	25,5
Праздник всех народов мира, в том числе и тех стран, которые были нашими противниками в той войне	4,3	6,5	6,0	8,3
Праздник всех стран антигитлеровской коалиции	3,2	6,3	5,1	5,4
Другое	0,4	0,7	1,1	0,4
Затрудняюсь ответить	1,3	1,1	0,9	0,8

Одной из характеристик социального компонента исторической памяти белорусов о Великой Отечественной войне являются ассоциативные представления об участии Беларуси и белорусов в Великой Отечественной войне. По результатам проведенного социологического исследования, для представителей всех поколений это, в первую очередь, «освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» и «тяжелые людские потери белорусского народа» (табл. 3).

Таблица 3. **Ассоциативные представления жителей республики об участии Беларуси и белорусского народа в Великой Отечественной войне, %**

«С чем из нижеперечисленного в первую очередь у Вас ассоциируется участие Беларуси и белорусского народа в Великой Отечественной войне?»	До 30 лет	31–45 лет	46–59 лет	60 лет и старше	В среднем по выборке
Освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков	46,6	41,9	42,7	42,5	43,6
Тяжелые людские потери белорусского народа	20,5	27,5	32,8	**37,5**	28,9
Массовое партизанское движение	14,7	15,0	11,1	12,4	13,4
Защита Брестской крепости	**12,0**	10,3	10,1	4,3	9,5
Сопротивление минских подпольщиков	1,0	0,7	0,8	0,7	0,8
Затрудняюсь ответить	4,2	3,3	1,5	1,2	2,7
Другое	1,0	1,3	1,0	1,4	1,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Наибольшие поколенческие различия зафиксированы по позиции «защита Брестской крепости» – молодежь Беларуси считает данное событие намного более значимым, чем само старшее поколение, представители которого акцентируют внимание на «тяжелых людских потерях белорусского народа».

Статистически значимые поколенческие различия зафиксированы также относительно мнений о том, необходимо ли сохранять связь важнейших государственных праздников Республики Беларусь с событиями Великой Отечественной войны. В целом по выборке жители республики в подавляющем большинстве своем считают, что это необходимо. Однако следует отметить: чем старше респондент, тем более уверенно он выражает необходимость сохранения данной связи. Следует отметить также еще одну особенность: с возрастом число затруднившихся выразить свое мнение становится все меньше (табл. 4).

Таблица 4. **Мнения жителей Беларуси относительно необходимости сохранения связи важнейших государственных праздников Республики Беларусь с событиями Великой Отечественной войны, %**

«Стоит ли сохранять связь важнейших государственных праздников Республики Беларусь с событиями Великой Отечественной войны?»	До 30 лет	31–45 лет	46–59 лет	60 лет и старше	В среднем по выборке
Да, поскольку это важнейшее событие в истории нашего народа	83,0	88,2	93,8	95,3	89,6
Считаю, что в нашей истории есть и более значимые периоды и события	3,4	1,8	1,5	0,7	2,0
Затрудняюсь ответить	13,6	9,9	4,6	4,0	8,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Эмоциональная составляющая, связанная с 70-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, характеризуется у всех поколений чувством благодарности участникам войны, спасшим страну от порабощения (табл. 5).

Таблица 5. **Эмоциональная составляющая, связанная с 70-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, %**

«Какие чувства Вы испытываете в связи с 70-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков?»	До 30 лет	31–45 лет	46–59 лет	60 лет и старше	В среднем по выборке
Чувство благодарности участникам войны, спасшим страну от порабощения	**38,9**	**38,5**	**40,2**	**32,1**	**37,7**
Чувство гордости за страну, победившую фашизм	18,6	19,8	21,7	**25,2**	21,1
Чувство горечи за огромные жертвы, понесенные нашим народом	12,1	14,9	17,9	**20,3**	15,9
Чувство радости от того, что живу в мирное время	15,4	16,1	14,2	16,3	15,5

Окончание табл. 5

«Какие чувства Вы испытываете в связи с 70-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков?»	До 30 лет	31–45 лет	46–59 лет	60 лет и старше	В среднем по выборке
Чувство унижения за сегодняшнее нищенское положение страны-победительницы	6,4	4,4	4,6	4,0	4,9
Другое	2,2	1,1	0,8	1,2	1,3
Затрудняюсь ответить	6,4	5,1	0,6	0,9	3,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Следует отметить некоторые поколенческие различия: чем старше респондент, тем в большей степени он испытывает чувство гордости за страну, победившую фашизм и чувство горечи за огромные жертвы, понесенные нашим народом.

Основную роль в воспроизводстве исторической памяти о Великой Отечественной войне принадлежит информационным каналам. В связи с этим актуальным становится изучение источников информации о Великой Отечественной войне в разных возрастных группах белорусского общества. По результатам проведенного социологического исследования, лидирующими источниками информации о Великой Отечественной войне в среднем по выборке являются: документальные фильмы, художественные фильмы и белорусские СМИ (табл. 6).

Полученные данные свидетельствуют о том, что молодые люди черпают информацию о Великой Отечественной войне через Интернет или через систему образования (школа, вуз). Представители же среднего возраста (31–59) обращаются к художественной литературе. Зафиксировано также: чем старше респондент, тем в большей степени получает информацию о Великой Отечественной войне из белорусских СМИ. Положительным является тот факт, что позиция «не интересуюсь такой информацией» не набрала статистически достоверной величины.

Таблица 6. **Источники информации о Великой Отечественной войне, %**

«Из каких источников Вы получаете информацию о Великой Отечественной войне?»	До 30 лет	31–45 лет	46–59 лет	60 лет и старше	В среднем по выборке
Документальные фильмы	47,8	55,9	56,5	54,6	53,4
Художественные фильмы	39,6	58,3	55,1	60,4	52,6
Белорусские СМИ	22,1	33,3	41,5	**48,7**	35,3
Художественная литература	25,6	**33,6**	**34,9**	32,2	31,4
Через систему образования (школа, вуз)	**41,1**	24,9	19,4	9,1	25,0
Личные беседы с ветеранами	15,9	17,9	20,6	30,9	20,6
Интернет	**33,6**	19,8	9,1	4,2	17,9
Российские СМИ	5,0	8,4	11,3	9,6	8,4
Другое	0,8	0,9	1,5	3,5	1,5
Не интересуюсь такой информацией	5,0	3,2	0,9	1,4	2,8

В целом по республике отмечается удовлетворенность освещением событий Великой Отечественной войны. Однако следует отметить, что у молодежи в большей степени, чем у остальных, возникли трудности с оценкой полноты освещения военных событий, и некоторые из них затруднились с ответом на данный вопрос (табл. 7).

Таблица 7. **Удовлетворенность полнотой освещения событий Великой Отечественной войны, %**

«Достаточно ли в Беларуси освещаются события Великой Отечественной войны?»	До 30 лет	31–45 лет	46–59 лет	60 лет и старше	В среднем по выборке
Да	**37,4**	**34,8**	**42,2**	**42,2**	**38,9**
Скорее да	**34,5**	**34,3**	**33,1**	**32,7**	**33,7**
Скорее нет	13,1	14,2	9,7	10,3	12,0
Нет	3,0	5,0	4,3	6,4	4,5
Затрудняюсь ответить	12,0	11,8	10,8	8,4	10,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Итак, анализ социального компонента исторической памяти о Великой Отечественной войне свидетельствует о том, что в целом население Беларуси демонстрирует достаточно позитивные настроения. Зафиксированы при этом существенные поколенческие различия в восприятии Великой Отечественной войны, ассоциациях, связанных с этим событием, представлениях о празднике 9 мая, а также в источниках информации о Великой Отечественной войне.

Литература

1. *Хаттон, П.* История как искусство памяти / П. Хаттон. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – 424 с.

2. *Halbwachs, M.* The collective memory / Maurice Halbwachs. – New York : Harper & Row Colophon Books, 1980. – 182 p.

3. *Нора, П.* Проблематика мест памяти [Электронный ресурс] / П. Нора. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – Режим доступа: http://ec–dejavu.ru/m–2/Memory–Nora.html. – Дата доступа: 22.09.2014.

4. Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. ст. / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. – М. : Новое изд-во, 2011. – 413 с.

5. *Ассман, Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 368 с.

6. *Афанасьев, Ю. Н.* Другая война: история и память / Ю. Н. Афанасьев // Россия, XX век : в 6 кн. / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева ; Рос. гос. гуманит. ун-т. – М., 1996. – Кн. 3 : Другая война, 1939–1945. – С. 15–31.

7. *Каваленя, А. А.* Беларусь у выпрабаваннях вайны (1939–1945 гг.) : вучэб.-метад. дапам. / А. А. Каваленя. – Мінск : БДПУ імя М.Танка, 2001. – 100 с.

8. *Ластовский, А. Л.* Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой / А. Л. Ластовский // Вестн. обществ. мнения. – 2009. – № 4 (102). – С. 88–99.

I. V. LASHUK

SOCIAL COMPONENT OF THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF THE CITIZENS IN BELARUS: GENERATIONAL DIFFERENCES

Summary

The analysis of the social component of the historical memory of the Great Patriotic War in the public consciousness of the citizens in Belarus is presented in the article. The attention is focused on the social stereotypes of war perception and assosiations on the participation of Belarus and the Belarusian people, emotional attitude to the 70th anniversary of the liberation from German fascist invaders and the level of awareness about the war.

Keywords: historical memory, social component, public consciousness.

Поступила 30.09.2014 г.

УДК 355.18

В. Г. МОИСЕЕНКО,
Государственный пограничный комитет Республики Беларусь

ТРАДИЦИИ И РИТУАЛЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Статья посвящена рассмотрению проблемы патриотического воспитания военнослужащих органов пограничной службы в современных условиях. Дается анализ основных аспектов и направлений патриотического воспитания на примере традиций и ритуалов органов пограничной службы. Конкретизированы основные патриотические ценности военнослужащих органов пограничной службы.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, воспитательное влияние, органы пограничной службы, патриотические ценности, государственные интересы.

Ситуация в современном мире характеризуется стремительными и динамичными изменениями различной природы и характера. Экономические, общественные, военно-политические и иные трансформации мирового масштаба не могут не затронуть отдельных независимых государств. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь указывается, что «интересы большинства человечества затронуты процессами глобализации, которые создают новую объективную реальность и во многом стимулируют мировой прогресс. Вместе с тем ее неоднозначный характер и последствия порождают множественные конфликты интересов. Предпринимаются попытки формирования и навязывания идеологии глобализма, призванной подменить или исказить традиционные духовно-нравственные ценности народов» [3, с. 5]. В этих условиях наибольшему воздействию подвергается национальная, этническая идентичность народов, составляющая основу патриотизма.

Информационно-технологическая революция приводит к формированию принципиально новой глобальной информационной среды, в которой повышаются возможности негативного влияния на личность и общество отдельного государства. В настоящее время информационная война является одним из наиболее действенных средств в достижении мировыми силами своих стратегических целей.

Современные информационные технологии и телекоммуникации расширили возможности человека в интеллектуальном, профессиональном и личностном развитии. Однако, став мощным средством познания, преобразования мира и самого человека, информационные технологии в то же время превратились для него в самую серьезную угрозу [10].

В таких условиях воспитание граждан Республики Беларусь в духе патриотизма является одной из наиболее значимых задач государства. Формирование гражданина-патриота, одухотворенного идеалами добра и социальной справедливости, способного чтить традиции своего народа и уважительно относиться к ценностям иной культуры, творить и созидать во имя Отечества, становится одной из актуальных проблем современного общества.

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, «укрепление духа патриотизма» является одним из основных национальных интересов Республики Беларусь в социальной сфере [3, с. 10], а одним из основных внутренних источников военных угроз в военной сфере, определенным в этом же документе, – «ослабление в обществе чувства патриотизма, готовности граждан к вооруженной защите независимости и территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь» [3, с. 21].

В связи с этим проблемы повышения эффективности патриотического воспитания становятся приоритетными, а их моделирование – социально-значимым и для военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь.

Все лучшее, что было в истории пограничных войск страны, взято сегодня на вооружение и является составной частью ритуалов, проводимых в органах пограничной службы. Чувство патриотизма всегда было и остается высшей нравственной ценностью воина-гражданина. Оно наполняет смыслом воинскую службу на благо Отечества. Свою любовь к Родине, верность воинскому долгу воины-пограничники реализуют в ходе несения службы на границе. Патриотизм – это идеология и психология, политика и деятельность, выражающая особое, любовно-возвышенное, преданное отношение к Отечеству. Психология в данном случае выражает чувственное отношение любви к Отечеству, а идеология – рациональный, теоретически обоснованный уровень этого отношения.

Понятие «Отечество» является синонимом понятия «Родина». Применительно к патриотизму понятие «Родина» используется в двух значениях: «малая родина» – конкретное место, где человек родился и вырос, где у него сформировалось отношение к окружающему миру и своей стране; «большая Родина» – государство, в котором он живет. В целом же понятие «Отечество» применяется для обозначения совокупности элементов социальной и природной среды данного общества, страны. Отечество является объектом патриотизма, т. е. к нему направлено соответствующее отношение жителей данной страны. Субъекты патриотизма – те, кто проявляет отношение к Отечеству, ими являются конкретные люди, социальные группы, слои, классы, объединения граждан [8, с. 23].

Анализ практики последних лет позволяет выявить несколько направлений в патриотическом сознании. Патриотизм как возвышенное чувство – незаменимая ценность и неиссякаемый источник, важнейший мотив социально

значимой деятельности наиболее полно проявляется в личности, социальной группе, достигшей высшего уровня духовно-нравственного и культурного развития. Глубоко духовный в своей основе патриотизм предполагает бескорыстное, вплоть до самопожертвования, служение Отечеству, являющееся мерилом нравственности в оценке любой социальной деятельности, самого смысла человеческой жизни и ее предназначения.

Как показывают результаты социологического мониторинга, постоянно проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, в качестве показателей патриотизма выступают следующие характеристики (в порядке убывания) [5, с. 47]:

1. Преданность Беларуси.
2. Готовность жить и работать только в Беларуси.
3. Готовность в трудные времена защищать Беларусь, даже рискуя собой.
4. Активная деятельность на благо Беларуси.
5. Уважение культуры народов, живущих в Беларуси.
6. Любовь к белорусской культуре и языку.
7. Любовь ко всему белорусскому.
8. Уважение государственных символов Беларуси.
9. Предпочтение товаров белорусского производства.
10. Стремление разговаривать на белорусском языке.

Основываясь на этих и других подходах к пониманию понятия «патриотизм», представляется возможным, обобщив его самые существенные признаки, черты, дать ему целостное определение.

Патриотизм – это одна из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущая всем сферам жизни общества и государства, являющаяся важнейшим духовным достоянием личности, характеризующая высший уровень ее развития и проявляющаяся в активной деятельности на благо Отечества. Патриотизм олицетворяет любовь к своей Родине, сопричастность с ее историей, культурой, достижениями, проблемами, притягательными и неотделимыми в силу своей неповторимости и незаменимости, составляющими духовно-нравственную основу личности, формирующими ее гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном, вплоть до самопожертвования, служении Отечеству. Он представляет собой своего рода фундамент общественного и государственного здания, идеологическую опору его жизнеспособности, одно из главных условий эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов.

В историческом плане патриотизм является источником духовных и нравственных сил, здоровья общества, его жизнеспособности и силы, особенно мощно и неудержимо проявляющихся на переломных этапах развития, во время больших, исторически значимых событий, в годы трудных испытаний. Идея патриотизма во все времена занимала особое место в военной организации нашего общества. Самоотверженный, жертвенный характер службы всегда подкреплялся всеобщей народной любовью и уважением к человеку

в погонах, к армии как главному гаранту свободной и безопасной жизни. Такое отношение служило источником морального духа и помогало переносить величайшие испытания в годы войн и нашествий, тяготы и лишения военной службы в мирное время и солдату, и офицеру, и генералу.

Патриотизм и верность воинскому долгу основываются на готовности воинов к защите Отечества. Готовность к защите Отечества является результатом подготовки к выполнению функций по защите интересов государства и выражается в реальной способности к их осуществлению в специфических условиях военной или иной государственной службы. К числу ценностей, на которых основываются военная и другие виды государственной службы, относятся [13]:

гражданский долг – постоянная внутренняя потребность личности в высоконравственном отношении к воинским и иным социально значимым требованиям своего государства;

воинский долг – система социально значимых ценностей и морально-правовых обязанностей военнослужащих, выражающая готовность отстаивать интересы страны, изложенные в Конституции, законах, военной присяге, воинских уставах, приказах командиров и начальников;

профессионализм – степень овладения различными категориями личного состава своими служебными обязанностями и умение успешно выполнять поставленные задачи;

воинское мастерство – уровень профессиональной подготовленности военнослужащего (воинской части, подразделения), характеризующийся высокой степенью готовности к выполнению задач военной службы в мирное время, в период подготовки и ведения боевых действий.

В мирной повседневной жизни воинский долг требует от каждого воина глубокого понимания личной ответственности за защиту Отечества, мастерского владения техникой и оружием, совершенствования своих морально-боевых и психологических качеств, высокой организованности и дисциплины. Быть верным воинскому долгу – значит, всеми своими делами и поступками повышать боевую готовность, крепить боевую мощь страны, а если потребуется, встать на ее защиту. В условиях боевых действий выполнение воинского долга заключается в способности в любых условиях выполнить поставленную задачу, сделать все возможное, чтобы защитить Родину.

В нынешних условиях верность воинскому долгу является проявлением патриотизма в силу того, что:

военная сила государства в современных условиях становится одним из основных факторов, обеспечивающих его независимость, а высокий моральный дух личного состава является одним из существенных компонентов боевой мощи, укрепление же морального духа возможно через формирование у каждого воина-пограничника готовности к защите своей Родины, осознание военной службы как выполнения патриотического долга;

воинская служба требует высокого напряжения моральных и физических сил, а осознание ее значимости для судеб Отечества способно и должно вдохновить воина на преодоление трудностей во имя служения ему;

успешное решение задач по охране и защите границ государства, отстаиванию его национальных интересов возможно лишь при условии высокого морального духа его защитников, который формируется во многом благодаря осознанию личным составом своего долга перед Родиной, гражданской позиции, заключающейся в понимании личной причастности к обеспечению безопасности своей Родины;

глубокое осознание каждым воином-пограничником своей личной причастности к защите Родины, обеспечению мирного труда, в том числе своих родных и друзей, их безопасности вдохновляет воинов на успешное решение боевых и специальных задач.

По мнению белорусских социологов И. В. Котлярова и Н. С. Рысюкевич, многие личностные качества социальных субъектов, в том числе и патриотизм, можно целенаправленно формировать. Для доказательства данного тезиса был проведен социологический эксперимент, направленный на формирование определенных личностных качеств и ценностных ориентаций юных спортсменов. Данная работа проводилась в Минской ДЮСШ № 4 по волейболу и Минском институте управления. Она на практике показала, что задача по воспитанию патриотических чувств молодых людей реальна и выполнима [6; 7].

Формирование патриотизма, верности воинскому долгу требует кропотливой, настойчивой работы, понимания каждым воином, что его труд является общественно необходимым, а добросовестное несение службы, решение даже повседневных задач имеют важное значение, поскольку из вклада единичного труда солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров складывается единый результат – надежная охрана и защита границы. Одна из важнейших проблем: как повседневной деятельности придать патриотическое измерение?

Можно определить некоторые пути решения этой проблемы:

во-первых, необходим поиск и эффективное решение материальных, финансовых, организационных проблем функционирования всех организационных структур от управлений Государственного пограничного комитета до заставы.

Патриотизм – категория нравственная, однако она формируется не на пустом месте. Свою роль здесь играет и материально-бытовая сторона. Поэтому для более успешного формирования патриотического сознания необходимо больше внимания уделять материальной стороне в жизни и деятельности всех категорий личного состава. Задачи воинов-пограничников в этой связи состоят в добросовестном выполнении служебных обязанностей, постоянной и плодотворной работе по совершенствованию материальной базы, бережном отношении к оружию, имуществу как коллективного, так и личного пользования;

во-вторых, необходим поиск наиболее эффективных способов формирования сознания всех категорий военнослужащих с учетом происшедших изменений. Особое значение приобретает формирование в сознании воинов объективной оценки окружающего мира на основе учета их жизненного опыта,

образования, кругозора, интересов. Большое значение имеют показ источников военной опасности государства, характера угроз ее жизненно важным интересам и воспитание воинов в духе готовности к защите этих интересов;

в-третьих, особое место занимает развитие творческого потенциала личности, ее духовности. Здесь важна направленность творческого потенциала воинов-пограничников на формирование у них патриотических взглядов и убеждений, выработку устойчивых мотивов, закрепившихся в сознании в виде целей патриотической деятельности. Необходимо творческий потенциал личности направить на выработку потребности добросовестно трудиться во имя процветания нашего государства, постоянной готовности и способности защитить Отечество. Расхождение взглядов по частным проблемам вполне возможно, но в одном должно быть единство: потребность и готовность к защите Родины – высшему проявлению патриотизма. Верность воинскому долгу предполагает формирование у каждого воина качеств, имея которые он будет способен выполнить поставленную задачу в любых условиях. Готовя себя к выполнению воинского долга, целесообразно формировать те качества, опираясь на которые можно успешно выполнить любую, самую сложную задачу, а зная хорошо своих товарищей и будучи уверенным в них, можно рассчитывать на их помощь и поддержку в трудную минуту.

Выработка этих качеств реализуется в следующих областях жизни.

Духовно-нравственная – предполагает осознание воинами высших ценностей, идеалов и ориентиров, социально значимых процессов и явлений реальной жизни, способность руководствоваться ими в качестве определяющих принципов, позиций в практической деятельности и поведении. Это означает развитие высокой культуры и образованности, осознание идеи, во имя которой проявляется готовность к достойному служению Отечеству, формирование качеств, необходимых в условиях ратной службы.

Историческая – представляет собой знание истории нашей страны, понимание судьбы Отечества, своей неразрывности с ним, ощущение гордости за сопричастность к деяниям предков и исторической ответственности за происходящее в обществе и государстве. Большое значение имеет изучение многовековой истории Отечества, места и роли государства в мировом историческом процессе, военной организации в развитии и укреплении общества, в его защите от внешних врагов, понимание особенностей менталитета, нравов, обычаев, верований и традиций наших народов, героического прошлого различных поколений, боровшихся за независимость и самостоятельность страны [12].

Политико-правовая – формирование глубокого понимания гражданского и конституционного долга, политических и правовых событий и процессов в обществе и государстве, военной политики, основных положений концепции национальной безопасности страны и военной доктрины, места и роли пограничной службы в политической системе общества и государства. Необходимо ознакомление с законами государства, особенно с правами и обязан-

ностями гражданина с функциями и правовыми основами деятельности военной организации общества, осознания положений военной присяги, воинских уставов, требований командиров, начальников, старших должностных лиц.

Патриотическая – включает в себя выработку беззаветной любви и преданности своему Отечеству, гордости за принадлежность к своему народу, к его свершениям, испытаниям и проблемам, почитания национальных святынь и символов, готовности к достойному и самоотверженному служению обществу и государству.

Профессионально-деятельностная – формирование добросовестного и ответственного отношения к труду, связанному со служением Отечеству, стремления к активному проявлению профессиональных качеств в интересах выполнения служебных обязанностей и поставленных задач на базе овладения оружием и техникой.

Воинские традиции представляют собой устойчивые, исторически сложившиеся, передаваемые из поколения в поколение специфические формы отношений в военной организации государства в виде порядка, правил и норм поведения личного состава, его духовных ценностей, нравственных установок и обычаев, связанных с выполнением учебно-боевых задач, организацией военной и других видов государственной службы и быта [12; 13].

Воспитание на традициях включает: активное изучение героического пути, боевых традиций своего отряда, пограничной заставы с акцентом на примерах воинской доблести и героизма воинов, ветеранов в Великой Отечественной войне, участников боевых действий в основных мероприятиях в Афганистане и других «горячих точках».

Таким образом, чувство патриотизма, верность воинскому долгу показывают, что они являются неотъемлемыми компонентами и необходимым условием силы народа, единства и величия государства.

В формировании у личного состава патриотизма и верности воинскому долгу большое внимание уделяется традициям и ритуалам.

Под ритуалом понимается сложившийся на протяжении жизни многих поколений устойчивый вид общественных отношений, проявляющихся в символической форме и регламентируемых общественным мнением, обычаями, а иногда и законами. Различают религиозные, политические, гражданские, воинские и другие ритуалы.

Воинский ритуал – это исторически сложившаяся форма поведения военнослужащих при совершении воинских обрядов, торжественных и траурных церемоний [9]. Воинские ритуалы служат закреплению и распространению воинских традиций.

Своеобразны и эмоциональны ритуалы с Боевым Знаменем у пограничников. К ним, в частности, относятся:

вынос Боевого Знамени части на торжественное собрание;

встреча с Боевым Знаменем на пограничной заставе;

фотографирование при развернутом Боевом Знамени.

Помимо торжественных мероприятий, связанных с Боевым Знаменем, проводятся и другие ритуалы. Они посвящены приведению к Военной присяге, годовому празднику воинской части, подъему Государственного флага на пограничной заставе, встрече молодых солдат на заставе, вручению оружия молодым воинам, боевому расчету, отдаче приказа на охрану государственной границы, первому выходу на охрану государственной границы, посвящению в старшие пограничных нарядов и другие.

Особое место в списке ритуалов органов пограничной службы по праву занимает ритуал принятия Военной присяги. Время принятия Военной присяги объявляется в приказе командира воинской части. До этого с принимающими присягу в подразделениях проводится разъяснительная работа о значении Военной присяги и требованиях законодательства по вопросам защиты Республики Беларусь. В этот день, который считается праздником части, все подразделения к назначенному времени при Государственном флаге Республики Беларусь, Боевом Знамени части и с оркестром выстраиваются в пешем строю с оружием. Форму одежды и порядок построения определяет командир части [12; 13].

В Государственном учреждении образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» появился еще один специфический ритуал – «посвящение в пограничники». Он проводится в день принятия курсантами Военной присяги и заключается в торжественном вручении зеленых фуражек. С 1902 г., уже более века, символом пограничной службы является зеленая фуражка. За эти годы неоднократно менялись структура пограничного ведомства, способы охраны государственной границы, форма пограничников. Но зеленая фуражка остается таким же неотъемлемым символом пограничной службы, как стойкость, мужество и верность долгу – неизменными качествами воинов-пограничников.

Кроме того, к специфическим ритуалам, проводимым в органах пограничной службы, необходимо отнести встречу нового пополнения на пограничных заставах, а также вручение им оружия.

Вызвано это тем, что служба на государственной границе несколько отличается от службы в других силовых структурах. Каждый коллектив пограничной заставы – это отдельная семья, в которой действуют свои неписаные правила и законы, существуют свои традиции и обычаи. Значительное удаление пограничной заставы от места постоянной дислокации пограничной группы или отряда формирует особую психологию данного воинского коллектива. Вот почему, с течением времени, появился и закрепился ритуал принятия нового пополнения, где каждому вновь прибывшему пограничнику дают понять, что пограничная застава на время их службы будет для них домом, а ее коллектив – семьей.

В день прибытия нового пополнения планируются и проводятся различные мероприятия, главные из которых: ознакомление пограничников с историей пограничной заставы, особенностями службы в данном подразделении;

ознакомление с традициями пограничной заставы, обычаями и ритуалами. Прибывших пограничников знакомят с остальным личным составом. В этот день обязательно готовится праздничный ужин.

Вручение оружия новому пополнению проводится в специально отведенный день. Как правило, данный ритуал проводится на плацу, на ритуальной площадке. В назначенное время в указанном начальником пограничной заставы месте строится весь личный состав подразделения и в торжественной обстановке каждому вновь прибывшему пограничнику вручается автомат. Особенно торжественно данное мероприятие проводится на именных пограничных заставах. Так, например, на заставе имени красноармейца Николая Хохлова данное торжественное мероприятие начинается с увековечивания памяти погибшим героям в боях за независимость нашей Родины. Сущность данного мероприятия заключается в том, чтобы пограничники оценили степень доверия и уровень ответственности, возлагаемый на них государством и белорусским народом, осознали тот факт, что не каждому дано право с оружием в руках защищать родные рубежи своей Родины.

Традиция – своеобразное общественное явление, особая форма общественных отношений, проявляющихся в переходящих от поколения к поколению действиях, обычаях, принципах и нормах взаимоотношений между людьми. Традиции предполагают привычные представления и вкусы, идеи и убеждения, воплощенные в различных направлениях искусства, в науке, политике, обусловленные общественными отношениями и опирающиеся на силу общественного мнения.

Своеобразными традициями в органах пограничной службы Республики Беларусь являются, например, празднование Дня пограничника, организация работы офицерского собрания, празднование дня части и другие.

В последнее время в органах пограничной службы Республики Беларусь закрепились традиции проведения ритуала принятия Военной присяги в особых местах. Так, например, в Бресте данное мероприятие проводится в Брестской крепости, в Гродно – возле памятника «Защитникам границы», в Минске – на площади Герба и Флага. Проведение данного ритуала в памятных, героических местах, местах национальной гордости придает данному мероприятию особого рода значимость, вызывает у пограничников чувство гордости за героическое прошлое своей страны, воспитывает чувство патриотизма, любви к своей Родине – Республике Беларусь.

Еще одной доброй традицией в ритуале принятия Военной присяги, а также выпуска молодых офицеров стало приглашение священника, который освящает путь «пограничного воинства».

Обычай – общепринятые, более или менее устойчивые в той или иной среде, исторически сложившиеся правила и нормы, регулирующие поведение людей в определенной области общественной жизни. Это традиционно принятый порядок, привычный образ действий, соблюдающийся в силу прочно установившихся привычек, передаваемых из поколения в поколение и охраняемых общественным мнением [1, с. 81].

Под обрядом понимается система традиционных символических коллективных действий, которая устанавливается традицией, обычаем, а иногда и законом и сопровождает всякое сколько-нибудь важное событие общественного или частного характера. Обряд символически и эстетически выражает смысл, содержащий события или явления.

Церемония – тот же обряд, но более динамичный, торжественный, официальный. Церемония выражает содержание тех традиций, которые связаны с наиболее значительными событиями общественной жизни.

Представляя собой определенный комплекс церемониалов, воинские ритуалы и традиции призваны вызывать у военнослужащих глубокие патриотические чувства, гордость за принадлежность к органам пограничной службы. Именно потому, что в глазах людей воинские ритуалы приобретают глубокое общественное значение, они оказывают огромное идейно-эстетическое влияние на воинов.

В знаменах, орденах и медалях, памятниках былых боев, фронтовом оружии каждый видит как бы частичку истории своей страны, народа, своих войск, чувствует духовное родство с героями, пролившими кровь за свободу и независимость Родины.

В любом знаке воинской доблести аккумулированы слава, мужество, стойкость, героизм бойцов прежних поколений, и в то же время в них содержится напоминание о том, чтобы мы бережно хранили и умножали эту славу. Воинские ритуалы социально обусловлены, они способствуют закреплению и распространению воинских традиций. Именно поэтому воинские ритуалы прочно внедряются в арсенал военно-патриотического воспитания военнослужащих и гражданского персонала.

В современных условиях сохранено все лучшее из прошлого опыта, и в то же время в деталях разработана целая система воинских ритуалов. Символическое значение имеет каждая воинская церемония, каждый воинский ритуал. Наряду с общеустановленными для всех Вооруженных Сил, в органах пограничной службы есть и свои, пограничные ритуалы и традиции.

Все они призваны воспитывать у личного состава гордость за принадлежность к органам пограничной службы, формировать чувство личной ответственности каждого воина-пограничника за надежную охрану государственной границы.

Таким образом, традиция представляет собой своеобразное общественное явление, особую форму общественных отношений, проявляющихся в переходящих от поколения к поколению действиях, обычаях, принципах и нормах взаимоотношений между людьми. Традиции предполагают привычные представления и вкусы, идеи, убеждения, обусловленные общественными отношениями, опирающиеся на силу общественного мнения. Необходимо также уяснить, что мы понимаем под церемонией, и определить соотношение этого понятия с понятием ритуала.

Под церемонией понимается система традиционных символических действий, которая устанавливается традицией, а иногда и законом. Церемония выражает содержание тех традиций, которые связаны с наиболее значительными событиями общественной жизни. Она носит динамичный, торжественный, официальный характер.

Ритуал по отношению к традиции, церемонии может быть определен как своеобразные обрядово-церемониальные, строго регламентированные, как правило, закрепленные в законах традиционные действия и нормы поведения людей.

Главным носителем боевых традиций органов пограничной службы во все времена по праву являлся офицерский корпус. Офицер-пограничник всегда отличался умением внушить уважение и доверие со стороны подчиненных, справедливым отношением к «нижним чинам», умением командовать с достоинством, корректно, без главенства. Ему были присущи идеальная честность, дух товарищества, привязанность к своей части, спокойная отвага, находчивость, храбрость и некоторая лихость в бою. Наиболее ярким качеством, присущим пограничному офицеру, была воинская честь. Это была святыня офицера, его радость в борьбе и утешение в горе; это была важнейшая традиция, соблюдавшаяся неукоснительно и твердо. Она ценилась выше всего и была дороже жизни [4; 11].

Необходимо отметить духовный аспект боевых традиций пограничных войск. Особенно близка была охранителям рубежей державы библейская заповедь, гласившая, что «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». История погранвойск изобилует примерами взаимной поддержки и взаимной выручки пограничников в труднейших ситуациях. Всем известно, сколь крепка дружба пограничников заставы, поста, которую они проносят через многие годы, через всю жизнь. И совсем не случайно, ежегодно 28 мая уже отяжелевшие в запасе «дяди» – бывшие пограничники, достают из сундуков зеленые фуражки и с любовью одевают их на свои, порой уже поседевшие, головы.

Много написано об участии пограничников в Великой Отечественной войне. Сейчас немало различных противоречивых оценок, выводов, взглядов, но нельзя забывать одного: Отчизна наша на веки вечные обязана будет поколению фронтовиков своим спасением. То, что они сделали, выстрадали и осуществили, до сих пор еще в должной мере не оценено, но нет сомнений, что это будет сделано в будущем, когда люди освободятся от личных пристрастий и политической ангажированности. Что бы теперь ни говорили, но героизм советских воинов во Второй мировой был на самом деле массовым. И выделиться кому-то на фоне всенародного подвига было непросто. Тем не менее пограничники, первыми приняв на себя страшный удар врага, смогли стать легендарными, даже среди непревзойденных.

Верность традициям неоднократно демонстрировали пограничники в послевоенные годы, мужественно отстаивая неприкосновенность рубежей Оте-

чества не только на острове Даманском и в Афганистане, но и повсюду, где возникала угроза их безопасности [2]. Каждый день на том или ином участке происходят поиски, задержания, в ходе которых, как и прежде, пограничники проявляют верность воинскому долгу, преданность Родине, героизм и мужество, готовность к самопожертвованию ради спокойствия тех, кто стоит за их спинами.

Таким образом, органы пограничной службы Республики Беларусь представляют собой организованный, слаженный механизм, «цементирующей основой» которого являются традиции. Процесс формирования у пограничников патриотических ценностей должен осуществляться в тесном сочетании с поддержанием в органах пограничной службы традиций, а также строгого соблюдения принятых ритуалов.

Сегодня органы пограничной службы не могут отказаться от того духовного капитала, который завещан нам великими предками. Они, безусловно, должны взять из прошлого все лучшее, ибо нельзя научиться решать задачи новыми приемами, если «вчерашний опыт не открыл глаза». Однако сохранятся ли те традиции пограничников в будущем, будут ли они надежно переданы последующим поколениям воинов в зеленых фуражках, зависит, как и прежде, от нынешних офицеров-пограничников.

Литература

1. *Бахтин, М. М.* Гуманитарное познание / М. М. Бахтин // Диалектика познания. – СПб., 2011. – 371 с.

2. *Глебов, А. А.* Воспитание патриотизма, толерантности и культуры межнационального общения / А. А. Глебов. – Волгоград : Перемена, 2004. – 102 с.

3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575. – Минск : Гос. погран. ком. Респ. Беларусь, 2010. – 33 с.

4. Концепция обеспечения пограничной безопасности Республики Беларусь на 2008–2017 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 28 мая 2008 г. № 285-дсп. – Минск : Гос. погран. ком. Респ. Беларусь, 2008. – 12 с.

5. *Котляров, И. В.* Беларусь между прошлым и будущим / И. В. Котляров // Белая вежа. – 2014. – № 7. – С. 92–105.

6. *Котляров, И. В.* Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И. В. Котляров. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 481 с.

7. *Котляров, И. В.* Формирование спортивных лидеров: теоретические, социологические, аксиологические аспекты / И. В. Котляров, Н. С. Рысюкевич. – Минск : изд-во МИУ, 2012. – 284 с.

8. *Лутовинов, В. И.* Развитие патриотизма в России XXI века: концепция, программа и практика патриотического воспитания молодых граждан России / В. И. Лутовинов, И. И. Мельниченко. – М. : Светотон, 2004. – 256 с.

9. Методологические подходы к пограничной безопасности Республики Беларусь / В. В. Давыдик, М. Ф. Карлович, А. Г. Ляхов. – Минск : Гос. погран. ком. Республики Беларусь, 2010. – 135 с.

10. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.] ; под ред. М. В. Мясниковича и Л. С. Мальцева. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 557 с.

11. О некоторых вопросах органов пограничной службы Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 25 сентября 2007 г. № 448. – Минск : Гос. погран. ком. Респ. Беларусь, 2007. – 12 с.

12. *Першин, А. А.* Теория государственных границ / А. А. Першин, А. Д. Шерстнев, В. В. Ярлыченко ; под. общ. ред. К. В. Тоцкого. – М. : Граница, 2000. – 235 с.

13. Проблемы пограничной политики государства и пути их решения / М. Л. Гришин [и др.]. – М. : БДЦ-пресс, 2001. – 276 с.

V. G. MOISEENKO

TRADITIONS AND RITUALS IN THE CONTEXT OF THE PATRIOTIC VALUES FORMATION OF MILITARY

Summary

The article touches upon the problem of patriotic education of Border Services military in modern conditions of life and defines the major quality features of patriotism. The main aspects and methods of patriotic education are analyzed by the example of (Belarusian) Border Services traditions and ceremonials. Besides, the functions, principles and objectives of patriotic education are specified in the article.

Keywords: patriotism, patriotic education, influence of education, (Belarusian) Border Services, patriotic values, national interests.

Поступила 23.10.2014 г.

УДК 316.74(476)

Н. Л. БАЛИЧ,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются особенности и роль религиозной идентичности в культуре современного общества. Формирование религиозной идентичности описывается как двусторонний процесс, в котором религия влияет на социализацию личности, а выделенные элементы социальной идентичности – на конфессиональную идентичность, характерную для определенного типа культуры и общества. Социальные факторы и процессы определяют перспективы, факт возникновения, развития и исчезновения религий.

Ключевые слова: религиозная идентичность, конфессиональная идентичность, социальная идентичность, социальные факторы, религия, культура.

Понятие «религиозная идентичность» так и не приобрело общепризнанного определения и описывается как социальный, психологический, антропологический феномен, имеющий объяснение посредством двух терминов – «религия» и «идентичность».

Религиозная идентичность связана с механизмами самоопределения, эмоционального отождествления и субъективной причастностью индивида к конкретной религии, образу жизни, общности единоверцев. Она может занимать доминирующие позиции, подчиняя себе гражданскую, семейную, профессиональную и другие виды идентичностей. Когда субъективная значимость религиозной идентичности оказывается более значимой и сопровождается принятием соответствующего образа жизни, она «окрашивает» другие виды идентичностей присущим конкретной религии колоритом, тем самым создавая варианты воплощения православной, католической или протестантской идентичности. Это процесс, в котором внешние (социальные) и внутренние обстоятельства приводят человека к религиозному обращению, а сама религиозная идентичность оказывает обратное воздействие на формирование гражданской, национальной, культурной (и др.) видов социальной идентичности.

Социальная идентичность – интеграция различных по своей природе индивидуальных качеств, которые складываются из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп или общностей – множественный «Я-образ»: мужчина, юношеская возрастная группа, европеец, белорус, холостяк, студент, член спортивной команды, хоккеист и т. д.

Религиозная идентичность как элемент в структуре социальной идентичности в процессе религиозной идентификации может образовываться в определенную систему на разных уровнях абстрагирования. Само понятие социальной идентичности применяется как к обществу в целом, так и к личности человека в частности. На процесс формирования социальной идентичности влияют различные социальные и культурные факторы. Выделив в структуре социальной идентичности различные ее виды, отметим, что в каждом из них – национальном, этническом, гражданском, культурном, религиозном – присутствуют элементы других видов в той или иной степени выраженности. Так, национальный элемент в общей структуре связан с понятием этнического и гражданского, включает в себя соотношение двух сфер деятельности человека – культуры и религии. Отнести определенный вид социальной идентичности в автономную плоскость и анализировать его без учета влияния других факторов достаточно сложно и, возможно, необоснованно. Это относится и к изучению феномена религиозной идентичности, несмотря на то, что в общей структуре социальной идентичности он значительно (если не определяюще) воздействует на формирование других элементов, что не могло не повлиять на особенности проявления не только конфессиональной, но и этнической, национальной, гражданской позиции и культурных черт различных народов. Сам процесс формирования социальной и конфессиональной идентичностей двусторонний, религия определенным образом влияет на социализацию личности, а выделенные элементы социальной идентичности – на формирование конфессиональной идентичности, которая определяется не только принадлежностью к конкретной форме религии, но и соотнесением себя с культурой и образом жизни, которые сформировались под ее влиянием. Представим структурные компоненты основных видов социальной идентичности в виде модели (рис. 1).

Анализируя особенности формирования религиозной идентичности, важно отметить и другие, более глубокие факторы, определяющие процесс воз-

Рис. 1. Структура основных элементов социальной идентичности

никновения, закрепления и воспроизводства религиозной идентичности, характерной для конкретного типа культуры и общества.

Религиозная идентичность формируется внутри постоянно циркулирующего процесса – перехода религии в культуру и возвращения культуры в религию.

Деление социокультурного строя на несколько сменяющих друг друга разновидностей в цикличной макродинамике общества глубоко обосновано в концепции П. Сорокина. Чувственный, идеациональный, интегральный – каждый тип культуры характеризуется приоритетами в сфере материального или духовного в системе потребностей человека и общества. Так, при чувственном строе приоритет отдается материальному, доминируют конкуренция, чувственность, эгоизм. При идеациональном (сверхчувственном) – приоритет духовных ценностей, религия занимает ведущее место во всех сферах общества: политической, культурной, социальной, ей подчиняется вся деятельность и устремления человека и общества. Интегральный строй гармонично сочетает в себе приоритет чувственно-идеационального: материальные и духовные потребности и интересы человека и общества объединяются в достижениях науки и техники, культуры и этики во имя развития и удовлетворения новых потребностей человека.

Сорокин также выделял переходные эпохи (смешанный социокультурный строй), при котором объединяются в противоборстве различные типы, пока один из них не одержит верх в данном обществе [1]. Социокультурное взаимодействие включает три взаимосвязанных элемента, каждый из которых не может существовать без двух других, так как нарушается весь смысл и основа взаимодействия:

личность – субъект взаимодействия;

социальные группы в обществе – совокупность взаимодействующих личностей;

культурные системы – значения, ценности и нормы, которыми владеют взаимодействующие лица [2, с. 173].

Основа любой культуры – ценности. Именно культурные ценности определяют взаимодействие людей как социальное, а не биофизическое явление.

Руководствуясь принципом флуктуации как основного признака социальных систем, возникающего практически во всех процессах (экономических, политических, культурных, религиозных, научных и т. д.), в их взаимосвязях друг с другом, попытаемся его обосновать применительно к формированию религиозной и конфессиональной идентичности, которая в разные исторические периоды на одной и той же территории может иметь различные формы выражения. Формируясь под влиянием социокультурных факторов (базисных и изменчивых), в определенном обществе формируется свойственный ей тип конфессиональной идентичности. Процесс формирования цикличен, однако влияние культуры и религии на общество может быть разным и зависит от ценностных ориентиров общества и эпохи.

Когда ценностный комплекс базируется на религиозных основах, религия подчиняет себе все подсистемные элементы общества; доминирует благодаря влиянию и контролю над социальными институтами, системой коммуникаций, сферой права, художественной культурой и искусством. Эти признаки могут быть нормой в одном обществе и иметь категоричное непринятие в другом (в случае доминирующего влияния определенного типа культуры над сферой религии). В такой ситуации доминирующая культура объединяет в себе ценности, убеждения, образцы поведения, которые принимаются и разделяются большинством, трансформируются в определенный культурный комплекс, отражающий этап и специфику культурной эпохи.

В истории складывались такие ситуации, когда локальные комплексы новых ценностей претендовали на универсальность, противопоставляя себя фундаментальным принципам, доминирующим в культуре, что приводило к ослаблению или исчезновению некоторых элементов культуры или религии, приводило общество к трансформации и обновлению. Это постоянно воспроизводящий себя процесс в мировой культуре и обществе. Примеры: раннее христианство в Римской империи, учения различных сект в эпоху Средневековья, появление светской культуры в эпоху Возрождения и т. д. Идея уменьшения влияния религии в обществе появляется в XVIII в., к середине XX в. утверждается теория секуляризации. Однако исходные ее положения, получившие подтверждение в ходе эмпирических исследований в Западной и Восточной Европе, остались неподкрепленными в США, на протяжении первой и второй половины XX в. одной из наиболее религиозных стран (что аргументированно обосновал М. Вебер на основе изучения протестантской этики, характерной для американцев).

Конец XX столетия для многих стран знаменателен возвращением религиозного фактора в общественную жизнь: в России, Беларуси – это возрождение православия, в Израиле – консервативное влияние иудаизма, в США – рост евангелических движений и т. д.

Формирование конфессиональной идентичности зависит от характера и направленности типа культуры и религии в обществе, а также от социальных факторов, которые условно можно подразделить на две группы: базисные и изменчивые, представив в виде структуры в модели формирования конфессиональной идентичности (рис. 2).

1) **Базисные** – предполагают относительно высокую стабильность и устойчивость, оставаясь практически неизменными. К ним относятся: природно-географический, территориальный, страновое позиционирование.

Природно-географический фактор связан с климатическими условиями, природными катаклизмами и экологической обстановкой, природными ресурсами. Он определяет систему расселения людей (города, поселки, деревни), пути сообщения и коммуникации, производственные комплексы, оборонные сооружения и т. д.

Взаимодействие природы и общества в разные исторические периоды имело свое проявление и определяло формы религиозных воззрений. Переход

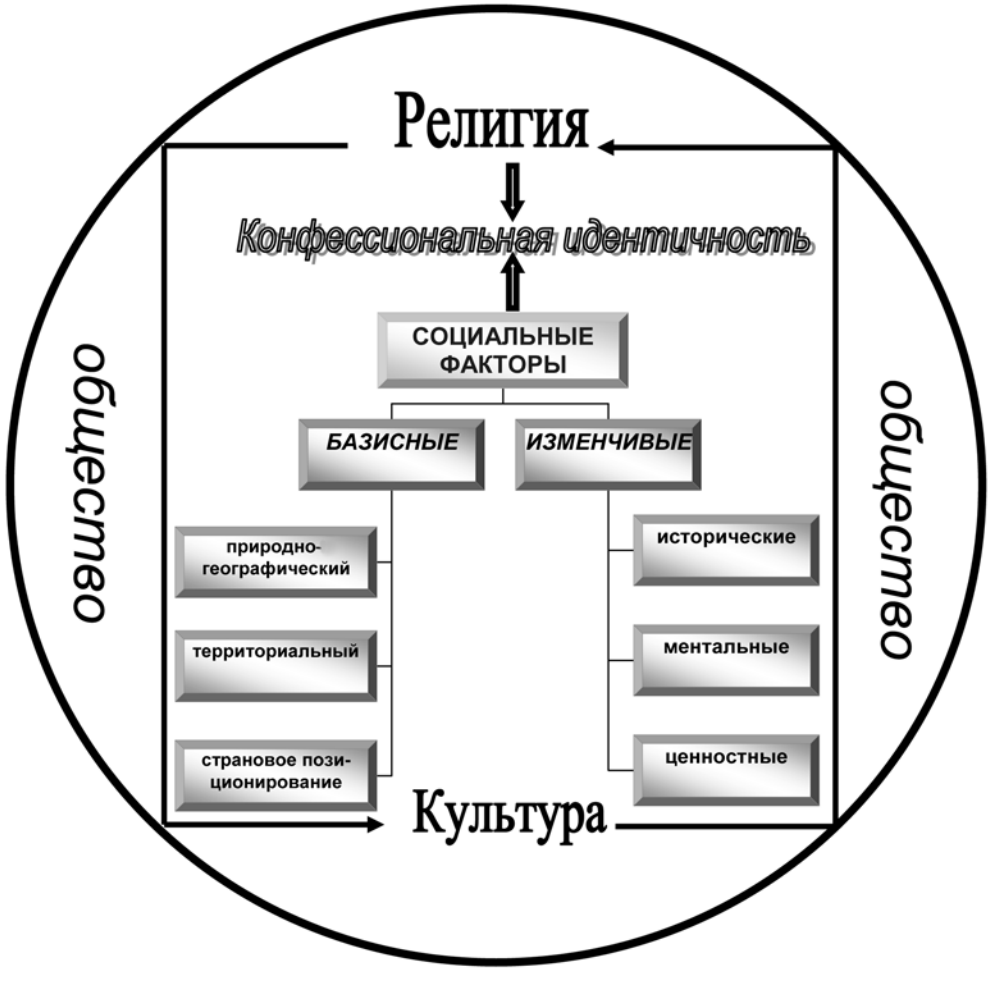


Рис. 2. Модель формирования конфессиональной идентичности

от одного этапа становления к другому связан с технологическими революциями.

В подтверждение своего мнения о значимости природно-географического фактора в становлении религии и конфессиональной идентичности, хотелось бы привести мнение С. М. Соловьева в «Истории России с древнейших времен», многотомном труде, где он придавал большое значение природно-географическим факторам в развитии народов, среди которых выделял: природу страны, где живет народ; природу племени, к которому он принадлежит; внешние события (влияния), идущие от народов, его окружающих.

Территориальный фактор выделен в отдельную категорию из географической среды общества. Чем больше размер территории, тем богаче и разнообразнее природные ресурсы, варианты размещения населения, а также раз-

деление стран на отдельные крупные зоны: экономические, макрорегионы, регионы. Территориальные особенности влияют на этнический состав населения, многообразие религий и культур (Россия, Индия, Китай и др.). Выделим также процесс культурной диффузии – взаимного проникновения культурных черт и комплексов из одного общества в другое при их соприкосновении между странами и народами (особенно в зонах приграничного проживания). Выделенные особенности позволяют отнести территориальный фактор к важным основам формирования конфессиональной идентичности.

Страновое позиционирование – фактор, выделенный в отдельную категорию, хотя он непосредственно взаимосвязан с природно-географическим и территориальным. Страновое позиционирование – многоуровневая стратегия коммуникации, в рамках которой поддерживается образ страны и народа в воображении целевой аудитории с целью представления себя на международной арене в отличительных чертах и особенностях, для чего могут использоваться реальные и приписываемые (воображаемые) характеристики. Страновое позиционирование – стратегическая позиция, которая демонстрирует определенное желание государства, страны или ее жителей относительно ее восприятия в сравнении с другими – культурный и символический образ, объединяющий в себе традиции, культурные истоки и отношение к религии на государственном уровне.

2) **Изменчивые –** имеют свойство видоизменяться под воздействием различных причин и влиять на условия, образ жизни и развитие конкретного общества. К таким факторам относятся: исторические, ментальные, ценностные.

Исторические факторы, влияющие на формирование конфессиональной идентичности, определяются влиянием места, времени, окружения и событий, связанных с историческим бытием народа и формированием религии, оформившейся в определенных и национальных культурных традициях. Например, принятие православия как государственной религии в Киевской Руси в 988 г. – серьезный исторический факт, под влиянием которого формировался не только национальный характер, но и религиозная культура русских. Крещение князем Владимиром происходило принудительно властью «сверху», до этих событий славянские племена поклонялись языческим богам, а «пантеон языческих богов имел племенные различия, что мешало объединению племен под властью Владимира» [3]. В результате христианские ценности и нормы «не были выстраданы повседневной практикой жизни, не были результатом длительного духовного развития. Священность самого обряда в представлении народа, характерная для язычества, становится важной чертой русского православия» [3]. Идеи протестантской этики, сформированные под влиянием европейских исторических событий и определившие формирование западных ценностей (достижение материального достатка как критерия усердности и добросовестности), не могли оказать влияние на формирование национального характера русских, белорусов и украинцев. По мнению историков, именно «принятие византийского православия стало причиной изоляции России

от католической Европы и преградой во взаимопроникновении духовных ценностей и взаимного соотнесения социальных приоритетов» [3].

Ментальные факторы вытекают из исторических, определяя глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания народа, в том числе и бессознательных элементов. Ментальность – это своего рода предрасположенность индивидов воспринимать окружающую действительность определенным образом, ментальность связана с историческими событиями, формирующими традиции культуры и сферы жизнедеятельности человека. Ментальные особенности определяют характер восприятия и воспроизводства религиозных норм в обществе, предпосылки к внедрению «чужих» религий на определенных территориях и в сознании народов: «вопрос о связи религии, генотипа и национального менталитета практически ни у кого не вызывает сомнения» [4].

Ценностные факторы отражают социальное и культурное значение определенных явлений действительности, характерных для конкретного общества: представления о добре и зле, социальном и личностном благе, цели и смысле жизни и т. д. Под влиянием религии и культуры формируются ценностные ориентации индивидов как отражение смыслового взгляда на мир: что важно для личности, к чему следует стремиться, на каких принципах должна основываться повседневная жизнь. Ценностное отношение к обществу и себе упорядочивает ценности в определенную иерархию, на вершине которых – абсолютные ценности, зафиксированные в общественных и религиозных идеалах. Ценности выполняют консолидирующую функцию, объединяют индивидов на основе общих идей. В разные исторические времена, в соответствии с уровнем развития человека, ценность материального, духовного и эстетического была не одинаковой. На ранних этапах развития общества ценность материального (через предметы материальной культуры) определялась возможностью людей приспособиться к природным условиям жизни и выжить, соответственно материальные предметы создавались для разнообразных потребностей человека и рассматривались в качестве ценностей.

В Средневековье эстетические и ценностные аспекты связывались с религиозными. Любое творческое самовыражение рассматривалось не как самостоятельная область духовной деятельности человека, а считалось средством выражения божественного, источника гармонии и красоты. Ценностные факторы в формировании конфессиональной идентичности в процессе преобразовательной деятельности меняли человека и общество.

Роль и степень влияния каждого из выделенных факторов в представленной модели непостоянны и зависят от общей ситуации в целом в мире, в отдельных государствах и вокруг религии. Общественно-политические, научно-технические, экономические, культурные процессы определяют перспективы и факт возникновения, развития и исчезновения религий. Среди них следует выделить:

интеллектуальное развитие;

общественно-политическое устройство государств;

информатизацию и коммуникацию общества;
научно-технический прогресс;
урбанизацию;
глобализацию.

Можно предположить, что совместное влияние этих процессов (особенно глобализации) со временем сблизит культуры и религии разных обществ, снизит их противостояние, но, учитывая влияние западных ценностей и проникновение их в другие культуры через развитие глобальных СМИ, может привести и к ослаблению влияния религии в целом.

Соответственно, религия влияет не только на моральный, нравственный и духовный климат отдельных обществ и государств, но и на отношения между государствами, на всю систему взаимодействия цивилизации. Конфессиональная идентичность возникает на основе эмоционально-ценностного восприятия конкретной религии путем осознания своей принадлежности индивидом, группой, обществом в целом к культуре и социуму.

Обратив внимание на географию распространения мировых религий, отметим определенную закономерность: христианство (преимущественно) является религией северных регионов (распространено в странах Европы); в Америку, Австралию, Азию и Африку оно пришло благодаря колонизации и миссионерской деятельности европейцев. Наиболее крупное его направление – католицизм (доминирует в большинстве стран Европы, Латинской Америке). Православие распространено в Греции, Болгарии, Грузии, России, Беларуси, Украине и др. Протестантизм – в Великобритании, Швеции, Норвегии, доминирует в Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке. В некоторых странах мира (США, Канада) представлены все направления христианства.

Распространение ислама (мусульманства) имеет более компактный характер. В этой мировой религии существуют два главных направления: суннитский и шиитский. В современном мусульманском мире преобладают сунниты, шииты живут в основном в Иране, Ираке, Ливане, Бахрейне, Азербайджане.

Еще более сужен географический ареал распространения буддизма – Непал, Бирма, Индия, Шри-Ланка, Индокитай, Китай, Монголия, некоторые регионы России.

Изучая процесс формирования конфессиональной идентичности в деятельностном аспекте, необходимо обозначить результат когнитивного, ценностного и эмоционального восприятия, формирущих определенный тип поведения людей.

Процесс религиозной идентификации как путь к устойчивому состоянию – религиозной идентичности проходит различные этапы становления, как результат выбора личностью своей позиции, целей, форм реализации в конкретных обстоятельствах жизни.

На каждом этапе может сказываться влияние социальных институтов: семьи, культуры, государства, средств массовых коммуникаций, церкви и рефе-

рентных групп. Например, на этапе первичной идентификации формируется начальный комплекс представлений индивида об окружающем мире, о Высшем начале. Ребенок получает данную информацию в первичной социальной ячейке – семье, некритически воспринимает ее, принимая на веру различные, в том числе религиозные идеи.

Промежуточный этап идентификации проходит как процесс самоопределения индивида через пытливые искания ума, духовного обогащения, самоопределения, освоения духовных и ритуальных практик. На данном этапе может произойти смена духовных ориентиров индивида, вытеснение одних ценностей другими.

Заключительный этап религиозной идентификации связан с вхождением индивида в церковь, осознанном отождествлении себя с общностью единоверцев и вероисповедной деятельностью в соответствии с общепринятыми в конкретной религии правилами и установками.

Сформировавшаяся религиозная идентичность характеризуется чувством сплоченности с общностью единоверцев; зависимость поведения определяется групповым членством. Верующие принимают и усваивают в качестве собственных образцы и стереотипы поведения, групповые нормы, цели, социальные роли, установки, религиозные идеалы.

Это способствует согласованности поведения прихожан и их соответствию определенной форме религии с учетом особенностей внутриобщинной (церковной) жизнедеятельности.

В изучении специфики религиозной идентификации и особенностей обращения в веру также имеет значение применение биографического метода, определяющего предрасположенность индивида к определенному образу жизни исходя из опыта, полученного на стадии первичной идентификации (например, уклад жизни и отношение к религии в семье).

Соответственно, *религиозная идентичность* – это комплекс индивидуальных качеств и приобретенных социокультурных особенностей, сформированных под воздействием социального окружения и выражающихся в совокупности действий и поступков, связанных с отождествлением себя с определенной религией. Характер взаимоотношений с общностью единоверцев детерминируется групповыми нормами, ценностными предпочтениями, ролевыми предписаниями.

Религиозная идентичность в своем становлении может иметь и другие предпосылки, однако главная из них – объединение вокруг центральной религиозной идеи, в которой содержатся общие объекты поклонения, почитания и подражания.

В исследовании феномена религиозной идентичности важно знать, как на нее влияют социальные факторы, объективные и субъективные процессы формирования, так как религиозное сознание существует не абстрактно, а в реальных социальных условиях, которые и формируют религиозную и конфессиональную идентичности человека.

Литература

1. *Сорокин, П. А.* Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.

2. *Сорокин, П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и пред. А. Ю. Союмонов ; пер. с англ. С. А. Сидоренко. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

3. *Тарабанова, Т. А.* Влияние истории и религии на формирование деловой культуры и национального характера русских [Электронный ресурс] / Т. А. Тарабанова // Россия и Запад: диалог культур. – 2013. – № 3. – Режим доступа: http://www.regionalstudies.ru/journal/homejornal/rubric/2012–11–02–22–13–36/285–2013–07–26–10–37–02.html. – Дата доступа: 09.03.2014.

4. *Романенко, В.* Менталитет и религия [Электронный ресурс] / В. Романенко, Г. Никитина // Электронный научный семинар : Междисциплинарное культурно-просветительское и научное общение. – Режим доступа: http://www.elektron2000.com/roman_nikit_0247.html. – Дата доступа: 09.03.2014.

N. L. BALICH

RELIGIOUS IDENTITY IN THE CULTURE OF MODERN SOCIETY

Summary

The article discusses the features and the role of religious identity in the culture of modern society. Formation of religious identity is described as a two-way process in which religion has an impact on the socialization of the individual, and selected elements of social identity influences the religious identity which is characteristic of a certain type of culture and society. Social factors and processes determine prospects, origin, development and disappearance of religions.

Keywords: religious identity, confessional identity, social identity, social factors, religion and culture.

Поступила 06.10.2014 г.

УДК 316.422.42/647.5(476)

Н. А. СОСНОВСКАЯ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Рассматриваются теоретические аспекты понятия «толерантность». Показана многозначность данного понятия, способствующая появлению многочисленных исследовательских подходов. Приводятся результаты эмпирического исследования толерантности жителей Беларуси, выполненного с использованием методики Богардуса.

Ключевые слова: терпимость, принятие иных ценностей, уровень толерантности, индекс толерантности, этническая толерантность, социальная дистанция.

Процессы интенсификации межкультурного взаимодействия, повсеместно расширяющиеся глобализационные процессы, обострение различных по масштабам и последствиям противоречий актуализировали потребность общества в таком социальном феномене, как толерантность. Многообразие различных взглядов, идей и идентичностей вызывает необходимость существования механизма, служащего для их согласования. Развитие толерантного сознания создает условия для взаимодействия норм, ценностей и интересов. Исследование толерантности как феномена сознания белорусов носит особую актуальность. В массовом сознании толерантность утвердилась как одна из базовых характеристик белорусского народа, уникальная черта, свойственная белорусам как этнической группе и отличающая ее от других. Это представление активно поддерживается как официальной риторикой, так и средствами массовой информации. В то же время вопрос теоретического осмысления феномена «толерантности белорусов» остается открытым.

Само понятие толерантности так, как оно употребляется в декларации принципов толерантности, принятой ЮНЕСКО, подразумевает терпимость к различиям среди людей, умение жить, не мешая другим, способность иметь права и свободы, не нарушая прав и свобод других.

В социогуманитарном знании в отношении данного понятия не выработан однозначный четкий подход. Один из ведущих теоретиков толерантности в России М. Б. Хомяков указывает, что теория толерантности получила наибольшую разработку в западной политической философии и выделяет два господствующих вида определений данного понятия. Слабое определение допускает *любое* ненасильственное допущение иного в обществе от безразличия до одобрения. Подобное расширенное понимание явления утрачивает свое

смысловое значение, поскольку предполагает все формы существования иного в обществе, включая и равнодушие и терпение. Сильное определение пытается зафиксировать суть понятия, отделив его как от безразличия, так и от абсолютного принятия. В данном русле исследований классическим является определение, данное П. Николсоном: «*Толерантность можно понимать как морально значимый отказ от использования силы воздействия на существование морально неприемлемого отклонения»* (цит. по: [1]).

Объяснение феномена толерантности предполагает использование ряда оговорок. Толерантность исключает конформизм, равнодушие, терпимость к нарушению закона, дискриминации, деструктивным проявлениям и т. п. Д. А. Леонтьев указывает на необходимость различать толерантность, с одной стороны, и таких близких с ним понятий, как терпимость, дружелюбие и равнодушие. Терпение предполагает слабость и пассивность и означает сдерживание своего истинного отношения, тогда как толерантность подразумевает активную позицию, заключающуюся в признании прав каждого на проявление индивидуальности. При толерантном отношении позитивное принятие непосредственно личности может отсутствовать, основное содержание толерантности – отсутствие ненависти, презрения, враждебности. Ученый дает следующее определение понятия: «Толерантность – позиция принятия иных ценностей, взглядов, обычаев как равноправных с привычными “своими” ценностями, взглядами и обычаями, вне зависимости от степени согласия с ними» [2].

В социологии представлено несколько подходов к пониманию сути толерантности (Л. М. Дробижева, М. С. Мацковский, Н. В. Омелаенко, Н. А. Победа). Н. А. Победа рассматривает данный феномен в рамках теории П. Бурдьё как слагаемое социального и культурного капитала. Как часть социального капитала, она является комплексным выражением таких характеристик, как жизненные и социальные условия; доверие государственным институтам и участие в деятельности социальных организаций; степень выраженности и соотношение региональной, этнической, локальной и гражданской идентичностей; особенности ценностно-нормативной системы. В качестве культурного капитала она включает в себя «престижные культурные ресурсы; широко распространенные культурные сигналы… используемые для социального и культурного исключения; компетентность и знакомство с доминирующими культурными кодами и практиками» [3, с. 13]. Обоснованность существования данного подхода заложена самой сложной и противоречивой сутью толерантности, вбирающего в себя ценности, интересы, установки и стереотипы.

Еще один подход представлен В. А. Тишковым. В нем акцентируется конструируемость феномена. Возможность проявления толерантности зависит от культурных и социальных традиций. Она подлежит намеренному формированию и развитию. В. А. Тишков выделяет два уровня проявления толерантности – личностный и политический. На личностном уровне она реализуется как установка, формируемая посредством воспитания, влияния СМИ и прош-

лого опыта. Политический уровень предполагает позицию невмешательства или отстаивания своих интересов путем дипломатических переговоров. Как указывает ученый, «ключевым фактором, допускающим возможность проявления толерантности, является установка субъекта на сотрудничество. Данная установка не является врожденной, следовательно, она не может быть свойством нации. Она возникает благодаря целенаправленным усилиям общества на формирование и поддержание данного свойства» [4].

Среди современных российских исследователей популярен подход, сформулированный Л. М. Дробижевой. В его основу заложено представление о том, что толерантность проявляется в процессе социального взаимодействия. Автор стремится избежать многозначности толкования понятия, понимая ее как «готовность принять других такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия» [5]. Ученый обращает внимание на необходимость безусловного принятия принципа равноправия партнеров. Акцент делается на личности партнеров по взаимодействию. Важным дополнением к определению является принцип уважения чужой культуры в пределах закона. Поведение, выходящее за пределы рамок правового поля, не может претендовать на толерантное отношение.

Проводя операционализацию данного понятия, М. С. Мацковский обращает внимание на необходимость конкретизации формулировки «принять других» [1]. Подобное принятие может выражаться в разных формах, как в виде поддержки тех, кто подвергается интолерантному отношению, так и в виде предвзятого отношения к представителям определенных социально-демографических групп. В связи с этим исследователи (В. М. Соколов, М. С. Мацковский, Г. Г. Маслова) выделяют уровни толерантности, соответствующие различной степени принятия «чужого». В. М. Соколов останавливается на следующей классификации: 1) активное осуждение, с требованием репрессивных мер; 2) требование запрета, но без применения репрессивных мер; 3) безразличное отношение; 4) неприятие «чужого», но уважительное отношение к нему и его носителям; 5) уважение к альтернативным взглядам и понимание того, что они должны быть полноценно представлены в обществе.

Толерантность проявляется в различных сферах человеческой жизни, в связи с чем можно классифицировать проявления толерантности в зависимости от предметной сферы ее проявления: гендерная; возрастная; образовательная; религиозная; межнациональная; политическая; географическая и др. [1].

Особое значение в условиях расширения межнационального сотрудничества, усиливающихся миграционных процессов, значительного притока трудовых мигрантов приобретает этническая толерантность.

Этническая толерантность рассматривается исследователями как проявление общей толерантности личности сфере этнических отношений. Н. М. Лебедева подчеркивает, что ключевым моментом этнической толерантности является «отсутствие негативного отношения к иной этнической культуре, наличие позитивного образа иной культуры при сохранении позитивного вос-

приятия своей собственной» [6]. Таким образом, основой этнической толерантности является позитивная этническая идентичность. Она создает основу для проявления уважительного отношения к представителям других национальностей.

Актуальным направлением исследований толерантности является изучение социальной дистанции между представителями различных этнических групп. Под социальной дистанцией понимается близость (отчужденность) социальных или этнических общностей, групп. Величина социальной дистанции позволяет судить о степени терпимости или наличии предубеждений между социальными группами сообщества.

Наиболее известная и широко применяемая методика для изучения социальной дистанции – специально разработанная для этой цели шкала Богардуса. Данная методика позволяет выявить готовность респондента принять представителей различных национальных групп в качестве члена семьи, друга, соседа либо туриста. Предполагается, что если респондент согласен установить с представителем национальной группы достаточно близкую социальную дистанцию и принять его в качестве члена семьи, то автоматически он допускает и остальные виды социальных контактов. Результаты предыдущих, проводимых в России и за ее пределами, исследований показали, что низкий уровень толерантности к представителям одной национальности сопровождается отчужденностью и по отношению к остальным [6].

В исследовании, проведенном сектором культурных инноваций в 2013 г.[1], была предпринята попытка исследования этнической толерантности жителей Беларуси. Этническая толерантность рассматривалась в рамках подхода Л. М. Дробижевой как характеристика процесса социального взаимодействия. Инструментом измерения стала шкала социальной дистанции Богардуса. Респондентам предлагалось определиться, могут ли они принять представителей предложенных в анкете национальностей в качестве членов семьи, близких друзей, соседей, коллег по работе, жителей страны либо туристов. Таким образом, минимальная дистанция определялась гипотетическим принятием представителя национальности членом семьи, а максимальная соответственно – допуском в страну в качестве туриста. (В основу формулировок, определяющих социальную дистанцию, положен вариант методики, адаптированный Н. В. Паниной.) Ответ необходимо было дать по каждой позиции. На основании полученных ответов для каждой национальности подсчитывался индекс «социальной близости», т. е. частота согласия с позициями социальной дистанции. Чем ближе значения индекса к единице, тем более высокий уровень толерантности демонстрируют респонденты по отношению к представителям национальных групп.

---

[1] Исследование проведено по теме НИР «Белорусская национальная идентичность: изменения в условиях современных интеграционных процессов и трансграничных миграций», $N = 1545$.

В результате проведенного исследования были получены следующие значения индекса «социальной близости» (табл. 1).

Таблица 1. **Индекс «социальной близости»**

Оцениваемые группы	Значения индекса
Американцы	0,69
Белорусы	0,92
Евреи	0,66
Китайцы	0,51
Темнокожие	0,5
Немцы	0,69
Поляки	0,78
Представители стран Закавказья	0,51
Русские	0,9
Украинцы	0,85
Цыгане	0,37
Представители стран Балтийского региона	0,72
Представители стран Западной Европы	0,73

Таким образом, наиболее толерантные установки зафиксированы по отношению к славянским «соседям»: русским и украинцам. Поляки, имеющие значительное представительство и длительную историю проживания на территории Беларуси, реже приветствуются в качестве членов семьи и близких друзей опрошенных. Отношение к представителям стран Балтийского региона сопоставимо с отношением к западноевропейским национальным группам: немцам, французам, итальянцам. Самый низкий уровень толерантности респонденты продемонстрировали в отношении цыган (0,37), темнокожих (0,50), китайцев (0,51), представителей стран Закавказья (0,51), то есть групп, представители которых имеют наиболее яркие признаки отличительности.

Отношение к белорусам, измеряемое шкалой социальной дистанции, может рассматриваться как один из показателей национальной идентичности. Чем выше числовое значение индекса, тем о более высокой степени белорусской идентичности он свидетельствует [7].

Результаты проведенного исследования выявили высокие числовые значения индекса белорусской самоидентичности – 0,93. Значение индекса несколько выше среди проживающих в сельской местности – 0,94, для городского населения он равен 0,92. Население регионов Беларуси продемонстрировало разный уровень национальной идентичности. Так, наиболее высокие значения выявлены среди респондентов Гомельской (0,97) и Брестской (0,95) областей. Ниже остальных значения индекса в Гродненской (0,86) и Витебской (0,87) областях (табл. 2).

Значения индекса также более высоки среди тех групп населения, кто в большей степени осознает себя представителем белорусской национальности. Таким образом, опрос выявил хотя и не равномерный, но достаточно высокий уровень белорусской самоидентичности.

Таблица 2. **Индекс белорусской самоидентичности в зависимости от территориального признака**

Гомельская обл.	Брестская обл.	Минск	Могилевская обл.	Минская обл.	Витебская обл.	Гродненская обл.	Среднее значение
0,97	0,95	0,94	0,94	0,92	0,87	0,86	0,92

Наиболее толерантные установки, практически на уровне индекса самоидентичности, респонденты продемонстрировали по отношению к традиционно проживающим на территории страны представителям восточнославянских этносов – русским (0,94) и украинцам (0,85). На отношение к ним не оказывает влияние ни тип населенного пункта, ни уровень образования. А для белорусов и русских значения индекса практически не различаются и среди респондентов разных возрастов. Причем в регионах, отличающихся высоким уровнем самоидентичности, выше и уровень толерантности к данным национальным группам (табл. 3).

Таблица 3. **Индекс «социальной близости» по отношению к русским и украинцам в зависимости от территориального признака**

Группы	Гомельская обл.	Брестская обл.	Минск	Могилевская обл.	Минская обл.	Витебская обл.	Гродненская обл.
Русские	0,96	0,93	0,93	0,87	0,90	0,85	0,82
Украинцы	0,93	0,87	0,92	0,79	0,83	0,82	0,77

На уровень толерантности респондентов оказывают влияние такие социально-демографические характеристики, как возраст и образование. Респонденты с высшим образованием продемонстрировали более высокий уровень толерантности, по сравнению с имеющими неполное или общее среднее образование (табл. 4). Показатели индекса «социальной близости» среди опрошенных с профессионально-техническим или средним специальным образованием занимают промежуточное положение.

Таблица 4. **Показатели индекса «социальной близости» в зависимости от уровня образования**

Группы	Уровень образования				
	Начальное, среднее неполное (до 9 (8) кл.)	Общее среднее (11 (10) кл.)	Профессионально-техническое (ПТУ)	Среднее специальное	Высшее, н/высшее
Американцы	0,59	0,68	0,72	0,70	0,75
Белорусы	0,92	0,92	0,90	0,93	0,94
Евреи	0,60	0,64	0,66	0,66	0,73
Китайцы	0,44	0,50	0,53	0,51	0,55
Темнокожие	0,42	0,48	0,52	0,51	0,53
Немцы	0,57	0,69	0,70	0,71	0,75
Поляки	0,71	0,77	0,78	0,78	0,80
Представители Закавказья	0,46	0,50	0,55	0,51	0,52

Окончание табл. 4

Группы	Уровень образования				
	Начальное, среднее неполное (до 9 (8) кл.)	Общее среднее (11 (10) кл.)	Профессионально-техническое (ПТУ)	Среднее специальное	Высшее, н/высшее
Русские	0,85	0,89	0,90	0,91	0,92
Украинцы	0,81	0,85	0,85	0,85	0,88
Цыгане	0,36	0,36	0,41	0,39	0,37
Прибалты	0,66	0,70	0,72	0,73	0,77
Европейцы	0,62	0,72	0,73	0,74	0,76

Проведенное исследование также показало, что с возрастом значения индекса «социальной близости» по отношению к большинству исследуемых групп снижается, то есть чем моложе респонденты, тем выше уровень их толерантности. Это утверждение действительно в отношении американцев, китайцев, украинцев, представителей Кавказского и Прибалтийского регионов, а также представителей стран Западной Европы. На белорусскую самоидентичность и в отношении с русскими возраст влияния не оказывает. Более высокий уровень толерантности среди молодежи свидетельствует о постепенном распространении демократической культуры в молодежной среде. (Как отмечал Р. Парк, теоретически обосновывая понятие социальной дистанции, характерной чертой идеальной модели демократии является полное отсутствие социальной дистанции.)

Пол респондентов практически не сказывается на отношении к представителям разных национальностей. Существуют незначительные расхождения в оценке групп, к которым зафиксировано менее толерантное отношение (евреи, китайцы, цыгане).

Одним из значимых факторов, оказывающих влияние на уровень толерантности, является экономическое положение. Результаты проведенных ранее в России исследований показали, что респонденты, считающие себя бедными, менее склонны к проявлениям толерантности [5]. Данные, полученные на белорусской общереспубликанской выборке, не подтвердили это положение. Прежде всего, в проведенном исследовании признак уровня материального достатка не являлся квотируемым, а специфика проведения социологических опросов такова, что высокообеспеченные категории населения редко попадают в число их участников. В данном исследовании доля респондентов, оценивающих уровень своего достатка, достаточно высоко составила 6,8 %. Тогда как средним уровень своих доходов считают 57,6 %, и ниже среднего – 27,9 % опрошенных. Полученные результаты показали, что в белорусском обществе, наоборот, менее обеспеченные слои населения проявляют более высокий уровень толерантности. Самая значительная разница в оценках зафиксирована в отношении групп евреев, цыган и представителей стран Кавказского региона (рис. 1).

По отношению к представителям других национальностей уровень толерантности также выше среди респондентов с низким доходом. Данная тенденция проявилась и в показателях индекса самоидентичности.

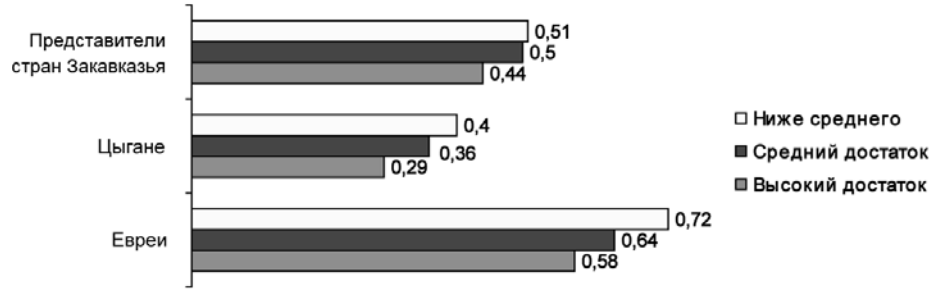


Рис. 1. Уровень толерантности среди респондентов с разным доходом

Таким образом, на основании обзора источников по данной проблеме можно сделать вывод, что неправомерно говорить о толерантности как о свойстве нации. Она является феноменом, формируемым в результате целенаправленных усилий и отвечающим потребностям общества в определенных исторических условиях. В социологии толерантность рассматривается как качество социального взаимодействия, характеризующееся позицией принятия другого.

Проведенное исследование показало, что отношение жителей Беларуси к представителям разных национальностей неоднозначно. В общении с русскими и украинцами социальная дистанция незначительна. Они часто являются членами семей и близкими друзьями опрошенных. С представителями западноевропейских наций (поляки, немцы, представители Прибалтийского региона, американцы) допускаются соседские отношения и профессиональное сотрудничество (коллеги по работе). Национальные группы, имеющие наиболее выраженные признаки отличительности, респонденты согласны видеть лишь в качестве жителей страны и туристов.

Литература

1. *Мацковский, М. С.* Толерантность как объект социологического исследования / М. С. Мацковский // Век толерантности. – 2001. – № 3/4. – С. 84–100.

2. *Леонтьев, Д. А.* К операционализации понятия «толерантность» / Д. А. Леонтьев // Вопр. психологии. – 2009. – № 5. – С. 3–16.

3. *Победа, Н. А.* Толерантность: содержательные смыслы и социологическая интерпретация / Н. А. Победа // Социол. исслед. – 2007. – № 6. – С. 13–28.

4. *Тишков, В. А.* О природе толерантности и нетерпимости [Электронный ресурс] / В. А. Тишков // Личный сайт. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/lekcii2/lekcii/n52_o_priro.html. – Дата доступа: 18.08.2014.

5. *Дробижева, Л. М.* Об условиях формирования толерантных установок общественного сознания и поведения групп в российском социуме [Электронный ресурс] // Век толерантности. – 2003. – Вып. 3/4. – Режим доступа: http://www.tolerance.ru/p–mag–last.shtml. – Дата доступа: 18.08.2014.

6. *Лебедева, Н. М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ / Н. М. Лебедева // Идентичность и толерантность : сб. ст. / Ин-т этнологии и антропологии РАН ; под ред. Н. М. Лебедевой. – М., 2002. – С. 10–35.

7. *Панина, Н. В.* Национальная толерантность и идентичность в Украине: опыт применения шкалы социальной дистанции в мониторинговом социологическом исследовании / Н. В. Панина, Е. И. Головаха // Социол. журн. – 2006. – № 3/4. – С. 102–126.

N. A. SOSNOVSKAYA

TOLERANCE AND ITS MANIFESTATION IN PUBLIC CONSCIOUSNESS POPULATION OF BELARUS

Summary

Theoretical aspects of the concept «tolerance» is considered. Polysemy of the concept which promotes the emergence of the numerous scientific approaches is shown. Using the Bogardus Method the empirical results of tolerance of Belarus citizens were revealed.

Keywords: tolerance, acceptance of other values, the level of tolerance, tolerance index, ethnic tolerance, social distance.

Поступила 23.09.2014 г.

УДК 316.74:2(476)

О. А. ШИРКО,
аспирант Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

PR-АСПЕКТ В ВОПРОСАХ АКТУАЛИЗАЦИИ РОЛИ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается возможность применения PR-компонента в диалоге между Церковью и общественностью. Анализируется модель использования маркетинговой коммуникации в вопросах актуализации роли православных традиций в современном обществе.

Ключевые слова: религиозность, православная культура, Церковь, аксиологические компоненты, православные традиции, PR-компонент.

Изменения в духовно-нравственных основаниях жизни, происшедшие в обществе в конце XX в., побудили к поиску резервов для возрождения православной традиции. Базисом этических норм повседневной жизни, способствовавшим преодолению негативных социальных явлений, были и остаются Евангельские заповеди. С разрушением этого базиса в современную жизнь вошли такие негативные явления, как ослабление традиционных устоев семьи и резкое падение рождаемости, наркомания и алкоголизм, суицид, гедонистическая мораль и потребительские отношения. В системе православных духовно-нравственных ценностей смысл человеческого существования соответствует постоянному творческому самосовершенствованию. Православие на протяжении многих веков определяло и до сих пор определяет идеалы, быт и нравы, традиции общества. Православие привнесло в духовную жизнь общества новые смыслы и формы, способствовало созданию ценностей, сохранивших свою значимость на века, а православные духовно-нравственные ценности являются значимым фактором стабилизации социальных процессов в современном обществе. Поэтому опора на духовно-нравственные основания православных ценностей может вернуть нашим современникам, в том числе и молодежи, высокую жизненную ориентацию и изменить к лучшему социальную реальность. Очевидно, что они становятся вновь общественно востребованным фактором мировоззрения в современном обществе, восстанавливая свою традиционную социальную роль. Однако эти основания в сознании современного человека нуждаются в актуализации и необходимости в выработке системы форм и методов противодействия пропаганде духовно-нравственного растления в обществе.

Возрождение религиозности, в частности, в молодежной среде, требует четкой организованной системы практических действий. Этот процесс дол-

жен стать комплексным, т. е. ориентироваться на взаимодействие социальных институтов всех сфер жизнедеятельности общества. Акцент должен быть направлен на формирование мнения о том, что в любой сфере современного общества может быть осуществлена вся полнота церковной жизни в контексте православных традиций.

Патриарший Экзарх всея Беларуси, митрополит Минский и Заславский Павел подчеркивал, что «в жизни молодого человека важную роль играет его светское образование, но не меньшую значимость имеет духовное воспитание. Каждый должен помнить, что образование без нравственности не принесет человеку полноту совершенства» [5].

Если же задаться вопросом, зачем вообще современному человеку нужна религия, то, по П. Бергеру, современность подрывает все старые, не требующие доказательств, определенности (certainties), с которыми люди жили большую часть своей истории. Неопределенность (uncertainty) – это состояние, которое многим людям очень трудно перенести, поэтому любое изменение (не только религиозное) обещает обеспечить или обновить определенность.

Для религиозных ответов всегда найдется место в человеческом опыте. Поэтому религия в целом возрождается, а секуляризация имеет свои пределы. Американский социолог Х. Казанова на основании концепции множественных современных обществ утверждает, что не существует глобального правила в изменении роли религии в современном обществе. Сегодня все мировые религии радикально трансформировались под воздействием процессов модернизации и глобализации, поскольку везде была распространена европейская колониальная экспансия. Но они трансформировались различными и многообразными путями. Все мировые религии вынуждены отвечать на глобальную экспансию современности, также как и на взаимные и обоюдные вызовы, поскольку все они проходят сложные процессы «осовременивания» и вынуждены конкурировать друг с другом в связи с появлением глобальной системы религии [2].

Предлагаем рассмотреть процесс актуализации православных ценностей в современном обществе на примере следующей модели. Отметим, что данная модель построена с учетом наличия PR-компонента как главного механизма взаимодействия основных частей. Представленная модель дополняет существующее взаимодействие государства и православной церкви инновационным методическим содержанием. Так как действующие позиции между государством и Церковью по основным векторам сотрудничества и их реализации охватывают все сферы общества, задача в конкретной заданной тематике будет направлена на усиление положительной роли православных духовно-нравственных ценностей в современном обществе посредством СМИ [3].

Существуют различные подходы к методам, технологиям и интенсивности распространения идей у разных церквей. Ни в коей мере невозможно отождествлять те механизмы распространения идей, которые, с одной стороны, использует православие, с другой – разнообразные секты. Рассмотрим, ка-

кие тенденции наблюдаются в процессе актуализации роли православных духовно-нравственных ценностей и как происходит адаптация этих процессов к современным условиям функционирования православной церкви.

Уместно ли будет говорить в современном обществе о перенесении на сферу межконфессиональных отношений принципов рыночной конкуренции?

Православие, как объект PR, очень остро воспринимается верующими людьми. Связано это с тем, что PR у большинства людей ассоциируется с некой совокупностью «черных» технологий, используемых для увеличения популярности того или иного объекта. Действительно, как Церковь может использовать такие технологии взаимодействия с обществом, посредством которых из плохого человека можно сделать хорошего, из вора – благотворителя. В данном случае уместно будет сказать, что целью PR не является преднамеренное искажение фактов. PR есть способ управления потоками информации, и то, как этот контроль осуществляется, зависит от конкретного субъекта управления. Public Relations – это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информированности. Говоря о целях PR, следует указать, что двусторонний диалог Церкви и общества должен выявлять общие представления или общие интересы. Следует учитывать, что PR есть исторически сложившаяся совокупность технологий взаимодействия с обществом, и Церковь всегда использовала эти технологии для выстраивания своих отношений с миром. Со временем технологии взаимодействия меняются, и Церкви приходится меняться, встраиваясь в новые реалии. В итоге получается, что PR-технологии не являются для Церкви чуждыми и кощунственными, это лишь новая форма взаимодействия, при которой Церкви фактически необходимо заново выстраивать свои отношения с миром и активизировать миссионерскую деятельность.

За последние сто с лишним лет Церковь подверглась не виданным ранее гонениям. На сегодняшний день между Церковью и верующими много препятствий. Это означает, что Церкви как никогда раньше необходимо предпринимать все усилия для сближения с прихожанами. Сделать это можно только при грамотном использовании PR-технологий.

Каким образом происходят процессы актуализации роли православных традиций в контексте современной демократической и рыночной действительности? Логично выделить следующие взаимоотношения:

1. Церковь и СМИ;
2. Церковь и реклама;
3. Церковь и маркетинг (рис. 1).

В этих условиях главный вопрос в том, как эти технологии будут использоваться.

Обозначим основные проблемы в вышеперечисленных позициях. Церковная тематика слабо освещается в СМИ по ряду причин. В частности, можно отметить непрофессионализм коммуникаторов, использование архаичной лексики, что не особо вписывается в формат масс-медиа. В резуль-

Рис. 1. PR-аспект в вопросах актуализации роли православных традиций в современном обществе

тате послания, которые хотела бы донести до общества Церковь, будучи не приспособленными к специфике функционирования СМИ, зачастую искажаются журналистами или просто «отсеиваются» на стадии отбора материала. В СМИ в первую очередь попадает то, что интересует аудиторию, повышает рейтинг, позволяет привлечь новых рекламодателей. Вопросы веры зачастую не привлекают внимания людей [1]. В итоге возникает проблемная ситуация: хотя Церковь достаточно заинтересована в сотрудничестве со СМИ, сами СМИ в подобном сотрудничестве заинтересованы мало (речь идет о светских СМИ). Предложены следующие варианты улучшения процесса взаимосвязи Церкви и СМИ в вопросе актуализации роли православных традиций:

улучшить представителями Церкви способы подачи материала, адаптированные к специфике каждого СМИ;

обеспечить благоприятный диалог между журналистами светских СМИ и представителями Церкви (подача материала должна быть актуальной, иметь соответствующий стиль изложения);

уделить внимание освоению сетевых СМИ (интернет-ресурсы), в частности, социальных сетей.

Проблемная ситуация во взаимодействии Церкви и рекламы предполагает наличие несогласия многих представителей Церкви с возможностью использования маркетинговой коммуникации в вопросах актуализации роли православных традиций.

Реклама с точки зрения современных производителей товаров и услуг призвана показать аудитории ценность товара, тем самым позиционировав его для интересов потребителей. Мы становимся свидетелями активного вовлечения символа в рекламную деятельность. Основаниями для этого являются такие его особенности, как протяженность символической эпохи мировосприятия, эмоциональность значения, ценностность, наследуемость, незаменимость и непреднамеренность создания символа, его соответствие тому явлению, ко-

торое он символизирует. Символы всегда указывают нам на скрытые уровни реальности, понимание которых позволяет человеку постигать единовременно и одномоментно масштабный пласт значений. Религиозные символы, принадлежащие к одной из областей культуры, должны являться активными участниками рекламной коммуникации и трансляции религиозных ценностей и характеризоваться способностью к формированию ценностей, мотивов и установок в сознании членов сообщества. Учитывая современные тенденции к унификации экономических, политических, идеологических, культурных и т. п. процессов в мире, религиозные символы в рекламной коммуникации могут активно участвовать в процессе сохранения и воспроизводства традиционной национальной культуры. Это становится возможным ввиду того, что подобные символы передают базисные мировоззренческие установки, иерархию ценностей и систему знаний о мире, присущих определенной культуре. Религиозные символы становятся активными участниками развития рекламных коммуникаций как творческого и самобытного процесса, связанного с изучением и воспроизводством национальных ценностей в контексте социокультурного пространства. Замечено, что за счет общей культурной традиции визуальные религиозные символы в рекламных сообщениях не отторгаются массовым потребителем. Однако огромное давление СМИ и психологические особенности восприятия рекламных сообщений приводят к тому, что подобные символы в процессе коммуникации теряют часть своего сакрального для аудитории значения. Ценности, заложенные в подобных символах, уже не рассматриваются как напрямую связанные с религиозной культурой. Они либо воспринимаются как общие символы определенной культуры, либо могут пониматься потребителем лишь в контексте одного из их значений. При этом остальные значения отвергаются. Религиозные символы в рекламной коммуникации наиболее часто используются в ряде приемов создания рекламных сообщений, таких как использование положительных и отрицательных образов, эпатаж, юмор, дополнительное свидетельство, создание контраста. Именно в рамках данных приемов такие символы могут наиболее полно раскрыть свое значение, эффективно воздействовать на людей. Это обусловливает их активное использование в рекламной коммуникации. В процессе рекламной коммуникации визуальные религиозные символы несут определенный образ своей аудитории. Они могут быть непосредственно связаны с православными образами, обозначать определенную ценностную установку; обусловливают адекватное существование человека в сообществе, участвуют в формировании его системы ценностей, что в конечном итоге приводит к дальнейшей актуализации роли православных духовно-нравственных ценностей [4].

Рекламная коммуникация предполагает активное распространение информации. При создании СМИ современного имиджа Церкви с применением методов рекламной коммуникации в вопросе актуализации роли православных традиций, у большинства людей сможет действительно сформироваться образ Церкви как социального института, проводящего идеи патриотизма,

традиционной духовности, национальной культуры. Необходимость присутствия духовенства в информационной среде крайне важна.

Как бы не парадоксально звучали слова о возможном применении рыночных механизмов к духовной сфере общества, тем не менее вопрос о взаимодействии остается не изученным в достаточной степени. Применительно к религиозному маркетингу речь будет идти не о простой коммерции и торговле. Церковь способна на современном этапе развития общества удовлетворить актуальные потребности верующих, которые благодаря ее усилиям могут осуществить паломничество, приобрести религиозную литературу и т. д.

На основании вышеизложенного следует подчеркнуть, что новые технологии работы по актуализации роли православных традиций должны учитывать характеристики ценностных изменений различных поколений. Данные характеристики базируются на определенных чертах (социальных, психологических, социокультурных) индивидов, тем самым опосредованно определяя вектор их поведенческого механизма.

Для эффективной просветительной работы необходимы тщательное изучение теории поколений, выявление особенностей представителей разных поколений и корректировка работы, исходя из полученных сведений. Благодаря изученным тенденциям в смене ценностных ориентаций, можно предположить путь развития подрастающего поколения, предупредив отрицательные тенденции, вовремя предоставив необходимую альтернативу им. Зная ценностные ориентиры молодежи, можно успешно использовать их для достижения конкретных духовно-просветительских целей.

Важная особенность православия – консервативность. Это единственная христианская конфессия, которая не поддается переменчивому духу времени, а наоборот, пытается сохранить чистоту древнехристианской апостольской веры. Однако многие люди воспринимают православие как религию слабых. В общественном сознании закрепилась фраза: «ударили по правой щеке, подставь левую». Очень часто в нем именно так характеризуется сущность православной веры. Очевидно, подобная ситуация вызвана недостаточной активностью Церкви в вопросах распространения и разъяснения Слова Божьего. Исходя из этого, можно сделать вывод, что первоочередная задача Церкви – это создание нового, не искаженного, понимания православной культуры. Церкви необходимо переосмыслить подход к актуализации своих позиций. Но Церковь не должна стремиться использовать максимальное количество современных технологий для установления контакта с верующими. Опасность заключается в том, что чрезмерное стремление Церкви привлечь как можно больше ресурсов может оттолкнуть не только сомневающихся, но и верующих людей. В связи с этим важным остается вопрос о необходимости учета не только ценностных характеристик поколений, но и анализа православной культуры и ценности веры с позиции взаимовлияния ее отдельных компонентов (рис. 2).

Изучение места и роли в жизни верующего человека православной культуры и ценности веры занимает центральное место в исследовании уровня ре-

Рис. 2. Аксиологические и культовые компоненты в тезаурусе религиозности

лигиозности. В соответствии с этим ценность религиозной веры для человека коррелирует с его религиозными практиками и тем самым четко обосновывает необходимость видения единства его религиозности.

Можно сказать, что аксиологические и культовые компоненты в той или иной степени определяют поведение человека, задавая направленность его действиям, предпринимаемым им для познания самого себя, проявлению чувств, убеждений, реализации внутреннего потенциала, возможностей, способностей, характеризуя православную культуру. Ценность веры также имеет смысловую нагрузку, важность которой определяет религиозный путь человека, его стремление к духовному совершенству, которое и предполагает соблюдение не только церковных обрядов (как необходимого условия в жизни верующего), но и наличие внутреннего диалога, наполненного аксиологическим компонентом. Глубина личного религиозного переживания, поиск духовных вопросов, основанных на православной религиозной традиции, могут рассматриваться как признаки православной религиозной культуры. Показательными характеристиками ценности веры, акцентирующими внимание на измерении уровня православной религиозности, могут быть в качестве примера такие противоположные качества, как включенность в человеческие взаимоотношения и саморазвитие личности; терпение и стремление к комфорту; смирение и требование социальной справедливости и т. д.

Таким образом, изучив уровень православной религиозности, учитывая аксиологические и культовые компоненты, можно определить, какое место в его жизни занимает православная вера и культура. Это позволит скорректировать технологию применения маркетинговых коммуникаций в миссионерской деятельности Церкви.

Церковь всегда должна стараться сохранять консервативность и традиционность. Это не значит, что нужно жить прошлым веком. Использование современных достижений необходимо, но в рамках церковной традиции и устоев. Многими людьми могут не восприниматься коммерческие усилия Церкви. Однако, на наш взгляд, Церковь должна сегодня овладевать новыми методами актуализации своих идей с целью укрепления своих позиций в современном

обществе, привлекая доверие к православной вере и увеличивая количество верующих в современном обществе.

Литература

1. *Бевзенко, М.* Зачем и как пиарить Церковь / М. Бевзенко, О. Яцура // PR-менеджер. – 2007. – № 7. – С. 39–45.

2. *Синелина, Ю. А.* Религия в современном мире / Ю. А. Синелина // Социол. исслед. – 2012. – № 2. – С. 51–54.

3. *Тягнибеда, О.* Новоизбранный Патриарх Кирилл: Христианство не должно быть музейным! / О. Тягнибеда, А. Велигжанина // Комсомольская правда в Украине. – 2009. – № 2. – С. 12.

4. *Щербакова, Ю. П.* Религиозные символы в современной рекламной коммуникации : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Ю. П. Щербакова ; Нижегор. гос. пед. ун-т. – Нижний Новгород, 2007.

5. Официальный портал Белорусской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://church.by/news/mitropolit–pavel–posetil–i–osvjatil–srednjuju–shkolu–n–61–goroda–minska. – Дата доступа: 04.09.2014.

A. SHYRKO

PR-ASPECT IN ISSUES OF PROMOTION OF ROLE OF ORTHODOX TRADITIONS IN MODERN SOCIETY

Summary

The article discusses the possibility of PR-component using in the dialogue between the Church and society. The model of marketing communication in the issues of mainstreaming of the role of Orthodox traditions in modern society is analyzed.

Keywords: religiousness, Orthodox culture, the Church, axiological components, Orthodox traditions, PR-component.

Поступила 02.10.2014 г.

УДК 316.74

Е. Ю. СМЫКОВА,
магистр социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МУЗЕЕВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (ПО ОЦЕНКАМ ЭКСПЕРТОВ)

В статье представлены результаты экспертного опроса среди работников музейных учреждений системы Министерства культуры Республики Беларусь. На основе полученных эмпирических данных автором актуализировано внимание, начиная от ключевых аспектов функционирования музея до возможных перспектив его дальнейшего развития.

Ключевые слова: музей, эксперты в области музейного дела, культурно-досуговые учреждения, источники информирования, сектор дополнительных услуг.

В современном мире, в мире, где широкое распространение получили процессы глобализации, массовизации и т. д., а общество интерпретируется в категориях потребления, особое место отводится культуре. Культура на сегодняшний день – это своего рода индикатор изменений, происходящих в обществе и затрагивающих различные его сферы. Реализует культура данную «миссию» посредством деятельности конкретных институтов. Наиболее действенным механизмом в этом плане выступает такой социокультурный институт, как музей.

Вопросы развития культуры в целом и музеев в частности привлекает пристальное внимание не только со стороны ученых-гуманитариев, но и экспертов, включенных в данную сферу. Именно благодаря вовлеченности последних формируется определенное экспертное мнение, показывающее проблемы и перспективы функционирования музея как культурного феномена. Поэтому в целях изучения специфики функционирования музейных учреждений был проведен экспертный опрос среди специалистов музейных учреждений, находящих в подчинении Министерства культуры Республики Беларусь[1]. В качестве экспертов выступали работники различных уровней, начиная от руководителя учреждения и заканчивая научными сотрудниками. Экспертам предлагалось оценить специфику музейной сети страны в целом и различные аспекты деятельности конкретного культурного учреждения. Остановимся на обозначенных пунктах более подробно.

---

[1] Экспертный опрос проведен летом 2014 г. при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Беларусь. Объем выборочной совокупности составил 60 респондентов.

Широкая представленность культурно-досуговых учреждений увеличивает возможности населения при выборе тех или иных услуг, предоставляемых данными институциями. В целях изучения популярности среди населения культурно-досуговых учреждений был составлен список наиболее актуальных культурных институтов страны, где музейным работникам необходимо было проранжировать представленные учреждения по степени популярности (1 балл – совсем не популярен, 5 баллов – очень популярен). Для адекватного представления и интерпретации полученных данных рассчитывался такой статистический показатель, как среднее значение (табл. 1).

Согласно полученным в ходе статистической обработки данным, можно сделать вывод, что наиболее востребованными среди населения по субъективным оценкам экспертов являются парки отдыха/парки с аттракционами. Концертные залы, театральные учреждения, кинотеатры и музеи также входят в число актуальных форм проведения досуга. Только библиотеки в представленном перечне занимают последнее место.

Обозначенный выше уровень популярности культурных учреждений показал место музея в общей структуре. Рассмотрим отдельно популярность музея как культурного феномена не только на республиканском, но и на мировом уровне. На основе использования средней величины были получены следующие результаты: рейтинг популярности музея в Беларуси приближается к серединному значению и зафиксирован на уровне 2,82, несколько выше эксперты оценили востребованность музея в мире – 3,97.

Таблица 1. **Степень популярности культурно-досуговых учреждений, среднее значение**

Культурно-досуговое учреждение	Среднее значение
Парк отдыха, парк с аттракционами	4,3
Концертный зал	3,7
Театр	3,5
Кинотеатр	3,3
Музей	2,9
Библиотека	2,4

Остановимся непосредственно на качественных характеристиках функционирования музея, представленных по результатам экспертных оценок музейных работников. Среди основных направлений работы музея, как правило, выделяются научно-фондовая, экспозиционная, культурно-образовательная деятельность. Если первая носит в некоторой мере «вспомогательный» характер и направлена на формирование музейного собрания, то благодаря культурно-образовательной и экспозиционной деятельности представляются результаты в конкретной форме, будь то мероприятия или экспозиции.

Деятельность музейных учреждений представлена целым спектром мероприятий, организуемых для посетителей. Не случайно, что именно открытие выставки и музейно-педагогические занятия, лекции занимают лидирующие

позиции в перечне музейных мероприятий. Обусловлено это тем, что последние составляют одну из основных форм представления культурных артефактов. «Ночь музеев» – международная акция, проводимая многими музеями мира, активно поддерживается и организовывается абсолютным большинством музеев страны (88,3 %). Мастер-классы в различных областях (68,3 %), мероприятия развлекательного характера, в частности музейные конкурсы, викторины (68,3 %), фестивали, спектакли (46,7 %), презентации книг (43,3 %) также широко представлены в практике музейных учреждений. Некоторые музеи осуществляют церемонию регистрации брака (5,0 %), проводят музейно-анимационные мероприятия (3,3 %), конференции (1,7 %), встречи с известными людьми (1,7 %), организовывают выездные мероприятия (1,7 %) и показ фильмов (1,7 %)[1].

Индикатором востребованности среди посетителей тех или иных культурных мероприятий является уровень их посещаемости. Так, по мнению экспертов, наиболее популярными оказались открытие выставки (46,4 %) и «Ночь музеев» (41,1 %). Мероприятия образовательного характера, в частности музейно-педагогические занятия, лекции (28,6 %) и развлекательные представления (26,8 %) (среди последних отдельным пунктом выделяются фестивали и концерты (12,5 %)), также достаточно активно посещаются населением. Другие варианты ответов распределились следующим образом (в порядке убывания): мастер-класс (10,7 %); интерактивные музейные путешествия (8,9 %); церемонии регистрации свадеб (8,9 %); экскурсии (7,1 %); встречи и беседы с известными людьми (7,1 %); презентация книг (5,4 %); вернисаж (3,6 %); издательский проект (1,8 %).

Другой формой презентации историко-культурного наследия, наряду с культурно-образовательной деятельностью, является экспозиционная. Как отмечает больше половины музейных экспертов (68,3 %), смена основной экспозиции, среди анализируемых музеев, осуществляется реже, чем раз в год, и это в принципе вполне объяснимый факт, поскольку на ее подготовку уходит достаточно длительный период времени. В целом следует отметить, что разработка экспозиции предполагает следование определенным принципам, которые формируются исходя из концепции учреждения. Так, согласно результатам исследования, именно технические возможности (площадь помещения, оснащенность оборудованием и т. д.) музея учитываются в первую очередь создателями экспозиции (68,3 %). Не менее актуальными принципами среди экспертов оказались как институциональные характеристики учреждения (тип музея), так и экспонируемые в нем музейные экспонаты – 56,7 % соответственно. Чуть больше половины музейных работников отмечают необходимость учета конкретной целевой аудитории учреждения, а 48,3 % – следуют тенденциям, происходящим в современном музейном деле. Для пятой части

[1] Здесь и далее сумма превышает 100 %, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на поставленный вопрос.

опрошенных требования со стороны вышестоящих инстанций являются ориентирами при создании экспозиции. Региональные возможности, например специфика местных традиций и территориальные особенности (город/село), принимают во внимание 30 % и 11,7 % респондентов соответственно.

Учет целевой аудитории является неотъемлемым компонентом концепции каждого музея. Согласно полученным данным, 95 % экспертов отмечают, что их культурная институция ориентирована на местных жителей, 78,3 % – на иногородних, и меньше половины, а более точно – 48,3 %, хотели бы «видеть» в качестве посетителя иностранного туриста.

Организация музеем того или иного мероприятия предполагает факт информированности населения о предстоящем культурном мероприятии. Эмпирическим индикатором в данном контексте выступает вопрос: «Какие источники Вы обычно используете для информирования населения о предстоящих музейных мероприятиях, выставках?» В результате оказалось, что подавляющее большинство опрошенных экспертов в качестве основного источника информирования используют средства массовой информации, то есть газеты, радио, телевидение и т. д. Достаточно высок процент музеев, которые прибегают к использованию рекламных постеров, афиш (88,3 %) и Интернет-источников (85,0 %). Чуть больше трети учреждений информирует посетителей о культурных мероприятиях через работников музея. Незначительная часть экспертов ориентируется при решении данного вопроса на распространителей билетов (6,7 %) и социальные сети (5,0 %).

На сегодняшний день существуют разнообразные источники финансирования сферы культуры, в том числе и музеев. Как правило, основные ассигнования в музейную сферу осуществляет государство, данная гипотеза в полной мере подтвердилась превалирующим большинством экспертов (98,3 %). Кроме того, были обозначены и другие источники, которые в той или иной степени расширяют возможности музейных учреждений: платные услуги (6,8 %), внебюджетные поступления (3,4 %), частное лицо, организация (1,7 %) и иностранная организация, фонд (1,7 %).

В любом случае государство в силу ограниченности финансовых возможностей не может в полной мере выполнять так называемые «меценатские функции», объем ассигнований в культуру, а следовательно, и в музейную сферу, постоянно сокращается. В связи с этим перед музеями стоит задача поиска новых форм работы и тем самым источников финансирования, среди которых особое место отводится сектору дополнительных услуг, который, как отмечают 78,3 % экспертов, необходимо развивать. А «содержание» сектора дополнительных услуг достаточно многообразное, детерминированное в определенной мере профильной направленностью музея (рис. 1).

Основу сектора дополнительных услуг среди проанализированных музеев составляет магазин с сувенирной продукцией; чтение лекций, проведение консультаций, также организация и проведение выездных выставок и мероприятий. Достаточно активно музеями продвигаются услуги, связанные с ра-

ботой в фондах музея (41,7 %), выполнением тематических заказов, к примеру, исторические справки (40,0 %), организация экскурсий-анимаций (38,3 %), аренда помещений под различные цели, как-то конференции, семинары и т. д. (35 %). Фактически каждый десятый музей выполняет экспертизу и реставрацию предметов искусства и антиквариата. Что же касается пункта «другое», который в общей сложности составляет 15 %, то он представлен следующими услугами: мастерские различного рода (3,3 %), экскурсии по городу (3,3 %), право на проведение киносъемки (3,3 %), тир (1,7 %), церемония регистрации брака (1,7 %), музейное проектирование (1,7 %).

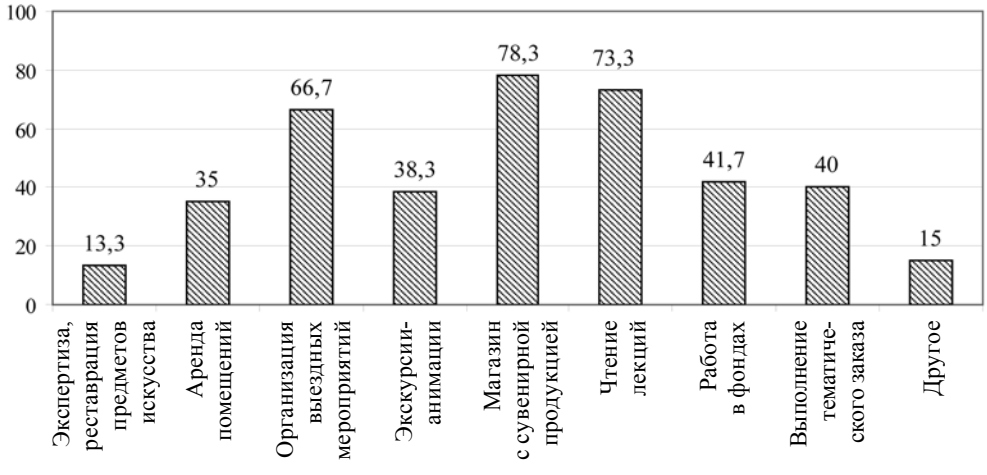


Рис. 1. Представленность сектора дополнительных услуг[1]

В силу того, что одной из наиболее актуальных форм представления сектора дополнительных услуг являются магазины/лавки с сувенирной продукцией, необходимо проанализировать качественную наполняемость подобных структур или, другими словами, представленность в них конкретных товаров. Оказалось, что в большинстве случаев в магазинах представлены подарочные/сувенирные изделия (80 %) и буклеты о музее (76,7 %). В каждом втором музее реализуется книжная продукция, а видеофильмы предлагаются 41,7 % учреждений. Чуть больше одной пятой части музеев активно продвигают репродукции или, другими словами, копии музейных предметов, в то время как каждый десятый – продукцию народных ремесел, как-то поделки из соломки, лозы и т. д. Только у 11,7 % музейных учреждений отсутствует магазин с сувенирными изделиями.

Представленность сектора дополнительных услуг в учреждении – это лишь одно из направлений деятельности музея наряду с его основными формами работы, конечной целью которых в общей сложности является созда-

[1] Сумма превышает 100 %, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

ние музеями «благоприятных» условий для посетителей, начиная от качественной наполняемости до обеспеченности его современными техническими средствами. Поэтому для выявления экспертных оценок по данному вопросу специалистам музейных учреждений необходимо было обозначить те условия, которые, по их мнению, наиболее важны для посетителей. Согласно полученным данным, наличие уникальных музейных экспонатов (81,7 %), представленных на выставке высокого художественного уровня (68,3 %) и в то же время дополненных экскурсионным обслуживанием (78,3 %) выступают в качестве наиболее значимых условий. Что же касается рекламной составляющей, в частности широкого рекламно-информационного сопровождения выставок, а также наличия постоянной экспозиции согласно тематике и профилю музея, то их отметили 63,3 % и 60 % музейных работников соответственно. Чуть меньше половины опрошенных (48,3 %) обозначили нетрадиционные формы организации досуга, а 41,7 % – значимость имени автора выставки и в целом ее актуальность. Наличие в музее средств современных информационных технологий, например инфокиосков, аудиогидов, презентационных экранов (30 %), кроме того, организация нетрадиционной направленности тематики выставок (28,3 %) могут выступать в качестве решающего фактора для посещения учреждения. Фактически каждый четвертый акцентировал внимание на таком условии, как организация музеями творческих встреч с известными личностями (художники, писатели и т. д.). Обеспеченность музея библиотекой для работы по изучению фондов и Интернет-кафе актуально для каждого десятого специалиста.

В процессе функционирования любого культурного учреждения, в том числе и музея, возникает некоторый ряд вопросов, которые требуют своего своевременного решения. Как показали результаты экспертного опроса, на сегодняшний день основные трудности, с которыми сталкиваются учреждения, связаны с недостатком финансирования (65 %) и проблемами кадрового характера – нехватка, текучесть кадров (51,7 %) и сокращение штата сотрудников (36,7 %). Чуть больше трети музейных работников ссылаются на низкий уровень материально-технического оснащения музея. Отсутствие спонсорской помощи и сокращение числа посетителей выступают в качестве актуальных проблем для 30 % и 28,3 % соответственно. 15 % экспертов назвали низкий уровень подготовки кадров, а 8,3 % – отсутствие возможности презентации желаемых музейных предметов, экспонатов. Также некоторые специалисты обозначили и такие проблемы, как рост нормативных показателей (1,7 %), отсутствие помещения (1,7 %) (табл. 2).

Решение обозначенных выше проблем – это одно из направлений дальнейшей работы музеев, в то же время особое внимание должно быть уделено перспективам развития культурного учреждения. В целях разработки рекомендаций относительно направлений развития музея как учреждения культуры экспертам задавался конкретный вопрос: «Как Вы считаете, какие направления следует развивать в музее, чтобы он стал более привлекательным

Таблица 2. **Проблемы, с которыми музей столкнулся в последнее время, %**[1]

Перечень проблем	Процент
Недостаточное финансирование	65
Нехватка, текучесть кадров	51,7
Сокращение штата сотрудников	36,7
Низкий уровень материально-технического оснащения	35
Отсутствие спонсорской помощи	30
Снижение уровня посещаемости	28,3
Низкий уровень подготовки кадров	15
Отсутствие возможности презентации желаемых музейных предметов	8,3
Рост нормативных показателей	1,7
Отсутствие помещения	1,7
Отсутствие проблем	1,7
Итого	278,3

для посетителей?» Внедрение современных форм взаимодействия между посетителем и музеем является наиболее важным направлением, на которое необходимо делать упор с целью привлечения посетителей. Половина опрошенных экспертов считают, что необходимо ориентироваться на создание условий для познавательного досуга. Развитие дополнительных услуг, в том числе и за счет расширения спектра платных услуг, отметили 43,3 % и 20 % специалистов соответственно. 40 % респондентов предлагают увеличить количество развлекательных и массовых мероприятий, а 36,7 % видят необходимость в создании условий для творческого развития личности.

Таким образом, на основе полученных данных опроса экспертов в области музейного дела были проанализированы вопросы, затрагивающие различные аспекты функционирования музейных учреждений страны. В результате были получены следующие выводы:

1. Популярность музея, как в Беларуси, так и в мире находится на достаточно высоком уровне. Среди широкого спектра мероприятий, организуемых музеями, наиболее востребованными считаются открытие выставки и «Ночь музеев».

2. В целях информирования населения о предстоящих культурных мероприятиях музеи наряду с традиционными источниками (СМИ, рекламные постеры, афиши) используют современные технологии, в частности Интернет-источники.

3. В современных условиях, когда наблюдается сокращение государственных ассигнований в анализируемую сферу, перед музеями ставится задача поиска новых форм финансирования. Наиболее действенным в этом плане выступает сектор дополнительных услуг, средства от которых направлены на поддержку функционирования основных аспектов деятельности музея, целью

[1] Сумма превышает 100 %, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

которых является создание максимально «благоприятных» условий для привлечения посетителя. Среди последних особым пунктом следует отметить уровень оформления выставки, наличие уникальных экспонатов и экскурсионного обслуживания.

4. Основой более эффективного функционирования музея выступит решение финансовых, кадровых вопросов, а также внедрение современных форм работы с посетителями.

E. U. SMYKOVA

THE SPECIFICITY OF MUSEUMS FUNCTIONING IN BELARUS ACCORDING TO EXPERTS

Summary

The results of the expert survey among employees of museums of the Ministry of Culture of Belarus are presented in the article. On the basis of empirical data the author actualized attention from the key aspects of museum activity to the possible prospects of further development.

Keywords: museum, experts in the field of museology, cultural and leisure institutions, sources of information, additional service sector.

Поступила 06.10.2014 г.

УДК 316.012+316.75

И. Н. ХАРИТОНОВ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

БЕЛОРУССКАЯ НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В статье в ракурсе аксиологического подхода представлены авторские дефиниции белорусской нации и национальной идентичности. Национальное рассматривается как социально-политическое явление, нация – как общность, основанная на принятии, поддержке и воспроизводстве базовых национальных ценностей, и национальная идентичность – как основанная на признании и практической реализации данных ценностей.

Ключевые слова: нация, белорусская национальная идентичность, национальные ценности, государственный суверенитет.

На данный момент имеет место проблема научного определения белорусской национальной идентичности в условиях глобализации и продолжающихся с момента распада СССР системных изменений социального, культурного и экономического укладов Беларуси.

Согласно идеям социального конструктивизма, представления, понятия, концепции не столько отражают социальную реальность, сколько способны сами предопределять и влиять на ее (Дж. Раскин и др.). Определения национальной идентичности, видение и судьба белорусской нации имеют большую социальную значимость и всегда вызывали дискуссию в белорусском обществе, поскольку связаны с национальным государственно-политическим устройством. Национальная идентичность как объект социальной реальности подвержена значительному влиянию как субъективного, так и социального фактора и, соответственно, выступает не только как цель познания истины, социальной реальности, но и как объект общественной дискуссии.

Изучение феноменов нации и национальной идентичности сопряжено с дилеммой, касающейся классического выделения двух, во многом абстрактных, но, тем не менее, имеющих на практике огромное социально-политическое значение форм: этноязыкового (этнического, этнонационального) и гражданского «национализмов». Основой для выделения этих форм являются ссылка на исторический опыт и реалии существующих наций, перенесение их опыта и характеристик на другие государства и народы. Так, выделяются различные элементы, которыми «непременно» должна обладать каждая нация. Через призму этих представлений оценивается состояние нации и национальной идентичности в той или иной стране.

Вторым условием, усиливающим эффект поливариативности и «симулякричности» понятия «национальная идентичность», является молодость белорусского государства, продолжение процессов его укрепления и развития. Несмотря на то что современной белорусской государственности (если принимать за ее начало образование БНР и БССР) почти сто лет, многие процессы национального строительства активизировались только два десятилетия назад и продолжаются до сих пор.

В общественном дискурсе Беларуси имеются различные социально-культурные проекты того, какой должна быть белорусская нация. Достаточно сильное давление на общественное мнение оказывают и мнения о том, что Беларусь не имеет настоящей нации, не является полноценным национальным государством. Также, как отмечают многие отечественные исследователи, у населения Беларуси наблюдаются множественность идентификаций и макросоциальных идентичностей, различия в их иерархии, в представлениях о государстве, своем народе (Л. Г. Титаренко, Л. И. Науменко, О. Манаев и многие другие). Современные процессы глобализации и стирания границ только усугубляют такое положение.

Как уже отмечалось, традиционно выделяются два подхода к пониманию нации: этнический и гражданский (Х. Кон, Б. Андерсон, К. Дейч, Э. Смит, Э. Кедури, Р. Брубейкер, У. Альтерматт, Ю. Бромлей, В. Тишков, Э. Хобсбаум и др.). Как отмечает E. Winter, данное разделение восходит к удачному анализу Фридриха Майнеке (Friedrich Meinecke) французского «Staatnation» («нации-государства») и немецкой «Kulturnation» (культурной нации, «нации-этноса», «этнонации») (цит. по: [9, p. 130]). Помимо этого, также выделяют примордиалистский и близкие модернистский и постмодернистский подходы, последние два можно объединить в одно направление – конструктивистское (Э. Хобсбаум, Б. Андерсон, Э. Кедури, Э. Геллнер, Р. Брубейкер и др.), которые соотносятся с вышеупомянутым разделением на типы наций. Э. Смит указывает, что в классической модернистской парадигме подчеркиваются «политический характер наций, активная роль граждан и лидеров в их создании», нации предстают как «территориально-политические образования» [5, с. 52], в то время как примордиалистским (у Э. Смита – «перенниалистским») концепциям нации свойственно ее понимание как более-менее устойчивого явления, уходящего в давние времена [5, с. 55–57], политическая форма которого является лишь отражением этой стабильно-однородной этнокультурной и генетической общности. При постмодернистском подходе (Б. Андерсон и другие) субъективность и волюнтаристичность строительства нации, ее конструируемый характер подчеркиваются даже в большей степени, чем у модернистов, тесно связывавших процесс ее формирования с определенными историческими, экономическими и социальными предпосылками.

С нашей точки зрения, конструктивистские взгляды более эвристичны для белорусского общества, чем примордиалистские, поскольку они позволяют лучше понимать современные белорусские национальные процессы и под-

черкивают важность и значимость общественного мнения и активной государственной национальной политики.

Взгляды К. Дейча и многих других исследователей о «строительстве нации» указывают на важность понимания нации как общественно-политического явления, связанного, прежде всего, с наличием государственности, особых общественных характеристик. Б. Андерсон предлагал такое определение: «Нация – это воображаемая политическая общность, причем воображаемая как необходимо ограниченная и суверенная» [1, с. 30–32]. Ключевым моментом нации как социально-политической общности является государство. Как отмечает А. Балаев: «И модернисты, и постмодернисты солидарны в том, что окончательное конструирование нации возможно только в качестве национального государства – “нации-государства” (nation-state)» [2, с. 17]. М. Вебер прямо говорит о том, что именно стремление к созданию своего государства отличает нацию от других типов этнических общностей (цит. по: [2, с. 10]). Х. Кон писал о нации: «Нация – это продукт национализма как обязанности своему государству, как полная подчиненность человека своему национальному государству» (цит. по: [3]) .

Таким образом, мы видим, что для нации характерны базовые социальные ценности, среди которых государственность и суверенитет стоят на первом месте. Характерно в данном контексте высказался Э. Ренан. Отвечая на вопрос: «Что такое нация?» (разумеется, с общественно-политической точки зрения), он подчеркивал, что нация, не сводясь ни к династии, ни к расе, ни к религии, ни к языку, является выражением *духовного стремления* людей жить вместе, сохранять наследство, полученное от предшествующих поколений, и стремиться к общей цели. «Существование нации – это (если можно так выразиться) повседневный плебисцит, как существование индивидуума – вечное утверждение жизни» [4, с. 100–101].

Национальные общности обладают определенными национальными ценностями и стремятся к их реализации. То есть, с аксиологической точки зрения, мы рассматриваем нацию как общность, основанную на принятии, поддержке и реализации основных национальных ценностей в отношении своего государства и самой себя. Под основными национальными ценностями мы понимаем ценности, необходимые для существования национального государства и нации как таковых.

Если попытаться выделить данные основные (базовые) национальные ценности, являющиеся значимыми для национальной общности, то нам кажется возможным говорить о следующих 4 группах:

1) ценности государственности и суверенности (независимости);

2) ценности единства (консолидации и солидарности);

3) ценности аутентичности (сохранения культурной, исторической, общественно-политической особенности, дифференцируемости);

4) ценности принадлежности, патриотизма.

О ценности государственности говорилось выше, она многими исследователями определяется как ключевая и необходимая. Консолидация нации, ее солидарность и единство, любовь к Родине, патриотизм и преданность также многократно упоминаются как в национальных символах, так и текстах и воззваниях национальных деятелей.

Отметим специфику отношения к национальным социально-политическим ценностям в советский период нашей истории, который наложил отпечаток и на современное бытие белорусской нации. В советском общественном и научном дискурсе главенствовали взгляды, которые базировались, прежде всего, на примордиалистских и марксистских концепциях нации. В рамках марксизма-ленинизма было принято выделять стадиально-исторические разновидности этноса: племя, народность, нацию, связывая их с определенными общественно-экономическими формациями. Нация рассматривалась как высшая форма этнической общности, описываемая, согласно определению И. Сталина, объединившего в себе взгляды К. Каутского, О. Бауэра (цит. по: [2, с. 10]) и других марксистов, как «…исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры… Только единство всех четырех признаков составляет понятие нации» [7, с. 296–297]. Данный взгляд до сих пор востребован в общественном и научном дискурсе Беларуси, поскольку лежал в основании создания белорусской советской государственности.

Отметим интересную деталь. В таком определении не подчеркиваются особенности социально-политической жизни, наличие национальной государственности (общность территории не обязательно предполагает ее суверенитет). На это указывалось еще в советское время, во время общественно-политической дискуссии о национальном вопросе в 60-х гг. XX в. Так, М. О. Мнацаканян предлагал заменить сталинское «общность психического склада» характеристикой государственности: «Нация – это исторически сложившаяся общность людей, имеющих общий язык, общую территорию, общие хозяйственные связи и общее государственное устройство» (цит. по: [8]). А. Г. Агаев подчеркивал: «Нация – это этническая общность капиталистической и социалистической формаций, пробудившаяся к самостоятельной национальной жизни, к суверенитету» (цит. по: [8]).

На наш взгляд, в рамках марксистского подхода было важным сместить акцент с общественно-политической стороны национального вопроса на культурно-историческую, поскольку, в обратном случае, позиции национальных демократических движений выглядели естественными и обоснованными. Кроме того, народам следовало быть социалистическими и интернациональными. Таким образом, общественно-политическая составляющая национальной общности, ориентированная, прежде всего, на суверенность, аутентичность, консолидированность и солидарность собственно белорусской нации, государства в какой-то мере могла приуменьшаться.

Тем не менее социально-политические национальные ценности, полноценное их разделение и воспроизводство крайне важны для существования белорусской нации и ее государственности.

Нация как определенная общность является объектом национальной идентичности, так как по отношению к ней определяется чья-то принадлежность. Концепции национальной идентичности – как проявления (формы) социальной – в белорусской науке опираются на теорию социальной идентичности Г. Тэджфела, Дж. Тернера. В данной теории социальная идентичность – это «знание индивида о том, что он принадлежит к определенной группе, и эмоциональная значимость для него группового членства» [6]. Соответственно, национальная идентичность выступает как знание о персонально значимой принадлежности к национальной общности (нации), эмоционально значимое членство в ней. На наш взгляд, данное экстраполирование имеет и недостаток: акцент ставится на членстве и идентификации с группой, что создает некоторые затруднения в условиях размытости, полиморфности образа национальной группы, часто фиксируемой в исследованиях белорусской национальной идентичности. Также данное определение не отражает в полной мере сущности членства в национальной группе.

Выделение национальных ценностей, а также смещение акцента на них с просто идентификации и представлений о национальной макросоциальной группе позволяют нам актуализировать ценностную составляющую национальной идентичности и решать проблему размытости объекта идентификации. Аксиологический подход к исследованию белорусской национальной идентичности, за счет усиления ценностного уровня, дает возможность обойти двусмысленность и неоднозначность в рассмотрении этого феномена. С аксиологической точки зрения, национальная идентичность предстает как осознание, принятие и воплощение в социальной жизнедеятельности личностью, социальной группой ценностей суверенности, единства и солидарности, аутентичности и патриотичности в отношении национальной общности и государства.

Ценностный подход позволяет говорить о современной белорусской нации, белорусской национальной идентичности как реально существующих социокультурных феноменах, несмотря на дискуссии о ее особенностях, на основе устойчивого и широкого признания базовых национальных ценностей, составляющих, на наш взгляд, социально-политическую и социокультурную основу национальной идентичности. Разделение и поддержка указанных ценностей гарантирует устойчивость белорусской нации и государства в условиях глобализационных процессов и негативного влияния внешних факторов.

Литература

1. *Андерсон, Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 288 с.

2. *Балаев, А. Г.* Азербайджанская нация: основные этапы становления на рубеже XIX–XX вв. / А. Г. Балаев. – М. : Тип. Тиражи.Ru, 2012. – 407 с.

3. *Морозов, А.* «Нация» и «национализм» / А. Морозов // Россия, XXI век. – 1994. – № 6–8.

4. *Ренан, Э.* Что такое нация? / Э. Ренан // Собр. соч. : в 12 т. / Э. Ренан. – Киев, 1902. – Т. 6.

5. *Смит, Э.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М. : Праксис, 2004. – 464 с.

6. Социальная идентичность, самокатегоризация и группа / Дж. Тернер [и др.] // Иностранная психология. – 1994. – Т. 2, № 2. – С. 8–17.

7. *Сталин, И. В.* Марксизм и национальный вопрос / И. В. Сталин // Соч. / И. В. Сталин. – М., 1951. – Т. 2.

8. *Шрамко, С.* Отец Народов и его определение нации [Электронный ресурс] / С. Шрамко. – Режим доступа: http://www.proza.ru/2013/07/23/1515. – Дата доступа: 18.08.2014.

9. *Winter, E.* Us, Them, and Others: Reflections on Canadian Multiculturalism and National Identity at the Turn of the Twenty-First Century / Elke Winter // Canadian Review of Sociology. – 2014. – Vol. 51, iss. 2. – P. 128–151.

I. N. HARITONOV

BELARUSIAN NATION AND NATIONAL IDENTITY IN THE CONTEXT OF AXIOLOGICAL APPROACH

Summary

The article presents the actual approach of the determination of the Belarusian nation and national identity. The essence of the phenomenon of the national as a socio-political phenomenon is formulated. The definition of the nation as a community based on the acceptance, support and reproduction of basic national values is given and national identity as based on the recognition and defense of these values is presented.

Keywords: the nation, theories of nationalism, national identity, the Belarusian national identity, national values, national sovereignty and independence.

Поступила 20.10.2014 г.

УДК 316.282+316.74]:167

А. В. КОМАРОВСКИЙ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОГРАММЫ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРЫ

Обоснована необходимость применения типологического подхода в социологическом изучении культуры. На основе избранного типологического подхода проведен анализ основных национальных линий в социологическом изучении культуры.

Ключевые слова: культуры, социология культуры, культурсоциология, эпистемология, типологический подход.

Развитие социогуманитарного знания в XX в. демонстрирует непрерывно растущий интерес к феномену культуры. Этот процесс, традиционно обозначаемый как «культурный поворот»[1], привел к «культурологизации» всего корпуса социогуманитарных дисциплин [1; 2], закреплению культуры в их предметных и методологических фокусах. Широкое применение категории культуры обусловлено ее большой семантической емкостью, которая превышает сотни определений[2]. Негативной стороной такого смыслового разнообразия выступает высокая категориальная неопределенность и, как следствие, произвольное употребление понятия.

В данном контексте особую актуальность получает задача системной категориальной проработки понятия культуры, которая бы удовлетворяла современным теоретико-методологическим стандартам и потребностям исследователей. Немецкий культурсоциолог Фридрих Тенбрук утверждает, что именно ввиду данной непроработанности понятие культуры до сих пор не получило адекватного раскрытия своего эвристического потенциала [3]. Поэтому одним из приоритетных направлений такой проработки нам видится именно задача «снижения размерности» широкого понятийного пространства категории культуры (т. е. поиска компактной типологической схемы организации разнообразных подходов в социологическом изучении культуры) и оснащение исследователей конкретными методологическими и концептуальными средствами для ее анализа.

---

[1] Данный термин введен американским философом Ф. Джеймисоном [4] как описание глобального процесса коммодификации и «оповседневнивания» культуры, но получил впоследствии более широкий смысл как эпистемологический феномен.

[2] Уже в классической работе американских антропологов А. Крёбера и К. Клакхона середины XX в. [5] было зафиксировано более 150 понятий.

Кроме собственно операциональной ценности такая схема обеспечивает инструмент для более системной задачи – сравнительного эпистемологического анализа национальных исследовательских метапрограмм в изучении культуры. Рефлексия оснований «теоретических национализмов» в изучении культуры обеспечивает возможность анализа, критики и комплексирования с целью разработки системной исследовательской программы изучения культуры, адекватной в своей эпистемологической емкости и мощности уровню проблематики и комплексности поликультурного ландшафта современности. В данной работе мы предпринимаем попытку такого анализа, призванного обеспечить промежуточные результаты для дальнейшей критики и комплексирования аналитического материала.

Типология подходов к культуре заимствуется нами из работ В. Л. Абушенко [6] и представлена в виде схемы, где подходы расположены в определенном порядке, сочетающем эпистемологические и хронологические свойства (рис. 1).

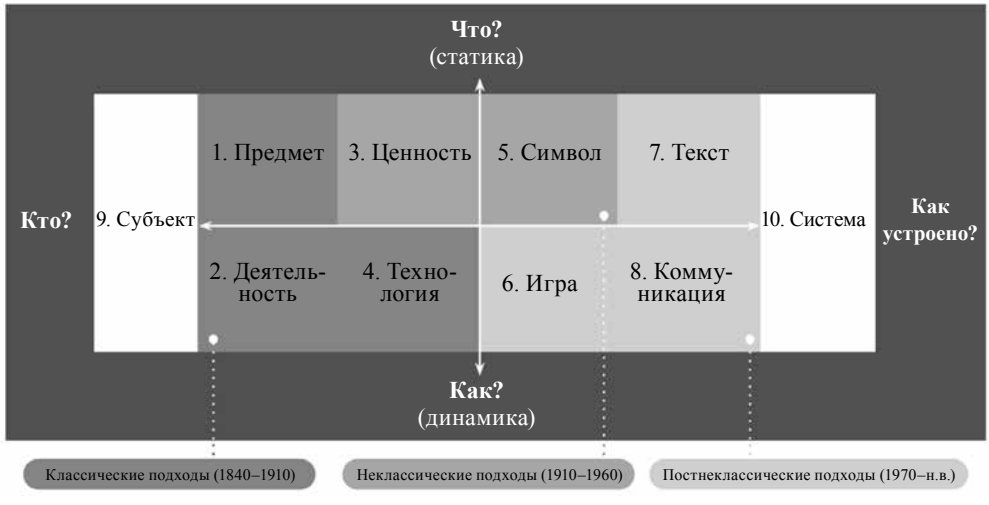


Рис. 1. Схема типологического подхода В. Л. Абушенко

Всего выделено десять подходов (предметный, деятельностный, аксиологический, технологический, знаковый, игровой, текстовый, коммуникативный, субъектный и системно-организационный). Два последних обладают особым статусом, так как размещаются на полюсах горизонтальной растяжки и, тем самым, являются интегральными (синтетическими) подходами, сочетающими ресурсы остальных подходов, а именно тех, что расположены ближе к соответствующему им полюсу. Вертикальные полюса схемы задаются критериями (социальной) статики и динамики («Что?» и «Как делается?»), позиционируя подходы как «статичные» и «динамичные» (или «структурные» и «процессуальные») по верхней и нижней горизонтали соответственно. Горизонтальные полюса отражают социальные «организованности» различной размерности (от субъекта на «микроуровне» до системы на «макроуров-

не»), возрастание которой идет слева направо (согласно вертикальным парам подходов, например, «предметный» – «деятельностный», «ценностный – технологический» и т. д.).

Рассмотрим национальные исследовательские метапрограммы в социологическом изучении культуры. Мы выделяем национальные линии, поскольку соответствующие традиции социогуманитарного знания отдельных стран (шире, их социокультурного профиля, стиля) исторически задали и в существенной мере продолжают определять векторы развития современных исследовательских практик. Мы выделяем соответственно немецкую, французскую, британскую, американскую и (советско-)российскую традиции.

Для дальнейшей работы необходимо ввести рабочее (наднациональное) разделение понятий «социология культуры» и «культурсоциология». В отечественной социологии данные ипостаси все еще остаются «слабо отрефлексированными и разделенными» [7]. «В первом случае предпринимается попытка описания и анализа культуры на уровне теории среднего уровня (отраслевой социологии) в аспекте включенности культурной компоненты в социальную жизнь общества и его подсистем (культура труда, быта и т. д., политическая, экономическая и т. д. культура) и/или в аспекте выявления специфической области (сферы) культуры (духовной жизни) как в институциональном, так и в поведенческом срезах, т. е. как особой предметности (особого предмета) социологического изучения. Во втором же случае речь идет об изучении культуры социологическими средствами на метатеоретическом уровне анализа, а тем самым культурсоциология претендует на статус фундаментального знания об обществе, в котором само социальное начинает пониматься, трактоваться и интерпретироваться в терминах культурного, а следовательно – не столько культура объясняется через реалии социума (что характерно для версии социологии культуры), сколько, наоборот, социум становится “производным” от культуры» [7, с. 1023].

Немецкая традиция является ареалом зарождения и развития культурсоциологической линии в социологическом изучении культуры, активно вовлекающей ресурсы культурантропологии и культурфилософии (Х. Плеснер, А. Гелен, Э. Ротхакер, Э. Шпрангер и др.). Вместе с тем здесь получили преимущественное развитие ценностная (М. Вебер, Ю. Фридрихс), символическая (М. Шелер, Э. Кассирер, А. Вебер) и, позднее, коммуникативная программа (Ю. Хабермас, Н. Луман). Современный культурсоциологический дискурс представлен целым рядом имен (Х.-П. Турн, В. Липп, А. Хаан, Ю. Шталь, Й. Вайс, В. Хеннис, В. М. Шпрондель, К. Зейфарт, Ш. Мебиус, А. Реквитц и др.).

Ключевым фактором развития немецкой линии выступила проблематизация субъекта культуры (личности), нашедшего выражение в проблематике и споре немецкого идеалистического трансцендентализма (акцент на универсальном познавательном субъекте) и историцистского романтизма (акцент на действующем, творящем «эмпирическом» субъекте) [8; 9]. Данный спор в глубинных основаниях стал столкновением классической и неклассической рациональности и впоследствии воспроизводился в различных методологи-

ческих дискуссиях (в частности, в «споре о методах»). При всей диаметральности позиций общим для них является фокусировка на субъекте (познания или творчества), что в целом определяет латентное доминирование субъектной программы[1], определяющей направленность разработок в рамках иных программ. Системная программа в немецкоязычном пространстве нашла свое единичное, но весьма существенное воплощение в работах Н. Лумана, опиравшегося на американскую линию (Т. Парсонс), теорию систем и конструктивизм.

С генетической точки зрения собственно культурсоциологическая линия была латентно задана у М. Вебера, но ввиду внешних (ранняя смерть автора, нестабильность веймарского периода, национал-социализм, послевоенная денацификация) и внутренних причин (усиление неоклассической линии, послевоенная американизация социологии) и, несмотря на яркие, хотя также практически незамеченные довоенные интерпретативные работы М. Ландмана, Х. Фрайера, З. Ландсхута, А. фон Шельтинга, не получила своего широкого развития вплоть до начала 1970-х гг. (время становления ключевых культурсоциологических концепций).

Французская линия в значительной, но не определяющей мере ориентирована на модель социологии культуры, заданной функционалистской интерпретацией Дюркгейма. Культурсоциологические мотивы появляются в позднейших работах школы Дюркгейма у М. Мосса и М. Хальбвакса (в символических, технологических и игровых подходах), тематизировавших креативное начало культуры (проблематика техник, правил, телесности и др.) и находят обстоятельную проработку в концепциях П. Бурдьё. Последний наряду с М. Фуко, Ж. Бодрийяром и Р. Бартом выступают ключевыми представителями постструктурализма, способствовавшего разработке игровой и текстовой программ (еще более радикальное выражение последняя программа нашла в работах Ж. Деррида, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, Ю. Кристевой).

Формообразующей для французской линии выступила проблематизация надындивидуальных языковых, знаниевых и ментальных структур, задающих системную целостность социокультурной реальности и формирующих неосознаваемые индивидами программы поведения. Инкорпорируя наработки[2] и полемизируя с немецкой традицией, французская линия акцентирова-

[1] С точки зрения социологии знания данное противопоставление зародилось и усиливалось по мере развития капитализма, сопровождавшегося формированием «свободной» рабочей силы, стандартизацией и массовизацией, пришедшими на смену средневековым корпорациям [10, с. 96]. Противопоставление личности и массы, «культуры» и «цивилизации» стало лейтмотивом широко распространенного в Европе, особенно в Германии, «культурпессимизма».

[2] Концепции Фуко и Бурдьё формировались под значительным влиянием немецкой философии (Вебер, Н. Элиас, социально-критическая школа, аналитическая философия Л. Витгенштейна и др.). Об идейной близости к данной традиции говорит активное употребление этими авторами понятия «культура», не свойственное французской интеллектуальной традиции, которая предпочитала ему понятие цивилизации (феномен данного словоупотребления проанализирован у Н. Элиаса [13]).

ла проблематику системной программы, предложив тем самым, наряду с немецкой линией, наиболее дифференцированную и комплексную традицию в культурсоциологически ориентированном духе.

Британская линия задавалась исследованиями по социальной антропологии, восходящими к работам Ч. Тейлора, А. Рэдклифф-Брауна и Б. Малиновского, внесших существенный вклад в разработку предметной, деятельностной и технологической программ. Особое место занимает направление «культурных исследований» («cultural studies») Бирмингемской школы (Р. Хоггарт, Р. Уильямс, С. Холл) [11], опиравшееся на неомарксистские и структуралистские идеи, в результате чего «процессы противоречия и борьбы – локализированные ранним структурализмом полностью на уровне структуры – теперь уже наоборот локализируются исключительно на уровне бессознательных процессов субъекта» [12, с. 9], т. е. также, как и другие линии, пытаются продуктивно работать в субъектной и системной программах.

Примечательно наличие в британской традиции вебероведческих исследователей, ключевую роль среди которых сегодня играет С. Вимстер, организовавший в 2000 г. издание журнала (журнал издается 2 раза в год), посвященного М. Веберу («Max Weber Studies»). Журнал объединяет работы вебероведов различных стран, в т. ч. итальянских, японских и китайских ученых и выступает одной из ключевых научных трибун для вебероведов со всего мира. Видную роль в становлении социологического изучения культуры в Британии также сыграла концепция «лиминальности» В. Тернера.

Американская линия исходно представлена культурной антропологией (Ф. Боас, Р. Бенедикт, М. Мид, А. Крёбер), уделявшей основное внимание символической (лингвистическая проблематика) и технологической программам (идея «паттернов культуры», «производства культуры»), ввиду чего данное направление тяготело к синтезам в рамках субъектной программы (что «естественно» для неконтинентальной антропологии, фундированной биологическими и психологическими идеями), однако с иными доминантами, нежели в немецкой линии. Сегодня доминирующим направлением является школа «культуральной социологии» Дж. Александера (так называемая «сильная программа» социологии культуры), опирающаяся на идеи позднего Дюркгейма, переинтерпретированные в духе социологии культуры, что вызвало усиление символической, а особенно знаковой и игровой программ. Суть же культуральной социологии – в нахождении и «исследовании «культуральных структур», под которыми понимаются внутренние, латентные и, как правило, неосознаваемые механизмы деятельности людей, сформированные в контексте относительно устойчивых смыслов социальной жизни» [14, с. 14]. В целом исследователями отмечается способность социологии культуры «инкорпорировать и ассимилировать самые разные теоретические направления» и «вдохнуть новую жизнь в социологию в целом» [15, с. 100].

Знаковым событием для «импорта» веберианской линии в англоязычное пространство стали (наряду с общеизвестными усилиями Парсонса и Соро-

кина) работы А. Шюца, нашедшие системное прикладное выражение в работе П. Л. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности». На основании данной линии развивалась школа социальных исследований науки и технологий (С. Вулгар, Б. Латур, К. Кнорр-Цетина), вышедшая на проблематику культурзнания, его производства и потребления. Также стоит отметить собственно неовеберианских исследователей (С. Калберг, Ф. Доббин, Р. Сведберг, Р. Шредер, С. Тернер), работающих в разных направлениях как историки социологии или представители конкретных направлений (главным образом это экономическая социология, что органично соответствует дисциплинарной оптике современного восприятия Вебера).

Советско-российская линия может быть рассмотрена как условно единая линия ввиду того, что многие современные российские разработки были заданы уже в советское время, а текущие концепции опираются в значительной мере на эти работы. В рамках советской линии преобладающее развитие получила традиция социологии культуры, что определялось доминированием методологии специальных социологических теорий, с одной стороны, и идеологическим (само)цензурированием конкурентных и «подрывных» для исторического материализма теоретических ходов в духе культурсоциологического анализа[1].

Оригинальными же и целостными концепциями можно считать работы М. К. Петрова[2], Л. Г. Ионина, а также некоторых философов культуры (В. М. Межуев, М. С. Каган, А. С. Ахиезер). Культурологическая программа находит многочисленных приверженцев в постсоветском пространстве, но говорить о ее оформлении и институционализации представляется преждевременным [16]. Активными последователями культуральной социологии Дж. Александера являются сотрудники Центра фундаментальной социологии ГУ-ВШЭ, возглавляемого А. Ф. Филипповым.

Определяющим для российской линии стал советский период с характерным «модерированием» исследовательского дискурса и его содержательным якорением на возможностях деятельностной и технологической программ (с поздним, осторожным привлечением ценностной программы). Это обусловливает наблюдаемую и сегодня синдромную «догоняющую рефлексию» наработок других национальных линий, а также достаточно активные, но на данный момент неинституционализированные поиски собственной, самостоятельной и конкурентоспособной (в глобальном интеллектуальном пространстве) линии социологического анализа культуры[3].

---

[1] Соприсутствие данных условий представляется нам не случайным, поскольку объединяющей для обеих методологий стала деятельностная (технологическая) программа, лежащая как в ядре структурного функционализма, так и исторического материализма. Данный вопрос требует отдельного историко-социологического и методологического анализа.

[2] Готовая книга Петрова под названием «Социологический анализ проблем культуры» не была издана (набор был рассыпан в 1973 г.). Она вышла лишь в 1991 г. под названием «Язык. Знак. Культура» [17].

[3] Реальных кандидатов на такую позицию не столь много. Более существенной является проблема «реанимации» национальных «классиков» внутри долгое время цензурируемой

Таким образом, предложенная типологическая схема позволяет на общем аналитическом уровне позиционировать национальные линии и авторские концепции в современном (мета)дисциплинарном пространстве социологического изучения культуры. Дальнейшие исследования кейсовой направленности, посвященные анализу авторских концепций, смогут дать более четкое представление о ценности данной схемы для анализа на данном уровне исследований эпистемологического пространства социологического изучения культуры.

Литература

1. *Безуглова, Н. П.* Культурный поворот: смена парадигм? [Электронный ресурс] / Н. П. Безуглова // Полигнозис. – 2011. – Режим доступа: http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=6&num2=540. – Дата доступа: 20.04.2014.

2. *Попов, Е. А.* Перспективы культуроцентричности в социогуманитарном знании / Е. А. Попов // Социол. исслед. – 2005. – № 11. – С. 47–52.

3. *Тенбрук, Ф.* Репрезентативная культура / Ф. Тенбрук / пер. с нем. А. В. Комаровского ; под ред. О. В. Кильдюшова // Социол. обозр. – 2013. – Т. 12, № 3. – С. 93–120.

4. *Jameson, Fr.* The Cultural Turn. Selected Writings on the Postmodern. 1983–1998 / Fr. Jameson. – London : Verso, 1998. – 206 p.

5. *Kroeber, A. L.* Culture: a Critical Review of Concepts and Difinitions / A. L. Kroeber, C. Kluckhohn. – Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology [Harvard University], 1952. – 223 p.

6. *Абушенко, В. Л.* Типологический подход к исследованию культуры в культурсоциологии / В. Л. Абушенко // Социол. альм. – 2011. – Вып. 3. – С. 124–140.

7. *Абушенко, В. Л.* Социология культуры, культурсоциология / В. Л. Абушенко // Социология : энцикл. / сост. А. А. Грицанов [и др.]. – Минск : Книжный Дом, 2003. – С. 1022–1027.

8. *Абельс, Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование / Х. Абельс // Журн. социологии и соц. антропологии. – 1998. – Т. 1, № 1. – С. 98–124.

9. *Gouldner, A. W.* Romanticism and Classicism: Deep Structures in Social Science / A. W. Gouldner // For Sociology: Renewal and Critique in Sociology Today. – New York : Basic Books, 1973. – P. 323–366.

10. *Rehberg, K. S.* Kultur versus Gesellschaft. Anmerkungen zu einer Streitfrage in der deutschen Soziologie / K. S. Rehberg // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. – 1986. – Sonderheft 27. – S. 92–115.

11. *Куренной, В. А.* Исследовательская и политическая программа культурных исследований / В. А. Куренной // Логос. – 2012. – № 1 (85). – С. 14–79.

12. *Hörning, K. H.* Widerspenstige Kulturen: Cultural Studies als Herausforderung / K. H. Hörning. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1999. – 574 s.

13. *Elias, N.* Der Prozess der Zivilisation / N. Elias. – Frankfurt am Main, 1976. – 2 Bde.

14. *Кравченко, С. А.* Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) / С. А. Кравченко // Социол. исслед. – 2010. – № 5. – С. 13–22.

культурсоциологической традиции, их вывода из архивного статуса, развертки концепций на уже пройденную историю социологического изучения культуры и позиционирования в современных (!) постнеклассических познавательных координатах и ситуациях. Как представляется автору, данная работа также вносит определенный вклад в решение данной задачи (как методологический вклад в работы по дальнейшему позиционированию конкретных «архивных» и современных авторов).

15. *Крейн, Д.* Социология культуры: вызов социологии как дисциплине // Крейн Д. // Контексты современности: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории : хрестоматия / пер. с англ. и нем. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 176 с.

16. *Ерасов, Б. С.* Российская культурология в контексте закрытия? / Б. С. Ерасов // Философ. науки. – 2000. – № 3. – С. 40–48.

17. *Петров, М. К.* Язык. Знак. Культура / М. К. Петров. – М. : Наука, 1991. – 328 с.

A. V. KAMAROUSKI

RESEARCH PROGRAMS IN THE SOCIOLOGICAL STUDY OF CULTURE

Summary

Article examines the current need to develop and apply typological approach in the area of sociological studies of culture. Based on specific typological approach analysis of the main national streams in sociological studies of culture is conducted.

Keywords: cultures, sociology of culture, Kultursoziologie, epistemology, typological approach.

Поступила 13.10.2014 г.

УДК 316.1/316.7

В. Л. АБУШЕНКО,
кандидат философских наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПОНЯТИЕ ЧЕЛОВЕКО(РАЗ)МЕРНОСТИ В КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИИ М. К. ПЕТРОВА

В статье анализируется понятие человекоразмерности в культурсоциологической концепции М. К. Петрова. Оно рассматривается как третье измерение общественной жизни наряду с социальным и культурным измерениями. В фокусе рассмотрения – проблема меры возможного изменения наследуемой «суммы обстоятельств» в рамках того или иного социокода каждым новым поколением людей.

Ключевые слова: культура, социальность, человекоразмерность, знаковость, знание, социокод, социальный институт, деятельность, общение, трансляция, трансмутация, наличное, новое, М. К. Петров.

Предельная рамка всех исследовательских построений и научных анализов М. К. Петрова – культура, понимаемая как способ соединения действия и знака в различных исторических контекстах. При этом анализ культуры можно трактовать как выявление и изучение проблем порождения, поддержания и развития конкретных типов социальности в единстве деятельностных и институциональных структур общественной жизни. «Сегодня всех нас волнует культура. Причем культура не как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством по ходу общественно-исторического развития, а скорее как самая широкая постановка вопроса о способе социальной жизни, куда на правах частных и допускающих некоторое множество решений входили бы проблемы мировоззрения, форм общественного сознания, базисных и надстроечных структур, способы производства и т. п.» [5, с. 6]. Таким образом, Петров видит в анализе культуры способ действительно рефлексивной перспективы на понимание социальности, выходящей за рамки объяснения «социального через социальное».

Обозначенная культуроцентричность концепции Петрова предполагает, что любой аспект человеческого бытия в мире может быть адекватно выделен и рассмотрен только исходя из основополагающих условий культурного производства социальной жизни, которое, в свою очередь, может быть понято как производство определенных культурных содержаний, обладающих относительной автономностью от конкретики обстоятельств «здесь» и «теперь». Вместе с тем эта культуроцентричность не носит печати крайнего идеографизма, поскольку культура реально (операционально) существует только

в развертке «вечного» знака в социальном действии, протекающем на смертном, телесном и конечном человеческом «фундаменте».

Являясь континуумом доступных человечеству (данному человеческому сообществу), фиксируемых в естественном языке и «языках культуры» смыслов, культура в рамках концепции Петрова сводима к способам передачи (трансляции) и изменения (трансмутации) наличного, доступного и необходимого для поддержания и развития общественной жизни знания. «Знание – знаковая (а тем самым и культурная. – *В. А.*) форма преемственного существования сложившихся видов социально необходимой деятельности…» [4, с. 91]. Поэтому глубинное основание социокультурных процессов может быть схвачено через типологию и конкретику переходов «знания из поведения в знак и из знака в поведение как неизбежное условие преемственного “вечного” существования общества на текучем, смертном, недолговечном человеческом субстрате» [8, с. 108].

Для развертывания петровской концептуальной схемы важно зафиксировать «двойное существование знания» – в практической деятельности и языке повседневного общения и в автономной от профессиональных и повседневных практик («опыта») знаковой форме социально продуцируемого и «удерживаемого» культурой массива результатов специально организованной познавательной деятельности. И в том и в другом случае знание и все операции с ним подчинены определенным правилам. Отсюда, вслед за Петровым, можно ввести уточняющее определение: «Ниже мы будем понимать под знанием продукт мышления, который соотнесен с тем или иным типом объективной реальности и создан по априорно заданному набору правил и требований к продукту данного типа» [10, с. 494].

Важное значение для концептуальной схемы Петрова имеет различение наличного и нового – для того или иного общества – знания. Знаковые средства (в частности язык) «могут использоваться в двух существенно различных функциях: а) для хранения наличного знания и его трансляции от поколения к поколению и от индивида к индивиду; б) для усвоения возникающего знания в форме, обеспечивающей переход из нового в наличное, т. е. для превращения нового в правомерного участника операций хранения и трансляции» [7, с. 31]. И если различение практической, «поведенческой» и автономной, «знаковой» компонент хорошо прослеживается во всех письменных культурах (в архаических культурах это зоны сакрального и профанного), то различение второго типа – на наличное и новое – эксплицитно присутствует лишь у культур «модернового» (т. е. исторически изначально – западноевропейского) типа. В них сложились весьма специфические и не свойственные другим типам цивилизации особые познавательные практики (научное познание), нацеленные на постоянное получение и внедрение в «тело культуры» нового знания. Собственно поиск ответов на вопрос о том, как и почему такого рода познавательные практики стали возможными и необходимыми (несущим механизмом культуры), является фокусным для современного философского и социогуманитарного знания.

Сам Петров постоянно подчеркивает решающее значение данной проблематики для понимания того, что происходит с человечеством на данном этапе его исторического развития. Здесь вполне уместно упомянуть такие не использовавшиеся самим Петровым, но сейчас известные любому образованному человеку концепты, как «глобализация», «модернизация», «столкновение цивилизаций» и т. д. Речь идет о противоречиях взаимодействия разных цивилизационных типов, далеко не в последнюю очередь связанных (помимо всего прочего) с глубинными культурными основаниями самих этих типов – с их (не)способностью порождать, социализировать и утилизировать знание в масштабах, достаточных для вписывания в глобальные социокультурные и научно-технические процессы современного мира.

Таким образом, из сказанного можно сделать предварительный вывод о том, что для Петрова центральными являются вопросы, связанные с поиском средств философского осмысления и научной концептуализации вопросов исторического возникновения, становления и перспектив развития в современном мире: 1) практик научного познания (получения нового знания); 2) практик социализации полученного нового знания (его вписывания в наличные социальные условия и рамки); 3) практик его трансляции (передачи вновь полученных результатов) новым поколениям и 4) практик его приложения – применения его результатов для решения возникающих проблем разного уровня организации и сложности. Отдельный аспект рассмотрения – возможности межкультурного (межцивилизационного) взаимодействия по всем выше названным основаниям, ключ к пониманию которых лежит, согласно Петрову, в исследовании культуры как общей рамки социальной жизни, конкретных способов организации социальных практик.

Исследовательская программа Петрова воплотилась в грандиозный проект всесторонней, трансдисциплинарной реконструкции (с привлечением эвристического потенциала философского, социологического, культурологического, лингвистического, исторического знания) возникновения и развития европейской цивилизационной общности. В этом плане показательно название его последней, во многом итоговой (законченной в 1986 г.), обширной (более 60 п. л.) работы – «История европейской культурной традиции и ее проблемы» (издана в 2004 г.).

Исходя из намеченной выше основополагающей концептуальной схемы можно вычленить основные теоретико-методологические установки петровского анализа. Они интегрируют разнодисциплинарные тематические развороты и позволяют соотносить друг с другом написанные под решение разных исследовательских задач отдельные и вполне самостоятельные работы М. К. Петрова в рамках единого целого – с акцентом на культурсоциологические основания дальнейшего анализа.

Представляется, что эти установки позволяют определенным образом переинтерпретировать исходную схему (на культурном, знаниевом, социальном – поведенческом и институциональном – уровнях) и выделить более

масштабную проблематику, связанную с понятием человекоразмерности (размерности и/или соразмерности человека). Тема соразмерности появляется уже в ранних работах Петрова как вопрос о «посильности» тех или иных социальных действий человеку, как вопрос о его «вместимости» (физической, а еще больше – ментальной), как вопрос о соотнесенности человека и «суммы обстоятельств». Однако свою концептуальную завершенность эта тема приобретает лишь в его поздних работах, в которых, собственно, и появляется само понятие. Но для начала надо восстановить сами контексты появления данной темы.

Во-первых, Петров исходно акцентирует внимание на необходимости анализа условий и возможностей (а также реконструкции типов) соотнесения индивидов с накопленными на каждый данный момент времени и транслируемыми из поколения в поколение массивами культурных содержаний (смыслов, зафиксированных в знаковой форме как знание). А это задача на выявление их «человекоразмерности». Во-вторых, Петров параллельно обсуждает проблему условий, возможностей и типов социализации-нормирования уникального с помощью культурных схематизмов конкретного социума. Тем самым речь каждый раз идет о способах соотнесения индивидуального и надындивидуального, что и задает неустранимое антропологическое (человекоразмерное) измерение всем социокультурным практикам. В-третьих, решение этой задачи, в свою очередь, требует обсуждения проблематики поддержания функциональной идентичности социальности и программно-смысловой целостности культуры – с одной стороны, а с другой – способов включения индивидов в социум. При этом в фокус внимания здесь попадает проблема способов фрагментирования и последующего интегрирования наличного знания и допустимых мер его сдвига (трансмутации) в культуре по – опять же – контурам человекоразмерности.

Петров исходит в своих построениях из двух принимаемых постулатов. Один из них подчеркивает биологическую «недостаточность» человека, компенсируемую совместностью культурной жизни (ход, активно используемый философской антропологией). Второй (также привычный для антропологических анализов, но возводимый Петровым к «ранним» работам К. Маркса) утверждает онтологическую бытийность только ныне живущих поколений людей и наследуемого ими от ранее живших поколений знания, чем блокируется поиск каких-либо сверхчеловеческих причин и сущностей, объясняющих устройство и динамику имеющейся «суммы обстоятельств».

«В основе концепции лежит идея наследования живущим поколением “суммы обстоятельств” – творения предыдущих поколений – и преобразования этой суммы в процессе революционной практики» [4, с. 26]. Живущие поколения людей, наследуя (в той или иной степени преемственности/прерывности) опыт предшественников, выступают субъектом любых возможных изменений в этом наследстве, который сам, исходя из вновь складывающихся обстоятельств и посильных задач, решает «в меру своего разумения

и понимания, как и куда менять унаследованную от предшественников сумму обстоятельств» [4, с. 26]. Петров не так часто ссылается в своих работах на К. Маркса, но следующую цитату из «Немецкой идеологии» приводит неоднократно: «Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [3, с. 37].

Таким образом, все, с чем имеет дело человек, должно быть понято как продукт деятельности конечных и смертных людей (индивидов), обладающих физическими и ментальными ограничениями, а сами они в своих повседневных и профессиональных практиках – как продукт социализации в соответствии с определенными образцами культуры и нормами конкретного социума. В определенном смысле все материальные и духовные явления, сами представления об их появлении и существовании – это продукты человеческой (мыслительной или практической) деятельности – т. е. принципиально, если отвлечься от конкретики исполнения, человекоразмерны.

«Проблема человеческой размерности бесспорно включает аспект биологический, собственно, и возникает по биологическому поводу, поэтому в самом общем виде она может быть поставлена именно в биологических терминах как проблема размерности вообще» [11, с. 11]. Разделение деятельности на посильные (специализированные) для особей фрагменты, интегрируемые затем в целостность, зафиксированы и в животном мире (у пчел, муравьев или термитов). Человек, как биологически недостаточное и смертное существо, также вынужден специализироваться в рамках некоторой целостности, «специализируется» этой целостностью. Однако в результате получается все же социум, а не муравейник. «…Социальность в тонкостях ее структурно-институциональных различений не берется биокодом в том смысле, в каком биокод пчел, муравьев, термитов способен дифференцированно определять будущие особи в функционально различенные виды целого», – отмечал Петров [4, с. 29].

Поэтому антропологические (природные) ограничения – лишь предпосылка («поле») формирования, а не сама человекоразмерность. Ее основания надо искать не в биологических ограничениях, которые надо воспринимать просто как данность (возможно и, все более вероятно, как временную), и не специфике природных условий (экологической нише), хотя эта тема куда как актуальна для современного мира, а в том, что можно обозначить как «социальную наследственность». «Биологическая» размерность человека не носит определяющего значения для его уже (неизбежно социализированой) индивидуальной (индивидной) размерности, так и – в еще большей степени – надындивидуальной размерности (групповой, организационной, поколенческой, социумной, культурной). Сами представления о той или иной размерности индивида являются таймированными социокультурными (цивилизационными) контекстами, отличительные свойства которых в значительной мере – воля случая.

Поскольку путь «в природу» оказывается закрытым – остается только путь в культуру: «Мы можем только подозревать, что природа вовсе не обяза-

тельно должна подчиняться ограничениям по вместимости человека и что тот способ поэлементного членения природы в посильные для индивидуального дознания и описания фрагменты с последующей их кумуляцией и попытками объединения методами теоретической редукции может оказаться человеческим по источнику способом исчерпания неподъемных для индивида проблем путем перевода их в диссоциированное множество подпроблем, удовлетворяющих ограничениям по вместимости человека» [11, с. 13].

Здесь необходимо обратить внимание на одно весьма существенное обстоятельство, касающееся оснований и источника «полагания» и воспроизводства человекоразмерности. Несомненно, что ее проявления фиксируются и наблюдаются прежде всего в социальной жизни – речь идет о задании и воспроизводстве различного рода «мерностей» на организационно-институциональном и деятельностно-практическом уровнях организации социума, о «втягивании» ими внутрь социального целого «вещных» (природных) элементов, но прежде всего о «приведении в соответствие друг другу» названных уровней. Вопрос заключается в том «как и за счет чего это возможно»?

Поиск ответа на эти вопросы требует развертывания второй из выделенных выше установок социокультурного анализа. А именно речь идет о способах и механизмах типизации и нормирования уникально-экземплярного (индивидуального) средствами наличных схематизмов социума, привлечения для этого властных и иных ресурсов и т. д. Можно сказать иначе – о социализации индивидуального и преодолении антиномичности (конфликта «масштабов») индивидуального и надындивидуального. В классической социологии эта антиномия фиксируется как противостояние действия и структуры, как проблема свободы и субъектности (деятельной, креативной «мощности») индивида в рамках предзаданных социальных порядков.

Акценты, расставляемые Петровым, – очевидны. Здесь важны две позиции. Первая: «Вопросы о том, как именно протекают процессы творения людей обстоятельствами и обстоятельств людьми, и есть основное в проблеме сохранения человеческой размерности общества и соответственно человеческой размерности мира предметной деятельности» [6, с. 6]. Вторая акцентирует внимание на том, что только человек обладает «самостью», способностью к саморазвитию, тогда как все остальное (тексты, роли, институты, технологические комплексы и т. д.) – инертно и лишено «самости» (это – или артефакты, или феномены природы, включенные в «тело цивилизации»): «Всю массу этих лишенных “самости” реалий приходится обновлять, изменять, двигать, перемещать, внедрять в континуум или дренировать человеку, принимающему соответствующие решения и предпринимающему соответствующие действия» [11, с. 14–15].

Анализируя этот «субъектный акцент» в работах М. К. Петрова, В. Н. Дубровин и Ю. Р. Тищенко, фактически следуя за ним, отмечают, что в обществе близкие по смыслу задачи могут решаться в разных социальных структурах, но выбор из репертуара решений всегда остается за самими индивидами:

«Взятая сама по себе, ни одна социальная структура не содержит имманентного вектора или цели, которые независимым от людей способом заставили бы ее перейти в другой тип структуры» [1, с. 256].

Тем не менее открытыми остаются два вопроса. Во-первых, человек все равно остается связанным «суммой обстоятельств»: «что-то объяснять, внедрять, изменять, совершенствовать можно только преемственно, с опорой на наличное» [11, с. 15], а значит, необходимо прояснение природы, генезиса и «регулятивного» эффекта этого наличного. Во-вторых, Петров неоднократно говорит о том, что: «Все социальные типы функционально идентичны: 1) все они удерживают в единстве некоторое число индивидов, 2) распределяют по ним виды социально необходимой деятельности, 3) обеспечивают подготовку подрастающих поколений к деятельности, замену стареющих и умирающих индивидов без срыва социальной преемственности. Но функциональная идентичность не означает структурной идентичности» [4, с. 23]. Структурная же «неидентичность» только фиксируется, наблюдается, т. е. только проявляется в социальной жизни. Она не понимаема и не объяснима на этом, «внешнем» («социальное через социальное») уровне анализа.

Следовательно, соотношение индивидуального и надындивидуального «необъяснимо» внутри только социального. Конечно, многое можно объяснить факторами применения тех или иных, прежде всего властных, ресурсов, многое проясняет выявление процедур принятия решений, частью ответы можно найти, изучая механизмы рутинизации в социальной жизни. Список можно продолжить. Однако почти все такого рода ходы с разной степенью успешности уже были проработаны в рамках постклассической социологии. Петров же (вполне в духе культурсоциологического поворота) обращается к разработке того, что выше было зафиксировано как его первая теоретико-методологическая установка, т. е. к анализу условий и возможностей (с параллельным реконструированием типов) соотнесения индивидов с накопленным и транслируемым в социуме массивом культурных содержаний (зафиксированного в знаковой форме знания).

В любом социуме есть конечный уровень распределения социально значимой деятельности. На конечном уровне распределения деятельности, в любом моменте социального всегда обнаруживаются индивиды (субъекты), занятые «своим делом», которое, в свою очередь, так или иначе, связано с решением двуединой задачи – удовлетворение комплекса потребностей живущего поколения и обеспечение в смене поколений воспроизводства социальности. На этом конечном уровне одновременно представлено все наличное многообразие, за которым «скрываются» структурные особенности воспроизводимой социальности. Именно они «задают» специфику распределения корпуса социально необходимой деятельности по социально значимым ролям, ролевым наборам, институтам и образуют типологические различия. «Структурные различия лежат и в основе “культурной несовместимости”: набор институтов любого из социальных типов образует замкнутую, целостную и устойчивую

во времени систему, так что попытки убрать из системы тот или иной институт или, напротив, ввести в систему инородный институт вызывают различного рода “системные эффекты” и ее “защитные реакции”» [4, с. 23].

Воспроизводство этой не данной непосредственно в деятельности, но только благодаря ей существующей структуры обеспечивает уподобление поколений друг другу и определяет люфт возможных отклонений от норм и/или образца репродуктивно воспроизводимого во всегда единичных деятельностных актах, структурированных в более объемлющие организационные формы и процессы в рамках хозяйственной, политической, гражданской и т. д. жизни социума. Она же обеспечивает дифференцированное кодирование индивидов новых поколений в соответствующие социальные позиции, роли, институции и т. д. Что же это за «таинственная» структура?

Собственно, ничего «таинственного» в ней и нет. Речь идет о знаково зафиксированных (переведенных в существование «в культуре»), а тем самым и отделенных как от ситуации своего возникновения, так и от ситуации приложения «здесь» и «сейчас», значимых, полученных в прошлых деятельностях результатах («знании»). Именно «знание» – ведущая составляющая и компонента, подлежащая распределению в поколениях живущих индивидов как наследуемая «сумма обстоятельств». Именно из этого «вневременного» и «внепространственного» мира знаковой реальности деятельность и извлекает собственные нормы и образцы – «программы», обеспечивающие репродуктивное воспроизводство социальности, и «грамматики», задающие рамки возможных (допустимых) изменений.

Таким образом, обнаруживается, что «любой индивид любого общества определен в своем качестве субъекта общественно необходимой деятельности прошлым, и это определение приходит к нему как опосредованное деятельностью воспитателей знание в виде типизированных программ решения столь же типизированных задач» [4, с. 31]. В этом отношении он всегда оказывается «раньше» собственной деятельности, оказывается отчетливо вписанным в «структуру последовательности: знание – индивид – деятельность», так как всегда – как условие собственного социального бытия – должен предварительно воспринять «наличную сумму обстоятельств как не ими созданную в знаковой форме данность» [4, с. 31].

При этом Петров отмечает, что «в процессе обучения-воспитания индивиду нельзя дать больше субъективности, чем он способен взять и пронести по жизни, развертывая субъективность в деятельность. И поскольку объем социально необходимого корпуса знания и соответствующей ему деятельности всегда превышает возможности отдельно взятого индивида – его физическую и ментальную “вместимость”, корпус знания необходимо *фрагментировать*, иссекать по контурам вместимости индивидов в посильные для них части, а также интегрировать эти части в целостность корпуса знания» [4, с. 31].

В свою очередь, «именно фрагментация и интеграция, принятый в данном обществе *способ* фрагментации и интеграции знания определяют струк-

турные контуры культурного типа, возможные для данного типа способы познания мира и изменения суммы обстоятельств» [4, с. 31]. А тем самым физическая и ментальная «вместимость» индивидов» оказывается «универсальной субъективной характеристикой социальности» [4, с. 31], варьирующейся и трансформирующейся в различных социокультурных контекстах.

Введение этого третьего (наряду с деятельностным и знаковым) измерения социальности позволяет «осознать производность реалий культуры и их связей не только от универсальных характеристик окружения, которое всегда дано социальности под формой объекта, но и от универсальных возможностей и ограничений смертного человека, который дан социальности под формой наследника-субъекта, способного трансформировать собственное наследство» [4, с. 32]. Одновременно оно обеспечивает развертку третьей теоретико-методологической установки Петрова, касающейся проблематики поддержания и изменения функциональной идентичности социальности и программно-смысловой целостности культуры в практиках преемственно сменяющих друг друга поколений. Сквозь призму этой развертки в некоторых уточнениях будет нуждаться и проблема соотношения индивидуального и надындивидуального в общественной жизни.

Возвращаясь к физическим и ментальным ограничениям человека и необходимости фрагментирования массива знаний на посильные индивиду части (иначе – подлежащие усвоению тексты конечной длины), следует (вслед за Петровым) отметить, что именно на уровне индивидов – конкретных исполнителей программ и реализаторов «грамматик» – в социальную жизнь и привносится то многообразие конкретных решений, которое и фиксируется антропологами, культурологами, историками и другими исследователями.

1. От культуры к культуре варьируется количество минимально необходимых для поддержания целостности и подлежащих передаче текстов (фрагментов), их конкретный состав (объем фрагмента лимитирован «вместимостью», состав же – дело случая), система соотнесения этих текстов между собой.

2. В разных культурах по-разному концептуализируются этапы движения человека в социальном времени по возрасту (например, такому привычному для нас понятию «детство» – всего-то пару веков от роду).

3. То же можно сказать и о перемещениях (если они санкционированы социальными структурами) в наследуемых, освоенных и изменяемых социальных институциях, организациях, профессиях, за каждой из которых стоят знаковые реалии.

4. Еще один источник вариаций – работающие во многих культурах ограничители антропоцентрического толка типа «рабочее место»/«интерьер деятельности» и т. п., касающиеся области контакта человека с очеловеченными вещами, нагруженными производными от потребностей человека функциями.

В этом отношении показательно, что впервые представления о человекоразмерности были концептуализированы в европейской культуре в таких областях, как эргономика, дизайн, техническая эстетика и при изучении так

называемых кентаврических систем – человек-машина (человек-техника), человек-природа и т. п. [6, с. 3]. «В некоторых случаях выявления человеческой размерности самоочевидны там, где, казалось бы, и речи быть не может даже о следах человеческого присутствия» [11, с. 7].

Однако это в основном те развертки темы, которые Петров скорее обозначает, чем специально исследует. Основной фокус его внимания сосредоточен на изучении механизмов сочленения в разных типах культур двух взаимосвязанных и противоречивых компонент: инерционной составляющей *наследования* входящим в жизнь поколением не им созданных обстоятельств собственного существования, обеспечивающей преемственность общественной жизни, и отклоняющейся, изменяющей, *преобразующей* познавательной составляющей, обеспечивающей трансформацию унаследованных обстоятельств по ходу практики и передачу их наследникам в измененном виде (в его терминологии – трансляционно-трансмутационном отношении). Именно в соотношении этих компонент (в этом отношении) он видит «эпицентр трудностей, а вместе с ними и те ключевые связки, сочленения, структуры, которые ответственны за типологические различия культур и за «культурную несовместимость» [4, с. 27].

Иными словами, при всем трансмутагенном потенциале практики – как процесса распаковки и приложения типовых знаниевых решений к зачастую же (не)типовым ситуациям – собственно знаниевое наполнение (в соответствии с «кодом» культуры) играет определяющую роль для понимания социокультурного процесса. Поэтому именно «социология познания, идущая от анализа контакта поколений и имеющая на вооружении универсальную структуру трансляционно-трансмутационного асимметричного отношения, способна, по нашему мнению, исследовать типологию культуры в терминах специфики реализации этого отношения», – считает М. К. Петров [9, с. 268].

Именно это отношение задает пределы человекоразмерности в разных культурных типах, проецирующих разное соотношение универсального и частного (специфического, специализированного) в человеческие практики. Именно это отношение во многом предопределяет ответ на вопрос о степени достаточности унаследованного знания для полноценного социального бытия «здесь» и «сейчас» живущих поколений (полностью достаточным оно заведомо не является).

В подавляющем большинстве случаев у индивида нет другого пути воздействовать на общесоциальную (наследуемую) «сумму обстоятельств», кроме как изменить унаследованный им фрагмент знания (текст конечной длины) и убедить своих современников, вовлеченных в эту же или в другие практики, что его вклад действительно заслуживает внимания, признания, применения и распространения (институционализации). Вопрос заключается в потребности и готовности социума общества к восприятию инновационных вставок – не говоря уже о мере их допустимости в разных типах культуры. Именно в этой перспективе, проводя известные слова Протагора: «Человек – мера всех

вещей», Петров цитирует еще два изречения: Иисуса: «Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить» (Ин. 16, 12) и апостола Павла: «Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь еще не в силах» (1 Кор. 3, 2).

Здесь же хотелось бы обратить внимание на одну недавно предложенную трактовку человекоразмерности, заявленную в рамках анализа применимости используемой Петровым терминологии для ревизии теоретического арсенала классического социального знания. Речь идет о статье А. И. Субботина и его идее о том, что с помощью этого понятия Петров «нетрадиционно» (что для него далеко не редкость) производит анализ традиционной для социального знания двухуровневой структуры: уровня самоорганизации и уровня организации в общественной жизни. «Последний задается механизмами управленческой трансмутации, а включенность человека в социальную структуру определяется двумя типами факторов: субъективными, т. е. способностью человека принуждать себя к подчинению, и объективными – исторически сложившимися социальными нормами принуждения человека к повиновению» [12, с. 193].

Из сказанного делается вывод, что: «Нормативное соотношение (распределенность) и взаимосвязь (переход) этих двух типов факторов и задает то, что называется у М. К. Петрова “человекоразмерностью”. Нормы верхнего уровня есть формы ограничения свободного самоопределения человека на нижнем уровне, и в этом суть их функциональной связи. Если по каким-то причинам эти нормы перестают иметь для человека значение и смысл, то его самоопределение переходит на нижний уровень, что резко повышает степень его свободы» [12, с. 193]. Вынужденный же или добровольный переход на этот уровень может (но далеко не всегда, чаще как раз таки итогом выступает полная маргинализация, или, если угодно, – лиминализация) породить новую меру человекоразмерности, если стихийно возникшие на низшем уровне формы самоопределения оказываются способными включиться в структуру более высокого уровня на новых организационных основаниях.

В конечном итоге А. И. Субботин определяет человекоразмерность как меру «гармоничного соотношения социального и личностного фокусов самоопределения в культуре», она определяется, проще говоря, тем, «в какой мере любой человек в данном обществе может найти для себя подходящее ему, с его точки зрения, место» [12, с. 197]. Фактически здесь акцентируются динамические аспекты человекоразмерности – тот аспект, который в своих первых работах Петров рассматривал преимущественно на материале научной дисциплинарной динамики. В своих более поздних работах он универсализировал проблему, введя ее внутрь рамки тезаурусной динамики, что требует самостоятельного рассмотрения.

В контексте же рассмотрения онтологической человекоразмерности культуры предложенный А. И. Субботиным ход представляется вполне уместным в свете развертывания третьей теоретико-методологической установки Пет-

рова. Кстати, типологически близкий ход просматривается в концепциях семиосферы и «культурного взрыва» Ю. М. Лотмана, в которых обсуждается, в частности, динамика движения некоторого культурного содержания (текста, произведения, образца, стиля и т. д.) с нижних на верхние уровни организации культурного пространства, из семиотической периферии в ее центр.

В конечном счете можно согласиться с той характеристикой человекоразмерности, которую ей дал М. С. Константинов: «“Человекоразмерность” есть условие и мера фрагментации социально необходимой деятельности в посильные для индивидов роли и ролевые наборы. Она связана с биологической недостаточностью человека и, соответственно, с необходимостью специализированного знакового кодирования индивидов в условиях неразвитости биологического (генного) кодирования. Поэтому человеческая размерность отражена, прежде всего, в структурах знаковых систем» [2, с. 231–232].

Подытоживая, отметим, что более детальная проработка понятия человекоразмерности требует обращения к еще одному центральному для Петрова (но уже не фоновому, а концептуальному) понятию социокода, анализу его типов, особенно европейского, связанного (в том числе) с введением параметров размерности с помощью средств научного знания, о чем также необходимо говорить отдельно.

Выделенные Петровым социокоды (личностно-именной, профессионально-именной и универсально-понятийный) опираются и на определенные, достаточно «разномерные» форматы человекоразмерности, включающие различные, реально транслируемые представления как о ментальной, так и социальной вместимости человека, его способности эффективно реализовывать и управлять социокультурными процессами различной размерности. Вполне оправданным видится предположение о том, что историческая эволюция социокодов – это эволюция человекоразмерности, причем в последовательно восходящем векторе, выраженном в росте индивидуальной вместимости (субъектности) человека (что в очередной раз ставит вопрос об условности каких-либо ограничителей психобиологического характера, завязанных на рамочные социоструктурные регулятивы и базисные, хотя и потенциально сдвигаемые, для культуры представления о «нормальной» человекоразмерности.

С прагматической (праксеологической) же точки зрения проблема человекоразмерности отсылает к вопросу о подвластности человека самому себе (а тем самым и мере его свободы), прозрачности и управляемости социокультурных условий и процессов бытования социума и личности. Несомненно, что современный социогуманитарный дискурс, отсылающий к проблемам риска, рефлексивности, перформативности, симулякров и т. п., – это маркер осознания сдвига и распада текущего (позднеиндустриального) формата человекоразмерности и широкого процесса осмысления вопроса о том, какой формат (констелляция форматов) человекоразмерности (а, возможно, и иной социокод) вызревает сегодня в турбулентной динамике современных социокультурных трансформаций.

Литература

1. *Дубровин, В. Н.* М. К. Петров: жизнь и идеи / В. Н. Дубровин, Ю. Р. Тищенко // Петров, М. К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д, 1992. – С. 253–264.

2. *Константинов, М. С.* Институциональный подход в политической философии М. К. Петрова / М. С. Константинов // Михаил Константинович Петров ; под ред. С. С. Неретиной. – М., 2010. – С. 219–236.

3. *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полн. собр. соч. : в 50 т. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 3. – 650 с.

4. *Петров, М. К.* Язык, знак, культура / М. К. Петров. – М., 1991. – 328 с.

5. *Петров, М. К.* Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д., 1992. – 272 с.

6. *Петров, М. К.* Социально-культурные основания развития современной науки // М. К. Петров. – М., 1992. – 232 с.

7. *Петров, М. К.* Научно-техническая революция и философия / М. К. Петров // Историко-философские исследования / М. К. Петров. – М., 1996. – С. 19–74.

8. *Петров, М. К.* Проблема доказательности в историко-философском исследовании (История философии – схоластика или наука?) / М. К. Петров // Историко-философские исследования / М. К. Петров. – М., 1996. – С. 94–111.

9. *Петров, М. К.* Социология познания и «начало» философии / М. К. Петров // Историко-философские исследования / М. К. Петров. – М., 1996. – С. 241–267.

10. *Петров, М. К.* Типология знания / М. К. Петров // Историко-философские исследования / М. К. Петров. – М., 1996. – С. 492.

11. *Петров, М. К.* Человекоразмерность и мир предметной деятельности / М. К. Петров // Человек. – 2003. – № 1. – С. 5–18.

12. *Субботин, А. И.* О смысловом потенциале культурологической терминологии М. К. Петрова / А. И. Субботин // Политическая концептология : журн. метадисциплинарных исслед. – 2010. – № 2. – С. 185–201.

V. L. ABUSHENKO

THE CONCEPT OF HUMAN-DIMENSIONIN KULTURSOCIOLOGIE OF M. K. PETROV

Summary

The concept of human-dimension in Kultursociologie of M. K. Petrov is analyzed in the article. It is considered as third dimension of social life along with the social and cultural dimensions. The focus of consideration is the problem of possible measures of investigating «amounts circumstances» changes within a particular social code of each new generation of people.

Keywords: culture, sociality, human-dimension, signedness, knowledge, sociocode, social institute, activity, communication, broadcast, transmutation, inventory, the new, M. K. Petrov.

Поступила 20.10.2014 г.

УДК 316.1

FRED EIDLIN,
invited Professor of Karlov University, Prague

METHOD OF PROBLEMS VS METHOD OF TOPICS

Confused students researching papers not knowing where they are going, articles, lectures, and books on exciting topics that turn out to be boring. Such familiar phenomena are shown to be symptoms of the widespread, largely unconscious methodological habit of focusing on topics rather than problems. This habit rests on views about knowledge deeply ingrained in commonsense knowledge and much of social scientific inquiry. Such views saturate the understanding of scientific inquiry assumed by most social science methods textbooks. The word topic suggests that there is some surface to cover, but not why covering it might be interesting. Interesting research is problem-driven. It begins with a sense that something is amiss with existing knowledge and requires explanation. The method of topics is criticized and contrasted with the method of problems. The method of problems begins, not with data collection, but with identification of inconsistencies in existing knowledge. It seeks solutions to problems through free invention and severe criticism of hypotheses. The method of problems is intellectually challenging, since the human psyche naturally tends to skip over or blur them without solving them. There is no cookbook for the method of problems. The method of topics is criticized and contrasted with the method of problems. The method of problems seeks solutions to inconsistencies in existing knowledge through free invention and severe criticism of hypotheses.

Keywords: problem, intellectual problem, research question, topic, method, methodology, problem-driven inquiry.

The most common plea for help that I get from students writing term papers and theses takes something like the following form: «I've been in the Library reading and reading about my topic, but I don't know where I'm going».

I ask a colleague what he or she is working on. They mention some exciting topic, like «ethnic conflict in the former Soviet Union», «anti-poverty policy», «Balkan nationalism», or the «Arab-Israeli conflict». «Yes, but what is the problem» I ask? What are you curious about? What puzzling questions need to be answered?» The response is often fumbling or an embarrassing silence.

Or, one goes to a lecture or picks up a book or article with an exciting title like one of those just mentioned. But it turns out to be disappointingly boring.

These are all examples of the malady of inquiry without problems, which I will call topicism. It is not just a malady of students who haven't learned how to do research properly, it also affects a significant proportion of the community of established scholars. It rest on views about knowledge that are deeply ingrained in commonsense knowledge as well as in several if not most of the traditions of social scientific inquiry. These views take for granted that inquiry is a kind of description. «Topic» comes from the ancient Greek topos, or place.

To «cover a topic» suggests that there is some surface to cover, like a wall to be painted, or a blank slate, a tabula rasa (Locke) to be written upon. One goes out to «gather data», or goes to the library to «collect facts».

Karl Popper uses the metaphor of a bucket describe this view of inquiry. Our minds are like empty buckets. Knowledge consists of the facts or data that have been poured through our senses into our empty bucket minds [1972: 258].

This view of scientific method is engrained in the standard view of scientific method, advanced by Francis Bacon in the early 17th century, and still widely taught in social science methodology courses: We (1) strip ourselves of all pre-existing prejudices and preconceptions; (2) observe randomly; (3) note recurring regularities. (4) These regularities, or empirical generalizations, may then develop inductively into theories. In this Baconian view, a «discoverer merely observes facts diligently, collecting as many of them as he can. The rest is up to Mother Nature…» [Agassi, 1975a: 75]. «The proper and regular recording of observations will preserve us from all sorts of illusions and blind alleys. The deliberate, business-like nature of the whole undertaking will ensure that it is cumulative» [Quinton, 1980: 55]. In other words, scientific method is «a means of letting Nature directly dictate knowledge of herself to us» [Jarvie, 2003: 187].

Theories are simply shorthand for regularities in the real world that repeat themselves. Thus, in this view of scientific method, even theory turns out to be a form of topiccovering description.

Topicism is rooted in an even older view of knowledge, which is still much alive both in commonsense knowledge and in much social science research. To research means to inquire into the nature or essence of things. Such a method takes for granted a pre-Kantian view that things contain their own interpretation, and that it is the aim of inquiry to uncover the true essences of things, and describe them faithfully. As, for example, Galileo saw the mathematical formulations of science faithfully replicating the underlying mathematical structure of nature [Burtt, 1954: 74–75]. As Aristotle's «basic premises» were statements describing the essences of things. And as Bacon viewed science as reading from The Book of Nature. If we want to know about dogs, we inquire into the nature (essence) of dogness. If we want to know about heat, we inquire into the nature (essence) of heat. If we want to know about justice or love or «The Good», we seek to lay bare their true nature (essences). In this view, to inquire means to strip away the accidental properties of a thing, laying bare those properties which are essential to it. Inquiry thus amounts to an effort to describe essences faithfully.

Try the following thought experiment: Follow scientific method as it is widely taught. Begin by stripping yourself of all your prejudices and preconceived notions. Then, observe randomly, as scientific method prescribes, and write down your observations. I suspect these instructions will make you uncomfortable. I have asked you to observe randomly. Yet you probably wonder what it is that you are supposed to observe. This illustrates that observation never proceeds from a blank slate. It always has to be preceded by some question that might be decided by observation, or

by preestablished categories that, for some reason, are considered to be relevant, for example, how many men, and how many women? What percentage of Caucasians, African American, Asians, and others [Cf. Popper, 1965: 61]?

As a remedy for topicism, I propose the method of problems which, I argue, is likely to be more fruitful. This method is standard in the natural sciences. Although the method of problems is not entirely foreign to the social sciences, topicism is rampant in the social sciences. In Popper's view, this is among the most important causes of the general poverty of the social sciences. In keeping with the method of problems, I will begin, not by giving a definition of problems, but by giving examples. This should give readers a sense for what problems are made of.

In keeping with the method of problems, I will begin, not by defining problems, but by giving examples of problems. I hope this will give readers a sense for what problems are made of:

Alexander Fleming, the discoverer of penicillin, was trying to grow cultures of the bacterium Staphylococcus Aureus. He noticed that bacterial colonies would not grow in certain areas of the culture. Other scientists in Fleming's laboratory also knew that there were problems in growing bacterial cultures in their laboratory, but were unable to explain why. Fleming noticed patches of mold in the areas where bacteria would not grow, and hypothesized that it was this that prevented the culture from growing. He isolated the mold, grew it in a liquid medium, and found that it produced a substance that could kill many of the bacteria that infect human beings.

Wilhelm Conrad Roentgen, the discoverer of x-rays, was working on a cathode ray generator. He noticed a faint green light on the wall, although there were several things that would have blocked any light emitting from the generator (paper, wood, and books). He then started to put various objects in front of the generator, and as he was doing this, noticed the outline of the bones from his hand displayed on the wall.

Roentgen said he didn't know what to think.

Isaak Newton found that, if white light is put through a prism, it would be broken into the colors of the spectrum. This had, of course, been known at least since Aristotle. The prevailing explanation was that the more glass the light had to pass through, the darker the color it produced. However, when Newton passed light of individual colors though another prism, its color remained unchanged. His explanation was that white light is a mixture of colors. So, once broken down into its component colors, it could not be further broken down by being refracted again [Bronowski, 1974].

By the time Thomas Hobbes wrote Leviathan, such notions as commonwealth, individual freedom, equality, and rational consent were already well-developed in European society. The fundamental problem Hobbes faced was to explain how a political order could exist that was based on the consent of free, equal, self-interested and rational individuals. Why would such individuals consent to be governed? Hobbes solves this problem with a powerful argument as to why free, rational individuals would voluntarily surrender their natural rights to an absolute sovereign. True to the spirit of science, Hobbes asks readers to «read Thyself», that is, he invites them to test his assertions on themselves.

Benjamin Barber writes about the history of freedom in the Swiss Canton of Graubьnden. Here is a political order that violates almost all of the fundamental premises in the tradition of English liberal thought. Nevertheless, the fact that the people of this canton have lived in freedom is unquestionable (1974). How can this be? A problem confronted and (apparently) solved in the literature on revolution is why people who should be revolting are not revolting, and why people are revolting, who should not be revolting. Why are the drivers of revolution so often people who are well off, or whose condition is improving? And why do people remain quiescent, whose condition is so miserable that they should be revolting [Almond, 2002: 7–10; Brinton, 1965].

Roberto Michels was puzzled by the fact that socialist parties, despite their democratic ideology and provisions for mass participation, seemed to be as dominated by their leaders as were traditional conservative parties. If democracy and mass participation really are central value for social democrats, why do their own organizations develop into oligarchies?

The Iron law of oligarchy is an example of what is perhaps the largest genre of social science problem-explaining the gap between intentions and results. People and governments, it seems reasonable to assume, intend to do the right thing. It also seems reasonable to assume that no one would want to waste money and effort on policies they do not expect to work. Yet many policies do not work. Why not? I have presented this mix of examples from the natural sciences, social sciences, and political theory to illustrate how they all evoke curiosity in a similar way. In each case, it is a problem that gives rise to curiosity, that is, to a feeling that explanation is needed. But what is it that generates such curiosity?

The word problem come from the ancient Greek problema, which means hurdle. There are different kinds of problems, depending on the nature of the hurdle, for examplem practical, ethical, political, and intellectual problems. In scientific inquiry it is intellectual problems that are the hurdles. I will argue, following J.N. Hattiangadi (1978), that intellectual problems are logical contradictions. A solution solves a problem by resolving the logical contradiction.

The search for knowledge «does not start from perceptions, or observations, or collection of data or facts», argues Popper, «but from problems» [1976: 88; 1972: 258]. In order to know what to observe, we must have in mind some question which might be decided by observation [1972: 259]. «[E]very problem arises from the discovery that there is something amiss within our supposed knowledge; or, viewed logically… from the discovery of an apparent contradiction between our supposed knowledge and the supposed facts» [1976: 88].

In a similar vein, Murray Davis notes that «a new theory will be noticed only when it denies an old truth (proverb, platitude, maxim, adage, saying, common-place, etc.)». What distinguishes an interesting theory from an uninteresting theory, Davis argues, is that an interesting theory «denies the truth of some part of their routinely held assumption-ground. If it does not challenge but merely confirms one of their taken-forgranted beliefs, they will respond to it by rejecting its value

while affirming its truth. They will declare that the proposition need not be stated because it is already part of their theoretical scheme: `Of course'. `That's obvious'. `Everybody knows that'. `It goes without saying'» [1971: 311].

All knowledge is theory impregnated, including our observations, argues Popper. We always identify problems against a background of knowledge or dispositions which were there previously. This background knowledge includes language which always incorporates many theories in the very structure of its usages, as well as many other theoretical assumptions which are unchallenged, at least for the time being. Even our sense organs have theory-like expectations built into them, and are blind to stimuli they are not built to react to. Thus, an observation becomes the starting point of inquiry only if it reveals a problem with our pre-existing knowledge, expectations, and theories [Popper, 1965: 46; 1976: 89; 1972: 71–72, 145, 165].

«What motivates research, Hattiangadi argues, the reason we search for a solution to a problem is that a problem is a logical inconsistency [1978: 352]. An intellectual problem means «a logical inconsistency in an explicitly or tacitly held belief or an hypothesis we are considering for adoption, or both together» [1983: 109]. It is important to keep in mind that beliefs need not be conscious in order to be constituent of a problem. We may have a vague feeling that something is not in order with existing knowledge, yet be unable to pin down just what makes it problematic. It may be difficult, sometimes even impossible, to articulate all the beliefs which, taken together, are logically inconsistent. In fact, beliefs that are held unconsciously are particularly important since they are often so difficult to identify and articulate.

Just what is it about a logical inconsistency that drives one to inquire? As Hattiangadi puts it, a «logical inconsistency has a systemic effect. It destroys the effectiveness of our system of beliefs, in that from a logically inconsistent set of statements any statement follows. A logical inconsistency, therefore, forces us to seek an explanation. For if we allow it to remain unexplained, it undermines our entire system of beliefs» [1978: 352] [emphasis supplied].

«Problems appear», Popper writes, «when our expectations are disappointed, or when our theories run into difficulties. They may arise within a theory or between two theories. They may result from a clash between our theories and our observations. Moreover, it is only through a problem that we become conscious of holding a theory. It is the problem which challenges us to learn, to advance our knowledge, to experiment, and to observe. An observation or fact or piece of data becomes the starting point of inquiry only if it reveals a problem with our pre-existing knowledge, expectations, and theories» [Popper, 1976: 88].

If, for example, one believes that selfish behavior must have negative consequences for society, one will find this belief inconsistent with evidence to the effect that selfish behavior in market situations often results in public good. If one believes that a socialist party, because of its ideology, must conduct itself according to democratic norms, and must strive for mass participation in its affairs, this will be found inconsistent with the facts noted by Michels. If one believes that English liberal theory contains the necessary prerequisites without which a free society is impossible,

this will be found inconsistent with the fact that, as Barber shows, freedom exists in the canton of Graubuenden.

Consider the following thought experiment: You arrive at a lecture and a see a cannonball suspended in midair above the lectern. Would you not feel uncomfortable? What would you do? Would you just sit down and say something to yourself like: «Oh, well, I guess such things happen», and dismiss the suspended cannonball from your thoughts?

This thought experiment drives home why intellectual problems cry out for solutions... It also illustrates the common difficulty of identifying contradictory premises that one is not consciously aware of holding. Often, one or more of the assumptions that give rise to a problem will be so obvious and trivial that we do not even think about it. In this case:

I believe in the law of gravity.

I believe that my eyes give me true information.

I believe that I see a steel object hanging in midair.

One could, of course, «solve» the problem by giving up any one of these assumptions.

We could give up belief in the Law of gravity. Maybe gravity isn't a universal regularity, as we had previously thought. This would resolve the contradiction. Or, we could give up the belief that our eyes give us true information. Yes, occasionally my eyes deceive me. Yet not many people would be satisfied with such solutions. Why not? Unless we can specify the conditions under which the Law of gravity will or will not work, we can have no idea as to when it will or will not work in the future. The cannonball hanging in midair may be a unique occurrence – the only exception to the Law of gravity in the history of the Universe. Or, we may begin to find heavy things suspended in midair 4, 5, 10, maybe 1000 times or more every day from now on. Without specification of the conditions under which the Law of Gravity will be suspended, we have no way of knowing when or how often it will be suspended. The same holds for the belief that our eyes give us true information. In experiencing an optical illusion, such as a stick appearing bent in a glass of water, we may be amused at how our eyes are deceiving us. But any unexplained instance of our eyes deceiving us raises the possibility that they may deceive us at any time-perhaps when we are driving or crossing the street.

Problems and Problem Situations:

What is considered problematic therefore depends on preexisting knowledge. Poverty in the United States may be puzzling for someone who believes that (1) no one wants to be poor and that (2) everyone in America has the possibility of overcoming poverty. But it will not be puzzling for a Marxist. In fact, it is precisely what the Marxist would expect. On the other hand, the fact that all European Socialist parties supported the war efforts of their respective countries represented a serious theoretical problem for Marxists. It flew in the face of the almost universally-held belief among Marxists, that the proletarians of different countries had more in common with each other than they did with the exploiting classes of their own countries.

They could therefore never go to war against their proletarian brothers and sisters. But Socialist support for the War would not have been surprising at all to nationalists, for example. Similarly, the failure of the socialist revolution in Germany in 1918, a country seeming to have all the prerequisites for such a revolution, was surprising to Marxists. Yet its failure was just what many who did not hold Marxist premises expected. What is problematic for an elite theorist may not be problematic for a pluralist, and vice versa. What is problematic for a functionalist may not be problematic for a conflict theorist and vice versa.

This may appear to be a relativist line of argument, but it is not. The questions people ask always depend on their background knowledge and beliefs, and on what they happen to be interested in. Different people, including different scientists, have different cognitive interests and hold different background assumptions. For instance, an ornithologist, an entomologist, a horticulturalist, and a real estate agent may all gather facts about the same piece of land, yet give completely different accounts of it. Yet all of these accounts may be true. A veterinarian, a microbiologist, and a molecular biologist may examine the same animal, yet they will all go at their examination in different ways, and give entirely different accounts of it. Marxists, liberals, and conservatives, holding differing theoretical assumptions, may give differing accounts of the same society, all of which may be true [cf. Wisdom, 1980]. This is why it is so central to the method of problems to strive to discover and articulate the background assumptions that give rise to problems. This is why, in following the method of problems, it is crucial to struggle to keep in mind that there are always assumptions of which we are unaware.

The method of problems retains the aim of finding true explanations. The accounts of the veterinarian, the microbiologist, and the molecular biologist of «the same the same animal» may all be true, and entirely consistent with each other. As long as their assertions about reality are not contradictory, there will be no problem. On the other hand, it is entirely possible for hypotheses formulated in different frameworks to contradict each other. Statements about a reality that all parties to a debate, believe to exist outside all frameworks may contradict each other. Such contradictions will call for explanation. And the reality which all believe to exist outside of all frameworks can serve as the touchstone of truth. In other words, hypotheses cast in any and all of these frameworks can be tested against reality, and critically discussed in light of such tests.

To be sure, the liberal and the Marxist inhabit different conceptual frameworks. Thus, in an important sense, they live in different worlds. For this reason, discourse between them may be difficult and frustrating. Yet both share belief in an autonomous reality, existing independently of their differing accounts of it. The Marxist, and the liberal are both capable of understanding that, according to the theory held by the liberal, poverty should not exist in America. And they can both observe that poverty, nevertheless, does exist. The Marxist and the liberal are both capable of comprehending that, according to Marxist theory, the socialist revolution should have already occurred. And both can observe that it has not yet occurred. Although

their values and styles of thinking may differ, both share at least some capacity for rational thought and discussion. These shared assumptions make it possible for each to identify difficulties in the other's account of reality. What gives science its unity is its assumption of a reality outside of all frameworks, existing independently of what anyone thinks about it. This is not inconsistent with recognition that all statements about reality involve interpretation, and are biased by background knowledge, including the frameworks in which they are cast. If observations clash with certain expectations, as Popper notes, they can «destroy even the frame itself. In such a case, they can have an effect upon our horizon of expectations like a bombshell. This bombshell may force us to reconstruct, or rebuild our whole horizon of expectations…» [1972: 345].

Experience of reality, and beliefs about reality may differ greatly from one individual to another. Moreover, perception, interpretation, and reason are, of course, all subject to bias. This means that not only verifications, but even falsifications, will always remain inconclusive. Any falsification will be only an apparent falsification since, like all observations, every observation of a falsifying event involves interpretation. Nevertheless, despite all this, there is an important lesson to be learned from the advanced natural sciences. It is that knowledge may sometimes progress through the invention and criticism (including tests) of hypotheses that are put forward as attempts to solve problems.

This is why the philosopher-anthropologist Ernest Gellner was so hostile to the idea of a feminist epistemology, that is, of some sort of feminist truth as opposed to truth. It is why Popper was so hostile to the idea of truth being different for different social classes. To be sure, feminists have made valuable contributions in showing how women experience the world differently from men, and why such differences can be very important. And Marx shows convincingly how the reality of liberalism looked different to a factory worker than it did to a factory owner. As Anatole France so nicely put it, «...the majestic quality of the law... prohibits the wealthy as well as the poor from sleeping under the bridges, from begging in the streets, and from stealing bread (2004)».

There is thus an important sense in which men and women actually do inhabit different worlds, as do bourgeois and proletarians. Marxist and feminist theories incorporate experience peculiar to the proletariat and to women, respectively. Nevertheless, who can deny that men are sometimes able to comprehend (admittedly, sometimes with great difficulty) the experience of women, and vice-versa? Countless writers who successfully create characters of the opposite sex illustrate this very well. And bourgeois are sometimes able to comprehend the experience of proletarians very well. Marx and Engels themselves serve as good examples. And consequences derived from Marxist and feminist theories may contradict established theories or observations. Such contradictions may thus become the drivers of efforts to find out the truth of the matter. In the process, either the established theory, or the Marxist or feminist theory may be modified. Or, a new theory may emerge that encompasses both contending theories.

Most background assumptions, both in science and in common sense, come from language, culture, tradition, and other taken-for-granted sources. Where, for example, do we pick up such beliefs as the Law of Gravity, or the theory that the Earth is round and revolves around the Sun. Where do we get our notions of what counts as a fact, or as a valid claim to know? We assimilate them, largely unconsciously, and are not even aware of holding many such beliefs. It is only when some newly-encountered theory or observation clashes with unconscious background assumptions that we sometimes become aware of them. This helps explain why people so often talk by each other. Background assumptions are taken as obvious, as self-evident.

Misunderstandings are often due to clashes among differing self-evident truths of different people. We can even be aware in principle that others may be right when they see things differently from the way we do. Yet it is exceedingly difficult actually to grasp and apply this insight in practice. It is exceedingly difficult for us even to imagine how our own self-evident truths might be mistaken. It is also difficult to fathom that we think is absurd may turn out to be right. Yet everyone has had the experience of findinrig out, on more than one occasion, that they were mistaken about something of which they had been absolutely certain. And history and life are replete with examples of where people whose views were ridiculed as absurd have turned out to be right.

The problem situation in any science is always shaped by prevailing theories, methods, and metaphysical views. Even in the natural sciences, many background assumptions are provided by paradigms [Kuhn, 1962] or scientific [Lakatos, 1970] or metaphysical [Popper, 1982; Agassi, 1975b, 1975c, 1975d] research programs. Michael Polanyi has drawn attention to the crucial role of what he calls tacit knowledge in giving meaning to raw sense experience. Much background knowledge in science is tacit, that is, acquired through practice, and cannot be fully articulated. Tacit knowledge includes standards that determine which views are taken seriously and which are not [Polanyi, 1967]. Often, tacit knowledge is carried only in professional gossip and, and this may be an important factor blocking growth of knowledge.

Ethical, practical, and political problems:

While all problems may be hurdles, not all hurdles need be intellectual hurdles, that is, logical contradictions. There are other kinds of problems, among them ethical, practical, and political problems. Such problems are not in themselves intellectual problems, though they usually can be intellectually problematized. A problem may be intellectualized as part of an effort to find a solution, out of curiosity, or as part of some more general theoretical enterprise. An American President may, for example, want to increase aid to Third World countries. But Congress refuses to appropriate funds. Such a political dilemma would clearly be a hurdle for the President. Yet there is nothing logically contradictory about the President wanting to give more foreign aid and not having enough support in Congress.

Nevertheless, some observers might see a variety of intellectual problems in such a situation. Someone might, for example, see the behavior of Congress as puzzling,

and seek explanation. Someone might be puzzled that a President with a strong track record for getting bills through Congress had failed in this case. Such puzzles would be logical inconsistencies, which might make some observers curious, and lead them to seek explanation. An explanation might also solve the political problem, but not necessarily. The puzzle may be fully explained without solving the political problem. It may do no more than satisfy the curiosity of the inquirer. Sometimes, policy makers really agonize, trying first to intellectualize problems they face, and then to find solutions to them. Sometimes their solutions involve innovative discoveries, that is, breakthroughs in thought. Yet more often than not, the solutions to political problems are intellectually trivial. The President may just twist arms or do favors to get his bill through. Or, he may find an ally in some powerful or charismatic individual who persuades or bullies enough members to vote for the increased foreign aid.

Many political problems belong to a subset of the broader set of practical problems. For example, a Member of Congress may be faced with the problem of reconciling conflicting interests of different constituents. Solving practical problems need not necessarily involve solving intellectual problems-although it may involve solving them. I may want to buy a new car, but not have sufficient funds. I might solve this practical problem in various ways. I could work overtime, borrow the money, or steal it. Or, alternatively, I could intellectualize the problem, and invent a solution that gets me the car without incurring debt, risking imprisonment, or spending all my time working.

Ethical problems are also hurdles and, like practical problems, the hurdles are not in themselves logical contradictions. I may believe it wrong to tell a lie and also believe it wrong to let people die if I can prevent it. In a given situation, however, I may be confronted with the choice of either lying, or letting 1000 people die as a result of not lying. This is an example of the kind of conflict of values that people face all the time.

However, conflicting values are not logically contradictory. We may simply make a choice that violates or compromises one or more of the conflicting values. This need not entail an intellectual problem. It may involve no more than a weighing of the ethical options against conscience and opting for the one that is least troubling. Many political problems are ethical problems, or at least have an ethical component. Like practical problems, ethical problems may also be intellectually problematized. I may search for a way out of the ethical dilemma that avoids violating either of the conflicting values. Sometimes, an ingenious solution may be invented in thought, which make it possible to skirt difficult ethical dilemmas.

Conclusions: Implications for Teaching and Research:

Of course, some readers will recognize what they already practice in the method I am advocating. They try to help lost students formulate problematic questions. In their own research, they strive to identify and grapple with live, important problems. Many are convinced that the best way to help students learn is by teaching them how to formulate and solve problems. Much classical and much of celebrated contemporary social science is unmistakably problem-driven. One need only think of the

work of Marx, Durkheim, Weber, Freud, Pareto, Mosca, Michels, Keynes, Nisbet, Schelling, Milgram, Barber, Dahl, and Key, to name just a few. The work of many classical and contemporary political thinkers is also unmistakably problem-driven-Plato, Hobbes, Machiavelli, Rousseau, Constant, and Rawls, again to name just a few. Problem-driven research is by no means a monopoly of the advanced natural sciences.

However, even a cursory glace at social science literature will reveal rampant topicism. And it is not only students who lack problems to focus and drive their research. Many of their teachers, that is professional social scientists, are also topicists, whether they know it or not. Just as there are countless boring, student term papers, theses, and dissertations that are devoid of problems, so are there also countless academic lectures, books and articles that are also boring because they are devoid of problems.

The distinction between problem-driven research and problem-devoid research does not run between description and theory. Problem-driven research need not be directly theory-driven. Even in the advanced sciences, a substantial part of the scientific enterprise amounts to description, which includes much of the measurement, classification, mapping, modeling, comparison, and analysis that natural scientists do. As Nobel Physics Laureate Ernest Rutherford put it: «All science is either physics or stamp collecting». By physics I take Rutherford to mean the theoretical heart of science, that is, the quest for generality. But stamp collecting is also crucial to the scientific enterprise. It is intimately bound up with the broader enterprise of theorizing, and much of it involves problem-solving. Fleming's hypothesis that it was the mold that prevented bacteria from growing is an example of a problem solved by description. Discovery of a thin, previously unseen wire holding up the cannonball floating in midair would also solve this problem by description. More generally, structural explanations in both the natural and the social sciences solve problems by description rather than by subsuming facts under law-like generalizations. In the advanced natural sciences, description is ordinarily subservient to problems, and is thus not topicist in character. In the social sciences, description all too often is not subservient to problems.

More often than not, the lost student, rather than being helped to formulate a problem, is provided with some template, that is, with some framework or set of procedures or steps to follow. Such templates often enable students to cover their topics without addressing problems. Even theory or, more accurately, what is called theory, often fulfills such a template function. A topic may be «covered» by channeling data into the framework and terminology of some so-called theory without encountering any problems. Many students, not to mention many of their teachers, prefer following templates to struggling with problems. In fact, a template is often just the kind of assistance students expect from their professors.

What is sometimes called method-driven research is a species of what I am calling topic-oriented or template-steered, as opposed to problem-driven research. Most social science methodology textbooks, qualitative as well as quantitative, pro-

vide students with just such templates. The procedures prescribed by the textbooks steer them towards topic-oriented, rather than problem- driven research.

It is striking how little attention is paid in the social science methodology textbook literature to notions as central to science as «problem» and «explanation». Even when these words are used, it is rarely in the sense of the curiosity-driven kind of research at the heart of the present discussion. 2 In many widely-used methods textbooks, the words problem and explanation do not even appear in the index [See, for example, Shively, 2002; Kolb, 1978; Reason, 1988]. In others, while the words problem and explanation do appear (one or the other or both), discussion of them is cursory. And they are not used in the sense of curiosity-driven research [See, for example, King, Keohane, and Verba, 1994; Babbie, 1999; Selltiz, Wrightsman, and Cook, 1976; Manheim, Rich, and Willnat, 2002; Carlson and Hyde, 2003; Kolb, 1978]. Sometimes, even textbooks that stress the importance of problems end up using the word problem There are good reasons for this, though an adequate discussion would go beyond the scope of the present article. There is a strong inductivist bias running through the methodology textbook literature. Despite all the various qualifications made by various authors, a diffuse but hardy inductivism saturates the picture of scientific research which they present. And it is topicist. Moreover, the methods textbooks typically assume without question a narrow construction of empiricism as definitive of any real science. This rules out as non-empirical many assumptions that are integral to the structure of real scientific problems [Cf. Cartwright, 1995: 276]. Such an understanding of empiricism also severely dampens the creative, imaginative aspect of science that is always bound up with formulation and solution of problems as a synonym for topic [See, for example, Del Balso and Lewis, 2001: 38–39; Cole, 1980: 11–17; Sullivan, 2001: 88–94]. Or they give examples of problems that are obviously important, but which turn out to be practical, ethical, or political problems that have not been intellectualized. That is, it is unclear which puzzling questions, if any, might underlie them [See, for example, Sullivan, 2001: 85–87]. Generally, rather than teaching students to formulate and grapple with intellectually-challenging problems, the methods textbooks teach them how to «collect» or «gather» data, and look for correlations and empirical generalizations. As Popper puts it, «they try to copy the method of natural science, not as it actually is but as it is wrongly alleged to be» [1972: 186. See also 1982, 5–8]. And, as Davis writes, students «who follow to the letter all of the injunctions of current text-books on `theory-construction', but take into account no other criterion in the construction of their theories, will turn out work which will be found dull indeed» [1971: 310].

It is all too easy to confuse problems with topics. These greatly differing approaches are commonly confused, both in ordinary language and in sophisticated scholarly inquiry. The word problem often used in the sense of topic, but word topic is often used in the sense of problem. The confusion derives from widespread and deeply-rooted, albeit problematic, views about knowledge and inquiry, as discussed above. Aristotle wrote that problems are questions. Although this sounds plausible, it begs the question. For what distinguishes an idle question from a problema-

tic question [Hattiangadi, 1978: 354]? Similarly, many scholars, even distinguished ones, describe research, not as problem-driven, but as data-gathering, seeking support for hypotheses, or clarifying concepts. They see growth of knowledge as taking place, not by problem formulation, invention of hypotheses, and criticism (including, among other things, empirical tests), but through the accumulation and systematization of facts. It is one thing to agree that problems are important, as even many topicists enthusiastically do. It is another matter actually to conduct problem-driven research. The human psyche is naturally uncomfortable with open problems, and routinely ignores or closes them without solving them. The desire to follow a formula or template is all too understandable. But templates tend to freeze their own order into research. As Marx Wartofsky writes, «ontology recapitulates methodology» [1975: 112]. That is to say, the picture of reality resulting from research is shaped and colored by the method used to investigate it. As Albert Einstein writes: «Concepts which have proved useful for ordering things easily assume so great an authority over us, that we forget their terrestrial origin and accept them as unalterable facts. They then become labeled as 'conceptual necessities,' etc. The road of scientific progress is frequently blocked for long periods by such errors». Templates tend to lead to topic-oriented research that fosters such blockage.

To be sure, following a template need not necessarily lead to topicism. Paradigms, scientific research programs, metaphysical research programs, and scientific theories are all templates of sorts that serve as rough roadmaps for scientific research. In the advanced sciences, research does not usually begin as long as the roadmap, is working smoothly and is successfully anticipating the expected. Research begins when the roadmap runs into trouble, or when it points towards the counterintuitive, or the unknown. Sensitivity to flies in the ointment, that is to problems, is the hallmark of the good scientist.

It can be difficult to formulate problems and hold them at the center of research.

Formulating genuine research problems often requires much imagination and struggle.

And problems often dissolve as researchers discover the nature or falsity of assumptions underlying them. As Einstein once put it, «If we knew what we were looking for, it wouldn't be research, would it?» Grappling with open problems requires a high level of tolerance of ambiguity. And there is never a guarantee that a scientist will succeed, even in formulating a real problem, let alone in finding a solution.

There is no cookbook for the method of problems.

References

1. Agassi, Joseph. 1975a. On Novelty. Science in Flux. Dordrecht: Riedel: 51–73.

2. Agassi, Joseph. 1975b. The Nature of Scientific Problems and Their Roots in Metaphysics. Science in Flux. Dordrecht: Riedel: 208–239.

3. Agassi, Joseph. 1975c. Questions of Science and Metaphysics. Science in Flux. Dordrecht: Riedel: 240–269.

4. Agassi, Joseph. 1975d. The Confusion Between Physics and Metaphysics in the Standard Histories of Science. Science in Flux. Dordrecht: Riedel: 270–281.

5. Almond, Mark. Uprising: Ideological Shifts and Political Upheavals That Have Shaped the World. London: Mitchell Beazley, 2002.

6. Babbie, Earl. 1999. The Basics of Social Research. Belmont, CA. Wadsworth.

7. Barber, Benjamin R. 1974. The Death of Communal Liberty: A History of Freedom in a Swiss Mountain Canton. Princeton: Princeton University Press.

8. Brinton, Crane. 1965. The Anatomy of Revolution, revised and expanded edition. New York: Vintage.

9. Bronowski, Jacob. 1974. «The Majestic Clockwork». The Ascent of Man. Boston: Little-Brown.

10. Burtt, E. A. 1954. The Metaphysical Foundations of Modern Science. Doubleday Anchor.

11. Carlson, James M. and Mark S. Hyde. 2003. Doing Empirical Political Research. Boston: Houghton Mifflin.

12. Cartwright, Nancy. 1995. «Ceteris paribus laws and socio-economic machines». The Monist v. 78 (July): 276–294.

13. Davis, Murray S. 1971. That's Interesting! Towards a Phenomenology of Sociology and a Sociology of Phenomenology. Philosophy of the Social Sciences, v.1 : 309–344.

14. Del Balso, Michael, and Alan D. Lewis. 2001. First Steps: A Guide to Social Research. Second Edition. Scarborough, ON: Nelson Thomson Learning.

15. France, Anatole. 2004. The Red Lily. Project Gutenberg EBook, ch. 7.

16. Hattiangadi, J.N. 1978. The Structure of Problems (Part i). Philosophy of the Social Sciences 8: 345–365.

17. Gary King, Robert O. Keohane, and Sidney Verba. 1994. Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research. Princeton: Princeton University Press.

18. Kuhn, Thomas S. 1962. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press.

19. Lakatos, Imre. 1970. «Methodology of Scientific Research Programmes», in Imre Lakatos and Alan Musgrave, eds., Criticism and the Growth of Knowledge (Cambridge: University Press): 91–196.

20. Locke, John. 1996. An Essay Concerning Human Understanding. Kenneth P. Winkler (ed.), pp. 33–36, Hackett Publishing Company, Indianapolis.

21. Manheim, Jarol B., Richard C. Rich, and Lars Willnot. 2002. Empirical Analysis: Research Methods in Political Science Fifth Edition. New York: Addison, Wesley, Longman.

22. Polanyi, Michael. 1967. The Tacit Dimension. New York: Doubleday Anchor Books, ch. 1.

23. Popper, Karl R. 1965. Conjectures and refutations: The Growth of Scientific Knowledge, 2nd Edition (London: Routledge & Kegan Paul).

24. Popper, Karl R. 1972. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford: At the University Press.

25. Popper, Karl R. 1976. The Logic of the Social Sciences. The Positivist Dispute in German Sociology. London: Heinemann.

26. Popper, Karl R. 1982. A Metaphysical Epilogue. Quantum Theory and the Schism in Physics. Totowa, N. J.: Rowman and Littlefield: Chapter IV of.

27. Popper, Karl R. 1983. Realism and the Aim of Science. Totowa, N.J.: Rowman and Littlefield.

28. Quinton, Anthony. 1980. Francis Bacon. Oxford: University Press.

29. Reason, Peter (ed.). 1988. Human Inquiry in Action: Developments in New Paradigm Research. Beverly Hills, CA. Sage Publications.

30. Selltiz, Claire, Lawrence S. Wrightsman, and Stuart W. Cook. 1976. Research Methods in Social Relations Third Edition. New York: Holt, Rinehart and Winston.

31. Sullivan, Thomas J. 2001. Methods of Social Research. New York: Harcourt College Publishers.

32. Wartofsky, Marx. 1976. How to Begin Again: Medical Therapies for the Philosophy of Science, in Frederick Suppe & Peter Asquith, eds., PSA 1976: Proceedings of the 1976 Biennial Meeting

of the Philosophy of Science Association, Volume 2 (East Lansing, MI: Philosophy of Science Association), pp. 109–122.

33. Wisdom, J.O. 1980. Schemata in Social Science. Part One: Structural and Operational. Schemata in Social Science: Part I. Inquiry 23: 445–464.

ФРЕД ЭЙДЛИН

приглашенный профессор Карлова университета, г. Прага

МЕТОД ПРОБЛЕМ ПРОТИВ МЕТОДА ПРЕДМЕТОВ

Студенты часто попадают в тупик в процессе изучения научных работ, что является симптомом широко распространенной и в большинстве случаев неосознанной методологической привычки фокусироваться на темах («предметах»), нежели на проблемах. Такого рода понимание научного исследования транслируется через большинство учебников по социальным дисциплинам. Слово «предмет» предполагает, что существует некоторая скрытая глубина, скрывающаяся за «поверхностью» предметности. Иное видение предлагает проблемно ориентированное исследование. В статье метод предметов подвергается критике и противопоставляется методу проблем. Метод проблем начинается не со сбора данных, а с выявления несоответствий в имеющемся знании. Происходит поиск решения проблем через жесткую критику гипотез. Метод проблем интеллектуально сложный, так как человеческая психика по своей природе стремится «снять» то, что не понятно, а не искать конструктивное решение. Готовых рецептов для метода проблем не существует.

Ключевые слова: проблема, интеллектуальная проблема, исследовательский вопрос, предмет, тема, способ, методология, проблемно ориентированное исследование.

Поступила 20.10.2014 г.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 001.81

С. В. ЕГЕРЕВ,

доктор физико-математических наук,
генеральный директор аналитического центра «Ресурсы науки»

С. А. ЗАХАРОВА,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник
Московского педагогического государственного университета

КРАУДСОРСИНГ В НАУКЕ

Рассматриваются современные формы распределенной исследовательской деятельности, под которой понимают совместное выполнение проектов исследователями или экспертами, использующими новые коммуникационные технологии для удаленной работы и выполняющими эту работу вне рамок традиционных лабораторий. Основное внимание уделяется дисперсным формам распределенной исследовательской деятельности (краудсорсинг, wiki-активность). Также рассматриваются сетевые формы распределенной исследовательской деятельности. Обсуждается возможность использования опыта такой деятельности в российской научно-технической системе в условиях хронического дефицита исследовательских и инженерных кадров.

Ключевые слова: открытые инновации; публичный конкурсный призыв; распределенные вычисления.

Распределенная исследовательская деятельность

Сложившаяся в российской научной сфере непростая ситуация заставляет научное сообщество изыскивать новые организационные формы исследовательской деятельности. Ученые к такому поиску прибегают потому, что социальная атмосфера, кадровая обстановка в российских научных организациях сегодня далеки от благополучия. К неблагоприятным явлениям, препятствующим полной реализации научного потенциала НИИ или вуза, относятся, например:

размежевание управленческой и креативной элит внутри организации: руководители и ученые часто не связаны общими целью и источником финансирования;

атомизация научных исследований: научные группы, коллективы лабораторий распадаются. Сегодня научный поиск – это зачастую удел разрозненных одиночек;

вторичная занятость ученых;

психологическое неблагополучие, слабая мотивация к выполнению исследовательских проектов «под ключ». Особенно заметно отсутствие мотивации в среде научной молодежи;

кадровый дисбаланс внутри научной организации;

вынужденное латентное субсидирование научной деятельности ее субъектами (например, ученый продолжает научную карьеру только потому, что его содержание берут на себя родственники). Такие ученые независимы. Они взаимодействуют с руководителями своих НИИ только в случае, если их творческие планы совпадают;

разрушение экспертного сообщества, разрушение среды научного общения;

самоизоляция научных учреждений, разрушение многолетних коопераций.

В попытке все-таки выполнить исследовательские задачи даже в неблагоприятной обстановке, ученые пытаются воспользоваться некоторыми положительными обстоятельствами. Определенная свобода деятельности ученого и так называемая альтернативность научного поиска позволяют компенсировать все более очевидные сбои традиционной иерархической жесткой системы научного планирования. Эксперты даже отмечают некоторые положительные моменты распада управленческих структур: «Альтернативность... возникла отчасти благодаря определенной дезорганизации нашей научной системы, снятию многих ограничительных барьеров... ослаблению дисциплины, что для Академии наук факт скорее положительный, чем отрицательный... Плюсы заключаются, прежде всего, в той же альтернативности, возможности “не мытьем, так катаньем” заниматься любимыми темами и еще менее зависеть от начальства» [1].

Для многих исследователей оказалось очень заманчивым этой свободой воспользоваться. Появились и стали развиваться новые формы организации исследовательского труда, основанные на принципах гибкого проектного финансирования и ориентированные на участие мобильных научных групп. Движение от иерархических форм организации такой деятельности к неформальным сетевым и даже дисперсным формам становится все более распространенным. Менеджерам импонирует то, что сетевые формы позволяют снижать издержки по проекту, а ученых привлекают более широкие возможности для творческой самореализации. Эффективными организационными формами признаны временные ассоциации небольших групп, а также научно-образовательные центры в различных формах.

Также и в глобальном масштабе наука сталкивается с вызовами времени. Объективное развитие научных процессов в последние годы привело к пониманию важности быстрого развертывания крупного научного проекта и его выполнения с высоким качеством. Такой проект может быть не по силам одной или даже двум организациям. Сетевая структура квалифицированных кадров, знающих и дополняющих друг друга, справится с амбициозными проектами быстрее и более качественно. Фактом современного научного подхода стало использование свободных сетей исследователей из различных компаний, создание сообщества для решения общей задачи. Оптимизация исполь-

зования потенциала «распределенных» ученых уже признана сегодня одной из важнейших научных проблем.

Как ответ на современные вызовы (и благодаря новым возможностям) происходит становление неформальных научных коллективов, «невидимых колледжей», «ко-лабораторий», ориентированных на распределенную научную деятельность. Внимание исследователей привлекает деятельность неформальных распределенных научных коллективов. В числе пионерских российских работ – публикация по вопросам виртуальных ко-лабораторий [2].

Под распределенной исследовательской деятельностью будем понимать совместное выполнение проектов исследователями или экспертами, использующими новые коммуникационные технологии для удаленной работы и выполняющими эту работу вне рамок традиционных лабораторий. Распределенная исследовательская деятельность имеет в основе определенные проектные задачи и роли всех участников. Термин используется по примеру известного термина «распределенные вычисления», определяющего совместную работу множества пространственно разнесенных компьютеров. Формы распределенной научной деятельности разделяются на сетевые и дисперсные.

Распределенные сетевые научные коллективы сохраняют черты научной команды, пусть и «разбросанной» по институтам и городам. К числу таких коллективов могут относиться группы, конкурирующие за право работать по межинститутским грантам, коллективы, ассоциированные с ведущими научными школами, «мегагрантовыми лабораториями» и научно-образовательными центрами. Напротив, дисперсные научные коллективы характеризуются большой степенью автономности их участников. Это, например, разнообразные «краудсорсинговые» сообщества. Современный интернет-инструментарий способствует эффективной работе членов сообщества, которые могут и не знать друг друга в лицо. Некоторые из участников «дисперсной» деятельности вообще могут не считать науку своим основным занятием.

Краудсорсинг, коллективная интеллектуальная деятельность и wiki-активность

Если в сетевых проектах участники персонально знакомы с менеджером, то в дисперсных версиях распределенной научной деятельности место инициаторов и менеджеров чаще всего остается «за кадром». Со своей стороны, эти инициаторы заранее могут и не знать, кто конкретно откликнется на публичное приглашение к участию в такой работе.

Трудно провести четкие границы между понятиями «краудсорсинг», «коллективная интеллектуальная деятельность» и «wiki-активность». И это несмотря на то, что такие понятия «на слуху» уже не первый год. Так, понятие «краудсорсинг» в последние годы распространилось весьма широко, одних только его определений опубликовано более 40. Краудсорсинг представляет процесс накопления данных и знаний с привлечением больших групп «распределен-

ных» добровольцев к генерированию идей и решений. Основное внимание в исследованиях этого социального явления уделяется роли краудсорсинга в организации и выполнении бизнес-проектов. Потенциал его как формы исследовательской деятельности изучен слабее (к числу немногих серьезных работ на эту тему отнесем публикацию [3]), а учет особенностей российского научного краудсорсинга вообще находится в зачаточном состоянии. Складывается парадокс: в российской научно-технической политике возможности краудсорсинга до сих пор не рассматриваются, в то время как русскоязычные эксперты и исследователи, независимо от страны проживания, очень активны в международных краудсорсинговых проектах, начиная с самых первых инициатив в этой области.

Краудсорсинг позволяет снизить издержки и придать динамику исследовательской работе, как результат (там, где это возможно) вытесняются дорогостоящие аутсорсинговые услуги. Термин «краудсорсинг» введен в 2006 г. применительно к поиску бизнес-решений [4]. Не следует считать, что краудсорсинг является порождением Интернета. Практически любой публичный открытый конкурс на создание уникального творения в области науки или искусства всегда носил характер краудсорсингового призыва. Так, историки краудсорсинга ведут отсчет дисперсной научно-технической деятельности с 1714 г., когда никому не известный столяр из Йоркшира выиграл так называемый «долготный приз». Этот крупный денежный приз был учрежден Британским парламентом в надежде найти решение очень актуальной тогда задачи определения долготы на парусных судах. Участвовать мог любой желающий – и результат превзошел все ожидания [5]. К числу серьезных примеров «докомпьютерного» краудсорсинга относится коллективная распределенная работа над Оксфордским словарем английского языка в начале XX в. [6]. К забавным примерам отнесем книгу Э. Успенского «Красная рука, черная простыня…», написанную по материалам множества «пионерских страшилок», присланных известному писателю по обычной почте со всех концов бывшего СССР. Интернет всего лишь придал краудсорсингу новое качество.

Согласно работе [7], для характеризации процессов краудсорсинга важно, что (а) краудсорсинг как «практика решения аутсорсинговых задачах, поставленных группе или сообществу людей при открытом приглашении к участию», является хотя и относительно новым, но уже свершившимся явлением общечеловеческой культуры, и (б) практика краудсорсинга показала, что открытые интернет-источники могут питать целую экосистему научных коллективов, что в свою очередь приближает назревшие изменения в традиционалистских взглядах на интеллектуальную собственность.

Характер научных краудсорсинговых проектов весьма разнообразен. Например, в проектах «простых операций» к удаленному выполнению рутинных и небольших по трудоемкости заданий при весьма скромном вознаграждении привлекают большое число образованных, но финансово неблагополучных исполнителей. Так, в проекте «Mechanical Turk» компании Amazon за-

регистрировано более 400 000 постоянных «распределенных» работников, в основном из стран третьего мира. Предлагаются задачи, хоть и простые, но автоматическому решению не поддающиеся (написать очень краткую аннотацию, присвоить рейтинги в массиве анкет соискателей позиций, отметить на изображениях определенные объекты, расставить метки в коллекциях изображений). Проекты, предполагающие выполнение множества простых операций по распределенной обработке технических изображений, чертежей, астрономических, атмосферных данных большими силами добровольцев, становятся все более популярными.

Различные научные дисциплины в разной степени подвергаются перестройке под действием новых распределенных исследовательских методов. Первой академической дисциплиной, подвергшейся сильному влиянию краудсорсинга, оказалась орнитология. В первую очередь речь идет о проекте eBird.org. За одиннадцать лет существования проект привел к созданию во всемирной онлайн базы данных наблюдения за птицами в реальном масштабе времени. Проект сплотил относительно небольшое ядро орнитологов-профессионалов и большую армию распределенных по земному шару добровольцев. Именно на счету добровольцев достижения проекта, например, заново открыты некоторые виды птиц, считавшихся исчезнувшими. Таким образом, добровольцы освободили специалистов от большого объема рутинной работы. Такое разделение труда никак не принижает роль «краудсорсеров» [8].

Добровольцы предоставляют и вычислительные мощности своих персональных компьютеров. По состоянию на 2013 г., крупнейшим проектом распределенных вычислений, как по мощности, так и по числу участников, является проект Folding@home (буквально: «свертывание-на-дому»). Это проект вычислений для проведения компьютерного моделирования свертывания молекул белка (сайт проекта http://folding.stanford.edu). Проект запущен в 2000 г. в Стэнфордском университете. Цель проекта – с помощью моделирования процессов свертывания/развертывания молекул белка получить лучшее понимание причин возникновения болезней, вызываемых дефектными белками. Это болезни Альцгеймера, Паркинсона, диабет 2-го типа, коровье бешенство, склероз, различные формы онкологических заболеваний. Каждый участник получает небольшой фрагмент задачи для вычислений. К настоящему времени проект Folding@home успешно смоделировал процесс свертывания белковых молекул на протяжении 5–10 мкс, что в тысячи раз больше предыдущих попыток моделирования. Общее число участников проекта превысило миллион, совокупная мощность компьютеров в добровольной сети – около 3000 терафлопс.

Более ранним проектом распределенных вычислений является SETI@home (от англ. Search for Extra–Terrestrial Intelligence at Home – поиск внеземного разума на дому́) – научный некоммерческий проект добровольных вычислений, использующий свободные вычислительные ресурсы на компьютерах добровольцев для поиска радиосигналов внеземных цивилизаций (сайт

проекта http://setiathome.berkeley.edu). Проект заключается в обработке данных радиотелескопа обсерватории Аресибо для обнаружения сигналов, которые можно интерпретировать как искусственные. Данные телескопа конвертируются в задания на расчет, которые рассылаются участникам. После обработки результаты передаются компьютером участника проекта в Space Sciences Laboratory (SSL) Калифорнийского университета в Беркли. Этот проект все еще удерживает второе место как по мощности вычислительной сети, так и по числу участников. Даже скептики признают: хотя инопланетян, увы, пока еще не нашли, но алгоритмы вычислительных процедур данным проектом за 19 лет работы продвинуты значительно.

Мы рассмотрели проекты, участники которых как бы «подносят патроны» научным лидерам. А вот на другом «полюсе» краудсорсинга находятся проекты, подпадающие под определение «коллективной интеллектуальной деятельности» (КИД). Сотрудники Центра коллективной интеллектуальной деятельности при Массачусетском технологическом институте (http://cci.mit.edu/) дали верное, хотя и несколько забавное определение понятию «collective intelligence»: «Коллективный интеллект, коллективный разум – группа индивидуумов, совместно совершающих кажущиеся осмысленными действия». Та или иная научная задача предлагается к коллективному решению, однако тесное взаимодействие участников друг с другом не предполагается. Уже признано, что массовая группа экспертов (даже экспертов среднего уровня) при определенных условиях за счет синергизма отдельных усилий достигает лучших результатов, нежели самый квалифицированный эксперт-одиночка.

В этой версии распределенной деятельности участники выполняют сложные исследовательские процедуры. Например, они сверяют свои гипотезы с данными других источников, выполняют эксперименты с использованием специализированных сервисов. Наиболее известными проектами такого рода являются проекты по распределенному коллективному продвижению научно-технических инноваций (например, проекты http://www.innocentive.com, http://www.ninesigma.com), рецензированию и упорядочиванию патентов (http://peertopatent.org), разработке алгоритмов прогнозирования (http://www.netflixprize.com).

Краудсорсинг как форма организации научного труда уже «породил» новый класс исследователей без привязанности к какой-либо организации. Соглашения о конфиденциальности, а также общее доступное программное обеспечение и общий доступ к открытым ресурсам объединяют их хоть и в распределенный, но «боеспособный» коллектив.

Для дальнейшего развития краудсорсинговых процессов в научной сфере требуется решение ряда важнейших проблем. Это проблемы мотивации, обеспечения достоверности результатов, контроля качества работ, проблемы отсева недобросовестных участников, а то и прямых вредителей. Эти проблемы находят свое решение, причем зачастую – методом распределенного мозгового штурма. Так, одним из эффективных инструментов мотивации участников становится система конкурсов с привлекательными и престижными призами.

К другим условиям успешной КИД относят необходимость обеспечения разнообразия мнений, равноправия предложений, независимости экспертизы, необходимость координации децентрализованной работы членов группы [9]. Успешная коллективная интеллектуальная деятельность предполагает взаимодействие с системой открытых интернет-ресурсов, а также возможное применение результатов в контексте открытых инноваций и решение вопросов интеллектуальной собственности в отношении продукции, созданной столь непривычным способом [10–13].

Несколько особняком стоит так называемая wiki-активность. В отличие от классического краудсорсинга, проекты, ориентированные на wiki-активность, не имеют четких временны́х границ. Они представляют собой, как правило, проекты по созданию контента постоянно обновляемых популярных баз данных и онлайн-энциклопедий. Участники работают безвозмездно, получая, как правило, лишь моральное удовлетворение. При этом получены весьма впечатляющие результаты и созданы признанные мировым научным сообществом значимые wiki-ресурсы.

Краудсорсинг в фармацевтических исследованиях

Показательны примеры организации краудсорсинговых исследований в фармацевтической промышленности. Фармацевтическая область оказалась флагманом применения краудсорсинга по ряду причин, в числе которых не только необходимость снижения проектных издержек, но и особенности исследовательского процесса в этой отрасли [14; 15]. Так, проект создания новых лекарств предполагает выполнение большого объема рутинных процедур и испытаний. Также предполагается работа с большими базами данных. Таким образом, исследователей требуется больше, чем это может себе позволить типичная лаборатория. В силу специфики химических и биологических аспектов фармацевтики для руководителя разработки не всегда возможно адаптировать задачи для обычного аутсорсинга. Важно еще одно обстоятельство. Химики и биологи всегда отличались высокой культурой обращения с массивами библиографических данных, интернет-ресурсами. В химико-биологическом сообществе постоянно апробируются новые формы как коммуникаций, так и исследовательской работы.

Характерным примером является опыт компании Procter&Gamble по привлечению сторонних специалистов к решению научно-исследовательских задач. На специальном сайте публикуются задания, ожидающие своего решения. Авторы лучших решений получают вознаграждение. С компанией Procter&Gamble в удаленном режиме работает несколько тысяч ученых со всего мира, что превышает число штатных специалистов в исследовательских подразделениях компании.

Для облегчения краудсорсинговых фармацевтических исследований уже реализованы интернет-ресурсы и сервисы [16–18]. Подобные ресурсы в других

исследовательских областях еще только создаются. Доступность открытых онлайн-ресурсов позволяет эффективно поддерживать распределенную разработку лекарств. Открытые базы данных PubChem (http://pubchem.ncbi.nlm.nih.gov), ChEBI (http://www.ebi.ac.uk/chebi), DrugBank (http://www.drugbank.ca), Metabolome (http://www.hmdb.ca), ChemSpider (http://www.chemspider.com) дополняют или даже вытесняют коммерческие базы данных и совместные системы типа (http://www.collaborativedrug.com). Некоторые популярные открытые ресурсы систематизированы в табл. 1, подготовленной с частичным использованием работы [16].

Таблица 1. **Отрытые источники и интернет-сервисы для фармацевтики и смежных специальностей**

Наименование	Адрес сайта	Вид сервиса
Protocol online	http://protocol-online.org/	Протоколы, методики и стандарты биологических исследований
Open Notebook science challenge	http://onschallenge.wikispaces.com/	Путеводитель по еще не решенным научным задачам. Первоначально ресурс специализировался на поддержке массовых измерений растворимости веществ
DIYbio	http://diybio.org/	Поддержка сообществ самодеятельных и стихийных биологов
MyExperiment	http://www.myexperiment.org/	Поддержка технологических исследовательских потоков, поддержка сообществ
Open wetware	http://openwetware.org/wiki/Main_Page	Протоколы, материалы и ресурсы общего характера
Laboratree	http://laboratree.org/pages/home	Специализированная социальная сеть поддержки научной деятельности Университета штата Индиана
Open Source Drug Discovery	http://www.osdd.net/home	Поддержка сотрудничества по широкому кругу задач в рамках программы «Open source drug discovery»
WikiPathways	http://www.wikipathways.org/index.php/WikiPathways	Wiki-ресурс по терапевтическим стратегиям
Science Commons	http://sciencecommons.org/	Стратегии и инструменты поддержки распределенной исследовательской работы от компании Creative Commons. Один из лучших сервисов такого рода
UsefulChem project	http://usefulchem.wikispaces.com/	Примеры форматов использования открытых ресурсов в научной деятельности

Сетевые проекты

Для сравнения с дисперсной исследовательской деятельностью кратко охарактеризуем исследовательскую деятельность по сетевым проектам. Такой вид распределенной деятельности имеет определенное распространение в российской научной системе. Сетевые проекты в российской науке сегодня – это, в основном, проекты по грантам, проекты в междисциплинарной области с определенными особенностями финансирования, например субвенционные проекты. В таких проектах предполагается большая доля удаленной работы, однако сохраняются и обычные коллаборации. Сетевой проект предполагает наличие ясной задачи и авторитетного менеджера (менеджеров). Очень важна проработка вопросов мотивации (простые приказы здесь не работают). Типичным является проект на стыке наук с совместным проведением экспериментальных исследований на двух-трех площадках и дистанционной обработкой данных, совместной удаленной работой над документами. Инициаторами таких проектов обычно выступают представители креативной части исследовательских институтов. Представители руководства НИИ, как правило, сохраняют доброжелательный нейтралитет, однако охотно включают публикации по таким проектам в общую отчетность института, даже если результаты не предусмотрены тематическими планами. Известны лишь единичные случаи, когда руководители НИИ инициировали сетевые проекты в их современном понимании. Чаще всего коллаборации по инициативе руководителей российских НИИ остаются иерархическими и сводятся к обычному медлительному аутсорсингу, когда заказчик видит результаты только во время приемки работы.

С точки зрения организации сетевого исследовательского труда отрыв мировой науки от науки отечественной продолжает увеличиваться. Так, обычной практикой стала организация сетевых проектов в рамках научных подразделений транснациональных корпораций. При этом сетевые методы, совместная распределенная работа, как оказалось, прекрасно уживаются с зачастую забюрократизированной организационной структурой западной корпоративной науки. Потребность выживания корпораций в современных сложных условиях заставляет идти на такой симбиоз. Например, корпорации нефтегазового сервиса стоят перед необходимостью оперативного сбора и быстрой «децентрализованной» обработки и интерпретации данных, поступающих с множества географически разнесенных буровых. Компания, продолжающая выполнять эти процедуры медленно, «по старинке», теряет рынок. Перестройка работы российских НИИ, а также немногих вузов, реально занимающихся исследованиями, в пользу сетевых методов еще только начинается.

Успешная исследовательская деятельность сетевых коллективов, как и «электронная наука» в целом, опирается на наличие развитой IT-инфраструктуры, включающей сетевые магистрали, информационные ресурсы и сервисы. В первую очередь, это системы «Grid» [19], «Cyberinfrastructure» [20], «Collaboratories» [21]. Это принципиально новые инструменты, удалившие грань между собственно исследованием и коммуникацией.

Имеется обнадеживающая динамика предложений программного и интернет-обеспечения сетевых проектов. С точки зрения общего менеджмента в российских сетевых проектах наиболее популярны сервисы Megaplan и Evernote. Несколько отстают в популярности DocToGo или Apple Pages. Для совместной дистанционной работы над документами участники сетевых исследовательских проектов предпочитают Google Docs и Windows Live Microsoft Sky Drive. В отношении сервисов хранения большого объема научных данных разнообразного характера явных предпочтений у сетевых менеджеров не выявлено, в числе лидеров – Humyo, IFolder, Wuala.

Не забыты и «рядовые» участники сетевых проектов. В Интернете реализована развитая система сервисов для информационной поддержки проводимых научных исследований и установления связей между учеными. Это, например, целая система научных электронных библиотек, порталов по отраслям знаний. Формирование команд и поддержка исследовательских сообществ – специализация ряда популярных ресурсов (http://scipeople.ru; http://socionet.ru; http://www.science-community.org; http://www.sen-say.ru). Сайты (http://www.mendeley.com; http://www.zotero.org; http://www.citeulike.org) предлагают библиографические и социальные сервисы. Известны не только сетевые, но и «коробочные решения» систем упорядочения ссылочного аппарата и информационных материалов в ходе выполнения сетевых проектов.

Заключение

Мировые тренды развития дисперсной исследовательской деятельности сегодня не совпадают с трендами российскими. Российские добровольцы, пользуясь определенной академической свободой и независимостью, активно участвуют в зарубежных проектах. Напротив, сколько-нибудь значительных краудсорсинговых проектов научно-технического характера в России обнаружить не удается. Краудсорсинговые проекты, инициированные российскими фирмами и фондами, немногочисленны, не очень масштабны, ограничены по времени. Они относятся к бизнесу или проектам социального характера. Недостаточное развитие обсуждаемого вида исследовательской деятельности можно объяснить рядом факторов, это: (а) отсутствие практики призового вознаграждения больших групп участников; (б) неготовность научных центров внятно и привлекательно формулировать масштабные задачи для большого числа участников; (в) отсутствие культуры сопровождения масштабных краудсорсинговых проектов на протяжении всего жизненного цикла. В ближайшем будущем из видов распределенной исследовательской деятельности в России будут доминировать только сетевые варианты.

Тем не менее проведение современной российской научно-технической политики уже невозможно без учета нарастающей диверсификации форм исследовательской деятельности. Возможно, что дисперсные проекты могли бы каким-то образом, хотя бы частично компенсировать имеющиеся затрудне-

ния. Таким образом, можно говорить о научном краудсорсинге с российской спецификой. Всего один пример. Кадровый дисбаланс, о котором шла речь выше, это постоянная нехватка рабочих рук, особенно во вспомогательном звене. Так, в научных центрах очень остро стоит вопрос дефицита конструкторов и чертежников, владеющих современными системами проектирования. Решить этот вопрос можно именно средствами краудсорсинга.

Для ученого и инженера в современной ситуации удаленная работа по специальности в сетевых и дисперсных проектах без жесткой привязки к организации, но и без изоляции – один из шансов на продолжение профессиональной деятельности. Это шанс избавиться от угрозы потери исследовательской формы, шанс найти баланс между вторичной занятостью и работой по специальности.

Для развития приемов распределенной исследовательской деятельности в России важно, чтобы общественность была широко проинформирована о новых возможностях и накопленном опыте.

* * *

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 11–03–00100а).

Литература

1. *Лурье, С. В.* О кошке, гуляющей самой по себе, и когнитивной функции государства [Электронный ресурс] / С. В. Лурье // Отечественные записки. – 2002. – № 7/8. – Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2002/7/o-koshke-gulyayushchey-samoy-po-sebe-i-kognitivnoy-funkcii-gosudarstva. – Дата доступа: 08.08.2014.

2. *Мирская, Е. З.* Компьютерные телекоммуникации в российской науке / Е. З. Мирская, С. Б. Шапошник // Вестн. РАН. – 1998. – № 3. – С. 203–213.

3. *Bucheler, T.* Understanding Science 2.0: Crowdsourcing and Open Innovation in the Scientific Method / T. Bucheler, J. Sieg // Procedia Computer Science. – 2011. – Vol. 7. – P. 327–329.

4. *Howe, J.* The rise of crowdsourcing / J. Howe // Wired magazine. – 2006. – Vol. 14, N 6. – P. 1–4.

5. The Value of Openness in Scientific Problem Solving / K. R. Lakhani [et al.]. – Boston ; Massachusetts : Harvard Business School, 2007.

6. *Winchester, S.* The Professor and the Madman: A Tale of Murder, Insanity, and the Making of the Oxford English Dictionary / S. Winchester. – USA : Harper Collins, 1998.

7. *Tapscott, D.* Wikinomics: how mass collaboration changes everything / D. Tapscott, A. D. Williams. – San Francisco : Expanded Portfolio Publishers, 2008.

8. *Wyatt, K.* Birdwatching Hobby Takes Flight / K. Wyatt // USA Today. – 2007. – 19 Sept.

9. *Surowiecki, J.* The wisdom of crowds: why the many are smarter than the few and how collective wisdom shapes business, economies, societies, and nations / J. Surowiecki. – USA : Doubleday Books, 2004.

10. *Bonabeau, E.* Decisions 2.0: the power of collective intelligence / E. Bonabeau // MIT Sloan Management Review. – 2009. – Vol. 50, N 2. – P. 45–52.

11. *Chesbrough, H. W.* Open innovation: the new imperative for creating and profiting from technology/ H. W. Chesbrough. – Boston : Harvard Business School Press, 2003.

12. *Leimeister, J.* Collective Intelligence / J. Leimeister // Business & Information Systems Engineering. – 2010. – Vol. 4. – P. 245.

13. *Davenport, T. H.* Thinking for a living: how to get better performance and results from knowledge workers / T. H. Davenport. – Boston : Harvard Business School Press, 2005.

14. *Bailey, D. S.* Drug discovery in the era of Facebook-new tools for scientific networking / D. S. Bailey, E. D. Zanders // Drug Discovery Today. – 2008. – Vol. 13. – P. 863–868.

15. *Bingham, A.* Competitive collaboration in the pharmaceutical and biotechnology industry / A. Bingham, S. Ekins // Drug Discovery Today. – 2009. – Vol. 14. – P. 1749–1781.

16. *Ekins, S.* Reaching Out to Collaborators: Crowdsourcing for Pharmaceutical Research / S. Ekins, A. Williams // Pharmaceutical Research. – 2010. – Vol. 27, N 3. – P. 393–395.

17. *Louise-May, S.* Towards integrated web-based tools in drug discovery / S. Louise-May, B. Bunin // Drug Discovery–Touch Briefings. – 2009. – Vol. 6. – P. 17–21.

18. *Williams, A. J.* Free online resources enabling crowdsourced drug discovery / A. J. Williams, V. Tkachenko // Drug Discovery World. – 2010. – Vol. 11, N 1. – P. 14–21.

19. *Foster, I.* The grid 2: Blueprint for a future computing infrastructure / I. Foster, S. Kesselman. – Waltham : Morgan Kaufmann Publishers, 2004.

20. *Atkins, D.* Revolutionizing Science and Engineering Through Cyberinfrastructure / D. Atkins. – Arlington : National Science Foundation, 2003.

21. *Finholt, T. A.* Collaboratories as a new form of scientific organization / T. A. Finholt. – USA : Taylor & Francis, 2003.

S. EGEREV, S. ZAKHAROVA

CROWDSOURCING IN SCIENCE

Summary

The contemporary forms of the distributed research activity are studied. Distributed research activity is treated as the joint fulfillment of projects by researchers or by experts, who use new communication technologies for the remote work and who carry out this work out of the framework of traditional laboratories. Primary attention is paid to the dispersed forms of the distributed research activity (crowdsoursing, wiki-activity, etc.). The net forms of the distributed research activity are also examined. The possibility of using the experience of this activity to help Russian scientific and technical system under the conditions of the chronic scarcity of research and engineering personnel is discussed.

Keywords: open innovation; public competition call; distributed calculations.

Поступила 03.10.2014 г.

УДК 37.014.54

О. А. АЛЕКСАНДРОВА,

доктор экономических наук, зам. директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, в.н.с. лаборатории ННГУ–ИСЭПН РАН, г. Москва

Ю. С. НЕНАХОВА,

Институт социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, г. Москва

ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТИПИЧНОМ РОССИЙСКОМ ГОРОДЕ

В статье анализируется ситуация с доступностью и качеством дошкольного образования на фоне серьезных изменений в условиях работы дошкольных учреждений вследствие изменений в бюджетном и образовательном законодательстве, внедрения новой системы оплаты труда, государственных образовательных стандартов, реализации курса на коммерциализацию социальной сферы. Делается попытка ответить на вопрос, как скажутся на образовательных возможностях и здоровье детей меры, принимаемые для решения проблемы дефицита мест в детских садах. Анализ проводится на базе данных социологического исследования в рамках проекта «“Таганрог-2”, спустя четверть века» [1].

Ключевые слова: дошкольное образование, доступность образования, качество образования, человеческий потенциал, нормативно-подушевое финансирование, образовательные стандарты.

Дошкольное образование – важное социальное благо, помогающее семьям в развитии и социализации детей и в возможности профессиональной занятости матерей. Но в постсоветской России резко усилился дефицит мест в детских садах, стало вызывать нарекания и качество их работы.

При решении проблемы дефицита мест акцент сегодня делается на развитии частного сектора, а также на изменениях в законодательстве, увеличивающих «пропускную способность» учреждений. Меняются условия хозяйствования: принят закон, расширяющий экономическую самостоятельность и ответственность бюджетных учреждений, стимулирующий их к привлечению внебюджетных средств [9], внедрен механизм нормативно-подушевого финансирования. В системе оплаты труда повышена роль стимулирующих надбавок, внедряется институт «эффективного контракта», делающий взаимоотношения работника и работодателя еще более индивидуализированными. Утвержден государственный стандарт дошкольного образования, изменяются

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 13–06–00273 и АНО «Совет по управлению и развитию».

требования к нормам санитарно-гигиенического и строительного характера. Принят новый закон «Об образовании», предусматривающий новые формы дошкольного образования, изменяющий порядок оплаты услуг дошкольных учреждений [2].

В нашем исследовании мы попытались выяснить, как все эти меры сказываются на доступности дошкольного образования для жителей типичного российского города и на его качестве[1]. С этой целью в большую анкету для массового опроса домохозяйств (объем выборки – 500 ед.) было включено несколько вопросов для семей с детьми дошкольного возраста, направленных на получение информации об охвате детей дошкольным образованием, оценке семьями его доступности и качества. Кроме того, было проведено 29 глубинных структурированных интервью с родителями дошкольников, руководителями дошкольных учреждений; представителями местных органов власти, а также 4 фокус-группы с родителями детей дошкольного возраста. При разработке инструментария для полевых исследований, кроме упомянутых изменений правового характера, учитывались результаты наших предшествующих исследований, посвященных переходу учреждений социальной сферы на работу по закону № 83-ФЗ (2012 г.); работе московских школ (2012–2013 гг.); мониторинга СМИ по проблемам московского образования (2012–2013 гг.); реализации в трех регионах России так называемых «майских указов» президента РФ о повышении заработной платы школьных учителей до размера средней заработной платы по региону (2013 г.)

Стоить заметить, что возможности общения с руководителями муниципальных дошкольных учреждений были ограничены. Официально осуществить контакт с ними можно было только с санкции городского Управления образованием, которое сузило круг общения лишь тремя директорами детских садов, притом, что, исходя из задачи представительности результатов, мы просили о возможности посетить по несколько детских садов каждой из трех категорий. Поэтому полноту информации пришлось восполнять на основе неформальных контактов.

О ситуации с количественными показателями дошкольного образования в Таганроге говорят следующие данные. На 1 сентября 2013 г. в городе работали 56 учреждений, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования (из них 54 – муниципальные), которые посещали 9408 детей. Охват детей составлял 68 %, в силу чего наблюдалась серьезная очередь в 7793 ребенка, из которых абсолютное большинство – дети ясельного возраста (5785 чел.) [5]. И, согласно прогнозам, в ближайшие годы, вследствие мер, принятых с целью повышения рождаемости, ситуация должна еще сильнее обостриться [7].

[1] В качестве объекта исследования выступал город Таганрог Ростовской области, выбранный в качестве типичного российского города еще в 1968 г. в рамках лонгитюдного исследования «Таганрог», реализация которого продолжается до сих пор.

Городские власти пытаются решить проблемы дефицита мест мерами экстенсивного (строительство новых детских садов и возвращение городу зданий бывших детских садов) и интенсивного (использование уже имеющихся площадей для организации групп кратковременного пребывания и дополнительных групп полного дня в дошкольных учреждениях, организации дошкольных групп на базе общеобразовательных школ) характера. Кроме того, дан старт развитию частных дошкольных учреждений в форме «центров времяпрепровождения» (эта форма признана приоритетной) и семейных дошкольных групп на базе дошкольных учреждений [1, с. 50]. Однако соотнесение прироста мест (в 2013 г. – 357 мест, в 2014 г., по плану – 539) с очередью свидетельствует, что темпы недостаточны.

Данные, полученные в ходе анкетного опроса, подтверждают востребованность услуг муниципальных дошкольных учреждений. Так, в семьях, где хотя бы один ребенок посещает дошкольное учреждение[1], это в 85 % случаев муниципальный детский сад. Доля детей, посещающих группы кратковременного пребывания – порядка 1 %. Ни одной семьи, чьи дети посещают частное дошкольное учреждение, в репрезентативную для города выборку не попало. В то же время, в 14 % попавших в выборку домохозяйств ребенок не посещает дошкольных учреждений и чаще всего (указано 35 % родителей) – из-за отсутствия мест в муниципальных детских садах; вторая по числу упоминаний причина – возраст ребенка (29 %), что может трактоваться двояко: без особой нужды родители и сами не стремятся отдавать малышей в ясли, но и ясельные группы – наиболее дефицитны.

Дефицит мест – ключевая проблема:

«Дефицит детских садов настолько острый, что вопрос уже не в том, когда надо начинать записываться в очередь, а в том – когда надо... родить» [Руководитель, муниципальный детский сад, И–5] [2].

«Сейчас главная проблема – даже не качество детских садов, а чтобы вообще туда попасть» [Родитель дошкольника, И–29].

«Мы не попали в сад, потому что не подошла очередь. Хотя есть льготы, потому что первый ребенок – инвалид. Просто проигнорировали» [Родитель дошкольника, ФГ–2].

Попытки городских властей решить проблему дефицита мест заметны, однако нередко это идет в ущерб качеству услуг – когда ради расширения площадей под новые группы в детских садах изымаются помещения, предназначенные для развития детей:

«У нас в детском саду был свой достаточно большой спортзал – его перепланировали, сделали санузел и сделали еще одну группу» [Родитель дошкольника, ФГ–1].

---

[1] В семье может быть более одного дошкольника, однако для целей исследования был, прежде всего, важен сам факт наличия опыта взаимодействия домохозяйства с учреждениями дошкольного образования.

[2] В скобках указана группа, к которой относится респондент, чье высказывание приводится. Буквой «И» обозначено индивидуальное интервью; буквами «ФГ» – фокус-группа.

Финансовая сторона вопроса: когда дети не ходят в детский сад, налицо недополучение семьей дохода – зарплаты одного родителя, но и когда ходят – расходы, включающие в себя не только базовую оплату услуг муниципального детского сада (порядка 1 тыс. руб.), но и затраты на платные услуги. По нашим данным, для 6 % домохозяйств именно стоимость услуг – причина непосещения детьми детского сада:

«Когда первый ребенок ходил в сад (ему сейчас 10 лет), начинали с 300 рублей, закончили на 450-ти. Но тогда это было 20–30 %, так как муниципалитет оплачивал 80 % или 70 %. Сейчас это отменят, и получится, как минимум, в районе 1500–2000 рублей в месяц» [Родитель дошкольника, И–23].

Важно: в платные услуги переводятся не только «роскошества», но и минимальная подготовка к школе. Не все семьи могут ее оплатить:

«То, что нужно к школе – научить считать-писать – это все платно. Кто-то из детей ходит, кто-то не ходит…» [Родитель дошкольника, И–28].

«…Все, что нам государство обещает бесплатно, все равно все делают платным» [Родитель дошкольника, И–18].

Прозвучала информация об упразднении категорий у муниципальных детских садов и, что еще важнее, их массовом переводе из дошкольных учреждений с обязательной образовательной функцией в дошкольные учреждения по присмотру и уходу за детьми:

«Наша воспитательница рассказывала нам на собрании, что она проходила аттестацию на следующие 5 лет. И сказала, что воспитателям запретили готовить детей к школе…» [Родитель дошкольника, И–18].

«Наслышаны, что устраняют обязательную образовательную функцию у садов. Теперь по закону «Об образовании» это будут платные услуги» [Родитель дошкольника, И–23].

В то же время заведующая муниципальным детским садом, встреча с которой была санкционирована Управлением образованием, утверждает, что, по сути, ничего не изменится – просто образовательный процесс будет идти не в форме занятий, а в процессе общения воспитателя с детьми:

«Может, и к лучшему, что убирают понятие “занятие”. Основное – научить ребенка добывать знания. Это и есть развивающее образование. Ведь не столь важно образование “от 13:00 до 14:00” – это лишь формализует образование. Образовательная функция должна быть растворена в течение всего дня: учат, когда гуляют, учат, когда одеваются, учат, когда обедают и т. д. Образовательная функция все равно остается».

«Мамы не правы, считая, что не останется детских садов с обязательной образовательной функцией. Образовательная функция, безусловно, сохраняется. Детский сад – прежде всего, образовательная организация, что официально прописано в документах. Детский сад – первая ступень образования, что также прописано официально в законе “Об образовании”. Что же касается изменения названия детских садов – появления слов “с функцией присмотра и ухода”, то это больше касается финансирования. Образовательная

функция будет по-прежнему финансироваться в форме субвенций из областного бюджета, а функция по уходу и присмотру – из местного бюджета (как и средства на содержание зданий и помещений) и внебюджетных источников (доходы от дополнительных платных услуг и т. п.). И хотя в новом законе "Об образовании" устраняется понятие "занятие", это не приведет к отмене обязательной образовательной составляющей – детские сады остаются образовательными учреждениями» [Руководитель, муниципальный детский сад, И–5].

Что касается стандартов, то, по словам нашей собеседницы, ФГОС для дошкольного образования сохраняет базовые знания, которые должен получить ребенок, посещая детский сад. При этом *«на выходе любой работы педагога проводится диагностика»*: в детском саду должно быть разработано Положение о системе контроля, включающей в себя самоконтроль педагогов и контроль за ними со стороны специально созданной группы педагогов высшей квалификации. Отмена же категории означает необходимость получения детским садом лицензии на дополнительную образовательную деятельность, которая раньше не требовалось, т. к. в садах 1-й категории кружки были включены в образовательную программу. При этом наша собеседница подчеркивала, что платным может быть лишь то, что выйдет за пределы образовательной программы, которая еще не утверждена. И детским садам, чьи программы не будут утверждены к новому учебному году, придется вновь проходить лицензирование на право образовательной деятельности:

«Отмена категорий приведет к тому, что теперь наш детский сад должен будет заново получать лицензию на проведение дополнительной образовательной деятельности. В рамках образовательной программы все будет также бесплатно, как и было. А платным может быть только что-то сверх программы – как некий "плюс". Программа еще не утверждена официально. Однако уже есть примерный план, и в него программа нашего детского сада включена… А те детские сады, программы которых утверждены не будут (уже сейчас не включены в план), вынуждены будут заново пройти лицензирование» [Руководитель, муниципальный детский сад, И–5].

Таким образом, сегодня главный вопрос: что будет включать в себя бесплатный сегмент. Представляется, что именно совокупность вышеупомянутых законодательных и организационных изменений вкупе с общим нацеливанием учреждений социальной сферы на предоставление платных услуг и рождает предположения о грядущем росте платности, в том числе в отношении самого важного.

В то же время не все родители разделяли подобные опасения. В одних случаях это объяснялось тем, что в конкретных детских садах тенденции платности еще не столь зримы (опрос проходил летом 2014 г. – лишь в преддверии нового учебного года), в других – надеждами на общий разворот в положительную сторону, связанными с выступлениями руководства страны:

«Затрудняюсь ответить, придется ли дополнительно платить за образовательные занятия и в муниципальном детском саду. Да, сейчас все ста-

ло платным, но в последнее время тенденция повернулась в другую сторону. И Путин постоянно об этом говорит. Для русского языка вводят дополнительные часы, и театры с библиотеками активно развиваются...» [Родитель дошкольника, И–7].

«Мы довольны. Ребенок к подготовительной группе знает буквы, знает счет. Все бесплатно. Ни в каких платных программах мы не участвуем. У нас их и нет» [Родитель дошкольника, И–20].

При недоступности муниципальных детских садов у семей могут быть следующие альтернативы: принятие функций присмотра и образования полностью на себя; приглашение няни; посещение частного дошкольного учреждения, учреждений дополнительного образования, подготовительных курсов при школах. Однако эти варианты многими также расцениваются как малодоступные. Уровень зарплат в городе в основном не позволяет родителям переходить на частичную занятость либо обеспечивать всю семью за счет зарплаты одного работающего родителя. Многие респонденты ставили вопрос о компенсации, выплачиваемой, если ребенок не попадает в муниципальное учреждение. Однако пока что этого нет, хотя местная власть обращалась с таким предложением на уровень региона:

«В Таганроге нет даже разговоров о компенсации за непосещение ребенком детского сада. Здесь это даже не обсуждается. Хотя я слышала, что в других районах есть такие компенсации. Вроде и по закону они положены. Но у нас – ничего не положено» [Родитель дошкольника, И–25].

«К сожалению, наш субъект РФ пока не принял никаких подобных решений. В муниципальном саду ребенок государству обходится примерно в 10–15 тыс. рублей. Доплата предполагается порядка 5 тыс. рублей – чтобы эти деньги можно было потратить на частный детский сад, который оплачивают сами родители. Плата по 10–12 тыс. рублей ежемесячно для нашего города существенная – когда зарплаты по 15–17 тыс. рублей. Знаю, что в ГорОНО инициировали такое письмо в Область – просили рассмотреть» [Представитель органа местного самоуправления, И–1].

Идею компенсационных выплат родителям при отсутствии мест в муниципальных детских садах поддерживают и руководители частных дошкольных учреждений, полагая такой способ решения проблемы взаимовыгодным для всех трех сторон: семей, государства и частного сектора:

«По большому счету, государству выгоднее вкладывать в частные детские сады. Когда просчитывается стоимость нахождения ребенка в муниципальном детском саду и в частном детском саду – это земля и небо. Эта сумма – раза в два дешевле. Дайте людям возможность выбирать!» [Руководитель, частный детский сад, И–4].

Как недоступный в силу дороговизны расценивается и вариант посещения частного детского сада:

«Частные детские сады недоступны. Да и муниципальные становятся все менее доступными, потому что собирают деньги за дополнительные услуги.

Так, в муниципальном детском саду стоимость, например, 700 рублей, а потом «набегает» около 2 тыс. А зарплата в городе – 10–15 тыс., хотя реально в среднем 10 тыс. В частных детских садах оплата – 10–15 тыс.» [Родитель дошкольника, И–29].

В результате родителям приходится вырабатывать смешанные стратегии. В отдельных случаях подспорьем становится «подпольный» детский сад:

«Этот детский сад – на дому. Все это неофициально. Водили в 3 года, пока в 4 года нам не дали муниципальный детский сад. Используют, когда и на работу хочется выйти, и ребенка не можешь оставить. Руководители сада – сами родители – не хотели регистрироваться, потому что это налоги. Так мы платили по 7 тыс., а если бы они зарегистрировались, то платили бы 10 тыс.» [Родитель дошкольника, И–28].

Особенно серьезный дефицит составляют места в яслях, причем усугубила проблему поставленная перед регионами цель «обеспечить… достижение к 2016 году 100 % доступности дошкольного образования для детей в возрасте от трех до семи лет» [8]. В условиях недостаточности средств многие регионы пытаются достичь этого показателя и за счет перепрофилирования яслей в группы для детей от 3 лет:

«Ясельные группы появились как раз в тот момент, когда мы почти выросли из этого возраста. Но в них попасть вообще нереально. Нас взяли в ясельки после того, как я там устроила скандал. Опять же: даже ясельные группы – с 2 лет. А полгода что делать?» [Родитель дошкольника, И–25].

«Основная проблема: нет мест в детских садах для детей с 1,5 до 3 лет. Очень сложно попасть. Хотя должны быть бюджетные места, какие-то льготные категории. Поэтому мамочки вынуждены сидеть с детьми до 3 лет и дольше» [Родитель дошкольника, И–28].

Исследование также выявило дефицит дошкольных учреждений для детей с ОВЗ, отсутствие необходимой дифференциации в соответствии с заболеваниями детей, превышение нормы по числу детей в группах:

«Есть один специализированный муниципальный и один специализированный частный детский сад. Причем этот единственный сад – узкоспециализированный: только для умственно отсталых. А у нас диагнозы: и аутизм, и даунята и др. А группы одинаковые: всех пихают в одну среду» [Родитель дошкольника, ФГ–2].

«Этот детский сад – единственный в городе для детей с нарушениями зрения. Вообще у нас специализация – амбиопия и косоглазие, но сейчас диагнозы у детей усложнились. Наш врач – тоже единственный в городе… Очередь в наш сад большая. Если раньше у нас было 2 группы (мы открылись еще в 1972 году), то сейчас – 5. И очередь. И если норма – 10 человек в группе, то у нас в группах – по 18–20 человек» [Руководитель, специализированный детский сад, И–9].

Важно заметить, что эффективна только своевременная медпомощь. Дополнительный удар по будущему детей с ОВЗ наносит и закрытие медицин-

ских учреждений, информирующих родителей о наличии в городе специализированных дошкольных учреждений и направляющих в них детей на коррекцию:

«Закрыли кабинет охраны зрения. И весь город остался без лечения… Наш детский сад рекомендовал врач. А ведь многие даже не знают, что мы существуем… Даже в 6 лет это уже загубленный для лечения ребенок. Самое эффективное лечение – с 3 до 5 лет. Не могу понять, почему закрыли» [Руководитель, специализированный детский сад, И–9].

Сегодня образовательные услуги включены в список приоритетных видов деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства [4]; в региональном бюджете предусмотрены субсидии предпринимателям на создание центров времяпрепровождения детей (эта форма признана приоритетной) и дошкольных образовательных центров [3]. С целью создания условий для развития сети негосударственных дошкольных учреждений в городской администрации создана межведомственная рабочая группа [6]. Кроме прочего, эти меры – еще и способ выведения «частников» из тени:

«…принято было решение разработать формы поддержки для создания и развития центров времяпрепровождения деток. Почему не детских садов, а "центров времяпрепровождения"? У детского сада – образовательная функция, необходимо получение лицензии. А организация "времяпрепровождения" деток – это обеспечение гигиены, режима дня и т. п., то есть функция присмотра. В настоящее время проходит пилотный проект по их внедрению. Поддержка идет из средств бюджета области… Не секрет, что у нас много детских садов, которые не зарегистрированы как малые предприятия. И мы стараемся этими субсидиями, этой помощью вывести людей из "тени"» [Представитель органов местного самоуправления, И–1].

Некоторые респонденты уже воспользовались поддержкой. И в целом расценивают происходящее как заметный поворот в политике государства.

Приоритет в развитии именно центров времяпрепровождения связан со сложностью получения образовательной лицензии, причем не в силу проблем с образовательной составляющей работы, а потому, что при открытии к образовательному учреждению предъявляются повышенные и изменяющиеся требования со стороны надзорных органов, что оборачивается потерями не только времени, но и денег. Да и проверки групп присмотра и ухода на разного рода безопасность проходят в более щадящем режиме, хотя это трудно объяснить:

«Образовательную лицензию получить очень тяжело. Потому что очень сложно получить пожарную лицензию…»

«Нас проверяют по схеме частного детского сада. А если группа присмотра и ухода, то это другие, гораздо более низкие требования. Мой муж удивляется этому, так же, как Вы. Потому что получается: "Там, где дети, которые умеют читать, нужно тушить пожар. Если читать не умеют, тушить не будем!" Почему так – непонятно…» [Руководитель, частный детский сад, И–4].

В ходе анкетного опроса представители домохозяйств, имеющих ребенка (детей) дошкольного возраста, оценили качество услуг дошкольных учреждений, которые посещает ребенок (дети), следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. **Оценка домохозяйствами качества работы дошкольных учреждений**

Позиция	Доля домохозяйств с детьми-дошкольниками, выставившими данную оценку, % от числа домохозяйств			
	Хорошо	Удовлетворительно	Неудовлетворительно	Итого
Условия содержания детей (площадь и число помещений, их состояние и т. п.)	67	33	–	100
Питание	72	28	–	100
Количество детей в группах	71	24	5	100
Обеспечение безопасности детей	72	25	3	100
Качество обучения детей, их развитие	66	28	6	100
Квалификация персонала	74	20	6	100
Отношение персонала к детям	86	13	1	100
Доступность логопедической помощи	45	22	33	100

В целом качество услуг оценивается достаточно высоко: доля семей, оценивших качество услуг на «тройку», – на уровне $^1/_5$–$^1/_3$. Примечательно, что максимальное число оценок «хорошо» досталось позициям, характеризующим персонал дошкольных учреждений – его отношение к детям и квалификацию. Похоже, что именно человеческий фактор во многом демпфирует негативные тенденции в виде роста числа детей в группах, снижения доступности именно образовательных услуг и т. п.

В то же время анкетный опрос высветил и серьезную проблему – резкое снижение доступности логопедической помощи: треть семей оценила доступность логопедической помощи на «2» и еще пятая часть – на «3». Интервью и фокус-группы позволили более детально разобраться в причинах этой, явно тревожащей жителей Таганрога, проблемы:

«Логопед платный. Повезло, когда в ясельки пошли: последний год он был бесплатно – было положено держать в штате. А потом по новому закону перевели на хозрасчет, платят только за содержание, все остальное, любой шаг в сторону, все – платно» [Родитель дошкольника, И–25].

«...возможности попасть именно к логопеду в своем детском саду, и того, чтобы она уделила нужное время и сделала все, как надо, не было – не хватало часов. Потому что нагрузки у них маленькие – тоже, чтобы им меньше платить. Поэтому они, в основном, занимаются частным образом» [Родитель дошкольника, И–18].

«...прошлой весной (2013 г.) из детских садов убрали ставку логопеда. Это решение федерального уровня: Министерство образования приняло соответствующее Положение... Специализированные сады по этой части в городе тоже есть, пара, – они хорошие, но я имею в виду просто логопедическую коррекцию. Услуги-то продолжают оказываться, но на платной основе:

обычно 300 рублей за 45 минут. Далеко не каждый может себе позволить. И заниматься надо минимум 3 раза в неделю. И не неделю, не месяц, а постоянно – если хотите добиться результата» [Родитель дошкольника, ФГ–2].

Таким образом, в основе снижения доступности логопедической помощи – сначала сокращение штатов логопедов, малое количество часов работы в детском саду. А теперь – и вовсе упразднение ставки логопеда в обычных детских садах. В новых условиях работа строится так: ребенка с проблемами речевого развития направляют в созданную в городе ПМПК, которая, при необходимости, направляет ребенка в специализированный детский сад. Когда на весь город – только два специализированных детских сада, дети с относительно нетяжелыми проблемами туда попасть не могут. Бесплатные логопеды в поликлиниках не способны справиться с имеющимся спросом, тем более, что и там идет существенное сокращение штатов. В результате многие семьи вынуждены отказываться от эффективной логопедической коррекции, что скажется на успешности учебы в школе.

Несмотря на небольшое число семей, поставивших двойку «качеству обучения детей, их развития» (6 %), на этой проблеме стоит остановиться – все-таки после «логопедической помощи» именно «качество обучения» получило менее всего оценок «хорошо». Чем недовольны семьи и чем они объясняют негативные тенденции, выяснилось в интервью и фокус-группах:

«В саду просто следили за тем, чтобы не разбежались. К школе сад никак не готовит. Вывели их на улицу, построили и они просто играют. Там все – в ограниченном количестве: группа – вот ее квадратик, они там и сидят. Если балуются, воспитатель на лавочку посадит, и сиди там. Лишь бы за забор не убежал» [Родитель дошкольника, И–21].

«Для меня было удивлением, когда в прошлом году на лекциях мы узнали, что детский сад – это место, где осуществляется уход и присмотр. Все! Какой тогда смысл в дележке на эти категории? Так сейчас во всех детских садах: “детский сад не обязан заниматься развитием”. То есть, все, что они делают, – по их собственному желанию. Потому что сейчас даже логопедические кружки убрали из общей системы развития в детском саду и перевели их на лицензию» [Родитель дошкольника, И–24].

В то же время часть респондентов полагает, что всем основным навыкам, включая чтение и письмо, дети должны учиться в школе:

«Сейчас садики больше несут оздоровительную функцию: массаж и все такое. Насчет образования я не знаю и думаю, что это вообще очень редко. Когда я шла в школу, меня никто на подготовительные курсы не отдавал. Мы приходили в школу и нас там всему учили. Что-то элементарное, что нужно было знать для школы, – знали. Сейчас же длительность образования продлили до 12 лет, но ребенок должен прийти в школу полностью подготовленный. Зачем тогда 12 лет обучения?» [Родитель дошкольника, И–29].

Среди других недостатков: проблемы безопасности; низкая квалификация персонала; рост числа детей в группах:

«Напихали сады, СанПины непонятно какие придумали! В первый год у нас было еще по старым СанПинам – 20 человек в группе и 2 воспитателя, а сейчас 30 человек. И сейчас ходят меньше, чем тогда, потому что больше болеют. Они напихали их, как селедок – в бочки. Раньше общая площадь игровой комнаты была рассчитана на ребенка. А сейчас про общую площадь не знаю: мало того, что их – 30 человек, спальных мест нет, ставят двухэтажные кровати там, где не предназначено. Допустим, есть садики, где изначально были предусмотрены двухэтажные кровати, там все просчитано, выдвигается, бортики. А нам поставили деревянные, вторые этажи надстраивают, бортик – вот такой вот. Как может воспитатель ловить каждого, если их несколько лежит на вторых этажах?! Вообще, конечно, жуть. Вообще не думают о безопасности» [Родитель дошкольника, И–25].

Еще одна новая проблема связана с непродуманной и не обеспеченной всем необходимым инклюзией, негативно сказывающейся как на детях с ОВЗ, так и на здоровых детях, что признают и работники детских садов:

«Инклюзия – это полный бред, потому что дети не готовы, а особенно не готовы родители… Мой ребенок знал, что такое инвалид, поскольку у него есть такой брат, а другие дети не знали. И когда пришел ребенок-инвалид, дети начали на него бросаться. Это – истребление и это – неправильно» [Родитель дошкольника, ФГ–2].

«Диагноз нам поставили в 4–5 лет. Тогда уже начались проблемы: “По вашему диагнозу вам нужен специализированный сад”. Это только 67-й. Мы встали на очередь – года два ждать. Нам за это время в обычном саду: “Водите поменьше, забирайте пораньше. Он мешает другим деткам”. Выживали, как могли» [Родитель дошкольника, ФГ–2].

«У нас есть такой ребенок. Он никогда не поиграет – просто возьмет игрушку и ударит по голове. И тот ребенок идет домой с “шишаком” или с фингалом, или укусанный. А та мама говорит: “У меня с ребенком – все хорошо. Это ваши дети – придурки и идиоты”. На собрании все родители всколыхнулись: “Надо же какие-то меры принимать! Как так: один пришел поцарапанный, второй – укусанный, третий – с вырванным клоком волос”. Или: ребенок спокойно ест, а тот взял ложкой каши попал в глаз ребенку» [Воспитатель в муниципальном детском саду, И–2].

«Была идея – создать в саду отдельную группу для детей-инвалидов. Но не смогли добрать нужного количества и поместили их в обычные группы. Для детей-инвалидов – это, наверно, хорошо: они будут адаптироваться. А для моего ребенка – не очень, потому что он – в таком возрасте, когда активно все перенимает – подражает и в движениях, и в речи, и в реакциях, но не может пока оценить, хорошо это или плохо. А это такой возраст, когда формируется поведение на всю жизнь!» [Родитель дошкольника, И–7].

Таким образом, исследование выявило ряд негативных тенденций, остроту которых в той или иной степени смягчает лишь человеческий фактор. Это, прежде всего: дефицит мест в муниципальных дошкольных учреждениях,

особенно – в яслях; резкий рост затрат семей на дополнительные платные услуги, в которые переводится и подготовка к школе; массовый перевод детсадов в учреждения лишь по присмотру и уходу; усугубляющийся дефицит учреждений для детей с ОВЗ; резкое снижение доступности логопедической помощи, что негативно скажется на развитии подрастающего поколения; общее снижение качества обучения и развития детей в дошкольных учреждениях; проблемы, порождаемые как для детей с ОВЗ, так и для здоровых детей непродуманной и не обеспеченной всем необходимым (в частности, тьюторами для детей-инвалидов) инклюзией.

Литература

1. О социально-экономическом состоянии г. Таганрога за 2013 год : справочный материал [Электронный ресурс]. – Таганрог, 2014. – Режим доступа: http://tagancity.ru/uploads/documents/economy/analitika/sprav.2013god.pdf, свободный. – Дата доступа: 20.10.2014.

2. Письмо Минобразования РФ от 27 сентября 2012 г. № 08-406 «Об организации семейных дошкольных групп в качестве структурных подразделений ДОУ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_151521/, свободный. – Дата доступа: 20.10.2014.

3. Порядок предоставления субсидий регулируется Постановлением Правительства Ростовской области от 14.11.2013 г. № 698 «О финансовой поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства, оказывающих услуги по уходу и присмотру за детьми дошкольного возраста» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=124075, свободный. – Дата доступа: 20.10.2014.

4. Постановление Администрации г. Таганрога от 13.11.2009 № 5542 «О Долгосрочной целевой программе развития субъектов малого и среднего предпринимательства в г. Таганроге на 2010–2014 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW186;n=30336, ограниченный. – Дата доступа: 20.10.2014.

5. Постановление Администрации г. Таганрога от 17.10.2013 г. № 3280 «Об утверждении муниципальной программы города Таганрога «Развитие образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tagancity.ru/uploads/documents/admin/programm/2013-10-17-p-3280.pdf, свободный. – Дата доступа: 20.10.2014.

6. Постановление Администрации города Таганрога от 24.06.2014 №1916 «О создании межведомственной рабочей группы по созданию условий для развития сети негосударственных дошкольных образовательных учреждений города Таганрога» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tagancity.ru/uploads/documents/admin/postan/2014/2014-06-24-p-1916.pdf, свободный. – Дата доступа: 20.10.2014.

7. Решение Городской Думы г. Таганрога от 26.07.2012 г. № 455 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Муниципального образования «Город Таганрог» на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://old.tagancity.ru/docs/gorod/economika/inv/n-24.09.2012-1.pdf, свободный. – Дата доступа: 20.10.2014.

8. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html, свободный. – Дата доступа: 20.10.2014.

9. Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ (ред. от 04.10.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169449/, свободный. – Дата доступа: 20.10.2014.

O. A. ALEKSANDROVA, Y. S. NENAKHOVA

PRESCHOOL EDUCATION IN A TYPICAL RUSSIAN CITY

Summary

The article analyzes the problems of pre-school education in a changing legal landscape, caused by deficiency of preschool institutions, increasing the share of extra-budgetary funding sources, the transition to a normative per capita financing and the new wage system, the introduction of new Federal State Educational Standard, the change of the status of pre-school institutions, and others. The analysis is based on the results obtained in the framework of the research project «“Taganrog-2” – a Quarter of a Century Later».

Keywords: preschool education, access to education, quality of education, human potential, normative per capita financing, Federal State Educational Standard.

Поступила 27.10.2014 г.

УДК 330.341(470.12)

М. А. ЮРЕВИЧ,
старший научный сотрудник РИЭПП,
аспирант Института экономики РАН, г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

В статье рассматриваются основные особенности формирования системы трансфера технологий в России. Главное внимание уделяется вопросам, связанным с инфраструктурной и институциональной средой создания и внедрения инноваций. Автором выделяются важнейшие проблемы, препятствующие развитию инновационной экономики, а также формулируются предложения, направленные на оптимизацию трансфера технологий в РФ.

Ключевые слова: трансфер технологий, научно-техническое сотрудничество, инновационная инфраструктура, институциональная среда инноваций.

Одним из необходимых условий успешности использования бизнесом результатов интеллектуальной деятельности (РИД) научных организаций и вузов выступает создание и поддержание процесса трансфера технологий на национальном уровне. Согласно Гражданскому кодексу РФ (ст. 1542), «трансфер технологии – передача технологии, которая оформляется путем заключения двухстороннего или многостороннего договора между физическими и/или юридическими лицами, которым устанавливаются, изменяются или приостанавливаются имущественные права и обязательства относительно технологии и/или ее составляющих» [1][1]. В зависимости от типов лицензиаров и лицензиатов выделяют внутренние и внешние трансферы технологий, последние могут происходить на микро- и макроуровне [2]. С точки зрения этапов трансфера технологий передача РИД осуществляется по следующей схеме (рис. 1).

Ключевое значение для российской экономики имеют внешние трансферы технологий на микроуровне, или передача результатов интеллектуальной деятельности из НИИ и вузов в коммерческие компании. Реализация этого процесса происходит двумя путями: 1) технология создается учеными, а затем они же занимаются ее коммерциализацией (например, при поддержке технопарков или посредством создания малых инвестиционных предприятий при вузе [4]); 2) разработчики технологии осуществляют ее продажу уже действующему предприятию. Соответственно в качестве главных факторов,

[1] Учитывая большое количество трактовок термина «трансфер технологий» [3], во избежание его некорректной интерпретации автор статьи четко придерживается определения этого понятия, данного в ГК РФ.

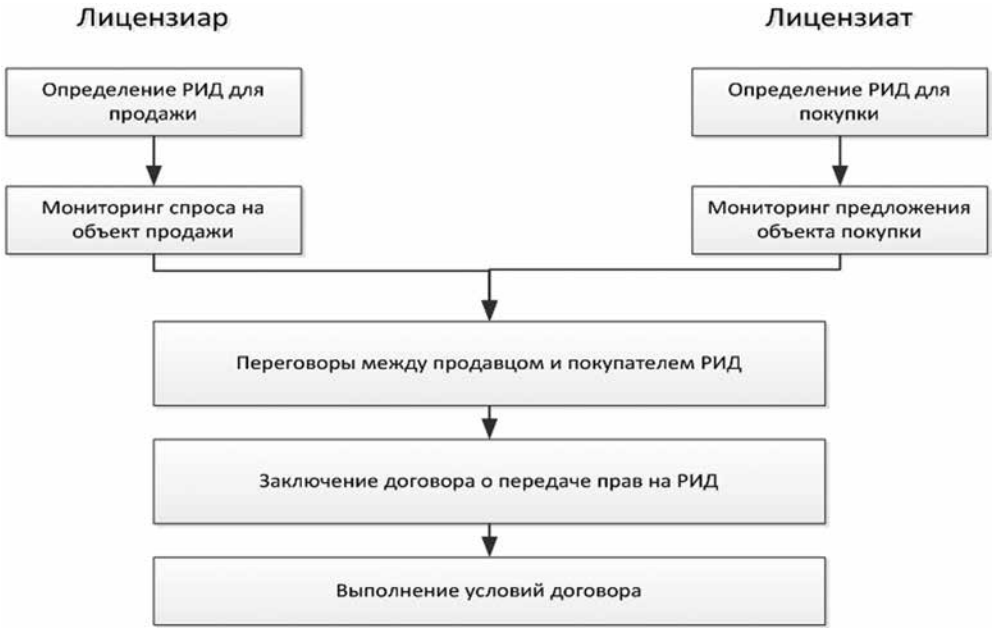


Рис. 1. Этапы трансфера технологий

стимулирующих трансфер технологий на уровне «наука–бизнес», выступают в первом случае инфраструктурные, а во втором – институциональные.

Создание инновационной инфраструктуры позволяет исследователям не только получать доступ к современной приборной базе (центры коллективного пользования, технопарки, бизнес-инкубаторы и т. п.), но и пользоваться поддержкой в области консалтинга (инновационные центры, центры трансфера технологий) и поиска инвесторов (венчурные и другие фонды). Важным институциональным условием трансфера технологий является системное законодательство в сфере интеллектуальной собственности, что обусловливается сущностью самого трансфера технологий, заключающейся именно в передаче имущественных прав на РИД. Кроме того, значимый положительный эффект на процесс внедрения инноваций имеют особые экономические зоны и региональные инновационные кластеры, которые генерируют этот эффект благодаря существующим в них льготным налоговым режимам, ослабленным бюрократическим барьерам бизнес-деятельности и т. п. Роль инновационной инфраструктуры и институциональной среды в инновационном процессе схематически представлена на рис. 2.

За последние десятилетие государство предпринимало различные меры, направленные на развитие инновационной инфраструктуры и институциональной среды. Хотя некоторые меры имели ощутимый экономический эффект, реализация большинства из них не увенчалась успехом и не принесла ожидаемых результатов. Накопленный позитивный опыт, равно как и причины

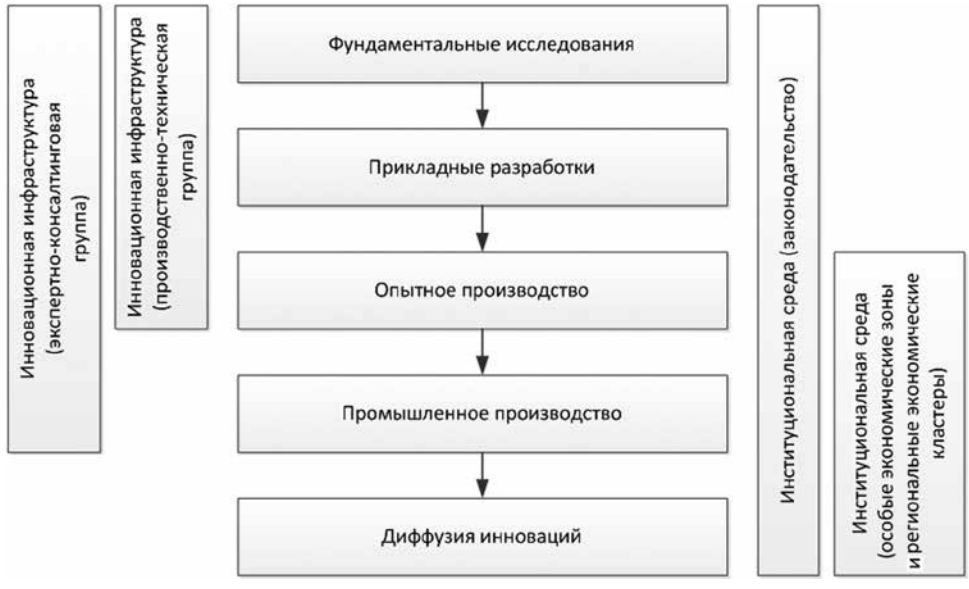


Рис. 2. Воздействие инновационной инфраструктуры и институциональной среды на инновационный процесс

неудач государственных инициатив в этой сфере, нуждаются в тщательном анализе, результаты которого будут содействовать определению общих принципов эффективности инструментов стимулирования трансфера технологий в России, а также выработке предложений по их оптимальному внедрению.

Создание инфраструктуры трансфера технологий в РФ

Процесс создания российской инновационной инфраструктуры вошел в активную стадию около 20 лет назад. Государством были реализованы масштабные программы по созданию центров трансфера технологий (ЦТТ), технопарков (ТП), поддержке формирования малых инновационных предприятий (МИП) при вузах и других объектах инновационной инфраструктуры. Первые элементы инновационной инфраструктуры, способствующей трансферу знаний, появились в России в начале 1990-х гг.: научно-технологические парки и бизнес-инкубаторы в Москве, Томске и Зеленограде. В середине 1990-х гг. возникло несколько ТП на базе государственных научных центров и ряд региональных ТП. Значимым этапом развития инновационной инфраструктуры было создание сети информационно-технологических центров (ИТЦ) в конце 1990-х – начале 2000-х гг. (в 2004 г. насчитывался 61 ИТЦ) [5]. Деятельность этих центров была сконцентрирована на поддержке МИП, успешно прошедших этап создания, путем оказания им содействия в области поиска партнеров в промышленном секторе.

В 2003–2006 гг. различными федеральными органами государственной власти (ФОИВ) (Минпромнауки, Минобразования, Роснаука, Рособразование)

было профинансировано формирование 86 ЦТТ на сумму 183 млн руб. Результаты деятельности этих центров можно считать вполне успешными: в 2006 г. осуществлена коммерциализация 369 технологий, из них продано 62 технологии на сумму 11 млн руб., создано 238 МИП.

Параллельно с государственной программой в России развивалась «Российская сеть трансфера технологий» (РСТТ), члены которой добровольно вступали в это объединение. На данный момент членами Сети являются более 50 объектов инновационной инфраструктуры [6], специализирующихся в области трансфера технологий в России и странах СНГ. Характерной чертой функционирования РСТТ является ее активное взаимодействие с зарубежными партнерами, в особенности с участниками Европейской сети поддержки предпринимательства.

В 2006 г. для укрепления производственной инфраструктуры была запущена Государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» [7], которая была продлена до 2014 г. Результатами программы стало строительство 7 технопарков в различных регионах России, а к концу 2014 г. в планах стоит введение в эксплуатацию еще 6 объектов. На данный момент финансирование программы составило более 11 млрд руб., а за все время действия программы выручка компаний-резидентов достигла порядка 80 млрд руб. и создано около 12 тыс. рабочих мест [8]. Вместе с тем по итогам анализа реализации Программы в период 2007–2012 гг. только 3 технопарка выполнили плановые показатели не менее, чем на 75 %, что является крайне низким результатом [9].

В целях обеспечения инновационной инфраструктурой исследователей в секторе ВПО было реализовано Постановление Правительства РФ № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» [10] с общим бюджетом на 2010–2012 гг. в 8 млрд руб. В результате проведенного конкурса было поддержано 56 вузов, финансирование одного проекта доходило до 150 млн руб.

Следующей перспективной инициативой Минобрнауки РФ и Минпромторга РФ является Программа создания центров инжиниринга и промышленного дизайна при ведущих технических вузах России. Проект рассчитан на 5 лет с общим финансированием свыше 5 млрд руб. Согласно этому документу, самым значимым мероприятием с точки зрения стимуляции трансфера технологий должно стать «…создание и (или) обеспечение региональных центров инжиниринга, как объектов инфраструктуры, в интересах интенсификации внедрения наукоемкой конкурентоспособной продукции субъектами малого и среднего бизнеса, направленной на удовлетворение потребностей региональных рынков» [11].

Таким образом, в России на государственном уровне уделяется большое внимание созданию инфраструктуры, благоприятствующей инновационной деятельности и в том числе трансферу технологий из науки в бизнес. Однако влияние осуществляемых мер можно оценить как достаточно ограниченное.

Например, одной из главных задач развития инновационной инфраструктуры является увеличение доли инновационно активных предприятий в общем числе компаний, но, согласно статистике, этот показатель с 2000 по 2013 г. почти не изменился [12]. Кроме того, некоторые из подобных мер не носят системного характера, т. к. созданные за счет государственного финансирования объекты инфраструктуры, которые имеют потенциал перейти на самоокупаемость, останавливают свое функционирование после прекращения дотаций (это свойственно ЦТТ, созданным в 2003–2006 гг.). Сложность создания инфраструктуры для инноваций заключается в необходимости поддержания гармоничного процесса трансфера технологий на протяжении всех его этапов, начиная от фундаментальной науки и завершая созданием промышленного образца. Российская практика демонстрирует обратное, ограничиваясь точечной поддержкой одновременно лишь одного или двух звеньев инновационной цепи. Необходимо отметить, что успех зарубежных стран, в частности Индии и Китая, в решении аналогичных задач заключается в формировании и четком следовании долгосрочным планам развития науки и инноваций, что позволяет гармонично развивать все области инновационной экономики [13; 14].

Тем не менее среди всех объектов инновационной инфраструктуры, существующих на территории РФ (по данным МИИРИС на сегодняшний день их 1192 [15]), есть действительно успешные предприятия, которые могли бы стать образцом для тиражирования. Например, ТП в Казани «IT-Парк». Совокупная выручка компаний-резидентов технопарка в 2013 г. составила более 6,4 млрд руб., и налоговые поступления в бюджет от их деятельности уже почти возместили государственные инвестиции в его создание [16]. Высокую эффективность деятельности также демонстрируют Совместный центр трансфера технологий РАН и РОСНАНО, Технопарк Новосибирского Академгородка и целый ряд подобных инновационных структур. Значимыми атрибутами этих успешных примеров выступает подготовленная база для возникновения элемента инфраструктуры: несколько кафедр ИКТ в Казанском федеральном университете, устойчивый спрос на технологии со стороны РОСНАНО, особые условия взаимодействия образования, науки и бизнеса в Академгородке Новосибирска (налоговые льготы, гарантии Новосибирской области в качестве обеспечения исполнения обязательств инвестора, льготная аренда им имущества и др.). Особенности подобного позитивного опыта необходимо учитывать при разработке и осуществлении новых государственных инициатив в области создания инновационной инфраструктуры, что позволит повысить их эффективность.

Институциональная среда трансфера технологий в РФ

Одним из определяющих факторов создания благоприятной институциональной среды трансфера технологий выступает политика государстве в сфере регулирования прав на РИД. В последние пять лет было принято внушительное количество нормативно-правовых актов в этой области [17–21]. Цель

их принятия заключается в максимальном упрощении процедуры перехода технологий из стадии научных разработок в стадию коммерциализации, или, иными словами, в создании институциональных условий развития рынка результатов интеллектуальной деятельности. Дополнительным импульсом развития этого рынка стала информационная поддержка участников рынка: введение в эксплуатацию общедоступной базы данных РИД «ЕГИСУ НИОКТР» [22]. Охарактеризовать эффективность данных инструментов стимулирования трансфера технологий на данный момент весьма проблематично ввиду сложности и протяженности во времени создания любого национального рынка. Однако официальные данные указывают на положительные тенденции расширения рынка: количество внутренних договоров о торговле лицензиями и отчуждении прав на патенты с 2009 по 2012 г. выросло на 28,3 % [23]. Тем не менее качественный анализ реализованных мер дает основания говорить о наличии системных проблем на данном рынке. А именно, низкая востребованность РИД, переданных в собственность научным организациям от государства в результате исполнения Постановления № 233, свидетельствует об отсутствии устойчивого спроса на РИД.

Другим значимым аспектом формирования институциональной среды трансфера технологий выступает создание привилегированных условий коммерческим компаниям, использующим передовые технологии. С этой целью на территории РФ были сформированы Особые экономические зоны и инновационные территориальные кластеры.

22 июля 2005 г. был принят Федеральный закон № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [24], который предусматривает создание особых экономических зон (ОЭЗ) технико-внедренческого типа (ТВТ). В настоящее время создано 4 подобных технико-внедренческих зон (ТВЗ) в городах Москве, Санкт-Петербурге, Томске и Дубне (Московская область). К преимуществам ТВЗ для компаний-резидентов относятся: пакет таможенных льгот и налоговых преференций, доступ к профессиональным кадровым ресурсам. Резидентам ОЭЗ ТВТ предоставляются дополнительные льготы, а именно льготные ставки по социальным взносам, которые большинство инвесторов называют наиболее привлекательными. В настоящее время ставка социального взноса в ТВЗ составляет 14 %, в то время как общая ставка – 30 %. Данная ставка сохранится вплоть до 2017 г., в 2018 г. составит 20 %, а в 2019 г. – 28 %. Поскольку сотрудниками высокотехнологичных компаний являются преимущественно высококвалифицированные специалисты с высоким уровнем заработной платы, расходы на оплату труда составляют значительную часть в структуре расходов компании, и льготная ставка социальных взносов приносит компании существенную экономию.

В период с 2006 по 2013 г. государство вложило почти 122 млрд руб. в формирование ОЭЗ. Из них более 94 млрд руб. составили взносы в уставные капиталы управляющих компаний, 27,5 млрд руб. направлено регионами напрямую на строительство отдельных объектов. Фактически к 2013 г. управ-

ляющими компаниями были выполнены работы на сумму 52 млрд руб., что составляет всего 26 % ожидаемой до 2017 г. стоимости строительства, а с учетом работ, оплаченных регионами, – около 40 % стоимости. Общая экономическая эффективность функционирования ОЭЗ – 80 коп. на 1 руб. [25].

Одним из факторов достаточно низкой эффективности данного инструмента выступает, как и в случае с инновационной инфраструктурой трансфера технологий, отсутствие четкой стратегии развития ОЭЗ, механизма последовательной реализации конкретных целей и задач государства в этой области.

Решение о создании региональных инновационных кластеров (РИК) было принято 28 августа 2012 г. поручением Председателя Правительства Российской Федерации № ДМ-П8-5060 [26]. В перечень включены 25 территориальных кластеров, определенных в рамках конкурсного отбора, осуществленного в рамках деятельности Рабочей группы по развитию частно-государственного партнерства в инновационной сфере при Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям. В перечень льгот для участников кластеров входят:

освобождение от обязанностей налогоплательщика НДС по исчислению и уплате данного налога в течение 10 лет со дня получения соответствующего статуса;

освобождение в течение 10 лет от исполнения обязанностей налогоплательщика по налогу на прибыль организаций;

освобождение от налога на имущество и земельного налога;

освобождение от уплаты ряда государственных пошлин;

льготная ставка страхового взноса в Пенсионный фонд России (ПФР) в размере 14 % и освобождение от уплаты взносов в Фонд социального страхования (ФСС) и Фонд обязательного медицинского страхования (ФОМС).

На сегодняшний день, несмотря на непродолжительность функционирования программы РИК, в числе ее участников указаны уже 418 компаний [27]. Однако до сих пор в российском законодательстве нет понятия «региональный инновационный кластер», что создает законодательный вакуум, не позволяющий в должной степени регулировать отношения внутри РИК и требующий своего незамедлительного адекватного заполнения. Кроме того, для увеличения эффективности данной меры необходимо интенсифицировать взаимодействие участников кластеров с технологическими платформами.

Как следует из проведенного анализа, состояние институциональной среды трансфера технологий в РФ далеко от идеального. В качестве главной причины сложившейся ситуации видится отсутствие координации в принятии государственных мер в данной области.

Государственное стимулирование кооперации между наукой и бизнесом

Государственное стимулирование кооперации между наукой и бизнесом реализуется с помощью различных инструментов: софинансирование исследовательских проектов в рамках исполнения лотов Федеральных целевых

программ, организация выставок, конференций и других площадок для взаимодействия и пр. К примеру, в рамках ФЦП «Исследования и разработки» 2007–2013 [28] был реализован блок мероприятий, направленных на стимулирование коммерциализации технологий (Мероприятие 3.1. Реализация важнейших инновационных проектов государственного значения по приоритетным направлениям Программы; Мероприятие 3.2. Осуществление проектов коммерциализации технологий по тематике, предлагаемой бизнес-сообществом). Отдельно стоит выделить схему поддержки инновационного развития предприятий, запущенную в 2010 г., которая во многом напоминает схемы реализации инновационных ваучеров, однако с некоторыми специфическими особенностями. Правительство Российской Федерации 9 апреля 2010 г. утвердило постановление № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства» [29]. Общий объем бюджетного финансирования по данному мероприятию за 2010–2012 гг. составит 19 млрд рублей. При этом объем собственных средств производственного предприятия, инвестируемых в проект, должен составлять не менее 100 % от размера субсидии и быть достаточным для выполнения проекта по организации нового высокотехнологичного производства. Что касается прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в ходе реализации проекта, то данный вопрос подлежит регулированию в договоре на выполнение НИОКР, заключенном между предприятием, выигравшим конкурс, и вузом. Данную меру признали в целом успешной, и было принято решение о ее пролонгации до 2016 г.

Проблемы трансфера технологий в России

Как показал проведенный анализ, Россия отличается от стран Запада несовершенством законодательства в области интеллектуальной собственности и инновационной деятельности, фондового рынка и рынка интеллектуальной собственности, отсутствием мотивации у бизнеса участвовать в развитии технологий и взаимодействовать с научными учреждениями, отсутствием устоявшейся и стабильной системы взаимоотношений науки, бизнеса и государства. В отличие от стран ЕС и США, знания, получаемые в результате отечественных НИОКР, не ориентированы на рынок, кроме того, отсутствуют надежные посреднические структуры, способные эту ориентацию привнести. В то время как в перспективных транзитивных странах – Индии и Китае – правительства после долгого периода протекционизма обратились к открытым формам ведения хозяйства и впоследствии перешли от покупки технологий к производству собственных, активно привлекая зарубежные компании, Россия по-прежнему в сфере инновационного развития разделяет отечественные разработки и внешнеэкономическую деятельность.

Подводя итог, необходимо отметить, что успешному трансферу технологий от вузов и НИИ в промышленность и их внедрению на предприятиях препятствуют следующие обстоятельства:

1. Низкая эффективность функционирования инновационной инфраструктуры, не отвечающая задачам развития кооперации науки и бизнеса;

2. Несовершенство законодательства в сфере охраны прав на РИД;

3. Отсутствие стратегического планирования развития ОЭЗ;

4. Недостаточность финансовой поддержки трансфера технологий и кооперационных связей между наукой и бизнесом.

Дополнительным препятствием успешного трансфера технологий в России является дефицит квалифицированных кадров, имеющих профессиональную подготовку в области коммерциализации научных знаний, организации процесса трансфера технологий в рамках организации (как и в целом пониженная, по сравнению с ведущими западными странами, доля работников знаний на российском рынке труда [30]). На сегодняшний день отечественные вузы не занимаются подготовкой специалистов в области менеджмента научных исследований и внедрения РИД (в качестве одного из исключений можно привести магистерскую программу «Управление в сфере науки, технологий и инноваций» в НИУ ВШЭ), что, безусловно, сказывается и в низкой эффективности инновационной инфраструктуры, и в низком уровне кооперации науки и бизнеса.

Заключение

Трансфер технологий, включающий в себя множество форм и видов передачи технологий, является наиболее эффективным и распространенным на данный момент механизмом инновационного развития. О важности трансфера для инновационной экономики говорит то внимание, которое уделяется ему со стороны правительственных организаций и крупных корпораций в странах-лидерах научно-технического развития и наиболее быстро и перспективно развивающихся государствах. В США и Японии законодательство, стимулирующее развитие системы трансфера технологий, появилось еще в 1970–1980-х гг., а в 1990-х гг. были созданы масштабные сети и специальные организации, обеспечивающие организационную, финансовую и прочую поддержку этой системы [31].

Для решения перечисленных ранее проблем развития трансфера технологий в России целесообразно использовать следующие инструменты:

1. Разработка стратегической программы функционирования инновационной инфраструктуры, которая позволяла бы гармонично создавать новые и развивать существующие элементы, соответствующие всем звеньям цепочки трансфера технологий. Осуществление данной программы, идентифицировав этапы трансфера технологий, обладающие наименьшей поддержкой с точки зрения инфраструктуры, создаст условия для преодоления несбалансированности российской инновационной инфраструктуры. Для повышения эффективности реализации указанной программы целесообразно сосредоточить полномочия и ответственность за ее реализацию в рамках одного ФОИВ, не рассеивая данное направление государственной политики на несколько

программ, направленных на поддержку отдельных элементов инновационной инфраструктуры.

2. Разработка стратегической программы развития особых экономических зон, предусматривающая введение целевых показателей эффективности расходования государственных средств, а также формирование подробного плана реализации государственных инициатив в этой сфере, включая четкий перечень целей, задач и инструментов их выполнения. Данная программа должна учитывать уже действующие государственные инициативы в области формирования и поддержки территориальных инновационных кластеров, перечня критических технологий и приоритетных направлений развития науки, технологий и техники.

3. Доработка нормативно-правового поля, регламентирующего особенности деятельности организаций – участников инновационных территориальных кластеров. Одним из наиболее простых вариантов решения данной проблемы является переориентация механизма реализации проекта инновационных территориальных кластеров: от создания региональных программ с учетом методических рекомендаций Министерства экономического развития Российской Федерации к прямому регулированию этого инструмента со стороны указанного ведомства или другого ФОИВ. К наиболее важным задачам корректировки законодательства об инновационных территориальных кластерах следует причислить: дополнение перечня легальных определений понятием «инновационный территориальный кластер», законодательное закрепление отношений между участниками региональных инновационных кластеров.

4. Стимулирование взаимодействия науки и бизнеса посредством реализации новых государственных программ, предполагающих совместное финансирование наукой и бизнесом исследований и разработок, проводимых в научно-исследовательских организациях. Учитывая, что итоги реализации Постановления Правительства № 218 признаны успешными, и было принято решение о пролонгации данной меры, целесообразно применить эту практику в виде программы развития кооперации научно-исследовательских институтов и компаний производственного сектора.

5. Организация системы подготовки квалифицированных кадров, имеющих профессиональную подготовку в области коммерциализации научных знаний, организации процесса трансфера технологий в рамках организации. Базой для таких систем подготовки могут послужить ведущие вузы России, имеющие программы подготовки в области общего управления организации и менеджмента. Для России сократить дефицит данных специалистов не представляет серьезную проблему, учитывая перенасыщенность отечественного рынка труда работниками экономического и юридического профилей, которые благодаря курсам переподготовки или обучению на магистерских программах могли бы получить требуемые знания.

6. Стимулирование развития внутренних рынков высокотехнологичной продукции и увеличения их привлекательности посредством законодатель-

ных инициатив и системы экономических стимулов – дифференцированных налоговых льгот, создания свободных экономических зон, территориально совпадающих с элементами инновационной системы, и др. Также перспективным выглядит укрепление взаимодействия с зарубежными компаниями для получения и освоения уникальных технологий в форме лицензионных соглашений и совместных НИОКР.

Реализация мер по комплексному стимулированию трансфера технологий, в частности оптимизации инновационной инфраструктуры, институциональной среды, укрепления взаимодействия науки и бизнеса, подготовки специализированных кадров будет способствовать росту инновационного производства и обеспечению технологической безопасности России.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (принят ГД ФС РФ 21.10.1994; действующая редакция от 05.05.2014) // СПС «К+».

2. Лушников, А. В. Роль центров трансфера технологий в развитии малого и среднего инновационного бизнеса / А. В. Лушников // Наука. Инновации. Образование. – 2012. – № 11. – С. 111–123.

3. Зараменских, Е. П. Трансфер технологий: сущность и значение в развитии экономики Российской Федерации / Е. П. Зараменских // Вестн. Тамб. ун-та, Сер.: Гуманитар. науки. – 2013. – № 9 (125). – С. 44–49.

4. Рогова, Е. М. Бизнес-инкубаторы как элементы системы технологического трансфера российских университетов / Е. М. Рогова // Инновации. – 2014. – Т. 7 (189). – С. 53–58.

5. Шепелев, Г. В. Проблемы развития инновационной инфраструктуры [Электронный ресурс] / Г. В. Шепелев. – Режим доступа: http://regions.extech.ru/left_menu/shepelev.php. – Дата доступа: 29.10.2014.

6. Шепелев, Г. В. Состояние и перспективы развития центров трансфера технологий [Электронный ресурс] / Г. В. Шепелев. – Режим доступа: http://globelics2007.sstu.ru. – Дата доступа: 29.10.2014.

7. Научная и инновационная политика. Россия и мир. 2011–2012 / под ред. Н. И. Ивановой, В. В. Иванова. – М. : Наука, 2013. – 480 с.

8. Массух, И. И. Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий [Электронный ресурс] / И. И. Массух. – Режим доступа: http://www.slideshare.net/Mincomsvyaz/2012-12921046. – Дата доступа: 26.10.2014.

9. Через тернии – к технологиям? [Электронный ресурс] // Известия. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/571314. – Дата доступа: 29.10.2014.

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 219, г. Москва «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» // Рос. газ. – 2010. – № 5160.

11. Подпрограмма «Развитие инжиниринговой деятельности и промышленного дизайна» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minpromtorg.gov.ru/activities/cross_tech/docs/design/about/. – Дата доступа: 27.10.2014.

12. Индикаторы инновационной деятельности: 2014 : стат. сб. – М. : Высшая школа экономики, 2014. – 472 с.

13. Смирнов, Д. А. Стимулирование инновационного развития на основе трансфера технологий в Китае и Индии: опыт для России / Д. А. Смирнов, И. О. Волкова // Современный менеджмент: проблемы, гипотезы, исследования : сб. науч. тр. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – С. 137–150.

14. Салицкая, Е. А. Научно-технологический комплекс КНР: опыт развития / Е. А. Салицкая // Наука. Инновации. Образование. – 2013. – № 14. – С. 7–23.

15. Реестр организаций инновационной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.miiris.ru/infrastruct/view_organizations.php?mplevel=22000&pplevel=2. – Дата доступа: 15.10.2014.

16. ИТ-парк: отчет о деятельности за 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://itpark-kazan.ru/ru/Otchet_o_deyatelnosty2013.pdf. – Дата доступа: 20.10.2014.

17. Федеральный закон от 2 августа 2009 года № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» // Рос. газ. – 2009. – № 4966.

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 марта 2012 г. № 233 «Об утверждении Правил осуществления государственными заказчиками управления правами Российской Федерации на результаты интеллектуальной деятельности гражданского, военного, специального и двойного назначения» [Электронный ресурс] // Рос. газ. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/04/04/prava-site-dok.html. – Дата доступа: 10.11.2014.

19. Постановление Правительства РФ № 512 от 4 июня 2014 г. «Об утверждении Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы» [Электронный ресурс] // Рос. газ. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/06/06/voznagrajdenie-site-dok.html. – Дата доступа: 10.11.2014.

20. Постановление Правительства РФ № 429 от 10 мая 2014 г. «О порядке передачи Фондом перспективных исследований прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные по заказу Фонда перспективных исследований, а также приобретенные Фондом перспективных исследований на основании договоров, в целях их практического применения (внедрения)» [Электронный ресурс] // Рос. газ. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/05/13/prava-site-dok.html. – Дата доступа: 10.11.2014.

21. Федеральный закон Российской Федерации от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Рос. газ. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2014/03/14/izm-gk-dok.html. – Дата доступа: 10.11.2014.

22. Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rosrid.ru. – Дата доступа: 10.11.2014.

23. Индикаторы науки: 2014 : стат. сб. – М.: Высшая школа экономики, 2014. – 400 с.

24. Федеральный закон от № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Рос. газ. – 2005. – № 3831.

25. Счетпалата отмечает неэффективность управления особыми экономическими зонами [Электронный ресурс] // ТАСС. – Режим доступа: http://itar-tass.com/ekonomika/838513. – Дата доступа: 29.10.2014.

26. Перечень инновационных территориальных кластеров, утвержденный Председателем Правительства Российской Федерации 28 августа 2012 № ДМ-П8-5060 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/8b69c0004ca1ebe280f1ab12ac4184fa/perechen_innovacionnih_klasterov.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=8b69c0004ca1ebe280f1ab12ac4184fa. – Дата доступа: 29.10.2014.

27. Инновационные территориальные кластеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://innovation.gov.ru/taxonomy/term/545. – Дата доступа: 27.10.2014.

28. Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fcntp.ru/page.aspx?page=179. – Дата доступа: 27.10.2014.

29. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 218, г. Москва «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учеб-

ных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства» // Рос. газ. – 2010. – № 5160.

30. Цапенко, И. П. Работники знаний: какую роль они играют в современной экономике? / И. П. Цапенко, М. А. Юревич // Вестн. РАН. – 2014. – № 8. – С. 590–600.

31. Грибовский, А. В. Государственно-частное партнерство как инструмент стимулирования инновационной деятельности в научно-технической сфере РФ / А. В. Грибовский, А. Л. Судариков // Наука. Инновации. Образование. – 2012. – № 11. – С. 90–110.

M. A. YUREVICH

GOVERNMENT STIMULATION OF TECHNOLOGY TRANSFER IN RUSSIA

Summary

The article is focused on the main features of technology transfer system in Russia including the infrastructure and institutional environment of innovation creation and introduction. The author emphasizes a number of the major problems interfering development of innovative economy and formulates some offers directed on optimization of technology transfer in the Russian Federation.

Keywords: technology transfer, scientific and technical cooperation, innovation infrastructure, institutional environment of innovations.

Поступила 17.10.2014 г.

УДК 330.341.1

Г. В. ЛЕОНИДОВА,
кандидат экономических наук, доцент,
Институт социально-экономического развития территорий РАН, г. Вологда

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ

Рассмотрены теоретико-методологические основы исследования интеллектуального потенциала населения. Проанализированы основные теории, концепции и подходы, используемые при его исследовании. Наиболее подробно освещена теория человеческого капитала, поскольку согласно данной теории доход человеку приносят знания, умения и навыки, именно то, что непосредственным образом составляет суть интеллектуальных свойств личности. Определены методологические подходы к оценке интеллектуального потенциала населения.

Ключевые слова: население, интеллект, интеллектуальный потенциал населения, трудовой потенциал, человеческий капитал, наука, образование, культура.

Достижение таких приоритетных целей Российской Федерации, как выход к 2020 г. на мировой уровень приоритетных исследований и разработок и освоение шестого технологического уклада [9; 17], сопряжено с наличием качественного человеческого потенциала. Важным индикатором, характеризующим степень его развития, служит Индекс развития человеческого потенциала[1] (ИРЧП), рассчитываемый под эгидой ООН. По последнему рейтингу стран по ИРЧП (2010 г.) Россия занимает 55-е место (в 1990 г. ее позиция была 33-й; табл. 1).

Таблица 1. **Динамика Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) России**

Показатели	1990 г.	1992 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2010 г.
Индекс ИРЧП	0,873	0,862	0,781	0,792	0,817	0,755	0,788
Место в рейтинге ООН	33	37	60	67	71	66	55

Источник: Национальные доклады о человеческом развитии Российской Федерации: Россия перед лицом демографических вызовов, 2008. – С. 178–180 (год публикации Индекса означает, что он рассчитан по показателям двухлетней давности); Регионы России: проблемы, цели, достижения, 2006–2007. – С. 132–133; Модернизация и человеческое развитие, 2011. – С. 137; Устойчивое развитие: вызовы РИО, 2013. – С. 149.

[1] В 2010 г. семейство индикаторов, которые измеряют ИРЧП, было расширено, а сам Индекс подвергся существенной корректировке. В дополнение к используемому ИРЧП, который является сводным показателем, опирающимся на среднестрановые статистические данные и не учитывающим внутреннего неравенства, были введены три новых индикатора: Индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН), Индекс гендерного неравенства (ИГН) и Индекс многомерной бедности (ИМБ). На основании этих изменений был осуществлен перерасчет всех имеющихся ранее данных.

Несмотря на то что начиная с 2000 г. показатель российского ИРЧП имеет положительную динамику, значение Индекса не достигло базового уровня 1990 г. Кроме того, разрыв между мировым лидером (в 1992 г. – Канада (0,982), в 2010 г. – Норвегия (0,955)) и РФ увеличивается (с 0,108 в 1990 г. до 0,167 в 2010 г.). При этом ни один из субъектов РФ не достиг по ИРЧП уровня развитых стран [5]. Данное обстоятельство красноречиво свидетельствует, что за годы становления рыночной экономики в России и на современном этапе не было создано действенных организационно-экономических механизмов, способствующих повышению человеческого потенциала страны. Сегодня эта проблема выдвигается в государственном управлении на первый план, поскольку постиндустриальная экономика предполагает постоянное технологическое совершенствование, развитие производств с высокой добавочной стоимостью и выпуск высокотехнологичной продукции. Основной акцент в построении такой экономики принадлежит интеллекту работников [12, с. 56].

Однако сегодня для современной России (конец XX – начало XXI в.) характерно ухудшение качества населения, связанное со снижением его интеллектуальной компоненты [18]. Об этом свидетельствует серьезное научно-технологическое отставание российской экономики: на мировых рынках высоких технологий РФ занимает 0,3 %, чему способствовало, в первую очередь, существенное снижение в 90-е гг. XX в. ресурсной базы научных исследований. Последовавшие за этим сокращение исследовательского корпуса (в 2 раза с 1992 по 2012 г.) и интеллектуальная миграция (масштабы утечки «мозгов» составили, по оценкам исследователей, около миллиона человек) значительно ослабили научно-техническое развитие страны [18].

Согласно рейтингу глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Report: 2011–2012 гг.) в 2012 г. Российская Федерация занимала 66-е место (в 2001 г. – 58-е, в 2003 г. – 61-е) в мире. Причем наибольшее отставание отмечается именно в инновационном развитии страны. Высокая степень износа основных фондов свидетельствует о том, что ресурс технологической базы экономики (машины и оборудование) России выработан более чем на 45 % (в базовых отраслях – до 80 %) и превысил показатели предельно критического уровня (40 %) [4, с. 31]. Продолжающаяся деинтеллектуализация российской экономики требует не только актуализации этой проблемы, но и идентификации понятия «интеллектуальный потенциал населения».

Современное содержание понятия аккумулирует важнейшие положения многих теорий, получивших развитие в середине XX в.: человеческого капитала, трудового потенциала, экономики знаний и других концепций становления постиндустриального общества, поскольку структура экономики претерпевает кардинальные изменения.

Для понимания экономической сущности интеллектуального потенциала населения наиболее значима теория человеческого капитала [2] (Т. Шульц, Г. Беккер). Согласно данной теории, доход человеку приносят знания, умения и навыки, именно то, что непосредственным образом составляет

суть интеллектуальных свойств личности. Человеческий капитал, по мнению исследователей, это функциональная составляющая инновационного производства («знания, навыки, практический опыт, одухотворенные интеллектуальной активностью, выступающей формой реализации интеллектуальных, нравственно и культурно ориентированных способностей человека к созданию нового, ранее неизвестного знания, обеспечивающего получение интеллектуальной ренты и различного рода преимуществ перед конкурентами») [22, с. 332]. Из чего следует, что интеллектуальная активность является тем компонентом, который отличает способности к творческому труду от способностей к исполнительскому труду, человеческий капитал от простой рабочей силы, определяет условия и природу процесса «капитализации» интеллектуальных способностей к труду.

Анализ имеющихся определений «интеллектуального потенциала населения» показал, что общепринятого понимания современной наукой не выработано. Мы выделили три методологических подхода:

1) философский [1, с. 1472], трактующий интеллектуальный потенциал как «некую абстрактную категорию, лишенную способности изменяться во времени, но имеющую изначальную созидательную силу» (Ф. Аквинский, А. А. Ухтомский, П. А. Флоренский и др.);

2) психолого-педагогический [21, с. 25], определяющий интеллектуальный потенциал как «способность к обучению, обучаемость» и относящий к интеллектуальным качествам личности компетентность, инициативу, творчество, саморегуляцию, уникальность склада ума (Д. Б. Богоявленская, Л. С. Выготский, А. И. Кочетов, А. И. Субетто и др.);

3) социально-экономический [8, с. 228; 11; 15; 18; 19], соотносящий комплексную характеристику уровня развития интеллектуальных, творческих возможностей ресурсов страны, отрасли, личности с функционированием сфер образования и науки и ускорением научно-технического прогресса (В. К. Левашов, Б. Г. Клейнер, Ю. П. Лежнина, Р. Е. Лещинер, А. И. Татаркин, А. Ф. Мартынов и др.).

Сущность интеллектуального потенциала населения необходимо рассматривать через два ключевых понятия – «интеллект» и «потенциал».

Категория «потенциал» носит общенаучный характер: она используется в математике, физике, технике, биологии, химии, экономике, социологии и других отраслях знаний. В экономической литературе ею оперировали еще в 20-е гг. XX в. при разработке комплексной оценки уровня развития производительных сил. Потенциал (от лат. potentia – сила) трактуется как «средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенной цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [3, с. 428].

Интеллект является свойством индивида, определяющим возможность протекания мыслительной деятельности [20, с. 71]. Мышление – это процесс

осмысливания и решения некоторой мыслительной задачи, т. е. мышление – процесс, а интеллект – свойство. Способность к мышлению (интеллект) – это устойчивое, постоянное свойство индивида, присущее ему на протяжении всей жизни.

Философское содержание интеллекта современные авторы связывают с таким понятием, как ноосфера [24, с. 25]. Согласно П. Т. де Шардену, интеллект (индивидуальная ступень мышления) возникает и формируется в начале ноогенеза как чистая способность постижения смысла действия и выражения его в общезначимых формах (словах, символах, знаках). Оперирование этими формами и позволяет человеку ориентироваться в сообществе, которое и образует почву тонкой оболочки, земного универсума, названную ноосферой [24, с. 178].

Можно выделить основные элементы интеллекта: знания и умственные способности, достаточные условия выполнения интеллектуальным потенциалом функции – быть основой мыслительной деятельности, т. е. решения практических или теоретических задач с требуемой эффективностью. Применительно к современному миру в качестве составляющей интеллектуального потенциала человека можно выделить профессиональные компетенции (компетентности) как «синтез интеллекта, определенных типов мышления, нравственно-этических качеств и направленности деятельности». Причем компетентность, по мнению А. А. Овсянникова [16, с. 76–96], является «стратегическим ресурсом, на десятки лет предопределяющим социальную и экономическую жизнь страны».

Одним из важных выводов из определения сущности интеллекта является заключение о том, что имеющийся его уровень является результатом его развития. А значит, определенные усилия со стороны таких социальных институтов, как семья, образование, государство, способствуют не только формированию умных людей, но и реализации их потенциальных интеллектуальных возможностей в производстве, создании культурных ценностей, управлении обществом, воспитании и т. д. При таком подходе интеллект перестает быть объектом исследования психологии, он приобретает социальную окраску и становится *социально-экономической категорией*.

Исследование составляющих интеллектуального потенциала, его структуры не имеет однозначного ответа, поскольку зависит от того, чей это потенциал – индивида, компании (организации) или общества в целом (страны, региона и т. д.).

В составе индивидуального интеллектуального потенциала исследователи (А. В. Сохань) выделяют такие элементы, как [20, с. 71]:

развитые способности;

знания, умения, навыки, то есть система духовных образований, в которой на личностном уровне отражены результаты познавательной и активно-преобразующей деятельности человека;

идеалы, убеждения, ценностные ориентации, интересы, которые являются результатом интеллектуального осмысления человеком окружающего мира, своего места в нем [23, с. 448].

Трудности изучения интеллектуального потенциала человека (индивида) кроются в том, что знания, как правило, исследуются педагогическими науками, а способности – психологическими.

В структуре интеллектуального потенциала личности авторы выделяют, кроме знаний, образовательные и социокультурные ценности (стремление к творчеству, познанию окружающего мира, общий уровень культуры и т. д.), базовый уровень образования, профессионально-квалификационный уровень, степень таланта, способность к восприятию новшеств, которая позволяет быстрее осваивать новые технологии в производстве и управлении.

Анализируя социально-экономическую сущность понятия «интеллектуальный потенциал населения», приходим к выводу, что в работах отечественных экономистов существуют несколько разных подходов к его оценке. Систематизируя их, можно сделать вывод, что наибольшей эвристической ценностью обладают формулировки, в которых выделяется когнитивно-креативная составляющая, ориентирующая человека на практическое применение знаний и умственных способностей. Интеллектуальный потенциал оказывается заложенным в человеке как скрытая возможность, которую необходимо формировать в направлении, необходимом обществу, для дальнейшего его совершенствования. Обобщая вышесказанное, можно заключить, что основными составными частями интеллектуального потенциала личности являются когнитивные (знаниевые) и творческие характеристики [18; 12, с. 70].

В логику данного подхода вписывается концепция качественных характеристик населения (Н. М. Римашевская), на основе которой Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРГ РАН) проводится многолетнее исследование качества трудового потенциала населения. В описываемом исследовании[1] интеллектуальный потенциал рассматривается, с одной стороны, как компонент трудового потенциала, с другой – как интегральная характеристика когнитивных и креативных способностей людей (рис. 1). Исходные эмпирические данные содержат информацию о характере интеллектуального поведения (деятельности) и отношения населения к ценностям интеллектуальной и творческой сферы [6, с. 30–33].

Вышесказанное позволяет выделить следующие уровни исследования интеллектуального потенциала: микроуровень (личность), мезоуровень (предприятие, фирма) и макроуровень (общество).

[1] Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области проводится ИСЭРТ РАН с 1997 г. Объектом исследования является трудоспособное население Вологодской области. Опросы проходят ежегодно в августе – сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3 %. Объектом исследования является трудоспособное население Вологодской области в возрасте старше 16 лет.

Рис. 1. Компоненты интеллектуального потенциала населения по методике оценки качественных характеристик трудового потенциала

Большинство авторов характеризуют сущность и содержание интеллектуального потенциала населения с позиции оценивания тенденций развития систем образования, науки и культуры [7, с. 20, 22] как сфер формирования и реализации этого свойства. В этом случае используются показатели насыщенности научными кадрами, удельные расходы на научные исследования и разработки как в целом по исследуемой территории, так и в расчете на одного исследователя, степень развитости материально-технической базы науки и ее других территорий (стран, регионов), что дает возможность определить не только текущее положение страны в мировом сообществе, но и определить вектор будущего экономического развития общества посредством создания соответствующей макроэкономической среды для повышения качества интеллектуальных ресурсов.

При расширительном подходе интеллектуальные ресурсы рассматриваются весьма близко к категории «человеческий потенциал». И для этого имеются весомые аргументы, базирующиеся на международных методиках оценки и расчета Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП). В этом Индексе, как известно, используются специально преобразуемые (для сопоставимости) по странам оценки уровня образования (грамотность) населения, здоровья (продолжительность жизни), результативности экономики (душевые доходы) [7, с. 15].

Оценки интеллектуального развития стран, принятые в международных исследованиях, включают, кроме ИРЧП, следующие методики. Во-первых, *Индекс экономики знаний*, который показывает, насколько эффективно используются знания для обеспечения экономического развития. С помощью

данного Индекса измеряется способность страны к производству и распространению знаний на территории страны. Индекс рассчитывается как среднее из оценок по 4 параметрам: экономические стимулы, институциональный режим, образование, инновации, использование информационных технологий.

Можно отметить и такой международный индикатор, как *Индекс глобальной конкурентоспособности* (ИГК), компоненты которого объединены в 9 базисных групп[1], одной из которых является «высшее образование и профессиональная подготовка»[2].

Промежуточным уровнем между микро- (человеком) и макроуровнем, соответствующим всему национальному хозяйству в целом, является измерение интеллектуального потенциала на уровне определенных профессиональных коллективов (компания, фирма, предприятие). В состав оценочных показателей при этом входят либо совокупность имеющихся интеллектуальных активов фирмы (интеллектуальная собственность, накопленные базы знаний, полезные отношения с другими субъектами (А. Ф. Мартынов) [15, с. 40], либо человеческий (квалификационные и творческие способности работников компании) и управленческий потенциалы (управленческая идеология, формальные и неформальные отношения как внутри компании, так и с ее внешним окружением, уровень организационного развития и уровень развития каждого отдельного работника, информированность работников, носители информации и методы ее распространения), а также элементы информационного (наличие информационной системы и отлаженных информационных потоков в компании) и инновационного потенциалов компании [10, с. 1, 18]. Важнейшим составным элементом интеллектуального потенциала компании исследователи выделяют структурный капитал (интеллектуальная собственность, информационные системы, система финансовых взаимоотношений, положения, стандарты, награды). Главная функция интеллектуального потенциала компании – существенно ускорять прирост массы прибыли за счет формирования и реализации необходимых предприятию систем знаний и отношений [8, с. 13].

Анализ теоретико-методологических подходов показал, что при определении сущности интеллектуального потенциала населения большинством авторов не учитывается человек – носитель данного свойства.

Наш подход заключается в следующем: «интеллектуальный потенциал – это свойство населения определенной территории, заключающееся в способ-

---

[1] Девять базисных групп: институциональная среда, состояние инфраструктуры, макроэкономические показатели, развитие здравоохранения и начального образования, высшее образование и профессиональное обучение, эффективность рынка, технологическая восприимчивость, организация бизнеса и деловая практика.

[2] При расчете индекса «высшее образование и профессиональная подготовка» учитывается не только доля населения с высшим и незаконченным высшим образованием, но и качество образования и науки в стране (при расчете индекса учитываются оценки бизнесом качества образовательной системы, уровень подготовки по математике и естественным наукам, качество организации школьного обучения).

ности людей к освоению знаний, их генерации и творческому созданию новых знаний, технологий, продуктов, обеспечивающих устойчивое воспроизводство национального богатства, формирующееся при комплексном воздействии социально-экономических, социокультурных и научно-образовательных факторов». В данном определении мы актуализируем такие обязательные для понимания категории элементы, как взаимосвязь с социально-экономическим развитием общества, факторы формирования свойства, в том числе необходимость подготовки (воспроизводства) интеллектуальных людей, психологический аспект (способности), не игнорируются носители интеллектуального потенциала, поскольку это свойство населения. Такой подход, с нашей точки зрения, соответствует формированию интеллектуального потенциала населения в той среде, которую можно назвать инновационной, если в ней активно взаимодействуют все вышеперечисленные системы.

Сложность определения сущности и параметров интеллектуального потенциала обусловлена тем, что в нем наличествуют, с одной стороны, как выявленная, так и не выявленная (скрытая) часть, с другой стороны, в нем сосредоточен широкий спектр абстрактных понятий, таких как знания (теоретические, прикладные, экспериментальные), способности (умственные, творческие), интуиция. Кроме того, интеллектуальный потенциал населения динамично изменяется во времени под влиянием многих факторов: если он не используется, то быстро угасает, и напротив, когда практика предъявляет на науку активный спрос, он быстро растет, и еще быстрее растет эффективность его использования [13, с. 115].

Исследование интеллектуального потенциала населения, его состояние на данный момент – важная научная и практическая задача, которая может быть решена только при междисциплинарном подходе.

Выделенные в исследовании особенности изучения интеллектуального потенциала населения дают основание для утверждения о существующих различиях в его измерении: макроуровень – на основе данных официальной статистики (больше это относится к общественному интеллектуальному потенциалу), микроуровень – на основе эмпирических данных социологических опросов (в большей степени ориентирован на оценку интеллектуального потенциала личности, при этом имеет существенное предпочтение: методология исследования позволяет оценить и интеллектуальный потенциал населения любой территории или компании) [14, с. 73].

Алгоритм оценки интеллектуального потенциала на основе социологических опросов представляет собой систему процедур выявления эмпирических данных, последующей их математической обработки и сведения к общему интегральному показателю. Основными параметрами интеллектуального потенциала населения на *микроуровне* являются самооценки населения. Информационной базой для мониторинга интеллектуальных качеств трудового потенциала служит анкета. Она содержит в себе 10 блоков, в совокупности измеряющих качественные характеристики индивида, а также факторы, обу-

словливающие их формирование, результативность деятельности. Одним из таких блоков являются вопросы, характеризующие интеллектуальное развитие индивидов.

Индекс интеллектуального потенциала ($J_{ИП}$) рассчитывается как среднее геометрическое индексов когнитивного и творческого (креативного) потенциалов:

$$J_{ИП} = \sqrt{J_{КР} \times J_{КП}}, \quad (1)$$

где $J_{КР}$ – творческий (креативный) потенциал человека; $J_{КП}$ – когнитивный потенциал человека.

Для оценки качеств используется шкала Лайкерта[1]. Опросник состоит из блоков утверждений большей частью с пятибалльными рейтинговыми шкалами оценивания (по степени согласия респондента с предложенными ему утверждениями). Каждому из качеств соответствует свой блок вопросов. В результате компоненты трудового потенциала получают численную оценку в виде индексов от нуля до единицы, которые рассчитываются как отношение фактического числа баллов по шкале к максимально возможному.

Оценка творческого потенциала производится с помощью двух шкал, одна из которых характеризует респондента с точки зрения творческой деятельности – как в профессиональной сфере, так и в быту. Минимальный индекс творчества $J_{ТВ}$ равен 0,25. Вторая шкала (шкала Лайкерта) характеризует отношение респондента к творчеству. Она представляет собой десять суждений. Максимально положительное отношение к творчеству дает 50 баллов, максимально отрицательное – 10. Минимальный индекс отношения к творчеству $J_{ОТ}$ равен 0,2. Общий индекс творческого потенциала $J_{КР}$ – среднее арифметическое индексов по двум шкалам. Минимальный индекс креативности – 0,225.

$$I_{КР} = \frac{I_{ОТ} + I_{ТД}}{2}, \quad (2)$$

где $I_{КР}$ – индекс творческого (креативного) потенциала; $I_{ОТ}$ – индекс отношения к творчеству; $I_{ТД}$ – индекс творческой деятельности.

Когнитивный потенциал (эрудиция), т. е. сумма знаний об окружающем мире, измеряется также с помощью двух шкал. Одна из них характеризует деятельность респондента, направленную на постоянное пополнение знаний во всех областях жизни общества. Максимально возможный балл эрудиции по этой шкале равен 60, минимальный – 12. Минимальный индекс – 0,2. Вторая шкала дополняет первую и характеризует отношение респондента к знаниям. Она представляет собой десять суждений о знаниях, пять из которых носят

[1] Шкалы Лайкерта – разновидность опросников установок (аттитюдов). Названы по имени автора Р. Лайкерта, предложившего их в 1932 г. Шкалы Лайкерта состоят из набора утверждений с пяти- или семибалльными рейтинговыми шкалами оценивания, которыми устанавливается степень согласия испытуемого с данным утверждением.

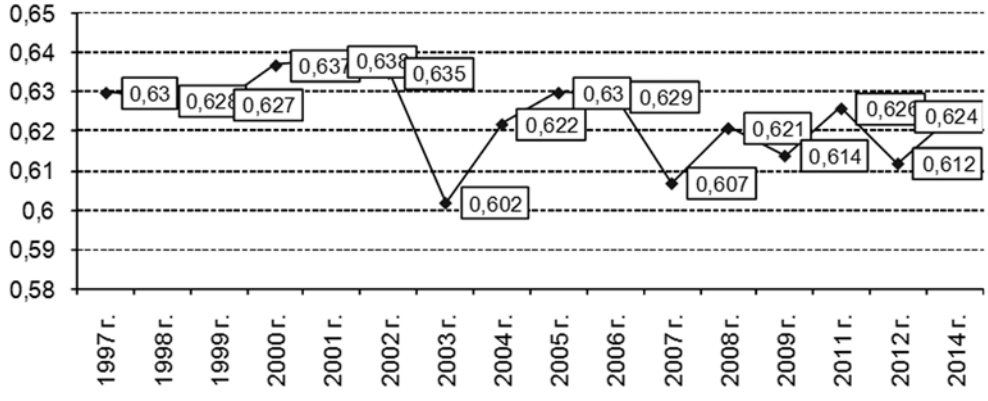
положительный характер и пять – отрицательный. Максимально положительное отношение к знаниям дает 50 баллов, максимально отрицательное – 10. Минимальный индекс – 0,2.

Индекс когнитивного потенциала – это среднее арифметическое индексов по каждой из двух шкал:

$$J_{\text{КО}} = \frac{J_{\text{Э}} + J_{\text{ОВ}}}{2}, \tag{3}$$

где $J_{\text{КО}}$ – индекс когнитивного потенциала, $J_{\text{Э}}$ – индекс эрудиции, $J_{\text{ОЗ}}$ – индекс отношения к знаниям.

Многолетние измерения показывают, что индекс когнитивного потенциала входит в группу самых низких среди восьми базовых качеств трудового потенциала[1]. В период с 1997 по 2014 г. значения индекса изменялись в интервале от 0,630 в 1997 г. до 0,624 в 2014 г. (рис. 2). Проблему когнитивного потенциала усугубляет тот факт, что индекс, имея невысокие значения, продолжает снижаться и не дотягивает даже до базового уровня (1997 г.).



Источник: мониторинг качества трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН. – 1997–2012 гг.

Рис. 2. Динамика когнитивного потенциала населения Вологодской области

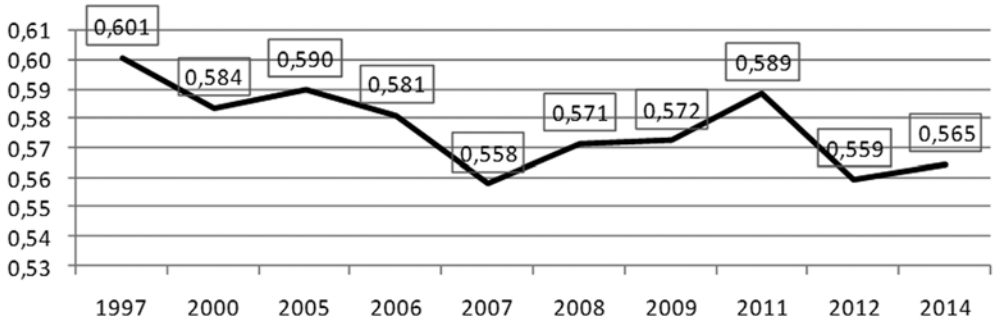
Второй составляющей интеллектуального потенциала трудовых ресурсов являются творческие способности. В соответствии с данным подходом основными измеряемыми показателями творческого потенциала населения в исследовании являются:

[1] Согласно используемой методике, базовыми характеристиками качества трудового потенциала населения являются: физическое и психическое здоровье, когнитивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровень, потребность в достижении (социальные притязания). В результате математической обработки баз данных мониторинга каждое из перечисленных выше качеств получает численную оценку в виде индекса в интервале от нуля до единицы. Интегральный индекс – это качество трудового потенциала, иначе именуемое социальной дееспособностью.

отношение людей к творческой деятельности;

творческая активность населения, то есть проявление творческих способностей людей в профессиональной деятельности и общественном поведении;

социальная активность населения (участие в различных общественно значимых мероприятиях). Индекс творческого потенциала жителей Вологодской области является самым низким среди восьми базовых индексов (рис. 3).



Источник: мониторинг качества трудового потенциала Вологодской области, ИСЭРТ РАН.

Рис. 3. Динамика индекса творческого потенциала Вологодской области

Интеллектуальный потенциал населения может выступать в качестве индикатора инновационного развития территорий, а также эффективности государственного управления. В этом случае данный показатель рассматривается как весы, на которых следует взвешивать различные политические, экономические и социальные акты. Когда на властных уровнях принимается какое-либо решение, то его можно оценивать с точки зрения того, в какую сторону – повышения, снижения или даже уничтожения интеллектуального потенциала общества – оно работает. Данный методический инструментарий может быть использован для оценки интеллектуального потенциала населения как на уровне муниципальных образований, так и на уровне регионов и стран [12].

Методологическим инструментом изучения интеллектуального потенциала служит мониторинг, который может быть рассмотрен как один из компонентов оценочного исследования прямого и косвенного взаимного влияния экономики и социально-экономического развития области на интеллектуальный потенциал и интеллектуального потенциала населения на экономическое развитие региона в ближайшей и отдаленной перспективе.

Литература

1. *Аквинский, Ф.* Сумма теологии / Ф. Аквинский. – Киев : Эльга : Ника-Центр : Эль-кор-МК : Экслибрис, 2002. – С. 1472.

2. *Беккер, Г.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г. Беккер ; сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшникова. – М. : ГУ–ВШЭ, 2003. – 672 с.

3. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. – Изд. 3-е. – М. : Совет. энцикл., 1975. – Т. 20. – С. 428.

4. *Глазьев, С. Ю.* Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / С. Ю. Глазьев, В. В. Локосов // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4. – С. 22–41.

5. *Зверева, Н. В.* Человеческий потенциал устойчивого инновационного развития России [Электронный ресурс] / Н. В. Зверева. – Режим доступа: http://igpr.ru/library/zvereva_nv_chelovecheskij_potencial_ustojchivogo_innovacionnogo_razvitija_rossii. – Дата: 10.02.2014.

6. *Ильин, В. А.* Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В. А. Ильин [и др.]. – Вологда : ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. – С. 9.

7. *Ильин, В. А.* Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного развития / В. А. Ильин, К. А. Гулин, Т. В. Ускова // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 3. – С. 14–25.

8. *Клейнер, Г. Б.* Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, экономические стратегии, безопасность / Г. Б. Клейнер, В. А. Тамбовцев, Р. М. Качалов ; под ред. С. А. Панова. – М. : Экономика, 1997. – С. 228.

9. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.

10. *Лайчук, О. В.* Интеллектуально-информационный потенциал: вопросы теории и практики / О. В. Лайчук, Л. А. Николаева. – Иркутск : Изд-во ВГУЭП, 2009. – 140 с.

11. *Лежнина, Ю. П.* Взаимосвязь социально-экономических показателей региона с интеллектуальным потенциалом его населения // Труды СГУ. – 2006. – Вып. 99 (Гуманитарные науки. Психология и социология образования).

12. *Леонидова, Г. В.* Интеллектуальный потенциал населения: теоретико-методологические основы исследования / Г. В. Леонидова // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 1 (31). – С. 52–71.

13. *Леонтьев, Б. Б.* Цена интеллекта. Интеллектуальный капитал в бизнесе / Б. Б. Леонтьев. – М. : Акционер, 2009. – 200 с.

14. *Макрусев, В. В.* Система трансграничной защиты интеллектуальной собственности / В. В. Макрусев, А. А. Пауков. – М. : РТА, 2005.

15. *Мартынов, А. Ф.* Воспроизводство интеллектуального потенциала: оценка, моделирование, методология управления : автореф. дис. … д-ра экон. наук : 08.00.05 / А. Ф. Мартынов. – М., 2008. – 47 с.

16. *Овсянников, А. А.* Потенциал модернизации высшей школы России: коммуникации компетентностей профессуры и студенчества / А. А. Овсянников // Народонаселение. – 2011. – № 4. – С. 76–96.

17. Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2020 года и дальнейшую перспективу : утв. Президентом РФ 11 января 2012 г. № Пр-83 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2013/06/18/ koncepciya-dok.html. – Дата доступа: 10.02.2014.

18. *Римашевская, Н. М.* Качество человеческого потенциала в современной России [Электронный ресурс] / Н. М. Римашевская. – Режим доступа: http://spkurdyumov.narod.ru/Rimash1.htm. – Дата доступа: 10.02.2014.

19. *Руткевич, М. Н.* О понятии интеллектуального потенциала и способах его измерения / М. Н. Руткевич, В. К. Левашов // Науковедение. – 2000. – № 1.

20. *Сохань, А. В.* Интеллектуальный потенциал личности / А. В. Сохань // Социальная структура социалистического общества. – М. : Наука, 1983. – С. 71.

21. *Субетто, А. И.* Россия и человечество на «перевале» истории в преддверии третьего тысячелетия / А. И. Субетто. – СПб. : ПАНИЛ, 1999. – 827 с. – С. 25.

22. *Татаркин, А. И.* Интеллектуальный ресурс общества / А. И. Татаркин // Вестн. Рос. акад. наук. – 2011. – Т. 81, № 8. – С. 684.

23. *Шакирова, Д. М.* Критерии оценки интеллектуального и образовательного потенциалов в информационном обществе / Д. М. Шакирова // Образовательные технологии и общество (Educational Technology & Society). – 2010. – Т. 13, № 3. – С. 445–455.

24. *Шарден, П. Т. де.* Феномен человека / П. Т. де Шарден. – М. : Прогресс, 1987. – 240 с. – С. 178.

G. V. LEONIDOVA

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FRAMEWORK FOR STUDYING INTELLECTUAL POTENTIAL OF POPULATION

Summary

The article reviews the basic theoretical and methodological concepts of intellectual potential of population studying. It analyzes the major theories, concepts and approaches applied in current research. The most detailed description is given to the theory of human capital, since according to this theory the person's income is the result of using his or her knowledge, abilities and skills that form the core of the personal intellectual characteristics. The article defines methodological approaches of the population intellectual potential assessment.

Keywords: population, intelligence, intellectual potential of the population, labor potential, human capital, science, education and culture.

Поступила 21.10.2014 г.

УДК 378:62-057.4+316.422

С. В. КОСТЮКЕВИЧ,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОВРЕМЕННАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ: ПРИМЕР ИРЛАНДИИ

В статье на основе перевода доклада «Инженерное исследование в Ирландском экономическом развитии», подготовленного в 2010 г. Ирландской Академией инженерии, анализируется современная западная инновационная стратегия. Показывается, что ставка делается на развитие собственных технологий, основанных на исследованиях, проводимых в ирландских инженерных школах.

Ключевые слова: инновационная стратегия, инженерное исследование, результативность инженерных исследований.

Правительства многих современных стран озабочены проблемой технологической конкурентоспособности и инновационной продуктивности. Ирландия – не исключение.

Ставка на развитие собственных технологий, основанных на исследованиях: пример Ирландской Академии инженерии. Обратимся к Докладу «Инженерное исследование в Ирландском экономическом развитии» (Engineering Research in Irish Economic Development), подготовленному оперативной группой Ирландской Академии инженерии (the Irish Academy of Engineering) [1]. Доклад датируется декабрем 2010 г., и в нем говорится о стратегии развития инженерного исследования и инженерного образования как факторов инновационного развития страны.

Приведем большую, но уместную цитату о том, почему Ирландская Академия инженерии считает в современной ситуации глобального финансового и экономического кризиса обращение к инженерному образованию и инженерным исследованиям чрезвычайно актуальным: «В течение последних двух десятилетий успех ирландской экономики зависел от ежегодного экспорта приблизительно 80 % ВВП. Этот экспорт, главным образом в США и Европу, шел, преимущественно, из высокотехнологичных мультинациональных компаний, которые инвестировали в Ирландии: например, химические продукты, включающие медицинские и фармацевтические продукты, составляли 51 % от всего экспорта в 2008... Будущее, однако, вероятно, будет другим и, определенно, намного более проблемным. В то время, когда мы, по-видимому, потеряли наше конкурентоспособное преимущество, наша прежде успешная экономическая модель низких корпоративных налоговых ставок в союзе

с образованной рабочей силой теперь заменяется многими вариантами, возникающими в экономике... Развивая национальную стратегию с целью поддержки выхода из текущей рецессии, Академия (Ирландская Академия инженерии) считает, *что нет альтернативы росту, основанному на индустриальных предприятиях, и что это может быть лучше всего достигнуто через инновационные и продвинутые технологии.* Ирландия была, безусловно, успешной в привлечении высокотехнологичных производств. Однако за несколькими исключениями, их главная деятельность заключалась в производстве, а не в исследовании (исследование в основном сохраняется в домашней стране мультинациональной компании, т. е. исследования проводятся в той стране, откуда компания родом)... Обрабатывающая промышленность всегда беззащитна перед перемещением в страны с более низкой стоимостью. Более того, имея только 8 % ирландского экспорта, идущего от местных ирландских производств, эта беззащитность должна быть принудительным толчком к развитию индустриальной инновации, основанной на исследовании. Высокотехнологичное производство – это важный элемент восстановления и выхода из рецессии, и по этой причине Академия считает, что необходимо отдать больший приоритет (чем это делается теперь) потенциалу прикладного инженерного исследования, который есть в ирландских университетах и технологических институтах. Этот потенциал будет создавать богатство в совокупности с активным сотрудничеством с Ирландской индустрией» [1, с. 4].

Как видим, всего 8 % экспорта принадлежит местной промышленности и 51 % – мультинациональным компаниям. В ситуации кризиса мультинациональные компании уходят в другие страны с более дешевой рабочей силой. Значит, если страна не хочет быть придатком глобальной экономики и зависеть от произвола мультинациональных компаний, нужно развивать собственные наукоемкие технологии. *Как следствие подобного осознания, делается вывод о чрезвычайной актуальности развития инженерного образования и инженерных исследований в стране.*

Стремление подчеркнуть необходимость развития производства, основанного на исследованиях, означает, что новые технологии должны рождаться в университетских исследовательских лабораториях. Таким образом, *союз университетов и индустрии – необходимое условие современной инновационной стратегии.* «Craig Barrett (бывший генеральный директор Intel) в своей недавней лекции в королевской Ирландской Академии сказал, что Ирландия нуждается в системе образования, которая ценит исследование, которая поощряет вытягивание инновационных продуктов из этого исследования и которая разрешает университетам быть “центрами, создающими богатство”». «Ирландские университеты, – отметил он, – будут вынуждены изменить их дух (характер) и их практики, чтобы встретить этот вызов» [1, с. 4]. Продолжим цитировать: «Все более очевидно, что будущий экономический успех в Ирландии будет зависеть от нашей способности вырастить местные секторы экономики, такие как экспорт высококачественных продуктов, биомедицинские продукты или даже образовательный сервис, который для Австра-

лии, например, сегодня является третьей крупнейшей статьей экспорта» [1, с. 4]. Следует обратить внимание, что Ирландия – небольшая страна, которая не имеет много людских и материальных ресурсов развивать большое число инновационных направлений. В данной цитате ирландские инженеры предлагают выбрать приоритетные направления для вложения сил и средств. Разумный подход к делу они также демонстрируют и в том, что, предлагая делать ставку на большее финансирование прикладных инженерных разработок, они не ущемляют интересы фундаментальных научных исследований: «Академия предлагает, чтобы решающим критерием для правительственного финансирования исследований было бы воздействие исследования на экономику (за короткие или средние сроки). Академия также считает, что инвестирование в высококачественные фундаментальные научные исследования является важным и должно быть сохранено, признавая при этом, что результаты подобных исследований с точки зрения их воздействия на экономику являются непредсказуемыми и, возможно, не могут быть реализованы в течение многих лет. Исходя из этого, Академия предлагает, чтобы национальная стратегия (в этом есть необходимость в настоящее время) делала ставку на большее инвестирование в инженерное исследование, которое прямо или непрямо, но связано с индустрией, и чтобы эта стратегия дополняла бы, но не уменьшала бы государственную поддержку фундаментальных научных исследований» [1, с. 4].

Инженерное исследование: важность исследований проектного стиля. Возникает вопрос оценки результатов инженерных исследований, поскольку, в отличие от фундаментальной науки, здесь необходимо использовать другие показатели (метрики). Ирландские инженеры (авторы Доклада) понимают, что, например, *такой показатель оценки фундаментального исследования, как «индекс цитирования», не подходит для оценки результатов инженерного исследования, в ходе которого главным является не столько описание теоретического результата в научном тексте, сколько создание новой технологии и нового продукта.* Они пишут: «Ставка на большее финансирование инженерного исследования потребует срочного создания соответствующих метрик для оценки исследовательских заявок и последующих исследовательских результатов. Британская королевская Академия инженерии недавно критиковала Департамент по науке и исследованию за “их использование метрик (особенно анализа цитирования), чтобы определить выполнение исследований в Великобритании по дисциплинам”, говоря, что “инженерия и технология – очень важны для экономики, чтобы их сравнивать с фундаментальными науками таким несоответствующим образом”. Ирландская Академия считает, что эта критика в равной степени применима к ситуации в Ирландии» [1, с. 4].

Помимо необходимости поиска адекватных показателей оценки результативности инженерных исследований, существуют и другие проблемы, связанные с инженерным исследованием. Например, проблема низкого уровня финансирования инженерных исследований в сравнении с научными исследованиями. Авторы Доклада отмечают, что в центре правительственного подхода к программе «Построение экономики Ирландии на базе знаний» была ак-

тивизация исследовательской работы, и это привело к росту финансирования научных исследований. «Это инвестирование в науку, т. е. рост финансирования исследований, обнаруживается теперь в следующих основных выходах: число публикаций удвоилось за немногим более чем 5 лет, и, второе, относительное цитирование (relative citations) очень заметно возросло за тот же самый период (от 34-го места в международном рейтинге в 2003 г. до 19-го места в 2008 г.). Однако данные, полученные из различных национальных агентств, финансирующих исследования (SFI, IRCSET, HEA/PRTLI), ясно показывают, что финансирование, выделенное университетам на инженерное исследование, осталось на очень низком уровне» [1, с. 6]. Представим это в табл. 1.

Таблица 1. **Общее финансирование исследований по дисциплинам в университетах Ирландии (2005–2009) по данным, полученным из финансовых агентств [1]**

Сферы финансирования исследований в ирландских университетах	Объем финансирования в миллионах евро	% от общего количества финансирования
Науки (Sciences)	Euro 1,143.6 m	85,0
Инженерия (Engineering)	Euro 109.6 m	8,0
Другое (Other)	Euro 100.5 m	7,0

Между 2005 и 2009 гг. общая сумма, выделенная на инженерные исследования, составила только 8 % от всего финансирования. При составлении табл. 1 из имеющихся данных там, где классификация профинансированного проекта как «инженерного» (engineering) или как «научного» (science) не была очевидной, тогда в качестве решающего фактора учитывалась дисциплина главного исследователя (научного руководителя) [1, с. 6]. Кроме того, как отмечают авторы Доклада, «академический персонал в науке значительно численно превосходит персонал в инженерии, обычно соотношение примерно 3 : 1» [1, с. 6]. Однако, продолжают они, «очень низкий уровень финансирования инженерных исследований не может быть объяснен исключительно на основании меньшей численности персонала в инженерии» [1, с. 6]. Авторами Доклада также отмечается, что количество инженерных заявок находится на низком уровне [1, с. 6].

Признавая недостаточное финансирование инженерных исследований и невысокую численность персонала, занятого в них, а также небольшое число инженерных заявок, авторы Доклада в то же время утверждают, что «исследования в ирландских университетских инженерных школах, которые финансируются агентствами, соответствуют международному стандарту» [1, с. 6]. Однако при этом ирландские инженеры указывают, что «традиция исследования в инженерных дисциплинах не такая сильная и не такая институционально хорошо развитая, как в науках. Поэтому, если инженерное исследование призвано содействовать более эффективному оживлению ирландской экономики, то на этот вопрос следует срочно обратить внимание» [1, с. 6]. Одновременно авторы отмечают, что различные инженерные дисциплины существенно

изменились за последнее время, откликаясь на приход эры «знаниевой экономики» (knowledge economy), это выражается в том, что они стали ближе к наукам [1, с. 6].

Здесь следует указать на то, что Ирландия входит в зону англосаксонских традиций образования, где, в отличие от Франции, Германии и России, научная подготовка инженеров была более слабой, а значит, инженерное исследование являлось не столько научным, сколько просто практическим исследованием. Исследовательский дух чрезвычайно развит в англосаксонской традиции образования, однако теоретическое и практическое исследования были разделены: наука развивалась в основном в классических университетах и была слабо представлена в прикладных. Что касается Франции, Германии и России, то они более продвинулись в объединении науки и практики, в этих странах не практическое, а преимущественно научное исследование давало толчок развитию инженерии.

Серьезная научная подготовка в некоторых российских инженерных вузах была следствием влияния французской инженерной школы. С. П. Тимошенко пишет: «В конце века, во время Французской революции, была сделана попытка ликвидировать разрыв между чистой наукой и техникой. Группа ученых во главе с Гаспаром Монжем организовала известную Политехническую школу, где подготовка в области инженерного дела основывалась на расширенном изучении фундаментальных наук... Следующая попытка привести математику в более тесное соприкосновение с инженерными науками была сделана в конце девятнадцатого – начале двадцатого века в Геттингенском университете, в Германии. Известный математик Феликс Клейн был воодушевлен этой идеей. Под его влиянием Геттингенский университет организовал три кафедры прикладных наук при своем математическом факультете» [2].

Итак, в конце XVIII в. во Франции научное и техническое образование (опиравшееся до этого на чистую эмпирию, т. е. только на практические знания) были объединены: Математика, Физика и Химия вошли в сферу безраздельного господства Практики, обеспечив высокий теоретический уровень инженерной подготовки и инженерных исследований, а в конце XIX в. в Германии в университетах начался процесс активного поиска практического применения математических и физических знаний, создав условия для развития в университетах прикладной науки (можно сказать, что Практика вошла в сферу безраздельного господства Теории). Начиная с этого переломного момента соединения Теории и Практики в инженерных школах и классических университетах, Великобритания, хотя она и считается родоначальницей промышленной революции, начала уступать техническое лидерство Франции и Германии. Дело в том, что в Великобритании этот процесс не получил широкого развития.

Что касается России и СССР, то университеты и инженерные школы в Советском Союзе копировали опыт Франции и Германии. Вот почему научная подготовка советских инженеров была выше, чем у американских инженеров, поскольку американские инженерные школы были скопированы с бри-

танской модели. На момент 1958 г. об этом свидетельствует С. П. Тимошенко: «*...разница в научной подготовке русских и американских инженеров была в то время ошеломляющей.* Однако следует признать, что ситуация за последние 20 лет значительно улучшилась, но с нашей[1] слабой подготовкой в средней школе мы не сможем, по-видимому, достичь того, что имеют сегодня высшие учебные заведения России» [2].

Учитывая сказанное С. П. Тимошенко, становится понятным то, о чем пишут ирландские инженеры, указывая, что инженерное исследование в Ирландии является более слабым, чем научное исследование. Можно предположить, что для них актуальным является вопрос об усилении теоретической подготовки студентов-инженеров, что, соответственно, повысит научный уровень инженерных исследований. Следующая цитата позволяет предположить именно это: «Хотя определенные основы инженерного образования не будут меняться в будущем, однако резкий рост знания, появление глобальной экономики и компьютерная коммуникация меняют условия, в которых инженеры работают. И важно, что образование инженеров (и на undergraduate, и на postgraduate уровнях) изменяется, чтобы отвечать изменяющимся обстоятельствам в профессиональном инженерном мире. *Академия считает, что вызов для ирландских инженерных школ состоит в том, чтобы посредством исследовательских проектов на undergraduate и postgraduate уровнях учить эффективному применению научных принципов для решения мировых инженерных проблем, которые меняются теперь более быстро, чем когда-либо*» [1, с. 8].

Авторы Доклада пишут, что «проекты по инженерному исследованию должны начинаться с проблемы, которую необходимо решать, или с технологического вызова, который имеет место. Однако из этого не следует, что ирландские инженерные школы должны рассматриваться только как кратковременные помещения для решения проблем для индустрии или что все инженерные исследования должны быть прикладными. Важно следующее: инженерные исследовательские проекты должны иметь отношение к тем вызовам, которые стоят перед индустрией и экономикой Ирландии» [1, с. 7]. Как видим, *инженерное исследование не обязательно должно быть только прикладным, но обязательно должно быть связано с индустрией и экономикой.*

«Академия рекомендует, чтобы исследования проектного стиля, начинающиеся с проблемы, которая должна быть решена, и включающие связи с соответствующей индустрией в Ирландии, были бы взяты как принятый формат... В идеале все инженерные студенты должны работать в командах со студентами из других дисциплин, таких как бизнес-исследования, естественные и гуманитарные науки, чтобы отражать разнообразие профессиональных инженерных рабочих мест» [1, с. 8].

Ирландские инженеры, акцентируя внимание на проектном исследовании и междисциплинарном подходе, тем самым указывают, что инженерная проб-

[1] Русский инженер С. П. Тимошенко, эмигрировавший в США в 1918 г., называет Америку своей страной.

лема – это всегда какая-то практическая проблема, которая, как правило, не может быть ограничена какой-то одной дисциплиной. *Именно поэтому проектный стиль исследования и междисциплинарное сотрудничество могут быть наиболее эффективными для инновационного творчества.*

Заключение. Подытожим пункты, касающиеся улучшения инженерного исследования, предлагаемые Ирландской Академией инженерии:

найти адекватные метрики (показатели) оценки результативности инженерных исследований;

увеличить финансирование инженерных исследований;

увеличить численность персонала, занятого в инженерном исследовании;

поощрять рост числа инженерных исследовательских заявок;

повысить уровень инженерных исследований за счет участия студентов в проектах и использования ими научных принципов (использования науки для решения инженерных проблем);

развивать исследования проектного стиля, начинающиеся с инженерной проблемы, которая должна быть решена и которая связана с индустрией и экономикой Ирландии;

делать ставку на междисциплинарное исследование;

выделять национальные инженерные приоритеты и объединять интеллектуальные, финансовые и физические ресурсы университетов и индустрии, а также создавать платформы, обеспечивающие технологический трансфер;

связывать инженерное исследование (которое не обязательно должно быть прикладным) с теми вызовами, которые стоят перед индустрией и экономикой Ирландии.

Литература

1. Engineering Research in Irish Economic Development. This Paper has been prepared by a Taskforce of the Irish Academy of Engineering. December 2010. Irish Academy of Engineering [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.acatech.de/fileadmin/user_upload/International/IAE_Economic_Report..pdf. – Date of access: 10.08.2014.

2. *Тимошенко, С. П.* Инженерное образование в России [Электронный ресурс] / С. П. Тимошенко. – Режим доступа: http://www.emomi.com/download/timoshenko_obrasovanie/. – Дата доступа: 06.06.2014.

S. V. KOSTJUKEVICH

MODERN INNOVATION STRATEGY: THE CASE OF IRELAND

Summary

The article examines one of western innovation strategies, which was prepared by the Irish Academy of Engineering in 2010 and was entitled «Engineering Research in Irish Economic Development». The article shows that Irish authors make their emphasis on the development of local technologies based on researches, which are fulfilled in Irish engineering schools.

Keywords: innovation strategy, engineering research, outputs of engineering research.

Поступила 03.10.2014 г.

УДК 316.42/316.33:001

И. Н. ШАРЫЙ,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье представлен анализ этапов формирования системы государственной поддержки молодых ученых в Республике Беларусь. Раскрыты особенности государственной молодежной политики в рамках выделенных этапов изменений. Определены функциональные особенности и основные тенденции изменений молодежной политики в сфере науки. Сделан вывод о целесообразности рассмотрения молодежной политики в сфере науки как составной части политики в области воспроизводства научных кадров.

Ключевые слова: молодежная политика в сфере науки, этапы формирования, молодые ученые, воспроизводство научных кадров высшей квалификации, аспиранты, кадровая политика.

Молодежная политика в сфере науки – подсистема государственной кадровой политики в сфере науки, которая регулирует отношения, обеспечивающие непрерывное пополнение научной сферы специалистами с высшим образованием младшей возрастной категории, создает благоприятные условия для раскрытия творческого потенциала и профессиональной самореализации молодых ученых, роста их научной квалификации. Функциональной особенностью молодежной политики является обеспечение устойчивости процессов воспроизводства научных кадров высшей квалификации на основе непрерывного притока, закрепления и профессионального роста молодежи. Особенности молодежной политики в науке определяются, с одной стороны, спецификой относительно невысокого статуса молодых ученых в научной иерархии, с другой стороны, исключительно важной ролью молодежи в процессе воспроизводства научных кадров.

Повышенное внимание к молодежной составляющей кадровой политики объясняется как исключительной важностью притока молодежи в науку для воспроизводства ее кадрового состава, так и ее повышенной мобильностью. В сфере науки в силу большой роли творческой составляющей в структуре деятельности, высокой квалификационной, должностной и в целом статусной стратификации исследователей, которая усложняется усиливающейся возрастной стратификацией, мотивационно-стимулирующий блок кадровой политики отличается особой сложностью по сравнению с другими сферами экономики.

Наиболее важные направления кадровой политики в сфере белорусской науки представлены в Концепции развития науки Республики Беларусь на период до 2015 года. В Концепции отмечалось, что основными целями политики сохранения и развития кадрового потенциала научно-технического комплекса страны являются:

совершенствование системы воспроизводства научных кадров;

повышение уровня экономической и социальной защищенности ученых и престижа научной деятельности;

омоложение кадрового состава науки, создание условий для привлечения и закрепления талантливой молодежи в сфере науки и технологий;

сокращение интеллектуальной эмиграции и создание условий для возвращения в страну ученых и специалистов, работающих за рубежом;

интеграция науки, образования и производства.

Понятие «омоложение» применительно к анализу кадрового состава науки означает увеличение доли молодежи в общей численности работников науки, в том числе, в численности специалистов различных квалификационных категорий, а также в общей численности руководителей. Омоложение кадрового состава науки является объективно необходимым, поскольку в 1990-е гг. произошло резкое сокращение доли молодежи в общей численности работников отрасли «наука и научное обслуживание». Следует отметить, что высокие темпы сокращения молодежи были именно в этой отрасли, тогда как в целом в этот период в отраслях экономики республики не было аналогичного сокращения доли молодежи. Таким образом, воспроизводственная ситуация в науке имела существенные особенности.

Молодежная политика в науке на различных этапах социально-политических изменений имела свои особенности. В 1960-е гг., в первой половине 1970-х гг., когда в науку приходила в основном молодежь, высокими темпами росла численность аспирантов, обеспечивался высокий уровень заработной платы, научная карьера относилась к наиболее престижным. Во второй половине 1970-х гг. рост численности аспирантов в Беларуси прекратился, а в первой половине 1980-х гг. удельный вес научной молодежи среди специалистов учреждений науки и научного обслуживания стал сокращаться. К концу 1980-х гг. проблема омоложения научных кадров уже рассматривалась как одна из наиболее актуальных проблем кадровой политики в сфере науки, но распад СССР и последовавшее за этим резкое сокращение численности научных работников, трудности формирования государственной научной политики не позволили перейти к активному привлечению молодежи в сферу науки**.** Непростая воспроизводственная ситуация в науке в первой половине 1990-х гг. еще более обострилась. Для изменения сложившейся ситуации потребовалось принятие комплекса мер, формирование активной государственной политики. Ниже рассмотрены основные этапы формирования государственной молодежной политики в сфере науки.

Первый этап (1992–1994 гг.)

В первой половине 1990-х гг. в результате социально-политического и экономического кризиса, связанного с распадом СССР, затраты на развитие науки в республике сократились в пять раз, а численность занятых в отрасли «наука и научное обслуживание» – в 2,4 раза, число аспирантов в научных учреждениях Беларуси уменьшилось на 34 % [1]. После обретения суверенитета для Беларуси объективно необходимым было создание нормативно-правовой базы, регулирующей развитие научной сферы. С 1992 по 1994 г. первоочередные задачи в области науки состояли в преодолении деструктивных тенденций, что нашло отражение в Законе Республики Беларусь «Об основах государственной научно-технической политики» (1993 г.) и постановлении Кабинета Министров «О мерах по сохранению и эффективному использованию научного потенциала Республики Беларусь» (1994 г.).

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об основах государственной научно-технической политики» в качестве одной из важнейших функций органов государственной власти и управления в сфере науки была определена подготовка «научных кадров в высших учебных заведениях, академических научных учреждениях и других государственных научных организациях», для чего предусмотрено выделять им «в установленном порядке необходимые материальные ресурсы и бюджетные ассигнования…» [2, с. 14].

В постановлении Кабинета Министров «О мерах по сохранению и эффективному использованию научного потенциала Республики Беларусь» предполагалось в целях финансовой поддержки талантливых молодых ученых и подготовки кадров высшей научной квалификации учредить для аспирантов 100 стипендий Кабинета Министров Республики Беларусь в размере 5 минимальных заработных плат [3, с. 47]. В соответствии с этим постановлением было принято решение разработать и утвердить «положение о подготовке научных кадров, предусматривающее порядок финансирования диссертационных работ как научных исследований, а также соответствующий порядок оплаты труда диссертантов и их руководителей» [3, с. 47]. Таким образом, к середине 1990-х гг. был намечен переход к научной политике, ориентированной на эффективное использование научных кадров, определены первоочередные меры государственной политики в отношении научной молодежи. На первом этапе политика в области воспроизводства научных кадров была направлена преимущественно на сохранение системы подготовки научных кадров высшей квалификации.

Второй этап (1995–2000 гг.)

Во второй половине 1990-х гг. произошел переход к «активному» типу политики в области воспроизводства кадрового состава науки, для которого характерно приоритетное развитие системы подготовки научных кадров высшей квалификации по очной форме обучения в аспирантуре, ориентация на

высокие темпы роста численности аспирантов. В вузах сокращение численности аспирантов было незначительным, а с середины 1990-х гг. обеспечивались высокие темпы роста их численности. В то же время в научных учреждениях только в 1997 г. численность аспирантов в научных учреждениях несколько превысила уровень 1990 г. (1050 и 1062 соответственно).

С середины 1990-х гг. в республике были приняты дополнительные меры по поддержке научной молодежи, студентов и учащихся. При реализации государственной молодежной политики использовались принципы конкурсного отбора, то есть для получения государственной поддержки необходимо было доказать свое право на нее.

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 12 января 1996 г. № 19 был создан Специальный фонд Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов. Цель фонда – финансирование мероприятий, направленных на стимулирование интеллектуально-творческой деятельности молодежи в области образования и науки. В соответствии с Распоряжением Президента Республики Беларусь от 5 сентября 1996 г. № 262рп стал проводиться конкурс аспирантов на лучшую работу.

Совершенствованию системы государственной поддержки молодежи способствовало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 4 августа 1998 г. № 390 «О дополнительных мерах по реализации Национальной академией наук Беларуси статуса высшей государственной научной организации», в соответствии с которым были учреждены стипендии Президента Республики Беларусь, выплачиваемые независимо от размера получаемой заработной платы талантливым молодым ученым. Для молодых ученых – докторов наук в возрасте до 45 лет учреждались 10 стипендий в размере девяти минимальных заработных плат, для кандидатов наук в возрасте до 35 лет – 20 стипендий в размере семи минимальных заработных плат. Стипендии назначаются победителям открытого конкурса. Эти стипендии выделялись из средств резервного фонда Президента Республики Беларусь [4]. В соответствии с этим же Указом было принято решение повысить размеры стипендий аспирантов и докторантов академии на 20 % [4].

Формой поддержки творческой активности исследователей младшей возрастной категории стали конкурсы БРФФИ. В этих конкурсах принимает участие молодежь в возрасте до 35 лет. Для молодых исследователей, студентов, аспирантов в возрасте до 35 лет проводится ежегодный конкурс «Наука – М». Кроме этого, для молодых исследователей имеются возможности для участия в других конкурсах БРФФИ.

Одной из новых перспективных форм подготовки научных и научно-педагогических кадров является магистратура, которая с середины 1990-х гг. стала функционировать в организациях Министерства образования.

Особой формой поддержки молодых ученых являются ведомственные исследовательские гранты для докторантов, аспирантов и студентов (НАН Беларуси, Министерство образования). Ведомственные гранты предназначены

для повышения эффективности подготовки кадров высшей научной квалификации. Возраст соискателя гранта не должен превышать для докторантов 40 лет, аспирантов и студентов – 30 лет [5].

Премии НАН Беларуси являются самой престижной наградой за научные достижения после государственных премий Республики Беларусь. Президиум НАН Беларуси один раз в два года выделяет 6 премий молодым ученым.

Несмотря на ряд принятых мер в области государственной молодежной политики, в этот период в отрасли «наука и научное обслуживание» численность работников сократилась в большей мере, чем в других отраслях экономики. Высокие темпы оттока из научной сферы научных работников высшей квалификации молодого и среднего возраста создавали реальную угрозу утраты преемственности между поколениями белорусских ученых. Эта ситуация предопределила необходимость принятия дополнительных мер.

Третий этап (2001–2005 гг.)

Как показал проведенный анализ, наиболее активные меры по формированию системы воспроизводства кадрового состава науки проводились в начале первого десятилетия XXI в. Эти меры были осуществлены в основном в период с 2001 по 2005 г. в контексте реализации целей, задач и принципов государственной кадровой политики, а также политики в области развития научно-инновационной деятельности в республике. 18 июля 2001 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь № 399 «Об утверждении концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь», 26 июля 2004 г. – Указ Президента Республики Беларусь № 354 «О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций», в котором центральное место уделено вопросам формирования резерва руководящих кадров. В соответствии с этим Указом в республике впервые был введен институт перспективного кадрового резерва, в состав которого включаются студенты вузов и специалисты в возрасте до 31 года, имеющие лидерские и организаторские качества, способные к управленческой деятельности [6].

Для развития научной сферы важное значение имел Декрет Президента Республики Беларусь от 17 октября 2001 г. № 25 «О повышении роли науки и реформировании Национальной академии наук Беларуси». В этот же период на совещании у Премьер-министра Республики Беларусь 21 апреля 2004 г. (Протокол совещания у Премьер-министра Республики Беларусь 21 апреля 2004 г. № 01/13пр.) была поставлена задача создания в республике эффективного механизма и условий для реализации интеллектуального потенциала молодых ученых. Особая важность придавалась активизации информационно-аналитической работы – концепцией государственной кадровой политики Республики Беларусь было предусмотрено совершенствование механизма ее реализации, в частности, «создание республиканской информационной мониторинговой системы учета и анализа подготовки и использования кадров» [7].

В результате принятых мер удалось остановить процесс разрушения кадрового потенциала белорусской науки, создать условия для того, чтобы изменения в научной сфере приобрели позитивный и регулируемый характер.

На этом этапе продолжалась политика по приоритетной поддержке аспирантов. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 362 «О дополнительных мерах государственной поддержки науки», аспирантам и докторантам государственных организаций и учреждений были повышены в 1,3 раза размеры стипендий [8]. С 1 января 2005 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 357 стипендия аспирантов и докторантов была повышена на 50 процентов [9].

В рамках этого этапа начался процесс омоложения кадрового состава научных кадров, что проявилось в устойчивом росте с 2000 по 2004 г. численности молодежи в сфере науки, росте численности аспирантов. За отмеченный период доля молодежи (работников в возрасте до 29 лет) в общей численности работников отрасли «наука и научное обслуживание» выросла с 15,6 % до 20,2 %. Среди позитивных тенденций на этом этапе можно отметить то, что замедлились темпы сокращения кандидатов наук в возрастной группе до 39 лет. В НАН Беларуси численность кандидатов наук в возрасте до 39 лет с 1993 по 2000 г. уменьшилась более чем в 2 раза, а с 2000 по 2005 г. сокращение численности этой категории работников составило 13 %. Однако имели место и негативные тенденции – сокращалась доля докторов наук в возрастной категории до 49 лет. В НАН Беларуси с 2000 по 2004 г. доля докторов наук в возрасте до 49 лет уменьшилась с 14,9 % до 9,7 %.

На встрече Главы государства с талантливой молодежью 28 июня 2005 г. были подведены итоги десятилетней деятельности двух центральных структур, определяющих государственную политику по социальной поддержке одаренной и талантливой молодежи. Государственная поддержка талантливой молодежи рассматривалась в качестве одного из приоритетов государственной политики поддержки науки и культуры в стране. На встрече было подчеркнуто, что «поддержка талантливой молодежи – важное направление государственной политики в Беларуси» [10]. В то же время был сделан вывод о необходимости выработки комплексной и более эффективной системы отбора и поддержки талантливых и одаренных молодых людей. Было отмечено, что для достижения максимального эффекта от государственной поддержки молодых талантов необходимо, чтобы талантливые люди находились в центре внимания государства не только в период учебы, но и после ее завершения, в ходе трудовой деятельности» [10].

В 2005 г. были приняты дополнительные меры, направленные на совершенствование системы конкурсного отбора молодых ученых – претендентов на стипендию Президента Республики Беларусь. Стипендии Президента талантливым молодым ученым еще с 1998 г. были включены в систему мер государственной молодежной политики. С 2005 г. стипендии получили новую правовую основу. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь

№ 367 от 11 августа 2005 г. «О совершенствовании стимулирования творческого труда молодых ученых» учреждались 100 стипендий, т. е. количество этих стипендий увеличено более чем в 3 раза. В 2006 г. стипендии для докторов наук составили 40 базовых величин, для кандидатов наук – 30, для молодых ученых без степени – 20 [11].

Четвертый этап (2006–2010 гг.)

В рамках рассматриваемого этапа реализована Республиканская программа «Молодые таланты Беларуси» (2006–2010 гг.), которая была принята в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь № 310 от 10 мая 2006 г. Целью программы стало создание условий для выявления, развития, поддержки и социальной защиты талантливой молодежи [12]. Меры, предусмотренные программой, являлись продолжением реализации государственной политики по поддержке одаренных детей и молодежи, проводимой в 1996–2005 гг. Новизна состояла в том, что впервые система мер государственной поддержки талантливой молодежи была представлена в виде единого документа, в рамках которого определены основные мероприятия, предусмотрены источники их финансирования, заказчики, исполнители, координаторы и система отчетности и контроля.

Среди основных направлений программы предусматривался комплекс мер для более эффективного включения талантливой молодежи в интеллектуальную и творческую деятельность. Ряд мероприятий программы был непосредственно связан с решением проблем молодых ученых, в частности, это ведение компьютерных банков данных талантливой молодежи, проведение мониторинга карьерного роста талантливой молодежи, организация научных и творческих стажировок в Республике Беларусь и за рубежом молодых ученых, создание и организация работы Республиканского совета молодых ученых. Особое внимание было обращено на поддержку молодежи на начальном этапе профессиональной карьеры [12]. Была поставлена задача усиления материально-технического и информационно-методического обеспечения научных исследований молодежи, в том числе укрепления базы научно-исследовательских и творческих объединений учащихся и студентов, завоевавших общественное признание [12]. Реализация программы «Молодые таланты Беларуси» позволила придать более системный характер мерам по выявлению, развитию, поддержке и социальной защите талантливой молодежи.

13 января 2006 г. было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь № 40 «О некоторых вопросах ведения компьютерного банка данных одаренной молодежи». В соответствии с этим постановлением республиканские органы государственного управления должны ежегодно до 1 февраля предоставлять Министерству образования, в котором осуществляется ведение банка данных одаренной молодежи, данные о профессиональной

деятельности лиц (включенных в банк данных в процессе учебы), работающих в организациях, подчиненных органу государственного управления.

В соответствии с заданием государственной программы «Молодые таланты Беларуси» с 1 сентября 2007 г. молодым специалистам с высшим образованием, которые за период обучения в вузе (университете) имели поощрения специальных фондов Президента Республики Беларусь по социальной поддержке одаренных учащихся и студентов, а также по поддержке талантливой молодежи, в течение первых двух лет работы были повышены оклады (тарифные ставки) на 15 %. Этот порядок введен Указом Президента Республики Беларусь № 273 от 14 июня 2007 г. «О повышении заработной платы отдельным категориям молодых специалистов» [13].

Важное значение для социальной поддержки кандидатов и докторов наук, в том числе молодых, имело принятие Указа Президента Республики Беларусь № 450 «Об установлении доплат за ученые степени и звания». В соответствии с этим Указом установлены ежемесячные доплаты кандидатам и докторам наук государственных организаций 4-й и 6-й тарифных ставок первого разряда с 2008 г. [14].

Пятый этап (с 2011 г.)

В развитии системы государственного управления Республики Беларусь после 2011 г. существенно усиливаются требования к обеспечению комплексной системы стратегического планирования, основу которой составляют Концепция национальной безопасности Республики Беларусь и программы социально-экономического развития. Одним из базовых понятий Концепции является понятие «национальные интересы», под которыми понимается совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь [15, с. 3–4]. В этом документе впервые были сформулированы национальные интересы в научно-технологической сфере, согласно которым к основным национальным интересам относится формирование экономики, основанной на знаниях, а обеспечение развития научной сферы, наряду с развитием технологии, рассматривается как база для устойчивого инновационного развития Республики Беларусь [15, с. 9]. Среди основных потенциальных либо реальных угроз национальной безопасности в документе отмечается «снижение научно-технологического и образовательного уровня, не способного обеспечить инновационное развитие» [15, с. 16]. В кадровой сфере науки к числу угроз национальной безопасности отнесены неблагоприятная возрастная структура и недостаточный уровень подготовки научных кадров [15, с. 20]. Как отмечено в Государственной программе развития высшего образования Республики Беларусь на 2011–2015 годы, неблагоприят-

ная возрастная структура кадров высшей научной квалификации сложилась и в сфере образования [16].

Среди наиболее активно реализуемых в последнее время направлений государственной политики поддержки молодежи следует отметить принятие дополнительных мер, направленных на выявление талантливой и одаренной молодежи и ее выдвижение на руководящие должности в органах государственного управления и организациях отраслей экономики. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10 июля 2014 г. № 661 «О Республиканском координационном совете по реализации и совершенствованию молодежной кадровой политики в Республике Беларусь» создан республиканский координационный совет по реализации и совершенствованию молодежной кадровой политики в целях обеспечения согласованной работы на межведомственном уровне. Важное значение мерам государственной поддержки научной молодежи в среднесрочной (до 2020 г.) и долгосрочной (до 2025 г.) перспективе уделено в Программе совершенствования научной сферы Республики Беларусь. В частности, предусмотрено внедрение мер по научной профориентации старшеклассников на основе проведения дней науки на базе средних школ, учреждений среднего специального и дополнительного образования, организация факультативных занятий по принципу «Школы молодого ученого» с привлечением к работе известных ученых и молодых исследователей, организация конкурсов научных работ.

Обеспечение воспроизводства научных кадров высшей квалификации на основе эффективной молодежной политики является одной из важных задач стратегии развития белорусского государства. В республике сформировалась система привлечения и закрепления молодежи в науке. В то же время меры в рамках системы поддержки научной молодежи остаются относительно самостоятельным направлением, которое целесообразно в большей мере ориентировать на достижение конкретных показателей воспроизводства научных кадров. В современных условиях актуальной является задача повышения эффективности молодежной политики в науке, что определяется необходимостью кадрового обеспечения перехода к экономике, основанной на знаниях. Особенностью современной ситуации, в отличие от прошлых лет, является то, что в ближайшие годы на кадровое пополнение научной сферы молодежью будут оказывать негативное влияние демографические проблемы. В современных условиях особое внимание должно быть уделено совершенствованию механизма отбора и привлечения в науку перспективной молодежи, склонной к научной деятельности, решению актуальных проблем закрепления и профессионального становления молодежи в сфере науки.

Литература

1. Развитие науки в Беларуси в 1999 году : (Аналит. докл.). – Минск, 1999. – 77 с.

2. Об основах государственной научно-технической политики : Закон Респ. Беларусь, 19 янв. 1993 г. // Организация научно-технической деятельности в Республике Беларусь : сб. норм.-правовых актов. – Минск, 1996. – 147 с.

3. О мерах по сохранению и эффективному использованию научного потенциала Республики Беларусь : постановление Кабинета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 1994 г., № 276 // Организация научно-технической деятельности в Республике Беларусь : сб. норм.-правовых актов. – Минск, 1996. – 147 с.

4. О дополнительных мерах по реализации Национальной академией наук Беларуси статуса высшей государственной научной организации : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 авг. 1998 г., № 390 [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=p39800390&p2=%7BNRPA%7D. – Дата доступа: 10.05.2014.

5. Об утверждении Положения о порядке выделения грантов на выполнение научно-исследовательских работ докторантами, аспирантами (адъюнктами), соискателями и студентами (курсантами, слушателями) : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 нояб. 1998 г., № 1688 [Электронный ресурс] // Юрист. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31046652. – Дата доступа: 12.07.2014.

6. О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июля 2004 г., № 354 [Электронный ресурс] // Знаток. – Режим доступа: http://ru.znatock.com/docs/index-14823.html. – Дата доступа: 12.04.2014.

7. Об утверждении концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 июля 2001 г., № 399 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2001. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/press28443.html. – Дата доступа: 07.06.2014.

8. О дополнительных мерах государственной поддержки науки : Указ Президента Респ. Беларусь, 5 июля 2002 г., № 362 [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – 2002. – Режим доступа: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=P30200362. – Дата доступа: 10.05.2012.

9. Увеличена стипендия аспирантам [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2004. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/press17278.html. – Дата доступа: 10.05.2013.

10. Глава государства встретился с талантливой молодежью [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2005. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/press12190.html. – Дата доступа: 15.05.2012.

11. Республиканский конкурс для назначения стипендий Президента Республики Беларусь талантливым молодым ученым [Электронный ресурс] // Республиканский конкурс научных работ студентов. – 2012. – Режим доступа: http://www.sws.bsu.by/MolUCHKonkPrezident.htm. – Дата доступа: 11.09.2013.

12. О Государственной программе «Молодые таланты Беларуси» на 2006–2010 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 мая 2006 г., № 310 [Электронный ресурс] // Белорусское законодательство. – 2006. – Режим доступа: http://www.lawbelarus.com/repub/sub02/texa3651.htm. – Дата доступа: 21.04.2013.

13. О повышении заработной платы отдельным категориям молодых специалистов : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 июня 2007 г., № 273 [Электронный ресурс] // Беларусь сегодня. – Режим доступа: http://law.sb.by/585/. – Дата доступа: 21.04.2013.

14. Об установлении доплат за ученые степени и звания : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 сент. 2007 г., № 450 [Электронный ресурс] // БЕЛТА. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/articles/officially?cat_id=586. – Дата доступа: 03.04.2012.

15. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 (официальное издание). – Минск : Белорус. Дом печати. – 2011. – 48 с.

16. Об утверждении Государственной программы развития высшего образования на 2011–2015 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 1 июля 2011 г., № 893 [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://pravo.by/world_of_law/text.asp?RN=C21100893. – Дата доступа: 26.07.2014.

I. N. SHARY

THE MAIN STAGES OF FORMATION OF THE NATIONAL YOUTH POLICY IN SCIENCE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

The article presents the analysis of the stages of building the system of government support for young scientists in the Republic of Belarus. Key elements of the national youth policy are shown within the designated change stages. Functional peculiarities and main trends of changes in the youth policy in science are identified. The conclusion is made about the reasonability of considering the youth policy in science as a component part of the academic staff reproduction policy.

Keywords: youth policy in science, stages of formation, young scientists, academic staff reproduction, postgraduates, HR policy in science, demographic problems.

Поступила 01.10.2014 г.

УДК 316.344.3-053.6

Э. М. ЩУРОК,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ НАН БЕЛАРУСИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

На основе данных социологического опроса представлен анализ профессионального самочувствия молодых ученых научных организаций НАН Беларуси, рассмотрены условия, влияющие на успешность их профессиональной адаптации. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования кадровой политики в научной сфере, создания эффективной системы профессиональной адаптации молодежи в научной среде, повышения мотивации, стимулирования труда научной молодежи.

Ключевые слова: молодые ученые, научная сфера, научная деятельность, социальное и профессиональное самочувствие, профессиональная адаптация, мотивация, призвание, профессиональный выбор.

В современном белорусском обществе идет процесс трансформации таких базовых норм и понятий профессиональной деятельности, как престиж, статусные позиции, соотнесенные с профессией. Постепенно формируется новая рыночная структура трудовых мотиваций и новые модели карьерных стратегий.

Этот процесс трансформации базовых норм и понятий профессиональной деятельности в полной мере затронул и научную сферу. Как показывает опыт, кадровая политика в научной сфере, направленная на увеличение притока перспективных молодых специалистов в науку и их закрепление в научных организациях, постоянно наталкивается на объективные трудности, связанные с низким уровнем престижа науки и научной деятельности в обществе, а также с низким уровнем заработной платы молодых ученых и их социальной защищенности.

Все это находит свое отражение в состоянии профессионального самочувствия молодых ученых.

В зарубежной и отечественной социологической литературе имеется много теоретических работ, посвященных проблемам социального и профессионального самочувствия, где оно выступает как интегральная характеристика удовлетворенности или неудовлетворенности человека или социальной группы своим социальным и профессиональным положением. Это настроение раскрывается в ценностных ориентациях, ожиданиях, целях и задачах, которые ставят перед собой люди, и оценке ими своих возможностей в достижении желаемого статуса и социальной роли. Так, российский социолог Л. Е. Петрова рассматривает социальное самочувствие как интегральную характери-

стику реализации жизненной стратегии личности, субъективных ее сторон. Социальное самочувствие выступает как синдром сознания, отражающий отношение к взаимосвязи между уровнем притязаний (в основном определяемой содержательными характеристиками жизненной стратегии) и степенью удовлетворения смысложизненных потребностей (удовлетворенность реализованностью жизненной стратегии) в различных сферах жизнедеятельности субъекта – профессиональной, образовательной, семейной, досуговой, общения и пр. [1, с. 52].

На формирование профессионального самочувствия оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы (рис. 1).

К объективным факторам можно отнести: место науки в структуре государственных приоритетов, престиж профессии ученого в обществе, общее состояние научной сферы в конкретный период, положение отдельной организации в научной структуре. В конечном итоге именно объективные факторы научной деятельности и определяют для исследователей условия их деятельности, среди которых основными являются заработная плата, оснащенность современным научным оборудованием, возможность публикаций, зарубежных стажировок, научных командировок и т. д.

Субъективными факторами формирования профессионального самочувствия могут выступать: успешность процесса профессиональной адаптации, мотивация ученых к занятию научной деятельностью, уровень материального положения конкретного исследователя, но основополагающим фактором остается личность ученого, его интеллектуальный и творческий потенциал, уровень притязаний, обусловленный социально-психологическими качествами личности.

Данные социологического исследования проблем профессиональной адаптации молодых ученых НАН Беларуси (2012 г.) позволяют провести анализ их профессионального самочувствия по основным его компонентам и индикаторам.

Отличительные черты научной деятельности, прежде всего, ее творческий, когнитивный характер, во многом определяют структуру профессионального самочувствия и ее основные компоненты и индикаторы (табл. 1).

Таблица 1. **Структура профессионального самочувствия ученых**

Компоненты профессионального самочувствия	Индикаторы профессионального самочувствия
Восприятие ситуации в профессиональной среде	Оценка общей ситуации в науке; Оценка положения научной организации
Восприятие собственного социального и профессионального положения	Самооценка своего положения в науке; Удовлетворенность условиями работы
Перспективы личного и профессионального развития	Оценка перспективы профессиональной карьеры; Уровень социального оптимизма (уверенность в завтрашнем дне)
Степень реализации жизненных целей	Самооценка собственного экономического и материального положения; Самооценка удовлетворенности жизнью

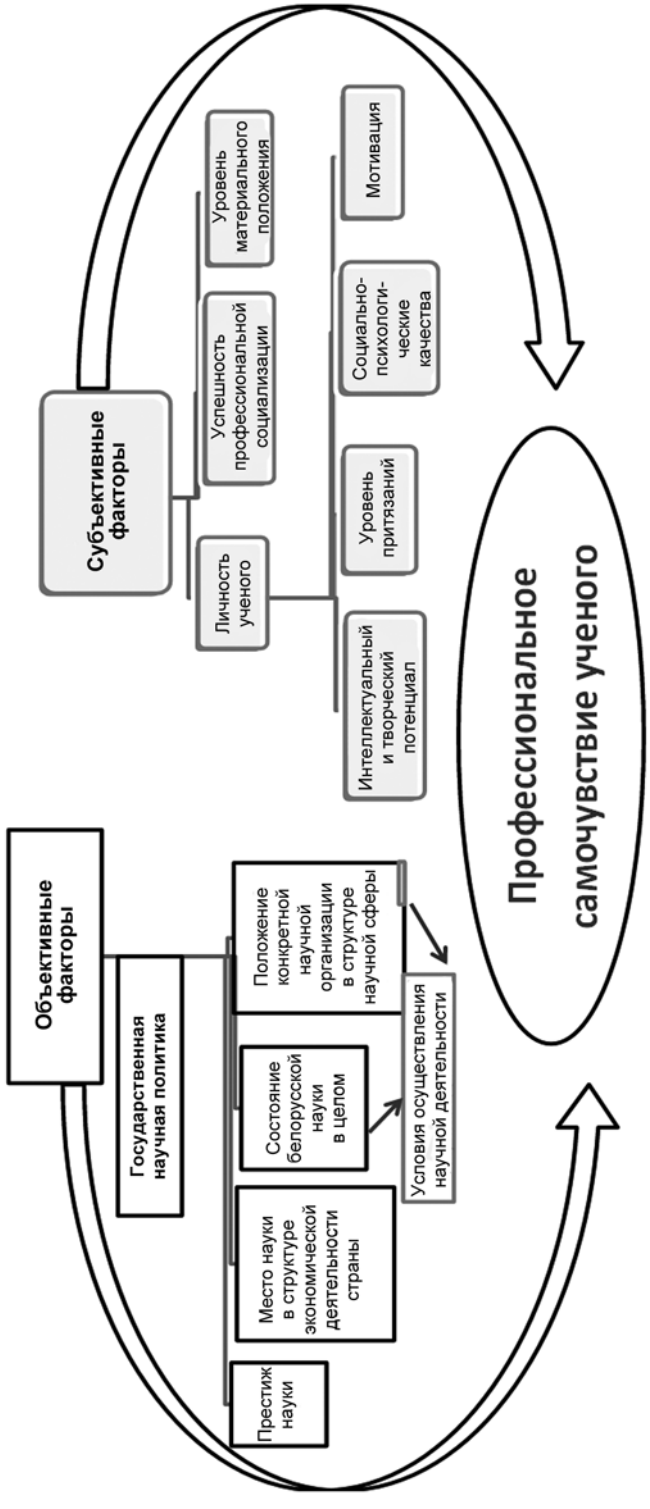


Рис. 1. Механизм формирования профессионального самочувствия ученого

Прежде всего рассмотрим такой компонент профессионального самочувствия, как восприятие ситуации в профессиональной среде, который представлен следующими индикаторами: оценкой общей ситуации в науке и оценкой положения научной организации, где ученый непосредственно занимается научной деятельностью. Только 8,1 % молодых ученых воспринимают ситуацию в белорусской науке как стабильную и с хорошими перспективами дальнейшего развития; 59,3 % – оценивают положение в науке как неустойчивое; 21,5 % – как кризисное, без достаточных гарантий и перспектив развития; 11,1 % – затруднились высказать свою точку зрения.

Положение своих институтов респонденты оценивают по сравнению с наукой в целом немного выше, но и эта оценка достаточно низкая. Так, только 16,8 % респондентов оценили положение своих институтов как стабильное. Как неустойчивое и неоднозначное – 52,6 %; как кризисное, без достаточных гарантий и перспектив развития – 19,7 % опрошенных.

К важным компонентам профессионального самочувствия относятся: восприятие собственного социального и профессионального положения; перспективы личного и профессионального развития; степень реализации жизненных целей. Эти компоненты представлены следующими индикаторами: удовлетворенность условиями работы; самооценка своего положения в науке; оценка перспективы профессиональной карьеры; уровень социального оптимизма (уверенность в завтрашнем дне); самооценка собственного экономического и материального положения; самооценка удовлетворенности жизнью.

Как показал опрос, степень удовлетворенности условиями научной деятельности варьируется у респондентов достаточно широко. Так, размер заработной платы вызывает у молодых ученых наибольшую неудовлетворенность – 78,4 % респондентов не удовлетворены данным условием научной деятельности. И это не случайно, так как у молодых ученых нет надбавок ни за стаж работы в отрасли, ни за ученую степень, что существенно сказывается на размере заработной платы.

Вторым условием, вызывающим у молодых научных работников наибольшее неудовлетворение, оказалось оснащенность современным научным оборудованием. Его слабость отметили 69,3 % молодых ученых. В большинстве своем респонденты довольны имеющейся компьютерной базой – 63,6 % дали положительные оценки.

Что же касается научных коммуникаций, то респонденты в целом довольны имеющейся у них возможностью опубликования результатов своих научных исследований и доступностью научной информации по теме исследования (85,1 % и 76,4 %). Однако большинство опрошенных молодых ученых не удовлетворены возможностью зарубежных стажировок и научных командировок (70,5 % и 51,6 % соответственно).

Важными условиями, оказывающими влияние на состояние профессионального самочувствия молодых ученых, являются возможность профессионального роста, перспективы научной карьеры и объективность оценки науч-

ной работы. Как показал опрос, в большей или меньшей степени устраивает молодых ученых объективность оценки их исследовательской работы. Более половины респондентов удовлетворены возможностью профессионального роста (60,7 %), а 44,4 % опрошенных молодых исследователей удовлетворены перспективами научной карьеры.

Среди социально-психологических условий своего труда, в частности, в отношениях с непосредственным руководителем не испытывают никаких проблем 88,7 % респондентов.

Не менее неоднозначно респонденты оценивают и свое положение в научной сфере. Только 15,3 % респондентов оценивают личностную ситуацию как стабильную и с хорошими перспективами; 51,1 % – считают свое положение в академической науке неустойчивым и неоднозначным, 8,8 % – кризисным без достаточных гарантий и перспектив. Очень высоким остается процент респондентов, которые затруднились высказать свою точку зрения (около 25 %).

Все вышеизложенные оценки профессионального положения молодых ученых приводят к тому, что многие из них планируют уйти из научной организации. Опрос показал, что только 41,4 % респондентов планируют и дальше работать в науке; 16,1 % – перейти в другие сферы деятельности. Причем почти 30 % опрошенных затруднились ответить на вопрос, что является еще раз подтверждением наличия у значимой части научной молодежи чувства неопределенности в своем профессиональном выборе. Основной причиной ухода в другую сферу деятельности 82,7 % ответивших на этот вопрос молодых ученых назвали низкий уровень заработной платы (табл. 2). Вызывают намерения сменить место работы у молодых исследователей такие обстоятельства, как невозможность вести полноценные научные исследования ввиду отсутствия современной материально-технической базы, недостаточный уровень бюджетного финансирования научных исследований и неопределенность будущего места работы. Кроме этого, 8,0 % молодежи не считают науку своим призванием, а 24,0 % не видят личных перспектив для построения успешной карьеры в науке.

Таблица 2. **Ответы исследователей в возрасте до 29 лет на вопрос: «Если вы планируете уйти в другую сферу деятельности, то каковы основные причины Вашего выбора?», %**

Причины ухода из научной сферы	% ответивших
Невозможность вести полноценные научные исследования ввиду отсутствия современной материально-технической базы	33,3
Невостребованность результатов научных исследований	29,3
Недостаточный уровень бюджетного финансирования научных исследований	28,0
Неопределенность будущего моей лаборатории (отдела, сектора, кафедры)	29,3
Низкая заработная плата	82,7
Отсутствие перспектив успешной научной карьеры	24,0
Понял, что наука не мое призвание	8,0
Другое	2,7

Своим материальным положением полностью удовлетворены только 23,3 % ответивших молодых исследователей, а 75,2 % оценивают свой экономический статус как ниже среднего и низкий. Неудовлетворенность своим материальным положением вынуждает молодых исследователей искать другие пути его улучшения. Так, почти у каждого третьего молодого ученого НАН Беларуси есть дополнительные источники доходов. Структура других доходов этой категории исследователей представлена на рис. 2, где можно видеть, что половина молодых ученых пользуются материальной поддержкой родственников, 41,3 % респондентов имеют случайные приработки, 22,2 % респондентов имеют дополнительный доход из-за выполнения работы по совместительству в других научных организациях. Грант БРФФИ выполняют только 14,3 % исследователей в возрасте до 29 лет включительно, всего лишь 4,8 % молодых исследователей получили грант зарубежных фондов, по 15,9 % заняты в работах по совместительству в своей и иных организациях и в оказании услуг по специальности.

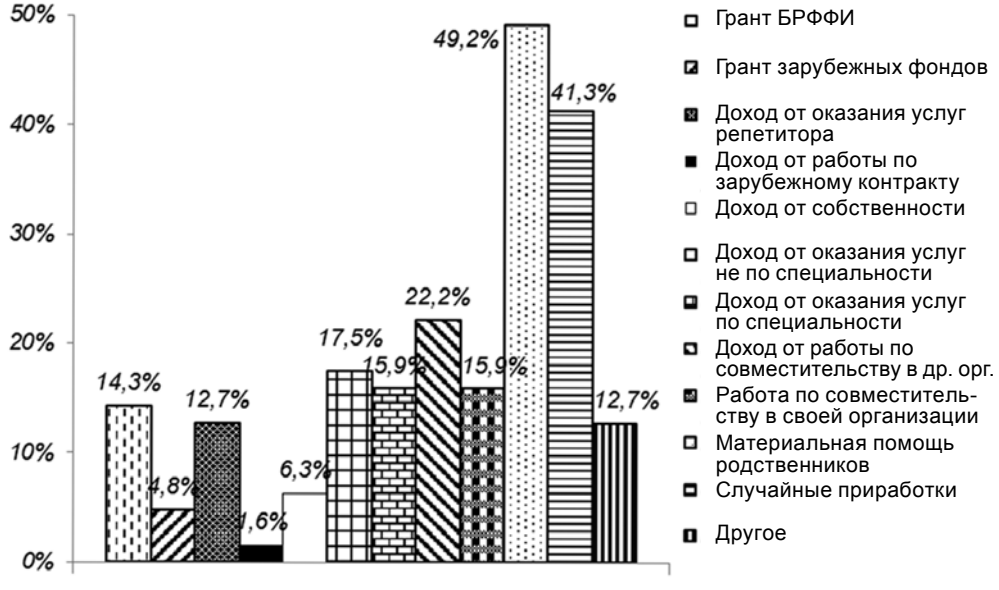


Рис. 2. Структура дополнительных источников дохода среди молодых ученых НАН Беларуси

Анализ структуры дополнительных источников дохода среди молодых ученых НАН Беларуси показывает, что большинство из них не связано с научной деятельностью. Такая структура вторичной занятости не может способствовать повышению квалификации и профессионального уровня молодых ученых и может отрицательно повлиять на их профессиональную адаптацию и, в конечном счете, на их социальное и профессиональное самочувствие.

Результаты исследования говорят о том, что для молодых ученых остро стоит проблема обеспеченности жильем. По результатам опроса, только

10,2 % научных работников в возрасте до 29 лет имеют свое жилье, а 15,3 % респондентов этого возраста могут позволить себе снять квартиру, в общежитиях проживает четверть опрошенных молодых ученых, а оставшаяся часть респондентов живет с родителями. Нерешенность жилищного вопроса очевидна, что, несомненно, накладывает негативный отпечаток и на престиж выбранной профессии ученого, и на уверенность в завтрашнем дне.

Опрос молодых ученых показал, что профессиональное самочувствие исследователей научных учреждений НАН Беларуси в возрасте до 29 лет в большинстве своем может быть охарактеризовано как неустойчивое, с преобладанием негативных оценок по ряду индикаторов профессионального самочувствия.

Неудовлетворенность заработной платой и низкие показатели основных индикаторов профессионального самочувствия, как правило, становятся фактором, повышающим недовольство молодых ученых своим социальным положением. В результате значимая доля опрошенных молодых научных работников не считают работу в сфере науки своим призванием. Только 62,6 % опрошенных молодых ученых уверены в профессиональном выборе, каждый четвертый молодой ученый не считает науку своим призванием, а 11,8 % – еще не определились со своей профессиональной сферой деятельности (рис. 3).

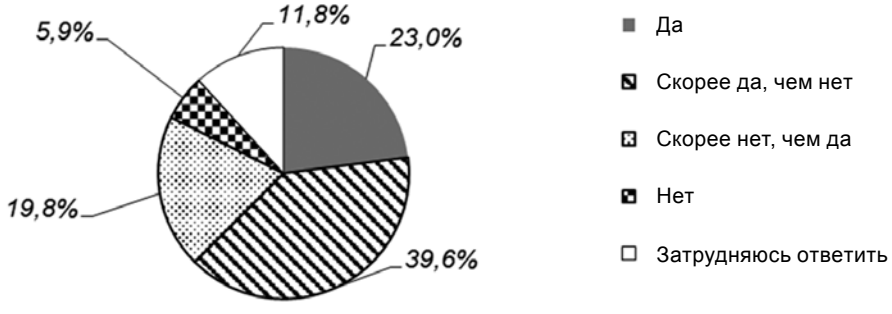


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос:
«Считаете ли Вы, что научная деятельность – это Ваше призвание?»

Сложившееся положение дел с научной молодежью говорит о том, что реализуемый комплекс государственных мер по привлечению и закреплению молодых исследователей в научной сфере является недостаточным и не оказывает решающего влияния на позитивное решение кадровых проблем. В результате белорусская наука постепенно теряет конкурентоспособность на республиканском рынке интеллектуального труда в сравнении с другими сферами деятельности, что может в перспективе значительно осложнить нормальное функционирование национальной научной системы, создать реальную угрозу утраты преемственности между поколениями белорусских ученых и привести к разрушению национальных научных школ.

Для решения указанных проблем нужна реализация комплекса мер, направленных на формирование оптимальной возрастной, квалификационной и отраслевой структуры кадрового потенциала научной сферы путем повышения уровня социальной защищенности молодых научных работников и совершенствования социально-экономического механизма закрепления молодых специалистов в науке на базе постоянного мониторинга их профессионального самочувствия с целью их успешной социально-профессиональной адаптации и последующего закрепления в научной сфере.

Литература

1. *Петрова, Л. Е.* Социальное самочувствие молодежи / Л. Е. Петрова // Социол. исслед. – 2000. – № 12. – С. 50–55.

E. M. SCHUROK

CURRENT STATE OF PROFESSIONAL WELL-BEING OF YOUNG SCIENTISTS OF NAS OF BELARUS: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

In this article on the basis of data of sociological poll the analysis of professional well-being of the young scientists of NAS of Belarus is presented, also the conditions which are influencing success of their professional adaptation are considered. Results of research can be used for improvement of personnel policy in the scientific sphere and creation of effective system of social and professional adaptation of youth in the scientific environment, increases motivation and work incentives of scientific youth.

Keywords: young scientists, scientific sphere, scientific activity, social and professional well-being, professional adaptation, motivation, calling, professional choice.

Поступила 02.10.2014 г.

УДК 001.81-055.2(476)

Т. А. АНТОНОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАДРОВОГО СОСТАВА НАУКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

На основе данных государственной статистики анализируются гендерные особенности кадрового состава науки Республики Беларусь в 2013 г. Приводятся сравнительные данные о распределении исследователей (в том числе докторов, кандидатов наук) по областям науки в 2003 и 2013 гг.

Ключевые слова: научные кадры, исследователи, женщины-исследователи, область науки, доктор наук, кандидат наук, гендерные особенности.

Одной из характерных особенностей современной науки является все усиливающаяся тенденция ее феминизации. Значительное увеличение числа женщин в мировой науке пришлось на середину 60-х гг. XX в. и произошло во многом благодаря росту образовательного уровня женщин, а также подъему феминистского движения. У советских женщин возможность беспрепятственного вхождения в научное сообщество появилась раньше, чем в других странах – с 20-х гг. XX столетия. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что на протяжении всей истории развития советской науки (в том числе белорусской) доля женщин в составе научных кадров увеличивалась, а в отдельные периоды темпы роста даже заметно опережали таковые у мужчин.

Процесс феминизации свойствен и современной кадровой ситуации в науке Беларуси. Учитывая, что доля женщин-исследователей в мире составляет в настоящее время примерно 30 %, Беларусь выгодно отличается от других стран по численности женщин-ученых. Так, по данным государственной статистики за 2013 г., общая численность исследователей, занятых в сфере науки Республики Беларусь, составляет 18 353 человека, в том числе доля женщин – 41,1 %.

Рассмотрим, как изменилось гендерное соотношение исследователей, занятых в различных областях науки, по сравнению с 2003 г. (табл. 1).

Как видно из данных табл. 1, в 2013 г. во всех областях науки, за исключением технических, численность женщин превышает численность мужчин. Так, в области медицинских, гуманитарных, сельскохозяйственных и естественных наук превышение составляет 1,8; 1,6; 1,5 и 1,03 раза соответственно; в области социально-экономических и общественных наук – 1,4 раза. Область

Таблица 1. **Гендерное распределение исследователей по областям науки (человек)**

Область науки	Всего		Мужчины		Женщины	
	2003 г.	2013 г.	2003 г.	2013 г.	2003 г.	2013 г.
Всего	17 702	18 353	9917	10 818	7785	7535
%	100	100	56,0	58,9	44,0	41,1
Естественные	4295	3411	2251	1684	2044	1727
%	100	100	52,4	49,4	47,6	50,6
Технические	9391	11 195	6031	7668	3360	3527
%	100	100	64,2	68,5	35,8	31,5
Медицинские	1021	876	339	310	682	566
%	100	100	33,2	35,4	66,8	64,6
Сельскохозяйственные	1087	1057	469	422	618	635
%	100	100	43,1	39,9	56,9	60,1
Социально-экономические и общественные	1360	1380	591	564	769	816
%	100	100	43,5	40,9	56,5	59,1
Гуманитарные	548	434	236	170	312	264
%	100	100	43,1	39,2	56,9	60,8

Рассчитано по: Наука и инновации в Республике Беларусь 2003 : стат. сб. – Минск : БелИСА, 2004. – С. 71; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2013 году. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. – С. 23.

технических наук является единственной, где численность женщин в 2,2 раза уступает численности мужчин.

Анализ статистических данных показал, что в период 2003–2013 гг. для большинства областей науки Беларуси свойственна довольно стабильная численность женщин в составе исследователей, с незначительным увеличением или уменьшением показателей в разные годы. В целом общее количество мужчин в составе исследователей республики в этот период выросло на 901 человека, а женщин – снизилось на 250 человек. Для естественных, сельскохозяйственных, гуманитарных, социально-экономических и общественных наук характерна тенденция к росту среди исследователей доли женщин, для медицинских и технических наук – к ее снижению.

Наиболее феминизированными в настоящее время являются области медицинских, сельскохозяйственных, гуманитарных, социально-экономических и общественных наук, доля женщин в которых составляет от 59 до 65 процентов. Преимущественно «мужской» остается область технических наук, причем доля женщин среди исследователей здесь не только не растет, но и постепенно уменьшается. Так, в 2003 г. она составляла 35,8 %, в 2013 – 31,5 %.

Почти треть всех исследователей республики (30,7 %) составляют научные работники Национальной академии наук Беларуси. Хотя в целом по республике, по сравнению с 2003 г., доля женщин в составе исследователей уменьшилась, в НАН Беларуси этот показатель вырос и составляет 47,3 %. Общая

численность женщин-исследователей НАН Беларуси, выполнявших научные исследования и разработки в 2013 г., составила 2669 человек, а их удельный вес среди женщин-исследователей республики – 34,2 % (табл. 2).

Таблица 2. **Численность исследователей, выполнявших научные исследования и разработки в НАН Беларуси (человек)**

Критерий	Год	Численность исследователей, человек		
		Всего	Из них женщин	
			АВ	%
Республика Беларусь	2003	17 702	7785	43,9
	2013	18 353	7535	41,1
в том числе НАН Беларуси	2003	6373	2913	45,7
	2013	5640	2669	47,3

Рассчитано по: Отчет о деятельности НАН Беларуси в 2003 году. – Минск : НАН Беларуси, 2004. – С. 210; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2013 году. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. – С. 23.

Рассмотрим квалификационную структуру работников научной сферы Беларуси. В первую очередь следует обратить внимание на факт уменьшения докторов наук мужчин и довольно стабильное число и даже рост количества докторов наук женщин. Анализ статистических данных показал, что если в 2003 г. в научных организациях и учреждениях республики работало 111 женщин – докторов наук, то в 2013 г. их численность составила 121 человек. Соответственно, численность мужчин – докторов наук составила в эти годы 643 и 582 человека. Таким образом, по сравнению с 2003 г., численность мужчин – докторов наук снизилась в 1,2 раза, женщин – выросла в 1,1 раза (табл. 3).

Как видно из данных табл. 3, наибольший удельный вес женщин – докторов наук в 2013 г. наблюдается в области гуманитарных наук, наименьший – в области технических наук. В области медицинских, сельскохозяйственных и гуманитарных наук, по сравнению с 2003 г., произошел небольшой рост числа женщин – докторов наук. В целом доля женщин среди докторов наук составляет в настоящее время 17,2 %, и все они относятся к возрастной категории старше 40 лет.

По кандидатам наук развитие кадрового потенциала характеризуют следующие показатели. Во-первых, необходимо отметить, что в стране продолжает уменьшаться общее количество кандидатов наук. Если в 2003 г. их численность составляла 3420 человек, то в 2013 г. – 2946 человек, при этом снижение произошло в основном за счет мужчин – их численность в составе исследователей снизилась на 447 человек. Численность женщин среди кандидатов наук в этот период снизилась всего на 27 человек, то есть почти в 16,5 раза меньше, чем мужчин (табл. 4).

Как свидетельствуют приведенные в табл. 4 данные, во всех областях науки, кроме естественных и медицинских, произошел рост численности женщин – кандидатов наук. Доля женщин в составе исследователей с ученой

Таблица 3. **Численность докторов наук в Республике Беларусь по областям науки, по полу (человек)**

Область науки	Всего		Мужчины		Женщины	
	2003 г.	2013 г.	2003 г.	2013 г.	2003 г.	2013 г.
Всего	783	703	672	582	111	121
%	100	100	85,8	82,8	14,2	17,2
Естественные	319	267	272	220	47	47
%	100	100	85,3	82,4	14,7	17,6
Технические	187	174	177	164	10	10
%	100	100	94,7	94,3	5,3	5,7
Медицинские	85	86	65	61	20	25
%	100	100	76,5	70,9	23,5	29,1
Сельскохозяйственные	63	68	54	54	9	14
%	100	100	85,7	79,4	14,3	20,6
Социально-экономические и общественные	53	52	43	44	10	8
%	100	100	81,1	84,6	18,9	15,4
Гуманитарные	76	56	61	39	15	17
%	100	100	80,3	69,6	19,7	30,4

Рассчитано по: Наука и инновации в Республике Беларусь 2003 : стат. сб. – Минск : БелИСА, 2004. – С. 71; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2013 году. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. – С. 23.

Таблица 4. **Численность кандидатов наук в Республике Беларусь по областям науки, по полу (человек)**

Область науки	Всего		Мужчины		Женщины	
	2003 г.	2013 г.	2003 г.	2013 г.	2003 г.	2013 г.
Всего	3420	2946	2238	1791	1182	1155
%	100	100	65,4	60,8	34,6	39,2
Естественные	1354	1007	825	571	529	436
%	100	100	60,9	56,7	39,1	43,3
Технические	932	792	800	655	132	137
%	100	100	85,8	82,7	14,2	17,3
Медицинские	313	280	129	102	187	178
%	100	100	42,4	46,4	59,7	63,6
Сельскохозяйственные	355	363	214	195	141	168
%	100	100	60,3	53,7	39,7	46,3
Социально-экономические и общественные	260	306	174	181	86	125
%	100	100	66,9	59,2	33,1	40,8
Гуманитарные	206	198	99	87	107	111
%	100	100	48,1	43,9	51,9	56,1

Рассчитано по: Наука и инновации в Республике Беларусь 2003 : стат. сб. – Минск : БелИСА, 2004. – С. 71; О научной и инновационной деятельности в Республике Беларусь в 2013 году. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. – С. 23.

степенью кандидата наук выросла во всех областях науки, причем наиболее полно в настоящее время женщины представлены среди кандидатов медицинских и гуманитарных наук. В целом анализ статистических данных показал, что женщины с учеными степенями и кандидата, и доктора наук наиболее широко представлены в области медицинских (соответственно 63,6 % и 29,1 %) и гуманитарных (56,1 % и 30,4 %) наук.

Что касается НАН Беларуси, то на 1 января 2014 г. доля женщин среди кандидатов наук здесь составила 40,9 %, при этом если в возрастной категории до 29 лет они составляют большинство (60,0 %), то по мере увеличения возраста их доля практически равномерно уменьшается и к 70 годам составляет 28,9 % (табл. 5).

Таблица 5. **Численность женщин с учеными степенями, выполнявших научные исследования и разработки в НАН Беларуси в 2013 г., по возрасту (человек)**

Возрастные группы, лет	Численность исследователей			В том числе					
				Доктора наук			Кандидаты наук		
	Всего	Женщин		Всего	Женщин		Всего	Женщин	
		Чел.	%		Чел.	%		Чел.	%
До 29 лет включительно	1201	585	48,7	0	0	0	40	24	60,0
30–34	676	351	51,9	0	0	0	178	84	47,2
35–39	454	264	58,1	3	0	0	197	86	43,7
40–44	331	200	60,4	3	0	0	134	72	53,7
45–49	378	200	52,9	8	3	37,5	137	72	52,6
50–54	512	291	56,8	28	6	21,4	173	63	36,4
55–59	693	300	43,3	67	14	20,9	228	80	35,1
60–69	982	391	39,8	179	35	19,6	432	159	36,8
70 и старше	413	87	21,1	170	22	12,9	149	43	28,9
ВСЕГО	5640	2669	47,3	458	80	17,5	1668	683	40,9

Рассчитано по: Отчет о деятельности НАН Беларуси в 2013 году. – Минск : НАН Беларуси, 2014. – С. 210.

Как видно из табл. 5, среди докторов наук доля женщин составляет 17,5 %, в том числе в возрастной категории до 44 лет докторов наук нет вообще, а далее, как и у кандидатов наук, их доля уменьшается с 37,5 % в возрасте 45–49 лет до 12,9 % – в возрасте 70 лет и старше. В целом доля женщин – кандидатов наук среди исследователей НАН Беларуси в 2,3 раза превышает долю женщин – докторов наук, при этом большинство женщин – кандидатов наук относится к возрастной категории до 29 лет, докторов наук – 45–49 лет.

Таким образом, по мере обращения к более высоким ступеням научной иерархии диспаритет между мужчинами и женщинами становится все заметнее. Невелика также доля женщин среди директоров научно-исследовательских институтов и научно-производственных центров НАН Беларуси – по примерным подсчетам в настоящее время она составляет не более двух процентов. За всю историю существования Национальной академии наук ее

действительными членами были избраны две женщины, членами-корреспондентами – двенадцать женщин. В настоящее время в НАН Беларуси трудятся всего одна женщина – академик и семь женщин – членов-корреспондентов, все они относятся к возрастной категории старше 60 лет.

Итак, анализ статистических данных о кадровом составе науки Беларуси показал, что женщины широко представлены практически во всех ее областях и в настоящее время превышают численность мужчин, занятых во всех областях науки, кроме технических. Наибольшее число женщин-исследователей (46,8 % от общей численности в научных организациях республики) сконцентрировано в области технических наук. Вместе с тем анализ квалификационной структуры различных областей науки (удельный вес исследователей высшей квалификации в общей численности исследователей данной области) показывает, что докторами и кандидатами наук (как мужчинами, так и женщинами) менее всего обеспечена именно область технических наук. Так, по состоянию на начало 2014 г. в области технических наук доля женщин-исследователей составила 5,7 % докторов и 17,3 % кандидатов наук, тогда как в области гуманитарных наук – 30,4 % докторов и 56,1 % кандидатов наук; в области сельскохозяйственных наук – 20,6 % докторов и 46,3 % кандидатов; в области медицинских наук – 29,1 % докторов и 63,6 % кандидатов; в области естественных наук – 17,6 % докторов и 43,3 % кандидатов. Таким образом, при сосредоточении женщин-исследователей главным образом в области технических наук, обеспеченность ее специалистами высшей квалификации одна из самых низких.

Анализ данных государственной статистики показал, что хотя в республике отмечается тенденция роста среди женщин-исследователей докторов и кандидатов наук, общее число женщин, имеющих ученые степени, а также занимающих руководящие должности в сфере науки, существенно уступает числу мужчин. Так как в науке Беларуси отсутствует дискриминация по признаку пола, что подтверждают и сами женщины, опрошенные Институтом социологии в рамках НИР «Особенности формирования и реализации карьеры женщины в науке», такую ситуацию, в первую очередь, можно объяснить традиционностью взглядов на место женщины в белорусском обществе, а также трудностями, связанными с необходимостью совмещения женщинами служебной карьеры с широким кругом семейных обязанностей. Так как материнство, забота о семье и доме транслируются как преимущественно женские обязанности, женщины в итоге обладают меньшими, по сравнению с мужчинами, временными ресурсами и возможностями для осуществления научной карьеры.

Тем не менее сами женщины считают, что гендерные стереотипы о роли женщины в обществе (согласно которым считается, что женщина в первую очередь должна заботиться о доме и семье, а не служебном росте) не оказывают тормозящего воздействия на научную карьеру женщины в том случае, если она четко ориентирована на построение карьеры в науке и умеет эффек-

тивно распределять свое время. Респонденты соглашались с предложенным им тезисом, что теоретически занятость женщины в семейной сфере может негативно сказываться на ее научной карьере, но в отношении себя утверждали, что необходимость уделять время семейным обязанностям не оказала практически никакого влияния на их карьерное продвижение. Более того, данные исследований показали, что устроенное семейное положение, а также наличие детей являются для большинства женщин не только фактором позитивного отношения к жизни, но и стимулом активных действий в сфере научной деятельности.

Однако при общей нацеленности на научную карьеру в начале своей трудовой биографии, большая часть женщин после защиты кандидатской диссертации изменяет своим намерениям, и в значительной мере это происходит, в том числе, из-за высоких требований, предъявляемых в настоящее время к качеству научных публикаций, а также весьма ощутимой конкуренции с мужчинами. Существенную роль играет и такой фактор, как большая ответственность и напряжение сил при не слишком высокой оплате труда научных сотрудников, в том числе кандидатов и докторов наук. По данным социологических исследований, большинство женщин-исследователей Беларуси (74,6 %) в той или иной степени не удовлетворены размером своей заработной платы. Более того, 52,2 % женщин считают низкий уровень заработной платы высококвалифицированных научных работников самой острой проблемой своих научных организаций. Такого же мнения 42,9 % женщин придерживаются по поводу заработной платы молодых ученых в своих трудовых коллективах.

Вместе с тем, хотя для 20,0 % из тех, кто собирается менять сферу трудовой деятельности, главной причиной такого решения является низкий уровень заработной платы, большинство женщин-исследователей (62,0 %) не планируют в ближайшей перспективе уходить из науки. Данные исследований показали, что главным условием эффективной научно-исследовательской работы и профессионального роста ученых, независимо от пола, в современных условиях, по мнению опрошенных, являются совершенствование материально-технической базы и улучшение финансирования фундаментальной науки, а также востребованность ее результатов прикладной наукой. Для того чтобы активизировать процесс инновационной деятельности, необходимо, в первую очередь, обеспечить развитие экспериментальной базы, соответствующей мировому уровню; разработать более совершенный механизм материального поощрения всех ученых, которые успешно осуществляют внедрение научных разработок в практику, и создать более благоприятные условия для развития международного сотрудничества в сфере научно-технической и инновационной деятельности. Кроме того, решение материальных и бытовых проблем, в частности, повышение уровня социальной защищенности и оплаты труда научных работников, а также решение жилищных проблем позволили бы создать равные для мужчин и женщин возможности реализации научной карьеры.

В целом гендерную ситуацию в науке Беларуси можно оценить скорее как положительную, чем отрицательную. В научной сфере страны отсутствует дискриминация по признаку пола, о чем свидетельствует тот факт, что женщины имеют численное преимущество практически во всех областях науки. Положительной тенденцией является также рост числа женщин, в том числе докторов наук, в отдельных областях науки и др. Тем не менее обеспечение гендерного равенства в сфере научной деятельности было и остается социальным и этическим требованием человеческого развития и является важнейшим условием всестороннего раскрытия потенциала научного сообщества.

T. A. ANTONOVA

GENDER CHARACTERISTICS OF SCIENCE PERSONNEL IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

The article by T. A. Antonova «Gender characteristics of science personnel in the Republic of Belarus» examines gender characteristics of scientific personnel in the areas of science in the Republic of Belarus for 2013. The article contains comparative data on the gender distribution of researchers by areas of science, the number of doctors and candidates of science among them.

Keywords: scientific personnel, researchers, areas of science, doctors of science, candidates of science, gender distribution.

Поступила 03.10.2014 г.

УДК 159.923.2-057.4

О. Г. ВОРОШЕНЬ,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРОФЕССИОНАЛЬАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ АСПИРАНТОВ: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются понятие и структура профессиональной идентичности, подчеркивается особая роль эмоционально-оценочного компонента профессиональной идентичности. Описываются данные эмпирического исследования, демонстрирующие, что важным условием формирования профессиональной идентичности аспиранта является наличие позитивно окрашенного эмоционально-оценочного компонента профессионального самосознания.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, структура профессиональной идентичности, эмоционально-оценочный компонент, отношение к профессии.

Проблема исследования профессионального развития личности продолжает оставаться актуальной в современной науке. Значительную часть своей жизни человек посвящает профессиональной деятельности, изучение которой, а также профессионального становления, профессиональной идентичности, широко представлено как зарубежными, так и отечественными авторами.

Активность в профессии, успешность профессионального становления в значительной степени зависят от сформированности профессиональной идентичности. В современных исследованиях профессиональная идентичность выделяется как основной критерий профессионального развития личности [1].

Ю. П. Поваренков рассматривает профессиональную идентичность как принятие индивидом на всех уровнях (социальном, психологическом) профессиональных ценностных позиций, санкционированных в данном профессиональном пространстве [2]. Он анализирует профессиональную идентичность как ведущий показатель профессионального развития личности, как эмоциональное состояние, которое возникает на основе отношения к профессиональной деятельности, профессионализации, к себе как профессионалу.

В работе Н. Л. Ивановой и Е. В. Коневой профессиональная идентичность определяется как «интегративное понятие, в котором выражается взаимосвязь когнитивных, мотивационных и ценностных личностных характеристик, которые обеспечивают ориентацию в мире профессий, позволяющих более полно реализовывать личностный потенциал в профессиональной деятельности, а также прогнозировать возможные последствия профессионального выбора» [3]. По мнению авторов, профессиональная идентичность отражает представления человека о своем месте в профессиональной группе, включает в себя

определенные ценности и мотивационные факторы, отношение к своей профессиональной принадлежности.

По мнению Е. Ю. Пряжниковой и Т. А. Егоренко, профессиональная идентичность представляет собой устойчивое согласование индивидуальных признаков, условий и содержания профессии, обеспечивающее достижение на конкретном этапе определенного уровня профессионализма, возможность дальнейшего профессионального роста, а также переноса сформированных навыков в измененные условия деятельности [4].

Таким образом, разнообразие подходов к анализу профессиональной идентичности позволяет рассматривать ее как сложный феномен, «как ведущую характеристику профессионального развития человека, которая свидетельствует о степени принятия избранной профессиональной деятельности в качестве средства самореализации и развития» [5], как осознание своей принадлежности к профессиональной группе, принятие себя как профессионала и значимого члена профессионального сообщества и т. д.

В нашей работе профессиональная идентичность вслед за Л. Б. Шнейдер трактуется как результат профессионального самоопределения, проявляющийся в осознании себя представителем определенной профессии и профессионального сообщества [6].

Ряд исследователей (Л. Б. Шнейдер, В. И. Осёдло, А. А. Деркач, Ф. К. Свободный и др.) в структуре профессиональной идентичности выделяют следующие составляющие:

1) когнитивная (профессиональные знания и профессиональные убеждения, осознание профессионального «Я-образа», осознание своей принадлежности к профессиональной общности);

2) эмоционально-оценочная (эмоционально-оценочное отношение к профессиональным убеждениям и знаниям, к самому себе как профессионалу, к профессиональной общности, ко всему, что связано с профессией);

3) поведенческая или регулятивная (тенденции действовать по отношению к себе как профессионалу, непосредственные действия, связанные с профессиональной деятельностью, включающие в себя принятие профессиональных требований, профессиональной роли, следование профессиональным эталонам, нормам, традициям) [6; 7; 8].

Особое значение принадлежит эмоционально-оценочной стороне профессиональной идентичности, которая проявляется в субъективном отношении к своей профессиональной принадлежности. Как отмечает Л. Б. Шнейдер, «онтологическую сущность идентификации составляют чувства, переживания» [6]. Принятие профессии проявляется в виде эмоционально-положительного отношения к профессии и к профессиональному сообществу. Отношение к профессии в целом тесно связано с личностными предпочтениями человека, его непосредственными эмоциональными реакциями на те или иные особенности профессии, профессиональные ситуации и взаимодействия с представителями профессии.

В оценке значимости своего членства в профессиональной группе можно выделить две группы установок: позитивные, которые включают в себя различные виды удовлетворенности и принятия своей группы (желание быть в группе, чувство удовлетворенности, гордости, достоинства), и негативные, которые проявляются в чувстве неудовлетворенности от принадлежности к группе, переживании дискомфорта, стыда, неполноценности.

При позитивных чувствах профессиональная идентификация происходит благодаря им; при негативных чувствах и при отсутствии чувств (безразличии), идентификация не наступает или носит искаженный характер [6].

Решая задачу формирования личности-профессионала, в научной литературе подчеркивается, что если субъект включен в профессию скорее когнитивно, чем ценностно и эмоционально, то, возможно, происходит овладение им лишь минимумом профессиональных знаний и умений, человек может не стремиться к профессиональному росту и самосовершенствованию [9].

Наличие позитивного эмоционального отношения может являться важным условием для успешного профессионального роста, который приносит удовлетворение и закладывает потребность в дальнейшей профессиональной деятельности.

На начальных этапах освоения профессии эмоциональный компонент профессиональной направленности личности характеризует «субъективный процесс отражения в форме эмоционального переживания личностью значимости учебной и профессиональной деятельности» [10]. Иными словами, данный компонент профессиональной идентичности включает те переживания, эмоции и чувства, которые молодой специалист, аспирант испытывает относительно осваиваемой специальности (сферы научной профессиональной деятельности). При этом эмоциональные переживания могут носить как непосредственный ситуативный характер, так и генерализованный, т. е. окрашивать учебную и исследовательскую деятельность субъекта в целом, и все, что с ней связано.

Таким образом, полноценное профессиональное развитие личности, формирование профессиональной идентичности может реализовываться только в ситуации принятия профессии, позитивного отношения к ней и всему, что с ней связано, когда профессиональные требования рассматриваются человеком как значимые, когда появляется направленность на освоение профессии. На этапе вхождения в профессию именно ее принятие порождает у аспиранта желание быть включенным в профессиональное сообщество, направляет его активность на получение необходимой профессиональной подготовки, освоение тех норм и требований, которые предъявляются к профессионалу [11].

В нашем исследовании мы предположили, что важным условием формирования профессиональной идентичности молодого специалиста, аспиранта является наличие позитивно окрашенного эмоционально-оценочного компонента профессионального самосознания. Иными словами, без обретения позитивного отношения к себе как к профессионалу, получаемой профессии,

принятия профессии невозможно «обретение профессионального самосознания высокого уровня и конструктивное профессиональное развитие специалиста» [12].

Исследование, проведенное сотрудниками сектора социологии науки и научных кадров Института социологии НАН Беларуси, позволило выявить особенности эмоциональной составляющей профессиональной идентичности аспирантов, ее взаимосвязь со степенью выраженности профессиональной идентичности.

В результате проведенного в мае–июне 2013 г. сплошного анкетного опроса получены ответы от 262 аспирантов дневной формы обучения научных организаций НАН Беларуси, расположенных в г. Минске.

Основываясь на полученных данных, в целом можно констатировать наличие общей тенденции в доминировании позитивных чувств над негативными в оценке выбранной профессии. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете, когда речь идет о профессии ученого?», представленных в оценках по 5-балльной шкале, где 1 – очень слабое, 5 – очень сильное. Согласно полученным данным, доминирующие средние значения выявлены в выраженности таких позитивных чувств, как достоинство (3,56), ответственность (3,71), гордость (3,18), удовлетворение (3,09). Отмечено их явное превалирование над оценками таких чувств, как стыд (1,60), неполноценность (1,64), безразличие (1,65), сожаление (1,90).

Процентное распределение оценок следующим образом иллюстрирует данную тенденцию. Так, чувство ответственности в сильной и очень сильной степени испытывали 60,7 % опрошенных аспирантов, в то же время чувство безразличия, выраженное в той же мере, указали только 5,6 % респондентов (рис. 1). Если 53,9 % респондентов ответили, что в сильной и очень сильной

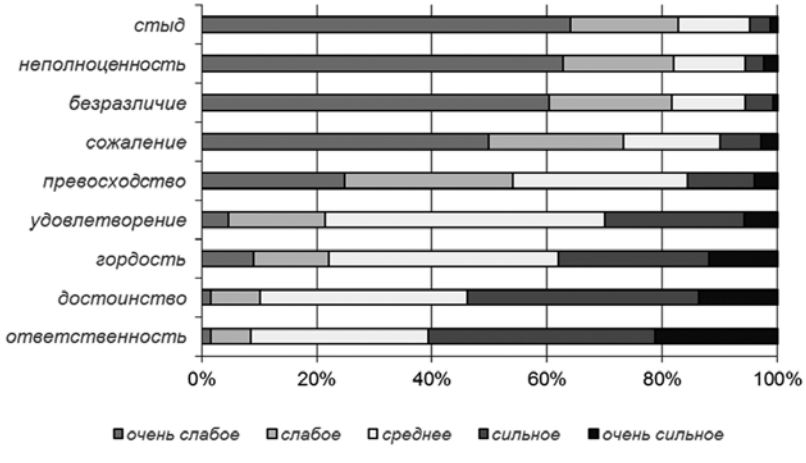


Рис. 1. Сила выраженности чувств по отношению к профессии ученого среди аспирантов

степени испытывали чувство достоинства, связанное с профессией ученого, то оценки об аналогичной выраженности чувства профессиональной неполноценности отмечены только у 6,6 % аспирантов. Безразличие по отношению к профессии (в сильной и очень сильной мере) характерно для 5,6 % опрошенных, а чувство удовлетворения, связанное с выбранной профессией, в той же мере отметили 29,9 % аспирантов.

Оценки, адресованные чувству стыда (присущему в сильной и очень сильной мере), указали только 4,8 % опрошенных, в то время как чувство гордости по поводу собственной причастности к профессии ученого в аналогичной мере испытали уже 38 % аспирантов.

Таким образом, у опрошенных аспирантов превалируют позитивные чувства (достоинство, гордость, ответственность, удовлетворение) в отношении своей профессии. Негативные чувства (стыд, безразличие, неполноценность, сожаление) выражены значительно слабее.

Анализируя различия эмоционального отношения к профессии у мужчин и женщин, можно выделить следующие особенности. Сравнение средних значений степени выраженности чувств показало, что негативный спектр чувств, как, например, чувство стыда (1,75), безразличия (1,75), неполноценности (1,81) и сожаления (2,05), связанные с профессией ученого, несколько более явно выражен у аспирантов-мужчин, нежели у женщин (рис. 2). В то время как среди женщин отмечается доминирующее значение в выраженности таких позитивных чувств, как ответственность (3,78), достоинство (3,62). Чувство превосходства, связанное с профессией, ярче выражено у опрошенных мужчин.

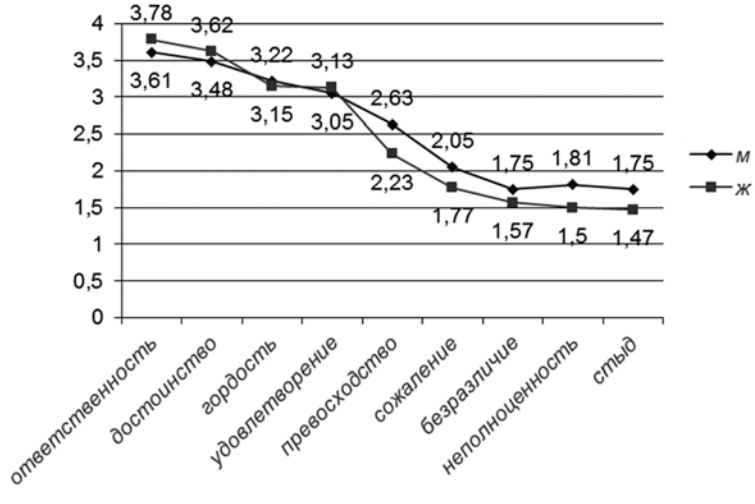


Рис. 2. Сила выраженности чувств по отношению к профессии ученого среди аспирантов-мужчин и аспирантов-женщин

Основываясь на полученных результатах, можно предполагать, что женщины оценивают свой профессиональный выбор более позитивно в отличие от мужчин. Если сильно и очень сильно чувство сожаления по отношению к профессии ощущают 14,7 % мужчин-аспирантов, то разделяют аналогичное по выраженности чувство сожаления только 6,1 % женщин. Ту же картину можно наблюдать и относительно чувства стыда, связанного с профессией ученого: 7,9 % мужчин указали, что испытывают чувство стыда в сильной и очень сильной степени, и только 2,3 % женщин указали на наличие у них сходных чувств.

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о более позитивном восприятии своей профессиональной принадлежности женщинами в отличие от мужчин.

Немаловажным, на наш взгляд, является анализ эмоциональной сферы аспирантов разных лет обучения. Три года обучения в аспирантуре – период приобщения к научной работе, реализации собственного научного проекта (который будет положен в основу кандидатской диссертации), общения с научным руководителем, коллегами, более глубокого освоения профессии, накладывающий отпечаток на оценочно-аффективное отношение к выбранной профессиональной сфере. Полученные данные позволили выявить различия в восприятии своей профессиональной принадлежности у аспирантов разных лет обучения.

Анализ полученных данных показал, что степень выраженности таких негативных чувств, как чувство стыда и неполноценности, остается практически одинаковой у аспирантов разных лет обучения. Другую картину можно наблюдать, если мы обратимся к рассмотрению таких чувств, как сожаление и безразличие. Сравнение средних значений степени выраженности чувства безразличия по отношению к профессии показало, что аспиранты второго (1,83) и третьего (1,65) годов обучения демонстрируют более высокие значения в оценке чувства безразличия по сравнению с аспирантами первого года обучения (1,46).

Максимально высокое значение в оценке степени выраженности чувства сожаления также продемонстрировали аспиранты третьего года обучения (2,07).

Напротив, анализируя распространенность чувств позитивного спектра, следует отметить, что наиболее высокие оценки их степени выраженности имеют место среди аспирантов первого года обучения. Это касается таких чувств, как ответственность (3,8), гордость (3,35), удовлетворение (3,17), превосходство (2,51).

Оценка престижности выбранной профессии также накладывает отпечаток на отношение к ней, что проявляется в следующих данных, представленных на рис. 3. Сравнение ответов аспирантов, по-разному оценивающих престиж научной сферы деятельности в нашей стране, показало, что степень выраженности позитивных чувств по отношению к профессии ученого выше среди аспирантов, считающих науку престижной в Республике Беларусь. И напротив, доминирующие значения выраженности чувств негативного

спектра выявлены среди аспирантов, для которых наука представляет собой далеко не престижную сферу деятельности.

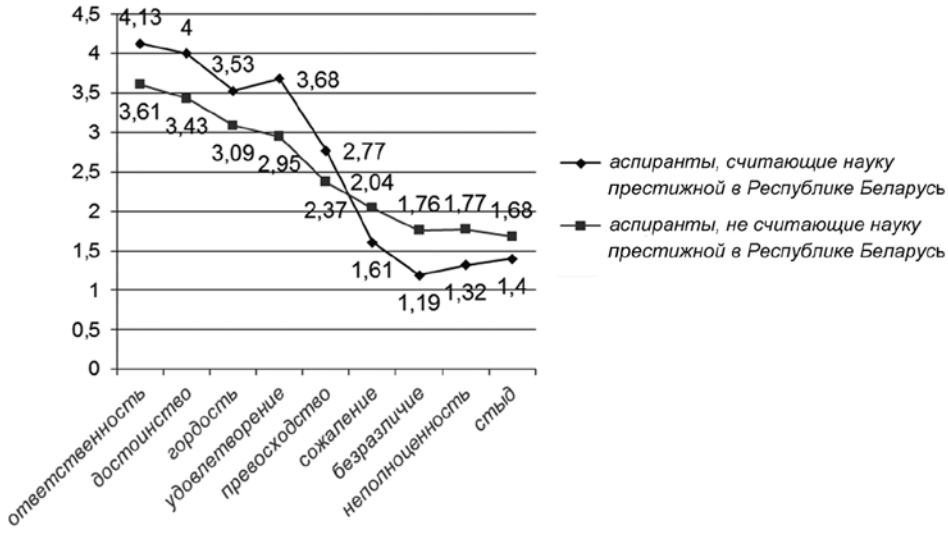


Рис. 3. Сила выраженности чувств по отношению к профессии ученого среди аспирантов, считающих и не считающих науку престижной в Беларуси

Представляется важным сравнение распределения ответов аспирантов, по-разному оценивающих свой профессиональный выбор. В ходе анализа выявлено, что максимально высокие значения в оценках позитивных чувств и минимальные значения в оценках негативных чувств характерны для аспирантов, считающих науку своим окончательным профессиональным выбором (рис. 4). С другой стороны, аспирантов, не считающих науку своим окончательным профессиональным выбором, отличают минимальные значения в оценках позитивных чувств при максимально высоко оцененных чувствах негативного спектра.

У аспирантов, испытывающих позитивные чувства к профессии научного работника и всему, что с ней связано, более быстро и эффективно проходят процессы профессиональной идентификации. Данный вывод сделан на основании анализа полученных данных, который показал, что максимально высокие значения в оценках позитивных чувств (таких как ответственность, достоинство, гордость, удовлетворение, превосходство) характерны для аспирантов, которые в большой и максимальной степени чувствуют себя представителями профессионального сообщества ученых.

Наименьшую силу выраженности негативных чувств (неполноценность, стыд, сожаление) по отношению к профессии продемонстрировали аспиранты, которые в максимальной степени ощущают себя представителем профессионального сообщества ученых.

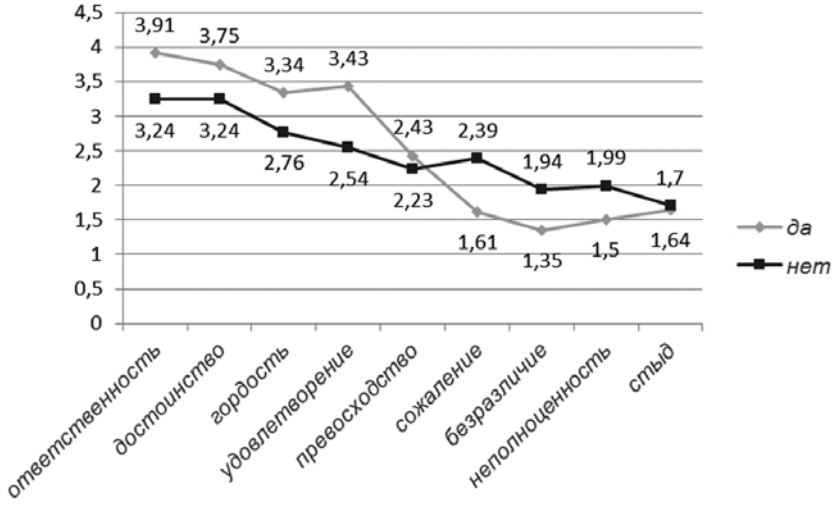


Рис. 4. Сила выраженности чувств, связанных с профессией, среди аспирантов, по-разному ответивших на вопрос: «Считаете ли Вы науку своим окончательным профессиональным выбором в жизни?»

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить наличие тесной взаимосвязи эмоционального компонента с процессами формирования профессиональной идентичности молодых специалистов. Формирование позитивной эмоциональной оценки профессии способствует более быстрому протеканию идентификационных процессов, успешному профессиональному становлению. Эмоционально-позитивное отношение к выбранной профессии является условием успешного формирования профессиональной идентичности.

Важным для формирования профессиональной идентичности является также убежденность в правильности выбора профессии. Значимым фактором в формировании позитивного отношения к профессии ученого является отношение общества к этой профессии, которое находит отражение в оценке аспирантами престижности данной профессии.

Литература

1. *Иванова, Н. Л.* Профессиональная идентичность в социально-психологических исследованиях / Н. Л. Иванова // Вопр. психологии. – 2008. – № 1. – С. 89–101.

2. *Поваренков, Ю. П.* Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю. П. Поваренков – М. : Изд-во УРАО, 2002. – 160 с.

3. *Иванова, Н. Л.* Профессиональная идентичность и профессиональное пространство / Н. Л. Иванова, Е. В. Конева // Мир психологии. – 2004. – № 2 (38). – С. 148–157.

4. *Пряжникова, Е. Ю.* Проблема профессионального становления личности / Е. Ю. Пряжникова, Т. А. Егоренко // Соврем. зарубеж. психология. – 2012. – № 2. – С. 111–123.

5. *Родыгина, У. С.* Психологические особенности профессиональной идентичности студентов / У. С. Родыгина // Психол. наука и образование. – 2007. – № 4. – С. 39–51.

6. *Шнейдер, Л. Б.* Профессиональная идентичность / Л. Б. Шнейдер. – М. : МОСУ, 2001. – 272 с.

7. *Осёдло, В. И.* Теоретические аспекты профессионального «Я-образа» личности [Электронный ресурс] / В. И. Осёдло // Психология и право: электрон. журнал / Портал психологических изданий. – 2013. – № 2. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61025.shtml. – Дата доступа: 20.08.2014.

8. *Деркач, А. А.* Акмеологические основы развития профессионала / А. А. Деркач. – М. : Изд-во Моск. психолого-пед. ин-та, 2004. – 752 с.

9. *Доцепко, О. Н.* Эмоциональная направленность представителей социономических профессий с различным уровнем выгорания : автореф. дис. … канд. психол. наук / О. Н. Доцепко. – М., 2000. – 25 с.

10. *Подлеснов, А. А.* Профессионализация личности аспиранта в процессе послевузовского профессионального образования [Электронный ресурс] / А. А. Подлеснов // Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теорет. и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования : материалы интернет-конф. / Научно-издательский центр «Социосфера». – 2013. – Режим доступа: http://sociosphera.com/publication/conference/2013/167/. – Дата доступа: 20.08.2014.

11. *Денисова, О. В.* Особенности эмоционально-ценностного отношения студентов-медиков к своей будущей профессии / О. В. Денисова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2008. – № 76–2. – С. 89–92.

12. *Шарапов, А. О.* Структура, динамика и условия развития эмоционально-оценочного компонента профессионального самосознания у студентов-психологов [Электронный ресурс] / А. О. Шарапов // Профессиональное самосознание и экономическое поведение личности : материалы междунар. интернет-конф. / Научно-издательский центр «Социосфера». – 2011. – Режим доступа: https://sites.google.com/site/konfep/Home. – Дата доступа: 20.08.2014.

O. G. VOROSHEN

PROFESSIONAL IDENTITY OF POSTGRADUATE STUDENTS: EMOTIONAL-EVALUATIVE ASPECT

Summary

The article describes the concept of professional identity and it's structure. A special role of the emotional-evaluative component is emphasized in the article. The author describes the results of her field study. The data shows that the positive emotional-evaluative component of professional identity facilitates it's forming.

Keywords: professional identity, structure of professional identity, emotional-evaluative component, attitude towards avocation.

Поступила 30.09.2014 г.

УДК 316.334.22(476)

А. В. БАЙДАЧНАЯ,
аспирантка Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ВЕНЧУРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Механизм совершения венчурной инвестиции рассматривается как совокупное вложение финансового капитала в высокотехнологичный проект и взаимодействие венчурного проекта с инновационной инфраструктурой и другими социальными институтами.

Ключевые слова: венчурная инфраструктура; инновационная инфраструктура; венчурное инвестирование.

Технологии венчурного инвестирования позволяют реализовывать новейшие разработки, идеи, стимулируют предприятия к переходу на инновационный тип развития, увеличивают эффективность функционирования экономики в целом, способствуя процессу взаимодействия всех звеньев цепи «наука – производство – рынок», повышают восприимчивость хозяйствующих субъектов к инновационной деятельности. Механизм совершения венчурной инвестиции не ограничивается вложением финансового капитала в высокотехнологичный инновационный проект или компанию, а сопровождается взаимодействием венчурного проекта с инновационной инфраструктурой и другими социальными институтами. Основные смысловые блоки данного определения базируются на следующих положениях. Во-первых, венчурная инвестиция по своей экономической сути предполагает вложения в высокотехнологичные инновационные проекты, а следовательно, в высокотехнологичное предпринимательство. Во-вторых, создание высокотехнологичного инновационного проекта базируется на знаниях и исследованиях участников проекта. В-третьих, для получения венчурных инвестиций команде высокотехнологичного инновационного проекта необходимо наличие в стране инновационной инфраструктуры: венчурных фондов, технопарков, бизнес-инкубаторов. В-четвертых, для эффективного взаимодействия участникам венчурного процесса необходимо наличие и накопление социального капитала внутри венчурного сообщества. Все вышеперечисленное складывается в феномен венчурной инфраструктуры. В авторской версии теоретико-методологического анализа понятие венчурной инфраструктуры рассматривается как экономическая структура, основанная на рисковых инвестициях в высокотехнологичные проекты и компании на разных стадиях роста, связанная с социально-экономической системой страны, ориентированная на научно-технический и социальный прогресс.

Основой венчурного инвестирования выступает высокотехнологичное инновационное предпринимательство, которое, превращая инновацию в продукт, часто формирует потребность, которая ранее не существовала, но сопровождается массовым использованием. Таким образом, обусловливается особенность структуры венчурного инвестирования, связанная с двумя факторами: высокой степенью неопределенности результата при реализации инновационного процесса для организации высокотехнологичного инновационного предпринимательства и высокой вероятности невозврата вложенных денежных средств и вследствие этого необходимость принятия мер безопасности от возможных потерь [1]. Кроме того, высокотехнологичный инновационный проект основан на научных исследованиях и разработках, а следовательно, взаимосвязан с уровнем развития науки в стране. Количество и качество научных исследований и разработок в сочетании с готовностью и возможностью ученых подготавливать и внедрять научные проекты влияют на привлечение венчурных инвестиций [2].

Необходимо учитывать, что первые этапы развития высокотехнологичного проекта проходят в условиях ограниченного времени и средств, а также зачастую сопровождаются отсутствием необходимых навыков и опыта у основателей проекта. Для снижения издержек на ранних этапах развития высокотехнологичных проектов и оптимизации процессов по прототипированию и коммерциализации, в мировой венчурной практике получили развитие инновационные инфраструктуры [3]. Типичные представители инновационной инфраструктуры: бизнес-акселераторы, бизнес-инкубаторы, технопарки, инновационные фонды и др. Основная цель инновационных инфраструктур – снизить материальные издержки зарождающихся высокотехнологичных компаний за счет льготного предоставления технологической и консалтинговой экспертизы, предоставить консультационную помощь юридического, экономического и маркетингового характера и оказать содействие в поиске инвестирования.

В то же время на базе инновационных инфраструктур происходит совмещение различных акторов венчурного процесса: обладателей идеи, высокотехнологичных предпринимателей, менторов, инвесторов и представителей венчурных фондов. Для эффективного взаимодействия этим акторам необходимо обладать социальным капиталом, основными характеристиками которого являются высокий уровень доверия между участниками, низкий уровень нормативной зарегулированности. Общение акторов венчурной инфраструктуры в рамках локальных социальных сетей снижают стоимость информации и делают ее более доступной, особенно касательно зарождающихся рынков и новых технологических возможностей. Содействие социального капитала в экономическом развитии происходит за счет снижения транзакционных издержек: доступности информации о зарождающихся бизнес- и технологических возможностях [4; 5; 6; 7].

Развитие венчурного инвестирования происходит за счет развития и успешного функционирования венчурных инфраструктур. На базе венчурных

инфраструктур формируются прочные сетевые сообщества, состоящие из бизнес-ангелов или венчурных инвесторов ранней стадии инвестирования [8]. Представители сетевых сообществ выполняют ряд важных функций для развития венчурной инфраструктуры: обучение высокотехнологичных предпринимателей в рамках развития их собственных проектов; прирост социального капитала высокотехнологичных предпринимателей и проекта посредством обеспечения связей предпринимателей с рынками, экспертами, партнерами, капиталом, клиентами, информацией и знакомствами с другими успешными предпринимателями и создания прочных взаимоотношений и партнерств, основанных на доверии; оценка перспективных венчурных проектов с помощью стратегического консультирования и менторства; привлечение инвесторов ранней стадии к финансированию высокотехнологичных проектов; развитие и популяризация культуры предпринимательства в обществе.

На основе анализа правовых документов, статистических данных и данных стандартизированного интервью с экспертами проанализированы некоторые аспекты условий развития венчурной инфраструктуры в Республике Беларусь и выделены основные проблемы, определяющие ее становление и развитие. В рамках авторского социологического исследования, проведенного в декабре–мае 2013–2014 гг. в Республике Беларусь, осуществлено стандартизированное интервью с экспертами. Экспертами выступили представители двух групп: бизнес-ангелы, менторы – предприниматели/топ-менеджеры, с достаточным опытом управления бизнесом (более 10 лет), инвестирующие собственные денежные накопления в молодые высокотехнологичные компании или оказывающие менторскую поддержку на постоянной основе (26 человек); высокотехнологичные предприниматели/стартаперы – предприниматели, организующие молодые высокотехнологичные компании и претендующие на венчурные инвестиции (20 человек). Представительность группы экспертов обусловлена их компетентностью и способностью высказать обоснованное мнение по изучаемым вопросам. Численность группы экспертов согласуется с рекомендуемой численностью для данного вида опросов [9, с. 26]. Интервью проводились по документу «Бланк интервью эксперта», базовыми блоками которого являются вопросы, направленные на изучение состояния и динамики развития венчурной инфраструктуры на территории Республики Беларусь по выявлению проблем, связанных с венчурной инфраструктурой и влияющими на нее социальными институтами. По результатам исследования выявлены и проанализированы следующие социальные проблемы.

Проблема низкой информированности экспертов о субъектах венчурной инфраструктуры. По данным Белстата, на территории Республики Беларусь развернута широкая инновационная инфраструктура. На начало 2014 г. зарегистрировано 12 технопарков и 2 центра трансфера технологий, 14 инкубаторов малого предпринимательства (бизнес-инкубаторов), функционирует ПВТ (на 1 января 2012 г. зарегистрировано 106 резидентов, общая численность работников Парка достигла 11,8 тыс. человек). В целом в республике

создано более 80 различных структур, работающих в сфере информационного, консультационного, организационного и иного обеспечения инновационной деятельности [10]. Однако большинством экспертов (88 %) работа инновационной инфраструктуры Беларуси оценивается как не системная и не эффективная. Эксперты связывают это с низкой степенью информированности о деятельности этих инфраструктур. Так, о деятельности «Минский областной технопарк», «Китайско-Белорусский индустриальный парк», «Научно-технологический парк БНТУ» не знают более трети экспертов (41 %, 53 %, 35 % соответственно). О таких инновационных инфраструктурах, как «Белорусский инновационный фонд», «Инвестиционная компания ЗУБР-капитал», «Минский городской технопарк», «Технопарк “Полесье”», «Научно-технологический парк Полоцкого государственного университета», «Научно-технический парк Витебского государственного университета» большинство респондентов (60 %, 65 %, 76 %, 94 %, 82 %, 98 % соответственно) впервые слышат и не знакомы с их деятельностью. Значительно лучше эксперты информированы о деятельности таких организаций, как: «Парк высоких технологий» – 24 % респондентов знают о существовании этой организации, 35 % знают о результатах деятельности из открытых источников, 41 % знакомы с проектами, получившими поддержку; «Стартап технологии» – 47 % респондентов знают о существовании этой организации, 18 % знают о результатах деятельности из открытых источников, 35 % знакомы с проектами, получившими поддержку; «Сообщество Бизнес-Ангелов БАВИН» – 24 % респондентов знают о существовании этой организации, 12 % знают о результатах деятельности из открытых источников, 65 % знакомы с проектами, получившими поддержку; «Бизнес-акселератор Имагуру» – 12 % респондентов знают о существовании этой организации, 59 % знают о результатах деятельности из открытых источников, 24 % знакомы с проектами, получившими поддержку.

Проблема низкого доверия среди участников венчурного рынка. Эксперты подтверждают гипотезу о низком уровне доверия среди участников венчурного рынка Беларуси. Стартапер, обладатель инновационной идеи, пользуется наименьшим уровнем доверия среди других участников венчурного рынка, большинство респондентов (52 %) склонны «скорее не доверять ему, чем доверять». Однако если этот «обладатель идеи» является предпринимателем, то есть обладает опытом ведения бизнеса, то уровень доверия значительно повышается (65 % «скорее доверяют, чем нет», и 18 % «доверяют»). Наибольшим уровнем доверия обладают инвесторы (41 % «доверяют» и 53 % «скорее доверяют, чем нет») и бизнес-ангелы (53 % «доверяют» и 29 % «скорее доверяют, чем нет»). Средним уровнем доверия обладают инженеры, изобретатели, программисты, работающие над созданием инновационных высокотехнологичных продуктов, – 29 % «доверяют», 41 % «скорее доверяют, чем нет», 24 % «скорее не доверяют». Самым низким уровнем доверия обладают представители инновационных инфраструктур, большинство испытывают к ним недоверие в разной степени (41 % «скорее не доверяет, чем да» и 47 % «не доверяют

совсем»). Большинство экспертов (52 %) низкий уровень доверия связывают с низкой профессиональной подготовкой участников венчурного рынка, а треть экспертов (31 %) – с низкой активностью участников венчурного рынка, а также информационным вакуумом (12 %).

Проблема отсутствия «посевных» инвестиций. Большинство экспертов (76 %) выразило озабоченность «крайней необходимостью» инвестиции стадии «Посев» в размере до 50 000 долл. США. Инвестиции именно этого размера позволяют провести апробацию большинства инновационных высокотехнологичных идей, проверить потребность и емкость рынка, провести прототипирование. Также необходимы инвестиции стадии «Стартап» – 19 % респондентов заявило, что они «крайне необходимы» и 75 %, что «необходимы». Эти инвестиции в размере до 200 000 долл. США позволят высокотехнологичным продуктам, прошедшим стадии прототипирования, сделать пробные партии образцов и выпустить их на локальный рынок. Инвестиции уровня «Ранний рост» (до 1,5 млн долл. США) и «Расширение» (до 5 млн долл. США) «менее необходимы» по мнению экспертов. Большинство экспертов сказали о «малой необходимости» инвестиций уровня «Расширение» (52 %) и «Ранний рост» (57 %).

Эксперты оценивают белорусский венчурный рынок как «умеренно перспективный» (59 %) и «перспективный» (31 %), подчеркивая, что рынок находится в зарождающемся состоянии и сейчас наибольшей необходимостью является решение проблем ранней стадии, включающих в себя прототипирование и менторскую помощь инновационным идеям и проектам. По отраслям инвестирования эксперты рассматривают как перспективные и востребованные для венчурных инвестиций рынок ИТ (30 %), энергетику (15 %) и биотехнологии (18 %).

Проблема кадрового рынка венчурной отрасли в Республике Беларусь. Более трети экспертов (41 %) отмечают несформированность кадрового рынка для венчурной отрасли и недостачу специалистов различного уровня; 18 % говорят о том, что кадровый рынок находится в угнетенном состоянии, наблюдается дефицит и частично полное отсутствие специалистов необходимой квалификации; 35 % респондентов подчеркивают неравномерную наполненность кадрового рынка и дефицит специалистов. Наиболее востребованы рынком такие специалисты инновационной сферы, как управляющий инвестициями (20 %), аналитик (18 %), управляющий венчурным фондом (16 %), менеджер по науке и инновациям (15 %) и технологический броккер (15 %). ⅓ экспертов считают, что проблема отсутствия современного образования специалистов в области инноваций тормозит развитие венчурной области в целом в стране.

Проблема подготовки проектов для инвестирования. Значительное большинство экспертов (71 %) заявляют о низкой степени готовности проектов для инвестирования. По их мнению, проекты требуют значительной доработки, маркетинговых исследований, проработки стратегии продвижения

и проработки бизнес-плана. Почти треть экспертов (29 %) говорят о неравномерности подготовки проектов. В представлении проектов инвесторам может преобладать техническая составляющая над коммерческой и маркетинговой, и наоборот. Никто из респондентов не отмечает высокой степени проработки проектов и готовности к инвестированию.

Возможное решение этой проблемы эксперты видят в развитии сетевых сообществ и менторской поддержке проектам именно на ранней стадии, когда опытные предприниматели, бизнесмены и консультанты могут в короткие сроки поднять степень проработки проекта и подготовить его к инвестициям.

Проблема развития научной сферы. Эксперты (81 %) считают недостаточным уровень инвестирования в белорусскую науку и, как следствие, недостаточное развитие научной сферы и наличие научных проектов, готовых для венчурного инвестирования. Треть экспертов (35 %) отмечают отсутствие научных проектов, а более половины (53 %) – их незначительное количество.

Выявленные проблемы очерчивают круг вопросов, необходимых для решения представителями не только инновационных инфраструктур, но и бизнес-сообщества для развития венчурной инфраструктуры в Республике Беларусь. Анализ круга этих вопросов приводит к выводу, что все они связаны с базовым уровнем венчурной инфраструктуры. Процесс решения этих вопросов многосторонний и требует участия различных институтов: образования – подготовка современных кадров для работы в инновационных инфраструктурах, науки – для развития проектов в научной сфере, государства – для нормализации условий работы нормативно-правовой базы, бизнес-сообщества и представителей инновационных инфраструктур – для наращивания социального капитала между участниками венчурных процессов, повышения уровня доверия и степени информированности. Немаловажна и популяризация венчурной инновационной деятельности среди различных слоев и представителей белорусского общества. Анализ всего круга социальных проблем, сдерживающих развитие венчурной инфраструктуры в Республике Беларусь, указывает на необходимость содействия в развитии венчурной инфраструктуры именно на начальном уровне развития.

Литература

1. *Бузник, В. М.* Малый высокотехнологичный бизнес / В. М. Бузник. – Владивосток : Дальнаука, 1996. – 60 с.

2. *Володарская, Е. А.* Имидж науки: от размышления к действию? / А. А. Володарская // Вопр. психологии. – 2011. – № 11. – С. 100–114.

3. *Freear, J.* The informal venture capital market: Milestones passed and the road ahead / J. Freear, J. E. Sohl, W. E. Wetzel ; ed. D. L. Sexton and R. W. Smilor. – Chicago : Upstart Publishing Company, 2000. – P. 47–69.

4. *Бурдьё, П.* Формы капитала / пер. с англ. М. С. Добряковой ; Различение: социальная критика суждения (фрагменты книги) / пер. с фр. О. И. Кирчик / П. Бурдьё // Западная экономическая социология : хрестоматия соврем. классики. – М. : РОССПЭН, 2004. – 680 с.

5. *Coleman, J.* Social Capital in the Creation of Human Capital / J. Coleman // The American J. of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. 95–120.

6. *Патнэм, Р.* Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь / Р. Патнэм // МЭ и МО. – 1995. – № 4. – С. 77–86.

7. *Шавель, С. А.* Социальный капитал как источник инновационного развития / С. А. Шавель // Социология. – 2008. – № 1. – С. 16–35.

8. Венчурные акселераторы: сети инновационого развития [Электронный ресурс] / ОАО «РВК» и Всемирный банк. – 2013. – Режим доступа: http://www.rusventure.ru/ru/programm/analytics/docs/201212_venture_acceleration_networks_rus.pdf. – Дата доступа: 02.03.2014.

9. Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации / под ред. Д. Г. Ротмана, А. Н. Данилова, Л. Г. Новиковой. – Минск : БГУ, 2001. – 354 с.

10. Официальная статистика: наука и инновации. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Минск, 2012. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homer/ru/indicators/science.php. – Дата доступа: 22.08.2013 г.

A. V. BAIDACHNAYA

SOCIAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND FORMATION VENTURE INFRASTRUCTURE

Summary

Venture investment mechanism is considered as a set of financial capital investments in high-tech project and interaction venture project with innovation infrastructure and other social institutions.

Keywords: venture capital infrastructure; innovation infrastructure; venture capital investment.

Поступила 03.10.2014 г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.2(476)

Г. Н. СОКОЛОВА,
доктор философских наук, профессор,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОСТОЯНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Представлена концепция человеческого капитала как экономической категории современности. Показано, что в процессе воспроизводственного движения человеческий капитал совершает естественный оборот, охватывающий период трудовой деятельности; экономический – воспроизводство традиционных технологий и профессий; инновационный оборот, связанный с качественным обновлением названных компонентов. Рассмотрено состояние и использование человеческого капитала в Республике Беларусь. Выявлены проблемы, которые препятствуют переходу экономического оборота к инновационному обороту человеческого капитала в Беларуси.

Ключевые слова: человеческий капитал, естественный оборот человеческого капитала, экономический оборот человеческого капитала, инновационный оборот человеческого капитала.

Человеческий капитал как экономическая категория современности

Концепция человеческого капитала явилась закономерным результатом генезиса мировой экономической и философской мысли. С тех пор как человечество стало осознавать свою творческую роль, свое значение по преобразованию окружающего мира, наиболее пытливые умы пытались познать тайну творческой силы человека, выявить ее наиболее характерные качества и свойства, оценить, измерить и дать количественную интерпретацию. Создание теории человеческого капитала как самостоятельней научной концепции обусловлено изменениями, происшедшими в социальной и экономической жизни общества в эпоху научно-технической революции, когда человек стал решающей силой общественного прогресса и экономического роста, наиболее ценным ресурсом современного общества. Возникла общественная потребность в создании такой теории, которая, с одной стороны, учитывала бы радикальные изменения, происходящие под воздействием научно-технической революции, а с другой – адекватно освещала роль и значение человека в новых условиях и определяла направления рационального развития и использования его интеллектуального потенциала.

Теория человеческого капитала произвела известный переворот в экономике труда. Этому способствовали три наиболее принципиальных момента:

переход от текущих показателей к показателям, охватывающим весь жизненный цикл (пожизненные заработки); выделение «капитальных» инвестиционных аспектов в поведении агентов на рынке труда; признание человеческого времени в качестве ключевого экономического ресурса. В рамках теории человеческого капитала получили объяснение структуры распределения личных доходов, возрастной динамики заработков, неравенства в оплате мужского и женского труда и многое другое. Благодаря ей изменилось и отношение политиков к затратам на образование. Образовательные инвестиции стали рассматриваться как источник экономического роста, не менее важный, чем обычные капиталовложения [1, с. 649–652].

Человеческий капитал как экономическая категория наиболее полно раскрывается в рамках функционального подхода, реализация которого связана не только с анализом внутренней структуры явления, но и с анализом его функционального предназначения, конечного целевого использования. С этой точки зрения, человеческий капитал – не просто совокупность знаний, навыков, способностей, которыми обладает человек. Во-первых, это накопленный запас знаний, навыков, способностей. Во-вторых, это такой запас знаний и навыков, который целесообразно используется человеком в той или иной сфере общественного производства и способствует росту производительности его труда. В-третьих, целесообразное использование данного запаса в виде высокопроизводительной деятельности закономерно приводит к росту заработков (доходов) работника. В-четвертых, увеличение доходов стимулирует, заинтересовывает человека путем инвестирования в образование и здоровье увеличивать, накапливать новый запас знаний, навыков и мотиваций, с тем, чтобы в дальнейшем его вновь эффективно применить. Отметим, что такой элемент человеческого капитала, как мотивация, является важным и необходимым для того, чтобы процесс воспроизводства (формирования, накопления, использования, инвестирования) человеческого капитала носил завершенный характер. Таким образом, с позиций функционального подхода к анализу экономических явлений, *человеческий капитал – это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и эффективности производства и тем самым влияют на рост заработков (доходов) человека* [2, с. 45–46].

Инвестирование в человеческий капитал – это важнейшая предпосылка его воспроизводства, но еще не само воспроизводство, которое осуществляется в процессе деятельности, где носитель этого капитала выступает либо субъектом, либо объектом воздействия. Человеческий капитал создается как в общественном секторе экономики – посредством рыночного механизма, так и индивидуальном – в смысле затрат времени и усилий на накопление личных знаний, навыков, опыта. Но личные затраты неизбежно включаются в общественные, ибо накопленный запас знаний и умений может быть реализован в обществе посредством активной деятельности их обладателя [2, с. 48].

Инвестиции в человеческий капитал имеют ряд отличий от других видов инвестиций. Отдача от инвестиций в человеческий капитал непосредственно зависит от срока жизни его носителя (продолжительности трудоспособного периода). Чем раньше делаются вложения в человека, тем быстрее они начинают давать отдачу. Но нужно иметь в виду, что более качественные и длительные инвестиции приносят более высокий и долговременный эффект. Человеческий капитал не только подвержен физическому и моральному износу, но и способен накапливаться и умножаться; износ человеческого капитала определяется, во-первых, степенью естественного износа (старения) человеческого организма, а во-вторых, степенью морального износа вследствие устаревания знаний или изменения ценности полученного образования.

По мере накопления человеческого капитала, его доходность обычно повышается до определенного предела, ограниченного верхней границей активной трудовой деятельности (активного трудоспособного возраста), а затем снижается. При формировании человеческого капитала имеет место «обоюдный множительный эффект», состоящий в том, что в процессе обучения возрастают характеристики и способности не только у обучаемого, но и у того, кто обучает, что впоследствии приводит к росту заработков как первого, так и второго. Не всякие инвестиции в человека могут быть признаны вложениями в человеческий капитал, а лишь те, которые общественно целесообразны и экономически необходимы. Характер и виды вложений в человека обусловлены историческими, национальными, культурными особенностями и традициями. По сравнению с инвестициями в другие формы капитала, инвестиции в человеческий капитал являются наиболее выгодными как с точки зрения отдельного человека, так и с точки зрения всего общества [2, с. 50–51].

В процессе воспроизводственного движения человеческий капитал совершает естественный, экономический и инновационный обороты. Циклический характер воспроизводства человеческого капитала проявляется в трех главных видах: 1) *естественный* оборот – обусловлен естественным выбытием и заменой работников при завершении периода их трудовой деятельности; 2) *экономический* оборот – заменой традиционно применяемой технологии, техники с целью поддержания непрерывного процесса воспроизводства и сопровождается подготовкой работников традиционных профессий на среднем для той или иной отрасли уровне; 3) *инновационный* оборот – качественным обновлением технологии и техники, совершенствованием организации труда и сопровождается обучением работников новым специальностям, повышением их профессионального уровня, улучшением качества и ростом производительности их труда.

Человеческий капитал находится одновременно в состоянии естественного и экономического оборотов; инновационный оборот имеет место в условиях качественного обновления физического, организационного и человеческого капиталов и требует не только значительных инвестиций, но и активного использования достижений научно-технического прогресса и новых научно-

образовательных знаний. Для каждого вида оборота характерны своя длительность цикла, амортизационного периода и норма амортизации. Поскольку смена способов труда происходит во времени и пространстве циклически, постольку воспроизводственное движение человеческого капитала осуществляется тоже циклически [2, с. 61–62].

Функциональный кругооборот человеческого капитала происходит посредством жизнедеятельности его носителя – человека, производительные силы которого принимают в процессе воспроизводственного движения различные функционально-логические формы. Существует семь стадий функционального кругооборота человеческого капитала: инвестирование в человека в виде конкретных вложений; накопление человеком необходимого творческого потенциала; использование накопленного потенциала в процессе труда, ведущее к росту производительности труда; рост доходов человека и достижение других эффектов; рост уровня потребления и повышение качества жизни человека; повышение мотиваций, заинтересованности в новых инвестициях; новое инвестирование в человека. Повторяющийся и возобновляемый в каждом новом цикле функциональный оборот человеческого капитала называется общим оборотом индивидуального человеческого капитала. Интеграция общих оборотов индивидуальных человеческих капиталов в единый процесс общественного воспроизводства называется общим оборотом совокупного человеческого капитала. Общий оборот индивидуального и совокупного человеческого капитала обеспечивает воспроизводство национального богатства страны, а также воспроизводство и развитие общества, всех сфер человеческой жизнедеятельности [2, с. 62–63].

На постиндустриальной стадии развития общества с социально ориентированной экономикой рыночного типа производительные силы человека реализуются в форме интеллектуального капитала, представляющего собой сформированный в виде инвестиций и накопленный человеком определенный запас культуры и здоровья, научно-образовательных знаний и мотиваций, который целесообразно используется в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействует росту производительности и качества труда и тем самым ведет к росту личного и общественного благосостояния. Основным формам инвестиций в человека (расходам на науку, образование и здравоохранение) соответствуют *активы* человеческого капитала, выраженные в показателях средней продолжительности жизни населения, уровня его образования и реального душевого валового внутреннего продукта (ВВП). Агрегируемые в «Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП, в современной трактовке – ИЧР), эти показатели используются ООН и Всемирным банком для сопоставления уровня развития разных стран и разделения их на четыре категории: с очень высоким, высоким, средним и низким уровнем Индекса человеческого развития (ИЧР). Создание подобного индекса – одна из попыток по-новому определить понятие экономического роста, с тем, чтобы «развитие служило людям, а не люди – развитию». Таким образом, эмпири-

чески, с помощью теории человеческого капитала, в конце XX в. была создана и совершенствуется единая аналитическая рамка для объяснения таких, казалось бы, разнопорядковых явлений, как вклад науки, образования и здравоохранения в современный экономический рост, выраженный в показателях Индекса человеческого развития и валового внутреннего продукта. Отметим, что по данным показателям Республика Беларусь в 2013 г. занимала 50-е место среди стран с высоким уровнем ИЧР, у России – 55-е место.

Состояние и использование человеческого капитала в Республике Беларусь

Сегодня Беларусь все больше интегрируется в цивилизационные мирохозяйственные связи, где ведущими тенденциями стали глобализация экономических отношений, либерализация международной торговли, экологизация социально-экономических процессов, становление постиндустриального (информационного) общества. Данные закономерности подвели республику к необходимости создания социально-экономической парадигмы развития, где человек становится не просто средством, фактором экономического роста, но его главной целью и ценностью. Для реализации новой социально-экономической парадигмы в республике необходима кардинальная структурная перестройка экономики на основе новейших достижений научно-технического прогресса и эффективного использования интеллектуального потенциала нации. И здесь свою миссию «фундамента цивилизационного прогресса» призваны выполнить отечественная наука и образовательная система, способные подготовить теоретико-методологическую и правовую базу для строительства новой открытой экономики [3, с. 21–37]. В соответствии с поставленными целями в республике назрела необходимость провести *инвентаризацию* и *стоимостною оценку* научно-технического и образовательного потенциалов, с позиций *эффективности использования* человеческого капитала, и определить, в какой мере *экономический* оборот человеческого капитала может быть переведен в *инновационный* оборот в условиях поворота Республики Беларусь к развитию «экономики знаний».

Состояние и использование человеческого капитала в сфере науки

Состояние совокупного человеческого капитала в научной сфере определяется как в натуральных показателях (численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, численность исследователей по областям науки и др.), так и стоимостных показателях, отражающих затраты на научные исследования и разработки, а также затраты организаций промышленного производства на технологические инновации по видам инновационной деятельности. По данным государственной статистики, среднегодовая численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками,

уменьшилась с 1990 по 1998 г. в абсолютном значении в 2,5 раза, а начиная с 2000 г. изменяется незначительно. Что касается соотношения исследователей, техников и вспомогательного персонала, то в 2012 г. оно составляло 63,4, 7,2 и 29,4 % соответственно (табл. 1).

Таблица 1. **Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, % к итогу**

Персонал	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Численность персонала всего, в том числе:	100	100	100	100	100
исследователи	60,2	59,2	62,7	63,0	63,4
техники	7,8	7,2	7,1	7,2	7,2
вспомогательный персонал	32,0	33,6	30,2	29,8	29,4

Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 414.

Среди исследователей – 4 % докторов и 16,8 % кандидатов наук, 79,2 % не имеют ученой степени [4, с. 415]. Обращает на себя внимание, что исследователей почти в 10 раз больше, чем техников. Это заставляет предположить, что исследователи либо перегружены техническими работами в ущерб научным, либо их функции не выходят за рамки технических работ. И то и другое не присуще инновационным разработкам.

К концу 2012 г. в области технических наук было сосредоточено 59,5 % исследователей, естественных наук – 19,7 %, общественных наук – 7,2 %, медицинских – 5,2 %, сельскохозяйственных – 6,4 %, гуманитарных наук – 2,0 % (табл. 2). Анализ распределения численности исследователей по областям науки показывает, что основная их часть сконцентрирована в области технических наук – около 60 % от общей численности в научных организациях и вузах республики. Вместе с тем обеспеченность этой области науки исследователями высшей квалификации наименьшая. Доля докторов наук в области технических наук составляла в 2012 г. 1,8 %, кандидатов наук – 8,6 %, без степени – 89,6 % [4, с. 415].

Таблица 2. **Численность исследователей по областям науки, % к итогу**

Годы	Всего	В том числе по областям науки:					
		естественные	технические	медицинские	сельско-хозяйственные	обществен-ные	гуманитар-ные
2000	100	23,8	54,4	6,3	5,7	7,0	2,8
2005	100	22,4	56,8	4,6	6,9	6,6	2,7
2010	100	21,1	59,1	5,3	6,3	6,5	1,7
2011	100	19,5	60,8	5,2	6,1	6,4	2,0
2012	100	19,7	59,5	5,2	6,4	7,2	2,0

Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 415.

Это тревожная тенденция, учитывая тот факт, что, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь «Об утверждении приоритетных направлений научно-технической деятельности в Республике Беларусь» (06.07.2005 г., № 315), исследования в области технических наук отнесены к приоритетным направлениям научной деятельности. Это – ресурсосберегающие и энергоэффективные технологии производства конкурентоспособной продукции, новые материалы и новые источники энергии, информационные и телекоммуникационные технологии.

Одним из главных *стоимостных* показателей научно-технического потенциала республики является доля внутренних затрат на научные исследования и разработки в ВВП, составившая в 2000 г. 0,72 %, в 2005 г. – 0,68 %, в 2010 г. – 0,69 %, в 2011 г. – 0,70 %, в 2012 г. – 0,67 % (табл. 3). Снизившись с 1990 по 2000 г. почти в 3 раза, доля расходов на науку находится, вплоть до нынешнего времени, скорее в режиме флуктуации, нежели – активного роста. Для сравнения укажем, что, по опубликованным данным, в Великобритании и Франции уровень затрат на науку по отношению к ВВП составляет более 2 %, а в США и Германии – около 3 %. Примерно на этом уровне находились в 1990 г. и расходы на науку в Республике Беларусь, являясь одним из приоритетов экономической политики республики.

Таблица 3. **Внутренние затраты на научные исследования и разработки из всех источников финансирования Республики Беларусь**

Затраты на научные исследования и разработки	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
В фактически действовавших ценах (млрд руб.)	66,0	441,5	1 140,6	2 081,9	3 537,8
В процентах к ВВП	0,72	0,68	0,69	0,70	0,67

Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 416.

Мировой опыт показывает, что научно-технический прогресс остается наиболее стабильным фактором накопления финансовых средств для расширенного воспроизводства, дальнейшего развития инноваций и наиболее выгодной, хотя и наиболее рискованной сферой помещения капитала. В экономически развитых странах ассигнования в науку не снижались даже в периоды экономических спадов и отличались более высокими темпами роста, чем вложения в производство. Согласно мировому опыту, доля научных расходов в ВВП должна быть не менее 3 %. Пороговое же значение расходов на научные исследования и разработки, по отношению к ВВП, как одного из показателей экономической безопасности страны, принято считать равным 2 %. Из этого следует, что достигнутый в республике общий уровень развития научно-технической деятельности не может быть оценен как достаточный для государства, стремящегося к экономической и политической независимости в условиях ограниченных собственных сырьевых и энергетических ресурсов

и сложной экологической обстановки. Соотношение фактического и порогового значений показателя затрат на научные исследования и разработки составляет в Беларуси 0,4.

Другим *стоимостным* показателем, отражающим состояние научной сферы в республике, является структура внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки по видам работ (табл. 4). Она свидетельствует о том, что более ½ затрат направляется на разработки (в частности, на создание новой продукции и технологий), включающие в себя проведение опытно-конструкторских (при создании изделий) и опытно-технологических (при создании материалов, веществ, технологий) работ. На фундаментальные исследования, реально изменяющие традиционный технологический уклад, затрачивается от $^1/_5$ до $^1/_6$ выделяемых средств.

Таблица 4. **Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам работ, % к итогу**

Годы	Внутренние текущие затраты – всего	В том числе по видам работ:		
		фундаментальные научные исследования	прикладные научные исследования	экспериментальные разработки
2000	100	19,0	24,0	57,0
2005	100	20,4	29,0	50,6
2010	100	16,5	25,9	57,6
2011	100	15,8	31,1	53,1
2012	100	14,5	36,8	48,7

Рассчитано по: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 417.

По удельному весу фундаментальных исследований в затратах на науку Беларусь приближается к уровню ведущих экономически развитых стран (США – 18 %, Италия – 22 %, Франция – 25 %), но несколько уступает по соотношению расходов на фундаментальные и прикладные исследования: в 2000 г. это соотношение составляло 1 : 1,3, в 2012 г. – 1 : 2,5, по сравнению с мировым показателем 1 : 2.

В организациях промышленного производства основные объемы затрат (66,2 %) идут на приобретение машин и оборудования; доля затрат на приобретение новых технологий и компьютерных программ составляет по 0,5 %, на обучение и подготовку персонала – всего 0,2 % (табл. 5). Истоки данной ситуации состоят в том, что, по данным Комплексной программы научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2001–2020 гг., 48,2 % действующих технологий использовалось еще до 1985 г. Из эксплуатируемых промышленными предприятиями 13,2 тыс. передовых технологий 31,4 % внедрены до 1994 г.; создано же за 2002 г. 407 передовых технологий, 90 % из которых являются новыми только в Беларуси [5, с. 45–46].

Анализ состояния и использования человеческого капитала в сфере науки Республики Беларусь приводит к выводу о том, что экономический оборот

Таблица 5. **Затраты организаций промышленного производства на технологические инновации по видам инновационной деятельности, % к итогу**

Статьи затрат	2012 г.
Все затраты на технологические инновации, в том числе на:	100
исследования и разработки	10,6
приобретение машин и оборудования	66,2
приобретение новых технологий	0,5
приобретение компьютерных программ	0,3
производственное проектирование	22,1
обучение и подготовка персонала	0,2
маркетинговые исследования	0,1

Рассчитано по: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 420.

человеческого капитала за последнее десятилетие обусловлен обновлением устаревшей традиционно применяемой технологии и техники с целью поддержания непрерывного процесса воспроизводства и сопровождается подготовкой работников традиционных профессий на среднем для той или иной отрасли уровне. Анализ взаимосвязи натуральных и стоимостных показателей научно-технического развития свидетельствует об экономическом обороте человеческого капитала, настроенном на обновление традиционной техники и технологий. Для *инновационного* оборота человеческого капитала его научно-технический потенциал представляется недостаточным, поскольку показатели этого потенциала ниже пороговых значений, определенных мировой экономикой.

Состояние и использование человеческого капитала в сфере образования

Состояние совокупного человеческого капитала в сфере образования определяется как в натуральных показателях (численность и доля людей со средним, высшим и средним специальным образованием, структура уровней образования, число лет обучения и др.), так и стоимостных показателях, отражающих образовательную емкость ВВП, объем и долю расходов на получение образования разного уровня. Уровень общеобразовательной и специальной подготовки является одним из наиболее значимых показателей, характеризующих человеческий капитал в образовательной сфере. Среднее число лет обучения в Беларуси составило, по итогам переписи населения 2009 г., 11,0 лет. В России, по опубликованным материалам, число лет обучения составляет 10,3 года и в настоящее время имеет тенденцию к снижению. Это намного ниже требований, предъявляемых к образованию современным этапом научно-технического развития. В ведущих капиталистических странах к началу XXI в. подготовка рабочей силы достигала уровня 14 лет обучения.

Что же касается образовательной структуры человеческого капитала в Республике Беларусь, то (по данным переписи населения 2009 г.) лица с высшим образованием составляли 17,9 % от всего населения в возрасте от 10 лет и старше; со средним специальным – 25,6 %; с профессионально-техническим образованием – 10,5 %; со средним общим – 22,3 %; с базовым общим – 12,6 %; с начальным образованием – 11,1 % [6, с. 105]. Таким образом, доля лиц с высшим и средним специальным образованием составляла в начале XXI в. 43,5 % от уровня образования населения в возрасте от 10 лет и старше. Между тем в США, например, доля лиц с высшим и средним специальным образованием среди взрослого населения достигала в то же время 60 %.

За истекшее время (2000–2012 гг.) доля учащихся общеобразовательных школ уменьшилась на 10,8 %, а доля учащихся ПТУ – на 0,8 %. В то же время доля обучающихся в дошкольных учреждениях возросла на 1,7 %, доля учащихся средних специальных учебных заведений – на 1,4 %, а учащихся высших учебных заведений – на 8,5 % среди всех обучающихся (табл. 6). Таким образом, позитивная тенденция перестройки внутренней структуры в пользу высшего образования имеет устойчивый характер, однако остается актуальным вопрос востребованности этого образования в инновационно реформируемой экономике.

Таблица 6. **Структура образования в Республике Беларусь по уровням образования**

Структура образования	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Число дошкольных учреждений	44 230	4150	4135	4109	4087
В них детей, тыс.	390,8	366,7	365,6	365,3	367,7
Число общеобразовательных школ	4772	4187	4063	3927	3821
В них учащихся, тыс.	1547,6	1240,9	1179,3	1134,9	1083,2
Число профессионально-технических учебных заведений	248	230	228	225	224
В них учащихся, тыс.	137,7	114,6	114,4	105,1	99,0
Число средних специальных учебных заведений	156	204	205	204	206
В них учащихся, тыс.	150,3	154,1	152,5	155,0	157,3
Число высших учебных заведений	57	55	55	53	53
В них студентов, тыс.	281,7	383,0	396,9	413,7	420,7
В процентах к итогу					
Всего учащихся, в том числе:	100	100	100	100	100
обучающихся в дошкольных учреждениях	15,6	16,1	16,6	16,8	17,3
учащихся общеобразовательных школ	61,7	54,9	53,3	52,3	50,9
учащихся ПТУ	5,5	5,1	5,1	4,8	4,7
учащихся ссузов	6,0	6,9	7,0	7,1	7,4
учащихся вузов	11,2	17,0	18,0	19,0	19,7

Рассчитано по: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 172, 174, 181, 184, 187.

Одним из главных стоимостных показателей состояния человеческого капитала в образовательной сфере является доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте Республики Беларусь (табл. 7). Несмотря на сложные экономические условия, государство стремится в пределах имеющихся ресурсных возможностей сохранять долю государственных расходов на развитие образования.

Начиная с 2005 г. эта доля начала снижаться, однако, по предварительной оценке ЮНЕСКО, она остается сопоставимой с мировыми показателями (Швеция – 7,8 %, Франция – 5,8 %, Германия – 4,6 %, Канада – 5,5 %, Польша – 5,0 %). Эти показатели являются порогом эффективности, который позволяет обеспечивать экономический рост на *инновационной* основе. Стратегической целью является создание системы образования, соответствующей потребностям личности, общества и государства, формирование условий для ее дальнейшего развития, подготовки новых поколений к жизни и труду в гражданском обществе с устойчивой социально ориентированной экономикой.

Таблица 7. **Расходы консолидированного бюджета Республики Беларусь на образование, %**

Расходы бюджета	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Расходы консолидированного бюджета на образование, в % к ВВП	6,2	6,4	6,0	5,7	5,2
Расходы консолидированного бюджета на образование, в % от общих расходов консолидированного бюджета	17,4	13,3	16,8	18,1	17,5

Рассчитано по: Образование в Республике Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 18; Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 256, 449.

Другим *стоимостным* показателем состояния человеческого капитала в образовательной сфере выступает структура затрат на различные виды образования (табл. 8).

Таблица 8. **Структура государственных расходов на образование, % к итогу**

Структура расходов	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Всего расходов на образование, в том числе по видам:	100	100	100	100	100
дошкольное	21,0	15,8	19,0	21,1	21,4
среднее общее	41,4	48,7	46,9	46,7	46,2
профессионально-техническое	7,6	6,5	6,4	6,1	5,9
среднее специальное	5,3	6,0	4,5	4,8	4,9
высшее	9,6	11,9	12,6	12,5	13,0
прочие расходы	15,1	11,1	10,6	8,8	8,6

Источник: Образование в Республике Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 18.

Анализ данных таблицы свидетельствует о стремлении сохранить государственные расходы на дошкольное образование. Вместе с тем наблюдается постоянная тенденция роста доли расходов на высшее и среднее специальное образование, так что в сумме они составляли в 2012 г. 17,9 % выделенных средств. Получается, что в 2012 г. затраты на дошкольное и общее среднее образование составили в республике $^2/_3$ (67,6 %), а затраты на высшее и среднее специальное – менее $^1/_5$ всех затрат на образование, что не дает достаточных оснований для успешного использования человеческого капитала в сферах *инновационной* деятельности. Эффективность инвестиций в сферу образования может быть увеличена за счет перестройки внутренней структуры этой сферы в пользу повышения доли *востребованного* высшего образования.

Состояние и использование человеческого капитала в сфере здравоохранения

Состояние совокупного человеческого капитала в сфере здравоохранения определяется как в натуральных показателях (средняя продолжительность жизни, смертность населения по разным причинам, естественный прирост (убыль) населения, масштабы профилактических мероприятий и др.), так и в стоимостных показателях, отражающих объем и долю расходов на здравоохранение от ВВП, расходы на профилактические мероприятия и пропаганду здорового образа жизни, расходы на государственные (комплексные и целевые) программы. По данным Всемирной организации здравоохранения, состояние здоровья на 49–53 % определяется образом жизни человека и его личностным выбором в пользу благоприятных или неблагоприятных для здоровья альтернатив; на 18–22 % – генетическими и биологическими факторами, на 17–20 % – экологической средой; на 8–10 % – качеством медицинской помощи и эффективностью профилактических мер.

Основные *натуральные* показатели, отражающие уровень и качество жизни населения Беларуси, представлены в табл. 9.

Таблица 9. **Основные показатели здравоохранения в Республике Беларусь**

Показатели	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет), все население, в том числе:	68,8	70,4	70,6	72,2	72,6
мужчины	62,9	64,6	64,7	66,6	67,3
женщины	75,1	76,5	76,7	77,6	77,9
Общий коэффициент рождаемости, на 1000 чел.	9,4	11,4	11,5	12,2	12,5
Общий коэффициент смертности, на 1000 чел.	14,7	14,4	14,3	13,4	13,2
Общий коэффициент естественного движения	–5,3	–3,0	–2,8	–1,2	–0,7

Источник: Здоровье населения Республики Беларусь, 2014 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2014. – С. 16.

Проблема повышения общего коэффициента естественного движения состоит не только в том, *как* меняются общие показатели воспроизводства на-

селения, но и в том, за счет *каких* причин и *какими* темпами это происходит. Так, в настоящее время *позитивное* влияние на демографические процессы (следовательно, на естественное воспроизводство человеческого капитала) оказывают структурные факторы. В активном детородном возрасте находится значительная часть населения, соотношение по полу и брачному состоянию благоприятно, в пенсионный возраст выходят малочисленные когорты военных лет рождения. Однако возрастная структура в ближайшие годы изменится и будет оказывать *негативное* влияние на демографические процессы. В активный детородный период войдут те, кто родился в 1990-е гг., когда рождаемость была низкой, а на пенсию выйдут многочисленные когорты родившихся в послевоенные годы. Прогнозы, проведенные Л. П. Шахотько по шести гипотетическим сценариям, показали необходимость мер по улучшению демографической ситуации на государственном уровне [7, с. 330–358].

В настоящее время ожидаемая продолжительность жизни у мужчин на 10–15 лет, а у женщин – на 5–10 лет ниже, чем в наиболее развитых странах мира, но несколько выше, чем в других странах СНГ. По оценкам ведущих отечественных и зарубежных демографов, биологическая разница в продолжительности жизни женщин и мужчин не должна превышать 2–3 года. Выяснение причин сверхсмертности мужчин имеет большое практическое значение, так как позволяет определить основные направления демографической политики, которые будут способствовать сокращению преждевременной смертности населения.

Анализ коэффициентов смертности по основным классам причин смерти городского и сельского населения показывает, что на первом месте – болезни системы кровообращения, на втором – новообразования, на третьем – внешние причины смерти. У сельского населения коэффициенты смертности из-за болезней кровообращения и органов дыхания вдвое выше, чем у городского населения, что свидетельствует о недостаточном качестве медицинских услуг в сельских местностях.

Состояние здоровья человека – это его естественный капитал, одна часть которого является наследственной, а другая – приобретенной в результате инвестиций в здоровье самого человека и общества. Данные республиканского социологического мониторинга Института социологии НАН Беларуси (2002–2013 гг.) свидетельствуют о том, что значимость здоровья как ресурса и капитала возрастает в ситуациях социально-экономической нестабильности, когда многие другие ресурсы (накопленные ранее сбережения, профессиональный статус, позиция на рынке труда и др.) начинают обесцениваться или становятся неустойчивыми, и людям приходится активизировать свою трудовую и экономическую активность для сохранения и поддержания уровня и качества жизни (для этого, как минимум, нужно быть здоровым и трудоспособным). Вместе с тем актуальной для Беларуси остается проблема табакокурения, алкоголизма, нарко- и токсикомании, крайне негативно влияющих на здоровье человека, а следовательно, на качество человеческого капитала и возможности

его воспроизводства. Очевидно, что общество нуждается в утверждении новых ценностных приоритетов по отношению к жизни и здоровью своих граждан, и значимая роль здесь принадлежит государству.

Важнейшим *стоимостным* показателем состояния человеческого капитала в рассматриваемой сфере является доля государственных расходов на здравоохранение в валовом внутреннем продукте Республики Беларусь, составляющая примерно пять процентов расходов консолидированного бюджета от ВВП (табл. 10).

Приоритетным направлением развития охраны здоровья становится формирование здорового образа жизни; обеспечение стабильной работы учреждений здравоохранения; расширение мероприятий по профилактике заболеваний; совершенствование государственного регулирования в области обеспечения лекарственными средствами и изделиями медицинской техники. В этих целях успешно реализуется Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы, а также Концепция лекарственного обеспечения республики. В рамках Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» разработана и успешно реализуется Государственная программа по реорганизации первичной медицинской помощи населению республики, а также целевые программы, направленные на преодоление вредных привычек.

Таблица 10. **Расходы консолидированного бюджета Республики Беларусь на здравоохранение, физическую культуру и спорт, % к ВВП**

Расходы бюджета	2000 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Расходы консолидированного бюджета на здравоохранение, физическую культуру и спорт, % к ВВП, в том числе:	5,0	4,9	4,8	5,6	5,0
республиканского бюджета	1,2	1,1	1,1	1,4	1,2
местных бюджетов	3,8	3,8	3,7	4,2	3,8

Источник: Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013 г. – С. 256, 454.

Для наиболее полного удовлетворения потребностей населения и лечебных учреждений в лекарственных препаратах, расширяется их производство на основе технического перевооружения имеющихся производств, создания новых предприятий с максимальным использованием местной сырьевой базы. Реализуется ряд инвестиционных проектов, что позволит увеличить номенклатуру лекарственных средств, выпускаемых отечественной промышленностью, почти в два раза и соответственно – обеспечить устойчивый доступ практически всего населения к этим средствам.

Таким образом, анализ взаимосвязи натуральных и стоимостных показателей свидетельствует о сохранении *экономического* оборота человеческого капитала в сферах науки и образования, при некоторой положительной дина-

мике *естественного* оборота человеческого капитала в сфере здравоохранения населения Беларуси. Повышение эффективности использования человеческого капитала связано с изменением в государственных масштабах стратегии и тактики *инновационного* развития Беларуси, суть которого состоит в разработке механизмов развития новых технологических укладов производства и модернизации научно-технической сферы. В объективном плане – это приведение структуры научно-технического потенциала в соответствие с потребностями современного социального и научно-технического развития; более динамичное обновление научного производства (сейчас обновляется 3–4 % в год, тогда как требуется ежегодно обновлять 15–20 % приборного парка науки); научное обеспечение жизненно важных для республики промышленных производств. В субъективном плане – это поддержка через государственные программы и мотивация носителей человеческого капитала к более активным инвестициям в собственное образование и здоровье исходя из новой политики приоритетов, диктуемой инновационным развитием. Действия, предпринимаемые в этом направлении, имеют стратегической целью создание нормальных по мировым стандартам систем научной деятельности, образования и здравоохранения как основных предпосылок формирования и сохранения человеческого капитала в Республике Беларусь.

Литература

1. *Капелюшников, Р. И.* Послесловие. Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию / Р. И. Капелюшников // Беккер, Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории : пер. с англ. ; сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшников; предисл. М. И. Левин. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 649–652.

2. *Добрынин, А. И.* Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А. И. Добрынин, С. А. Дятлов, Е. Д. Цыренкова. – СПб. : Наука, 1999. – С. 45–46.

3. *Мясникович, М. В.* Проблемы модернизации экономики Беларуси в контексте цивилизационного процесса / М. В. Мясникович // Общество и экономика. – 2003. – № 6. – С. 21–37.

4. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – С. 415.

5. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. // Национальная комиссия по устойчивому развитию Республики Беларусь / редкол. : Я. М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – С. 45–46.

6. Образование в Республике Беларусь, 2013 : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013.

7. *Шахотько, Л. П.* Модель демографического развития Республики Беларусь / Л. П. Шахотько ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск : Беларус. навука, 2009. – С. 330–358.

G. N. SOKOLOVA

CONDITION AND USING OF HUMAN CAPITAL IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

The concept of human capital as an economic category of modernity is presented. It is shown, that in process of reproducing movement human capital makes natural turn, covering period of labor activity; economic one – reproduction of traditional technologies and trades; innovative turn, connected with qualitative updating of the named components. The condition and use of human capital in the Republic of Belarus is considered. The problems which prevent transition from economic turn to innovative turn of human capital in Belarus are revealed.

Keywords: human capital, natural turn of human capital, economic turn of human capital, innovative turn of human capital.

Поступила 01.10.2014 г.

УДК 316.334.2

Н. Н. ИВАШИНЕНКО,

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономической социологии
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского,
заведующая совместной лабораторией ННГУ–ИСЭПН РАН, г. Нижний Новгород

М. Л. ТЕОДОРОВИЧ,

доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии
Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского,
ведущий научный сотрудник совместной лаборатории ННГУ–ИСЭПН РАН,
г. Нижний Новгород

РАЗРАБОТКА МОНИТОРИНГА КОНКУРЕНЦИИ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье предлагаются подходы к разработке мониторинга конкуренции на муниципальном уровне, опирающегося на программу РФ «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики» и исходящего из необходимости учета мнений конечных потребителей – населения данных территорий и местных бизнес-сообществ.

Ключевые слова: мониторинг конкуренции, антимонопольное развитие, муниципальный уровень.

Институциональные преобразования в России имеют тенденцию к сильному запаздыванию по сравнению со скоростью развития глобальных рынков и появлением новых вызовов, обусловленных сменой геополитических интересов и систем [1]. Самоустранение государства от процессов регулирования внутреннего рынка в эпоху глобальной экономики способно скорее снизить эффективность конкурентных позиций страны на мировых рынках, чем дать толчок к формированию новых институтов [2]. Согласно Д. Норту, новые институциональные правила являются основой функционирования рыночной экономики, для формирования которых в спонтанном режиме может понадобиться слишком много времени, которого просто нет у экономики России [3]. Неоднократные попытки российских государственных институтов начать формирование новых правил постоянно сталкиваются со множеством проблем, одной из которых является слабая методологическая обеспеченность федеральных программ развития методологией реализации планов на муниципальных уровнях. В данной статье предпринята попытка разработки подходов к созданию методологии реализации дорожной карты «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики», принятой распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 2579-р.

В Конституции Российской Федерации поддержка конкуренции рассматривается в качестве основы конституционного строя и как постоянный приоритет государственной политики [4, ст. 8, 34]. В рамках федеральной дорожной карты развития конкуренции ее развитие рассматривается как «многоаспектная задача, решение которой в значительной степени зависит от эффективности проведения государственной политики по широкому спектру направлений: от макроэкономической политики, создания благоприятного инвестиционного климата, включая развитие финансовой и налоговой системы, снижение административных и инфраструктурных барьеров, до защиты прав граждан и национальной политики» [5, с. 3]. В качестве контрольных показателей предлагается использовать:

1) показатель развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг (на основе методики расчета индекса PMR ОЭСР):

целевое значение индекса развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг для Российской Федерации;

рейтинг Российской Федерации по индексу развития конкурентной среды на рынках товаров и услуг;

2) количество новых предприятий на 1000 чел. (New business density);

3) оценку состояния конкурентной среды – долю хозяйствующих субъектов от общего числа опрошенных, считающих, что состояние конкурентной среды улучшилось за истекший год.

Задавая общий формат, федеральная дорожная карта, тем не менее, нуждается в дальнейшей проработке для реализации ее на муниципальном уровне в целях предотвращения ее формализации и сведения всей инициативы к появлению еще одной из форм административной статистики.

Конкуренция представляет собой фундаментальную категорию экономической науки. Теоретические основы конкуренции закладывались в период докапиталистической формации и претерпевали изменения по мере изменения типов экономических отношений. Начиная от представителей классической политической экономии А. Смита, Д. Рикардо и претерпев значительное развитие благодаря трудам А. Маршалла, Дж. Кейнса, В. Леонтьева, Й. Шумпетера, П. Сраффы, М. Портера и многих других, конкуренция сегодня имеет широкий набор интерпретаций. Основной тенденцией формирования концепций конкуренции являются усиление ее социальных аспектов и переход от моделей анализа чистого соперничества между хозяйственными агентами к изучению среды, которая рассматривается и как условия борьбы, и как ее результат [6].

Именно появление социального аспекта в процессах конкуренции позволяет использовать этот концепт в социально-экономическом развитии территорий. Федеральная дорожная карта развития конкуренции эксплицитно базируется на идее рыночного развития, в котором конкуренция выступает ценностью для участников хозяйственного процесса. Вместе с тем для эффективной реализации этой задачи необходим эмпирический анализ следующих положений:

общность и специфика восприятия понятия конкуренции различными участниками социально-экономического развития территорий. В противном случае адекватное измерение удовлетворенностью конкуренцией представляется проблематичным в силу возможного расхождения трактовок;

декомпозиция удовлетворенности уровнем конкуренции на ее отдельные составляющие;

информационное обеспечение процесса развития конкуренции, как основы принятия решений;

выявление факторов, влияющих на развитие конкуренции, на муниципальном уровне;

изучение структуры публичной ответственности различных органов власти за развитие конкуренции на уровне муниципалитетов;

разработка механизма обратной связи, повышающего эффективность работы органов власти муниципального уровня.

Принципиальным положением разработки мониторинга развития конкуренции на муниципальном уровне является восприятие населения как одного из основных агентов социально-экономических процессов, которые не только в силу потребительского поведения влияют на протекание конкуренции на местном уровне, но и выступают важным фактором, воздействующим на эффективность деятельности органов местного самоуправления.

Пилотный проект разработки аналитического обеспечения мониторинга развития конкуренции на муниципальном уровне был реализован в августе 2014 г. коллективом кафедры экономической социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского, лаборатории изучения качества жизни населения как основы социального управления ННГУ и ИСЭПН РАН по инициативе и поддержке Нижегородского территориального управления ФАС России[1]. Исследование проводилось в Нижегородской области на базе двух муниципалитетов: столичного – Нижнего Новгорода и районного центра – города Городец. Выбор двух муниципалитетов обусловлен реализацией аналитической модели, базирующейся на сопоставительном анализе двух площадок развития конкуренции в регионе. Нижний Новгород представляет собой территорию с заведомо наиболее высоким уровнем развития конкуренции по сравнению с другими районами области в силу высокой концентрации ресурсов в столицах. Городец, напротив, является типичным муниципалитетом, отражающим всероссийские тенденции развития конкуренции в условиях малых поселений, имеющих ресурсные ограничения в развитии локальных рынков.

В каждом из городов было опрошено по 10 экспертов, проведена фокус-группа и состоялось по 500 интервью с респондентами в каждом городе, репрезентирующими население от 18 лет по половозрастной структуре. В со-

[1] Особую благодарность авторы выражают исследователям Лео Гранбергу (Университет Хельсинки, Финляндия) и Анн-Мари Сэтре (Университет Уппсала, Швеция) за ценные рекомендации по разработке методики проведения исследования.

став экспертов вошли представители среднего и малого бизнеса исследуемых территорий, представители ассоциаций и общественных объединений предпринимателей, а также эксперты в области развития конкуренции из академической среды. Для участия в фокус-группах в Нижнем Новгороде и в Городце были приглашены представители самых разнообразных социально-экономических групп для моделирования дискуссии по развитию конкуренции в городах. Полученные результаты исследования позволили разработать подходы к методологическому обеспечению мониторинга развития конкуренции на муниципальном уровне и предложить систему индикаторов для измерения динамики.

Федеральная дорожная карта развития конкуренции эксплицитно представляет высокий уровень развития конкуренции как определенную ценность для всех участников процесса, управление которой позволит влиять на социально-экономическую ситуацию муниципалитетов. В то же время исследование показало, что для использования конкуренции как элемента идеологии управления локальным развитием необходимо проведение специализированной информационной работы по популяризации данной концепции управления, взимоувязывающей эффективность развития конкуренции с ростом качества жизни населения на данной территории [7]. На современном этапе видимыми символами конкуренции для населения выступают торговые центры, *появляющиеся на каждом шагу*[1] и вызывающие на современном этапе скорее вопросы о целесообразности открытия новых и их возможностях найти новых покупателей при сужающемся спросе. Для населения конкуренция ассоциируется с ценами на товары, их качеством, широтой ассортимента и стабильностью предложений. Эти индикаторы, выявленные в ходе фокус-групп и экспертного исследования, были оттестированы на этапе стандартизированного опроса.

В результате насыщения рынка отдельных товаров и на фоне роста напряженности внешнеполитических событий население начинает обращать повышенное внимание на качество товаров и необходимость поддержки местного производителя. Дешевые китайские товары, заполнившие рынки российской провинции, значительно потеснили местных производителей, но снизили качество товаров. Жители городов и эксперты единодушны в высказанном мнении, что необходимо государственное регулирование в данной сфере. В противном случае конкуренция начинает ассоциироваться с развалом местной промышленности, а отнюдь не с фактором развития локальных территорий.

Для участия в процессе оценивания уровня развития конкуренции необходимо соответствующее информационное обеспечение. Причем чем масштабнее муниципалитет, тем более развитой должна быть информационная система. В Нижнем Новгороде информацию о развитии рыночной конкуренции получить сложнее, чем в Городце (табл. 1). Участники фокус-групп поясняли,

[1] Здесь и далее по тексту курсивом выделяются цитаты из высказываний респондентов.

что в Городце много информации можно получить, *просто пройдя по магазинам*, тогда как в Нижнем Новгороде нужна обобщенная информация, учитывающая работу всей торговой сети. Отмечая источники информации о развитии конкуренции, население практически не видит специализированных организаций и департаментов, отвечающих за развитие конкуренции. В Нижнем Новгороде лидирующие позиции занимают сети межличностной коммуникации, снабжающие не только необходимой информацией, но и ресурсами для принятия решений. Жители Городца в качестве информации о конкуренции рассматривают рекламу, идущую на местных и центральных ТВ-каналах.

Таблица 1. **Оценка актуальной возможности получения информации о развитии рыночной конкуренции, %**

Варианты ответов	Н. Новгород	Городец
Информации о состоянии конкуренции нет совсем	4	6
Ее получить очень трудно	18	9
Можно получить, если приложить усилия	40	30
Информация о конкуренции общедоступна	6	12
Затрудняются ответить	31	42

В таблице дается распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете возможности получения этой информации сейчас?»

В то же время спрос на информацию обусловлен информационной активностью населения. Так, в Нижнем Новгороде и Городце совсем не интересуются информацией о конкуренции 20 % и 24 % соответственно, тогда как доля мягкого отказа – «скорее не интересно» – в Городце возрастает почти вдвое и составляет 41 % против 28 % в Нижнем Новгороде.

Столица региона предоставляет больше возможностей для развития малого бизнеса за счет большего объема платежеспособного спроса. По оценкам экспертов, в сложившейся ситуации именно малый и средний бизнес меньше всего подвержены влиянию макроэкономических и международных факторов. Этот тип бизнеса более тесно связан с локальными сообществами как через отношения продавец–потребитель, так и работодатель–работники. По оценкам экспертов, малый и средний бизнес имеет отлаженные механизмы взаимодействия с местными органами власти, позволяющими им выстраивать более конструктивный диалог, чем с крупными компаниями, скорее диктующими свои правила малым муниципалитетам. Снижение барьеров входа на рынок и барьеров ведения хозяйственной деятельности представляется экспертам важной задачей, решение которой возможно только с учетом мнения хозяйствующих субъектов, населения муниципального образования, выявляемого независимыми методами, в частности, динамики удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг, государственных услуг в сфере защиты конкуренции.

Практически по всем оцениваемым аспектам, как и предполагалось, ситуация с ведением бизнеса в столице региона лучше, чем в малом городе

(табл. 2). В то же время эта ситуация обусловлена скорее слабой ресурсностью территорий, чем созданием специальных барьеров для ведения бизнеса. В столице выше как платежеспособный спрос населения, так и возможности запуска бизнеса путем получения кредитов, аренды помещения. В ходе экспертных интервью предприниматели отмечали два важных фактора, влияющих на выживаемость предприятия: 1) высокий уровень конкуренции, который не всегда способствует отбору лучших, а скорее, более дешевых товаров; 2) монополизация отдельных рынков в результате выдвижения в регионы крупных корпораций или получения особых преференций отдельными игроками от органов власти.

Основная масса предпринимателей, отмечая необходимость поддержки местного производителя, опасаются сильного вмешательства госорганов в регулирование рыночных отношений, отмечая, что данное регулирование должно быть соотнесено с развитостью рыночных отношений. Чем более развит рынок, например в столице, тем в меньшем контроле он нуждается. Тогда как локальные рынки Городца требуют особого внимания с точки зрения защиты прав потребителей от некачественной продукции и защиты прав местных производителей.

Таблица 2. **Удовлетворенность различными аспектами, свидетельствующими об обстановке для ведения бизнеса в городе проживания (средние оценки по 5-балльной шкале, где 5 – отлично)**

Аспекты оценивания	Н. Новгород	Городец
Наличие информации о состоянии рынков города/района	3,27	2,79
Наличие спроса и возможности у населения оплачивать эти товары или услуги	3,43	2,83
Как фирмы-конкуренты относятся друг к другу	2,46	2,39
Возможность получения кредитов	3,53	3,11
Получение разрешения на открытие бизнеса	3,32	2,94
Возможности аренды помещений	3,50	2,97
Взаимодействие бизнеса с органами власти	3,19	3,06
Объем требований и отчетности для налоговых служб	3,02	3,01
Доступность государственных и муниципальных услуг	3,13	3,01
Возможность участвовать в тендерах и конкурсах, организуемых местными властями	2,65	2,93
Снижение барьеров для занятия бизнесом	2,58	2,83
Преодоление семейственности и клановости в органах, регулирующих развитие конкуренции в районе	2,97	2,83

* * *

Проведенное исследование показывает, что для эффективной реализации федеральной дорожной карты развития конкуренции и совершенствования

антимонопольной политики необходима разработка стандарта развития конкуренции в муниципальных образованиях. Дорожная карта муниципального уровня необходима для обеспечения единства процесса совершенствования антимонопольной политики на различных уровнях управления и одновременно учета требований и задач, являющихся специфическими для каждого конкретного муниципального образования.

В качестве основных принципов деятельности участников процесса содействия развитию конкуренции на уровне органов местного самоуправления целесообразно рассмотреть следующие:

ориентация на потребителя: меры по содействию развитию конкуренции должны осуществляться исходя из интересов участников экономических отношений и общества в целом;

системный подход: выявление ожиданий потребителей, планирование деятельности, формирование процессов, системы мониторинга, оценки, контроля и анализа;

прозрачность деятельности: открытость и доступность для потребителей и других заинтересованных сторон информации о системе мер, направленных на поддержание конкуренции.

Целесообразно рассмотреть расширение круга социально значимых рынков с учетом региональной специфики. Мониторинг развития конкуренции должен объединять традиционные оценки процессов конкуренции со стороны предпринимателей с оценками удовлетворенности потребителей состоянием конкурентной среды.

Литература

1. *Тамбовцев, В. Л.* Институциональные изменения в российской экономике / В. Л. Тамбовцев // Обществ. науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 44–53.

2. «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / под общ. ред. Р. М. Нуреева. – М. : ГУ-ВШЭ, 2007. – (Серия «Конференции Департамента экономической теории ГУ-ВШЭ»).

3. *Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко, предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1997. – 180 с. – (Современная институционально-эволюционная теория).

4. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. – М. : Айрис-пресс, 2013. – 63 с.

5. Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики» : распоряжение правительства Рос. Федерации, 28 дек. 2012 г., № 2579-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173767/. – Дата доступа: 20.08.2014.

6. *Портер, М.* Конкуренция : пер. с англ. / М. Портер. – М.: Вильямс, 2005. – 608 с.

7. Партисипатроный подход в повышении качества жизни населения / под общ. ред. М. Н. Римашевской, Н. Н. Ивашиненко. – М. : Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2013. – 268 с.

N. N. IVASHINENKO, M. L. TEODOROVICH

DEVELOPING MONITORING OF THE COMPETITION AT THE MUNICIPAL LEVEL

Summary

This paper presents approaches to developing monitoring of the competition at the municipal level which is based on Russian Federation program «Development of the competition and improvement of the antimonopoly policy» and taking into account opinions of customers – the population of these territories and local business communities.

Keywords: competition monitoring, antimonopoly development, municipal level.

Поступила 27.10.2014 г.

УДК 316.334.2(476)

Е. В. ТАРАНОВА,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ФАКТОРЫ ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ БЕЛОРУСОВ

В статье рассматриваются структура трудовых потребностей работников в контексте теории мотивации Ф. Херцберга. На основе эмпирических социологических данных анализируется влияние удовлетворенности внутренних и внешних потребностей на общую удовлетворенность работой среди белорусского населения.

Ключевые слова: трудовая мотивация, трудовые ценности, факторы трудовой мотивации, общая удовлетворенность работой.

Исследования трудовой мотивации остаются актуальными в работах как отечественных, так и зарубежных авторов. Значительная часть таких исследований сфокусирована на изучении структуры трудовых ценностей (в том числе для различных социально-демографических групп), разработке индикаторов «измерения» и их интерпретации. В рамках данного направления трудовая мотивация, удовлетворенность различными аспектами труда выступают как зависимые переменные, а в качестве факторов рассматриваются, с одной стороны, социально-демографические характеристики (пол, возраст, образование и т. д.), и, с другой стороны, – специфика рынка труда, которая также оказывает влияние на формирование, трансформацию, адаптацию трудовых ценностей занятого населения.

Одним из самых ранних является исследование трудовой мотивации Ф. Херцберга и разработанная им теория мотивации, в которой выделяются внутренние (intrinsic) и внешние (extrinsic) мотивы трудовой деятельности [1, с. 76]. Первые включают такие характеристики, как содержание работы, связанное с мотивами достижения и продвижения; вторые обусловлены условиями труда – зарплатой, межличностными отношениями, гарантиями занятости и др.

Согласно Ф. Херцбергу, существует две шкалы измерения удовлетворенности работой, каждая из которых детерминируется различными факторами (рис. 1). Удовлетворение гигиенических потребностей ведет не к высокой удовлетворенности работой, заинтересованности в ней, а к отсутствию неудовлетворенности, т. е. данные факторы «закрепляют» работников в организации, но не обязательно побуждают их повышать эффективность своего труда. Иными словами, они не повышают производительность, а предупреждают (отсюда термин «гигиенический») от сознательного недобросовестного вы-

полнения работы. В свою очередь, повышение производительности труда и удовлетворенность работой зависят от других факторов, которые Ф. Херцберг назвал «мотиваторами». Они удовлетворяют внутренние потребности и включают интерес к работе, ее содержанию, успехам в работе, самостоятельность и ответственность за ее выполнение. Именно они определяют общую удовлетворенность работой и способствуют повышению трудовой активности работников. Поэтому удовлетворенность есть функция содержания работы, а неудовлетворенность – функция условий труда. Из этого следует, что трудовая активность коррелирует с ростом удовлетворенности работой, а не с уменьшением степени неудовлетворенности. Таким образом, удовлетворенность и неудовлетворенность являются разными плоскостями поведения человека в трудовой сфере. С помощью «гигиенических» мероприятий можно уменьшить неудовлетворенность до некоторого исходного («нулевого») уровня отношения к своей работе. Следовательно, материальное вознаграждение нельзя рассматривать как постоянно действующий фактор. Люди работают за деньги до определенного предела, границами которого является личное представление о хорошей работе. Наличие соответствующего вознаграждения скорее «привязывает» работника к рабочему месту, но далеко не всегда стимулирует его эффективность [2, с. 263–264].

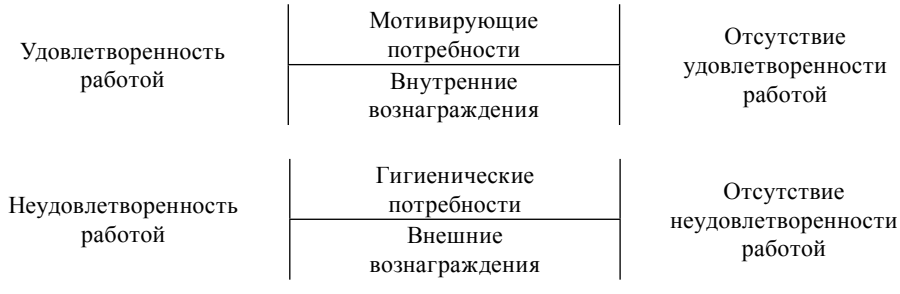


Рис. 1. Двумерная модель мотивационно-гигиенической теории Ф. Херцберга [2, с. 262]

Хорошая оплата труда и социальный пакет, хорошие условия труда, стабильная занятость, возможность карьерного роста, интересная работа, квалифицированные коллеги обычно признаются характеристиками «хорошей» работы. Однако не все работающие считают эти и другие аспекты труда одинаково важными. Группируя различные характеристики работы, которые сами работники отмечают как важные, можно получить данные о том, на что в большей степени ориентируется занятое население в своей трудовой деятельности, определить его отношение к своей работе. Для этого проанализируем данные социологических исследований Института социологии НАН Беларуси. В результате ранжирования ответов на вопрос: «Что для Вас наиболее важно в работе?» (2014 г.), мы получим достаточно традиционную (для последних 10 лет) картину – на первом месте у населения потребность в достойном заработке, затем идут хорошие условия труда и режим работы (табл. 1).

Таблица 1. **Частотное распределение ответов на вопрос: «Что для Вас наиболее важно в работе?», 2014 г., %**

Внутренние (мотивационные) потребности	
Быть относительно самостоятельным в работе	37,6
Реализовать свои знания, опыт, квалификацию	30,0
Работать с квалифицированными коллегами	25,5
Работать над интересными и новыми проектами	11,8
Успешно продвигаться по службе, делать карьеру	17,1
Внешние (гигиенические) потребности	
Зарабатывать хорошие деньги	82,2
Иметь хорошие условия и режим труда	62,9
Работать без перегрузок	35,5
Иметь доступ к льготам, социальному пакету, социальным гарантиям	20,1
Работать на солидном предприятии, в престижной организации	12,4
Устанавливать связи с полезными, влиятельными людьми	10,9

Кроме частотного распределения, нами было подсчитано количество мотивационных и количество гигиенических потребностей, которые отмечал респондент, и разница между ними. Динамика (2004–2014 гг.) данных показателей в целом по выборочной совокупности показывает устойчивое преобладание значимости гигиенических над мотивационными потребностями, причем ориентация на первые усилилась в 2012 г. (что было обусловлено снижением уровня жизни из-за финансово-экономического кризиса 2011 г.), а затем, по мере стабилизации ситуации, вновь вернулась к уровню 2004–2009 гг. (рис. 2).

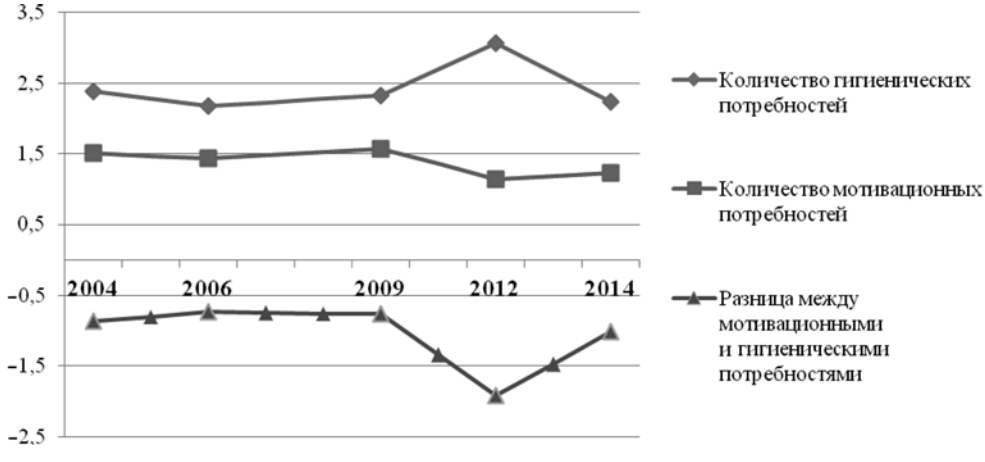


Рис. 2. Динамика выбора внешних (гигиенических) и внутренних (мотивационных) потребностей, 2004–2014 гг.

Анализ социально-демографических факторов трудовой мотивации показывает, что гендер практически не оказывает влияния на частоту выбора

тех или иных потребностей. Значимыми являются уровень образования и возраст: работники с более высоким уровнем образования менее заинтересованы в удовлетворении внешних потребностей и чаще отмечают важность внутренних, по сравнению с теми, у кого уровень образования ниже (рис. 3). Для работников старшей возрастной группы мотивационные потребности менее значимы, чем для молодежной и средней возрастной групп (рис. 4).

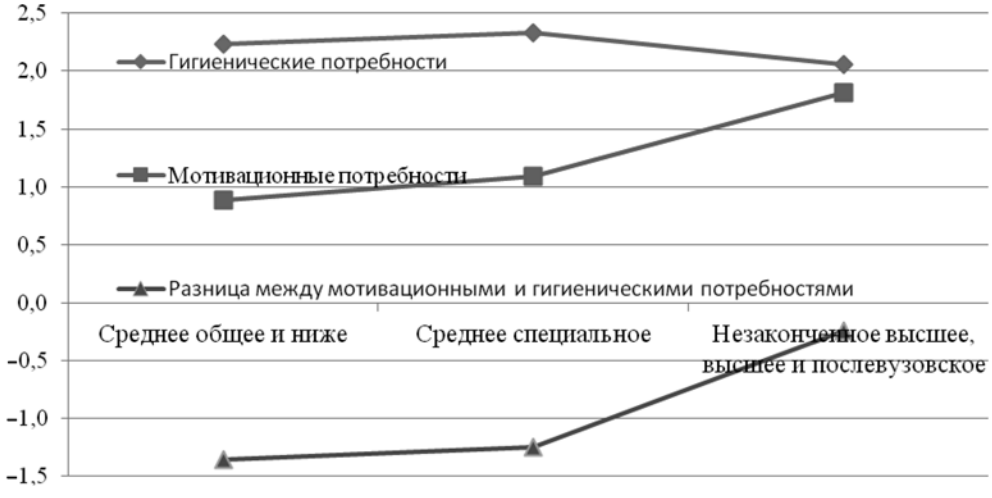


Рис. 3. Выбор гигиенических и мотивационных потребностей респондентами разных образовательных групп, 2014 г.

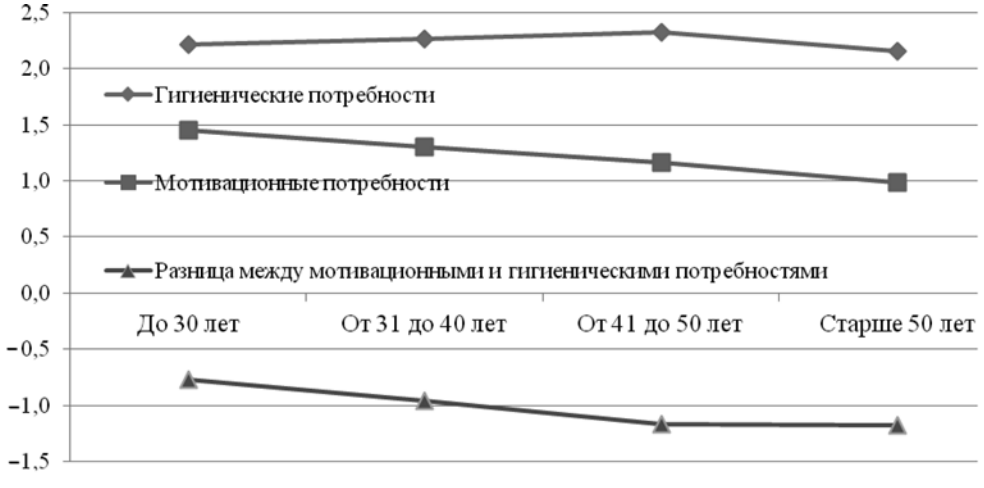


Рис. 4. Выбор гигиенических и мотивационных потребностей респондентами разных возрастных групп, 2014 г.

Согласно двумерной модели Ф. Херцберга, удовлетворение гигиенических потребностей снижает неудовлетворенность работой, а мотивационные – оказывают положительное влияние на уровень удовлетворенности работой. В данном контексте рассмотрим уровень и динамику удовлетворенности работой и ее аспектами среди белорусов (рис. 5).

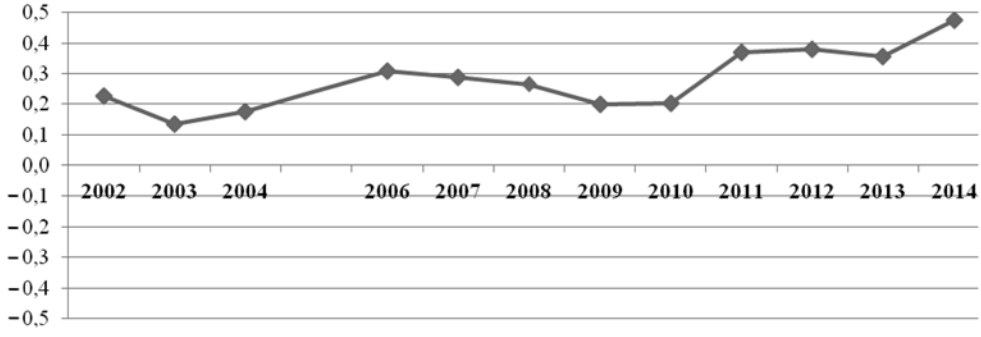


Рис. 5. Динамика индекса общей удовлетворенности работой

Чтобы проанализировать динамику, шкалу ответов на вопрос: «*В какой степени Вы удовлетворены своей работой в целом?*» мы преобразовали для расчета индексов удовлетворенности, которые могут принимать значения от –1 (все респонденты полностью не удовлетворены своей работой) до +1 (все респонденты полностью удовлетворены своей работой). Индекс от 0 до +0,5 означает средний уровень удовлетворенности своей работой. Так, в 2014 г. значению индекса, равному 0,474, соответствует следующее распределение ответов: 41,6 % респондентов, ответивших на вопрос, удовлетворены своей работой в целом, 36,0 % – скорее удовлетворены; 12,2 % – скорее не удовлетворены, 6,1 % – не удовлетворены и 4,0 % затруднились ответить.

В социологических исследованиях, включавших трудовой блок вопросов в 2007, 2009, 2011–2014 гг., помимо вопроса об общей удовлетворенности работой, задавались вопросы относительно удовлетворенности различными аспектами труда, в том числе заработной платой. Сравнение динамики индексов удовлетворенности зарплатой и общей удовлетворенности работой показывает схожесть тенденций изменения этих показателей (рис. 6). Причем значения индекса удовлетворенности зарплатой находятся ниже нуля, в диапазоне, означающим, что белорусы «скорее не удовлетворены» размером оплаты труда.

В 2014 г. значение индекса удовлетворенности зарплатой составило –0,139, а частотное распределение ответов на вопрос: «*В какой степени Вы удовлетворены оплатой труда?*» выглядело следующим образом: 17,6 % полностью удовлетворены, 22,4 % – скорее удовлетворены; 28,5 % – скорее не удовлетворены, 28,5 % – полностью не удовлетворены и 3,0 % затруднились ответить.

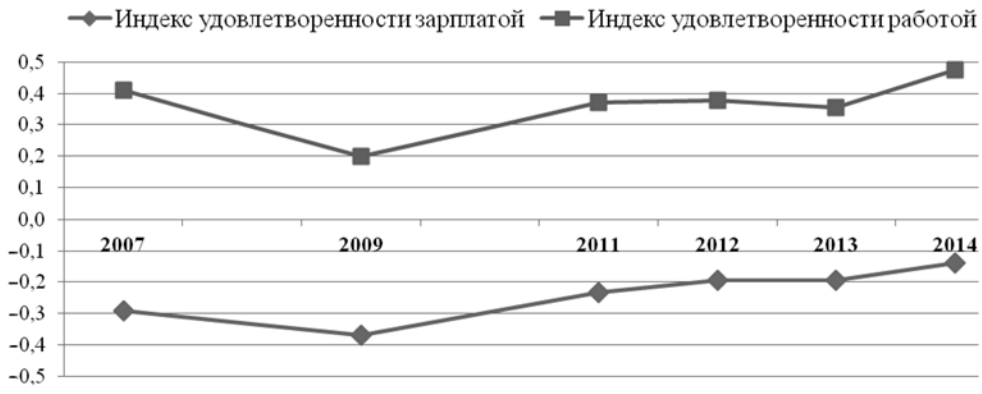


Рис. 6. Динамика индексов удовлетворенности оплатой труда и общей удовлетворенности работой, 2007–2014 гг.

То, что ситуация на белорусском рынке труда и происходящие изменения могут рассматриваться как контекст и даже как фактор изменения личной трудовой ситуации, подтверждается тем, что тенденция изменения удовлетворенности оплатой труда (в индексном выражении) соотносится с тенденцией изменения уровня реальной заработной платы (рис. 7).

Рис. 7. Динамика индексов изменения реальной заработной платы и индексов удовлетворенности оплатой труда, 2007–2013 гг.

Согласно концепции Ф. Херцберга, зарплата, как гигиеническая потребность, оказывает влияние на удовлетворенность работой, отражаемой по шкале *«Наличие неудовлетворенности работой ↔ Отсутствие неудовлетворенности работой».* Следовательно, наличие неудовлетворенности размером зарплаты у большинства белорусских респондентов оказывает отрицательное влияние на формирование общей удовлетворенности трудом (в направлении к полюсу «*наличие неудовлетворенности работой*»). В дальнейшем, с помощью построенной модели (формулы) общей удовлетворенности работой мы

попробуем определить, какие факторы в большей степени оказывают влияние на ее формирование и улучшение которых может мотивировать работников к более эффективному выполнению работы.

В качестве зависимой переменной была взята общая удовлетворенность работой, в качестве факторов (независимых переменных) – удовлетворенность такими аспектами труда, как содержание работы, условия труда и режим работы, размер заработной платы, отношения в коллективе, отношения с руководством, социальный пакет предприятия. На рис. 8 представлены значения индексов удовлетворенности рассматриваемых показателей по данным исследований, проведенных в 2012 и 2014 гг. Отметим, что в 2014 г., по сравнению с 2012 г. (когда последствия кризиса 2011 г. были еще не преодолены), произошло повышение значений индексов удовлетворенности всех рассматриваемых аспектов.

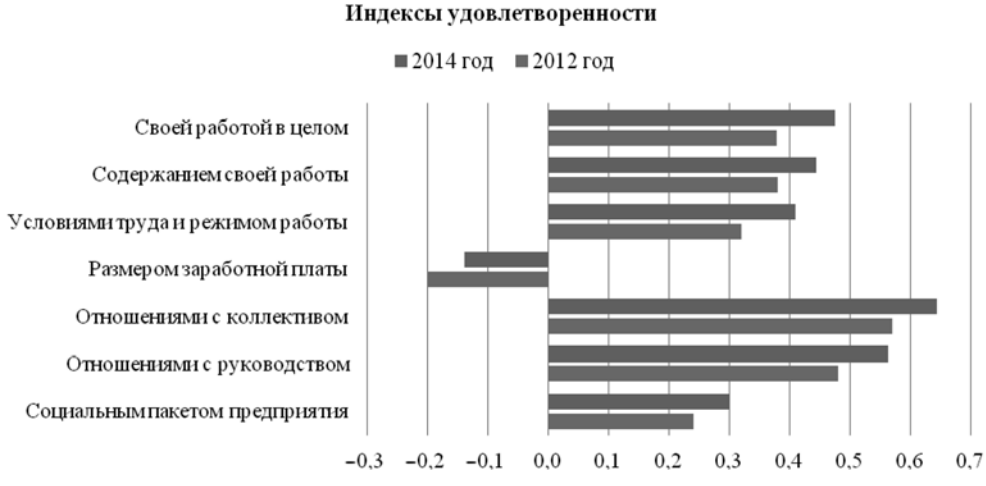


Рис. 8. Сравнение индексов удовлетворенности различными аспектами труда в 2012 и 2014 гг.

В оценках удовлетворенности различными аспектами труда наблюдаются определенные социально-демографические различия: уровень удовлетворенности своей работой и отдельными ее аспектами у женщин ниже, чем у мужчин (рис. 9). С возрастом также повышается общая удовлетворенность работой, ее содержанием и занимаемой должностью. Среди работников с высшим образованием удовлетворенность зарплатой, условиями труда и режимом работы выше, чем у работников, у которых нет высшего образования.

Кроме вышеназванных аспектов, в модель был включен еще один фактор – удовлетворенность занимаемой должностью (который отсутствовал в исследовании 2012 г.).

Полученная модель показывает, что удовлетворенность заработной платой хоть и вошла в уравнение модели, однако гораздо более весомое влияние

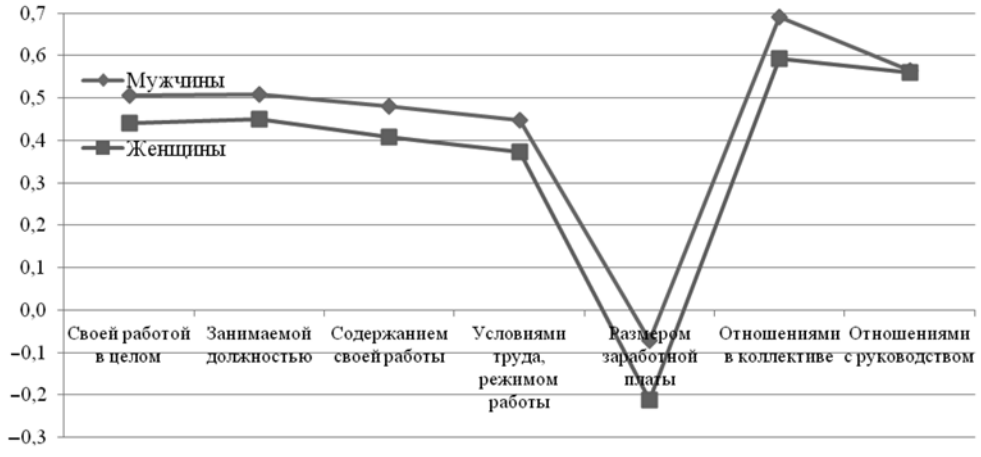


Рис. 9. Гендерные отличия в индексах удовлетворенности различными аспектами труда, 2014 г.

оказывают: занимаемая должность, содержание работы, условия труда и режим работы. Уравнение модели регрессионного анализа имеет следующий вид:

Общая удовлетворенность работой = 0,110 + 0,335*(*Удовлетворенность должностью*)

+ 0,310*(*Удовлетворенность содержанием работы*)

+ 0,132*(*Удовлетворенность условиями труда и режимом работы*)

+ 0,086*(*Удовлетворенность размером заработной платы*)

+ 0,070*(*Удовлетворенность социальным пакетом предприятия*);

(R–квадрат = 0,614).

Полученные данные позволяют говорить о наличии тенденции, при которой из всех включенных в анализ факторов общая удовлетворенность работой формируется в большей степени под влиянием удовлетворенности внутренних (мотивационных) потребностей, таких как занимаемая должность и содержание работы, а не внешних (гигиенических) потребностей.

Проведенный анализ позволил ответить на вопрос, почему при средней общей неудовлетворенности уровнем оплаты труда, в ситуации, когда более чем для 80 % белорусов важно «зарабатывать хорошие деньги», общая удовлетворенность своей работой остается довольно высокой, хотя и имеет ту же тенденцию к изменению (повышению или снижению), что и удовлетворенность оплатой труда. Вместе с тем следует учитывать то, что когда работник не удовлетворен своим доходом, мотивация его труда будет ориентирована, в большей степени, на неудовлетворенные материальные потребности, а внутренние, влияющие в конечном итоге на эффективность и содержательные результаты его работы, – будут отходить на второй план, что можно наблюдать на протяжении последних 10 лет по данным социологических опросов.

Литература

1. *Putman, L. S.* Work values: Their emergence and their consequences for labour market behaviour [Electronic resource] / L. S. Putman. – 2013. – Mode of access: http://dare.uva.nl/record/1/387968. – Date of access: 01.09.2014.

2. *Соколова, Г. Н.* Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы / Г. Н. Соколова. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 460 с.

E. V. TARANOVA

FACTORS OF LABOR MOTIVATION OF BELARUSIANS

Summary

The structure of workers labor needs in a context of F. Hertsberg motivation theory is considered in the article. On the basis of empirical sociological data satisfaction of internal and external requirements and the general satisfaction with work of belorussians is analyzed.

Keywords: labor motivation, labor values, factors of labor motivation, general satisfaction with work.

Поступила 11.09.2014 г.

УДК 316.334.22

А. В. МАРТИНКЕВИЧ,
аспирант Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНФОРСМЕНТА В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ

В статье анализируются понятие «инфорсмент» и основной подход к изучению инфорсмента в трудовой сфере (инфорсмент трудового законодательства). В рамках подхода рассматриваются авторы, ключевые проблемы и специфически черты, связанные с изучением инфорсмента в трудовой сфере.

Ключевые слова: инфорсмент, инфорсмент трудового законодательства.

Понятие «инфорсмент» является новым для белорусской социологии и, в частности, для таких специальных социологических теорий, развивающихся в рамках белорусской социологии, как экономическая социология, социология труда, социология права. Об этом может свидетельствовать отсутствие до недавнего времени социологических исследований в области инфорсмента в Беларуси. Зарубежные авторы (в том числе российские), развивающие данное понятие, в основной своей массе являются представителями экономической науки и используют данное понятие в контексте экономической теории.

При всем многообразии исследований в области инфорсмента, проводимых зарубежными учеными-экономистами, не существует конвенциональной дефиниции понятия «инфорсмент». Тем не менее очерчена совокупность понятий, которые выражают область значения рассматриваемого понятия. Так, доктор экономических наук, профессор ВШМ СПбГУ Валерий Сергеевич Катькало, а также доцент кафедры государственного и муниципального управления Наталья Петровна Дроздова, опираясь на труды представителей новой институциональной теории Эрика Фуруботна и Рудольфа Рихтера, выделяют следующие варианты перевода понятия «инфорсмент» [4]:

1) принудительное применение (права, закона);
2) правоприменение;
3) принудительное обеспечение соблюдения;
4) принуждение к исполнению;
5) принуждение к соблюдению;
6) обеспечение правовой санкцией;
7) гарантии соблюдения;
8) гарантии прав;
9) защита;
10) механизмы, обеспечивающие выполнение правил;

11) способы обеспечения действенности;

12) контроль за соблюдением (правил, норм, контрактов).

К представленному списку понятий, входящих в область значения понятия «инфорсмент», можно добавить также такие элементы, как юридическая защита (контракта) и способность выполнять правила. Элемент «юридическая защита (контракта)» наряду с другими, сходными с понятиями в вышеприведенном списке, был предложен доктором экономических наук, профессором, заведующим лабораторией институционального анализа МГУ имени М. В. Ломоносова Виталием Леонидовичем Тамбовцевым [4]. Элемент «способность выполнять правила» был введен доктором экономических наук, профессором, заведующей кафедрой Витебского государственного технологического университета Еленой Васильевной Ванкевич [1, с. 88].

Большинство исследователей-экономистов осуществляют привязку рассматриваемого понятия к рынку труда и его явлениям. Но было бы ошибочным сводить данное понятие исключительно к рынку труда и его явлениям, так как область значения понятия «инфорсмент» позволяет осуществить его привязку и к другим феноменам экономики. К примеру, представительница Рижской бизнес-школы и Стокгольмской школы экономики Анете Паусте для Круглого стола по проблемам российского корпоративного управления (г. Москва, 2–3 июня, 2005 г.) подготовила доклад по теме «Инфорсмент законодательства в области ценных бумаг в странах Балтии», в рамках которого область значения понятия «инфорсмент» была связана с областью значения понятия «рынок ценных бумаг» [3].

Ввиду того, что в статье осуществляется привязка тематической рамки к трудовым и связанным с трудовыми отношениям, которые органично вплетены в рынок труда, представляется необходимым рассмотреть основной подход к изучению инфорсмента в контексте рынка труда – инфорсмент трудового законодательства.

Инфорсмент трудового законодательства обоснован доцентом, кандидатом экономических наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Ниной Тимофеевной Вишневской, профессором, доктором экономических наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова Ростиславом Исааковичем Капелюшниковым. Указанные авторы обосновали данный подход в рамках проекта Центра фундаментальных исследований ГУ ВШЭ «Межрегиональные различия в соблюдении трудового законодательства и функционирование региональных рынков труда» [6].

В рамках исследования инфорсмента трудового законодательства авторы не приводят дефиниции соответствующего понятия. Из положений их основной работы, в которой содержится обоснование названного подхода, можно сделать вывод, что понятие «инфорсмент» используется данными авторами в общеупотребительном значении, но с акцентуацией на сферу трудового законодательства.

Основная проблема указанного подхода заключается в том, что «в зависимости от того, в какой мере требования трудового законодательства выполня-

ются на практике, в любой стране между законом и его реальным воплощением существует известный “зазор”» [2, с. 3]. Данный подход ставит во главу угла степень «законопослушности» субъектов трудовых отношений, которая определяется следующими факторами [2, с. 3]:

содержанием законов;

эффективностью механизмов инфорсмента, призванных обеспечивать контроль за их соблюдением.

Авторы подчеркивают особую важность инфорсмента, так как эффективность труда субъектов трудовых отношений очень сильно зависит от гарантированности защиты их трудовых прав.

В рамках данного подхода делается акцент на субъектах, которые обеспечивают восстановление нарушенных трудовых прав, а также контроль соблюдения трудовых прав наемных работников. Среди них можно выделить следующие:

судебная система;

государственная инспекция труда (ГИТ);

профсоюзы.

Уровень эффективности указанных субъектов в процессе восстановления нарушенных трудовых прав, а также контроля соблюдения трудовых прав наемных работников нанимателями изучается посредством «количественных показателей». Под ними в рамках данного подхода к изучению инфорсмента понимаются обобщенные по заданным логическим и математическим правилам данные *статистического* учета.

Авторы, обосновывающие данный подход к изучению инфорсмента, критически относятся к изучению инфорсмента трудового законодательства по «качественным показателям». Под ними в рамках названного подхода к изучению инфорсмента понимаются обобщенные по заданным логическим и математическим правилам данные *социологического* исследования (в частности, исследования, основанного на использовании такого социологического метода, как анкетный опрос). Так, авторы указывают, что «к сожалению, такого рода качественные показатели обладают серьезными недостатками, поскольку строятся на ограниченных по размеру выборках и не свободны от элемента субъективизма» [2, с. 7]. Основным «качественным показателем», который приводится в качестве примера в рамках данного подхода, является оценка соблюдения норм трудового законодательства на предприятии [2, с. 7]. Как пример использования «качественных показателей» рассматриваются следующие интегральные показатели, рассчитываемые в рамках международных социально-экономических исследований:

интегральный показатель «номинальной» жесткости законодательства о труде (index of enforcing contracts), рассчитываемый Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [7];

интегральный показатель «фактической» жесткости при исполнении законодательства о труде (index of economy freedom), показывающий уровень сво-

боды нанимателя в проведении политики в отношении персонала. Данный интегральный показатель рассчитывается International Institute for Management Development [5].

Сопоставление сферы де-юре и де-факто позволяет определить основные тенденции инфорсмента в сфере труда. Так, «чем жестче законодательные предписания, тем выше вероятность, что экономические агенты станут “отклоняться” от их исполнения» [2, с. 6]. Если экстраполировать данную закономерность на сферу инфорсмента, то это будет означать, что в ситуации нарушения нанимателем трудовых прав работника, последний с большей долей вероятности предпочтет разрешить возникшую ситуацию без обращения в организацию, призванную защищать трудовые права работников.

Тем не менее и «количественные показатели» имеют некоторые недостатки. Так, отмечается, что основной недостаток при анализе инфорсмента трудового законодательства с помощью таких показателей заключается в том, что доступ к ним весьма затруднен. Но именно анализ «количественных показателей» способен дать наиболее объективную картину по следующим аспектам:

эффективность формального инфорсмента с учетом первичного стимула работника, чьи трудовые права нарушаются нанимателем;

эффективность формального инфорсмента с учетом отсутствия первичного стимула работника, чьи трудовые права нарушаются нанимателем.

Для получения объективной картины по вышеприведенным аспектам в рамках данного подхода выделяется следующая система показателей для каждой организации, призванной защищать трудовые права работника, нарушаемые нанимателем [2, с. 7]:

1. Для судебной системы:

1.1. Общее количество трудовых споров, ставших предметом рассмотрения в судах;

1.2. Количество споров по отдельным направлениям (об оплате труда, о восстановлении на работе, о возмещении вреда за увечье и смерть, о возмещении ущерба при исполнении трудовых обязанностей, о признании забастовок незаконными).

2. Для инспекции труда:

2.1. Численность инспекторов ГИТ;

2.2. Количество проведенных проверок;

2.3. Количество выявленных в ходе проверок правонарушений;

2.4. Количество выданных предписаний об устранении нарушений;

2.5. Количество лиц, восстановленных на работе при содействии ГИТ;

2.6. Количество гражданских исков по трудовым спорам, направленных ГИТ в суды;

2.7. Количество удовлетворенных судебных исков, поданных от имени ГИТ.

3. Для профсоюзов:

3.1. «Число требований в представлении» (т. е. количество всех нарушений трудового законодательства, зафиксированных профсоюзами);

3.2. Количество восстановлений на работе по требованию профсоюзных организаций.

Таким образом, данный подход к изучению инфорсмента в сфере труда, исторически возникший первым среди остальных подходов к изучению рассматриваемых понятия и явления, предполагает акцентуацию на анализ «количественных показателей» инфорсмента трудового законодательства. Этот подход, основанный на анализе данных статистического учета, отражающих деятельность специализированных органов, регулирующих и охраняющих трудовые и связанные с трудовыми отношения, является методологической предпосылкой для введения подхода к изучению инфорсмента, основанного на анализе данных социологического исследования.

Литература

1. *Ванкевич, Е. В.* Институциональное строение рынка труда в Беларуси: направление оценки и развития / Е. В. Ванкевич // Белорус. экон. журн. – 2009. – № 4. – С. 88–103.

2. *Вишневская, Н. Т.* Инфорсмент трудового законодательства в России: динамика, охват, региональнальная дифференция / Н. Т. Вишневская, Р. И. Капелюшников. – Минск, 2007. – 80 с. – (Препринт / ГУ ВШЭ ; WP3,02).

3. *Паусте, А.* Инфорсмент законодательства в области ценных бумаг в странах Балтии [Электронный ресурс] / А. Паусте // Круглый стол по проблемам российского корпоративного управления. – 2005. – Режим доступа: http://www.oecd.org/daf/ca/35174703.pdf. – Дата доступа: 21.06.2014.

4. Серия словарей Economicus [Электронный ресурс] // Высшая школа менеджмента. – 2009. – Режим доступа: http://dictionary.economicus.ru/Search.aspx?LEXEME=ZW5mb3JjZW1lbnQ1&COMM=VHJ1ZQ2. – Дата доступа: 07.05.2014.

5. Центр гуманитарных технологий: рейтинг стран мира по уровню экономической свободы – информация об исследовании [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info#russia. – Дата доступа: 18.07.2014.

6. Центр трудовых исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» : проект «Межрегиональные различия в соблюдении трудового законодательства и функционирование региональных рынков труда» [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.hse.ru/org/hse/clms/projects/27144373. – Дата доступа: 15.07.2014.

7. Doing Business: Belarus [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.doingbusiness.org/data/exploreeconomies/belarus. – Дата доступа: 21.07.2014.

A. V. MARTINKEVITCH

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE ENFORCEMENT RESEARCH IN THE LABOUR SPHERE

Summary

In the article the concept «enforcement» and the main approach to the enforcement research in the labour sphere (enforcement of the labour legislation) are analyzed. The main authors, issues and specific features, which are bounded with the research of the enforcement in the labour sphere, are considered within the approach to the enforcement research in the labour sphere.

Keywords: enforcement, enforcement of the labour legislation.

Поступила 22.09.2014 г.

УДК 316.343.66:330.16+174.8](470)(091)

И. А. АНДРОС,
кандидат социологических наук, доцент,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье анализируется развитие предпринимательской активности в дореволюционной России. Определяется историческая роль православия в формировании российской деловой культуры. Рассматриваются предпосылки развития социально ответственного предпринимательства в России в начале XX в.

Ключевые слова: российское предпринимательство, предпринимательская активность, купечество, меценатство, протестантская этика, православная этика.

В России одним из наиболее очевидных результатов экономических преобразований стало изменение социальной структуры общества и появление нового слоя предпринимателей, так называемых «новых» русских. Со временем стало более очевидно, что в тех структурах, которые по своему формальному статусу являются новыми, сохраняются в целом старые отношения и прежний дух. Необычайная живучесть старого духа говорила о том, что сами по себе структурные изменения, а также изменения экономических отношений недостаточны для перехода к новому обществу. Соответствующий капиталистическому рынку дух аскетического рационализма старается утвердиться посредством борьбы с противниками, которые в целом представляют собой докапиталистический дух, в частности псевдокапиталистический. Последний связан с почти полным отсутствием способности и желания отказаться от привычных методов работы, заменить их более целесообразными и эффективными, приспособиться к прогрессивным формам организации труда и даже всерьез задуматься относительно какого-либо предмета. А всякие попытки разъяснить, как сделать работу более выгодной, более легкой наталкиваются на непонимание. Для того чтобы ответить на вопрос, есть ли в настоящее время в России условия, которые продолжают способствовать развитию рыночных отношений, следует учесть, что в русской культуре традиция частного предпринимательства формировалась и развивалась в течение многих веков и была прервана лишь социалистической революцией, а вернее, посленэповской политикой советской власти. Таким образом, можно говорить о разных поколениях российского частного предпринимательства. Их анализ поможет более объективно оценить нынешнее состояние предпринимательства в России.

Надо сказать, что условия зарождения и развития предпринимательства в России отличны от западноевропейских. Это объясняется рядом природно-географических и исторических факторов [1, с. 9–26]. Находясь на крайнем северо-востоке Европы, Россия в меньшей степени, чем многие другие страны, испытала воздействие античных цивилизаций, где еще в древности институты частной собственности достигли высокого уровня развития. Низкий уровень жизни большинства населения обусловил дешевизну рабочей силы, что способствовало привлечению капиталов в производство. Сильное государство защищало интересы предпринимателей, особенно перед угрозой иностранной конкуренции. По мере развития мировой торговли территория России становилась все более геополитически значимой. Однако доступ к огромным природным богатствам страны стал возможен только при накоплении значительных капиталов. В той или иной степени эти вопросы решались уже после отмены крепостного права, в условиях ускорившегося экономического развития страны, ее индустриализации в конце XIX в., нового промышленного подъема начала XX в.

В допетровской Руси наиболее значимым в предпринимательстве стал купеческий и ростовщический капитал. В условиях господства натурального хозяйства крупное торговое предпринимательство ориентировалось главным образом на внешний рынок. Предпринимательской деятельностью занимались бояре и дворяне, но при этом они использовали связи с казной и часто опирались на даровой труд крепостных крестьян. Заметные сдвиги в развитии российского предпринимательства произошли в XVI и особенно в XVII вв. Активизировался местный товарооборот, начали подтачиваться устои натурального хозяйства, в связи с чем усилилась деятельность крупного торгового капитала на внутреннем рынке. Возросла роль государства в экономической жизни, следовательно, расширялись контакты предпринимателей с казной. В России не хватало знаний и технологий – правительство Петра I, не жалея средств и льгот, привлекало иностранных специалистов на отечественные заводы и мануфактуры. Начало расти число крупных предприятий, вместе с тем расширилось применение подневольного труда. Наибольших успехов промышленное предпринимательство, основанное на вольнонаемном труде и ориентированное на широкий рынок, достигло в производстве хлопчатобумажных материй. Однако крепостное право значительно сдерживало развитие российского предпринимательства.

Серьезным стимулом развития предпринимательства в России явились реформационные преобразования 1861 г. Императорский «Манифест от 19 февраля 1861 г.» провозгласил: «Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда». Данная реформа в целом устранила основные препятствия для развития предпринимательского потенциала. Хотя наибольшее значение в предпринимательском деле получает уже естественная эволюция, нежели государственная поддержка, тем не менее особой чертой предпринимательства в России стала неразрывная связь (в первую очередь, в отраслях тяжелой промышленности) с госу-

дарственным аппаратом и государственной казной. Помимо создания новых производств в рамках государственного сектора, правительство стимулировало развитие крупного частного предпринимательства путем предоставления займов, кредитов и выгодных государственных заказов как частным лицам, так и акционерным обществам. К началу XX в. в российской экономике ⅔ всей промышленной продукции производилось в акционерных, паевых и других коллективных формах предпринимательской деятельности и лишь ⅓ приходилась на единоличные формы.

А как на происходящие перемены отреагировала православная церковь, имевшая вторую по влиянию власть в государстве и игравшая основную роль в морально-нравственном климате общества? На формировавшийся в российской хозяйственной культуре «дух капитализма» православие реагировало и давало оценку по-своему. Большинство исследователей придерживается мнения, что в православии, в отличие от протестантизма, высшие религиозные устремления реализуются в сферах духа и ритуала, отделенных от повседневной мирской жизни. Соответственно, мирская деятельность человека не обретает сакрального смысла, оставаясь вне сферы высшей духовной регуляции. Трудолюбие как добродетель православного верующего, в том числе и монаха, есть лишь один из аскетических средств внешнего самосовершенствования, в то время как суть религиозного спасения составляет все же служение духовное. Евангелие в православном понимании предлагает ясный принцип отношения человека к вещному миру: «мирские ценности», подчиненные духовным, в первую очередь, законам совести и любви, являются благом для человека. Став высшей целью, они превращаются во врага души. Такой порядок естественного подчинения материального духовному (а не подавления одного другим) устанавливается христианством в качестве непреложного закона человеческого существования. Н. А. Бердяев эту мысль выразил в таких словах: «Тяжесть материи произошла от ложной направленности духа. Основное противоположение не духа и материи, а свободы и рабства» [2, с. 206]. Отсюда он делает и практический вывод: «Нужно не отрицать научные открытия техники, а духовно овладеть ими. Роковым последствием техники, подчиненной лишь собственному закону, порождающему технические мировые войны, является непомерное возрастание этатизма. Государство делается всемогущим, все более тоталитарным и не только в тоталитарных режимах, оно не хочет признавать никаких границ своей власти и рассматривает человека лишь как свое средство и орудие» [3, с. 303].

Утвердилась точка зрения, что помимо установок на честность, добросовестность и трудолюбие как универсальные ценности, православие не сформировало специфические хозяйственные и предпринимательские этики. Однако, по свидетельству русского религиозного философа и богослова С. Н. Булгакова (1871–1944), кстати, экономиста по образованию, в православии не отвергается социальная и профессиональная деятельность, а «устанавливается особый образ аскетического приятия этого мира и его жизни,

аскетического труда и творчества в нем» [4, с. 327]. Верности своему земному призванию, т. е. профессии, уделяется особое внимание: «Единственный способ обрести радость, мудрость и мир – это быть верным собственной личности, как неповторимому творению Божьему, зная, что каждый человек обладает своей особой и единственной жизнью, своей особой жизненной задачей, которую никто кроме него не может исполнить» [5, с. 259]. Существуют и прямые указания на сходство православной и протестантской этики. Тот же С. Н. Булгаков отмечает, что «протестантская идея о спасении действенной верой стоит ближе к Православию, нежели католическое meritum, находящемся, в известной степени, в эквивалентном и даже сверхэквивалентном отношении к спасению, поскольку в ней радикально отрицается именно всякая эквивалентность» [4, с. 238].

Запоздалые и краткие во временном отрезке истории политические, экономические и социальные условия для развития предпринимательства в России, особые по своей ментальности, не успели сформировать высшие нравственные стимулы экономической деятельности. Однако идея служения своим богатством делу милосердия и просвещения является существенной чертой менталитета многих представителей российского «третьего сословия». «Самое отношение предпринимателя к своему делу, – писал знаток Москвы купеческой П. А. Бурышкин (1887–1955), – было несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность смотрели не только, или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти и в том, что именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые смотрели как на выполнение какого-то свыше назначенного дела» [1, с. 120]. Таким образом, тягу русских купцов к благотворительности, в которой они видели проявление христианской жертвенности и любви к ближнему, а значит, и средство «спасения души», «замаливания грехов» – эксплуатации и стяжательства, лишь отчасти можно объяснить нейтральностью хозяйственных достижений по отношению к религиозной самореализации.

Получило распространение суждение, что некая холодность православной церкви к ведению хозяйственной деятельности не разделялась старообрядчеством, якобы даже породившим рациональные установки, аналогичные протестантским. Эти гипотезы часто подкрепляются тем, что старообрядческие общины действительно были весьма сильными и рациональными хозяйственными организациями, и выходцы из них составляли элиту российского дореволюционного предпринимательства – достаточно вспомнить купеческие династии Гучковых, Кокоревых, Морозовых, Рябушинских и др. Причины большого трудолюбия и высокой предпринимательской активности старообрядцев можно отчасти усмотреть в том, что религиозный раскол, изоляция и самоизоляция староверов от общества произошли в такой момент, когда в народе были сильны ожидания близкого пришествия «Антихриста и конца

Света». У гонимых раскольников напряженность этих ожиданий была особенно высокой и порождала стремление выделиться из общей массы благочестием, твердостью нравственных принципов, безупречным следованием заповедям и традициям. В этом стремлении к нравственному превосходству над большинством также кроется одна из причин трудолюбия и предприимчивости старообрядцев. Тем самым социальной и политической причиной высокой хозяйственной активности старообрядцев явились дискриминация и гонения со стороны государства.

Когда сейчас говорят об этических традициях российского предпринимательства, часто имеют в виду свойственную ему традицию благотворительности и меценатства. Многие купцы, промышленники, рядовые торговцы, ремесленники посада, движимые религиозным чувством, вкладывали средства в строительство и украшение храмов, поощряя и поддерживая тем самым творчество замечательных мастеров. В конце XVI и в начале XVII в. Строгановы покровительствовали творчеству наиболее искусных иконописцев, стремящихся к особому изяществу живописи, заказывая и приобретая их произведения для своих «горниц». В 1802 г. в Москве была открыта Голицынская больница. Строилась она на средства, которые завещал князь Д. М. Голицын «на устройство в столичном городе Москве учреждения Богу угодного и людям полезного». Третьяковы являются основателями Третьяковской галереи, которая началась с их личных коллекций картин. Известный коллекционер А. А. Бахрушин основал Московский литературно-театральный музей. Собрание картин московского купца С. И. Щукина положило начало коллекциям французской модернистской живописи в Эрмитаже и Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Если объяснять побудительные причины меценатства, то в большинстве случаев действовали как эгоистические (стремление получить социальные и налоговые льготы, чтобы тем самым улучшить свое материальное положение), так и альтруистические (религиозные, национально-патриотические и культурно-эстетические) мотивы одновременно. Однако искреннее служение народу в форме благотворительности не снимало остроту социальных противоречий, вызванных бурным развитием капитализма.

В отличие от западного мира, в России предпринимательство не заняло важного места в системе ценностей основной массы населения. Практически всегда новые направления промышленного производства возникали «по высочайшему повелению», посредством своеобразной «революции сверху». Предпринимавшиеся до сих пор попытки модернизации – при Петре I, Александре II, П. Столыпине – осуществлялись во имя «великой России», во имя того, чтобы она заняла достойное место в мире. Европейские же страны последовательным, эволюционным путем «взрастили» свои мануфактуры и фабрики на цеховых традициях. Добавим, что собственные интересы торгово-промышленных сословий зачастую оказывались на втором плане, хотя они могли заявить о своих нуждах, участвуя в земских соборах, различных комиссиях, подавая челобитные и прошения. Однако в дореформенной Рос-

сии предприниматели не составили единой политической силы, поэтому они не могли в полной мере выражать свои общие потребности. В устремлениях крупных купцов-заводовладельцев, дворян-предпринимателей, купцов-предпринимателей и торговых крестьян причудливо сочетались интересы более свободного развития торговли и промышленности (протест против монополий, откупов, привилегий для узкой группы дельцов, протекционизма) и узкие сословные притязания.

Исследователи истории российского предпринимательства пришли к выводу, что лишь в начале XX в. отдельные предприниматели, главным образом, представители молодого поколения, начали отказываться от меценатства и благотворительности в пользу непосредственной социальной защиты своих рабочих. Причем делалось это не из чистой филантропии, а, прежде всего, из осознания потребности рачительного хозяина в дисциплинированной, квалифицированной и социально благополучной рабочей силе. Подлинная социальная ответственность предпринимателей состоит в такой организации дела, которая обеспечивала бы трудящимся устойчивое имущественное положение, социальную защиту, возможности для образования и духовного роста. Революционные события 1905–1907 гг. показали, что система социально-трудовых отношений с рабочими требует серьезного пересмотра. Либеральные предприниматели пытались высвободить рабочих из-под влияния леворадикальных партий, признавая право пролетариата на экономические и политические стачки, но одновременно выступая против насильственных методов разрешения социальных конфликтов. Одним из достаточно сильных противовесов в реальных тенденциях, постепенно набиравших силу в рамках капитализма, могла стать уже выработанная капиталистической промышленной системой такая форма, как трудовой копартнешип, означающий широкое участие рабочих в управлении фабрикой. Собственно, эту же идею подсказывали и модели синдикального социализма, который предлагал передачу общественного производства в руки отдельных организованных профессиональных рабочих групп, синдикатов рабочих [6, с. 94]. Так начинался новый этап формирования в России зрелого и социально ответственного класса предпринимателей. Однако этот процесс был прерван революционными событиями 1917 г., которые повлекли за собой социально-политическую изоляцию буржуазии и обусловили историческое поражение частнопредпринимательского слоя в России.

Отличительной особенностью современной российской деловой культуры являются большая роль межличностных отношений между деловыми партнерами и ориентация бизнесменов на интуитивные стратегии [7, с. 109]. По мнению западных коллег по бизнесу, эти качества рассматриваются как «незрелые», иррациональные. Однако такая нерациональная предпринимательская деятельность выполняется на достаточно высоком, иногда даже мировом уровне. Высказывания современных российских предпринимателей указывают на существование определенного фактора внешнего принуждения – выгодности следования этическим принципам в бизнесе. Лидеры российского бизнеса часто склонны рассматривать соблюдение моральных норм

как своеобразный гарант своего успешного существования в бизнесе и гарант собственной жизни. Тем более, что государство при построении нового типа экономики сделало большой упор на социальные гарантии. И от истории своей самобытной не отворачиваются, тем самым не отвергая ценности русского национального сознания. Стали легендой деловые отношения русского купечества, когда миллионные сделки заключались лишь кивком головы, когда слово было дороже золота, и гарантом этого слова была жизнь. Еще в начале XX в. российские предприниматели (купечество и промышленники) выработали несколько принципов ведения дел в России: уважение к власти как необходимое условие для ведения дела; честность и правдивость как предпосылка здоровой прибыли и гармоничных отношений в делах; уважение права частной собственности; любовь и уважение к человеку труда; верность своему слову, ибо «Единожды солгавши, кто тебе поверит»; жизнь по средствам; целеустремленность, не переходящая грань дозволенного. Эти принципы остаются актуальными и сегодня.

Литература

1. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М. : РОССПЭН, 1997. – 344 с. : илл.

2. *Бердяев, Н. А.* О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-Press, 1939. – 224 с.

3. *Бердяев, Н. А.* Царство Духа и Царство Кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – 382 с.

4. *Булгаков, С. Н.* Православие. Очерки учения православной церкви / С. Н. Булгаков. – Париж : YMCA-Press, 1965. – 403 с.

5. Прот. Фома Хопко. Основы православия / прот. Фома Хопко. – Минск : Полифакт, 1991. – 344 с.

6. *Кришталь, В. В.* М. И. Туган-Барановский: «Центральная власть должна брать на себя лишь то, что не под силу муниципалитету» / В. В. Кришталь // Экон. возрождение России. – 2005. – № 2. – С. 91–95.

7. *Чирикова, А. Е.* Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности / А. Е. Чирикова. – М. : Ин-т социологии РАН, 1997. – 201 с.

I. A. ANDRAS

SPECIFICITY OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY FORMATION IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Summary

The article analyzes the development of entrepreneurial activity in pre-revolutionary Russia. Historical role of Orthodoxy is defined in the formation of Russian standard of business relations. Prerequisites for development of socially responsible entrepreneurship are discussed in Russia in the early twentieth century.

Keywords: Russian entrepreneurship, entrepreneurial activity, merchants, patronship, Protestant ethics, Orthodox ethics.

Поступила 22.09.2014 г.

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ И ОБРАЗА ЖИЗНИ

УДК 316.334.52(476)

Т. В. КУЗЬМЕНКО,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «НОРМЕ ЖИЗНИ» И ДОСТАТКЕ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА И СЕЛА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье раскрывается содержание понятий «нормальная жизнь» и «достаток», выявляется соотношение субъективно нормального и действительного дохода среди городских и сельских жителей. Обосновывается зависимость субъективной оценки нормального дохода от таких факторов, как место проживания и располагаемый доход. Дается сравнительный анализ интерпретаций понятия «достаток» жителями села и города.

Ключевые слова: норма жизни, достаток, субъективно нормальный доход, располагаемый доход, качество жизни, город, село.

Рост темпов и объемов производства, вовлеченность в процессы глобализации, развитие экономических интеграционных объединений (ВТО, таможенные союзы и т. п.), открытость стран для связей с мировым сообществом обусловливают рост потоков потребительских товаров, а также возникновение новых стандартов потребления, изменение потребительских ориентаций, формирование иных материальных символов социального статуса.

Приоритет материальных проблем и материальных ценностей, особенно в молодежной среде, постоянная пропаганда новых образцов потребления, материальных воплощений успешной жизни через рекламу, западные фильмы ведут к росту значимости в сознании людей материальных аспектов жизни по сравнению с культурными, социальными, политическими, личностными и т. п. Новой тенденцией в жизненных ориентациях становится вытеснение ценностей духовно-нравственного характера ценностями сугубо прагматического плана, а материальный успех выступает синонимом успеха социального. На смену пропаганде «разумных» потребностей пришли западные образцы потребления: хотеть много стало модно. Символами успешности, высокого социального статуса становятся дорогие автомобили, яхты, жизнь «на широкую ногу». Процессы освоения современной западной культуры наиболее интенсивно происходят именно в области потребления. В этой связи у «нормальной» жизни появился денежный эквивалент: так, вопрос «нормально ли Вы живете?» подразумевает ответ на вопрос «хватает ли Вам денег, чтобы жить нормально?» Все это обусловливает необходимость более пристального изучения понятий «нормальная жизнь» и «достаток». Впервые в белорусской научной литературе на эвристический потенциал понятия

«норма жизни» обратила внимание Р. А. Смирнова. При этом автором норма жизни рассматривалась как некий устоявшийся и наиболее распространенный идеально-практический образ приемлемого и социально одобряемого качества жизни, включающего не только достаточный уровень материального состояния, но и образ жизни, культурное потребление, поведение в быту, формы и способы общения и др. [1, с. 203–204]. Например, в советское время нормой жизни было увлечение книгами и наличие в доме библиотеки; являлось нормой посещение театров коллективами предприятий, туристические поездки по историко-культурным местам и т. п. Сегодня норма жизни поменялась, и ее изучение, по мнению Р. А. Смирновой, может не только дать информацию об образе жизни современного белоруса, но и показать динамику ценностно-мировоззренческих представлений общественного сознания в целом.

В данной статье акцент делается на материальной стороне нормы жизни, в частности, на понятии нормальной жизни как достатка. Представления человека о нормальной жизни, о нормальном уровне дохода и качестве жизни формируются в обществе в рамках референтных групп. В этой связи понятие нормальной жизни в данном контексте предполагает общепринятые представления о необходимом и достаточном уровне и качестве жизни. Норма жизни выступает своего рода регулятором, обеспечивающим баланс личных запросов, притязаний и амбиций и общественных представлений и требований.

Образ нормальной жизни базируется, с одной стороны, на объективных основаниях (жизненные условия, действительный доход), а с другой – на субъективных, лежащих в области сознания респондента. Социальный статус, пол, возраст опрашиваемого, место проживания и размер домохозяйства, с одной стороны, определяют величину дохода, а с другой – оказывают влияние на формирование субъективных факторов притязаний. В связи с этим интерес представляет анализ представлений о норме жизни различных социальных, возрастных, территориальных групп.

С понятием «нормальная жизнь» тесно связано понятие «достаток», предполагающее достаточное количество материальных благ, обеспечивающих нормальную жизнь семье. Эту теорию подтверждают результаты социологического исследования, проведенного исследовательским коллективом под руководством доктора философских наук Р. А. Смирновой в 2007 г. Проведенный качественный анализ с использованием методов case-study и глубинных интервью с жителями села выявил содержательные интерпретации понятия «достаток», подразумевающие не богатство, не бесконечную конкуренцию и рост в сфере материального благосостояния, а достаточный уровень жизни [1, с. 203]. Содержание данной категории несводимо только к предметному ее пониманию, т. е. это, прежде всего, количественно-качественная категория, объединяющая в себе такие понятия, как мера, избыток и недостаток, ценность.

Изучение представлений населения о нормальной жизни, достатке позволяет более четко отразить картину социальной дифференциации, зафиксировать изменения в ценностных ориентациях и социальном самочувствии

людей. Величина расхождения субъективных представлений о нормальном доходе и условиях жизни и действительного уровня жизни позволяет отразить, насколько комфортны для человека сложившиеся материальные условия жизни, а также судить о степени развития его притязаний.

В качестве эмпирических индикаторов категорий «нормальная жизнь» и «достаток» выступают, прежде всего, действительный и субъективно нормальный уровень дохода, определяемый респондентом как достаточный для создания комфортных для его существования условий. Данные показатели, а также содержательные интерпретации понятия «достаток» изучались в рамках республиканского социологического опроса жителей села и города, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2014 г. (опрошено 1458 человек).

Результаты опроса способствовали решению целого ряда исследовательских задач: выявлению соотношения субъективно нормального и действительного дохода среди городских и сельских жителей; установлению характера зависимости субъективной оценки нормального дохода от таких факторов, как место проживания (село, город) и доход; выявлению взаимосвязи представлений о субъективно нормальном доходе с оценками собственного материального положения и удовлетворенностью им; анализу содержательных интерпретаций понятия «достаток» среди сельчан и горожан.

Понятие «нормальный доход» подразумевает такой его уровень, который позволяет обеспечивать приемлемые для индивида условия жизни. Превышение субъективно нормального дохода над действительным характерно для большинства людей. Такая ситуация свидетельствует о росте потребностей и выступает импульсом к развитию определенной экономической, жизненной стратегии: человеку свойственно ставить перед собой новые цели. Однако значительное превышение желаемого уровня дохода над располагаемым свидетельствует о нереалистичности достижения нормального дохода. Иными словами, субъективно нормальный уровень дохода в ответах респондентов будет находиться на шкале доходов значительно выше уровня бедности и ниже уровня богатства.

Анализируя ответы респондентов на вопросы о желаемом или субъективно нормальном уровне дохода, важно понимать, что представления разных категорий населения о нормальных условиях жизни и нормальном доходе неоднородны. Для людей с низким уровнем жизни, живущих в ограниченных, стесненных условиях, достаточным может оказаться удовлетворение первоочередных, насущных потребностей: в питании, жилье и т. п. Те же, кто перешагнул порог удовлетворения первоочередных потребностей, нормальным будут считать удовлетворение более широкого диапазона запросов. Иными словами, можно утверждать, что различные категории населения, выделенные по уровню дохода, социальному статусу, месту жительства, возрасту имеют разные запросы, разные референтные образцы потребления. Таким образом, субъективно нормальный доход выступает интегральным показателем,

являющимся функцией действительного дохода респондента, его социального статуса, уровня его потребностей, ценностных приоритетов, ориентации на потребительское поведение референтной группы [2].

Количественно выраженные оценки респондентов на вопрос: «Сколько денег Вы хотели бы зарабатывать в месяц, чтобы жить нормально?» можно определить как субъективно нормальный доход. Оценить действительный доход позволяют ответы на вопрос: «Сколько примерно в среднем составляет доход на одного члена Вашей семьи в месяц?», а также косвенные вопросы об оценке материального положения своей семьи и о своих материальных возможностях.

Говоря о количественном соотношении субъективно нормального и действительного уровней дохода, необходимо подчеркнуть, что прямые количественные оценки нормального дохода делаются респондентами приблизительно, спонтанно, эмоционально, без каких-либо точных расчетов. Кроме того, «жить нормально» всегда будет означать иметь больше необходимого. Это значит, что величина желаемого дохода позволяет зафиксировать такой уровень благосостояния, который позволяет не испытывать насущных материальных проблем, перешагнуть порог беспокойства об обеспечении материальных условий существования.

Как показали результаты опроса, субъективно нормальный доход для большинства респондентов значительно выше их действительных денежных доходов. Чтобы жить нормально, почти половине опрошенных (41,3 %) требуется заработок более 8 млн в месяц (45,8 % жителей областных центров и 39,5 % сельчан), а вот действительным доходом такого размера смогли «похвастаться» лишь 2,5 % жителей областных центров и 1,9 % сельчан. Следует отметить, что для сельских жителей фиксируются более низкие значения как желаемого, так и располагаемого дохода. Жители села считают, что для нормальной жизни им требуется меньше денег, чем горожанам: от 5 до 8 млн в месяц хотели бы зарабатывать 26,6 % респондентов в областных центрах и 18,2 % − в селах, а от 5 до 3 млн − 12,8 % в городе и почти в 2 раза больше (21,6 %) − в сельской местности (табл. 1). Это позволяет предположить, что запросы к материальным условиям жизни и к уровню дохода определяются реально достигнутым уровнем материального благополучия, а также той социальной и территориальной средой, к которой принадлежит индивид.

Жизнь в сельской местности предъявляет меньшие требования к уровню денежных доходов населения. Во многом это связано с тем, что большинство сельских семей (по данным республиканского опроса сельского населения, проведенного Институтом социологии в 2011 г., − 77,3 %) имеют в своем распоряжении личные подсобные хозяйства и самостоятельно производят часть продукции, снижая таким образом потребность в денежных средствах на их приобретение в торговой сети. Так, в 2014 г. четверть опрошенных жителей села указала потребление продуктов из своего хозяйства в качестве одного из постоянных источников дохода, еще 15 % время от времени замещают покуп-

ку продуктов в магазинах продукцией собственного хозяйства. Кроме того, сам уровень притязаний в сельской местности не так высок, как в городах. Жизнь в селе не отличается большим разнообразием образцов потребления по ряду причин. Одним из факторов выступает меньший ассортимент предлагаемых в сельской местности товаров и услуг (результаты опросов сельского населения, проводимых Институтом социологии в мониторинговом режиме, неизменно фиксируют более низкий в сравнении с городским уровень развития торговой, культурной, бытовой сфер, а также невысокие показатели удовлетворенности сельчан социальной и культурной инфраструктурой). С другой стороны, уровень денежных доходов сельчан по-прежнему оказывается более низким по сравнению с городом. Все это во многом определяет более скромные стандарты потребления в сельской местности.

Таблица 1. **Сравнение субъективно нормального и действительного дохода горожан и сельчан, в %**

	Жители областных центров		Сельские жители	
	Действительный доход	Субъективно нормальный доход	Действительный доход	Субъективно нормальный доход
До 1 млн руб.	4,8	0,3	9,2	0,4
От 1 до 2 млн руб.	18,8	0,6	36,1	0,1
От 2 до 3 млн руб.	34,8	1,1	30,7	1,5
От 3 до 5 млн руб.	24,3	12,8	14,7	21,6
От 5 до 8 млн руб.	10,3	26,6	3,9	18,2
8 млн руб. и более	2,5	45,8	1,9	39,5

Что касается детерминант уровня желаемого дохода субъективного плана, то анализ данных не выявил зависимости величины желаемого дохода от субъективных оценок материального положения. Основная часть опрошенных, независимо от самооценки материального положения, считает, что для нормальной жизни необходим заработок более 8 млн рублей (такой ответ дали 38,1 % тех, кто оценивает свое материальное положение как «хорошее» и «скорее хорошее», 40,8 % с оценкой «среднее» и 45 % − «плохое» или «скорее плохое»). Следует отметить, что в субъективных оценках материального положения не наблюдается существенных отличий между городом и селом: как «хорошее» или «скорее хорошее» его оценили 14,6 % горожан и 16,5 % сельчан, «среднее» − 59,1 % и 53,2 % в городе и селе соответственно, «плохое» или «скорее плохое» − 21,8 % и 24,8 %. Примерно одинаковые ответы сельчан и горожан наблюдаются и при ответах на вопрос: «Хватает ли Вам денег до зарплаты (пенсии)?» Доли положительных и отрицательных ответов здесь оказались почти равными. Треть опрошенных горожан и сельчан заявили о том, что денег им часто не хватает (33,3 % и 33,5 % соответственно), еще 11,8 % жителей города и 16 % представителей села утверждают, что им постоянно не хватает денег до зарплаты. Лишь каждому десятому жителю города (10,5 %) и села (10,4 %) денег всегда хватает, а около 40 % (42,4 % в областных

центрах и 37,7 % в сельской местности) − в основном хватает. Подытоживая сказанное, можно заключить, что субъективные оценки материального благополучия не детерминируют напрямую уровень желаемого дохода.

Таким образом, данные об уровне субъективно нормального и действительного дохода фиксируют устойчивую взаимосвязь анализируемых показателей: рост действительного дохода предполагает повышение притязаний. Респонденты с более низким уровнем дохода склонны указывать более низкие значения уровня желаемого дохода. Это дает основания говорить о том, что выбор значения желаемого дохода ограничен располагаемым доходом.

В целом же следует отметить, что оценивая уровень дохода, необходимого для нормальной жизни, и сельчане, и горожане демонстрируют довольно взвешенный подход: «заоблачные», нереальные суммы, как правило, не указываются. Это в значительной степени свидетельствует о том, что респонденты довольно трезво оценивают свои потребности, соизмеряя их со своими доходами. Данное заключение во многом подтверждается и теми содержательными интерпретациями понятия «достаток», которые были получены в ходе опроса.

Результаты проведенного исследования позволили выявить дескрипторы, описывающие категорию «достаток». Следует отметить, что представления сельчан и горожан о достатке несколько различаются. Можно утверждать, что в описании достатка жители городов демонстрируют более высокий уровень притязаний: значимость большинства индикаторов достатка у них выше (рис. 1).

Так, для горожан более приоритетными критериями достатка оказались возможность путешествовать, хорошо и правильно питаться, иметь средства высококачественного ухода за здоровьем, иметь недвижимость и в селе, и в городе. Для сельчан более значимой формой воплощения достатка является добротный дом в сельской местности.

В целом же воплощениями достатка как среди сельчан, так и среди горожан выступают не оторванные от реальной жизни, избыточные и труднодостижимые материальные блага, а преимущественно являющиеся средствами удовлетворения основных жизненных потребностей, достаточные и необходимые для создания нормальных условий жизни. Так, к группе высокой частоты встречаемости (более 45 %) относятся: «хорошо и правильно питаться», «иметь комфортное жилье», «иметь возможность покупать все, что хочется».

Менталитету белорусов, большинство из которых является выходцами из села, свойственно не стремление к «несметным богатствам», а «к достатку, предполагающему не столько достаточный для нормальной жизни уровень накопления материальных благ, а, скорее, объединяющему такие понятия, как большая дружная семья, хорошее питание, порядок в доме, успешное хозяйство» [3, с. 15].

В группу средней частоты встречаемости (более 25 %) попали такие дескрипторы категории «достаток», как: «иметь средства для высококачественного ухода за здоровьем» и «иметь много денег, сбережения». Низкая частота

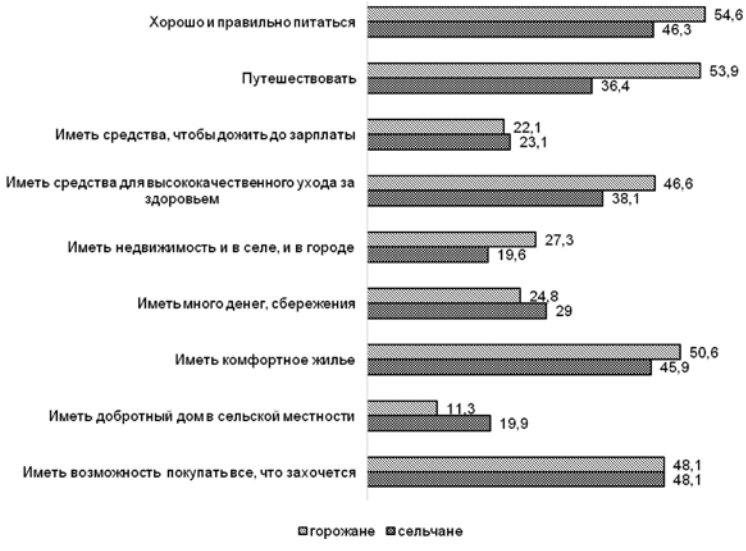


Рис. 1. Распределения ответов сельчан и горожан на вопрос: «Что означает для Вас жить в достатке?» (в %)

встречаемости зафиксирована для следующих характеристик: «иметь средства, чтобы дожить до зарплаты», «иметь недвижимость и в селе, и в городе», «иметь добротный дом в сельской местности». Их наличие является свидетельством жизни в достатке по мнению менее 25 % опрошенных.

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что субъективно нормальный доход для большинства жителей городов и сел Беларуси значительно превосходит их действительные денежные доходы: чтобы жить нормально, почти половине опрошенных требуется заработок более 8 млн в месяц, действительным доходом такого размера располагает лишь небольшая часть горожан и сельчан.

Запросы к материальным условиям жизни (а следовательно, и к нормальному уровню дохода) детерминированы реально достигнутым уровнем материального благополучия. Субъективные оценки материального благополучия, удовлетворенность собственным материальным статусом не определяют напрямую уровень субъективно нормального дохода.

Сравнительный анализ суждений горожан и сельчан о нормальном доходе и достатке позволил зафиксировать некоторые различия в представлениях указанных социально-территориальных групп. Для сельских жителей характерны более низкие значения как желаемого, так и располагаемого дохода. Горожане демонстрируют более высокий уровень притязаний как в определении субъективно нормального уровня дохода, так и при описании категории «достаток».

Определяющими для жизни в достатке, по мнению и горожан, и сельчан, являются, в первую очередь, комфортное жилье, хорошее питание, являющие-

ся средствами удовлетворения основных жизненных потребностей человека. Это позволяет предполагать наличие ограничителей роста притязаний к нормальному доходу и условиям жизни, в качестве которых выступают, прежде всего, существующие в обществе, в определенной социально-территориальной среде социальные стандарты нормальной жизни, которые возникают под воздействием достигнутого уровня потребления в обществе в целом и в поведении референтных в сфере потребления групп.

Литература

1. *Смирнова, Р. А.* Культурно-цивилизационные основания цивилизационного порядка и способов его изучения / Р. А. Смирнова, В. Э. Смирнов // Проблемы управления. – 2007. − № 3 (24). – С. 198−204.

2. *Черкашина, Т. Ю.* Субъективно нормальный доход: факторы дифференциации / Т. Ю. Черкашина // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету / отв. ред. И. А. Бутенко. − М. : МОНФ, 2000. − С. 32−60.

3. *Смирнова, Р. А.* Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси : Брестская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск : Право и экономика, 2012. – 163 с.

T. V. KUZMENKO

CONCEPT OF THE «RULE OF LIFE» AND AFFLUENCE IN URBAN AREAS AND VILLAGES: A COMPARATIVE ANALYSIS

Summary

The article reveals the concepts of «normal life» and «wealth», reveals the ratio of normal and subjectively real income of urban and rural residents. Substantiates the dependence of subjective evaluation of normal income from such factors as place of residence (rural, urban), and disposable income. A comparative analysis of interpretations of the concept of «affluence» by the residents of the village and the city is given.

Keywords: rule of life, wealth, subjectively normal income, disposable income, quality of life, town, village, social status.

Поступила 03.10.2014 г.

УДК 136.6

Л. П. ГАЛИЧ,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры политологии и права
Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, г. Минск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН

Рассматривается удовлетворенность жизнью в качестве базового индикатора социального самочувствия и адаптированности населения к изменяющимся жизненным условиям. Представлен компаративный анализ оценок белорусов и россиян удовлетворенности текущей жизнью и различными ее составляющими. Выявлены различия в восприятии населением обеих стран удовлетворенности жизненных потребностей.

Ключевые слова: социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью, жизнестойкость, социальная адаптированность.

История вопроса

В истории социогуманитарной мысли выделяется своей значимостью и вместе с тем загадочностью тот период, который известный немецкий философ К. Ясперс (1883–1969) назвал «осевым временем» [1]. Ось мирового развития была создана благодаря качественным духовным сдвигам в разных регионах земли, произведенным однонаправленными (синергетическими) усилиями первых греческих мудрецов, иудейских пророков в Палестине, основателями религиозных учений Заратустрой в Персии, Буддой в Индии, Конфуцием в Китае. Ясперс считал, что именно в этот сравнительно небольшой по историческим меркам период (400 лет) были заложены основы современной цивилизации Востока и Запада, установлена векторная (перспективная) связь времен, определены общечеловеческие заветы сосуществования, закодированные в эзотерической форме смыслов.

Концепцию осевого времени Ясперса принимают не все историки и другие социогуманитарии; некоторым представляется, что после первых ярких впечатлений (книга «Смысл и назначение истории») [1] она (концепция) потеряла свой эвристический потенциал, а намеки на шифр не более чем уклон в мистику. Не входя в полемику, отметим, что, на наш взгляд, главное достижение «осевого времени» в том, что было положено начало формированию терминологического аппарата восприятия и понимания субъективной реальности, путем категоризации слов повседневного языка, таких как чувства, эмоции, настроения, самочувствие и т. д. При этом, в отличие от художественной ли-

тературы (включая мемуарные, исповедальные, лирические и другие жанры), которая все больше сосредоточивалась на личностном внутреннем мире героев, здесь эти термины призваны отражать единство индивида и социума, с акцентированием того положения, что вне общества индивидуальная жизнь невозможна. Китайская традиция здесь наиболее четко выражена Конфуцием (551– 478 до н. э.). Он писал: «Чтобы государство было крепким, нужно 1) чтобы было благоустройство во всем народе. Для того чтобы было благоустройство во всем народе, нужно 2) чтобы было благоустройство в семье. Для того чтобы было благоустройство в семье, нужно 3) чтобы было благоустройство в самом себе. Для того чтобы было благоустройство в самом себе, нужно 4) чтобы сердце было чисто, исправлено. Для того чтобы сердце было чисто, исправлено, нужна 5) правдивость, сознательность мысли. Для того чтобы была сознательность мысли, нужна 6) высшая степень знания. Для того чтобы была высшая степень знания, нужно 7) изучение самого себя» [2, с. 952][1]. Как видим, Конфуций учит знать себя, т. е. понимать и регулировать свое самочувствие. Причем не для какой-либо выгоды или по чисто эгоистическим соображениям, а для того, чтобы, поднимаясь от ступеньки к ступеньке, внести, в конечном счете, свой вклад в общее благо – укрепление своего государства.

Впервые категория «социальное самочувствие» появилась в работе российских социологов Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко «Социальное настроение» в 1996 г. [3]. Данная монография – одна из первых в отечественной литературе фундаментальных работ, посвященных социологическому анализу состояния общественного сознания. В концепции представленных авторов социальное самочувствие определялось в качестве исходного уровня структуры социального настроения. Результирующими показателями социального самочувствия рассматривались следующие: 1) потребность в самосохранении себя как социального существа, члена группы и общества; 2) оценка уровня и степени благополучия непосредственной микросреды. Социальное самочувствие в данной концепции по сравнению с настроением – более простое образование, так как последнее весьма сложное по своей структуре, содержащее в себе осознанное и бессознательное, эмоциональное и рациональное, отчетливые и смутные образы и впечатления. Именно свойство устойчивости, стабильности и отчетливости отличает, прежде всего, самочувствие от настроения. «Эмоции и чувства, – по мнению российского психолога С. Л. Рубинштейна, – связаны с каким-нибудь объектом и направлены на него: мы радуемся чему-то, огорчаемся чем-то, тревожимся из-за чего-то; но когда у человека радостное настроение, он не просто рад чему-то, а ему радостно – иногда, особенно в молодости, так, что все на свете представляется радостным и прекрасным. Настроение не предметно, а личностно, – это, во-первых, и, во-вторых, оно не специальное переживание, приуроченное к какому-то частному событию,

[1] Мы привели этот отрывок в изложении Л. Н. Толстого в статье «Великая наука», которая включена как приложение в книгу Конфуция.

а разлитое общее состояние» [4, с. 421]. Конечно же, социальное самочувствие, да и, собственно, чувства носят определенный, предметный характер – всегда адресуется чему-либо, направлены на объект, и, в частности, на его оценку, что и формирует определенное отношение (чувство). Так, например, складывается устойчивое чувство удовлетворенности собой, которое возникает в результате оценки определенных личных достижений и успехов в какой-либо деятельности или на основании сопоставления (сравнения) собственных «высот» с достижениями других людей. Однако выдвижение на первое место понятия «социальное настроение» в качестве доминанты состояния общественного сознания при отказе от содержательного анализа социального самочувствия является неоправданным. В политической сфере при постановке стратегических задач и определении векторов развития общества все чаще используется понятие социального самочувствия. Образно говоря, настроение – это стихийное явление, подчиняющееся законам подражания, заражения, манипулирования и т. д., в то время как самочувствие фиксирует все жизненное пространство социума: работу, учебу, быт, досуг, семью и многое другое. Неслучайно психологи подчеркивают «тональность» настроений, их сравнительно быструю сменяемость, зависимость как от ситуации, так и от индивидуального темперамента. Социальное самочувствие на индивидуальном уровне включает рациональные формы самопознания и саморефлексии. Поэтому ведущим в этой паре (самочувствия и настроения) пересекающихся понятий в нашей концепции является социальное самочувствие. Именно оно выступает доминантой общественного сознания и поведения субъекта, носит интегральный и результирующий характер, в то время как социальное настроение – исходный уровень, эмоциональный фон (здесь мы согласны с Ж. Т. Тощенко и С. В. Харченко), окрашивающий восприятие и себя, и окружающего мира в определенные тона. Дальнейшая категоризация понятия социального самочувствия отражена в работе российского социолога, философа В. Э. Бойкова [5], который, уподобляя исследуемое нами явление бумерангу, определил наличие прямых и обратных связей между социальным самочувствием и общественными процессами, возвращающимися в хозяйственную практику через сознание и поведение людей. В 2002 г. российские социологи О. А. Хасбулатова и Л. С. Егорова [6] осуществили исследование социального самочувствия сквозь призму гендерных различий и трактовали его как целостную характеристику восприятия действительности и позиции определенной ценностной установки в динамичной социокультурной среде. Представителями украинской социологии (Е. И. Головаха, Н. В. Панина, А. П. Горбачик) [7; 8], разработано методическое обоснование и технология конструирования социологического теста «Интегральный индекс социального самочувствия». Данная методика направлена на измерение уровня социального самочувствия населения в современных условиях. Авторы осуществили попытку оценить эффективность социальной политики с точки зрения ее влияния на социально-психологическую атмосферу. Таким образом, в их концепции подчеркивалась индикатор-

ная роль социального самочувствия, которое понималось как обобщенный индикатор реакции населения на социальные преобразования и интегральная оценка восприятия людьми собственного благополучия в основных сферах социальной жизнедеятельности.

Эмпирический анализ удовлетворенности жизнью и уровня жизнестойкости населения Беларуси и России

В свете особенностей постсоветского развития представляется интересным и полезным исследование влияния современных социально-экономических и политических процессов, происходящих в разных странах, на материальное благополучие, уровень и качество жизни, социальное самочувствие людей. Такую информацию можно получить путем социологических измерений. Сравнительные межстрановые исследования социального самочувствия методически строятся так, чтобы иметь возможность при соблюдении требования валидности замерить и сопоставить следующие показатели: 1) экономическое положение страны в восприятии и оценках населения по стандартной пятибалльной шкале; 2) материальное положение семьи; 3) уровень социальной адаптированности – по шкалам удовлетворенности текущей жизнью и различными ее сторонами, а также 4) уровню жизнестойкости; 5) социальный оптимизм – по шкале ожидаемых изменений жизни к лучшему в ближайшей перспективе; 6) наиболее распространенные чувства и страхи. Остановимся на сравнительном анализе трех индикаторов – удовлетворенности жизнью в целом, удовлетворенности различными сферами жизни (ее повседневными проявлениями), уровне жизнестойкости населения Беларуси и России.

Универсальным, широко используемым в социологической практике показателем социального самочувствия, является *оценка удовлетворенности жизнью*. Удовлетворенность жизнью является одним из индикаторов эмотивного компонента социального самочувствия и отражает степень сбалансированности требований, предъявляемых индивидом или группой к условиям собственной жизнедеятельности и субъективной оценки возможностей реализации потребностей, интересов и жизненных целей, связанных с главными социальными сферами деятельности человека (труда, познания, семейной, досуговой и др. областей). Измерение жизненной удовлетворенности в качестве индикатора социального самочувствия является важной переменной в ходе изучения индивида в разных сферах его жизнедеятельности. Удовлетворенность отражает жизненные установки, мотивацию, потребности и ожидания. В удовлетворенности проявляется отношение к жизни, которое зависит от субъективных (ценностные ориентации, социальные и физические особенности личности) и объективных факторов (социальные, экономические, политические, культурные процессы и условия). Жизненная удовлетворенность служит своеобразным показателем собственного социального положения (профессионального, экономического, семейного) индивида. В социоло-

гических исследованиях, ставивших целью определить природу и специфику удовлетворенности жизнью, она рассматривается как объективное состояние насыщения потребностей и/или эмоциональное восприятие этого состояния. В соответствии с этим осуществлялся поиск факторов, детерминирующих жизненную удовлетворенность. Удовлетворенность жизнью обусловлена преимущественно не реальным состоянием насыщения потребностей и объективными факторами жизнедеятельности, а часто стереотипами, ценностными представлениями, стремлениями к самоутверждению, к социальному признанию, одобрению и престижу.

Представим результаты опроса 2014 г., проведенного в рамках совместного российско-белорусского проекта «Социально-политическая ситуация и повседневная жизнь людей в России и Беларуси в контексте становления Союзного государства» (№ Г13Р–045 от 16.04.2013 г.). Оценивая то, как складывается жизнь в целом, 67,0 % населения Беларуси и 75,2 % населения России высказались, что удовлетворены собственной жизнью. Отрицательные ответы на данный вопрос были распространены среди 32,5 % и 24,1 % белорусов и россиян соответственно. Таким образом, опрос позволил выявить, что уровень удовлетворенности жизнью у белорусов по сравнению с россиянами ниже на 5 п. п. Удовлетворенность текущей жизнью как индикатор социальной адаптированности оказалась в 2009 г. примерно одинаковой в России и Беларуси – 58,7 и 58,1 п. п. соответственно.

Исследуя условия, факторы и особенности развития конкурентоспособной личности, российский социолог Л. Митина указала, что индекс жизненной удовлетворенности (ИЖУ) является интегративным показателем системы отношений человека к жизни и общего умонастроения. Исходя из данного подхода к жизненной удовлетворенности, она вывела ИЖУ через систему таких показателей, как структура отношений человека к жизни (оценка различных составляющих человеческого бытия, то есть социального и психологического комфорта человека в семейной, трудовой, досуговой и др. сферах), а также особенности его общего умонастроения. Определенные социальные условия, предоставляя людям большую или меньшую возможность удовлетворения их потребностей, создают те или иные чувства и настроения, характерные для большинства людей в обществе. Безусловно, автор правомерно полагает, что на жизненную удовлетворенность влияют в различной степени частные удовлетворенности (ЧУ), т. е. удовлетворенности разными сферами жизнедеятельности индивида. Однако позитивные оценки ЧУ не гарантируют аналогичного позитивного оценивания интегральной удовлетворенности. Именно поэтому большое значение в исследованиях жизненной удовлетворенности приобретает рассмотрение явления «общего умонастроения».

Что касается предложенной нами социологической модели социального самочувствия, то согласно ей в структуру общей (интегральной) удовлетворенности жизнью входят такие ее частные проявления, как: удовлетворенность тем, как человек 1) питается, 2) одевается, 3) отдыхает, 4) условиями

проживания, 5) личной безопасностью и безопасностью своих близких, а также 6) собственными жизненными перспективами. Опрос показал, что среди белорусов и россиян 77,4 % и 88,0 % респондентов, соответственно, удовлетворены тем, как они питаются; 69,9 % и 79,3 % – тем, как одеваются; 66,8 % и 70,4 % – удовлетворены своим жилищем; 42,6 % и 51,4 % – удовлетворены тем, как отдыхают; 76,6 % и 63,0 % – удовлетворены своей безопасностью и безопасностью близких; 58,1 % и 57,2 % – удовлетворены своими жизненными перспективами. Таким образом, мнение белорусов и россиян по данному вопросу разделилось по большинству позиций – питания, одежды, отдыха и безопасности. Если первыми тремя сторонами жизни больше удовлетворены россияне, то уровень удовлетворенности безопасностью выше среди белорусов; выявлено также среди населения Республики Беларусь и Российской Федерации схожее отношение к собственным жизненным перспективам.

Мы также рассматриваем в роли индикатора социального самочувствия в целом уровень жизнестойкости, который отражает степень адаптированности населения к изменяющимся жизненным условиям. Данный показатель выражает личностные диспозиции в плане восприятия человеком своей теперешней ситуации на основе накопленного опыта и сравнения того, что есть, с тем, что было, и с тем, что хотелось бы изменить. В социологии для обобщенной характеристики состояния массового сознания используется уровень жизненного терпения, который традиционно изучается с помощью вопроса: «Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?» и следующих альтернатив: «все не так плохо и можно жить», «жить трудно, но можно терпеть», «терпеть наше бедственное положение уже невозможно». Это наиболее важный интегральный социологический показатель кумулятивного типа, отражающий личностные диспозиции в плане восприятия человеком своей теперешней жизненной ситуации на основе накопленного опыта и сравнения того, что есть, с тем, что было, и с тем, что хотелось бы иметь, с учетом собственных возможностей и объективных условий; это показатель, отражающий степень жизнестойкости индивида, его способность не поддаваться временной негативной ситуации. Сравнительно высокий уровень терпения означает, что существующие условия, социальный порядок в обществе достаточно благоприятные в психологическом плане, что позволяет субъекту управления спокойно и последовательно осуществлять намеченный курс. При этом особое внимание должно уделяться тем семьям, которые оказались в затруднительном положении. Имеется в виду не только выяснение причин этого, но и оказание адресной поддержки. В свою очередь, низкий уровень терпения свидетельствует об ухудшении положения многих категорий населения, а близкий к критической точке (30–35 %) – о назревании революционной ситуации.

Исследование показало, что в ходе оценки жизненной сегодняшней ситуации позицию «все не так плохо и можно жить» выбрали 33,7 % респондентов, «жить трудно, но можно терпеть» – 40,0 %. Таким образом, уровень жизне-

стойкости среди белорусов составил 73,7 %. Каждый десятый опрошенный выбрал ответ «терпеть наше бедственное положение уже невозможно». Каждый четвертый затруднился ответить на данный вопрос. Для сравнения отметим, что уровень жизнестойкости среди белорусов в 2009 г. составил 77,5 %, в 2011 г. – 84,0 % и снизился в 2014 г. почти на 4 п. п. Что касается россиян, то 43,8 % опрошенных полагают, что «все не так плохо»; 12,6 % выбрали позицию «у меня все хорошо»; 36,2 % высказались о том, что «жить трудно»; 7,0 % респондентов ответили, что «терпеть такое невозможно». В 2009 г. 3,2 % россиян ответили, что у них «все более чем нормально», в 2011 г. 13,7 % выбрали данную позицию; ответили «все не так плохо и можно жить» в 2009 г. 22,4 %, а в 2011 – 44,1 %; позицию «жить трудно, но можно терпеть» в 2009 г. выбрали 50,4 %, а в 2011 г. – 27,7 %; ответ «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» в 2009 г. дали 14,0 %, а в 2011 г. – 6,7 % респондентов. Жизнестойкость (синоним жизненного терпения) отражает адаптационные способности индивида и его умение преодолевать себя, можно сказать, «способность выживать» в сложных жизненных обстоятельствах. Проблема жизнестойкости индивида особенно актуальна в связи с обществом риска, поскольку затрагивает его умения, возможности, способности и усилия не поддаваться временным жизненным падениям и неудачам, а противостоять им. Ж. Ж. Руссо, например, утверждал, что терпение горько, но его плод сладок. Эта цитата говорит о том, что жизнестойкость выступает в качестве залога успеха в разных видах деятельности. Недаром данное качество индивида рассматривается как большая добродетель человека. Один из двенадцати апостолов Павел призывал к прохождению жизненного пути с большим терпением. Роль социально-психологического качества жизнестойкости в формировании социального самочувствия индивида нельзя не преувеличить, поскольку данное свойство субъекта раскрывает его личностный потенциал, адаптивные и креативные возможности в изменяющихся общественных условиях. В зарубежной психологии С. Мадди была разработана «концепция жизнестойкости» (hardiness) в связи с рассмотрением им проблем творческого потенциала личности и противостояния стрессам, в которой жизнестойкость понималась как мера психического здоровья человека. Основу социального самочувствия оно составляет потому, что, во-первых, дает возможность чувствовать себя значимым и достаточно ценным, чтобы полностью включаться в решение жизненных задач, несмотря на происходящие в жизни перемены; и, во-вторых, дает силы и мотивирует человека к самореализации, здоровому образу мыслей и просоциальному поведению.

В настоящее время, как показали результаты опроса, уровень терпения существенно выше критической зоны, что позволяет не просто надеяться, но и быть уверенными в том, что не случится каких-либо социальных потрясений, способных помешать устойчивому развитию белорусского общества. Противоположным качеством терпения является нетерпеливость, которая выступает признаком внутренней слабости, болезненности, потери самообла-

дания и часто проводит к унынию, отчаянию, фрустрациям, одним словом, к депрессивным расстройствам. Данный вывод подтвердило наше исследование. Поскольку терпение лежит в основе восприятия и оценки не только собственного благополучия в обществе, но и своего внутреннего состояния, мы пришли к выводу, что свойство жизнестойкости, присущее индивиду, высоко коррелирует с иными проявлениями социального самочувствия – жизненной удовлетворенностью, материальным благополучием и оптимизмом. К примеру, среди «жизнестойких» больше тех, кто удовлетворен жизнью, кто положительно оценивает свое жизненное благополучие и оптимистично воспринимает свое будущее.

Литература

1. *Ясперс, К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.

2. *Конфуций.* Уроки мудрости / Конфуций. – М. : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. – 958 с. – (Антология мысли).

3. *Тощенко, Ж. Т.* Социальное настроение / Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко. – М. : Academia, 1996. – 195 с.

4. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 720 с.

5. *Бойков, В. Э.* Бумеранг социального самочувствия / В. Э. Бумеранг // Социс. – 1998. – № 1. – С. 87–90.

6. *Хасбулатова, О. А.* Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России / О. А. Хасбулатова, Л. С. Егорова // Социс. – 2002. – № 11. – С. 48–54.

7. *Головаха, Е. И.* Измерение социального самочувствия: тест ИИСС / Е. И. Головаха, Н. В. Панина, А. П. Горбачик // Социология: 4М. – 1998. – № 10. – С. 45–72.

8. *Головаха, Е. И.* Интегральный индекс социального самочувствия населения Украины до и после «оранжевой революции» / Е. И. Головаха, Н. В. Панина // Вестн. обществ. мнения. – 2005. – № 6. – С. 11–16.

L. P. GALICH

COMPARATIVE ANALYSIS OF SATISFACTION WITH LIFE OF BELARUSIANS AND RUSSIANS

Summary

Satisfaction with life as the basic indicator of social well-being and adaptedness of the population to changing vital conditions is considered. The komparativny analysis of estimates of Belarusians and Russians of satisfaction is submitted by the current life and its various components. Distinctions in perception are revealed by the population of both countries of satisfaction of vital needs.

Keywords: social well-being, satisfaction with life, hardiness, social adaptedness.

Поступила 01.10.2014 г.

УДК 304.2

А. А. ШАБУНОВА,

доктор экономических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук», г. Вологда

М. В. МОРЕВ,

кандидат экономических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук», г. Вологда

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ КАК ИНДИКАТОРА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Представлен опыт разработки методологического подхода к комплексному изучению социального здоровья. Показано, что социальное здоровье является репрезентативным индикатором, отражающим тенденции общественного развития и эффективность государственного управления. Проанализированы теоретические взгляды зарубежных и отечественных ученых на социальное здоровье и возможности его измерения. Рассмотрена динамика ключевых индикаторов социального здоровья на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное здоровье, социальная адаптация, общественное развитие, государственное управление, методология.

Актуализация проблемы социального здоровья связана с рядом вызовов, брошенных современному обществу. Один из них связан с неопределенностью и риском – «визитной карточкой» постиндустриального общества, когда границы нормы и мейнстрима «размыты» для адаптации личности в социуме. В 2010 г. в статье «Российская социология и вызовы современного общества» М. К. Горшков отметил, что «российское общество находится в состоянии постоянного перехода. При этом никто точно не знает, куда оно идет и с какой социальной скоростью движется. Как следствие, вопрос о будущем России остается во многом открытым». Ключевые проблемы российского общества, которые выделяет М. К. Горшков («зависимость российской экономики от сырьевых ресурсов, крайне невысокая конкурентоспособность производимой в стране продукции, неокрепшая демократия и слабости гражданского общества, негативные демографические тенденции и полусоветская социальная сфера, наличие коррупции, порождающей произвол, несвобода и несправедливость») были актуальны в 2010 г. и остаются актуальными в 2014 г., несмотря на постепенное «затухание» последствий мирового финансового кризиса [3, с. 6].

Однако следует отметить, что с тех пор, как была опубликована статья М. К. Горшкова, в стране произошли важные, ключевые изменения, которые во многом позволяют говорить о новых трендах общественного развития. Речь идет о концептуальных, глобальных по своему содержанию, положениях, которые в последнее время звучат в выступлениях Президента Российской Федерации В. В. Путина и которые, в целом, отражены в работах С. С. Сулакшина [18], М. К. Горшкова [4], В. К. Левашова [8], Ж. Т. Тощенко [20] и др.

Это идеи формирования национальной идентичности, сохранения и развития государственного суверенитета, повышения роли общества в механизме государственного управления, преодоления «кризиса доверия» государственным и общественным институтам, отказа от прозападной идеологии «общества потребления» и возвращение к исконно русским корням развития, основанным на духовно-нравственных ценностях. Таким образом, на фоне тех проблем, в которых существует постсоветская и посткризисная (период 1990-х гг.) Россия, общество оказалось на пороге новых коренных преобразований, которые будут определять вектор его дальнейшего развития на ближайшие десятилетия.

Какую роль в этих процессах может сыграть изучение социального здоровья? В чем заключается практическая значимость его исследования? Для ответа на этот вопрос вновь обратимся к статье М. К. Горшкова «Российская социология и вызовы современного общества». Автор пишет: «Определенная недостаточность в работе социальных систем общества, приводящая к тому, что в настоящее время они скорее воспроизводят сложившийся в стране уклад жизни, текущую модель, нежели развивают ее, не отменяет того факта, что все они работают. Как следствие, *в пореформенной России концентрируется огромный социально-психологический ресурс, выступающий основой осуществления модернизационного прорыва, в котором столь остро нуждается сегодня российский социум*» (выделено нами. – *Авт.*) [3, с. 6].

Именно «социально-психологический ресурс» является ключевой потребностью общества и ключевым фактором развития в условиях духовно-нравственных, идеологических преобразований, на пороге которых стоит Россия уже в 2014 г. И именно «субъективный» фактор, как отмечает Ж. Т. Тощенко, «играет существенную и все возрастующую роль среди факторов, определяющих содержание и вектор происходящих изменений во всем мире и в нашей стране» [20, с. 32].

Социальное здоровье отражает способность каждого конкретного члена общества адаптироваться к социуму, причем не только «уживаться» с ним, но и реализовывать свой потенциал, свои потребности, достигать своих целей и, таким образом, изменять социальную реальность. Соответственно эволюция представлений о социальном здоровье неразрывно связана с изменениями взглядов на роль личности в обществе.

Сегодня человек является генератором инновационных идей, основным фактором производства и движущей силой прогресса. «Социальное измене-

ние (прогресс) рассматривается как результат осознанных, целенаправленных действий или ненамеренных человеческих усилий, а субъект деятельности очеловечен и социализирован» [21, с. 62]. Его творческие способности и интеллектуальные возможности перестают быть личностными характеристиками и становятся национальным богатством и ресурсом развития. В этих условиях качество человеческого потенциала государства приобретает стратегическое значение. Удовлетворение лишь базовых потребностей человека является уже недостаточным. Вектор общественной эволюции диктует необходимость удовлетворения более высоких потребностей членов общества, основанных на инструментальных ценностях в виде творчества, самоактуализации личности [9, с. 3]. Таким образом, сохранение и укрепление социального здоровья является одним из механизмов развития человеческого потенциала.

Новое понимание роли и места человека в системе общественных отношений требует и трансформации подхода к государственному управлению – перехода от традиционных форм и методов управления к человекоориентированной модели экономики, социальной сферы, политики, основанной на повышении качества жизни населения [9, с. 4]. Такая трансформация предполагает необходимость внесения корректив в систему индикаторов, отражающих эффективность государственного управления, выявление новых показателей, характеризующих государственное управление в соответствии с веяниями времени.

Социальное здоровье является одним из таких показателей. Исследование социального здоровья позволяет увидеть тенденции развития общества, уровень адаптации людей к существующим условиям бытия, проблемы и возможности реализации человеческого потенциала в конкретном социуме с его уникальной социально-экономической, политической и культурно-нравственной ситуацией; позволяет найти «болевые точки» общественного развития, в том числе и те из них, которые «скрыты» от официальной статистики; и, наконец, позволяет увидеть те нюансы, которые являются перспективными для управления в плане осуществления любых (особенно глобальных) преобразований; для того, чтобы этот процесс происходил максимально эффективно, без таких тяжелых для общества потерь, которые наблюдались после развала СССР.

Термин «социальное здоровье» рассматривается как характеристика состояния личности, являющейся субъектом социальных отношений, как состояние гармонии между личностными смыслами и деятельностью человека, способствующее его самоактуализации и позитивному развитию социума, как суммарный показатель определенных объективных и субъективных характеристик личности, определяющих взаимоотношения личности и общества [2, с. 60].

Понимание социального здоровья исходит из сложной эволюции взглядов на соотношение роли личности и общества. Сам термин «здоровье» в сочетании с понятием «социальное» уходит своими корнями в представление об обществе как об организме (Аристотель, Платон, ряд мыслителей Средневе-

ковья (Гоббс и др.)). Позже их идеи привели к созданию органической школы в социологии, представителями которой являются О. Конт, Г. Спенсер (конец XIX – начало XX в.; рассматривали общество как аналог природного организма, функционирование которого регулируется естественным образом). Первоначально (у Аристотеля, Платона и др.) социальное и общественное здоровье были неотделимыми друг от друга понятиями, характеризующими общество как единую целостную систему. Сейчас социальное здоровье представляет собой отдельную категорию, характеризующую включенность личности в общество.

Ключевым элементом здесь является изменение общественных взглядов на роль личности в построении социума (от пассивной к активной, от личности – объекта воздействия к личности – активному субъекту, изменяющему социальную реальность). Сейчас общество воспринимается как поле возможностей социальных субъектов для реализации своей активности. Причем вектор социального развития не задан, то есть в центре внимания оказывается социальный субъект (человек, семья, группа) и его действие.

Почему взгляды общества на роль личности так изменились? Или, другими словами, какие исторические предпосылки привели к разделению понятий «социальное» и «общественное» здоровье?

В целом, исторически, возникновение термина «социальное здоровье» обусловлено двумя факторами: постепенное смещение акцентов с общества на личность и объективная потребность цивилизации в новом типе общественных отношений и, соответственно, в новом типе человека. Человека деятельного, имеющего свою позицию, преобразующего социальную реальность.

Первые упоминания о роли личности во взаимоотношениях «личность – общество» встречаются в трудах Платона и Аристотеля, которые писали о необходимости развития общественных институтов. Второй этап – эпоха Возрождения, когда утверждалась самоценность человеческой личности, развивались идеи гуманизма. В XVII–XVIII вв. происходило становление буржуазных отношений, развитие демократии в Европе (Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза, Ж. Ж. Руссо, Ш. Л. Монтескьё), идей о правах человека, создание теории общественного договора. Конец XVIII–XIX в. связан с развитием и господством концепции гражданского общества (Г. В. Ф. Гегель, А. де Токвиль), которая в течение XIX в. превратилась из теории непосредственно в саму социальную реальность. В 60-е гг. XIX в. сформировалась психология как самостоятельная научная дисциплина. Психология личности становится предметом научного познания, при этом главным фактором, влияющим на личность, стало ее взаимодействие с обществом. Далее акцентированию внимания на личности, как на активном субъекте взаимодействия с обществом, способствовало развитие таких теорий, как деятельностная теория (деятельность – источник развития), конструктивизм и постмодернизм (прогресс – результат осознанных действий человека, человек – активный субъект деятельности), теория социальных реформ, концепция социального менеджмента,

теория человеческого и социального капитала, концепция качества жизни и многие другие. В российской философской и научной мысли фундамент росту роли личности во взаимодействии с обществом заложили Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский.

Таким образом, необходимость выделения социального здоровья в отдельную научную категорию возникла тогда, когда в мировом философском и научном сообществе пришло понимание того, что человек – это активный субъект социального бытия. Что он имеет свои потребности, цели, что он реализует себя в этом мире и сам активно преобразует окружающую действительность. Что именно человек – главный двигатель общественного развития.

Отсюда возникла необходимость в том, чтобы измерять условия, при которых человек может максимально эффективно, максимально полезно выполнять свои социальные роли и функции, творчески преобразовывать окружающую действительность. И первым из этих условий является социальная адаптация. Насколько человек адаптирован в обществе? Насколько общество адаптировано к существующим условиям жизни? Насколько оно готово к новым шагам в своем развитии? Что может помешать ему и что может помочь развиваться дальше? Всё это и есть вопросы, изучаемые в рамках социального здоровья.

В ИСЭРТ РАН изучение социального здоровья началось с 2010 г. Актуальность этой темы сегодня обусловлена тем, что российское общество после почти 10-летнего периода духовно-нравственного кризиса в 1990-х гг., после почти 15-летнего периода психологической адаптации к новым, «постсоветским» условиям жизни в 2000-х гг., в настоящее время стоит на пороге нового этапа в своем развитии. Это отмечают ведущие отечественные социологи и научные деятели (М. К. Горшков, Ж. Т. Тощенко, С. С. Сулакшин и др.). Изучение социального здоровья должно позволить осуществить этот переход максимально гладко и эффективно, без социальных потрясений, без отрыва общества от государства.

Для того чтобы отразить тенденции социального здоровья, в ИСЭРТ РАН был разработан комплексный методологический подход, заключающийся в одновременном использовании двух блоков индикаторов (рис. 1).

Первый блок отражает то, что происходит с человеком, когда он социально не адаптирован. В него входят социальные болезни и различные формы девиантного поведения: алкоголизм, наркомания, психические заболевания и другие социальные патологии, сведения о которых отражены в официальной статистике. Во втором блоке представлены показатели, отражающие то, как человек воспринимает окружающую реальность (социальное восприятие) и то, как он себя в этой реальности чувствует (социальное самочувствие). Анализ этих показателей проводится при помощи социологических опросов населения.

Состояние социального здоровья (как и любого другого вида здоровья) можно определить по его диалектической противоположности – социальной болезни [1, с. 56]. Понятие «социальная болезнь» анализируется в концепции социальной патологии. Ее фундамент составляет органическая аналогия, где

Рис. 1. Классификация показателей социального здоровья

социальные проблемы представляют собой препятствие для «нормальной работы» социального организма, своего рода болезнь или патологию. С. Смит в своей работе «Социальная патология» (1911) по этому поводу писал: «Патология в социальной науке определенным образом параллельна патологии в медицине. Точно так же, как изучение физического заболевания имеет важное значение для поддержания физического здоровья, так и социальное здоровье не может быть крепким без более широкого и более определенного знания болезни социальной» (цит. по: [7]).

В том, что социальные патологии являются характеристикой социального здоровья, разногласий во мнениях ученых не наблюдается. Однако в разных концепциях встречаются различные понимания того, что является социальной болезнью и, соответственно, что является индикатором социального здоровья (табл. 1).

При разработке собственной классификации индикаторов социального здоровья мы руководствовались тремя принципами:

1. Поскольку по определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) здоровье – это не только отсутствие заболеваний, но и состояние благо-

Таблица 1. **Подходы к определению индикаторов социального здоровья**

Автор / источник	Индикаторы социального здоровья
Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (2013 г.)	Социальные болезни – общее название болезней, возникающих в силу преимущественно социальных причин (нищета, бездомность, отсутствие заботы о детях, миграция, война, расовые, этнические и религиозные конфликты, профессиональные вредности, доступность алкоголя, наркотиков и др.)
В. П. Бабинцев, Л. В. Колпина	Социальные болезни общества возможно рассматривать значительно шире – как совокупность факторов, препятствующих раскрытию физического, психического и социального потенциала личности
И. В. Рывкина	Виды социальных болезней в российском обществе: 1. Психологические социальные болезни – агрессивность, алкоголизм, антисемитизм, аполитичность, авторитаризм, аморальность, домогательство, деморализация, девиантность, доносительство, конфронтация, конфликтность, ксенофобия, маргинализация, отчуждение, наркотизация, национализм. 2. Политические социальные болезни – аполитичность, бандитизм, бюрократизм, бесправие, дедовщина, запретительство, идеологизация, конфронтация, конфликтность, карьеризм, криминализация, мафиозность, милитаризация, фашизация. 3. Экономические социальные болезни – нищенство, бедность, безработица, бездомность, беспризорность, коррупция, коммерционализация, «отмывание» (денег), обнищание, олигархизация, рэкет, спекуляция, теневизация, фиктивная занятость, конфронтация, карьеризм, проституция, приписки, воровство, мошенничество, фальсификация, разорение, конкуренция, теневая экономика, тунеядство, «двойная бухгалтерия», клановость, хулиганство
П. А. Сорокин и ряд современных ученых (И. Н. Гурвич, В. П. Казначеев, Ю. П. Лисицин, А. Н. Редько, И. В. Горшкова и др.)	К социально значимым заболеваниям относятся различные социальные патологии, девиантное поведение, отрицание норм и правил (также алкоголизм и наркомания)
Н. М. Римашевская	Социальное нездоровье населения проявляется в катастрофическом росте аномалий и асоциального поведения: алкоголизме; наркомании, особенно среди молодежи; криминализации социальной среды; резком увеличении самоубийств
С. Смит	Патология в социальной науке определенным образом параллельна патологии в медицине. Точно так же, как изучение физического заболевания имеет важное значение для поддержания физического здоровья, так и социальное здоровье не может быть крепким без более широкого и более определенного знания болезни социальной

получия [5], социальные болезни – наиболее доступный, элементарный, но не единственный показатель социального здоровья. Мы разделяем точку зрения Т. Б. Соколовой, которая выделяет объективный и субъективный критерии социального здоровья (вовлеченность человека в общественные отношения и его удовлетворенность этими отношениями) [16]. Таким образом, на наш взгляд, оценка социального здоровья только по распространению социальных заболеваний недостаточна. Для комплексного и объективного анализа требуется учитывать социальное самочувствие населения, общий психологический фон, который создает общество, в том числе и те его представители, которые не имеют никаких социальных патологий.

2. Любые социальные отклонения, по сути, характеризуют степень дезадаптации личности в социуме, то есть социальное здоровье (например, подход И. В. Рывкиной). Но, по нашему мнению, при таком подходе затрудняется процесс измерения и управления социальным здоровьем. Поэтому нам ближе подход А. Н. Редько, который в своей классификации вводит такое понятие, как «социально опасные патологии». К ним исследователь относит ряд заболеваний и форм поведения, которые «преимущественно связаны с моделью поведения, стилем и образом жизни» [15].

Например, к социально значимым заболеваниям, список которых официально утвержден на законодательном уровне [12], и которые, несомненно, являются индикаторами социального здоровья по своим ключевым признакам[1], относятся сахарный диабет и болезни, характеризующиеся повышенным кровяным давлением. Одновременно ими являются психические заболевания и алкоголизм. На наш взгляд, между ними есть большая разница. Психические заболевания и алкоголизм непосредственно отражают образ жизни человека, поэтому в первую очередь характеризуют неспособность человека адаптироваться к жизни в социуме.

3. В своей классификации к социально опасным патологиям А. Н. Редько относит весь класс «Травмы и отравления». Мы считаем, не совсем корректно рассматривать в качестве равнозначных индикаторов социального здоровья, например, самоубийства и ДТП, или убийства и несчастные случаи, связанные с ожогами или утоплением. Поэтому из класса «Травмы и отравления» нами были отобраны конкретные причины смертности, отражающие, на наш взгляд, состояние социального здоровья населения.

В каждом из выделенных блоков индикаторов социального здоровья мы считаем необходимым выделить ключевые, наиболее репрезентативные показатели, которые максимально точно отражают его тенденции:

---

[1] В самом общем виде социально значимые заболевания (в советской литературе использовался термин «социальные болезни») – это болезни, возникновение и (или) распространение которых в определяющей степени зависит от социально-экономических условий. Основной признак и одновременно ключевая проблема социально значимых болезней – способность к широкому распространению (массовость).

1. Среди объективных критериев социального здоровья это *уровень самоубийств* – показатель, который является одним из ключевых в социологии П. Сорокина и Э. Дюркгейма. Репрезентативность суицидального поведения как индикатора социального здоровья обусловлена, с одной стороны, тем, что попытка суицида вызывается не одним, а целым комплексом факторов (современная концепция суицидов рассматривает их как следствие социально-психологической дезадаптации (или кризиса) личности в условиях переживаемых ею микроконфликтов). С другой стороны, суицид в большинстве случаев совершается психически здоровыми людьми, то есть данный индикатор показывает ухудшение психологического климата в обществе в целом, а не относится только к категории лиц, страдающих психопатологией. Последствия суицидальных попыток носят одномоментный характер, они зависят непосредственно от воли и деструктивной активности человека на данный момент времени в отличие, например, от смертности в результате потребления алкоголя, наркотиков или табачной продукции. Это также обусловливает репрезентативность самоубийства как одного из наиболее ярких индикаторов социального здоровья.

«Главная общая причина роста самоубийств – это рост одиночества личности, ее оторванность от общества, в свою очередь представляющая результат нашего беспорядочно организованного общества. На этой-то общей почве и развивается самоубийство. Ей мы обязаны тем, что достаточно малейшей неудачи, чтобы человек свел счеты с жизнью», – отмечал П. Сорокин [17].

2. Ключевым показателем социального восприятия является *оценка деятельности органов власти* и, прежде всего, деятельности Президента Российской Федерации. Почему мы акцентируем внимание именно на этом индикаторе? Потому что оценка власти – это не просто отношение к одному из социальных институтов, это отношение ко всему выбранному курсу общественного развития. Почему именно Президент? Потому что в менталитете российского общества глава государства (как бы эта должность не называлась) всегда имел особый авторитет. Именно с ним во все исторические эпохи всегда связывались надежды и ожидания россиян. И именно личность всегда брала на себя основную ответственность за курс общественного развития.

3. *Социальное настроение* – ключевой индикатор социального самочувствия. Данный показатель, по Ж. Т. Тощенко, «объективно выступает определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучия, социальной устроенности или неустроенности, степени устойчивости... Его специфика состоит в том, что оно отражает действительность, реальность, исходя из содержания коренных интересов субъекта, его конечных целей и идеалов. Действительность, отраженная через социальное настроение, детерминирует целеполагающую деятельность субъекта, постановку им важнейших целей социальной и духовной жизни. Именно поэтому социальное настроение как важнейшая характеристика общественного сознания участвует в регулировании как отдельных поступков, действий людей, социальных групп, общест-

венных институтов, так и демонстрирует их умонастроения и мироощущения, ценностные ориентации и установки [20, с. 30]. О репрезентативности социального настроения как индикатора социального здоровья свидетельствует тот факт, что его измерением уже много лет занимаются ведущие российские центры изучения общественного мнения (ВЦИОМ, Левада-Центр). Кроме того, социальное настроение является одним из индикаторов, отражающих относительно новое научное социологическое направление, к которому все чаще обращаются ведущие российские ученые (А. А. Подузов, В. С. Языкова [11], А. Л. Журавлев, А. В. Юревич [6]), – изучение качества жизни; разработка индикаторов, отражающих субъективную удовлетворенность населением условий бытия, как альтернатива количественным показателям, характеризующим уровень развития экономики и материального благополучия населения (ВВП, размер заработной платы и др.).

Таким образом, предложенный подход к изучению социального здоровья имеет следующие особенности:

выделены блоки индикаторов, информационной базой для которых выступают как данные официальной статистики, так и субъективные оценки населения (блок «Социальные патологии (аномалии)», «Социальное самочувствие», «Социальное восприятие»);

научно обоснован отбор конкретных причин заболеваемости и смертности, которые отражают состояние социального здоровья;

выделены и научно обоснованы ключевые индикаторы социального здоровья в каждом из рассматриваемых блоков показателей.

Чтобы отразить тенденции общественного развития при помощи предложенного авторами методологического подхода к изучению социального здоровья, обратимся к анализу динамики его ключевых показателей (табл. 2).

По данным Всемирной организации здравоохранения, Россия находится в числе стран-лидеров по уровню смертности от самоубийств. В 2014 г. ВОЗ впервые опубликовала доклад, посвященный теме самоубийств. Он назывался «Предотвращение самоубийств: глобальный императив» [13]. Согласно данным, представленным в этом докладе, в России проблема суицидального поведения все еще актуальна (особенно среди мужской части населения). В 2012 г. уровень смертности от самоубийств на 100 тысяч населения составил в России 19,5 случая. Это 14-е место среди 172 стран – участниц ВОЗ (выше Бурунди, Гайана, Индия, Казахстан, КНДР, Литва, Мозамбик, Непал, Объединенная Республика Танзания, Республика Корея, Суринам, Шри-Ланка, Южный Судан). Среди мужчин уровень суицидов в России составил 35,1 случая (8-е место в мире), среди женщин – 6,2 случая (47-е место в мире).

Однако высокая степень актуальности проблемы суицидального поведения для российского общества является скорее отголоском тяжелого для страны периода 1990-х гг., когда после развала СССР население оказалось без каких-либо культурных, духовно-нравственных ориентиров, с практически полностью разваленной экономикой.

Таблица 2. **Динамика индикаторов социального здоровья в России по данным ВОЗ**

Показатель (на 100 тыс. нас.)	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2011 г., % к		
							1990 г.	2000 г.	2010 г.
Смертность от убийств	14,1 (1)*	30,9 (1)	27,6 (1)	23,7 (1)	12,3 (1)	11,7 (1)	83,0	42,4	95,1
Смертность от самоубийств	27,0 (6)	41,6 (2)	37,8 (2)	29,8 (2)	21,4 (3)	21,8 (1)	80,7	57,7	101,9
Заболеваемость психическими расстройствами	268,1 (4)	332,8 (9)	375,3 (10)	386,2 (9)	349,8 (7)	335,9 (7)	125,3	89,5	96,0
Смертность от психических расстройств, болезней нервной системы и органов чувств	10 (26)	22,4 (17)	15,1 (17)	16,7 (20)	16,2 (19)	–	–	–	–
Заболеваемость алкогольными психозами	9,7 (3)	49,4 (5)	42,5 (5)	51,8 (5)	33,2 (5)	30,5 (4)	314,4	71,8	91,9

* В скобках указано место Российской Федерации среди 47 стран ЕС, предоставляющих данные для ВОЗ.

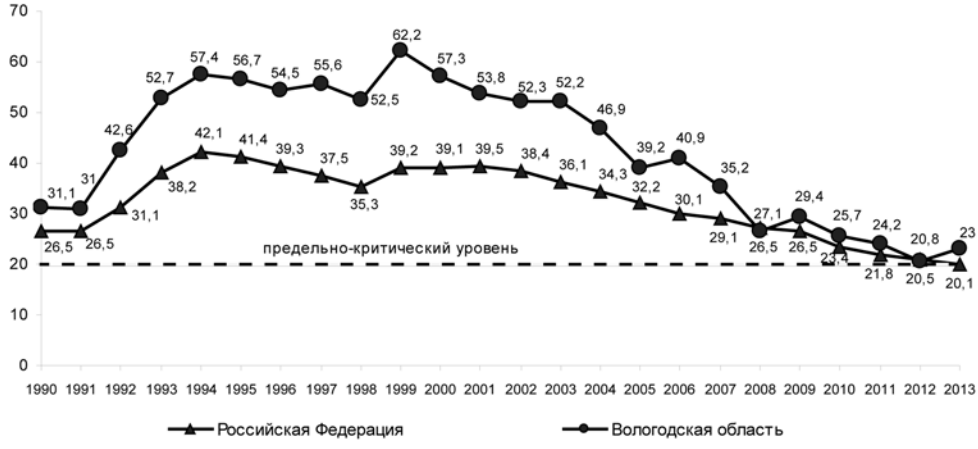
Источник: база данных ВОЗ «Здоровье для всех».

С 2000 г. в России наблюдается устойчивая динамика снижения смертности от суицидов, которая позволила к 2013 г. вплотную приблизиться к предельно критическому уровню суицидов, установленному Всемирной организацией здравоохранения (20 случаев на 100 тысяч населения). По сравнению с началом 2000-х гг. уровень самоубийств в России сократился в 3 раза.

Таким образом, данные как международной, так и федеральной статистики свидетельствуют об устойчивом снижении суицидальной смертности в России, и это убедительно доказывает постепенную адаптацию населения к новым, постсоветским условиям жизни (рис. 2).

Основной информационной базой для второго блока индикаторов социального здоровья является мониторинг общественного мнения, который ИСЭРТ РАН проводит с 1996 г.[1] Проведение социологических исследований позволяет нам рассматривать субъективные оценки людей о своей жизни, о своем самоощущении, то есть получать ту информацию, которая не отражается в официальных статистических данных. Следует отметить, что ИСЭРТ РАН – одна из немногих организаций в стране, которая осуществляет социологиче-

[1] Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в два месяца. Опрашиваются 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %.



Источник: база данных Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru.

Рис. 2. Уровень смертности от самоубийств на территории Вологодской области и Российской Федерации (умерших на 100 тыс. нас.)

ские исследования именно на региональном уровне, именно по социально-экономической проблематике и именно в мониторинговом режиме. Это придает исследованиям системный характер, позволяет увидеть настроения людей в различные исторические периоды.

Спектр тематических блоков мониторинга достаточно широк. Основными из них являются:

оценка населением политической и экономической ситуации в стране, регионе;

восприятие людьми актуальных проблем современной жизни;

материальное положение населения, социально-экономическая стратификация;

уровень потребления и измерение индекса потребительских настроений (ИПН);

социальное настроение и удовлетворенность жизнью;

отношение людей к политике властных структур, оценка их деятельности;

уровень социального доверия политическим и общественным институтам;

уровень социальной напряженности и потенциал социального протеста;

социальный капитал и потенциал развития гражданского общества;

оценка личной безопасности и правопорядка;

отношение к средствам массовой информации.

Характеризуя оценку деятельности Президента Российской Федерации как ключевого индикатора социального здоровья, следует отметить, что глава государства имеет наибольший уровень доверия среди всех институтов власти, причем с 2000 г., когда пост Президента РФ занял В. Путин, доверие главе

государства вышло на качественно новый уровень – 50–60 % (против 27 % в 1996 г.). Этот новый уровень продолжает сохраняться и в настоящее время (табл. 3).

Таблица 3. **Уровень доверия населения Вологодской области деятельности институтов власти и общественных структур**

Уровень доверия	Показатель	1996 г.	2000 г.	2007 г.	2008 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
> 40 %	Президенту РФ	26,5	57,1	60,3	65,2	50,5	45,7	47,0	55,3
	Правительству РФ	18,5	42,7	41,9	60,2	47,4	39,6	40,4	47,4
	Церкви	37,9	42,3	44,8	51,9	47,5	41,4	43,9	45,5
35–40 %	Совету Федерации	13,4	28,3	34,9	47,6	35,5	32,3	34,6	39,9
	Прокуратуре	18,2	30,9	31,1	40,9	35,4	33,9	40,1	39,4
	Армии	34,2	37,0	28,7	37,8	34,1	31,3	37,5	39,0
	Суду	19,8	31,6	32,1	41,3	35,8	36,1	39,3	38,3
	ФСБ	12,6	34,2	34,2	43,8	35,8	33,2	37,5	36,9
	Руководству области	14,2	31,3	40,6	48,6	36,6	34,6	37,8	36,8
	Государственной Думе	14,8	23,0	29,5	42,0	32,0	30,5	31,6	36,3
	Полиции	14,1	27,2	28,3	36,5	32,1	29,3	33,7	35,7
30–35 %	Органам местного самоуправления*	–	–	32,3	40,9	32,1	29,3	32,7	34,8
	Общественной палате Российской Федерации**	–	–	–	–	27,3	28,1	29,9	34,1
	Общественной палате Вологодской области**	–	–	–	–	25,7	25,4	29,2	30,2
25–30 %	СМИ	15,4	33,4	27,5	35,2	28,7	29,5	30,2	29,7
	Профсоюзам	20,2	28,4	28,6	35,9	30,0	25,6	27,8	27,7
	Общественным организациям*	–	–	24,4	32,6	26,7	26,5	26,8	26,7
< 25 %	Директорам, руководителям предприятий	5,2	19,6	23,6	30,5	22,3	25,1	27,5	22,8
	Политическим партиям, движениям	6,8	10,7	17,6	26,8	22,8	20,9	20,4	21,4
	Банковским, предпринимательским кругам	8,5	12,4	21,3	26,6	20,4	21,3	23,4	19,9

* В список вариантов ответа включен в 2006 г.
** В список вариантов ответа включен в 2010 г.
Ранжировано по показателю 2014 г.
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН.

Ведущие российские центры изучения общественного мнения (например, ВЦИОМ, Левада-Центр) отмечают, что в первой половине 2014 г. В. Путин достиг максимальной поддержки своей деятельности за последние 5 лет. То же самое отмечается в исследованиях ИСЭРТ РАН, проведенных на территории Вологодской обл. (рис. 3).

Примечательно, что рекордные показатели поддержки главы государства в середине 2014 г. отмечали не только российские, но и международные

исследовательские центры. Так, по данным Института Гэллапа (США), уровень одобрения деятельности В. Путина среди россиян составил 83 %, что на 29 п. п. выше, чем в 2013 и 2012 гг. (54 %). В предыдущий период (2009–2011 гг.) уровень поддержки Президента, согласно исследованиям Института Гэллапа, снизился с 77 до 65 % [10].

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, ВЦИОМ, Левада-Центра.

Рис. 3. Уровень одобрения деятельности Президента РФ по данным ВЦИОМ, Левада-Центра, ИСЭРТ РАН

На рост поддержки деятельности Президента в российском обществе во многом влияет международная позиция властей по поводу событий в Украине. Присоединение Крыма, готовность российской экономики к санкциям, то, что В. Путин четко следует своей линии во взаимоотношениях с США и странами ЕС и даже успехи российской сборной на последних Олимпийских играх – все это является составляющими настроений, которые существуют сегодня в российском обществе.

Не случайно, что увеличению уровня одобрения деятельности Президента РФ и реализуемого им курса развития страны сопутствует и улучшение социального настроения людей (рис. 4). Лишь в 2009 г., после того как Вологодская область столкнулась с последствиями мирового финансового кризиса, позитивная динамика данного показателя была прервана. Но это оказалось кратковременным явлением, и уже с 2010 г. доля людей, позитивно характеризующих свое настроение, продолжила увеличиваться.

Таким образом, анализ основных индикаторов социального здоровья свидетельствует о том, что российское общество имеет устойчивую позитивную динамику в своем развитии. Полученные в ходе исследования данные соот-

Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН и Левада-Центра

Рис. 4. Доля людей, положительно характеризующих свое настроение, в Российской Федерации и Вологодской области (в % от числа опрошенных)

носятся с мнением ведущих отечественных социологов, которые убеждены в том, что период адаптации к постсоветским условиям для российского общества пройден, теперь необходимо максимально эффективно реализовать то, что «созрело в душах и сердцах людей» [19, с. 7] за эти 15 лет.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в преддверии своего третьего президентского срока отмечал, что в постсоветский период российским обществом была решена задача «возрождения авторитета и силы государства как такового… восстановление реального единства страны, иными словами, установление на всей ее территории суверенитета российского народа, а не господства отдельных лиц или групп… Период восстановления пройден. Постсоветский этап в развитии России, впрочем, как и в развитии всего мира, завершен и исчерпан. Созданы все предпосылки для движения вперед – на новой базе и в новом качестве» [14].

Изучение социального здоровья имеет своей целью сделать данное «движение вперед» максимально эффективным и «безболезненным». Предложенный авторами методологический подход к комплексному изучению социального здоровья позволяет утверждать, что его индикаторы репрезентативно отражают тенденции общественного развития. Дальнейшая работа в данном направлении, углубленный анализ других индикаторов социального здоровья позволит выявить те нюансы общественного сознания и поведения, которые необходимо учитывать при принятии управленческих решений и достижения максимально эффективного взаимодействия общества и государства.

Литература

1. *Бабинцев, В. П.* Проблема формирования категориального аппарата понятия «Социальное здоровье» / В. П. Бабинцев, Л. В. Колпина // Науч. ведомости. – 2008. – № 12 (52). – С. 49–67.

2. *Байкова, Л. А.* Исследование социального здоровья детей и учащейся молодежи : теоретико-методол. основы / Л. А. Байкова // Пед. образование и наука. – 2006. – № 3. – С. 59–63.

3. *Горшков, М. К.* Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия / М. К. Горшков // Россия реформирующаяся. – М. : Новый Хронограф, 2010. – Вып. 9. – С. 3–18.

4. *Горшков, М. К.* «Русская мечта»: опыт социологического измерения / М. К. Горшков // Социол. исслед. – 2012. – № 12. – С. 3–11.

5. Европейская база данных ВОЗ «Здоровье для всех» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.euro.who.int/ru/data-and-evidence/databases/european-health-for-all-database-hfa-db. – Дата доступа: 20.08.2014.

6. *Журавлев, А. Л.* Счастье как научная категория / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Вестн. Рос. акад. наук. – 2014. – Т. 84, № 8. – С. 715–723.

7. *Иванов, О. И.* Социальные проблемы концепции и структура [Электронный ресурс] / О. И. Иванов // Соц. проблемы. – 2008. – № 1. – Режим доступа: http://www.socprob.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=52:2012-01-19-15-24-43&catid=34:-q-q-2008-1. – Дата доступа: 20.08.2014.

8. *Левашов, В. К.* Новая реальность: экономический кризис и выбор общества / В. К. Левашов // Социол. исслед. – 2012. – № 12. – С. 12–22.

9. *Нагимова, А. М.* Государственное управление качеством жизни регионального социума: методология оценки эффективности : автореф. дис. … д-ра социол. наук : 22.00.08 / А. М. Нагимова. – Уфа, 2011. – 46 с.

10. Официальный сайт Международного Института Гэллапа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gallup.com/poll/174086/russians-rely-state-media-news-ukraine-crimea.aspx. – Дата доступа: 20.08.2014.

11. *Подузов, А. А.* О теории и измерении качества человеческой жизни / А. А. Подузов, В. С. Языкова // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 4. – С. 84–99.

12. Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих : постановление Правительства РФ, 1 дек. 2004 г., № 15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12137881/#ixzz2yprLxNkf. – Дата доступа: 20.08.2014.

13. Предотвращение самоубийств: глобальный императив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0008/257606/Suicide-report-a-global-imperative-Rus.pdf?ua=1&ua=1. – Дата доступа: 14.07.2014.

14. *Путин, В. В.* Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] // Известия. – 2012. – 16 янв. – Режим доступа: http://izvestia.ru/news/511884. – Дата доступа: 12.07.2014.

15. *Редько, А. Н.* Социально опасная патология как проблема общественного здоровья и здравоохранения [Электронный ресурс] : автореф. дис. … д-ра мед. наук / А. Н. Редько // Официальный сайт ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения РФ. – Режим доступа: http://www.mednet.ru/images/stories/files/abstracts/redkoan.pdf. – Дата доступа: 17.08.2014.

16. *Соколова, Т. Б.* Здоровье населения в социальном контексте : дис. … канд. социол. наук / Т. Б. Соколова. – Хабаровск, 2005. – 169 л.

17. *Сорокин, П. А.* Самоубийство как общественное явление [Электронный ресурс] / П. А. Сорокин // Демоскоп Weekly. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/stati/stati03.html. – Дата доступа: 20.08.2014.

18. *Сулакшин, С. С.* На пороге нравственного государства / С. С. Сулакшин // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2011. – Т. 4. – Вып. 4. – С. 98–105.

19. *Тощенко, Ж. Т.* Время Акме. Социологическим исследованиям 40 лет / Ж. Т. Тощенко // Социол. исслед. – 2014. – № 7. – С. 3–7.

20. *Тощенко, Ж. Т.* Социальное настроение – феномен социологической теории и практики / Ж. Т. Тощенко // Социол. исслед. – 1998. – № 1. – С. 21–35.

21. *Штомпка, П.* Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 415 с.

A. A. SHABUNOVA, M. V. MOREV

CREATING A METODOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY OF SOCIAL HEALTH AS AN INDICATOR OF SOCIAL DEVELOPMENT

Symmary

The article presents the experience of creating a methodological approach to complex studying of social health. It shows that social health reflects trends of social development and governance efficiency and thus can be considered a representative indicator. It analyses theoretical views of international and domestic scholars to social health and opportunities of measuring it. The article reviews trends of key indicators of social health in Russian Federation.

Keywords: social health, social adaptation, social development, state governance, methodology.

Поступила 21.10.2014 г.

УДК 316.74:61-051(476)

А. Г. ПАЦЕЕВА,
преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин БГУИР, г. Минск

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВРАЧА, ФОРМИРУЮЩИЕСЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

В работе представлен анализ особенностей конструирования профессии «врач» в социальном пространстве относительно факторов внешней среды. Отражены те элементы институционального уровня профессиональной культуры, на трактовку которых влияют восприятие врачами социального статуса их профессиональной группы. Указаны условия, провоцирующие такое восприятие.

Ключевые слова: профессия, профессиональная культура, восприятие социального статуса.

Перед системой здравоохранения республики поставлена задача постоянного совершенствования профессиональной медицинской помощи населению. Реализации этой задачи сопутствуют как внешние, так и внутренние по отношению к профессии врача изменения условий осуществления профессиональной врачебной деятельности. Внешние изменения сопряжены с системной трансформацией современного белорусского общества, которая повлекла за собой изменение статуса профессиональной группы. Помимо того, они находятся в русле и более общей тенденции, имеющей место не только в белорусском обществе, – изменением уровня доверия пациентов системе здравоохранения [1; 2; 3]. Внутренние условия связаны со спецификой инновационных процессов в рамках самой врачебной деятельности и в сфере взаимодействия профессионалов.

Профессиональная культура врача является сферой, в которой формулируются представления, ценности и нормы, обусловливающие реализацию врачебной деятельности. Профессиональная культура идентифицируется профессиональной группой, аутентичность которой она обеспечивает. «Профессиональная культура – область, детерминирующая правила и отношения между людьми, практикующими одну и ту же профессию, задающая отношения превосходства, практику реализации профессии» [4, с. 20].

Профессиональная культура выходит за пределы не только данной организации, но и данного времени, учитывая традиции широкой профессиональной группы. Таким образом, профессиональная культура обеспечивает уникальный способ конструирования реальности профессиональной деятельности

представителями профессии. Речь идет о конструировании тех социальных технологий, которые определяются принадлежностью к профессии, а не к организации, нации или в целом к социальной культуре. В последних случаях речь идет, как правило, о корпоративной или организационной культуре, либо о культуре в целом.

Профессиональная культура – саморазвивающаяся система норм, ценностей и представлений, регулирующих процесс профессиональной деятельности, взаимодействие между членами профессиональной группы, и определяющая функциональные отношения профессиональной группы с другими группами и общественными институтами.

Одним из принципов внутренней дифференциации профессиональной культуры является «уровневое» структурирование: индивидуальная профессиональная культура и культура профессиональной группы как целого – институциональная. Носителями ценностей и норм как индивидуального, так и институционального уровней профессиональной культуры являются сами профессионалы, основным же критерием дифференциации здесь выступает направленность этих ценностей на формирование индивидуальной профессиональной деятельности либо направленность на поддержание групповой интеграции профессионалов, обеспечение соответствующей легитимизации профессиональной группы в социальном пространстве [5]. Задача поддержания групповой интеграции есть следствие воздействия на профессиональную культуру факторов внешней среды.

Особое значение имеет понимание феномена «профессионализм» при рассмотрении функционирования института профессии. Чаще всего профессионализм предполагает креативный потенциал, высокую квалификацию, мастерство и определяется нравственным целеполаганием трудовой деятельности. Профессионализм – сущностная характеристика социальной группы профессионалов, роль которой приобретает всё большее значение в социальных процессах [6; 7]. Но в рамках данной работы особое внимание уделено роли и значению профессионализма в профессиональной культуре. Фактически элементом профессиональной культуры является не профессионализм, который есть качество работника, но представление о нем. *Представление о профессионализме – комплекс признанных и разделяемых большинством представителей данной профессиональной группы и «потребителями профессиональных услуг» представлений об эталонном осуществлении профессиональной деятельности*. Если рассматривать представление о профессионализме как вариацию профессиональной культуры, которая является эталонным для членов профессии, само понятие значительно расширится и приобретет основные черты, свойства и функции профессиональной культуры, с поправкой на идеально эталонный характер этой вариации.

Основная задача нормативно-ценностной регуляции профессии во внешней среде реализуется в направлениях легитимизации профессии в социальном пространстве и конструирования смыслового поля реализации профес-

сиональной деятельности в контексте этого пространства. Исследование специфики этих процессов и стало задачей предлагаемой работы.

Основным условием наличия зримой внутренней дифференциации и динамики профессиональной культуры является значимый период развития профессии и глубокая ее институализация. Это не исключает возможности изучения «молодых» профессий, но подчеркивает необходимость изучения этих явлений в социальном пространстве профессий, которые являются «классическими» в первую очередь. Такой профессией, в нашем случае, является профессия врача.

Для изучения процессов функционирования профессиональной культуры было проведено социологическое исследование с целью выявления особенностей конструирования профессии «врач» в социальном пространстве. Объектом исследования стало профессиональное сообщество врачей и пациенты ЛПУ г. Минска, предметом исследования выступили нормы и ценности профессиональной культуры врачей, представления о профессионализме врача, разделяемые врачами и пациентами. Применялась методика анкетного опроса, опрос реализован весной 2012 г. Были опрошены 456 врачей города, что представляет мнения с точностью ±4 %. Выборка было сформирована по квотному принципу, в ней представлены группы врачей основных типов лечебных учреждений города – клиник, диспансеров, поликлиник пропорционально реальному соотношению работающих там врачей. В рамках исследования также были опрошены 575 пациентов лечебно-профилактических учреждений города.

Принципиальные основы регуляции профессиональной деятельности относительно факторов внешней среды обусловлены задачами, реализуемыми системой здравоохранения республики. Эти задачи определены статьей 45 Конституции Республики Беларусь: «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения. Государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания». Тем самым утверждаются основные принципы взаимодействия врач–пациент, а именно доступность и бесплатность медицинской помощи. В качестве гаранта реализации этих принципов выступает государство.

Границы конструирования профессии в социокультурном пространстве на институциональном уровне определены в первую очередь пониманием смысла самой профессиональной деятельности. В рамках исследования для изучения данных границ и врачам, и пациентам было предложено выбрать наиболее близкую ассоциацию с клятвой врача («клятвой Гиппократа»).

Формулируя представления о смысле интегральных функций врача в обществе в виде ассоциаций с «клятвой Гиппократа», наиболее часто и врачи, и пациенты сосредоточиваются на двух основных функциях – реализации профессиональной деятельности на высококвалифицированном уровне и помощи пациенту. Врачи при этом основной акцент делают на качестве профес-

сиональной деятельности, чаще всего они связывают «клятву Гиппократа» с положением «не навреди» – 65 % от общего числа ответов, в то время как для пациентов более значимым является аспект помощи: на позиции «помогать всем, независимо от положения и оплаты помощи» акцентировали внимание 52,3 % опрошенных. Очевидно наличие особенностей в понимании профессии врача пациентами и врачами уже на институциональном уровне представлений о профессионализме.

В рамках исследования и пациентам, и врачам предложили оценить степень значимости социальных качеств, присущих врачам-профессионалам. В перечень входили: высокий уровень квалификации, доброжелательное, отзывчивое отношение к пациенту, способности применять в работе высокие технологии, способность к эффективному взаимодействию с коллегами, сознательная гражданская позиция.

Относительно значимости таких социальных качеств, как высокий уровень квалификации, разногласий между врачами и пациентами нет. «Доброжелательное, отзывчивое отношение к пациенту» оценивается и врачами, и пациентами как совершенно необходимое качество: так его оценили 70,0 % врачей и 61,2 % пациентов ($\varphi^* = 2{,}939$, при $\alpha = 1{,}64$)[1].

Конструирование профессии «врач» в социальном поле сопряжено с особым пониманием функции профилактики заболеваний самими профессионалами. Качество «сознательная гражданская позиция (пропагандировать здоровый образ жизни, быть примером в соблюдении общественных норм)» как совершенно необходимое профессионалу оценивается третьей частью врачей. Значимость этого социального качества не столь высока для врачей по сравнению с другими, квалификационными характеристиками, но врачами оно ценится чаще, чем пациентами. Сознательную гражданскую позицию как необходимое качество врача-профессионала оценили 34,9 % врачей и 17,0 % пациентов ($\varphi^* = 6{,}574$, при $\alpha = 1{,}64$).

Таким образом, можно утверждать о наличии определенного диссонанса во мнениях врачей и пациентов относительно эталонного, институционального конструирования профессии врача в социальном пространстве. Наибольшее согласие врачей и пациентов наблюдается относительно понимания смысла профессиональной деятельности, который, по мнению тех и других, заключен в императивах «помочь» и «не навредить». При этом даже здесь присутствует разночтение, ибо пациенты акцентируют императив «помогать», врачи – «не навредить». Врачи демонстрируют осознание сознательной гражданской позиции профессиональной группы гораздо чаще, чем пациенты.

Очевидно более четкое осознание формально провозглашенных ценностей профессионалами, нежели теми, кто является «потребителями профессиональных услуг». Эта разница обусловлена осуществлением целенаправленной политики по формированию такого понимания профессионализма в среде

[1] Здесь и далее использован критерий значимости «Угловое преобразование Фишера».

врачей. Необходимость доброжелательного отношения к пациенту – одна из интегральных ценностей, задаваемых в системе отечественного здравоохранения руководством сферы. В своих выступлениях министр здравоохранения В. Жарко отмечает, что «не только профессионализм, но и доброта, ответственность – отличительные черты врачебной профессии… Крайне важно уважительное отношение врача, медсестры к пациенту, преемственность в деятельности лечебных учреждений, соблюдение правил медицинской этики. Это способствует скорейшему выздоровлению» [8, с. 8].

При переходе от декларируемых заявлений к ценностям и нормам, регулирующим повседневную профессиональную деятельность, наблюдается значительное их преломление, опосредованное особым конструированием профессии врача в социальном пространстве самой профессиональной группой. Ценности и нормы институционального уровня, определяющие профессиональную деятельность врача относительно факторов внешней среды, рассмотрим в рамках анализа мнений врачей о социальном статусе профессии «врач».

Измерение социального статуса врачей является чрезвычайно сложной задачей, требующей системных исследований не только профессионального сообщества, но и общества в целом. В первую очередь, оценка статуса профессиональной группы осуществляется через заработную плату профессионалов этой группы. Проблема вознаграждения труда врача является весьма сложной и практически не имеет однозначных путей решения. С одной стороны, некоторые исследователи обеспокоены тем, что экономический эффект профессиональной деятельности может затмить идеалы профессиональной деятельности: «Деньги всегда были частью медицины, но не такой весомой, как сегодня; кроме того, они не служили большинству врачей мотиватором к деятельности» [9, с. 55]. С другой стороны, выраженная установка врачей на оценку своего материального статуса как недостаточного также оценивается негативно: «Между тем еще со времен Гиппократа хорошо известно, что труд врача должен быть оплачен настолько достойно, чтобы при общении с пациентом он не думал бы о хлебе насущном. И это правильно, поскольку характер общения врача с пациентом носит выраженный деликатный характер и кардинально отличается от всех остальных взаимоотношений в обществе (учитель – ученик, начальник – подчиненный, мастер – рабочий, артист – зритель и т. д.). Скорее по духу эти взаимоотношения близки к паре “священник – верующий”, но при этом священник как бы облегчает душу, а врач воздействует и на душу, и на тело» [9, с. 170].

Правовая регуляция вопросов вознаграждения труда врачей обеспечена статьей 49 Закона «О здравоохранении»: «Работникам здравоохранения гарантируются условия труда, обеспечивающие надлежащее выполнение должностных обязанностей, заработная плата, трудовой отпуск, пенсионное обеспечение, выплата выходного и других единовременных пособий, иные меры материального и социального обеспечения в соответствии с законодательством Республики Беларусь» [10].

Несмотря на то что здравоохранение по уровню зарплат на момент проведения исследования находилось на 11-м месте среди 14 видов экономической деятельности, указанных в статистических отчетах, согласно этим же отчетам начисленная заработная плата непосредственно врачей может быть сопоставлена с заработными платами в сфере «научные исследования и разработки», занимавших 4-е место в перечне (средняя начисленная заработная плата 5056 тыс. белорусских рублей) [11].

Тем не менее при выявлении смыслов, формируемых в сфере профессиональной культуры и определяющих социальные технологии профессиональной деятельности, гораздо важнее объективных данных становятся субъективные оценки, образуемые под воздействием, прежде всего, представления об идеальном существовании профессии. Утверждая профессию основным критерием стратификации, Т. Парсонс отмечает, что профессионализм открывает доступ к материальным благам [12]. Следует добавить, что для всех западных исследователей существование профессии также подразумевает высокий уровень материального вознаграждения за труд профессионалов.

В реализованном нами исследовании врачам и пациентам было предложено дать общую оценку заработных плат врачей в Беларуси. Сопоставительный анализ показывает, что наблюдается резкое противоречие в ответах. Врачи в абсолютном большинстве считают свои зарплаты низкими, в то время как пациенты оценивают зарплаты врачей как средние (табл. 1).

Таблица 1. **Оценки уровня зарплат врачей пациентами и врачами ЛПУ г. Минска**

Оценка	Врачи	Пациенты
Нет ответа	1,5 %	4,9 %
Высокие	0,0	4,5 %
Выше среднего	0,2 %	15,3 %
Средние	15,6 %	38,6 %
Ниже среднего	36,4 %	21,4 %
Низкие	46,3 %	15,3 %

Данное противоречие позволяет предполагать, что неформальное материальное вознаграждение врачам, которое имеет место в учреждениях здравоохранения, с точки зрения врачей (41,4 % опрошенных) и пациентов (68,0 % опрошенных) должно трактоваться различными объяснительными схемами. Более того, возможно, что в глазах пациентов объяснительные схемы, свойственные врачам, будут оцениваться в негативном тоне.

Изучение социального статуса профессиональной группы врачей в разрезе престижности профессии сопряжено с еще большими сложностями. Объективные измерения престижности профессий сопряжены с рядом организационных проблем, к тому же в данном случае объективная оценка обладает меньшей объяснительной силой по сравнению с субъективными оценками. Российские исследователи отмечают: «что касается профессий, которые при-

знаются сегодня наиболее престижными, то здесь… первое место занимают юристы (23 %), второе – экономисты (15 %), третье – врачи (12 %)» [13]. Эти данные, очевидно, с известной долей вероятности можно экстраполировать и на белорусское общество.

Субъективные оценки престижности профессии врача, полученные в ходе исследования, отражают яркий дисбаланс: абсолютное большинство пациентов в Минске считают профессию врача уважаемой, в то время как большинство врачей склонны оценивать ее как «малоуважаемую».

Таблица 2. **Оценки престижа профессии врача врачами и пациентами ЛПУ г. Минска**

Оценка	Врачи	Пациенты
Нет ответа	1,1 %	1,7 %
Очень уважаемая	0,9 %	12,5 %
Достаточно уважаемая	14,0 %	48,0 %
Равная среди равных	21,3 %	27,1 %
Малоуважаемая	46,3 %	8,9 %
Не пользуется уважением	16,4 %	1,7 %

Вновь подчеркнем, что сами врачи конструируют понимание своего труда как неуважаемого. Эта точка зрения может быть не поддержана в социальной системе в целом, но она влияет на профессиональную деятельность.

Врачебная деятельность включает в себя не только непосредственно лечебные функции, но также осуществляет ряд других задач. Реализация этих задач сопровождается конструированием специфических смыслов взаимодействия и со стороны врачей, и со стороны пациентов. При анализе специфики профессиональной культуры врача мнения и ценности пациентов могут быть рассмотрены как условия реализации профессиональной деятельности врачей наряду с мнением высшего руководства системы здравоохранения и страны, с занимаемым положением профессиональной группы врачей в социальной системе.

На институциональном уровне представления о профессионализме заданы особым пониманием смысла и границ профессиональной деятельности врачами и пациентами. Наблюдается единство во мнении врачей и пациентов относительно того, что врачебная деятельность предполагает оказание безопасной медицинской помощи на высококвалифицированном уровне. Врачи, формулируя представления о профессионализме, чаще, по сравнению с пациентами, акцентируют необходимость «доброжелательного, отзывчивого отношения к пациенту».

Представления об эталонной реализации врачебной деятельности, поддерживаемые врачами, обладают более ярко выраженными характеристиками, подтверждающими их особое видение своей роли в социальной системе. Врачи опережают запросы пациентов в сфере реализации задач подержания общественного здоровья, выполняя некоторую подвижническую роль в данном

направлении. Трактовка идеального уровня компенсации профессионального труда закреплена формальными документами как достойная. Определить объективные ее границы практически невозможно.

Ряд условий, отраженных во мнениях и оценках врачей, а также во мнениях и оценках пациентов, с которыми они работают, оказывает влияние на профессиональную культуру врачей. К этим условиям можно отнести, во-первых, неготовность пациентов принять новаторскую роль врачебного сообщества в сфере профилактики и формирования здорового образа жизни. Очевидно, это не является специфической чертой отечественного здравоохранения, и этот вопрос стоит на повестке дня систем здравоохранения многих стран. Во-вторых, профессиональная врачебная деятельность в Беларуси включает в себя ряд функций, которые могли бы быть делегированы либо иным, специализированным органам (часть мероприятий медицинской экспертизы), либо иным сферам социального обеспечения (льготные лекарства).

Третье условие – особый социальный статус профессиональной группы, который находится как под воздействием модернизации общества в целом, так и под воздействием особенностей финансирования сферы здравоохранения в отечественной экономике.

В этих условиях ценности и идеалы, декларируемые в рамках представлений о профессионализме, преломляются. Формальные нормы закрепляют достойный уровень компенсации профессионального труда врачей. Представления о профессионализме врачебной деятельности, демонстрируемые врачами, отражают более прогрессивный взгляд на функционирование системы здравоохранения в обществе по сравнению с представлениями о профессионализме, которые поддерживают пациенты. При этом врачи оценивают компенсацию своего труда как недостаточную и в материальном, и в моральном отношении. Они считают свои зарплаты и авторитет профессии низкими. Их мнения не могут претендовать на объективность оценки, тем не менее, это та реальность, в которой врачи реализуют свою профессиональную деятельность.

Специфика врачебной деятельности – быть во многом непонятной простому обывателю, но успешная легитимизация профессии «врач» предполагает доверие пациентов к системе. Профессиональная группа врачей в текущей ситуации имеет тенденцию к утрате именно доверия. Это проявляется как в тенденции отказа от профессиональной медицинской помощи, так и в институциализации представлений о неформальной компенсации труда представителей этой профессии.

Под влиянием факторов, внешних по отношению к профессиональному сообществу, текущее конструирование ценностей и норм, регулирующих профессиональную деятельность врача, несмотря на провозглашение самых прогрессивных представлений о профессионализме, имеет тенденцию к провоцированию утраты характеристик нормативного функционирования системы здравоохранения.

Литература

1. *Кучко, Е. Е.* Социологический анализ потребления лекарственных средств населением Республики Беларусь / Е. Е. Кучко // Социология. – 2011. – № 4. – С. 90–97.

2. *Аронсон, П.* Утрата институционального доверия в российском здравоохранении / П. Аронсон // Журн. социологии и соц. антропологии. – 2006. – № 2. – С. 120–131.

3. *Kassirer, J. P.* Doctor Discontent / J. P. Kassirer // New England J. of Medicine. – 1998. – Vol. 339, N 21. – P. 1543–1545.

4. *Кочергин, В. Я.* Профессиональная культура и социальные технологии / В. Я. Кочергин. – Минск : БГЭУ, 2007. – 178 с.

5. *Кочергин, В. Я.* О профессионализме как об идеальном образе профессиональной культуры / В. Я. Кочергин, А. Г. Пацеева // Вестн. Белорус. гос. экон. ун-та. – 2013. – № 1. – С. 92–98.

6. *Голенкова, З. Т.* Профессионалы – портрет на фоне реформ / З. Т. Голенкова, Е. Д. Игитханян // Социол. исслед. – 2005. – № 2. – С. 28–36.

7. *Романов, П. В.* Власть знания и общественные интересы: профессионалы в государстве благосостояния / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова // Профессии социального государства / науч. ред. : П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. – М. : Вариант : ЦСПГИ, 2013. – С. 7–20.

8. *Сухова, Е. Н.* Отчуждение медицины от общества: риски для профессиональной идентичности врача / Е. Н. Сухова // Вестн. Нижегород. ун-та. Сер. : Соц. науки. – 2011. – № 3 (23). – С. 52–56.

9. *Комаров, Ю. М.* К вопросу о приемлемой оплате труда врачей в РФ / Ю. М. Комаров // Здравоохранение. – 2009. – № 6. – С. 169–176.

10. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 18.06.1993 г. № 2435-XII // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: pravo.by/webnpa/text.asp?RN=v19302435. – Дата доступа: 20.08.2014.

11. Номинальная начисленная средняя заработная плата работников Республики Беларусь по отдельным видам экономической деятельности в 2012 году [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2013. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/trud/graficheskii-material_4/nominalnaya-nachislennaya-srednyaya-zarabotnaya-plata-rabotnikov-respubliki-belarus-po-otdelnym-vidam-ekonomicheskoi-deyatelnosti-v-2012-godu. – Дата доступа: 01.03.2013.

12. *Parsons, T.* The social system / T. Parsons. – London : Routledge, 1991. – 404 p.

13. Я в юристы бы пошел... пусть меня научат! : пресс-выпуск № 2124 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113109. – Дата доступа: 15.08.2014.

A. G. PATSEYEVA

FEATURES OF INSTITUTIONAL LEVEL OF PHYSICIAN PROFESSIONAL CULTURE ARE FORMED UNDER THE IMPACT OF ENVIRONMENTAL FACTORS

Summary

This article reveals analysis of physician profession projection in social space, according environmental factors. Components of institutional level of professional culture are shown. This components are affected by doctors perceptions of social status of theirs professional group. Conditions, which provoke these perceptions, are pointed.

Keywords: profession, profession culture, perception of social status.

Поступила 30.09.2014 г.

УДК 316.46:796

Н. С. РЫСЮКЕВИЧ,
Минский университет управления, г. Минск

СРАЖЕНИЕ ПО ЗАКОНАМ АВАТАРА, ИЛИ КОМАНДНОЕ ЛИДЕРСТВО В СОВРЕМЕННОМ СПОРТЕ

В современных быстро меняющихся условиях для достижения больших побед в спорте огромное значение имеют лидеры. Их можно условно разделить на четыре типа: лидеры для себя, командные, корпоративные, суперлидеры. Личностные качества спортивных лидеров различных уровней можно целенаправленно формировать. Для этого разработаны теория, специальные программа и социальные механизмы, направленные на формирование конкретных личностных качеств спортивных лидеров, в течение нескольких лет проводится социально-формирующий эксперимент.

Ключевые слова: спорт, спортивные победы, лидеры для себя, командные, корпоративные, суперлидеры, теория, социальный механизм, личностные качества, формирование.

Осень 2014 г. для белорусского футбола оказалась сложной и печальной. Сначала лучшие белорусские клубы БАТЭ и минское «Динамо» потерпели поражения с разгромным счетом – 0:6 и 1:6 – от португальской «Порту» и греческого клуба ПАОК. Затем БАТЭ проиграл (0:7 и 0:5) своим соседям – донецкому «Шахтеру». Спортивные издания признали несоответствие БАТЭ уровню Лиги чемпионов, назвали действия борисовчан безрассудными в матче с донецким «Шахтером». «Украинские футболисты, – писали газеты, – почувствовав себя акульей стаей в сельском пруду, учинили форменную расправу над его обитателями». «Это было похоже на самоубийство с особым цинизмом», – отмечали некоторые спортивные издания.

Национальная футбольная сборная команда Беларуси потерпела два поражения подряд от сборных Словакии и Украины и опустилась на 106-е место в мировом рейтинге. Последний раз белорусы находились вне пределов первой сотни рейтинга ФИФА 14 лет назад, в октябре 2000 г. Сегодня выше белорусов находятся Оман, Бенин, Уганда, Ботсвана, Эстония, Саудовская Аравия, Сент-Винсент и Гренадины, Габон и еще 97 стран.

Возникают вопросы, почему так произошло. Неужели в небольшом государстве Сент-Винсент и Гренадины с численностью 118 тысяч человек футбол развит лучше, чем в Беларуси? Почему наши клубы начали футбольную осень так плохо? Что это, показательная демонстрация того, кто есть кто в системе координат? Или что-то другое? Специалисты и комментаторы, говоря об игре национальной сборной команды, в один голос утверждают, что белорусские футболисты играли не хуже украинцев и словаков, но в нашей команде,

в отличие от их соперников, не оказалось лидеров, способных переломить ход труднейших поединков.

В нашей стране популярен фантастический фильм «Аватар» американского режиссера Джеймса Камерона. Его можно использовать как интереснейшее пособие по формированию эффективных лидеров, людей, по своим физическим и интеллектуальным качествам опережающих время, существ, разум которых настолько совершенен, что позволяет эффективно управлять телом и волей. Однако, как показывает социальная практика, ни белорусские футболисты, ни тренеры не смотрели этот фильм. А если смотрели, то не задумывались о его смысле. В белорусских командах не оказалось футбольного Аватара – лидера коллективных действий, человека сильного, смелого, способного в трудный момент быть впереди, брать на себя инициативу, играющего по собственным законам и правилам. А можно ли в Беларуси создать такого футбольного Аватара или даже команду «аватаров»? Ответы на этот и многие другие вопросы способна дать наука, прежде всего социология спорта.

Так что такое спорт в современных условиях? ***Спорт*** – это специфический вид сознательной социальной деятельности людей, определенный способ жизни, заключающийся в организованном сопоставлении их сил, возможностей и физических способностей в борьбе за победу, высокий спортивный результат, детерминирующий значительные физические и умственные усилия, развитие важных физических и морально-волевых качеств [6, с. 2]. Особенностями современного спорта являются ярко выраженная состязательность, стремление к победе и высоким спортивным достижениям, требующим повышенной мобилизации физических, психических и нравственных качеств человека, которые постоянно совершенствуются в процессе спортивной тренировки и участия в спортивных соревнованиях [6; 8].

Спорт давно перестал играть роль просто развлечения и превратился в реальную силу, влияющую на жизнедеятельность общества, на формирование человека как личности, на менталитет не только отдельных людей, но и социальную направленность развития целых государств. Он является критерием моральных и физических возможностей спортсменов как лучших представителей нации и государства. Однако социальное значение спорта определяется даже не тем, что он позволяет выяснить, кто сильнее, быстрее, выносливее. Как отмечал классик социологии Энтони Гидденс, спортивные достижения или неудачи определяют не только отношение к спорту, но и отношение к обществу, взрослому населению, своим сверстникам [2, с. 447]. Французский социолог Пьер Бурдьё убежден, что одни люди все больше отличаются от других людей не уровнем дохода или профессией, а на основе предпочтений в области культуры и тем, как они проводят свой досуг [1, с. 25]. Недаром перед каким-то знаковым футбольным или хоккейным матчем вся страна живет им. Еще в старой советской песне пелось, «но упрямо едет прямо на “Динамо” вся Москва, позабыв о дожде». Результат в таком случае очевиден: «И к британцам, и к шотландцам прямо в сетку из Москвы залетали

мячи!» А чемпионат мира по хоккею 2014 г. в Минске? Результаты социологического исследования «Беларусь–2030», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, показывают, что это событие, которым гордится вся Беларусь. Думаю, в стране нет ни одного человека, который ничего не слышал об этом важном для страны событии. О нем говорили, им гордились, а хоккеистов любили и боготворили. Сборная национальная команда Беларуси по хоккею выступила в принципе неплохо, но могла бы значительно лучше, если бы наука вовремя подставила плечо.

Как показывает социальная реальность, для решения многочисленных практических задач, стоящих в настоящее время перед белорусским спортом на международной арене, особенно в игровых видах, необходимо эффективное развитие специальных научных теорий и методологий. Речь идет, прежде всего, о тех видах спорта, которые признаны во всем мире и собирают десятки тысяч поклонников на стадионах и миллионы болельщиков у экранов телевизоров. Таковыми, по общему признанию, являются футбол и хоккей, волейбол и баскетбол. Спортивные команды белорусского государства, вкладывающего огромные деньги в спорт, возводящего современные катки и стадионы (например, одну из лучших в мире «Минск-Арену»), уступают командам даже небольших по территории и населению стран, состоящих из учителей, почтальонов, полицейских. Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко неоднократно подчеркивал, что в Беларуси немало делается для развития спорта, особенно в плане инфраструктуры. Для жителей всех регионов стало доступно занятие практически любым видом спорта. Причем на все это государством тратятся огромные средства, поэтому оно вправе ожидать от спортивной сферы весомой отдачи и высоких достижений, побед. По мнению Главы государства, неудачные выступления ведущих белорусских клубов и атлетов на международных соревнованиях показывают, что проблем в области профессионального спорта очень много. Выявление противоречий между огромными материальными затратами белорусского государства и невысокими спортивными результатами национальных сборных команд, анализ проблем в сфере спорта требуют проведения разнообразных научных исследований, в том числе в социологии спорта.

В настоящее время принципиально новые жизненные стратегии требуют полной перестройки корпоративного спортивного лидерства. Как результат, в последние годы в условиях резкого обострения спортивной борьбы все чаще говорят, рассуждают, спорят о научном сопровождении командообразования, создании сильных, эффективных спортивных команд. На смену жесткой концепции деятельности структур приходит другая организационная модель, базирующаяся на более гибком и целенаправленном управлении групповыми спортивными процессами – эффективная команда. Но следует понимать, что команда – это нечто значительно большее, чем совокупность людей, в нее входящих. Команды – это сердце и душа спорта. Сильная сплоченная команда – залог больших побед в спорте.

Главный тренер сборной России по футболу Фабио Капелло перед чемпионатом мира по футболу заявил, что ждет от каждого из своих подопечных лучшей игры на чемпионате мира. «Мне важны все футболисты, потому что лучшую игру мы покажем только как команда. Команда лидеров. Что я под этим понимаю? Каждый должен быть лучшим в любом моменте. Для побед на чемпионате мира нам нужны лидеры».

Важнейший результат эффективных спортивных командных действий, как показывают многочисленные социологические исследования, – эффект системности. Это означает, что у команды появляются свойства, которые нельзя получить простым сложением личностных качеств ее членов. Происходит многократный рост физических, интеллектуальных, моральных, нравственных и творческих возможностей каждого спортсмена и спортивного коллектива в целом. Достигается результат, который нереально получить совокупности коллег и друзей. Оказывается, в сплоченной команде единомышленников во главе с признанным лидером обычные спортсмены способны решать экстраординарные задачи.

В современной спортивной литературе часто называют несколько важных признаков хорошей спортивной команды:

наличие общей цели, понимание и стремление к ней. Все члены команды работают на единый конечный результат;

члены команды считают себя неотъемлемой ее частью;

между ними идет непрерывный обмен опытом, знаниями для улучшения командных действий и повышения эффективности командной работы;

каждый член команды предлагает свои идеи и может подсказывать другим, если это не мешает командной работе;

члены команды прекрасно знают способности друг друга, что детерминирует интерес и уважение друг к другу;

команда способствует выдвижению лидера и детерминирует его эффективную деятельность. Наличие настоящего лидера – один из факторов, которые делают совокупность людей командой и т. д. [4; 6; 8].

К сожалению, сборная национальная команда Беларуси по футболу, борисовский БАТЭ и минское «Динамо» не показали себя настоящими командами. Не было смыслового рисунка игры, не было сплоченных командных действий, не было ясно, как команда обороняется и атакует. Главный тренер БАТЭ Александр Ермакович заявил, «что после того, как мы вышли в группу самого престижного европейского клубного турнира, на первое место вышел внутренний чемпионат». А многократный лучший игрок страны Александр Глеб был даже не вызван на матчи национальной сборной команды.

Спортивная команда – это «живой организм». Она состоит из живых людей, имеющих свои радости, проблемы, желания, а не винтиков, болтиков или каких-то абстрактных схем. Фактор лидерства в командах трудноизмерим и не всегда понятен, деятельность спортивных лидеров многопланова, многогранна, существует огромное множество ее индивидуальных проявлений. Как

результат, анализ условий и реальных возможностей, создание технологий формирования лидеров спортивных команд являются важными, интересными и весьма перспективными. Особенно сегодня, когда физические нагрузки спортсменов являются запредельными, а в напряженной борьбе за спортивные результаты счет идет на сотые доли секунды или граммы, особое значение приобретают лидерские качества спортсменов.

Кто такой спортивный лидер? Лидер – это человек, который должен быть всегда впереди, постоянно работать над собой, творчески подходить к каждой ситуации, к каждой задаче, расти вместе с командой. Лидер – это мотор, катализатор, вдохновитель побед спортивной команды. Можно привести много интересных примеров, когда отсутствие настоящего лидера в спортивной команде детерминирует ее поражение в игре с более слабым соперником, а его наличие, способность повести за собой спортивный коллектив в сложную минуту приводило к победам в практически проигранных ситуациях. На 25-й Всемирной летней универсиаде мужская сборная команда России по водному поло заняла лишь 7-е место. Ее главный тренер Вячеслав Собченко заявил, что главная проблема сборной – отсутствие явного лидера в команде. Старший тренер сборной молодежной команды Республики Беларусь по футболу Игорь Ковалевич после домашнего поражения (0:3) от Кипра также утверждал, что основная причина поражения – это отсутствие в команде лидера. Или совсем другие примеры. Настоящим лидером молодежной сборной страны по футболу является полузащитник Станислав Драгун. Как результат, футбольная команда заняла третье место в Европе и завоевала право участвовать в Олимпийских играх в Лондоне. Классическим стал пример, когда защитник минского «Динамо» Юрий Курненин в тяжелейшем матче проявил качества настоящего бойца, постоянно шел вперед, вел за собой товарищей, забил три мяча и помог вырвать труднейшую победу. Это был первый случай в советском футболе, когда защитник за небольшой промежуток времени совершил хет-трик. На последнем чемпионате мира по хоккею в Минске настоящим лидером сборной команды России был нападающий Виктор Тихонов. Главный тренер национальной команды Олег Знарок в самые трудные моменты выпускал его на площадку. Виктор находился в горячих точках, самоотверженно сражался за победу и на радость миллионам поклонников содействовал триумфу национальной команды. Кстати, он стал и лучшим форвардом чемпионата мира, опередив знаменитых канадцев и американцев, шведов и финнов. Как показывает жизнь, в таких экстремальных случаях спортивные результаты приносят не только деловые и профессиональные качества игроков команды, а во многих случаях – сила воли, инициатива, самоотверженность ее лидеров [5; 7].

Лидерами спортивных команд, как правило, являются наиболее авторитетные и сильные игроки, самые опытные спортсмены. Слабые игроки (физически, морально, интеллектуально) спортивными лидерами не станут никогда. Социологические исследования, проведенные автором, анализ научной

литературы и действий лидеров спортивных команд показал, что для них характерны определенные личностные характеристики и ценностные ориентации – профессионализм и более высокие авторитет, интеллект и патриотизм, организаторские способности и волевые качества, инициативность и уверенность в себе. Спортсмены становятся лидерами в ходе спортивных состязаний в результате взаимодействия членов спортивной команды при организации их командных действий для решения конкретных задач – проведении интенсивной тренировки или победы в спортивном соревновании или конкретной игре. При социологическом анализе распределения действий в спортивной команде выяснилось, что на лидера команды ложится более 50 процентов всех реализуемых процессов [6, с. 16].

Спортивные лидеры обладают эффективным мотивационным механизмом, направленным на достижение поставленных спортивных целей. Таким образом, лидер выдвигается в конкретной ситуации, принимает на себя определенные обязанности и функции и определенным образом мотивирует коллег по команде предпринимать те или иные действия. Члены спортивной команды принимают лидерство, признают достоинства и полномочия лидера, необходимость, правильность и результативность его действий. Они строят с лидером такие взаимоотношения, которые предполагают, что он постоянно будет впереди, будет показывать пример, а они будут поддерживать его. Постоянная потребность в лидерах приводит к необходимости особого внимания к развитию творческого потенциала спортсменов, формирования их профессиональных, эмоциональных, социальных, функциональных качеств, параметров и характеристик.

Предлагаем авторское определение: спортивный лидер – это социальный субъект, который благодаря своим ярко выраженным личностным качествам и ценностным ориентациям, авторитету и стремлению быть полезным с точки зрения командного интереса, отношению к членам спортивной команды и тренировочной деятельности оказывает постоянное и эффективное влияние на деятельность спортивного коллектива, пользуется активной поддержкой его членов, признается ими в качестве ведущего и при помощи различных мотивационных факторов способен повести за собой команду в наиболее сложных спортивных и жизненных ситуациях.

В ходе работы над данной проблемой автором впервые предложена социологическая модель командных лидеров, в которой учитываются особенности спортивных команд, их структура, задачи, стоящие перед ними, личностные качества, ценностные ориентации и мотивация спортивных лидеров, характер взаимодействий между ними и членами команды, разработан принципиально новый социальный статус лидеров, детерминируемый их положением в спортивном мире. Он представляет собой комплекс уровней по ранговым измерениям в зависимости от социальности лидеров, где социальность понимается как совокупность приобретенных человеком качеств, обеспечивающих его способность функционировать в обществе и выполнять разнообразные

социальные функции в составе различных групп – индивидуальный, групповой, социально-общностный, элитарный.

Первый уровень статуса спортивного лидера обусловлен, прежде всего, индивидуальными особенностями процессов формирования членов спортивных команд в командных видах спорта: личностными умениями, способностями, индивидуальными проявлениями восприятия и эмоций, ощущений и мышления. Этот уровень зависит как от врожденных факторов, так и от индивидуального опыта, от развития и совершенствования личностных качеств индивидов, интенсивности и качества спортивных тренировок. Второй уровень – командный – представляет групповой социальный опыт, в который входят приобретенные в ходе напряженных тренировок умения и знания, навыки и привычки. Они имеют социальный характер, формируются в процессе общения и обучения, совместной командной деятельности и могут быть усилены с помощью целенаправленных действий. Третий уровень статуса спортивного лидера – социально-общностный, внутренний стержень которого составляют, прежде всего, ценности и ценностные ориентации личности. В результате формирования общественно важных личностных качеств и ценностных ориентаций спортивный лидер выходит за пределы спортивной команды, на высоком уровне выполняет лидерские функции и вне спортивной площадки или футбольного поля. Четвертый (высший) уровень статуса спортивного лидера – элитарный. Он детерминирован высшими требованиями спортивного развития. На этом уровне расположены лучшие во всех отношениях представители спорта, его элита [7].

Спортивных лидеров по этим основаниям можно подразделить на четыре важнейших типа – лидер для себя; командный; корпоративный; суперлидер, характерных для индивидуального, группового, социально-общностного, элитарного уровней. Лидер для себя – спортсмен, который хочет и способен повысить свои личные спортивные достижения и формирует для этого определенные личностные качества. Командный лидер – спортсмен, который благодаря своим личным достоинствам является настоящим лидером спортивной команды. Корпоративный лидер – человек, который является лидером не только в команде, но и в общественной жизни, обладает личностными качествами, которые дают ему возможность стать настоящим вожаком молодежи, быть первым не только на беговой дорожке или футбольном поле, но и в учебном или трудовом коллективе, любом социуме, активно заниматься общественными делами. Суперлидер – личность, являющаяся лидером в спортивной и общественной жизни, обладает выдающимися личностными качествами и высокими морально-нравственными ценностями, непререкаемым авторитетом, дающими ей возможность быть лучшей в данной сфере деятельности, постоянно передавать свои знания и опыт подрастающему поколению.

Личностные качества спортсменов – один из системообразующих факторов спортивного лидерства. Многочисленные социологические теории утверждают, что лидером может стать индивид, имеющий определенный

комплекс конкретных личностных качеств. Однако разнообразие и противоречивость личностных характеристик и параметров, имеющихся у лидеров, ставят под сомнение данный теоретический и методологический принцип. Тем более, что в нашей стране вопросами изучения, анализа и формирования лидерских качеств как социальных субъектов в целом, так и спортсменов в частности практически никто не занимался. А ведь специфика национального белорусского характера, его менталитет во многом определяют тенденцию развития современного национального лидерства.

Конечно, даже в случае нахождения определенных закономерностей трудно создать социальные механизмы, позволяющие их измерить, описать, а затем сформулировать в виде конкретных рекомендаций, которые могли бы помочь развитию лидерского потенциала. Методологию и методику анализа и формирования личностных лидерских качеств можно успешно использовать как при работе со спортивными командами, так и со спортсменами, занимающимися индивидуальными видами спорта, а также при формировании лидеров в других сферах общественной жизни.

Что такое качества лидеров? По мнению ряда ученых, качества лидеров – это обобщенные, наиболее устойчивые характеристики, привычки, образ мышления и поведения, субъективные свойства, состояния эмоционального реагирования и поведения, позволяющие индивидам занимать ведущие места в трудовом коллективе или спортивной команде, любой общественной структуре, иметь непререкаемый авторитет, вести людей за собой.

Многие исследователи личностные лидерские качества условно подразделяют на несколько больших групп: интеллектуальные (умственные) и нравственные способности, гражданские качества, психологические, эмоциональные черты характера личности, приобретенные и развитые (личностные деловые) умения. Это подтверждают и многочисленные социологические исследования.

Причем, по нашему глубокому убеждению, подтвержденному анализом научной литературы и результатами социально формирующего эксперимента, на первые две группы личностных лидерских качеств можно в определенной степени влиять, корректировать их, третью группу – целенаправленно формировать. В известной работе Д. Гоулмана, Р. Бояциса, Э. Макки «Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта» есть специальная глава «Лидерами не рождаются – лидерами становятся», где подробно раскрыты методы целенаправленного формирования некоторых лидерских качеств личности [3].

Известный венгерский шахматный тренер Ласло Полгар на практике показал, что личностные качества в целом, даже талант, формируются при помощи целенаправленных действий. Он доказал, что мальчики и девочки с детства способны показывать необыкновенные результаты, если ими целенаправленно, систематически и интенсивно заниматься. Он всю жизнь посвятил воспитанию своих дочерей. Как результат, его дочери стали сильными

в мире шахматистками (Сьюзен, или Жужа, – чемпионка мира и международный гроссмейстер среди мужчин, Юдит – сильнейшая шахматистка всех времен, обладающая рейтингом свыше 2700, причем играла она исключительно в мужских турнирах, София – международный мастер по шахматам среди мужчин).

В ходе мониторингового социологического исследования «Лидеры политики, бизнеса, спорта на современном этапе развития белорусского общества», долгие годы проводимого под руководством профессора Игоря Котлярова, автором были выявлены некоторые личностные качества и умения, характеристики и ценностные ориентации спортивных лидеров, необходимые для эффективных командных действий. Среди них профессиональные, интеллектуальные, физические, организационные, волевые, морально-нравственные и коммуникативные качества, черты характера, ожидания, установки и другие диспозиции членов спортивных коллективов. Это, прежде всего, *профессионализм* как комплекс личностных качеств и практических навыков, теоретических знаний и умений, позволяющих успешно решать стоящие перед спортивной командой задачи и на высоком уровне выполнять свои обязанности, *патриотизм* как любовь к Родине, преданность ей и народу, готовность приумножать ее богатства, защищать честь и достоинство, *оптимизм* как вера в свою команду, ее возможности и способности добиться больших побед; *высокие нравственные качества* как соблюдение определенных моральных принципов, норм; *социальная активность* как готовность и способность быстро решать существующие проблемы; *креативность* как оригинальность суждений и способность находить новое, там, где другие этого не видят; *дисциплинированность* как способность подчинять свои действия установленным правилам и нормам группового поведения ради командных действий; *самостоятельность* как способность, проявляя творчество и изобретательность, доводить спортивные комбинации до логического конца; *смелость* как способность активно действовать для достижения цели в опасных и трудных ситуациях, сознавая возможность тяжелых для себя последствий, например получения травмы; *настойчивость* как способность не останавливаться на полпути к достижению спортивной цели, несмотря на существенные трудности; *эмпатия* как понимание психического состояния членов спортивных команд, *эмоциональная отзывчивость* на их неудачи и переживания, выраженная в доброжелательности и заботливости, чуткости и верности своим обещаниям, сопереживании и социальном взаимодействии; *решительность* как способность быстро принимать наиболее правильные в сложных условиях решения; *самообладание* как способность не теряться в сложных или неожиданных ситуациях, сдерживая отрицательные эмоции, управлять своими действиями; *стойкость* как способность выдерживать в процессе спортивной борьбы трудности, продолжать борьбу в состоянии сильного утомления, проявляя при этом большую силу воли, *упорство* как способность настойчиво и целеустремленно идти к поставленной цели и т. д. [5; 7].

Важным качеством командных лидеров является *амбициозность*. Это желание добиваться чего-то видимого и стремление к реализации своего потенциала и потенциала команды. О каких амбициях может идти речь, если капитан футбольного клуба БАТЭ Виталий Родионов перед важнейшим матчем с «Порто» заявил, что «если не займем третье место в группе, то трагедией это не станет». Сам капитан, да и все члены команды, не особо усердствовали. Как результат, поражение на своем поле со счетом 0:3.

Как уже отмечалось ранее, многие вышеперечисленные личностные качества можно формировать. Но особенно важным для современных спортсменов является качество патриотизма. Социологические исследования, проведенные различными авторами во многих вновь созданных государствах на территории бывшего Советского Союза, показывают, что после распада Советского государства, утраты многих морально-нравственных ценностей, существенно изменилась и мотивация школьников, подростков, стремящихся заниматься спортом. У них на первые места все чаще выходят доллары, евро, поездки за границу, фирменные спортивные костюмы.

Следует привести еще один, но очень интересный пример. Социологические исследования, проведенные в Институте социологии НАН Беларуси, показали, что 95 процентов начинающих хоккеистов приходят в спорт для того, чтобы на чемпионатах мира, Олимпийских играх защищать честь своей Родины – Республики Беларусь. К 14–16 годам хоккеистов с такими ценностными ориентациями остается примерно половина. Но когда вырастают, некоторые заявляют, как, например, перед отборочными играми накануне Сочинской Олимпиады: сначала заплатите, потом играть будем. Президент страны поставил задачу формирования патриотических качеств у начинающих спортсменов, да и не только у них. Однако некоторые чиновники от науки и спорта утверждают, что это сделать нереально. Жизнь показывает, что это трудно, сложно, но при желании – можно. Начинающий хоккеист два раза в день тренируется, еще к занятиям в школе готовится, ему больше нет времени ни на что. Он даже не знает, что в нашей стране есть Хатынь или «линия Сталина». И если его каждый месяц приглашать в музеи, организовывать встречи со знаменитыми людьми, олимпийскими чемпионами, рассказать о героях Великой Отечественной войны, то этот подросток, стоящий на пороге большой жизни, увидит, почувствует, поймет, что он живет действительно в великой стране – Республике Беларусь, защищать ее – огромная честь, и стоит это дороже всяких долларов. В определенной степени это гарантия того, что такой спортсмен изо всех сил будет защищать честь своей страны, с гордостью воспринимать гимн своей Родины (старшее поколение помнят слезы Ирины Родниной), не будет из-за мелочей отказываться от важных для Отчизны спортивных состязаний [7].

Белорусский спорт сегодня переживает не лучшие времена. Распад советской системы подготовки высокопрофессиональных спортсменов и потеря эффективной во времена Советского Союза мотивации «за Родину» привели

к существенному ослаблению спортивных позиций Беларуси на мировой арене. Все с грустью вспоминают те времена, когда сборная команда Беларуси по легкой атлетике была второй в мире после США. Можно ли добиться новых спортивных побед? Можно! Надо сделать так, чтобы дети с интересом выходили на футбольные поля и хоккейные площадки, поменять их стремления, подходы, мотивацию, сделать так, чтобы в большом спорте было бы побольше настоящих профессионалов и поменьше – дилетантов и любителей. Это подтверждает социология.

Литература

1. *Бурдьё, П.* Социология социального пространства / П. Бурдьё. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.

2. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.

3. *Гоулман, Д.* Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Дэниел Гоулман, Ричард Бояцис, Энни Макки. – 3-е изд. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. – 301 с.

4. *Коваленко, А. В.* Создание эффективной команды / А. В. Коваленко. − Томск : Изд-во Томского политехн. ун-та, 2009. – 80 с.

5. *Котляров, И. В.* Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И. В. Котляров. – Минск : Беларус. навука, 2013. – 481 с.

6. *Котляров, И. В.* Социология спорта: теория, методология, методика / И. В. Котляров. – Минск : Белинформпрогноз, 1994. – 40 с.

7. *Котляров, И. В.* Формирование спортивных лидеров: теоретические, социологические, аксиологические аспекты / И. В. Котляров, Н. С. Рысюкевич. – Минск : Изд-во МИУ, 2012. – 284 с.

8. *Кривцун-Левшина, Л. Н.* Социология физической культуры и спорта / Л. Н. Кривцун-Левшина, И. В. Котляров. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2009. – 269 с.

N. S. RYSYUKEVICH

BATTLE ON THE AVATAR LAWS, OR TEAM LEADERSHIP IN MODERN SPORT

Summary

In modern rapidly changing conditions leaders are very important to achieve success in sport. There are four types of leaders: leaders for themselves, team leaders, corporate leaders, super leaders. Personal qualities of sport leaders of different levels can be purposefully formed. An approach, special programs and social mechanisms directed to the formation of specific personal qualities of sport leaders were worked out. For several years a socio-forming experiment has been conducted.

Keywords: sport, sport achievements, leaders for themselves, team leaders, corporate leaders, super leaders, approach, social mechanism, personal qualities, formation.

Поступила 03.10.2014 г.

УДК 17.0221+316.624

О. Г. ЛУКАШОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПРАВОВЫЕ ЗНАНИЯ КАК КОМПОНЕНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ

В статье на основе результатов социологического исследования в учреждениях, обеспечивающих получение профессионально-технического, среднего специального и высшего образования, дана характеристика когнитивного компонента правовой культуры студенческой молодежи. Исследуются такие аспекты правовой культуры молодежи, как знание прав, гарантированных международным и белорусским законодательством в важнейших сферах жизнедеятельности, умение пользоваться источниками правовой информации, определение основных направлений повышения уровня правовой культуры.

Ключевые слова: молодежь, правовое сознание, правовая культура, правовые знания, источники правовой информации.

В новейшее время в условиях активных трансформационных процессов, происходящих в Беларуси, когда формируется правовая система суверенного демократического государства, совершенствуются механизмы ее функционирования, особую актуальность приобретает проблема формирования нравственно-правовой культуры населения. Процесс формирования законодательства Республики Беларусь отличается высокой динамичностью, что затрудняет восприятие гражданами изменений в правовом регулировании различных сфер их жизни, замедляет адаптацию к новым правовым условиям лиц, отличающихся низким уровнем правовых знаний.

Недостатки в формировании правовой культуры населения стали особенно заметны с развитием процессов демократизации политической жизни, разнообразием международных связей, либерализацией экономики, распространением частной собственности, развитием предпринимательства, возрастанием конкуренции во всех сферах жизнедеятельности общества. Одной из основных особенностей современной правовой культуры населения является отсутствие систематических и глубоких правовых знаний, что характеризует недостатки в практике формирования когнитивного компонента правового сознания населения. Недостаточная эффективность правового воспитания по формированию ценностно-правовых ориентаций граждан, их социально-правовой активности также проявляется в неразвитости поведенческо-волевого компонента правового сознания. Низкий уровень правовой культуры способствует распространению среди населения настроений недоверия, безразличия, непонимания регулирующей роли права в жизни общества, обусловлива-

ет широкое распространение негативных социальных отклонений в обществе, особенно в молодежной среде, появление новых форм девиантного поведения и видоизменение ранее известных его форм. Все это актуализирует задачу целенаправленного формирования высокого уровня нравственной и правовой культуры населения как совокупности правовых знаний, убеждений и установок личности, реализуемых ею в процессе жизнедеятельности.

Характеризуя в данной статье отдельные аспекты состояния правовой культуры современной молодежи, мы будем опираться на результаты целевого социологического исследования нравственно-правовой культуры студентов и учащихся, проведенного в январе–феврале 2013 г. в 14 профессиональных учебных заведениях г. Минска (высших, средних специальных и профессионально-технических). Исследование осуществлялось в рамках проекта БРФФИ «Наука–ВУЗы» № Г11ОБ-097 под руководством автора статьи. Объектом данного социологического исследования была выбрана учащаяся молодежь в возрасте от 16 до 30 лет. Предметом исследования – особенности формирования нравственно-правовой культуры молодежи, ее ценностные ориентации, правовые знания, правовое поведение; деформации нравственно-правового сознания молодежи, условия и факторы, обусловливающие распространение социальных девиаций.

Характеристика когнитивного компонента правовой культуры студентов и учащихся учреждений профессионального образования. Когнитивная составляющая правовой культуры личности представлена правовыми знаниями, правовой информированностью, правовым мышлением человека. В упомянутом социологическом исследовании для характеристики состояния когнитивного аспекта правового сознания молодежи в качестве одного из эмпирических показателей использовалась самооценка респондентами личного уровня правовых знаний. Студентам и учащимся предлагалось по трехбалльной шкале («знаю хорошо», «знаю в общих чертах» и «не знаю») оценить уровень знания своих прав, гарантированных международным и белорусским законодательством в важнейших сферах жизнедеятельности.

Обращает на себя внимание тот факт, что представители всех образовательных групп дифференцированно подошли к оценке знания своих прав и свобод в различных областях. Результаты показали, что более осведомленными студенты и учащиеся являются в области личных прав и свобод, менее всего знают свои экономические права.

Как и ожидалось, наиболее информированной группой молодежи в контексте знания своих прав является контрольная группа студентов-юристов. Большинство членов этой группы оценивают свои знания, как хорошие («знаю хорошо»), и эта оценка намного превышает распространенность оценок «знаю в общих чертах» и «не знаю».

В отличие от контрольной группы студентов-юристов, в трех выделенных по уровню образования группах студентов и учащихся (высшее не юридическое, среднее специальное и профессионально-техническое) респонденты

выбрали в качестве преобладающей оценки своих правовых знаний позицию «знаю в общих чертах». Распределение ответов по группам трех уровней образования представлено в табл. 1.

Таблица 1. **Оценка студентами ВУЗов не юридических специальностей (В) и учащимися ССУЗов (С) и ПТУЗов (П) уровня знания прав и свобод, гарантированных международным и белорусским законодательством, %**

	Личные права и свободы			Социальные и культурные права			Политические права			Экономические права		
	В	С	П	В	С	П	В	С	П	В	С	П
Знаю хорошо	45,7	44,4	44,4	32,1	29,6	29,6	29,3	21,1	20,4	13,6	11.3	19,7
Знаю в общих чертах	48,6	51,4	51,4	64,3	61,3	64,1	60,0	66,2	66,2	75,7	76,1	76,1
Не знаю	5,7	3,5	3,5	2,9	8,5	5,6	10,0	12,0	12,7	10,0	12,0	3,5

Обращает на себя внимание низкая самооценка знаний, которую дают студенты ВУЗов не юридических специальностей. Она практически не отличается от оценок учащихся ССУЗов и ПТУЗов, а в отношении оценки знания экономических прав даже ниже, чем у учащихся профессионально-технических лицеев и колледжей (ответы «знаю хорошо» дали соответственно 13,6 % студентов ВУЗов и 19,7 % учащихся ПТУЗов). Полученные данные позволяют ставить вопрос о невысоком качестве и недостаточном объеме правовых знаний, предоставляемых ВУЗами студентам технических и гуманитарных (не правовых) специальностей.

Таким образом, эмпирически установлено, что, за исключением контрольной группы студентов-юристов, во всех трех выделенных по уровню образования группах студентов и учащихся уровень правовых знаний, замеряемых по самооценке знания основных прав и свобод, отличается незначительно. То есть не дифференцируется по уровню получаемого образования.

Направленность на прагматизацию образования в высшей школе, свертывание курсов обществоведческих дисциплин, в том числе и этико-правовой направленности, ведут к существенному сужению объема правовых знаний будущих молодых специалистов, а следовательно, и снижению способности к ценностной ориентации, морально-правовому выбору в своем поведении.

Следует рассмотреть еще один аспект правовых знаний молодежи, непосредственно касающийся их нынешнего статуса студентов и учащихся. В ходе исследования предполагалось выяснить, насколько хорошо молодые люди *знают свои права студента (учащегося), знакомы с положениями Устава и Правилами, установленными в учебном заведении, и с тем, какую ответственность они могут понести в случае нарушения этих правил.*

Ответы студентов-юристов фиксируют самую низкую среди выделенных образовательных групп степень знания Устава своего учебного заведения. Так, отметили, что хорошо знают положения Устава только 23,1 % будущих юристов. Знают в общих чертах – 60,0 %. Свои права студента знают хорошо

49,2 %, знакомы в общих чертах – 48,5 % студентов-юристов. В отношении знания наступающей ответственности за нарушение установленных в учебном заведении правил полученная картина оценок меняется в направлении увеличения объема знаний. 57,7 % студентов-юристов хорошо знают, какую ответственность могут понести. В общих чертах о ней знают 36,2 %. Но 5,7 % студентов-юристов не знакомы с предусмотренными санкциями.

Полученные данные по группам студентов и учащихся трех различных уровней образования представлены в табл. 2.

Таблица 2. **Оценка студентами ВУЗов не юридических специальностей (В), учащимися ССУЗов (С) и ПТУЗов (П) уровня знаний положений Устава учебного заведения, прав учащихся, ответственности за нарушение правил учебного заведения, %**

Оценка	Положения Устава учебного заведения			Права студента (учащегося)			Ответственность, установленная за нарушение правил		
	В	С	П	В	С	П	В	С	П
Знаю хорошо	31,4	27,5	52,8	42,1	52,1	58,5	54,3	56,3	58,5
Знаю в общих чертах	53,6	62,7	45,8	53,6	45,8	41,5	35,0	37,3	38,7
Не знаю	15,0	9,9	1,4	4,3	1,4	–	10,0	5,6	2,8

Как видно из таблицы, молодежь в своем большинстве лишь поверхностно знакома с Уставом своего учебного заведения. Свои права студенты и учащиеся знают хуже, чем меры ответственности, которые будут к ним применены в случае допущенных нарушений. Виден недостаток в работе администраций учебных заведений по организации информирования студентов и учащихся о правах молодежи, предусмотренных законодательством.

Лишь относительно знания санкций за нарушение установленных правил молодежь демонстрирует более высокие оценки («знаю хорошо»). На наш взгляд, это связано с преобладанием профилактических мер предостережения («запугивания») в воспитательной работе в учебных заведениях. В любом случае, в ответах учащихся заметен дисбаланс между оценкой знания своих прав и знания мер взыскания за нарушения.

Обращает на себя внимание позиция учащихся ПТУЗов, в ответах которых доминируют самые высокие оценки своих знаний по всем трем исследуемым вопросам. Вероятно, это связано с субъективным завышением уровня своих знаний учащимися ПТУЗов, стремлением подать себя с лучшей стороны. Но причиной может служить и хорошо поставленная воспитательно-разъяснительная работа, эффективный контроль со стороны администрации лицеев и колледжей за поведением молодежи в стенах ПТУЗов, что обусловлено их более молодым возрастом (16–18 лет).

Особенности использования источников правовой информации различными образовательными группами студентов и учащихся. Реформирование правовой системы обусловило актуальность проблемы предоставления своевременной и достоверной правовой информации гражданам. Существенным

показателем правовой культуры молодежи является умение пользоваться источниками правовой информации. Для характеристики когнитивной составляющей правовой культуры молодежи важно знать, какой информационный ресурс задействуют молодые люди для восполнения своих правовых знаний.

Полученные эмпирические данные позволяют определить, как формируются правовые знания белорусской молодежи в зависимости от уровня образования. Очевидно, что профессиональная подготовка студентов-юристов предоставляет им множество возможностей для получения правовых знаний высокого уровня. Для них характерно пользование самыми полными и достоверными источниками правовой информации. В перечне таких источников первые пять ранговых позиций занимают: Национальный правовой Интернет-портал, учебные правовые дисциплины, компьютерные правовые базы, Национальный реестр правовых актов (НРПА), специальная юридическая литература, которыми пользуются от 85,4 % до 50,8 % студентов-юристов.

Для молодежи оставшихся трех групп перечень приоритетных источников совсем иной. На первом месте у всех находится *телевидение*: это главный источник правовой информации для 68,6 % студентов ВУЗов не юридического профиля, 74,6 % студентов ССУЗов и 78,2 % учащихся ПТУЗов. Чем ниже уровень образования, тем популярнее телевидение в качестве источника правовой информации. Но на телевизионных каналах крайне мало программ правового характера.

Следующие ранговые позиции (ранг 2–5) для трех выделенных групп студентов (не юристов) и учащихся занимают: неспециализированные Интернет-порталы (для студентов ВУЗов – 67,1 %, ССУЗов – 61,3 %, ПТУЗов – 53,5 %); разъяснения родственников и друзей (особенно для учащихся ССУЗов – 58,7 % и ПТУЗов – 54,2 %); учебные правовые дисциплины (особенно для студентов ВУЗов – 51,4 % и ССУЗов – 45,8 %), периодическая печать (газеты, журналы).

Наименее популярны в качестве источников правовой информации «общественные юридические приемные», студенческие «юридические клиники», что объясняется недостаточной их распространенностью. И если для студентов-юристов и студентов ВУЗов их значение невелико, то в среде учащихся ССУЗов и ПТУЗов их услуги более востребованы. Важно, чтобы работа этих добровольных общественных организаций была приближена к учащимся именно этих типов учебных заведений. Не пользуются особой популярностью у молодежи Публичные центры правовой информации, созданные при районных и городских библиотеках для широкого круга граждан. Они более востребованы у студентов-юристов (10,9 %), чем в остальных образовательных группах (от 2,9 % у студентов ВУЗов не юридического профиля до 4,9 % в обеих группах учащихся ССУЗов и ПТУЗов).

Мнение молодежи о направлениях повышения уровня правовой культуры. В подавляющем большинстве студенты и учащиеся признают необходимость в повышении уровня своих правовых знаний и своей правовой культуры в целом. Что же, по мнению молодежи, будет этому способствовать?

Доминирующим мнением в каждой из образовательных групп учащихся является мнение о *необходимости выработки навыков и умений защиты своих прав* и законных интересов – так считают 43,8 % юристов, 40,7 % студентов ВУЗов, 45,8 % учащихся ССУЗов и 33,8 % учащихся ПТУЗов. На второе место среди направлений повышения правовой культуры молодые люди поставили *самообразование* – самостоятельное получение правовых знаний (студенты-юристы – 43,1 %, не юридических ВУЗов – 39,3 %, учащиеся ССУЗов – 40,8 %, ПТУЗов – 26,1 %).

В ряду эффективных направлений, способствующих повышению правовой культуры личности, молодежь называет и *получение юридического образования* (в среднем, 31,8 %). В *проведении консультаций* юристов по разъяснению запутанных и сложных для понимания правовых норм видят выход 29,1 % учащихся. Примерно четверть (23,3 %) учащихся и студентов считают, что им необходим *опыт работы в общественных объединениях правовой направленности.*

Таким образом, молодые люди, обучающиеся в профессиональных учебных заведениях, оценивают свой уровень правовой культуры преимущественно как средний. При этом, чем ниже уровень образования группы, тем выше оценки своих правовых знаний.

С учетом изложенного выше, следует обратить внимание на следующие направления работы по повышению уровня правовой культуры молодежи:

организация правового просвещения учащихся и студентов. Для информирования об изменениях в законодательстве по молодежным вопросам необходимо создавать службы информационной поддержки обучающихся. С помощью СМИ, молодежных инфоцентров, общественных организаций обеспечить учащимся доступ к информации об их правах и обязанностях, о возможности реализации прав на образование, социальное обслуживание, профессиональную подготовку и трудоустройство, отдых и т. д.;

работа по активизации самоконтроля учащихся за соблюдением правил поведения в учебных заведениях во время занятий, проведения мероприятий, в стенах общежития через включение их в различные формы студенческого самоуправления. Обязательным должно стать изучение Устава учебного заведения, Правил поведения на его территории;

обучение студентов навыкам пользования полными и достоверными источниками правовой информации, таким как НРПА, Национальный правовой Интернет-портал, компьютерные правовые базы, правовые издания. С учетом того факта, что значительная часть молодежи рассматривает телевидение как основной канал получения правовой информации, требуется существенное расширение диапазона молодежных правовых телевизионных программ;

внедрение обучающих программ по формированию критического мышления в восприятии и оценке социальных отклонений, демонстрируемых СМИ, социальным окружением, молодежными субкультурами. Современный уро-

вень развития информационных технологий, широкое приобщение молодежи к Интернету выдвигает перед учреждениями образования, преподавателями задачу научить молодежную аудиторию критически оценивать экономическую, политическую, социальную информацию, поступающую из разных источников;

выработка у молодежи навыков правового разрешения конфликтных ситуаций, информирование о порядке обращения в официальные органы за защитой прав. Овладение комплексом умений и навыков, помогающих молодым людям действовать в рамках правового поля и норм морали, использовать правовые нормы для реализации своих интересов, защиты прав.

Для повышения правовой активности и формирования практических навыков необходимо интенсифицировать включение учащихся в работу добровольных общественных объединений по охране правопорядка, общественных юридических приемных, в деятельность благотворительных организаций и т. д.

Задача повышения уровня правовой культуры граждан должна находиться в тесной взаимосвязи с политикой в сфере образования, направленной на создание системы, позволяющей получать глубокие и всесторонние правовые знания. Это положение нашло подтверждение в Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2011–2015 годы, утвержденной постановлением Министерства образования от 24.05.2011 № 16, где отражена необходимость проведения в учреждениях образования активной работы по гражданско-патриотическому, правовому воспитанию молодежи, повышению уровня правовой культуры обучающихся [1]. Среди мероприятий, предусмотренных Программой, особое внимание придается реализации учебных программ факультативных занятий, направленных на формирование правовой культуры учащихся; организации студенческих правовых олимпиад; молодежных клубов правовой и воспитательной направленности.

Распространение и внедрение правовых знаний, нравственных норм в сознание и поведение молодых людей следует осуществлять через обучение, воспитание, традиции и обычаи, организацию массовых мероприятий.

Первостепенное значение для формирования нравственно-правовой культуры человека имеет глубокое усвоение молодежью теоретических знаний в области морали, права, идеологии. Поэтому обеспечение высокого качества преподавания правовых и обществоведческих дисциплин находится в ряду первоочередных задач учебных заведений. При этом в процессе изучения следует отдавать предпочтение практическим занятиям: семинарам, коллективным обсуждениям актуальных проблем, деловым и ролевым играм, разбору практических ситуаций, различным тренингам.

Важным является превращение правовых знаний и морально-этических норм в личностные установки, убеждения молодых людей. Для решения этой задачи процесс формирования нравственно-правовой культуры молодежи должен строиться в соответствии с основными ее компонентами и включать когнитивный, эмоционально-ценностный и практический аспекты.

Литература

1. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2011–2015 годы : утв. Постановлением М-ва образования Респ. Беларусь, 24 мая 2011 г., № 16 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 99. – 8/24085.

O. G. LUKASHOVA

LEGAL KNOWLEDGE AS A COMPONENT OF LEGAL CULTURE IN ASSESSMENTS OF STUDENT YOUTH OF BELARUS

Summary

In the article on the base of the results of sociological research in institutions providing vocational, secondary specialized and higher education, the characteristic of cognitive component of the legal culture of the student youth is given.

Such aspects of the legal culture of youth as knowledge of the rights guaranteed by international and Belarusian legislation in the most important spheres of life, the skill to use sources of legal information, determination of main directions of improving the legal culture – are considered.

Keywords: youth, legal consciousness, legal culture, legal knowledge, sources of legal information.

Поступила 03.10.2014 г.

УДК 303.1368.4

Н. И. ЯКОВЛЕВА,
аспирантка Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

В статье обоснована актуальность и рассмотрены особенности социологического изучения социального страхования. Автор приходит к выводу, что социологический анализ состояния и перспектив развития сферы страхования с учетом установок и ожиданий конкретных социальных групп позволит объективно оценить ситуацию и разработать научно-обоснованные рекомендации по совершенствованию социальной политики в сфере страхования.

Ключевые слова: социальное страхование, система страхования, сфера страхования, социальная политика в области страхования, страховые установки населения.

Система страхования представляет собой механизм по защите имущественных интересов физических и юридических лиц при наступлении определенных событий за счет денежных фондов, формируемых из уплачиваемых ими страховых взносов, а также является механизмом защиты и минимизации негативных последствий от различного рода рисков: экологических, бытовых, техногенных и социальных [1].

Одной из главных задач социальной политики государства является поддержание стабильности и устойчивого развития общества. Система страхования выступает в роли одного из направлений социальной политики, значимость которого в современных условиях постоянно возрастает. Это объясняется следующими обстоятельствами.

Во-первых, оптимальное развитие общества возможно только в условиях устойчивой демографической ситуации, свой вклад в обеспечение которой вносит и система социального страхования.

Деятельность системы социального страхования направлена на предотвращение убыли населения и преодоление негативных последствий сокращения его численности. Страхование включает в себя комплекс мер, направленных на обеспечение социальной защиты населения: выплата пособий по болезни, уходу за ребенком, инвалидности, старости.

В условиях развития межнационального рынка труда и увеличения миграционных потоков возрастает вероятность наступления негативных событий, неспецифичных для региона постоянного проживания индивида, связанных с влиянием окружающей среды и эндемическими болезнями. В данной связи международная система страхования предусматривает комплекс мер по предотвращению наступления рисковой ситуации: страхование для выезда

за рубеж с учетом особенностей места пребывания (страхованию подлежат здоровье, материальные средства). Система в целом развивается с учетом актуальных для конкретного региона направлений.

Во-вторых, в настоящее время система страхования рассматривается не только как комплекс мер защитного характера, позволяющих поддерживать социальное благополучие человека, но и как стратегия, ориентированная на формирование в обществе отношения к страхованию как к инструменту инвестирования в сохранение таких ценностей, как жизнь, здоровье, имущество.

В данной связи государственная политика в сфере страхования ориентирована на достижение фундаментальных задач:

повышение уровня социальной защиты населения;

достижение справедливости в распределении финансового бремени системы социального страхования;

учет социальных ожиданий различных групп населения;

эффективность использования страховых ресурсов.

В-третьих, мировой опыт показывает, что более эффективной является страховая политика, основанная на сбалансированном распределении ответственности по обеспечению социального благополучия между государством, работодателем и индивидом. Акцентируется необходимость развития страховой мотивации населения. Поэтому одной из задач системы социального страхования является создание условий для повышения уровня самоответственности граждан и стимулирование страховой активности через осознание рисков и угроз, а также всей тяжести их последствий.

В настоящее время указанные обстоятельства сохраняют актуальность для большинства экономически развитых стран и в значительной мере объясняют повышение внимания государства к вопросам страхования.

Для Беларуси значимость системы страхования стала наиболее очевидной после распада СССР. Реформы реализовывались с большой осторожностью и имели своей целью постепенный переход к новому рыночному укладу жизни. В то же время не удалось избежать массовой безработицы, выходов из статуса и снижения уровня жизни большей части населения.

Система социального обеспечения в целом и социального страхования в частности продолжала свое функционирование и в период осуществления экономических реформ. Сохранялись, хотя и минимальные, социальные выплаты: пенсии, пособия по уходу за ребенком, пособия по инвалидности, выплаты по безработице и др. Постоянного внимания государства и соответствующих ресурсов требовал комплекс проблем, связанный с аварией на ЧАЭС и ее последствиями. В то же время максимальные усилия прилагались по сохранению существующих рабочих мест и созданию новых, по поддержанию жилищно-коммунального хозяйства и сохранению доступа населения к широкому спектру бесплатных медицинских услуг.

Система страхования в результате распада СССР оказалась неспособной выполнить свои страховые обязательства перед населением. Для граждан

настоящим шоком стало обесценивание страховых накоплений, что привело к утрате доверия системе страхования и другим финансовым институтам со стороны населения.

Характеризуя современное состояние системы социального страхования, можно отметить следующие особенности и проблемы, характерные для Республики Беларусь.

К особенностям существующей системы социального страхования следует отнести сохранившийся с советских времен, гарантированный минимальный объем социальной защиты, охватывающий широкий круг граждан; всеобщий характер программ социального страхования (право на выплату пенсий, пособий, предоставления перечня бесплатных социальных услуг имеет каждый независимо от вклада в систему).

К проблемам современной системы страхования следует отнести: высокую долю государственных расходов на социальные нужды, обезличенность страховых взносов. Граждане не чувствуют себя активными участниками страховых отношений, так как в подавляющем большинстве не осведомлены о том, какие отчисления уплачиваются с их заработной платы, поскольку данная функция возложена на работодателей. Сохраняется настороженное отношение населения к системе страхования, для преодоления которого необходимо накопление позитивного опыта. В число существующих проблем системы страхования входит и недостаточная защищенность накопленных взносов в национальной валюте от инфляции, которая в 2010 г. составляла 9,9 %, в 2011 – 108,7 %; в 2012 – 21,8 %, а по итогам 2013 г. достигла уровня в 15,0 %, в то время как индексации вкладов не проводилось [4].

Не способствует страховой активности населения недостаток информации о спектре страховых услуг, предоставляемых различными страховыми компаниями и о самих страховых компаниях, недостаток квалифицированных кадров среди страховых агентов, а также трудности в получении страхового возмещения при наступлении страхового случая [3].

Существующая система социального страхования нуждается в оптимизации, но делать это следует не только путем административно-правовых решений, но и путем создания понятной системы стимулирования граждан к активному страховому поведению, с учетом их потребностей и ожиданий.

Проблема страховой активности населения сохраняет свою актуальность.

В настоящее время, согласно данным социологических исследований, граждане Беларуси в большинстве своем не имеют четкого представления о сущности системы социальной поддержки, о механизмах формирования и расходования средств основных бюджетных фондов (пенсионного, социальной защиты, страхового). Система социального страхования воспринимается только как дополнительная финансовая нагрузка на индивида и даже как налог, а государственные выплаты – как дотации нуждающимся и помощь малообеспеченным.

Вместе с тем вопросы эффективности социальной политики приобрели статус первостепенных во многих странах мира, и совершенствование качест-

ва системы социальной защиты населения – одно из приоритетных направлений для большинства экономически развитых стран.

К числу основных причин недостаточной эффективности социальной политики социолог С. А. Шавель относит существующий дисбаланс между ее защитной (стабилизирующей) и стимулирующей функциями в сторону защитной. Под стабилизирующей функцией социальной политики следует понимать обеспечение стабильности в обществе, создание системы защитных механизмов для нуждающихся слоев общества. Стимулирующая функция в свою очередь предполагает создание предпосылок для развития различных видов экономической деятельности и социальной активности. Ослабление стимулирующей функции приводит к сокращению возможности финансирования социальных программ, снижению уровня ответственности и личного участия граждан в собственном жизнеобеспечении, что привело к формированию системы адресной социальной помощи. В свою очередь, снижение защитной функции может привести к накоплению социальных проблем в силу неспособности государства в полной мере и в отношении каждого гражданина реализовывать декларируемые социальной политикой (Законы Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» от 17.04.1992 г., «Об основах государственного социального страхования» от 31.01.1995 г. и др.) нормы на заявленном уровне [7, с. 18–19].

Существующий дисбаланс функций социальной политики обусловлен тем, что в 1990-е гг. государство взяло на себя большую часть ответственности в связи с обострившимися социальными противоречиями, с целью смягчения существовавшей социальной напряженности в обществе и обеспечения социальной защиты уязвимых категорий населения. В настоящее время государство по-прежнему сохраняет ведущие позиции в решении проблем по поддержанию необходимого уровня социальной обеспеченности граждан, тогда как социально-экономическая и демографическая ситуация изменились и привели к сложному положению, в котором осуществление достаточной помощи населению со стороны государства практически невозможно.

Для изменения ситуации в сфере страховой мотивации необходимо четко сформировать у населения понятие того, что каждый одновременно является и плательщиком взносов, и потенциальным получателем государственных социальных выплат. В обществе необходимо выработать понятие об активном участии гражданина в накоплении фондов социальных выплат, основанием которого должно стать стремление лучше работать и больше зарабатывать, мотивированное получением больших сумм социальных выплат при наступлении страхового события [7, с. 23].

Разрешение сложившейся ситуации может быть достигнуто путем создания системы мер по приведению в сбалансированное положение двух основных функций социальной политики – стабилизирующей и стимулирующей. Основой данной системы должно стать определение долговременных задач по таким направлениям, как налоговая политика, защита инвестиций, страхование [7, с. 18–19].

Страхование, возникшее много веков назад как инструмент для восполнения возможных материальных потерь, в современном обществе представляет собой сложный механизм, сущность которого можно описать посредствам его социальных функций. Именно функции позволяют наиболее полно отразить общественное значение страхования. К таким функциям относятся:

защитная (при наступлении страхового случая происходит полное или частичное восстановление потерь);

предупредительная (временно свободные средства страхователей используются на проведение системы профилактических мероприятий: переоснащение пожарных и т. п. служб, улучшение условий труда);

сберегательная (обеспечение защиты самих денежных средств, аккумулированных в качестве страховых взносов);

контрольная (страховые выплаты осуществляются в строго определенных случаях);

инвестиционная (временно свободные средства страхового фонда инвестируются в проекты разного рода).

Таким образом, на уровне социальной политики государства в сфере страхования осуществляется поддержка наиболее уязвимых слоев общества (малообеспеченных, пенсионеров, инвалидов), происходит улучшение условий труда, создаются новые рабочие места, предоставляется гарантированная помощь нуждающимся.

Именно в данный период становится важным социологическое изучение системы страхования. Пришло осознание того обстоятельства, что эффективное функционирование системы связано не только с экономико-правовыми механизмами, но и с социальной проблематикой.

Социальное страхование в настоящее время является предметом изучения многих наук: права, экономической теории, социологии и т. д. Проблемам формирования систем социального страхования посвящены работы российских и зарубежных авторов: Н. А. Волгина, Е. Ш. Гонтмахера, С. В. Кадомцевой, Н. М. Римашевской, В. Д. Роика и др. [2; 5; 6].

Западными учеными В. Ойкеном, Ф. Лутцем, Дж. Гэлбрейтом была разработана концепция «государства благосостояния», которая применялась Л. Эрхардом в Германии и Ф. Рузвельтом в США.

Несмотря на значимость социального страхования для развития общества, исследования в данной области носят фрагментарный характер. Так, исследованию вопросов формирования и использования средств пенсионного страхования были посвящены работы В. А. Исаева, Т. М. Ковалевой, В. Н. Лапина, А. К. Соловьева и др. Экономистами Д. Г. Александровой, М. Э. Дмитриевой, Л. П. Якушевой и др. рассматривались аспекты обеспечения финансовой устойчивости системы социального страхования, вопросы методологии и методики формирования системы пенсионного страхования.

В современной отечественной литературе, посвященной страхованию, основное внимание уделено анализу зарубежного опыта и выявлению сущест-

вующих недостатков национальной системы, в то же время недостаточно внимания уделяется реальным путям реформирования страхования, адаптации к сложившейся в стране социально-экономической ситуации.

При всей значимости публикаций отечественных и зарубежных исследователей, посвященных анализу состояния мировых и национальных систем страхования, эта сфера все еще находится на этапе становления социологического осмысления. В научной среде в целом существуют терминологические разночтения, нет единого подхода к классификации страхования в разных странах. Теоретическая база анализа системы социального страхования, понятийный аппарат, методология и механизмы формирования, обеспечения и управления системой требуют дополнительной проработки и осмысления.

В настоящее время в Беларуси специфика метода изучения социальных процессов и проблем в сфере страхования с учетом национальных особенностей при разработке программ социального страхования не учитывается. Нет понимания того обстоятельства, что страхование может быть инструментом не только защиты от рисков, но и инструментом развития.

Возрастание роли социального страхования в обществе привело к пониманию значимости актуарных расчетов и их применению в системе страхования. Этот метод позволяет определить вероятность наступления страхового события с учетом многообразия факторов – социально-демографических, профессиональных и др. – и обосновать в стоимостном выражении конкретный объем страховых выплат, например в случае рождения ребенка, болезни, безработицы и т. д., а также предложить разнообразные типы индивидуальных страховок. Современные методы позволяют не только рассчитать объем средств, требующихся при наступлении определенного страхового события, но также в ряде случаев разработать меры превентивного характера с целью снижения вероятности наступления негативного события, тем самым способствуя повышению эффективности системы страхования. В частности, эти меры могут быть связаны с повышением техники безопасности на рабочих местах, разработкой новых методов лечения заболеваний, повышением квалификации персонала.

Необходимость социологического исследования проблем сферы страхования обусловлена наличием определенного противоречия. С одной стороны, в настоящее время существует необходимость в перераспределении ответственности по обеспечению социального благополучия населения в направлении повышения самоответственности граждан. С другой – уровень страховой активности населения, ориентированной на противодействие рискам и угрозам, является недостаточным и не способствует эффективной работе сферы социального страхования. Основную ответственность в случае наступления неблагоприятных событий – болезни, несчастных случаев, стихийных бедствий – берет на себя государство.

Таким образом, имеется настоятельная необходимость в формировании у населения, в особенности у молодежи, как наиболее активной группы, пони-

мания необходимости добровольного социального страхования и осознания потребности личного в нем участия через осознание всего спектра опасностей и угроз, оценки вероятности наступления неблагоприятных событий и понимания всей тяжести последствий при наступлении страхового случая.

Внимание к молодежи, как к социальной группе со значительным потенциалом активности, обусловлено в том числе сложившейся демографической ситуацией, а именно депопуляцией на фоне динамического старения населения Беларуси. Именно молодежи в скором времени придется испытать на себе возрастающую нагрузку на работающих граждан. Молодежь, как социальная группа, обладает всеми необходимыми характеристиками для максимально быстрого усвоения современных новых образцов социальных отношений.

Изучение отношения молодежи к системе страхования, потребностей в различных видах страхования, условий удовлетворения, причин негативного отношения к страхованию необходимо при разработке стратегических направлений национальной страховой политики.

Социологический анализ состояния и перспектив развития сферы социального страхования, с учетом установок и ожиданий конкретных социальных групп, позволит объективно оценить и проанализировать ситуацию, выработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию социальной политики в сфере страхования.

Развитая система страхования ввиду взаимозависимости экономического развития и всех элементов социального обеспечения позволит сформировать значительный объем долгосрочных финансовых ресурсов и впоследствии инвестировать их в различные сферы экономики, что обеспечит стимулирование экономического роста страны и, как следствие, достойный необходимый уровень социального обеспечения всем гражданам.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / под ред. И. Лапина [и др.]. – М. : АСТ, 2008. – 1248 с. – (Современная энциклопедия).

2. *Волгин, Н. А.* Социальная политика / Н. А. Волгин. – М. : Экзамен, 2008. – 736 с.

3. *Волчок, В. В.* Рынок страхования в Беларуси: анализ и рекомендации, АЗ/07/04 [Электронный ресурс] / В. В. Волчок, Р. Джуччи. – Режим доступа: http://www.research.by/pdf/pp2004r07.pdf. – Дата доступа: 17.08.2014.

4. Официальный сайт Министерства финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minfin.gov.by. – Дата доступа: 17.05.2014.

5. *Рубина, Ю. Б.* Страховой портфель / Ю. Б. Рубина, В. И. Солдаткин. – М. : СОМИНТЕК, 1994.

6. *Тырышкина, Е. С.* Социальное страхование: современное состояние и возможности развития / Е. С. Тырышкина // Динамика социальных процессов в условиях государственной независимости Беларуси : социол. анализ : сб. науч. тр. – Минск: Право и экономика, 2000. – Вып. 2. – 258 с.

7. *Шавель, С. А.* Социальная политика суверенной Беларуси / С. А. Шавель, Р. А. Смирнова. – Минск : АН Беларуси, Ин-т социологии, 1996. – 124 с.

N. I. YAKOVLEVA

THE RELEVANCE OF THE SOCIOLOGICAL STUDY OF THE SOCIAL INSURANCE SYSTEM

Summary

In the article the urgency is justified and features of sociological study of social insurance are discussed. The author concludes that the sociological analysis of the status and prospects of development of the insurance industry would allow an objective assessment of the situation and to develop evidence based recommendations for the improvement of social policy in the insurance sector. For this it is necessary to take into account the installation and expectations of different social groups.

Keywords: social insurance, the insurance industry, the scope of security, social policy of insurance, the installation population.

Поступила 05.10.2014 г.

УДК 316+316.334.4+340

Е. В. ПИЛИПЕНКО,
соискатель Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

МОДЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ СРЕДИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

На основе данных социологического исследования, проведенного Республиканским центром наркологического мониторинга и превентологии ГУ «РНПЦ психического здоровья» при участии научных сотрудников Института социологии НАН Беларуси осуществляется анализ распространенности и моделей потребления алкоголя среди учащейся молодежи. Выявлены временная регулярность, мотивы, модели и типы культуры потребления алкоголя учащейся молодежью. Разработаны социально-практические меры по профилактике потребления алкоголя в молодежной среде.

Ключевые слова: учащаяся молодежь, спиртные напитки, модели потребления, регулярность потребления.

Высокий уровень распространенности потребления спиртных напитков среди различных социально-демографических групп является актуальной социальной проблемой для Беларуси. Особую тревогу вызывает высокий уровень и негативная динамика распространения потребления спиртных напитков среди молодежи. Общеизвестно, что чем раньше начинают употреблять спиртные напитки, тем выше опасность возникновения алкогольной зависимости. Особенно опасен алкоголь для молодых людей, поскольку их организм еще не полностью адаптировался к полноценным физиологическим и социальным аспектам жизнедеятельности.

В Республике Беларусь сохраняются высокие показатели потребления алкоголя и связанного с ним вреда, что обусловливает необходимость постоянного поиска новых мер по его предупреждению и противодействию. Особенно важно начинать профилактику пьянства и алкоголизма с раннего возраста, так как молодежь в силу особенностей психики наиболее подвержена риску развития различных видов зависимостей от различных психоактивных веществ, в том числе от алкоголя. Для разработки эффективных профилактических мероприятий следует выявить наиболее распространенные модели потребления алкоголя молодежью, которые изучаются на основе социологических опросов. Эпидемиологические исследования, изучающие отношение населения к алкоголю и объемы его употребления, проводятся во многих странах. Считается, что молодежь в возрасте с 16 до 21 года относится к группе, в которой риск начала употребления или злоупотребления алкоголем является одним из самых высоких.

В 2013 г. Республиканским центром наркологического мониторинга и превентологии ГУ «РНПЦ психического здоровья» с участием автора был проведен опрос около трех тысяч учащихся в возрасте от 16 до 22 лет, который выявил высокий уровень распространенности потребления алкоголя среди молодежи. По данным проведенного социологического опроса, абсолютное большинство учащейся молодежи употребляют алкоголь – 70,8 % (40,7 % опрошенных употребляют алкогольные напитки один раз в месяц или реже, 14,6 % респондентов – 2–3 раза в месяц) и только 28,4 % не употребляют алкогольных напитков (0,8 % респондентов не ответили на данный вопрос). Употребление алкоголя, по результатам опроса, в большей степени распространено среди 20–22-летних (86,0 %) и 18–19-летних (81,9 %, среди 14–15-летних – 61,3 %, а 16–17-летних – 62,6 %), студентов вуза (84,2 %), учащихся колледжа (74,6 %) и лицея (73,6 %, среди учащихся школ, гимназий – 53,6 %), учащихся-девушек (74,1 %), среди юношей – 67,8 %. Не обнаружено различий в употреблении алкоголя среди учащихся города и села (соответственно 68,6 и 68,0 %). В ходе исследования была выявлена тенденция прогрессирующей алкоголизации учащейся молодежи по мере взросления (начиная с 16–17 лет, но особенно с 18–19 лет) и изменения формы обучения (перехода на учебу в лицей или колледж, но особенно в вуз). За последние двадцать лет отмечается тревожный факт активного распространения употребления спиртных напитков среди сельской учащейся молодежи.

В ходе исследования изучался вопрос частоты употребления алкогольных напитков близким социальным окружением, что может служить предпосылкой употребления алкоголя самим респондентом. Среди знакомых, с которыми учащаяся молодежь общается, употребление алкоголя широко распространено – 90,2 % знакомых употребляют алкоголь, при этом 61,4 % употребляют крепкие алкогольные напитки (из них 49,1 % – эпизодически, 10,3 % – иногда, а 2,0 % – регулярно). По мере взросления учащихся количество знакомых, употребляющих алкоголь, становится все больше и больше (особенно начиная у группы учащихся 18–19 лет – 88,9 %, а у 20–21-летних – 94,1 %). Распространенность употребления алкоголя в ближайшем социальном окружении изменяется в зависимости также от учебного заведения, в котором учится молодежь. Так, у учащихся школы, гимназии знакомых, которые употребляют алкоголь, меньше всего – 65,1 %, у учащихся лицея уже значительно больше – 79,0 %, учащихся колледжа – 86,0 %, у студентов вуза – еще больше – 91,6 %.

Отношение учащихся к употреблению алкоголя амбивалентно: 40,5 % учащихся считают, что иногда позволительно немного выпить, т. е. психологически и нравственно допускают употребление алкоголя. В наибольшей степени одобрительное отношение к употреблению алкоголя присуще учащимся в возрасте от 18 до 22 лет, студентам вуза, учащимся колледжа и лицея (различий по полу, по городу и селу практически не наблюдается). Вместе с тем 42,2 % учащихся высказывают намерение/пожелание, что «лучше не пить совсем». Это весьма значимый для проведения эффективной воспита-

тельно-профилактической антиалкогольной работы с учащейся молодежью факт, который свидетельствует о наличии у молодежи знания и понимания бессмысленности и нерациональности употребления алкоголя, которое сочетается с позитивной ценностной ориентацией и психологической мотивацией на здоровый образ жизни.

Полученные результаты показывают, что подростки довольно рано впервые пробуют алкоголь. Приобщение к употреблению алкоголя, как правило, начинается в 11–17-летнем возрасте с пива, сухого вина и шампанского с последующим переходом в 15–17 и 18–21 год к употреблению крепких алкогольных напитков (крепленого вина, водки и самогона). Значимых различий между учащимися по полу, возрасту, месту жительства и типу учебного заведения в возрасте начала приобщения к употреблению алкоголя практически не наблюдается. Особенность имеет место только в отношении конкретных видов алкогольных напитков. В частности, юноши в несколько большей степени склонны впервые пробовать водку (70,7 %, девушки – 52,7 %), самогон (27,4 %, девушки – 13,9 %). Девушки предпочитают впервые пробовать шампанское (90,9 %, юноши – 83,4 %), сухое вино (79,8 %, юноши – 67,3 %), джин-тоник (58,8 %, юноши – 53,9 %). Городские учащиеся в несколько большей степени, чем жители села, склонны впервые пробовать сухое вино (74,5 % и 71,1 %), водку (57,5 % и 52,6 %). Что касается пива, крепленого вина и самогона – то различий между городскими и сельскими учащимися не выявлено.

Важным компонентом, демонстрирующим картину приобщения учащейся молодежи к употреблению алкоголя, является выявление мест первой пробы спиртных напитков. По данным опроса, 41,6 % учащихся впервые попробовали алкоголь у себя дома, 16,1 % – в гостях у друзей, знакомых, 14,5 % – на природе, за городом, 10,1 % – на улице, во дворе, в подъезде своего дома, 4,4 % – в клубе, на дискотеке, 0,5 % – в учебном заведении, на работе. Таким образом, среди учащейся молодежи преобладает домашне-гостевая форма приобщения к употреблению алкоголя (57,7 %), затем следует загородная приятельско-дружеская форма (14,5 %), уличная (10,1 %), клубно-развлекательная (4,4 %) и учебно-производственная (0,5 %). Структура мест первой пробы алкоголя практически одинаковая у различных половозрастных, учебных и поселенческих групп учащейся молодежи. Первое приобщение к употреблению алкоголя у учащейся молодежи происходит по их собственной инициативе (27,0 %), далее следуют друзья по учебе, работе (21,1 %), родственники (12,1 %), родители (11,4 %), знакомые (10,3 %), одноклассники (7,3 %). Таким образом, собственное желание и круг лиц из их ближайшего социального окружения подростка являются главными подстрекателями и инициаторами приобщения подростков к алкоголю.

Временная регулярность употребления алкогольных напитков является важным показателем уровня распространенности потребления алкоголя среди учащейся молодежи. Результаты исследования выявили, что 28,4 % респондентов вообще не употребляют алкоголь, 49,9 % – употребляют алкогольные

напитки один раз в месяц или реже или только по праздникам (эпизодически – от случая к случаю), 14,6 % – два-три раза в месяц (регулярно – достаточно часто), 6,3 % – один и более раз в неделю или практически ежедневно (систематически), 0,8 % – не ответило на данный вопрос. Таким образом, среди учащейся молодежи преобладает эпизодическое употребление алкогольных напитков (49,9 %), однако достаточно тревожно представлено регулярное и привычное употребление алкоголя (14,6 %) и имеет место даже систематическое его употребление (6,3 %, причем 1,1 % опрошенных употребляют алкоголь несколько раз в неделю, а 0,6 % – каждый день).

У учащейся молодежи можно выявить следующие группы причин употребления алкоголя: причины социально-культурного и социально-психологического характера (традиции отмечать семейные и другие праздники и торжества – 32,7 %, за кампанию – 17,2 %, заинтересовала реклама спиртных напитков и захотелось попробовать – 1,1 %); психологические причины (желание поднять настроение, для веселья и развлечения (22,5 %), чтобы расслабиться (16,8 %), чтобы отвлечься от проблем (8,9 %), чувствовать себя более уверенно при общении с противоположным полом – 2,7 %); причины личного характера (от скуки и безделья (3,0 %) и просто так, без всяких причин (3,0 %)); причины, связанные с физиологическими потребностями организма и особыми свойствами самого алкоголя: нравится вкус алкоголя (2,4 %) и желание утолить жажду (1,4 %).

Выявлены некоторые социально-демографические особенности в мотивации потребления алкоголя: традиции отмечать семейные и другие праздники и торжества больше присущи девушкам – 42,3 % и студентам вуза – 40,7 %; желание поднять настроение, для веселья и развлечения – чаще девушкам – 24,7 %, 20–21-летним – 37,1 %,студентам вуза – 31,0 %, городским учащимся – 23,3 %; за кампанию чаще 18–21-летним – 22,0 %, чтобы расслабиться – больше юношам – 18,6 %, 18–21-летним – 23,5–26,1 % и городским учащимся – 17,5 %; чтобы отвлечься от проблем – чаще учащимся лицея – 14,1 %. Чаще всего учащиеся употребляют алкоголь в гостях у друзей и знакомых (34,0 %), дома (26,0 %), на природе, за городом (18,4 %). Реже это происходит в баре и кафе (14,4 %) и в клубе, на дискотеке (12,4 %). Вместе с тем достаточно распространенным является употребление алкоголя на улице, во дворах и подъездах (10,7 %), значительно меньше – в учебном заведении и на работе (1,0 %). Таким образом, среди учащейся молодежи преобладают домашне-гостевая (60,0 %) и загородная дружеско-приятельская формы употребления алкогольных напитков (18,4 %).

Большинство учащихся, как показали данные опроса, употребляют алкоголь вместе со своими друзьями и знакомыми (59,4 %), с родителями (12,4 %) и другими родственниками (12,1 %), редко – в одиночестве (1,4 %) и с незнакомыми людьми (1,0 %). Опрос показал, что только у 16,3 % респондентов родители никогда не употребляли алкоголь. Большинство родителей употребляли алкоголь эпизодически и в меру (73,5 %), однако у 4,0 % – родители, по

мнению респондентов, злоупотребляли алкоголем. По данным опроса, большинство родителей подростков осведомлены о том, что их дети употребляют алкогольные напитки (48,3 %) и в два раза меньшее количество – не знают об этом (20,7 %). При этом, по оценкам большинства опрошенных учащихся (52,7 %), их родители негативно относятся к употреблению ими алкогольных напитков, однако 21,6 % полагают, что в этом нет ничего плохого.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что среди учащейся молодежи, которая употребляет алкоголь, примерно в равной степени представлены группы, которые в будущем хотели бы ограничить или даже вообще отказаться от употребления алкогольных напитков (26,9 %), и те, которые не намерены изменять свой стиль употребления алкоголя (22,4 %). При этом значительная часть учащихся не задумывается об этом (17,9 %).

Приобретение алкогольных напитков для почти половины учащихся не является сложным (42,4 %). Только 9,3 % респондентов указало, что приобретение алкоголя для них практически невозможно, а еще 11,5 % – что затруднено. Исследование выявило, что каждый второй подросток приобретает алкогольные напитки в магазине, киоске (37,2 %) или заказывает в кафе, баре (11,3 %). По данным опроса, у многих учащихся в связи с употреблением алкогольных напитков возникали различные социальные проблемы: проблемы с родителями (7,0 %), потасовки, драки (4,6 %), ссоры, споры (3,8 %), в отношениях с противоположным полом (3,8 %), проблемы с правоохранительными органами (2,4 %) и др.

Среди учащейся молодежи преобладает потребление слабоалкогольных напитков (пива, джин-тоник и т. п.) – 43,4 %, далее следует употребление алкогольных напитков средней крепости (шампанского, сухого вина и т. п.) – удельный вес составляет 33,4 %, однако имеет место и потребление крепких алкогольных напитков (водка, коньяк и т. п.) – 14,1 %. Таким образом, социологический опрос показал, что среди учащейся молодежи преобладает «пивная» (27,3 %) и «винная» (26,1 %) модели потребления алкоголя. Однако достаточно тревожно представлена и «водочная» модель потребления алкоголя (11,3 %), которая с медицинской точки зрения является наиболее вредной для здоровья формой потребления алкогольных напитков, вызывающая интенсивно прогрессирующий процесс алкоголизации и развития алкоголизма как биопсихологической патологии человека. Особенно опасным является раннее приобщение к употреблению крепких алкогольных напитков, что имеет место, по данным исследования, в возрасте 11–14 лет у 20,9 %, в возрасте 15–17 лет – у 18,9 %. Следовательно, выявлена устойчивая зависимость, что учащиеся, для которых характерна водочная модель потребления алкоголя, алкогольные напитки (пиво, вино и водку) начинают употреблять в 11–14-летнем возрасте. Учащиеся, практикующие пивную модель потребления алкоголя, начинают употреблять алкоголь чаще всего в 15–17 лет, а те, которым присуща винная модель потребления алкоголя – с 18–21 года. Это убедительно свидетельствует о вредности и даже пагубности для здоровья и образа жиз-

ни учащейся молодежи практики раннего приобщения к употреблению алкогольных напитков, а также практики водочной и пивной моделей потребления алкоголя (рис. 1).

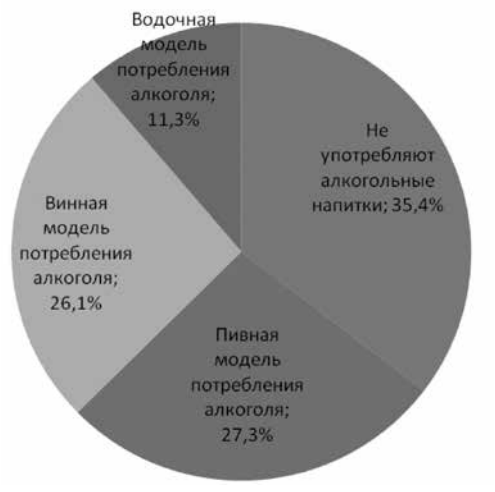


Рис. 1. Модель потребления алкоголя в зависимости от вида алкогольных напитков

Среди 49,9 % учащихся распространена модель эпизодического потребления алкоголя, среди 14,6 % – модель регулярного потребления алкоголя, а среди 6,3 % учащихся – модель систематического потребления алкоголя (рис. 2). Следовательно, для каждого пятого учащегося (20,9 %) характерны модели регулярного и систематического потребления алкоголя, то есть фак-

Рис. 2. Модель потребления алкоголя в зависимости от временной регулярности употребления алкогольных напитков

тически модель вредного потребления алкоголя и бытовое пьянство. Таким образом, социологическими методами выявлена явно выраженная тенденция перехода от модели эпизодического потребления алкоголя к модели вредного (регулярного и систематического) потребления алкоголя (бытового пьянства) среди учащихся-юношей, а также по мере взросления учащейся молодежи (особенно начиная с 18–19 лет) и изменения их социального статуса – перехода из категории учащихся школы, гимназии в категорию учащихся лицея, колледжа и студентов вуза.

По результатам социологического исследования выявлено, что среди учащейся молодежи преобладает культура традиционного потребления алкогольных напитков – 41,0 % и здоровый образ жизни, исключающий употребление алкогольных напитков – 24,5 %. Культура вредного потребления алкогольных напитков распространена среди 10,9 % учащихся (из них вредное эпизодическое потребление алкоголя – 8,5 %, вредное регулярное потребление алкоголя – 2,4 %), культура противоправного (деликтвентного) потребления алкогольных напитков – среди 20,1 % учащейся молодежи. Таким образом, культура вредного и противоправного потребления алкоголя распространена среди 31 % учащихся, что свидетельствует о достаточно высоком уровне алкоголизации учащейся молодежи и, следовательно, о наличии чрезвычайно тревожного социально-нравственного неблагополучия в образе жизни, которое представляет серьезную угрозу физическому, нравственному и социальному здоровью молодому поколению, а также национальной безопасности в демографической и социально-культурной сфере (рис. 3).

Выявленный на основе данных статистики и результатов проведенного социологического исследования высокий уровень потребления алкоголя среди учащейся молодежи обусловливает большую актуальность и социальную потребность разработки и практической реализации научно обоснованной

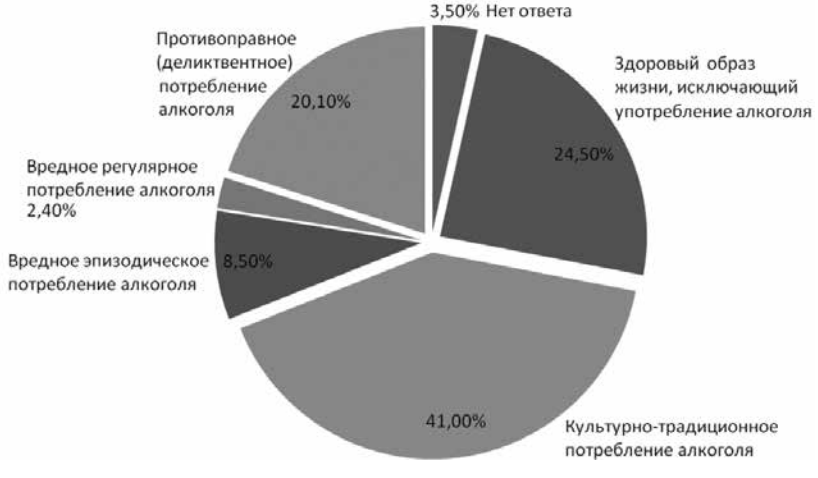


Рис. 3. Типы культуры потребления алкоголя среди учащейся молодежи

системы профилактики потребления алкоголя среди учащихся. Социальные программы и технологии антиалкогольной профилактической работы среди учащейся молодежи должны иметь не только системный и постоянно действующий характер, но также быть предметно-содержательными и дифференцированными с учетом как возрастных, гендерных, микросоциальных, духовно-нравственных, психологических и других особенностей, так и моделей и типологии культуры потребления алкоголя. Применительно к каждой категории учащейся молодежи антиалкогольная профилактическая работа должна иметь специализированный программно-целевой характер.

При разработке комплекса конкретных мероприятий по реализации системы профилактики среди учащейся молодежи необходимо учитывать не только природу потребления спиртных напитков, но также весь комплекс факторов, причин и условий, их обусловливающих. Наиболее эффективными мерами социальной и индивидуальной профилактики потребления алкоголя среди учащейся молодежи, по нашему мнению, являются следующие: развитие культуры досуга, массовой физкультуры, спорта и туризма; активная и широкая пропаганда здорового образа жизни, исключающего потребление алкоголя; распространение научных и научно-популярных знаний о вреде употребления спиртных напитков и негативных физических, социальных, нравственных и других последствиях злоупотребления алкоголем; уменьшение доступа молодежи к приобретению и потреблению спиртных напитков; запрет рекламы спиртных напитков, включая пиво, во всех СМИ и общественных местах; повышение возраста продажи крепких спиртных напитков до 21 года; создание эффективной системы социальной и индивидуальной профилактики потребления спиртных напитков среди учащейся молодежи; обеспечение оказания эффективной медицинской и социально-реабилитационной помощи лицам, злоупотребляющим спиртными напитками; содействие созданию молодежных общественных организаций по профилактике потребления спиртных напитков, развитие молодежного общественного движения «За здоровый образ жизни без алкоголя» и др.

E. W. PILIPENKO

STUDENT YOUTH'S PATTERNS OF DRINKING ALCOHOLIC BEVEREAGES

Summary

At the moment the problem of the spirits consumption among youth is extremely topical, future of Belarusian society to a large extent depends on modern youth's lifestyle. The aim of the article is the investigation of sociolcultural factors of the consumption of alcoholic beverages among student youth. On the basis of the data obtained during the research, recommendations on the reduction of spirits consumption and formation of youth's healthy lifestyle are suggested.

Keywords: student youth, healthy lifestyle, alcoholic beverages, consumption patterns, consumption regularity.

Поступила 21.09.2014 г.

УДК 316.772

Н. Л. БОЙКО,
кандидат социологических наук,
Институт социологии НАН Украины, г. Киев

ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УКРАИНСКИХ РЕАЛИЯХ

В статье исследуется интернет-активность пользователей в реалиях современного украинского общества. Рассматриваются основные смысловые сферы интернет-активности пользователей в сети. Фиксируется актуализация коммуникативных возможностей Интернета для жителей региона зоны АТО.

Ключевые слова: Интернет, интернет-активность, интернет-коммуникация.

Говоря о современных реалиях украинского общества, социологи отмечают, что «общество вошло в очередной глубокий системный кризис, самым ярким проявлением которого стали драматические события, которые начались осенью 2013 года на Майдане и потом расширились на другие регионы страны» [1, с. 5]. Социальные потрясения, происходящие в обществе, находят свой отзвук во всех сферах социальной жизни граждан, отражаясь и на особенностях интернет-активности украинских пользователей. Реальные события нынешнего времени актуализируют значимость всемирной сети, открывая все новые и новые возможности реализации потребностей и интересов пользователей посредством Интернета. Сегодня ведущие ТВ-новостей все чаще обращаются к Интернету как источнику важнейших, оперативных новостей и информации, которая поступает из непосредственных мест событий от очевидцев (пользователей сети) и содержит фото- и видеоматериалы свидетелей. Министры ведут страницы в «Фейсбуке», рассказывая о ситуации в стране и получая тысячи комментариев к своим постам. Полевые комбаты становятся известными после того, как их страницы в социальных сетях приобретают популярность и появляются тысячи подписчиков. Волонтеры в социальных сетях создают группы поддержки, собирая деньги на вооружение армии и помощь переселенцам. Ситуации в стране и ее последствиям еще предстоит дать оценку и политикам, и общественным деятелям, и ученым, однако влияние Интернета на ситуацию и события в стране нивелировать сегодня невозможно. Целью нашей статьи является освещение особенностей интернет-активности пользователей сети в условиях реалий современного украинского общества. При этом особенное внимание уделяется анализу активности пользователей, которые находятся непосредственно в зоне АТО (зона проведения

антитеррористической операции), на территориях ведения боевых действий (часть Луганской и Донецкой областей).

Наше исследование базируется на результатах мониторинга Института социологии НАН Украины. Выборка составляет 1800 человек и репрезентирует взрослое население Украины по основным социально-демографическим показателям. Отметим, что в 2014 г. опрос проводился на всей территории страны, кроме Автономной Республики Крым.

В 2014 г. распространение информационно-коммуникационных технологий засвидетельствовало непрерывный и активный рост, даже невзирая на кризисную ситуацию в стране (рис. 1).

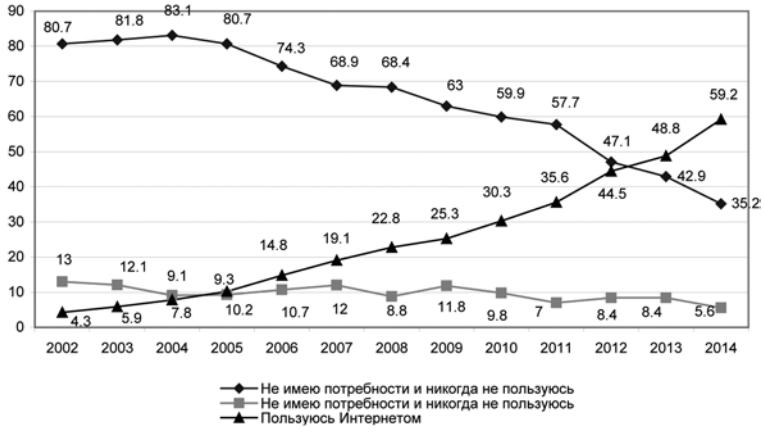


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Пользуетесь ли Вы Интернетом?»

Сегодня около 60 % взрослого населения страны активно пользуются Интернетом. Причем, по результатам мониторинга, в этом году произошло максимальное годовое приращение числа пользователей за все годы наших исследований. Аудитория украинских интернет-пользователей увеличилась почти на 10 % по сравнению с предыдущим годом.

Заметим, что самый решительный шаг в освоении интернет-пространства в 2014 г. сделало сельское население. Более 45 % жителей сельской местности стали пользователями сети, значительно (на 19 %) превысив данный показатель предыдущего года (в 2013 г. таких было 26,9 %) (рис. 2).

Состоялись ощутимые изменения и в наращивании регионального сегмента интернет-пользования. На сегодняшний день наименьшее число пользователей Интернета остается в западном регионе страны – 51,7 %, нарастив около 5 % пользователей за год. Другие регионы за год увеличили число пользователей Интернета на 10 % и более. В 2014 г. их количество в центральном регионе составило 58 %, в южном – 63,6 %, в восточном – 63 %. То есть практически все регионы страны являются активными пользователями Интернета.

Изучая особенности развития информационного общества и интернет-активности пользователей в Беларуси, О. В. Терещенко отмечает, что «навыки

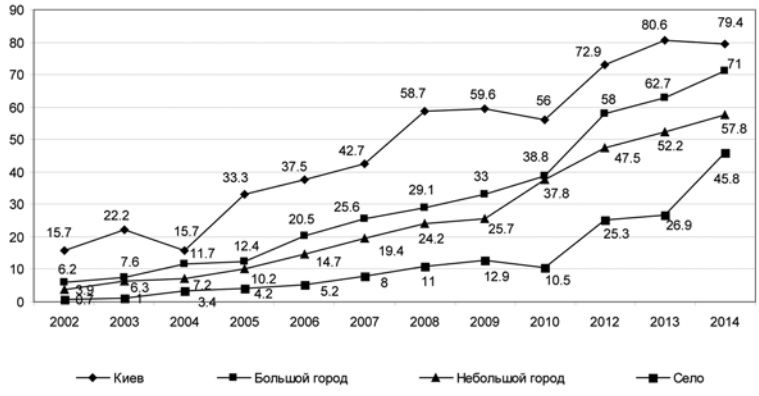


Рис. 2. Пользователи Интернета в разных типах поселений (%)

работы в Интернете позволяют пользователю решать широкий круг повседневных задач – рабочих, бытовых и досуговых» [2, с. 232]. Современные украинцы, как и белорусы, сегодня активно используют возможности сети для реализации своих потребностей и интересов.

Следует также отметить, что наши предыдущие исследования свидетельствуют о том, что любые экономические, политические, социальные кризисы изменяют качество и специфику использования сети. Так, например, кризис 2008–2009 гг. привел к существенному увеличению интернет-активности пользователей. Причем активизация использования сети наблюдалась практически во всех ключевых сферах целевой интернет-активности пользователей [3].

Анализ интернет-активности пользователей на протяжении более пяти лет, в том числе и с использованием факторного анализа, позволил нам выделить основные смысловые сферы интернет-активности пользователей сети [4]:

познавательно-профессиональная активность (образовательно/деловая) включила следующие акты интернет-активности пользователей в сети: знакомлюсь с последними новостями, текущей информацией; ищу информацию для учебы/повышения квалификации; ищу информацию, необходимую для выполнения профессиональных обязанностей; ищу информацию о вакансиях, возможностях трудоустройства; подрабатываю (создаю сайты на заказ, распространяю рекламу и тому подобное); посещаю сайты государственных, общественных структур и тому подобное;

познавательно-рекреационная активность: ищу информацию на темы, которые меня интересуют (кулинария, автомобили, садоводство, спорт, живопись и тому подобное); нахожу и читаю/переписываю в свою электронную библиотеку художественные книги; нахожу и слушаю/переписываю музыку, фильмы; общаюсь в чатах, iCQ, социальных сетях («Одноклассники», «В контакте» и тому подобное);

развлекательно-игровая активность – просто блуждаю по сети; играю в компьютерные игры онлайн;

социально-гражданская активность – участвую в форумах, конференциях; ищу единомышленников, партнеров для реализации новых идей, проектов, инициатив;

потребительская активность – ищу информацию о товарах/услугах; делаю покупки онлайн;

линейно-коммуникационная активность – пользуюсь электронной почтой; общаюсь с помощью специальных программ (Скайп, Сипнет и тому подобное).

Данное смысловое разделение сфер интернет-активности позволяет нам проанализировать особенности такой активности пользователей в реалиях социальной ситуации более детально. Основные общие тенденции изменения интернет-активности пользователей в 2014 г. отражены в табл. 1.

Таблица 1. **Динамика распределения ответов на вопрос: «С какой целью Вы используете Интернет?» среди пользователей сети (%)**

Варианты ответов	*2009 г. N = 452*	*2010 г. N = 544*	*2012 г. N = 799*	*2014 г. N* = 1063
Знакомлюсь с последними новостями, текущей информацией	47.8	49.1	52.5	58.8
Ищу информацию для учебы/повышения квалификации	42.7	39.3	32.8	25.2
Просто блуждаю по сети	21.2	28.3	28.5	26
Общаюсь в чатах, ICQ, социальных сетях («Одноклассники», «В контакте» и т. п.)	36.7	37.1	44.5	46.5
Принимаю участие в форумах, конференциях	6.2	8.3	8.0	6.4
Пользуюсь электронной почтой	47.8	48.2	45.2	40.9
Ищу информацию, нужную для выполнения профессиональных обязанностей	40.0	35.1	30.5	29.9
Нахожу и читаю/переписываю в свою электронную библиотеку художественные книжки	9.1	11.4	10.6	8.2
Ищу информацию на темы, которые меня интересуют (кулинария, автомобили, садоводство, спорт, живопись и т. п.)	48.7	43.6	45.2	45.2
Ищу информацию о вакансиях, возможностях трудоустройства	18.8	25.0	21.7	19.9
Нахожу и слушаю/переписываю музыку, фильмы	33.4	39.5	42.1	35.8
Играю в компьютерные игры онлайн	14.4	20.4	26.3	22.3
Ищу единомышленников, партнеров для реализации новых идей, проектов, инициатив	5.1	6.8	5.4	5.3
Общаюсь при помощи специальных программ (Скайп, Сипнет и т. п.)	11.5	17.3	32.2	31.6
Ищу информацию о товарах/услугах	19.9	28.5	31.2	28.1
Делаю покупки онлайн	5.1	7.0	16.2	17
Подрабатываю (создаю сайты на заказ, распространяю рекламу и т. п.)	1.5	3.3	2.3	2.2
Посещаю сайты государственных, общественных структур и т. п.	10.6	12.7	11.7	8.4
Другое *(напишите)*	1.1	0.6	1.1	1.4

Снизилась интернет-активность, связанная с использованием сети ради получения информации для повышения квалификации и учебы, а также снизилась познавательно-досуговая и развлекательно-игровая активность пользователей (позиции «нахожу и слушаю/переписываю музыку, фильмы»; «играю в компьютерные игры онлайн»). Вместе с тем повысилась, по сравнению с 2012 г., потребность получения разнообразной новостной информации из разных источников. В то же время потребительская активность в сети и линейно-коммуникационная активность остались практически неизменными. Хотя следует заметить, что тенденция относительно уменьшения пользования электронной почтой, которая наблюдалась в течение последних лет, не изменилась и в этом году. Такой результат может быть связан с тем, что функции электронной почты сегодня активно замещают такие интернет-ресурсы, как Скайп, социальные сети, чаты и тому подобное. Они обеспечивают неформальное и более оперативное взаимодействие пользователей, все чаще оставляя электронную почту для сугубо формального, делового общения и для разнообразных рассылок. Таким образом, как общую основную тенденцию реализации интернет-активности пользователей в 2014 г. можно обозначать увеличение потребности в получении актуальной новостной информации онлайн и сокращение реализации рекреационно-развлекательной активности в сети.

Ситуация в стране предполагает углубление анализа региональных особенностей интернет-активности в сети. И, в первую очередь, на наш взгляд, такой региональный анализ актуален именно для тех областей Украины, которые сегодня находятся в чрезвычайных условиях физического и эмоционально-психологического выживания, оказавшись в эпицентре боевых, социально-экономических, социально-политических потрясений.

Региональное распределение областей Украины в мониторинге Института социологии НАН Украины следующее: «Запад» включает Волынскую, Закарпатскую, Ивано-Франковскую, Львовскую, Ровненскую, Тернопольскую и Черновицкую области, «Центр» – Винницкую, Житомирскую, Киевскую, Кировоградскую, Полтавскую, Сумскую, Хмельницкую, Черкасскую области, «Юг» – Запорожскую, Николаевскую, Херсонскую, Одесскую области и Крым. И восточный регион включает Днепропетровскую, Харьковскую, Донецкую и Луганскую области. Заметим, что для анализа особенностей интернет-активности пользователей в зоне АТО было выделено более мелкое региональное распределение респондентов. Восточный регион был разделен на две группы – в первую группу (Восток) вошли Днепропетровская и Харьковская области восточного региона, на территории которых не происходит боевых действий. Вторая группа (Донбасс) включила Донецкую и Луганскую области, на территории которых сегодня ведутся боевые действия, нарушено привычное социальное, экономическое и политическое территориальное функционирование. Для анализа влияния деструктивной ситуации на интернет-активность в нашем исследовании сравнивались региональные особенности интернет-активности пользователей в 2012 и 2014 гг. (табл. 2).

Таблица 2. **Особенности распределения ответов на вопрос: «С какой целью Вы используете Интернет?» среди пользователей сети по региональному признаку (%)**

Варианты ответов	Запад		Центр		Юг		Восток		Донбасс		ВСЕГО	
	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014
Знакомлюсь с последними новостями, текущей информацией	49.6	60.7	50.8	60.5	49.5	55.0	50.0	66.9	61.9	50.0	52.2	58.8
Ищу информацию для учебы/повышения квалификации	31.6	19.7	38.8	29.6	24.8	29.8	31.6	28.9	31.0	14.1	33.0	25.2
Просто блуждаю по сети	30.8	27.5	25.6	26.8	26.6	31.6	25.4	27.7	31.7	16.3	27.7	26.0
Общаюсь в чатах, ICQ, социальных сетях («Одноклассники», «В контакте» и т. п.)	39.1	31.5	44.6	44.5	42.2	47.4	49.1	50.0	46.8	60.9	44.3	46.5
Принимаю участие в форумах, конференциях	7.5	4.5	8.9	7.2	6.4	6.4	7.9	6.0	8.7	7.1	8.1	6.4
Пользуюсь электронной почтой	40.6	31.5	45.0	43.6	46.8	40.9	36.0	48.8	46.8	37.5	43.4	40.9
Ищу информацию, нужную для выполнения профессиональных обязанностей	28.6	27.5	33.3	28.2	28.4	38.6	28.1	34.3	28.6	23.4	30.1	29.9
Нахожу и читаю/переписываю в свою электронную библиотеку художественные книжки	12.8	6.7	10.1	10.2	10.1	8.2	7.0	8.4	11.1	5.4	10.3	8.2
Ищу информацию на темы, которые меня интересуют (кулинария, автомобили, садоводство, спорт, живопись и т. п.)	51.9	40.4	41.1	49.4	39.4	45.6	49.1	52.4	46.8	34.8	45.0	45.2
Ищу информацию о вакансиях, возможностях трудоустройства	20.3	17.4	22.1	21.8	28.4	21.1	20.2	24.1	18.3	13.6	21.8	19.9
Нахожу и слушаю/переписываю музыку, фильмы	51.1	36.5	40.3	35.4	32.1	36.3	42.1	44.0	42.1	28.3	41.6	35.8
Играю в компьютерные игры онлайн	33.1	20.2	21.3	22.7	22.0	17.5	21.1	30.1	31.0	21.2	25.1	22.3
Ищу единомышленников, партнеров для реализации новых идей, проектов, инициатив	3.8	4.5	6.2	6.1	7.3	5.3	7.0	4.2	3.2	5.4	5.5	5.3

Окончание табл. 2

Варианты ответов	Запад		Центр		Юг		Восток		Донбасс		ВСЕГО	
	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014
Общаюсь при помощи специальных программ (Скайп, Сипнет и т. п.)	36.1	32.6	28.3	26.2	33.9	29.2	28.9	30.1	30.2	44.6	30.9	31.6
Ищу информацию о товарах/услугах	30.8	27.5	35.3	26.2	26.6	31.0	28.9	33.7	28.6	24.5	31.1	28.1
Делаю покупки онлайн	12.8	14.6	17.8	17.4	19.3	17.5	9.6	16.9	17.5	17.9	15.8	17.0
Подрабатываю (создаю сайты на заказ, распространяю рекламу и т. п.)	3.0	0.6	0.4	3.3	4.6	1.2	3.5	3.6	2.4	1.1	2.3	2.2
Посещаю сайты государственных, общественных структур и т. п.	9.0	6.2	14.0	8.3	9.2	11.7	7.9	10.2	11.1	6.0	10.9	8.4
Другое *(напишите)*	0.8	0.6	1.2	2.2	0.9	0.6	0.0	0.6	3.2	2.2	1.2	1.4

Результаты анализа в 2014 г. засвидетельствовали определенные отличия интернет-активности жителей Донбасса по сравнению с жителями других регионов страны. Жители Донбасса, как и жители других регионов страны, снизили интернет-активность, связанную с использованием сети ради получения информации для повышения квалификации и учебы, а также познавательно-досуговую и развлекательно-игровую активность в сети. При этом особенностью региона стало то, что эта активность была уменьшена в разы по сравнению с другими регионами. Однако состоялись и изменения в интернет-активности жителей Донбасса, которые сегодня кардинально отличают их активность в сети от активности в сети пользователей других регионов. Так, в отличие от жителей других регионов, интернет-пользователи Донбасса существенно снизили использование Интернета для ознакомления с последними новостями, текущей информацией. Вместе с тем существенно увеличилась по сравнению с другими регионами интернет-активность жителей Донбасса, связанная с возможностями общения и коммуникации в сети, как непосредственно с помощью специальных программ (Скайп, Сипнет и др.), так и опосредованно – через социальные сети, форумы, чаты и т. п. Причем следует отметить, что такая коммуникация – это не дискутирование по политическим вопросам, а, прежде всего, гражданское взаимодействие с целью решения проблем эффективной адаптации в новых условиях существования. Так, например, группа «Взаимовыручка в Донецке», созданная в «Фейсбуке», четко очерчивает свои задачи, подчеркивая отсутствие политических дискуссий и постов на ее странице. Только насущные вопросы и реальная помощь в их решении.

Интернет-коммуникация реально помогает пользователям узнавать о последних новостях непосредственно от очевидцев и участников событий; отыскивать единомышленников, партнеров для реализации определенных

инициатив; находить сочувствие, поддержку и помощь. В конечном итоге, иногда именно общение в социальных сетях становится едва ли не единственной возможностью для родных узнать о том, что происходит с их родственниками в зоне АТО. Там, например, жительница Риги узнала о гибели своей родственницы (Татьяны), жительницы Донецка, через интернет-общение с ее одноклассником, который сообщил ей эту грустную новость через социальную сеть. Общаясь в «Фейсбуке» со своими друзьями 14.09.2014, рижанка, рассказывая об этих печальных событиях, отмечала следующее: «Ингвилда, я выше написала уже, что связаться с ними (родственниками. – *Авт.*) не могу. Телефон молчит. Вся связь была у нас через Таню в “Одноклассниках”. А Интернет был у нее на работе. Потому подробностей не знаем. Приятель их семьи живет не в Донецке, он нашел мою дочку в “Одноклассниках” и написал ей. Но я с ним пока тоже не смогла связаться. Не выходит больше на связь».

М. Кастельс, рассматривая особенности функционирования виртуальных сообществ и коммуникаций, отмечает, что «большинство вкладов во взаимодействие являются спорадическими, большинство людей входят в сети и выходят из них, когда их интересы меняются или ожидания остаются неосуществленными» [5, с. 342]. Однако именно такой формат коммуникации и взаимодействия является актуальным для ситуации в стране сегодня. Люди ищут поддержки и помощи в решении неотложных, насущных проблем. И именно интернет-коммуникация с ее возможностями реализации «слабых связей» выступает оптимальной формой для их решения. Напомним, что принцип «силы слабых связей» был предложен и обоснован М. Грановеттером и заключается в том, что информация и возможности передаются по слабым связям гораздо быстрее и эффективнее, чем через близких друзей, поскольку у людей со слабыми связями меньше общих контактов [6].

Активизация использования определенных возможностей сети жителями Донбасса свидетельствует о важной роли интернет-коммуникации в решении многих болевых вопросов и проблем, которые возникают в кризисных условиях существования. Причем следует заметить, что пользователь не идет на поводу у сети, а делает активный личностный выбор использования сети для своих актуальных жизненных потребностей на данный момент. Подтверждается идея М. Кастельса о том, что «люди приспосабливают Интернет к своему образу жизни, а не меняют свое поведение под воздействием технологии» [7, с. 128]. И спор о том, что Интернет является лишь инструментом, модернизирующим современный мир, а не втягивает человека в свою виртуальную реальность, получает еще одно подтверждение. Результаты исследования еще раз доказывают, что Интернет в современном мире – это не самоценность, а многогранный надежный инструмент, который модернизирует, делает более комфортной современную жизнь, повышая эффективность решения человеком жизненно важных в данных реалиях и обстоятельствах задач и проблем.

Литература

1. *Шульга, М. О.* Методологічні проблеми дослідження кризового соціуму / М. О. Шульга // Вектори змін українського суспільства / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – Київ : Ін-т соціології НАН України, 2014. – 446 с.

2. Терещенко, О. В. Измерение информационного общества и цифрового неравенства / О. В. Терещенко // Социальное знание и современные проблемы развития белорусского общества : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 21–22 ноября 2013 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси ; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2013. – С. 228–233.

3. *Бойко, Н.* Долучення до Інтернет-мережі як фактор розширення індивідуальних можливостей адаптації / Н. Бойко // Українське суспільство 1992–2009. Динаміка соціальних змін / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – Київ : ІС НАНУ, 2009. – С. 276–283.

4. *Бойко, Н. Л.* Структураційні ознаки перебування в мережі Інтернет / Н. Л. Бойко // Стан та динаміка змін: соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. – Київ : Ін-т соціології НАН України, 2012. – С. 466–473.

5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; [пер. с англ. ; под науч. ред. О. И. Шкаратана]. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

6. *Грановеттер, М.* Сила слабых связей / М. Грановеттер // Экон. социология. – 2009. – № 4. – С. 31–50.

7. *Кастельс, М.* Інтернет-галактика. Міркування щодо Інтернету, бізнесу і суспільства : пер. з англ. / М. Кастельс. – Київ : Ваклер, 2007. – 304 с.

N. L. BOIKO

INTERNET ACTIVITY IN MODERN UKRAINIAN REALITIES

Summary

The paper investigates the online activity of users in the realities of modern Ukrainian society. The basic semantic sphere of the Internet activity of users in the network. Fixed relevance of communicative possibilities of the Internet for residents of region of zone ATO.

Keywords: internet, internet activity, internet communication.

Поступила 17.10.2014 г.

УДК 316.772

О. Н. ФАБЛИНОВА,
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПОВЕДЕНИЕ В ИНТЕРНЕТЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Статья посвящена изучению поведения индивида в виртуальном пространстве. В публикации разграничиваются понятия «информационное поведение», «медиаповедение», «интернет-поведение», рассматриваются способы изучения интернет-поведения индивидов, а также представлены классификации интернет-пользователей.

Ключевые слова: информационное поведение, медиаповедение, интернет-поведение, интернет-пользователь.

Появление и широкое распространение Интернета изменило жизнь современного индивида до неузнаваемости. Интернет открыл перед пользователями широчайший диапазон возможностей (общение вне территориальных границ и временных рамок, оперативность получения и передачи информации, различного рода развлечения, возможность совершать покупки, проводить платежи, не выходя из дома) и скрытых угроз (кража личных данных, интернет-зависимость). В связи с этим возросло внимание к поведению индивида в виртуальном пространстве. При этом сразу стоит отметить, что на сегодняшний день в отношении подобного рода поведения используются такие термины, как «информационное поведение», «медиаповедение», «интернет-поведение».

Работы М. Дж. Бейтс, Р. С. Тэйлор, Н. Дж. Белкин, Е. В. Кулаковой, Ю. Н. Дрешер, Т. А. Атлановой, Р. А. Павлюка, Г. Б. Паршуковой, М. А. Щедриной, Н. В. Коксиной и других авторов посвящены изучению *информационного поведения индивидов*. Т. Д. Вилсон дает ему следующее определение: «Информацонное поведение – это поведение индивида в отношении источников и каналов информации, включая как активный, так и пассивный поиск информации, а также ее использование. Таким образом, оно включает в себя как межличностную коммуникацию, так и пассивное восприятие информации, например, при просмотре телевизионной рекламы без какого-либо намерения действовать на основании нее» [1, p. 49]. По мнению М. Дж. Бейтс, информационное поведение – термин, используемый для описания множества способов взаимодействия людей с информацией, в частности, того, каким образом люди запрашивают и используют информацию [2]. Р. А. Павлюк понимает под информационным поведением «способ действий, совокупность усилий, применяемых для получения, обработки и усвоения имеющейся информации» [3]. Ю. Н. Дрешер и Т. А. Атланова трактуют информационное поведение как

«образ действий, совокупность усилий, предпринимаемых человеком для получения – усвоения и использования – создания нового знания, его передачи и распространения в обществе» [4]. Согласно Г. Б. Паршуковой, информационное поведение определяется мотивационным (наличие мотива, побуждающего к поиску соответствующей информации, т. е. информационной потребности), аналитическим (уровень знаний о предмете информационного поиска), образовательным (уровень подготовки интернет-пользователя по поиску информации, знание информационных систем) и технологическим (знания в отношении технологии информационного поиска) факторами [5, с. 13].

Изучением *медиаповедения* занимаются М. В. Жижина, И. В. Жилавская, И. В. Задорин. Так, М. В. Жижина понимает под медиаповедением «форму социального поведения личности в различных медиаконтекстах – медиавосприятие, медиапотребление, медиапроизводство» [6]. И. В. Жилавская, в свою очередь, предлагает следующее определение: «Медиаповедение – это опосредованная система психических, физических и социальных действий индивида или сообщества, сложившаяся в результате их взаимодействия с медиасредой, направленная на самореализацию личности и удовлетворение ее информационных и коммуникативных потребностей», а также «медиаповедение – это все то, что человек делает или не делает по отношению к медиа» [7].

И. В. Жилавской также принадлежит классификация медиаповедения. Автор вычленяет два его типа: формализованное («поведение, которое проявляется с высокой степенью стандартизации, при сформированных условиях и с предсказуемым результатом» и регулируется официальными структурами) и информальное («появляется вследствие личной мотивации человека к восприятию мира, это его нацеленность и способность к самоорганизации и самоопределению. Индивид как медиасубъект выступает источником информации и потребителем ее») [7]. В структуре формализованного медиаповедения И. В. Жилавская выделяет активное (характеризуется самостоятельностью в принятии решения по поводу получаемой информации, субъективным выбором, выраженной жизненной позицией), реактивное (реагирование на месседж) и индифферентное медиаповедение (не подразумевает ответа на поступающую информацию, вплоть до нулевого уровня активности и полной бездеятельности). Кроме того, И. В. Жилавская различает медиаповедение субъектов СМИ (журналистов, публичных людей) и медиаповедение объекта воздействия (аудитория) [7].

М. В. Жижина выделяет активные (обращение к медиа с конкретной целью) и пассивные (обращение к медиа по привычке, инерции) мотивы обращения индивида к медиа. При этом активность субъектов может быть социально ориентированной (коммуникативная, мотивация сотрудничества, взаимодействия) и личностно ориентированной (направлена на решение собственных задач: развлекательная, познавательная, самопрезентационная и т. п.). На основе доминирующей мотивационной направленности М. В. Жижина различает такие типы медиапотребителей, как эмоционально центрированный тип

(доминирующая цель – развлекательная, гедонистическая), коммуникационно центрированный (доминирующая цель – коммуникация, самопрезентация), информационно-центрированный (доминирующая цель – познавательная, профессионально-деловая), смыслоориентационно-центрированный тип (доминирующая цель – идентификационная, познавательная, но в плане познания самого себя) [8].

Терминологическому определению *«интернет-поведения»* в научной литературе уделяется не столь много внимания, как понятиям «информационное поведение» или «медиаповедение». Как правило, под ним понимается поведение интернет-пользователей, т. е. индивидов, имеющих доступ к получению услуг с использованием Интернета.

При этом интернет-поведение можно классифицировать по целям выхода в Интернет на развлекательное, поисковое, презентационное, коммуникационное и т. п. Также интернет-поведение может быть активным (участие в написании контента) и пассивным (чтение, просмотр фильмов и т. д. без создания собственного контента); безопасным/опасным; интернет-зависимым/интернет-независимым; осознанным/неосознанным (по привычке); анонимным/неанонимным; корректным/некорректным (в том числе – противоправным).

Изучение интернет-поведения пользователей включает в себя изучение частоты выхода в Интернет, устройств выхода, частоты посещения различных интернет-ресурсов, интересующей тематики, продолжительности пользовательской сессии, продолжительности нахождения на странице и т. д. Особое внимание зачастую уделяется интернет-покупкам (частота покупок, знание интернет-магазинов, категории приобретаемых товаров, способы оплаты и доставки, критерии выбора интернет-магазинов, места поиска информации о товаре и магазинах, публикация отзывов и т. д.), что обусловлено интересом к такой информации со стороны заказчиков – производителей и продавцов товаров.

Для сбора информации о поведении интернет-пользователей используются как традиционные опросные методы, так и статистика посещаемости сайтов. При этом важно осознавать, что некритическое отношение к возможностям опросных методов или статистики неоправданно. Так, при использовании опросных методов всегда есть вероятность умалчивания респондентом каких-либо предпочтений, возможность забывания им чего-либо и т. п. Однако и статистические данные не всегда корректны. Так, высокая продолжительность нахождения на сайте может быть вызвана как интересным контентом, так и сложной манерой подачи материала или же вовсе отлучением индивида от монитора компьютера; имеются сложности с идентификацией пользователя и т. п. В связи с этим наиболее правильный подход – комбинирование опросов и анализа статистических данных.

Обычно информация об интернет-поведении индивидов анализируется сквозь призму их социально-демографических характеристик: пол, возраст, образование, уровень дохода и т. д. Однако в последнее время все большее внимание стало уделяться построению моделей поведения интернет-пользователей [11].

Так, Н. М. Ищук классифицирует интернет-пользователей следующим образом:

1) «Консюмер» (не может представить свою жизнь без Интернета, любит читать различную информацию, не отдавая предпочтение определенным информационным ресурсам);

2) «Энафист» (характеризуется требовательным и избирательным отношением к сетевым медиа и коммуникации в Интернете);

3) «Просьюмер» (не только потребляет информацию в сети, но и создает текстовый, графический контент, испытывает потребность высказать свою позицию, мнение) [9].

Еще одна классификация интернет-пользователей в зависимости от присущей им модели поведения была предложена сотрудниками компаний «Booz-Allen Hamilton» и «Nielsen//NetRatings Inc». В ее основе такие показатели, как продолжительность пользовательской сессии, количество посещаемых сайтов, время нахождения на сайте, количество открываемых страниц, время нахождения на странице:

1) «Торопливые» («Quickies»): короткая продолжительность пользовательских сессий (около 1 минуты), среднее количество просматриваемых сайтов 1–2 (при этом сайты пользователю знакомы, на просмотр одной страницы тратится около 15 секунд);

2) «Искатели фактов» («Just the Facts»): средняя продолжительность сессии – 9 минут, нахождение на странице не превышает 30 секунд. Как правило, посещаются сайты электронной коммерции, интернет-магазины;

3) «Выполнение какой-либо одной миссии» («Single Missions»): цель выхода в Интернет – решение определенной задачи или поиск конкретной информации, средняя продолжительность сессии длится 10 минут, характерно посещение незнакомых сайтов, входящих в какую-либо категорию. Продолжительность нахождения на странице 1,5 минуты;

4) «Повторные посетители» («Do It Again»): продолжительность пользовательской сессии около 14 минут, высокая продолжительность просмотра страниц (2 минуты), в 95 % случаев время проводится на сайтах, которые ранее посещались не менее четырех раз;

5) «Бесцельный серфинг» («Loitering»): в среднем продолжительность сессии составляет 33 минуты, высокая продолжительность просмотра страниц (2 минуты), основная цель выхода в Интернет – отдых, новостные сайты, сайты с играми, другими развлечениями;

6) «Любители информации» («Information Please»): высокая продолжительность сессий (37 минут), цель – углубленное изучение какой-либо информации, поиск ведется по множеству сайтов (около 20), как правило, хорошо известных пользователям;

7) «Просто серфинг» («Surfing»): максимальная по сравнению с другими моделями поведения продолжительность сессии (70 минут), посещение большого количества сайтов (около 45). Время нахождения на странице длится

порядка минуты, изучение информации обширное, но поверхностное, неглубокое. Как правило, посещаемые сайты – интернет-магазины, онлайн-сообщества, новостные сайты [10].

Сотрудники компании «Google» предложили классификацию поведенческих моделей *мобильных пользователей*, в основе которой лежит мотивация выхода в Интернет:

1) «Поиск повторяющихся данных (в реальном времени)» («Repetitive Now»): использование мобильных приложений для поиска текущей, обновляющейся и повторяющейся информации, чтобы оставаться в курсе событий. Как правило, это просмотр одного и того же типа данных, но в разные даты и промежутки времени (прогноз погоды, скидки, результаты спортивных состязаний);

2) «Действия от скуки» («Bored Now»): поведение пользователей, которым нужно просто «убить время», чем-то занять себя, развлечься, пока они ожидают. Характеризуется кратковременным подключением к сети и социальным сервисам с помощью мобильного устройства;

3) «Появление срочной необходимости» («Urgent Now»): данная модель поведения присуща пользователям, которым нужно получить доступ или информацию, и которые очень ограничены по времени. Как правило, они ищут информацию, которая чувствительна ко времени суток, социальному или пространственно-временному контексту [11].

Кроме того, в газете «The New York Times» по результатам исследования, проведенного «The New York Times Customer Insight Group» под руководством Б. Бретта, была представлена классификация *интернет-пользователей, которые делятся информацией* посредством сети:

1) «Альтруисты» (ими движет желание помочь другим, желание, чтобы другие знали, о чем они беспокоятся);

2) «Карьеристы» (делятся профессиональным контентом, внимательны к своим репостам, поддерживают крепкую сеть профессиональных контактов);

3) «Хипстеры» (обмен информацией в сети – важная составляющая их идентичности: любят быть первыми, находить что-то новое и интересное, хотят общаться);

4) «Бумеранги» (делятся контентом, чтобы получить от других ответную реакцию, для них важно признание; старше, богаче и профессиональнее, чем хипстеры, но для них также важно быть первыми в предоставлении информации);

5) «Коннекторы» (делятся, чтобы быть на связи; любят развлекательный контент; зачастую – женщины);

6) «Селекторы» (делятся информацией, если считают, что это будет полезно; обычно отправляют информацию определенному лицу) [12; 13].

Довольно распространены классификации *интернет-покупателей.* Так, Э. Шейд выделяет 5 типов интернет-покупателей: 1) «Продукто-центрированные» («Product focused»); 2) «Браузеры» («Browsers»); 3) «Исследователи»

(«Researchers»); 4) «Завсегдатаи распродаж» («Bargain hunters»); 5) «Разовые покупатели» («One-time shoppers») [14]. Е. А. Петрик различает среди тех, кто совершает покупки в Интернете, «Любителей поторговаться»; «Действующих по принципу облегчения жизни»; «Склонных к сравнению»; «Действующих из любопытства» [15]. Представители компании «Flexo-Hiner» определили следующие модели поведения интернет-покупателей: 1) «Одиночки»; 2) «Циники»; 3) «Домоседы»; 4) «Сторонники автоматизации». При этом среди тех, кто не совершал(ает) покупки в Интернете, выделяются: 1) «Ищущие информацию»; 2) «Действующие из любопытства» [15].

Таким образом, информационное поведение, медиаповедение и интернет-поведение находятся в объективе научных исследований в области социальных наук. Довольно часто все три термина используются применительно к поведению в сети. Однако их все же стоит разводить. Так, информационное поведение – это поведение индивида в информационной среде, то есть в пространстве, в котором генерируется, хранится, обрабатывается и распространяется информация, а также осуществляются все формы информационного взаимодействия в обществе; медиаповедение – поведение индивида в медиасреде, то есть в семиотическом контексте его жизнедеятельности, совокупности сообщений, передаваемых средствами массовой информации и коммуникации, доступных различным целевым аудиториям; интернет-поведение – поведение индивида в интернет-среде, то есть в окружающей индивида в Интернете действительности, характеризующейся нелинейностью, искусственным созданием, глобальностью, единством, непрерывностью. Таким образом, информационное поведение является более широким понятием, чем медиаповедение, которое, в свою очередь, шире термина «интернет-поведение».

Сегодня в абсолютном большинстве случаев интернет-поведение изучается с целью стимулирования продаж товаров/услуг у определенной целевой аудитории, для чего не только фиксируются отдельные параметры поведения (продолжительность сессий, частота выхода в интернет и т. п.), но и делаются обобщения, выстраиваются определенные модели поведения интернет-пользователей. Однако информация об интернет-поведении пользователей может быть использована не только в коммерческих, но и в социально значимых целях. Например, для выявления интернет-зависимости, для формирования культуры безопасного поведения пользователей в сети через отправку просветительских месседжей, дифференцированных и поданных с учетом специфики целевой аудитории и т. п.

Литература

1. *Wilson, T. D.* Human Information Behavior / T. D. Wilson // Special Issue on Information Science Research. – 2000. – Vol. 3, № 2. – P. 49–55.

2. *Bates, M. J.* Information Behavior [Electronic resource] / M. J. Bates // UCLA Graduate School of Education & Information Studies. – 2010. – Mode of access: http://pages.gseis.ucla.edu/faculty/bates/articles/information–behavior.html. – Date of access: 28.09.2014.

3. *Павлюк, Р. А.* Генезис понятия «информационная компетентность» в контексте непрерывного педагогического образования [Электронный ресурс] / Р. А. Павлюк // Гуманитар. науч. исслед. – 2014. – Режим доступа: http://human.snauka.ru/2014/01/5529. – Дата доступа: 10.09.2014.

4. *Дрешер, Ю. Н.* Изучение информационных потребностей и информационного поведения специалистов в структуре деятельности по обеспечению комфортной информационной среды [Электронный ресурс] / Ю. Н. Дрешер, Т. А. Атланова // Научная электронная библиотека ГПНТБ России. – 2005. – Режим доступа: http://ellib.gpntb.ru/subscribe/index.php?journal=ntb&year=2005&num=11&art=1. – Дата доступа: 10.09.2014.

5. *Паршукова, Г. Б.* Информационное поведение библиотекарей: проблемы и пути формирования / Г. Б. Паршукова // Библиосфера. – 2007. – № 2. – С. 13–15.

6. *Жижина, М. В.* Медиаповедение в объективе социальных наук [Электронный ресурс] / М. В. Жижина // Психология и социология. – 2012. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/17_AVSN_2012/Psihologia/12_112318.doc.htm. – Дата доступа: 15.09.2014.

7. *Жилавская, И. В.* Медиаповедение личности. Обретение смысла [Электронный ресурс] / И. В. Жилавская // Медиаскоп. – 2011. – Режим доступа: http://www.mediascope.ru/node/786. – Дата доступа: 20.09.2014.

8. *Жижина, М. В.* Исследование взаимосвязи социальных представлений о масс-медиа с медиаповедением личности [Электронный ресурс] / М. В. Жижина // PR Info. – 2011. – Режим доступа: http://www.pr-info.ru/stisslvzaimosviazsocioprlichn24042013.htm. – Дата доступа: 15.09.2014.

9. *Ищук, Н. М.* Стратификация общества как катализатор демассификации социальных коммуникаций [Электронный ресурс] / Н. М. Ищук // Мир лингвистики и коммуникации. – 2013. – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/033/08_33.pdf. – Дата доступа: 20.09.2014.

10. *Beard, M.* The seven models of web behavior [Electronic resource] / M. Beard // Media Life. – 2001. – Mode of access: http://www.medialifemagazine.com:8080/news2001/apr01/apr09/2_tues/news5tuesday.html. – Date of access: 20.09.2014.

11. *Мельник, А.* Три основных модели поведения мобильных пользователей [Электронный ресурс] / А. Мельник. – 2012. – Режим доступа: http://ain.ua/2012/04/23/81976. – Дата доступа: 12.09.2014.

12. The Psychology of Sharing. Why Do People Share Online? [Electronic resource] // Slideshare. – 2011. – Mode of access: http://www.slideshare.net/gunbal/the-psychology-of-sharing-why-do-people-share-online. – Date of access: 19.09.2014.

13. *Sonderman, J.* 5 reasons people share news & how you can get them to share yours [Electronic resource] / J. Sonderman // Poynter. – 2011. – Mode of access: http://www.poynter.org/latest-news/media-lab/social-media/139716/5-reasons-people-share-news-how-you-can-get-them-to-share-yours/. – Date of access: 19.09.2014.

14. *Schade, A.* Designing for 5 Types of E-Commerce Shoppers [Electronic resource] / A. Schade // Nielsen Norman Group. – 2014. – Mode of access: http://www.nngroup.com/articles/ecommerce-shoppers. – Date of access: 21.09.2014.

15. *Петрик, Е. А.* Интернет-маркетинг [Электронный ресурс] / Е. А. Петрик // Alleng. – 2004. – Режим доступа: http://www.alleng.ru/d/mark/mark009.htm. – Дата доступа: 12.09.2014.

O. N. FABLINOVA

WEB BEHAVIOR AS A SUBJECT OF STUDY OF SOCIAL SCIENCES

Summary

The article is dedicated to the study of individual behavior in the virtual space. The author of the publication differentiates the concepts of «information behavior», «media behavior», «web behavior», examines the ways of studying web behavior of individuals, as well as presents the classification of Internet users.

Keywords: information behavior, media behavior, web behavior, Internet user.

Поступила 30.09.2014 г.

УДК 316.772.4:659

В. С. ПОДВАЛЬСКАЯ,
аспирантка Института социологии НАН Беларуси, г. Минск

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕКЛАМЫ: СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

В статье анализируются особенности исследования рекламы через призму структурно-функционального, интеракционистского и интегративного подходов в социологии.

Ключевые слова: реклама, структурный функционализм, символический интеракционизм, феноменология, социокультурные системы, структурация, «колонизации жизненного мира», структуралистский конструктивизм.

Реклама имеет давнюю историю, но объектом теоретического осмысления в рамках социологии стала только в начале XX в. Впервые концепт рекламы в систему социологического научного знания ввел немецкий ученый В. Зомбарт. В своей работе «Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь» автор дал социологическое обоснование генезису рекламы как социального явления. Ученый характеризует рекламу как развившуюся в систему погоню за покупателем, а в качестве основания для формирования рекламного института рассматривает распространение «спекулятивного» способа ведения хозяйства, отличительной чертой которого является необходимость привлечь внимание клиентуры и увлечь ее за собой [1, с. 98, 587]. Таким образом, реклама в работе В. Зомбарта трактуется как необходимое социальное явление в условиях развития предпринимательской деятельности.

Дальнейшее социологическое изучение рекламы касалось исследования различных аспектов данного феномена. Среди множества социологических теорий, применяемых к исследованию рекламы, можно выделить структурно-функциональный, интерпретативный и интегративный подходы.

Структурно-функциональный анализ основывается на рассмотрении общества как целостной системы, состоящей из структурных элементов, которые вносят определенный вклад в воспроизводство и поддержание системы. Рассмотрение рекламы в рамках данного подхода осуществляется через призму понятий «социальный институт» и «функция». Основоположник структурного функционализма Т. Парсонс определяет социальный институт как систему стандартизированных ожиданий, определяющих «правильное» поведение личности, исполняющей некоторую социальную роль. Процесс институционализации социолог рассматривает как институционализацию ролей. «Институционализированная роль» позволяет преодолеть социально неже-

лательные «крайности», а также выступает гарантией поддержки действию, соответствующему социальным ожиданиям [2]. Любой социальный институт с внешней стороны представляет собой комплекс формальных и неформальных правил, упорядочивающих важные для общества практики; с внутренней стороны – устойчивую, нормативно закрепленную совокупность социальных ролей и статусов, позволяющих обеспечить повторяемость важной для общества практики. Назначение рекламы как социального института заключается в упорядочивании процесса формирования индивидуальных, групповых и общественных представлений об идеальной модели социальной практики в сфере потребления, а также предложении путей реализации этой модели для отдельного человека, группы, общества в целом. Выполнение этой роли возможно в силу того, что реклама представляет собой определенную систему нормативно закрепленных статусов и ролей [3, с. 106].

Т. Парсонс выделяет три типа социальных институтов в зависимости от функций, реализуемых в рамках института. Это «ситуационные» институты (связаны с определенными ситуациями акторов), инструментальные (сформированы ради достижения определенных целей) и «интегрирующие» (ориентированы на избежание конфликтов или достижение позитивной кооперации) [2]. В концепции Т. Парсонса реклама более всего отвечает критериям инструментального института, однако активно выполняет и интегрирующие функции. Среди инструментальных функций рекламы необходимо отметить, прежде всего, влияние на экономическое поведение. К интегрирующим функциям рекламы относятся содействие социализации, воздействие на интеграцию и дифференциацию общества, его демократизацию.

Реклама может быть рассмотрена в рамках функциональной теории о явных и латентных функциях американского социолога Р. Мертона. Исследователь определяет явные функции как объективные последствия, которые входили в намерения и осознавались участниками системы, в отличие от латентных функций, которые не входили в измерения и не были осознаны [4]. Исходя из терминологии автора, явные функции рекламы лежат в области ее товарного дискурса, а латентные функции относятся к культурно-исторической сфере и носят интегративный характер. Однако, в отличие от Т. Парсонса, который рассматривал только положительные функции, направленные на поддержание целостности системы, Р. Мертон писал и о дисфункциях – «наблюдаемых последствиях, которые уменьшают приспособление или адаптацию системы» [4]. Так, неправильное рекламное воздействие может привести, применяя терминологию Мертона, к «непредвиденным последствиям социальных действий» вплоть до провоцирования социального конфликта.

Таким образом, в рамках структурно-функционального подхода реклама рассматривается как социальный институт общества, изучается место и функции рекламы в целостной социальной системе.

В основе интерпретативного подхода в социологии лежит интерпретация поведения людей, выявление их мотивов, смыслов, вкладываемых ими в дей-

ствия. Рассматривая рекламу в рамках данного подхода, необходимо взять за основу анализа концепцию основателя символического интеракционизма Дж. Мида. С точки зрения исследователя, в основе конструирования общества и индивида лежит совокупность процессов взаимодействия при помощи символов, важнейшие из которых представлены в языке. Для поддержания целостности общества символьная система должна восприниматься и разделяться одинаково всеми людьми. Каждый вовлеченный в интеракцию индивид должен уметь интерпретировать значения, что происходит на основе принятия человеком установок других людей по отношению к себе. На основе этого формируется единая установка, которая определяется Дж. Мидом как установка «обобщенного другого» [4]. Последователь Дж. Мида американский социолог Г. Блумер выразил это в следующей форме: смысл предмета для личности обусловлен тем, как другие люди действуют в отношении этой личности, имея в виду данный предмет [4]. Результатом взаимного учета значений является общее символическое определение ситуации. Именно реклама играет большую роль в смысловой интерпретации предметов и формировании единого символического поля. Реклама соотносит предметы повседневного мира человека с конструированными ею образами. Г. Блумер отмечает, что массовая реклама, обращаясь к анонимному индивиду, концентрирует внимание на новых значимых символах [4]. В массовом сознании рекламные образы, сливаясь в единое целое, употребляются как картина мира, где обладание вещами создает ощущение прямой связи с реальностью. Таким образом, благодаря рекламе все большее количество людей начинает понимать мир одинаково. При этом в рамках данного подхода социальная роль рекламы проявляется в интеграции общества через утверждение в массовом сознании коллективных представлений о потреблении.

К анализу рекламы могут быть применены принципы феноменологической социологии А. Шюца. Центральным понятием его концепции является понятие «жизненный мир», которое исследователь определяет как мир повседневного знания и деятельности, поток переживаний, отраженных в социальных символах и значениях [5]. Мир человека одновременно субъективен (т. е. сконструирован самим человеком) и интерсубъективен (т. е. сконструирован социальным окружением). Люди на базе органов чувств воспринимают различные объекты как феномены, т. е. имеющие типичные характеристики. Одним из каналов коммуникации социального окружения с человеком является реклама, которая активно участвует в процессе формирования феноменов. А. Шюц отмечал, что для типизации объектов каждый человек использует свою шкалу измерения, которая передается ему «домашней» группой. Как следствие, люди, принадлежащие к различным социальным группам, видят объекты по-разному, а их повседневное знание и образ жизни отличаются. Так возникают различия между «мы – группой», в которой человек чувствует себя комфортно, и «они – группой», члены которой вызывают недоверие и опасение, поскольку они иначе конструируют и интерпретируют социальную реальность [5, с. 282–283].

Ученики А. Шюца П. Бергер и Т. Лукман подчеркивали, что созданный в процессе социализации интерсубъективный мир необходимо поддерживать, объясняя и оправдывая социальную реальность. Главными агентами в этом процессе являются «значимые другие», в качестве которых выступают отдельные люди или социальные группы, от мнения которых зависит поведение человека [6, с. 88]. Роль «значимых других» в настоящее время активно выполняют рекламные образы.

Таким образом, рассмотрение рекламы в рамках феноменологического подхода позволяет оценивать эффективность рекламного сообщения с точки зрения соответствия сконструированной в рекламном сообщении социальной реальности социальным ожиданиям той группы, на которую ориентирована реклама.

Особый интерес приобретает рассмотрение рекламы в рамках интегративного подхода, который направлен на преодоление противоречий между макросоциологией, акцентирующей внимание на исследовании социальных систем и процессов, и микросоциологией, концентрирующей внимание на поведении индивидов.

Ярким представителем интегративного подхода является создатель теории социокультурных систем русско-американский социолог П. Сорокин. Центральной темой в творчестве ученого выступает социокультурная динамика, которая представляется как поочередная смена социокультурных суперсистем – идеациональной, идеалистической и чувственной. Социокультурные суперсистемы интегрируют в себе все проявления человеческой жизнедеятельности и отличаются друг от друга господствующими ценностями. Идеациональная культура ориентирована на духовные ценности, чувственная – на материальные, идеалистическая суперсистема представляет собой синтез идеациональной и чувственной форм с преобладанием идеациональных элементов [7, с. 64–67]. Применение подхода П. Сорокина к анализу рекламы дает возможность выявить стилевые особенности рекламы определенного исторического периода, поскольку для успешного функционирования и стимулирования потребления реклама должна ориентироваться на господствующую в обществе ценностную доминанту. Именно она в большей степени определяет характер рекламного сообщения по набору аргументов, мотивации, стилевым особенностям.

Реклама может быть рассмотрена в рамках теории структурации Э. Гидденса. Центральной идеей автора является теорема о дуальности структуры. Структура, с одной стороны, может проявляться в виде регулярно воспроизводящихся правил и ресурсов, характерных для определенного времени и пространства, с другой стороны – в виде «отпечатков» социальной практики в памяти индивидов, что и позволяет продолжать воспроизводить социальную жизнь во всем многообразии [8, с. 69]. Таким образом, именно социальная практика, разворачивающаяся во времени и пространстве, является основой формирования как субъекта, так и социального объекта. Практики или при-

вычные действия являются структурными элементами социальных систем, создание которых возможно в силу способности акторов к рационализации и рефлексии своих действий. В своих практиках люди основываются на дискурсивном и практическом сознании. Практическое сознание представляет собой нерефлексивное знание, которое индивид умело применяет при реализации той или иной линий поведения. Дискурсивное сознание представляет собой рассудочный, понятийный уровень сознания [8, с. 93–94].

Таким образом, в рамках теории структурации весьма перспективным является изучение воздействия рекламы на формирование дискурсивного и, главное, практического сознания социального актора, т. к. именно им поддерживается большая часть повседневных действий человека.

Особый интерес представляет рассмотрение рекламы в рамках концепции «колонизации жизненного мира» Ю. Хабермаса. Центральными понятиями данной концепции являются «система» и «жизненный мир». Они неразрывно связаны и зависят друг от друга. Однако, по мнению автора, в современном мире равновесие между ними нарушено. «Система» как процессы, которые гарантируют оформленность социального взаимодействия, стабильность и устойчивость форм, стремится подчинить себе мир смыслов и значений, образующихся в интерсубъективной повседневной коммуникации (автор определяет это как «жизненный мир»), подменяя процесс согласования общих целей процессом манипулирования и коммуникации (см. по: [9, с. 41]). «Система» и «жизненный мир» взаимодействуют или противостоят в пространстве публичной сферы. Публика, при этом, может быть рассеяна в разных местах, но слышима друг другу благодаря СМИ, прежде всего прессе. Однако в обществе постмодерна институты СМИ становятся подконтрольны рынку и властным структурам, т. е. «системе», и награждают определенные группы властью и структурой. Политическое участие публики сводится к молчаливому потреблению медиапродукта. Граждане пользуются сервисами государственных структур и принимают на себя роль потребителя, ожидая очередного решения со стороны властных институтов. Такие тенденции формируют «манипулятивную» публичную сферу, создаваемую рынком и властными институтами для легитимации существующего социального порядка (см. по: [9, с. 47]).

Таким образом, в рамках теории Ю. Хабермаса система массовых коммуникаций и реклама как ее форма становятся одним из инструментов «колонизации жизненного мира».

К анализу рекламы может быть применена еще одна концепция интегративного подхода – концепция структуралистского конструктивизма П. Бурдьё. Центральным понятием данной концепции является понятие «габитус» как система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления [10, с. 102]. Будучи продуктом некоторого типа объективной регулярности, габитус склонен порождать общепринятые манеры поведения, которые являются положительно санкционированными, поскольку они

объективно приспособлены к логике, характерной для определенного поля деятельности. Габитус производит практики и представления, поддающиеся классификации. Таким образом, в реакции человека есть нечто типическое, т. е. человек склонен поступать определенным образом в конкретных жизненных ситуациях. Как следствие, возникает система кодов, которые предназначены для поддержания идентичности в рамках позиции, занимаемой в социальном пространстве. Результатом является устойчивая предрасположенность агента признавать и выполнять практики, присущие определенному социальному полю. При этом поле представляет собой сеть отношений между позициями, связанными некоторой структурой.

Габитус рекламной деятельности порождает устойчивые регулярные практики, направленные на создание рекламных сообщений в соответствии с объективными характеристиками и субъективными представлениями рекламной аудитории, на распространение этих сообщений в аудитории с целью инкорпорирования содержания сообщений в индивидуумов, составляющих рекламную аудиторию. Одновременно переданное рекламное сообщение участвует в формировании габитуса рекламной аудитории, позволяя ей идентифицироваться в соответствии с позицией в социальном пространстве в поле потребления [3, с. 144–145].

Интегративный подход П. Бурдьё позволяет осуществлять операциональное исследование рекламы, а также дает методологические предпосылки для детализации алгоритма социального воздействия рекламы.

Таким образом, реклама может быть рассмотрена в рамках структурно-функционального, интерпретативного и интегративного подходов. В рамках первого подхода реклама рассматривается как социальный институт общества с присущими ему функциями. Согласно интерпретативному подходу, реклама представляет собой систему распространения в обществе стандартных представлений, смыслов, кодов, применяемых в социальном взаимодействии. Интегративный подход объединяет в себе представления структурно-функционального и интерпретативного подходов. Взаимодополняющее применение указанных подходов позволяет выработать наиболее оптимальную интерпретационную модель рекламы и осуществить всесторонний анализ рекламы как неотъемлемого явления современного общества.

Литература

1. *Зомбарт, В.* Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь : пер. с нем. / В. Зомбарт. – М. : Айрис-пресс, 2004. – 624 с.

2. *Парсонс, Т.* О структуре социального действия [Электронный ресурс] / Т. Парсонс. – 2000. – Режим доступа: http://www.studfiles.ru/preview/594214/page:1/. – Дата доступа: 20.09.2014.

3. *Савельева, О. О.* Социология рекламного воздействия / О. О. Савельева. – М. : РИП-холдинг, 2006. – 284 с.

4. Американская социологическая мысль : тексты [Электронный ресурс] / под ред. В. И. Добренькова. – 1994. – Режим доступа: http://www.smolsoc.ru/images/referat/a1882.pdf. – Дата доступа: 20.09.2014.

5. *Шюц, А.* Смысловая структура повседневного мира : очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов ; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой / А. Шюц. – М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.

6. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Д. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

7. *Сорокин, П. А.* Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин ; пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.

8. *Гидденс, Э.* Устроение общества. Очерки теории структурации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Академ. Проект, 2005. – 528 с.

9. *Романов, П. В.* Публичная сфера: теория, методология, кейс стади / П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова. – М. : Вариант, 2013. – 360 с.

10. *Бурдьё, П.* Практический смысл : пер. с фр. / П. Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с.

V. S. PADVALSKAYA

SOCIOLOGICAL APPROACHES TO A STUDY OF ADVERTIZING: NATURE AND SPECIFICITY

Summary

A specificity of study advertizing through the lenses of structural and functional approach, interactional approach and integrative approach in sociological science are analyzed in th article.

Keywords: advertizing, structural and functional approach, symbolic interactionism, phenomenological approach, social and cultural systems, structuration, «colonization of the life-world», structural constructivism.

Поступила 20.10.2014 г.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОСНОВАТЕЛЯ БЕЛОРУССКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ НАУКОВЕДЕНИЯ ДОКТОРА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ГЕННАДИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА НЕСВЕТАЙЛОВА

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАУКОВЕДЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Официальной датой организационного оформления науковедческих исследований в Беларуси можно считать 7 октября 1976 г., когда решением Президиума Академии наук Белорусской ССР в Институте физики АН БССР было создано новое структурное подразделение – сектор науковедения. Инициатива создания этого подразделения принадлежала стоявшему у истоков зарождавшегося нового научного направления кандидату технических наук Г. А. Несветайлову (04.03.1939–28.06.1999), в те годы ученому секретарю Института тепло- и массообмена имени А. В. Лыкова АН БССР.

Неоценимую помощь в обосновании принятого решения оказал родоначальник киевской науковедческой школы, член-корреспондент Академии наук Украинской ССР, доктор экономических наук Г. М. Добров, выступивший в декабре 1975 г. на заседании Президиума АН БССР с докладом «Науковедение как наука о науке».

Идею образования белорусской науковедческой исследовательской ячейки поддержал президент Академии наук БССР академик Н. А. Борисевич. По его предложению в Институте физики был создан сектор науковедения, а его руководителем назначен Г. А. Несветайлов.

Создание сектора науковедения с двойным подчинением – Президиуму АН БССР и Институту физики – положило начало комплексным междисциплинарным исследованиям развития науки в Беларуси.

В 1979 г. вышел из печати первый сборник научных трудов сектора «Вопросы управления исследованиями и разработками». В том же году в Минске в академическом издательстве «Наука и техника» увидела свет и первая науковедческая монография Г. А. Несветайлова «Наука и ее эффективность».

Процесс становления белорусского науковедения в те годы постоянно находился в центре внимания Президиума Академии наук БССР. Президиум не только регулярно заслушивал подготовленные сектором доклады о результатах анализа развития науки в республике и Академии наук, но и периодически обсуждал конкретные вопросы организации работы сектора науковедения: подготовку и повышение квалификации кадров, материально-техническое

и информационное обеспечение, научно-методическую и коммуникационную деятельность.

В начале 1982 г. постановлением Бюро Президиума АН БССР сектор науковедения был переведен из Института физики в Институт экономики АН БССР – головную организацию по разработке прогнозных аналитических оценок республиканской Комплексной программы научно-технического прогресса (КП НТП) и его социально-экономических последствий на двадцатилетнюю перспективу. При этом сектор науковедения Института экономики был определен головным подразделением по сводному разделу «Наука» КП НТП в Беларуси.

На базе сектора (позднее отдела науковедения) Института экономики АН БССР продолжил свою работу и созданный при нем постоянно действующий открытый городской семинар по науковедению. На семинаре выступали в качестве докладчиков многие белорусские специалисты, для которых наука была объектом исследований или сферой их управленческой деятельности. В течение долгого времени, в 1970-е и 1980-е гг., семинар объединял в рамках науковедения белорусских историков и экономистов, философов и социологов, правоведов и психологов.

Процесс развития белорусской науковедческой школы сопровождался защитами диссертаций и присуждением ученых степеней кандидатов экономических наук сотрудникам и аспирантам отдела науковедения В. И. Недилько, А. А. Слонимскому, В. А. Карелиной, В. Г. Василеге, Е. В. Гуриной. Заметными вехами стал выход из печати монографических изданий: В. И. Недилько «Интенсификация науки: содержание и планово-финансовые факторы» (1984), А. А. Слонимского «Региональный научный комплекс: формирование и организация управления» (1990), коллективного труда «Научный потенциал республики» (В. Г. Василега, В. Г. Гринченко, В. Ф. Ермаков и др., под ред. Г. А. Несветайлова (1991)).

Г. А. Несветайлов разработал и реализовал программу исследований по проблемам организации фундаментальных исследований в академической науке. Результаты этой работы в 1986 г. были опубликованы в его широко известной монографии «Интенсификация академической науки в условиях союзных республик».

Период так называемой горбачевской перестройки стал очередным этапом в смене направлений исследований отдела науковедения. В 1990 г. он был передан из Института экономики в созданный в структуре Академии наук БССР Институт социологии с преобразованием в отдел социологии науки. Следует отметить, что к этому времени в отделе уже был накоплен определенный опыт проведения социологических исследований в сфере науки, некоторые сотрудники имели публикации в научных социологических изданиях, являлись участниками симпозиумов, конференций и других мероприятий по социальным аспектам развития науки и проблемам эффективного использования научных кадров.

В 1990 г. Г. А. Несветайлов защитил докторскую диссертацию на соискание ученой степени доктора социологических наук на тему «Социально-эко-

номический механизм обновления академической науки», в которой раскрыл проблемы трансформации белорусской науки в условиях перестройки.

Этап зрелости белорусского науковедения как научного направления совпал с периодом становления Республики Беларусь как суверенного государства. Науковеды оказались востребованными в этом процессе. Часть из них была призвана в органы управления республики, другие остались в сфере науки и были в той или иной мере задействованы в научном обосновании законодательной и нормативной правовой базы развития научной и научно-технической деятельности. С их участием разрабатывались Закон Республики Беларусь «Об основах государственной научно-технической политики», Закон Республики Беларусь «О научной деятельности», ряд других программных документов и концепций развития сферы науки и инноваций. Результаты науковедческих исследований, таким образом, получили реализацию в разработке основ государственной научной и инновационной политики республики.

С целью выявления новых подходов к преобразованиям в сфере организации фундаментальных и поисковых исследований и подготовки соответствующих предложений органам государственного управления Г. А. Несветайлов публикует целый ряд проблемных статей: «Научные кадры – что там впереди?», «Утечка умов: за и против», «Концепция выживания науки: надеяться на лучшее, готовиться к худшему», в которых рассматриваются возможные сценарии развития научно-технического потенциала республики.

Социологические исследования науковедов получили мощный импульс при реализации в 1995–1997 гг. международного проекта «Трансформация научных кадров в странах Центральной и Восточной Европы», одним из лидеров которого был Г. А. Несветайлов. С его участием как редактора был подготовлен и издан труд «Transforming Science and Technology Systems – the Endless Transition?» («Трансформация научной и технологической систем – бесконечное преобразование?»). Г. А. Несветайлов являлся членом Европейской ассоциации исследований науки и техники (EASST), в 1996 г. был избран заместителем руководителя секции «Наука и техника для развития» Европейской ассоциации исследований развития и подготовки кадров (EADI), являлся членом редколлегии международного журнала «Наука и науковедение». Биография Г. А. Несветайлова была опубликована издательством A. N. Marquis (США) в 15-м издании справочника «Кто есть кто в мире».

Признанием заслуг белорусской науковедческой школы научным сообществом стало присуждение ее представителям Г. А. Несветайлову и А. А. Слонимскому совместно с киевскими коллегами из Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки Национальной академии наук Украины Б. А. Малицким, Е. В. Авсеневым, И. Ю. Егоровым премии президентов академий наук Украины, Беларуси и Молдовы в области гуманитарных наук 1997 года за цикл совместных социально-экономических исследований «Трансформация науки и научной политики в странах с переходной экономикой (1991–1997 гг.)».

Свидетельством продуктивности последнего этапа научной деятельности Г. А. Несветайлова стала защита кандидатской диссертации по социологии науки его учеником И. Н. Шарым (1999) с последующим выходом авторской монографии («Научная политика в переходный период» (2001)).

Посмертно, в 2004 г., вышла зарубежная монография «От системной трансформации к европейской интеграции. Наука и технология в Центральной и Восточной Европе в начале XXI века», изданная в Германии под редакцией профессора В. Меске. В этом фундаментальном труде опубликован раздел Г. А. Несветайлова и его учеников «Беларусь: трансформация научно-технической системы», в котором отражены особенности первой фазы трансформационных процессов в науке Беларуси – стратегии выживания.

После ухода из жизни руководителя отдела социологии науки Г. А. Несветайлова в результате ряда преобразований создан Центр мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии НАН Беларуси. Это направление прикладных науковедческих исследований оказалось наиболее востребованным в современных социально-экономических условиях Беларуси и успешно развивается под руководством М. И. Артюхина, последователя и преемника Г. А. Несветайлова.

Другие представители минской школы науковедения реализуют свой индивидуальный научный потенциал при выполнении ряда исследований и разработок, востребованных практикой. Их взаимоотношения приобрели характер «незримого колледжа» – коммуникационной структуры интеллектуального труда, для которой первостепенное значение имеют коммуникации, недетерминированные принадлежностью к институциональной структуре. Взамен групповой активности школы, объединенной исследовательскими программами сектора науковедения, консолидация учеников и последователей Г. А. Несветайлова, работающих в разных организациях, основана на общем подходе к анализу социально-экономических факторов развития науки, сходстве сформировавшихся профессиональных интересов и используемых методик, взаимных ссылках на статьи и монографии, а также обмене копиями публикаций.

Вспоминая основателя белорусской научной школы науковедения Г. А. Несветайлова, хочется отметить его выдающиеся лидерские качества, чувство нового, нестандартность, системность его мышления, коммуникативные качества, готовность к новаторским изменениям. В памяти своих коллег и учеников он навсегда останется как непререкаемый авторитет и научный лидер.

Воспитанники научной школы Г. А. Несветайлова: В. И. Недилько, А. А. Слонимский, В. А. Карелина, В. Г. Василега, Е. В. Гурина, О. В. Максимова, М. И. Артюхин, И. Н. Шарый.

Руководитель Центра мониторинга миграции
научных и научно-педагогических кадров
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат философских наук М. И. Артюхин

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАУКА И ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ», ПРОШЕДШЕЙ В г. МИНСКЕ 16–17 ОКТЯБРЯ 2014 г.

Наука – образование – общество: новые формы взаимодействия и интеграции

16–17 октября 2014 г. прошла Международная научно-практическая конференция «Наука и общество: история и современность». Организаторами конференции выступили Институт социологии НАН Беларуси и Отделение гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси при поддержке и участии Научного совета по науковедению Международной ассоциации академий наук.

В работе конференции приняли участие ученые Беларуси, России, Украины и Армении. На форуме рассмотрены проблемы взаимоотношения науки, общества и государства, интеграции академического и вузовского секторов науки с реальным сектором экономики; проблемы воспроизводства кадрового потенциала науки и высшей школы. Особое внимание уделено проблеме молодежи в науке и ее социальной защищенности.

В приветственном слове академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя остановился на основных направлениях модернизации белорусской науки и системы ее управления, которые определены Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на встрече с ведущими белорусскими учеными. Национальная академия наук должна быть максимально интегрирована в экономику страны и стать реальным источником модернизации наукоемкого производства и создания отечественных высоких технологий. А. А. Коваленя обратил внимание на задачу повышения роли социальных и гуманитарных наук в инновационном развитии современного белорусского общества. В настоящее время особенно повышается экспертно-аналитическая функция гуманитарной науки. Необходимо усилить связь гуманитарной науки с современными социально-экономическими процессами и обеспечить органы государственного управления не только прогнозно-аналитическими материалами, но и конкретными предложениями по развитию экономики и социальной сферы республики.

На пленарном заседании было заслушано 12 докладов, с которыми выступили известные белорусские и зарубежные ученые – экономисты, социологи и науковеды. Тематика докладов касалась как теоретического осмысления инновационного развития белорусской экономики и научной сферы, так и рас-

смотрения отдельных аспектов развития постсоветской науки. При этом особое внимание было уделено проблемам взаимодействия науки и общества в условиях глобализации и мирового экономического кризиса, а также роли человеческого капитала в инновационном развитии экономики, науки и общества.

Роль экономической науки в формировании инновационной экономики и в определении стратегической перспективы ее развития до 2030 г. раскрыли в своих докладах директор Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси С. М. Дедков и директор ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», доктор экономических наук, профессор А. Е. Дайнеко.

Советник НАН Беларуси, академик НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор П. Г. Никитенко в своем докладе «Ноосферная экономика и фондоэффективная модель устойчивого социально-экономического развития» главное внимание уделил освещению роли и места науки в формировании инновационной экономики, экономики знаний.

В докладе директора ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», доктора социологических наук, профессора И. В. Котлярова «Белорусская социология как наука: этапы становления и перспективы развития» были определены задачи современной белорусской социологии и пути решения актуальных проблем белорусского общества. Докладчик призвал социологов повысить прогнозную и консалтинговую функцию социологической науки и возродить заводскую социологическую службу.

В докладе «Наука в информационном обществе», с которым выступил директор ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», кандидат философских наук, доцент А. А. Лазаревич, были раскрыты сущность и основные черты трансформации науки и ее функций в информационном обществе.

Академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор Е. М. Бабосов в докладе «Человекомерность – перспективный принцип развития науки» показал, что наука в XXI в. все более отчетливо превращается в человекомерную. Соответственно в современном инновационном обществе, базирующемся на экономике знаний, возрастающую роль призваны выполнять и достижения в области социально-гуманитарных наук. Все это актуализирует возрастающую значимость комплексных исследований созидательной роли человеческого капитала в развитии экономики и других сфер человеческой жизнедеятельности.

О состоянии и оптимальных путях использования человеческого капитала в сферах науки и образования шла речь в докладе заведующей отделом экономической социологии Института социологии НАН Беларуси, доктора философских наук, профессора Г. Н. Соколовой. Эту же тему затронул в своем докладе «Проблемы подготовки научных кадров в НАН Беларуси в современных условиях» ректор ГУО «Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси», кандидат физико-математических наук, доцент В. В. Шкурко. Докладчик показал проблемы развития института белорусской аспирантуры

и на примере НАН Беларуси – некоторые негативные тенденции в деятельности академической аспирантуры и докторантуры.

В организации конференции принял активное участие Научный совет МААН по науковедению, члены которого выступили с докладами на ней. В докладе заведующего отделом проблем деятельности и развития НАН Украины Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины О. А. Грачева были представлены современное состояние, достижения и перспективы дальнейшего развития Национальной академии наук Украины. О таком негативном явлении, как чрезмерная бюрократизация научной деятельности, шла речь в докладе заведующего отделом системных исследований научно-технологического потенциала Центра исследований научно-технического потенциала и истории науки НАН Украины, доктора экономических наук, профессора А. С. Поповича. Говоря о важности задачи развития международного научного сотрудничества постсоветских стран, докладчики отметили большую роль в этом процессе Международной ассоциации академий наук, инициатором создания и бессменным президентом которой является академик НАН Украины и РАН, президент НАН Украины Б. Е. Патон. Украинские науковеды предложили поддержать МААН, которая призвана способствовать повышению престижа труда ученых, созданию системы государственных гарантий поступательному развитию постсоветской науки, недопущению разрушительных процессов, наблюдаемых в последнее десятилетие в сфере науки стран СНГ.

На конференции работали три секции. На секции «Наука – образование – общество: новые формы взаимодействия и интеграции» были рассмотрены вопросы: наука и общество: новые аспекты взаимодействия; роль и место науки в формировании инновационной экономики, экономики знаний; наука и образование: новые формы взаимодействия и интеграции; новый уровень интеграции организаций науки, высшего образования и инновационных структур в подготовке высококвалифицированных кадров, проведении совместных научных исследований, разработке и реализации научно-технических и инновационных проектов; зарубежный опыт интеграции науки и образования.

На секции «Кадровый потенциал науки: проблемы воспроизводства и перспективы развития» в докладах участников конференции прозвучала следующая проблематика: воспроизводство кадрового потенциала белорусской науки – возможности и вызовы; научные школы и их роль в развитии кадрового потенциала науки; проблемы подготовки научных кадров высшей квалификации (аспирантура, докторантура, соискательство); научная диаспора как ресурс развития научной и образовательной сфер страны метрополии; кадровая политика в научной сфере и пути ее совершенствования.

В последние годы в Беларуси в качестве приоритетного направления определена задача совершенствования молодежной политики. Проблемы молодежи в науке постсоветских стран и пути совершенствования молодежной поли-

тики в научной сфере нашли отражение в работе секции «Молодежь в науке». Докладчики в своих выступлениях обратили внимание на следующие проблемы: развитие инновационного потенциала научной молодежи; смена научных поколений; профессиональное становление молодых ученых и их карьерный рост; социальная защищенность молодого ученого.

В рамках конференции Совет молодых ученых НАН Беларуси и Отделения гуманитарных наук и искусств провели круглый стол «Стратегия развития советов молодых ученых научных организаций и основных направлений их деятельности», в котором приняли участие председатели советов молодых ученых научных организаций НАН Беларуси и НАН Украины. В своих выступлениях они затронули проблемы становления такого молодежного органа самоуправления в науке, как Совет молодых ученых, а также рассмотрели пути повышения его роли в развитии молодежных инициатив и расширении реального участия научной молодежи в управлении наукой.

Конференция завершилась встречей дирекции Института социологии НАН Беларуси и членов ученого совета с зарубежными участниками конференции по вопросам расширения международного научного сотрудничества и установления плодотворных связей по конкретным научных направлениям.

Конференция выявила значительный интерес к науковедческой проблематике, она способствовала обмену мнениями по широкому кругу вопросов взаимоотношения науки, общества и государства. Результаты конференции позволили скорректировать и наметить новые направления научно-исследовательской деятельности по решению актуальных теоретических и прикладных задач науковедения и социологии науки. Материалы конференции, которые будут изданы отдельным сборником, поспособствуют дальнейшему развитию белорусской научной школы науковедения и социологии науки, у истоков которой стоял известный науковед Г. А. Несветайлов, 75-летие которого мы недавно отметили.

Руководитель Центра мониторинга миграции
научных и научно-педагогических кадров
Института социологии НАН Беларуси,
кандидат философских наук М. И. Артюхин

ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРНЕТА: ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ», ПРОШЕДШЕЙ В г. МИНСКЕ 21 НОЯБРЯ 2014 г.

Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного общества. Интернет – это не просто новая технология, позволяющая общаться вне обычных пространственных границ и временных ограничений. Это еще и новое информационное пространство, а для многих – среда обитания, новая форма реальности.

Интернет – важный источник оперативной информации, которая используется как для мониторинга новостей, так и поиска аналитических материалов. Все большей популярностью пользуются профессиональные сетевые сообщества.

Интернет стал перспективной площадкой для бизнеса и одним из наиболее эффективных каналов маркетинга и рекламы для большинства компаний и организаций.

В силу наличия спроса в Беларуси стремительно растет пропускная способность внешних каналов доступа во всемирную сеть: 2009 г. – 23 Гбит/с, 2010 г. – 67 Гбит/с, 2011 г. – 200 Гбит/с, 2012 г. – 350 Гбит/с, 2013 г. – 480 Гбит/с.

Интернет является актуальной платформой для проведения досуга. Компьютерные игры приобретают все большую популярность: например, в России игровой рынок за два года продемонстрировал рост в 1,5 раза, при этом оборот игрового рынка в 2012 г. составил 1,3 млрд долл. и продолжает расти. Среди резидентов Парка высоких технологий в Беларуси работают компании – разработчики игр, пользующихся мировой известностью.

Стремительно растет охват белорусского населения Интернетом. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, если в 2009 г. на 1000 человек населения приходилось 467 абонентов всемирной сети, то в 2013 г. – уже 996 абонентов.

За последние четыре года в Беларуси в 2 раза выросла численность населения, использующего стационарный доступ в Интернет, и в 2,5 раза – использующих беспроводной доступ. В итоге на конец 2013 г. более 8,5 млн белорусов были абонентами Интернета.

Рост интернет-аудитории подтверждают и данные социологических исследований, проводимых Институтом социологии НАН Беларуси в режиме мониторинга. Они показывают, что если в 2005 г. лишь около 8 % городских жителей Беларуси, кроме минчан, получали информацию о событиях в стране и мире из Интернета, то в 2013 г. этот показатель увеличился до 60 %. Этап

стремительного нарастания пользователей пройден, и интернет-аудитория уже будет прирастать незначительно.

Однако социологи могут не только выявлять и прогнозировать численность интернет-пользователей, но и рассказать нам о том, что недоступно статистике:

Для чего белорусы используют Интернет?

Каким интернет-источникам доверяют?

В какие онлайн-игры играют?

Какими сайтами пользуются?

Социальные сети – это зло или благо?

Действительно, феномен и проблематика интернет-пространства актуальна и многогранна, противоречива и интересна, вызывает неподдельный интерес, меняя социальное пространство.

Именно поэтому 21 ноября 2014 г. по инициативе Института социологии НАН Беларуси и кафедры экономической социологии Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета была проведена Международная научно-практическая конференция «Социальное пространство Интернета: перспективы экономсоциологических исследований».

Для того чтобы конференция была действительно интересной и актуальной, было решено переориентировать ее формат и собрать в рамках одной интеллектуальной площадки академических ученых, экспертов-практиков, представляющих ведущие белорусские и международные компании, работающие в интернет-пространстве, и представителей молодежной студенческой аудитории.

Открыл конференцию директор Института социологии НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор Игорь Васильевич Котляров.

С приветственным словом перед участниками конференции от имени Национальной академии наук Беларуси выступил первый заместитель Председателя Президиума НАН Беларуси, академик, доктор технических наук, профессор Сергей Антонович Чижик. В своем приветствии он акцентировал внимание на том, что Интернет сегодня стремительно меняет социальное пространство и социальное время, жизнь и мышление целых поколений, предоставляет нам множество технических и социальных возможностей и одновременно ставит вызовы, проблемы выбора и ответственности, требующие изучения и осмысления учеными.

На современном этапе ученые Национальной академии наук Беларуси осуществляют сотрудничество по разработке современных информационно-коммуникационных технологий с ведущими мировыми компаниями, активно развивается Парк высоких технологий, чьи компании-резиденты становятся лидерами по производству программного обеспечения, компьютерных игр, IT-услуг и программных продуктов. Активизировалось в Беларуси и изучение социальных аспектов Интернета, проводятся социологические исследования

по изучению интернет-пользователей, трансформации досуговой деятельности в онлайн-пространстве, общественного мнения о социальных сетях, компьютерных играх и сетевой экономике.

С приветственным словом от имени Белорусского государственного университета выступила заведующая кафедрой экономической социологии Института социально-гуманитарного образования, кандидат социологических наук, доцент Светлана Павловна Романова. Она подчеркнула, что новые задачи, стоящие перед системой образования, порождают новые требования к содержанию и форме организации образовательного процесса. В Республике Беларусь за последние годы была осуществлена серия инновационных преобразований в системе высшего образования: введение системы двухступенчатого высшего образования, использование дисциплинарно-модульной системы, введение системы менеджмента качества в вузах, открытие практико-ориентированных магистратур на II ступени высшего образования.

Однако действительно квалифицированного и востребованного на рынке специалиста мы должны подготовить уже на I ступени высшего образования. Поэтому практико-ориентированный компонент уже сегодня внедряется в процесс обучения посредством организации работы филиалов кафедр на базе научных и производственных организаций.

В связи с этим 22.02.2013 г. УО «Белорусский государственный экономический университет» в лице ректора Владимира Николаевича Шимова и ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в лице директора Игоря Васильевича Котлярова заключили Соглашение о сотрудничестве и совместной деятельности.

В рамках развития сотрудничества Приказом № 206а от 13.03.2013 г. ректора УО «Белорусский государственный экономический университет» В. Н. Шимова и Приказом № 18 от 13.03.2013 г. директора ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» И. В. Котляровым утверждено Положение о филиале кафедры экономической социологии УО «Белорусский государственный экономический университет» на базе ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси».

Филиал кафедры на базе ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» создан в целях укрепления связей УО «Белорусский государственный экономический университет» с производством и усиления практической направленности подготовки специалистов по специальности 1-23 01 05 «Социология», закрепления теоретических и практических знаний, профессиональных компетенций студентов, использования научно-производственной базы для осуществления научно-исследовательских работ.

Прошедший с момента подписания год показал, что практико-ориентированные направления обучения и сотрудничества востребованы и дают реальные результаты.

В рамках работы филиала кафедры экономической социологии осуществляется не только согласование учебно-программной документации, выпол-

нение курсовых и дипломных работ по тематике организации и повышение квалификации профессорско-преподавательского состава кафедры, но и практико-ориентированная подготовка студентов. Студенты кафедры посещают методологические семинары Института социологии НАН Беларуси, проходят производственную практику на базе Института, участвуют в социологических исследованиях.

В 2013 г. на базе ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» впервые была проведена сателлитная молодежная конференция кафедры экономической социологии «Социальное знание и современные проблемы развития белорусского общества», по итогам работы которой вышел сборник материалов, содержащий раздел с тезисами студенческих выступлений.

В рамках пленарного заседания выступили: директор Института социологии НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор Игорь Васильевич Котляров с докладом «Интернет и традиционные средства массовой информации: кто победит (сравнительный анализ)»; генеральный директор TUT.BY Александр Владимирович Чекан с докладом «Интернет в Беларуси: цифры и факты»; заведующая отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор Галина Николаевна Соколова с докладом «Роль сетевых структур в мире труда и капитала: XXI век»; заведующая кафедрой социальной коммуникации Белорусского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент Ольга Викентовна Терещенко с докладом «Третий кризис количественной методологии?»; руководитель отдела исследований аудитории Wargaming.net компании Wargaming Светлана Валерьевна Половинкина с докладом «О чем говорит игрок: опросы как инструмент принятия решений»; начальник отдела по работе с розничными сетями компании Nielsen Валентин Валентинович Соколовский с докладом «Индекс уверенности потребителя в разных странах мира: особенности и ограничения при онлайн-опросах».

Работа конференции осуществлялась по четырем тематическим направлениям:

1. *Онлайн-исследования в социологии и маркетинге.* В рамках работы секции были рассмотрены проблемы и перспективы развития методологии таких исследований, проведения онлайн-опросов и организации онлайн-панелей, репрезентативности выборок в онлайн-исследованиях, получение маркетинговой информации посредством Интернета, динамики прироста интернет-пользователей в Беларуси и Польше по данным социологических исследований.

2. *Компьютерные игры как социокультурный феномен.* В рамках работы секции были рассмотрены такие актуальные направления, как социология киберспорта, гендерных характеристик игровой онлайн-индустрии, результаты республиканских социологических исследований по изучению общественного мнения о компьютерных играх, выявлению стереотипов мышления

и мифов о компьютерных играх, рейтинга компьютерных игр и дифференциации по жанрам.

3. *Социальные сети и сетевые сообщества.* В рамках работы секции был рассмотрен феномен социальных сетей, процессы социализации молодежи и подростков в современных информационных условиях, проблемы информационной и национальной безопасности, роль интернет-сообществ и сетевых экспертных сообществ в сфере образования, экономики, процессах трудоустройства и коммуникации.

4. *Сетевая экономика: труд, занятость, потребление.* В рамках работы секции был рассмотрены феномен электронной экономики и рунета в качестве сетевой империи 2.0, модели института государственных закупок, co-working как новое социальное явление, влияние Интернета на формирование новых форм экономической активности, человекоразмерность технологий XXI в., социальное пространство потребителя в информационном обществе и ряд других направлений.

По итогам конференции вышел сборник материалов: Социальное пространство Интернета: перспективы экономсоциологических исследований : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 21 нояб. 2014 г. / Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси ; кафедра экон. социологии Белорус. гос. экон. ун-та ; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2014. – 212 с.

Электронная версия сборника размещена на сайте Института социологии НАН Беларуси по ссылке http://socio.bas-net.by/newsdetailed.php?id=225.

Старший научный сотрудник отдела
экономической социологии и социальной демографии,
кандидат социологических наук, доцент Н. Н. Сечко

Научное издание

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Основан в 2010 году

Выпуск 6

Редактор *М. И. Ременица*

Художественный редактор *Т. Д. Царева*

Технический редактор *О. А. Толстая*

Компьютерная верстка *М. Э. Маляревич*

Подписано в печать 24.02.2015. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 46,31. Уч.-изд. л. 37,2. Тираж 120 экз. Заказ 31.

Издатель и полиграфическое оформление:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.